

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы
(П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ
К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
И. С. ТУРГЕНЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« НАУКА »
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1969

Редакционная коллегия:

М. П. Алексеев (главный редактор), *А. С. Бушмин*,
Н. В. Измайлов, *Ю. Г. Оксман*

Редакторы V сборника:

М. П. Алексеев, *Н. В. Измайлов*

7-2-2

16—БЗ—43—68

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к изданию первого академического «Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева» в двух сериях, Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР отдавал себе полный отчет в том, какие трудности нужно преодолеть редакционной коллегии, чтобы осуществление данного издания шло в полном соответствии с теми задачами, которые она ставила перед собой. По мысли редакционной коллегии, поддержанной издательством «Наука», существенным подспорьем при преодолении этих трудностей должны были служить специальные «Тургеневские сборники», подзаголовок которых ясно свидетельствовал бы о цели издания: «Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева». Эти сборники литературных материалов об И. С. Тургеневе и его творчестве выходили в свет по мере надобности, параллельно с выпускаемыми томами «Полного собрания», дополняя их и оказывая помощь при подготовке очередных томов сочинений и писем Тургенева. Как указывалось в предисловии к I сборнику в серии задуманных «Тургеневских сборников», являвшихся своего рода «спутниками» многотомного издания, предполагалось публиковать все то, что не могло войти — по тем или иным причинам — в это издание, а также то, что не получило надлежащего освещения в его комментариях или представляло дополнительные данные для дальнейшего истолкования опубликованных в нем текстов.

Указанные задачи до известной степени были выполнены в серии сборников, вышедших за последние годы. Первый «Тургеневский сборник» был издан в 1964 г., второй — в 1966 г., третий — в 1967 г., четвертый — в 1968 г. Настоящий, пятый, сборник завершает серию Тургеневских сборников, совпадая с выходом в свет последних томов «Полного собрания сочинений и писем», приуроченных к исполнившемуся в 1968 году 150-летию со дня рождения Тургенева.

Следует, впрочем, отметить, что не все задачи, которые ставила перед собой редакционная коллегия «Тургеневских сборников», могли быть выполнены своевременно и полностью. В редакционном портфеле издания осталось большое количество материалов, которые не могли быть подготовлены к печати и потребуют еще дополнительных разысканий. В особенности это следует сказать относительно текстов самого Тургенева, и прежде всего его

писем: значительная их часть все еще находится в руках частных лиц, всячески препятствующих их публикации. Мы можем, однако, надеяться, что после 150-летия со дня рождения Тургенева, несомненно, появятся новые данные о великом писателе и станут лучше известны все относящиеся к нему неопубликованные рукописные материалы, что позволит пополнить «Полное собрание» его сочинений и писем и обогатит новыми данными истолкование его произведений.

Редакционная коллегия оставляет за собой право подготовить к изданию новую серию «Тургеневских сборников» по измененному плану, в которых смогут найти свое место не вошедшие в «Полное собрание сочинений и писем» переводы Тургенева на французский язык и другие тексты, вновь обнаруженные его письма, письма к нему и о нем и т. д.

Настоящий, пятый, сборник по своему характеру, построению и составу вполне соответствует всем прежде изданным сборникам. В первом его отделе («Тексты») печатаются черновые тексты «Дневника лишнего человека», «Призраков» и «Степного короля Лира». В отделе «Материалы и комментарии к произведениям Тургенева», как и в предшествующих сборниках, сосредоточены различные данные (в том числе архивного характера), содействующие лучшему пониманию различных его произведений — от ранних поэм до последних романов и «Стихотворений в прозе». «Лексикологические заметки к текстам Тургенева» продолжают ту серию заметок, которая начата была в III сборнике. В двух последних разделах сборника, как и прежде, сосредоточены дополнительные комментарии к письмам Тургенева и биографические материалы о писателе, а также письма к нему и о нем.

Участниками сборника, авторами статей и публикаторами являются сотрудники Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, а также исследователи Тургенева из Ленинграда, Москвы, Орла, Саратова, Парижа, Берлина (ГДР).

Редакторы сборника — М. П. Алексеев и Н. В. Измайлов. Сборник к печати подготовила Н. Н. Мостовская.

Т Е К С Т Ы

«ДНЕВНИК ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА». ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ

Тетрадь с черновым автографом повести хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. 795, И. С. Тургенев, № 20, лл. 1—31, 59 страниц авторской пагинации; см.: ГПБ, Описание; Сочинения, т. V, стр. 578—583). Воспроизведение двух листов автографа (2 и 6) см.: Сочинения, т. V, стр. 179 и 223.

На заглавном листе (л. 1, см. его воспроизведение: Сочинения, т. III, стр. 289) написано:

ДНЕВНИК ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА

Я должен отправить этот Дневник лишнего человека Краевскому через 15 дней — считая от $\frac{25 \text{ Дек} \langle \text{абр} \rangle}{13\text{-го Дек} \langle \text{абр} \rangle}$, то есть $\frac{10 \text{ янв} \langle \text{ар} \rangle \text{ н. с.}}{29\text{-го Дек} \langle \text{абр} \rangle \text{ ст. ст.}}$ — он получит его $\frac{20\text{-го}}{8\text{-го}}$ янв .

Далее следует подневная запись о ходе работы над окончанием повести:

	Comp \langle osé \rangle	Cor \langle ié		Comp \langle osé \rangle	Cor \langle ié \rangle
29 D \langle écembre	4 —	»	9	— » —	»
30	3 —	»	10	— » —	»
31	» —	»	11	— $5\frac{1}{2}$ —	»
1 Jan \langle vier	— » —	»	12	— $7\frac{1}{2}$ —	»
2	1 —	»	13	— $2\frac{1}{2}$ —	»
3	— » —	»	14	— $8\frac{1}{2}$ —	»
4	— » —	»	× 15	— 1 et la fin —	$3\frac{3}{4}$
5	— » —	»	× 16	—	
6	— » —	»	× 17	—	
7	— » —	»	× 18	—	
8	— » —	»			

Первая запись сделана в день отправки А. А. Краевскому письма с обещанием выслать окончание «Дневника лишнего человека» «через две недели». Часть рукописи, «переписанную треть», Тургенев выслал ему с этим же письмом. Очевидно, для самоконтроля Тургенев начиная с 17 (29) декабря 1849 г. отмечал каждый день на заглавном листе тетради, сколько страниц им сочинено («composé») и сколько переписано («scorié»), — эти цифры и составили вторую запись, охватывающую время с 29 декабря 1849 г. по 15 января 1850 г. (обе даты по новому стилю). Тут же записано общее количество страниц чернового текста повести вместе с той ее частью, которая была раньше отослана Краевскому:

$$\begin{array}{r} 32 \\ \underline{25} \\ \underline{57} \\ 59^1 \end{array}$$

В левой нижней части заглавного листа дан перечень написанных, начатых и задуманных пьес — см.: *Сочинения*, т. III, стр. 290.

На обороте второго листа автографа (стр. 2 авторской пагинации) на полях запись автобиографического содержания, в которой указаны места пребывания Тургенева на 1 января каждого года с 1829 по 1850 г. с краткими сведениями о некоторых событиях его жизни за этот период (см.: *Сочинения*, т. XV). Эта запись представляет собой первоначальный набросок автобиографического конспекта «Меморпал», текст которого впервые опубликован в «Литературном наследстве» «Из парижского архива И. С. Тургенева» (т. 73, кн. 1, стр. 339—345).

А. Н. Дубовиков

Основной текст ²

Черновой автограф

20 марта 18... года. (178, 2)

20 марта 184. года.

куда? бог весть! (178, 6—7)

*Подчеркнуто карандашом.*³

не смешно ли (178, 8)

Подчеркнуто карандашом.

говорят, всё пустяки — да; но в таком случае и сама вечность — пустяки. (178, 11—13)

Подчеркнуто карандашом.

уж не трушу ли я? (178, 14)

Подчеркнуто карандашом.

на дворе сыро, ветрено, — (178, 15)

на дворе сыро, тепло, ветрено...

¹ Рядом со второй записью проставлены две даты, значение которых неясно:

6-го янв<аря>
16-го янв<аря>.

² Текст приводится по изданию: *Сочинения*, т. V (с указанием в скобках страниц и строк).

³ Здесь и ниже подчеркиванием (или знаком NB на полях) отмечены места, исключенные цензурой в журнальном тексте (ОЗ).

О своих болезнях порядочный человек не говорит; (178, 16—17)

рассуждения о предметах возвышенных — (178, 18—19)

мне не под силу; (178, 19)

описания окружающего меня быта — даже меня занять не могут; а ничего не делать — скучно; читать — лень. (178, 19—21)

Э! расскажу-ка я самому себе всю свою жизнь. (178, 21—22)

Начинаю. (178, 23)

был страстный игрок; (178, 25)

была дама с характером. . . очень добродетельная дама. (178, 26—27)

которой бы добродетель доставила меньше удовольствия. (178, 27—28)

и мучила всех, (178, 29)

В течение пятидесяти лет своей жизни (178, 30—180, 1)

не сложила рук; (180, 1)

она вечно копошилась (180, 1—2)

и без всякой пользы, чего нельзя сказать о муравье. (180, 2—3)

Один только раз (180, 4)

а именно: в первый день (180, 5—6)

О [болезни] своей болезни порядочный человек не говорит;

[всеобщие] рассуждения всеобщие

Далее начато: пуститься в психологию

Вписано.

Э! расскажу я сам себе свою жизнь.

Начато: Итак

Начато: был слабый

была женщина с характером — очень добродетельная.

а. к которой добродетель меньше пристала. *б.* которой добродетель доставила меньше удовольствия

и страшно мучила всех

В течение [шестидесяти] пятидесяти лет ее жизни

не сложила руки, не дала *не закончено*

она копошилась

а. совершенно, впрочем, бесполезно, чего нельзя сказать о муравье. *б.* и совершенно безо всякой пользы, чего никак нельзя сказать о муравье.

Начато: В первый [раз] раз

в первый день

с полуоткрытых губ, с опавших щек и кротко-неподвижных глаз словно веяло словами: (180, 8—9)

Как хорошо не шевелиться! (180, 9—10)

Да, хорошо, (180, 10)

Рос я дурно и невесело. (180, 13)

Отец и мать оба меня любили; (180, 13—14)

Отец не имел в собственном доме никакой власти (180, 14—15)

как человек, явно преданный (180, 15—16)

он сознавал свое падение и, не имея силы отстать (180, 17—18)

своим постоянно ласковым и скромным видом, своим уклончивым смирением (180, 19—20)

своей примерной жены. (180, 20—21)

переносила свое несчастье (180, 21—22)

Она никогда ни в чем отца моего не упрекала, (180, 24—25)

отдавала ему свои последние деньги (180, 25)

и ласкал меня украдкой, (180, 27)

как бы сам боясь заразить меня (180, 27—28)

а. полуоткрытые бледные губы словно шептали: *б.* с полуоткрытых, бледных губ словно веяло словами:

Начато: Как хорошо наконец! *На полях написано и зачеркнуто:* ах наконец

а. Как в тексте. *б.* Да она была права, хорошо,

Я [рос] провел мое детство очень дурно.

Отец и мать меня любили—

а. Начато: Отец [редко] не имел дом<а> *б.* Отец не имел в доме никакой власти

Начато: как человек, заклеянный

а. Начато: сознающий свое падение и лишенный *б.* он сознавал свое падение и, решительно не имея силы отстать

своим [сми<ренным>] скромным видом, уклончивостью и постоянной готовностью

а. своей добродетельной жены. *б.* своей во всех отношениях примерной жены.

переносила свое так называемое «несчастье»

Начато: Она никогда ни в чем ему не

отдавала ему свои деньги

и видел меня и ласкал меня украдкой,

Начато: как бы сам сознавая свое

на его губах (180, 30)

такой трогательной улыбкой,
(180, 30—31)

карие глаза (180, 32)

прижимался моей щекой к его
щеке, сырой и теплой от слез.
(180, 33—34)

Я утирал моим платком эти
слезы, и они снова текли, без
усилия, словно вода из пере-
полненного стакана. Я при-
нимался плакать сам, и он
утешал меня, гладил меня ру-
кой по спине, целовал меня
по всему лицу своими дрожа-
щими губами. (180, 34—38)

с лишком двадцать лет (180,
38—39)

когда я вспоминаю о бедном
моем отце, (180, 39—40)

томится таким тоскливым сожа-
лением, (181, 2)

В детских книгах часто встре-
чаются такие матери, нраво-

на его бледных губах

такой любящей улыбкой, сквозь
<не закончено>

а. карие его глазки б. карие
его глаза \diamond

а. прижимался всей головой
к его груди и лицом к его щеке,
еще сырой и теплой от слез
б. прижимался всем телом к его
груди, всем лицом к его щеке,
[часто] сырой и теплой от слез
в. прижимался [головой к его
груди] моей щекой к его щеке,
часто сырой и теплой от слез \diamond

а. и утирал их ему и плакал
сам. . . б. и утирал их ему
платком и плакал сам. . . в. Я
утирал бедному отцу эти слезы,
и они снова текли [и я плакал
сам]. Я принимался плакать
сам — и он ласкал меня, гладил
меня рукой по спине, целовал
меня в глаза своими дрожа-
щими губами. г. Я утирал моим
платком отцу эти слезы, и они
снова текли, текли без усилия
[без конца], словно вода из пере-
полненного стакана. Я при-
нимался плакать сам — и он
утешал меня, гладил меня ру-
кой по спине, целовал меня
по всему лицу своими дрожа-
щими губами. \diamond

а. двадцать лет б. 15 лет

когда я вспоминаю о нем,

а. томится неизъяснимым со-
жаленьем б. томится таким [не-
изъяснимым] тоскующим со-
жаленьем

В [детских] книгах, писанных
для детей, находим мы таких

учительные и справедливые. (181, 5—7)	матерей, правоучительных, справедливых и очень добро- детельных.
я чуждался моей добродетель- ной матери (181, 7—8)	я не любил мою добродетельную мать
Начало есть, (181, 10)	Начало сделано —
солнце весело играет (181, 14— 15)	солнце играет
воробьи, как сумасшедшие, кри- чат около отпотевших, темных заборов; (181, 16—17)	воробьи кричат [как] [на за- боре] около заборов;
раздражает мне грудь. (181, 18)	раздражает мою грудь. ♦
вышел неспособным (181, 20— 21)	я вышел неспособным ♦
воробей с растопыренными крыльями; (181, 22)	воробей с растопыренными кры- лами и хвостом;
дышит здоровьем и силой. . . (181, 24)	дышит здоровьем и самоуверен- ной силой. . .
и имеет право кричать и еро- шиться; (181, 25—26)	имеет право жить;
и должен умереть — (181, 26— 27)	и умираю
А слезливые обращения к при- роде уморительно смешны. (181, 28—29)	<i>Вписано; начало фразы подчер- кнуто карандашом, на полях знак NB.</i>
Да и чем бы стала заниматься (181, 32)	<i>а. Чем бы занялась б. Чем бы могла заняться</i>
На то и дети, чтобы родители не скучали. (181, 33—34)	<i>Вписано; эта фраза (и преды- дущая) отчеркнута на полях карандашом.</i>
Были у меня гувернеры и учи- теля, как водится; (181, 35—36)	Были у меня гувернеры и учи- теля;
один худосочный и слезливый немец, (181, 37—38)	чахоточный и слезливый немец
и судьбою пришибенное су- щество, (181, 38—39)	<i>а. и убитое существо, б. и судьбою пришибенное су- щество, ♦</i>

бесплодно сгоравшее томительной тоской по далекой родине. (181, 39—182, 1)

Бывало, возле печки, в страшной духоте тесной передней, насквозь пропитанной кислым запахом старого кваса, сидит небритый мой дядька Василий, по прозвищу Гусыня, (182, 1—4)

в вековечном своем казакине из синей дерюги, — (182, 4—5)

сидит и играет в свои козыри (182, 5—6)

с кучером Потапом, (182, 6)

и несокрушимые смазные сапоги, — (182, 7—8)

После смерти отца (182, 13)

Мне было тогда 12 лет. (182, 14)

как обыкновенно спят все дети; (182, 16)

мерное храпенье. (182, 17—18)

Вдруг я чувствую: (182, 18)

передо мной дядька. (182, 19)

Я, как сумасшедший, из постели вон — в спальню. (182, 21—22)

Гляжу: отец лежит (182, 22)

бесплодно сгоравшее тоской по родине. . .

а. Бывало, за перегородкой, возле печки, в страшной духоте тесной передней, дядька мой Василий *б.* Бывало, возле печки, в страшной духоте тесной передней, [не без удовольствия <нрзб.>] пропитанной крепким запахом старого кваса, сидит небритый дядька мой Василий, по прозвищу Гусыня,

в казакине [синей] из синей дерюги, изумительно побелевшем по всем швам

играет в свои козыри

а. Как в тексте. *б.* Начато: с касавшимся до

Вписано.

а. Начато: В деревне был у нас *б.* После смерти отца моего ♡

Мне было тогда 10 лет.

а. как все спят дети *б.* как всегда все дети—

мерное хрипение— ♡

а. Как в тексте. *б.* как вдруг я чувствую

а. передо мной мой дядька в рубашке *б.* передо мной мой дядька. ♡

а. Я вскочил, как сумасшедший, бросился к отцу в отдельную спальню. *б.* Начато: Я, как сумасшедший, вон из

а. Начато: Отец *б.* Гляжу: отец мой лежит на постели,

весь красный, и мучительно хрипит. (182, 23)

В дверях толкутся люди (182, 23—24)

кто-то сильным голосом спрашивает: «Послали за доктором?» (182, 24—25)

На дворе лошадь выводят из конюшни, ворота скрипят, саленная свечка горит в комнате на полу; (182, 26—27)

не теряя, впрочем, ни приличия, ни сознания собственного достоинства. (182, 28—29)

обнял его, залепетал: «Папаша, папаша. . .» (182, 30)

Он лежал неподвижно и как-то странно щурился. (182, 30—31)

Я взглянул ему в лицо — (182, 31—32)

как грубо схваченная птичка, — (182, 33)

а. красный и мучительно хрипит *б.* красный и мучительно сопит

а. Начато: Маменька вся растрепанная *б.* В дверях полуодетые девки *в.* В дверях толкутся полуодетые девки ◊

а. кричат: «За доктором! за доктором — воды *б.* кто-то спрашивает: «Послали за доктором?» *в.* кто-то хрипло спрашивает: «Послали за доктором?»

Вписано.

а. не теряя, впрочем, чувства собственного достоинства *б.* не теряя, впрочем, [ни строгого ви<да>] ни приличия, ни чувства собственного достоинства. *в.* не теряя, впрочем, ни чувства приличия, ни сознания собственного достоинства ◊

а. Начато: и [зарыдал во] начал его звать, зарыдал и лишился *б.* и начал обнимать его, звать. . . *в.* обнял его, залепетал [отчаянно] со всем страстным упорством отчаянья: «Папаша, п<апаш>а»

а. Он лежал недвижно и бессмысленно щурился и словно захлебывался. *б.* Он лежал недвижно и бессмысленно щурился. ◊ *Вписано.*

Вписано.

как пойманная птица <слово: пойманная подчеркнуто карандашом, на полях NB>

так горячо и так уныло (182, 35)

заспанного и шершавого доктора, (183, 1—2)

с крепким запахом зорной водки. (183, 2)

я, совершенно поглупевший от горя, (183, 3—4)

лежал покойник, (183, 5)

и бессмысленно слушал густой напев дьячка, изредка прерываемый слабым голосом священника; (183, 5—7)

я глядел неотступно, я внимательно глядел на неподвижное лицо отца, словно ждал от него чего-то; (183, 9—11)

а матушка моя между тем (183, 11)

к плечам и животу. (183, 13—14)

Ни одной мысли у меня не было в голове; я весь отяжелел, но чувствовал, (183, 14—15)

что со мною совершается что-то страшное. . . (183, 15—16)

Смерть мне тогда заглянула в лицо (183, 16—17)

так-таки решительно всё, (183, 20)

так горячо, так страстно

заспанного доктора

с крепким запахом [романей] водки. . .

я, заплаканный и поглупевший от горя *«слово: поглупевший подчеркнута карандашом, на полях — NB»*

лежал мой отец,

а. и слушал [молитвы священника] [молитвы] густой напев дьячка. *б.* и бессмысленно слушал густой напев дьячка, изредка прерываемый слабым и носовым голосом священника. ◊

я глядел [на все] глядел на отца, словно приставал к нему — словно ждал от него чего-то —

а. а мать моя *б.* а мать моя между тем

а. к плечам и к желудку *б.* к плечам и к животу ◊

а. Я ничего не понимал, но я чувствовал, *б.* Ни одной мысли у меня не было в голове — я весь отяжелел [и одурел], но я чувствовал, ◊

что и со мной что-то [совершается страшное] страшное совершается. . . ◊

а. Как в тексте. *б.* [Должно быть] Слово смерть мне тогда заглянула в лицо

так-таки решительно всё, ◊

в которой я теперь вот дожи-
ваю (183, 21—22)

был тогда молод, (183, 23)

то есть по-настоящему я гру-
стил только об одном нашем
саде. (183, 24—25)

С этим садом связаны почти
единственные мои светлые вос-
поминания; (183, 25—26)

тихий весенний вечер (183, 27)

старую собаку с кудым хвостом
и кривыми лапками — Триксу;
(183, 28—29)

там, бывало, спрятавшись в вы-
сокую траву, я ел краденые
яблоки, (183, 29—30)

красные, сладкие (183, 30)

между кустами спелой малины
(183, 32)

горничную Клавдию, которая
(183, 32—33)

такую нежную страсть, (183,
34—35)

едва дышал, замирал и без-
молвствовал, а однажды, (183,
35—36)

а. где я теперь доживаю б. где
вот я теперь доживаю

был тогда еще молод, ♪

сад у нас был там очень хорош.

В этом саду остались почти
[все] единственные светлые вос-
поминанья; там росла молодая
стройная липа, в которую я
до того влюбился, что ходил
ночью, при лунном свете, ук-
радкой [целовать ее ствол] [об-
нимать и целовать ее ствол]
обнимать ее;

тихий весенний день

а. старую собаку [по пр<о-
званию?>] Трикса, который
умел внушить мне такую
почтительную нежность, что я
каждое утро [с до < . . . >] раз-
говаривал с ним, всегда сни-
мая свой картуз; б. старую
собаку с кудым хвостом и кривы-
ми лапками, по имени Трикса;

там, бывало, [под] [где-нибудь]
забившись под кустом, я ел
краденые яблоки <Против
этих строк на полях — NB>

красненькие, сладкие

Вписано.

а. Как в тексте. б. горничную
Клавдию. Эта девица

Начато: такую восторжен-
н<ую>

а. едва [удерживался] дышал
и весь разгорался [как] и
таял; [помнится она] и однажды,
б. едва дышал, замирал и без-

молвствовал и весь разгорался
и однажды, \diamond

в светлое воскресенье, когда
дошла до нее очередь прило-
житься к моей барской ручке,
(183, 36—38)

Неужели ж этому всему двад-
цать лет? Кажется, давно ли
еду я (183, 39—40)

на моей рыженькой косматой
лошадке (183, 40—184, 1)

срываю двухцветные листья
тополей? (184, 2—3)

своей собственной жизни (184,
4)

спустя несколько времени.
(184, 5)

О мой сад, о заросшие дорожки
возле мелкого пруда! (184,
6—7)

высокие березы, с длинными
висячими ветками, (184,
8—9)

с проселочной дороги, бывало,
неслась (184, 9—10)

неровно прерываемая (184,
10—11)

Я бы хотел (184, 13)

в светлое воскресенье *этой*
и следующая за ней строка от-
черкнута карандашом, на по-
лях NB

а. давно ли я, кажется,
б. Неужели всему этому
[тридцать] уже 20 лет?
давно ли, кажется, еду я \diamond

на своей рыженькой [лошад-
ке] косматой лошадке \diamond

а. срываю листья серебристых
тополей? *б.* срываю серебристые
листья тополей? *в.* срываю
двухцветные листья серебри-
стых тополей?

своей жизни

спустя некоторое время

а. Начато: О сад, о вы
б. О мой сад, о заросшие до-
рожки возле пруда,

а. старые березы с вороньими
гнездами, *б.* высокие березы,
с длинными [длинными], тон-
кими ветками, *в.* высокие бе-
резы с вороньими гнездами, \diamond

а. с проселочной дороги
[иногда мне] [часто], бывало не-
слась *б. Начато:* с проселоч-
ной пыльной

а. прерываемая *б.* неровно пе-
рерываемая \diamond

а. Как в тексте. *б.* Ах, да!
Я бы хотел *в. Как в тексте.*
г. Как б. \diamond

надышаться горькой све-
жестью полыни, сладким за-
пахом сжатой гречихи на по-
лях моей родины; (184, 13—15)

услышать издали (184, 16)

надтреснутого колокола (184,
16—17)

полежать в прохладной тени
под дубовым кустом на скате
знакомого оврага; (184, 17—19)

проводить глазами подвижный
след ветра, темной струю бе-
гущего по золотистой траве
нашего луга. . . (184, 19—21)

Чувствительные излияния —
словно солодковый корень:
сперва пососешь — как будто
недурно, а потом очень скверно
станет во рту. (184, 29—31)

точно ли стоит рассказывать
мою жизнь? (184, 34—35)

ничем не отличалась (184,
36—37)

служение в низменных чинах,

а. [вдохнуть] надышаться
[горьким запа<хом>] [го-
речью] горькой свежестью по-
лыни, [осен<ним>] сладким
запахом сжатого хлеба на по-
лях моей родины; *б.* надышаться
горькой свежестью полыни,
сладким запахом [васильков,
сжатых вместе с спелой рожью]
сжатой спелой пшеницы на по-
лях моей родины;

услышать

надтреснувшего колокола[♦]

полежать в тени на скате оврага
[за овином]

а. взглянуть на [широкий луг,
темный] след ветра, полоскою
бегущего по широкому лугу,
залитому солнцем. . . *б. Начато:*
взглянуть на темную струю
<нрзб.> *в. Начато:* в пол-
день с холма увидеть темную
струю [<нрзб.>] на светлом
луге <?> *г.* проводить гла-
зами подвижный [темный] след
летнего [струистого] ветра, тем-
ной струю бегущего по [свет-
лому лугу] золотистой, горячей
траве <нрзб.> нашего луга. . .

Вписано.

стоит ли подробно [расск<азы-
вать>] распространяться на-
счет того, как я развивался?

не отличалась.

служба, отставка <слова:

отставка, (184, 38—39)

чистенькая бедность, скромные удовольствия, смиренные занятия, умеренные желанья — скажите на милость кому не известно всё это? (184, 39—185, 3)

тем более что пишу (185, 4)

а коли мое прошедшее даже мне самому не представляет ничего ни слишком веселого, ни даже слишком печального, стало быть, в нем точно нет ничего достойного внимания. (185, 5—8)

Мне могут заметить, (185, 10)

что и этого никто не спрашивает, — (185, 10—11)

а перед смертью, право, кажется, простительно желание узнать, что, дескать, я был за птица? (185, 12—14)

в низменных чинах *подчеркнуты карандашом, на полях* — №

а. [редкие появле<ния>] [смиренные желанья] [смиренные] скромные удовольствия, смиренные занятия, робкие попытки заглянуть куда-нибудь [повыше да поглубже] то повыше, то поглубже — читатель, кому не известно всё, таки решительно всё, что заключают эти слова? б. чистенькая бедность, скромные удовольствия, смиренные занятия, умеренные желанья [маленькие] — скажите на милость, кому не известна вся, таки решительно вся эта дребедень? ♦

тем более что я пишу ♦

а. *Начато*: а коли мое прошедшее меня самого не [радует и не печалит] занимает б. а коли мое прошедшее мне самому не [слишком] представляет ничего [ни особенно занимательного] ни веселого, ни даже слишком печального, словом ничего особенно занимательного — стало быть, в нем точно уже нет ничего замечательного.

а. Скажут б. *Начато*: Мне возра<зят> в. Могут заметить

что и этого никакой чёт не спрашивает ♦

а. а перед смертью [позво<лительно >], право, кажется, позволительно желать узнать, что, дескать, [ка<кая>] [я бы<ла>] какая я была птица?.. Вы видите, что я уже второй де<нь> б. а перед смертью, право, кажется, [можно допустить]

Обдумав хорошенько этот важный вопрос (185, 15)

и не имея, впрочем, никакой нужды (185, 15—16)

я должен сознаться в одном: я был (185, 18—19)

потому что я сегодня кашляю, как старая овца, (185, 21—22)

и моя нянюшка, Терентьевна, не дает мне покоя: «Лягте, дескать, батюшка вы мой, да напейтесь чайку. . .» Я знаю, зачем она ко мне пристает: ей самой хочется чаю. Что ж! пожалуй! (195, 22—25)

Отчего не позволить бедной старухе извлечь напоследях всю возможную пользу из своего барина? . . . Пока еще время не ушло. (185, 25—28)

Опять зима. Снег валит хлопьями. (185, 30)

Лишний, лишний. . . Отличное это придумал я слово. (185, 31)

Чем глубже я вникаю (185, 32)

чем внимательнее рассматриваю всю свою прошедшую жизнь, (185, 32—33)

убеждаюсь в строгой истине этого выраженья. (185, 34)

К другим людям это слово не применяется. . . (185, 35—36)

простительно желание узнать, что, дескать, какая я была птица? . . . ♦

Обдумавши хорошенько этот [вопрос] важный вопрос ♦

Начато: я должен сознаться в одном

а. Как в тексте. б. должен сознаться в одном: я точно был

потому что [я] сегодня я кашляю, как [овца] старая овца ♦
Вписано.

Вписано.

Отчего не позволить напоследях [попытаться] извлечь бедной старухе — всю возможную пользу из своего барина. — Пока еще время не ушло. —
Вписано.

Вписано.

Лишний — лишний. Отличное это я придумал слово. ♦ *Вписано.*

Чем более я вникаю

чем внимательнее я рассматриваю свою прошедшую жизнь, ♦
Вписано.

убеждаюсь в [превосходной] математической точности этого выраженья.

а. Начато: Про [иного можно] одного человек^а б. Про других людей этого не ска-

Люди бывают (185, 36)

приятные и неприятные;
(185, 37)

То есть поймите меня: (185,
37—38)

и без этих людей (185, 38)

обойтись. . . конечно; но бес-
полезность — (185, 38—39)

и вам, когда вы говорите о них
(186, 1—2)

А я. . . про меня (186, 3)

Сверхштатный человек — вот и
всё. (186, 4—5)

На мое появление природа,
очевидно, не рассчитывала (186,
5—6)

и вследствие этого обошлась
со мной, как с неожиданным и
незванным гостем. (186, 6—7)

что моя матушка мною обрими-
зилась. (186, 8—9)

Я говорю теперь о самом себе
спокойно, без всякой желчи. . .
Дело прошлое! (186, 9—10)

ишь в. К другим людям оно
не применяется. [Про иного
скажешь: этот зол, про другого]

а. Начато: Они *б.* Бывают
люди

а. приятные, неприятные,
и то и другое вместе *б.* прият-
ные или неприятные

а. То есть *б.* То есть поймите
в. То есть я [объяснюсь]
объясняюсь *г.* Как *б.* ^д

и без них

а. обойтись, конечно. . . да
бесполезность *б.* обойтись. . . но
их бесполезность

Начато: и вы, говоря

Начато: А я. . . я

Сверхштатный — [бо(ль)ше?]
что будешь делать?

а. Начато: [Реши(тельно)]
На мое появление на жизнен-
ном пиру реши(тельно)
б. Начато: Моего появления
на жизненном пиру *в.* На мое
появление природа или Судь-
ба — [что хотите] назовите как
хотите — явно не рассчитывала. . .

и вследствие этого обошлась
со мной, как с неожиданным и
нежеланным гостем. ^д *Вписано.*

что я, родясь, поставил пер-
вый ремиз.

Я говорю о самом себе [безо
всякой едкости — *de mortuis*]
спокойно, безо всякой желчи —
дело прошлое! *Вписано.*

Во всё продолжение жизни я постоянно находил свое место занятым, (186, 10—12)

может быть, оттого, что искал (186, 12)

это место не там, где бы следовало. (186, 12—13)

Я был мнителен, застенчив, раздражителен, как все больные; (186, 13—14)

притом, вероятно, по причине излишнего самолюбия или вообще вследствие неудачного устройства моей особы, между моими чувствами и мыслями — и выражением этих чувств и мыслей — находилось какое-то бессмысленное, непонятное и непреодолимое препятствие; и когда я решался насильно победить это препятствие, сломить эту преграду — мои движения, выражение моего лица, всё мое существо принимало вид мучительного напряжения: (186, 14—22)

а. [Везде и <всегда>] Мое место на жизненном пиру [всегда] всякий раз было занято другим
б. [Везде и всегда я нахо<дил>] Во всё продолжение своей жизни я [всегда] постоянно находил свое место занятым — ◊
Вписано.

а. может быть, оттого, что я искал б. может быть, я искал, в. Оттого, что я искал г. *Как а.* ◊
Вписано.

это место не там, где бы следовало, может быть, выше, чем бы следовало, может быть, даже ниже. . . *Вписано.*

Я был самолюбив, застенчив, раздражителен, как все больные; *Вписано.*

а. от излишнего ли самолюбия, по другой какой-либо причине — вообще [неудачной] неудачного устройства всей моей «личности» — между моими чувствами и мыслями и [наружны<м>] выражением этих чувств и мыслей — словом, между моим внутренним [я] и наружным я — находилось какое-то непреодолимое препятствие — непонятная [как] преграда; и когда я [сил<ился>] [наильно] решался насильно победить, сломить [эту] это препятствие — преграду — я становился [не] натянутым б. притом, вероятно, по причине излишнего ли самолюбия, [или по другой какой-либо причине, не менее важной] или вообще неудачного устройства моей особы — между

моими чувствами и мыслями и [внешним] выражением чувств и мыслей находилось какое-то бессмысленное, непонятное и непреодолимое препятствие; и когда я решался насильно победить это, сломить это препятствие — преграду — [звук моего голоса], мои движения, выражение моего лица, всё мое существо принимало вид [невыносимого] мучительного напряжения, --- ♦ *Вписано.*

я не только казался — я действительно становился неестественным и натянутым. (186, 22—24)

Я сам это чувствовал и спешил опять уйти в себя. Тогда-то поднималась внутри меня страшная тревога. (186, 24—26)

Я разбирал самого себя до последней ниточки, сравнивал себя с другими, припоминал малейшие взгляды, улыбки, слова людей, (186, 26—28)

перед которыми хотел было развернуться, толковал всё в дурную сторону, язвительно смеялся над своим притязанием «быть, как все», — и вдруг, среди смеха, печально опускался весь, впадал в нелепое уныние, (186, 28—32)

а там опять принимался за прежнее, — (186, 32—33)

словом, вертелся, как белка в колесе. (186, 33)

[я казался] я становился неестественным. *Вписано.*

а. Я сам это чувствовал и спешил [нырнуть] опять уйти в себя — нырнуть — и тогда-то начинались у меня [возня] внутри возня. . . б. Я сам это чувствовал и спешил опять уйти в себя. Тогда-то поднималась внутри тревога. . . *Вписано.*

Я разбирал самого себя до последней ниточки, сравнивал себя с другими — [завидовал] припоминал малейшие взгляды, слова [моих] людей, *Вписано.*

перед которыми я хотел было развернуться, толковал все в дурную сторону, язвительно смеялся над самим собою — и вдруг, среди смеха, печально опускался весь и впадал в нелепое уныние, — ♦ *Вписано.*

а [потом] там опять принимался за старое, *Вписано.*

словом, как «нрзб.» больная птица *Вписано.*

Целые дни проходили в этой мучительной, бесплодной работе. (186, 33—34)

Ну, теперь скажите на милость, скажите сами, кому и на что такой человек нужен? (186, 34—36)

Отчего это со мной происходило, какая причина этой кропотливой возни с самим собою (186, 36—38)

кто знает? кто скажет? (186, 38)

ехал я из Москвы (186, 39)

Дорога была хороша, (186, 40)

пятая; вовсе бесполезная лошадь, (187, 1—2)

кое-как привязанная к передку толстой, короткой веревкой, которая немилосердно режет ей ляжку, (187, 2—4)

заставляет ее бежать самым

Боже мой! Дни проходили в этой мучительной, бесплодной работе. *Вписано.*

а. Начато: Нельзя себе представить, какой я был *б.* Кому такой человек нужен, скажите на милость? *в.* Ну, теперь скажите сами, кому и на что такой человек нужен? *г. Вписано.*

Начато: Отчего это [я таким] со мной происходило, [какие причины могли способствовать к такому] где искать *Вписано.*

*а. кто знает? А может быть — я не столько сам виноват, сколько. . . Э! да я, кажется, вдаюсь в политику. — Виноват. [Кто виноват?] Велика вина! Лишний человек — что за беда! б. кто знает? кто скажет? может быть — я не столько сам виноват, сколько. . . Э! да я, кажется, вдаюсь в политику. — Виноват. — Велика вина! Лишний человек — вот и всё. . . *г. Вписано.**

ехал я из Москвы в Петербург

а. дорога была сильно плоха от продолжительных дождей б. дорога была хороша, как всегда —

пятая лошадь,

а. кое-как прикрепленная [к] [веревкой] к постромке [своей соседки] крюком б. кое-как привязанная к передку [веревками, которые режут] веревкой, которая режет ей ляжку,

а. и заставляет бежать б. за-

неестественным образом (187, 4—5)

можно было на сей раз обойтись без пятой лошади. . . (187, 7—8)

тряхнул затылком, стегнул ее взятяжку раз десяток кнутом через худую спину под раздутый живот — (187, 8—10)

и не без усмешки промолвил: (187, 10—11)

«Ведь вишь, в самом деле приплелась! На кой чёрт?» (187, 11—12)

И я вот также приплелся. . . (187, 13)

Да, благо, станция недалеко. (187, 13—14)

Лишний. . . (187, 15)

Я обещался доказать справедливость моего мнения и исполню свое обещание. (187, 15—16)

Не считаю нужным (187, 16)

упоминать о тысяче мелочей, ежедневных происшествий и случаев, (187, 17—18)

в глазах всякого мыслящего человека могли бы послужить неопровержимыми доказатель-

ствует ее бежать самым [любопытным] неестественным и сложным образом ◊

а. можно было без нее обойтись *б.* можно было обойтись без [пятой] [этой] пятой лошади. . .

а. тряхнул шапкой, стегнул ее раза два кнутом [под животом] раздутый и шершавый живот *б.* тряхнул затылком, стегнул ее раз десяток [кнутиком] кнутом через худую и потертую спину под раздутый живот

а. и промолвил: *б.* и не без усмешки промолвил: ◊

Начато: а [чёрт] госпо<дин>

Начато: Эта лошадь

Да, благо, станция недалеко ◊
Вписано.

а. Лишний. Лишний! — да и только. *б.* Лишний. — да, я лишний человек. *в.* Лишний человек. ◊

Я взялся доказать справедливость этого моего мнения и докажу.

а. [Не] Я не стану *б.* Я не считаю нужным ◊

упоминать о тысячи мелочах, ежедневных происшествиях и [случаях] пр.

а. *Начато:* могли бы послужить сильным доказательством справедливости моего *б.* в глазах

ствами в мою пользу, (187, 18—20)

лучше начну прямо (187, 24)

после которого, вероятно, уже не останется никакого сомнения (187, 22—23)

насчет точности слова: лишний. (187, 23)

Повторяю: я не намерен (187, 24)

вдаваться в подробности, (187, 24)

но не могу (187, 24—25)

пройти молчанием одно довольно любопытное и замечательное обстоятельство, (187, 25—26)

у меня тоже были приятели (187, 27—28)

или даже к ним заходил. (187, 29)

Им становилось словно неловко; (187, 29—30)

они, идя мне навстречу, как-то не совсем естественно улыбались, глядели мне не в глаза, не на ноги, (187, 30—31)

торопливо пожимали мне руку, торопливо произносили: (187, 32—33)

«А! здравствуй, Чулкатурин!» (меня судьба одолжила та-

мыслящего человека должны бы служить неопровержимыми доказательствами в мою пользу

а. Начато: я лучше прямо
б. я лучше начну прямо ◊

Начато: в котором, как в зеркале, ясно отразился

насчет уместности слова: лишний.

Начато: Замечу, что я не

вдаваться в излишние подробности—

а. Как в тексте. б. но я не могу

Начато: не заметить одного довольно любопытного

у меня были приятели

*а. или даже сам заходил к ним.
б. или даже сам к ним заходил. Собственно ко мне ни одна [душа] собака не забегала.* ◊

а. Как в тексте. б. Им вдруг становилось словно неловко, ◊

они как-то неестественно улыбались, не глядели мне ни в глаза, ни на ноги,

пожимали мне руку — произносили:

«А вот и [Болдонабуров] Болдонадуров» или: «А, здравствуй,

ким прозванием)или: «А, вот и Чулкатурин» (187, 33—35)

тотчас отходили в сторону (187, 35)

словно силились что-то припомнить. (187, 37)

не лишен пронизательности и дара наблюдения; (187, 38—39)

мне даже иногда (187, 39)

мысли довольно забавные, не совсем обыкновенные; (187, 40—188, 1)

но так как я человек лишний и с замочком внутри, то мне и жутко высказать свою мысль, тем более что я наперед знаю, что я ее прескверно выскажу. (188, 1—3)

Мне даже иногда странным кажется, как это люди говорят и так просто, свободно. . . Экая пруть, подумаешь. (188, 3—5)

Бколдонадуrow» (меня судьба [нахлобучила] одолжила таким [названьицем] названьем) ♠

и тотчас отходили в сторону

Начато: словно что-то силились

Начато: не лишен некоторой пронизательности и некоторой

Начато: у <меня>

мысли довольно забавные и не совсем обыкновенные; ♠

а. но [как] так как я человек лишний — на которого, как я уже сказал, никто не рассчитывал — то мне и не [хотелось] хочется никогда выразить свою мысль. . . воздух, ведь — что не существует, то и говорить ведь не может.
б. но так как я человек лишний и с замочком внутри [— да сверх того вследствие выше] — то мне и жутко высказать свою мысль. . . <2 нрзб.> с моей стороны, вероятно, попытка отвадить <?> всех моих друзей в случае их неудовольствия. Притом я горд и застенчив и [легко] [часто] легко пугаюсь. . . *Последняя фраза вписана.*

а. Мне даже странным кажется, как это люди говорят? б. Мне даже иногда странным кажется, как это люди говорят — и о чем? — Какая пруть, подумаешь.

и у меня, несмотря на мой замочек, частенько чесался язык; (188, 6—7)

но действительно произносил слова я только в молодости, а в более зрелые лета почти всякий раз мне удавалось переломить себя. (188, 7—9)

Скажу, бывало, вполголоса: (188, 10)

Особенно наши женщины этим взяли: (188, 12)

иная возвышенная русская девица (188, 13)

что даже в подготовленном человеке подобное зрелище способно произвести легкую дрожь и холодный пот. (188, 14—16)

Но дело не в том, и не мне критиковать других. (188, 16—17)

Приступаю к обещанному рассказу. (188, 17)

а. [бывает] бывало, у меня чесался язык — *б.* бывало, во время моей первой молодости, у меня чесался язык —

а. но почти всякий раз я [преодолевал эту слабость] себя переламамывал. *б.* но почти всякий раз я успешно подавлял эту прихоть. *в.* но произносил слова я только в молодости, а [впоследств<вии>] в более зрелые лета я почти всякий раз [преодолевал эту прихоть] себя переламамывал.

а. Начато: и сидя в сторонке *б.* Бывало, скажу самому себе *в.* Скажу вполголоса

Особенно [русс<ие>] наши барышни этим взяли;

а. иная благородная [деви<ца>] русская девица *б.* *Начато:* иная прекрас<ая>

а. что даже подготовленный зритель пронимается холодным потом *б.* что даже подготовленный зритель [невольюно пронимается легкой дрожью и холодным потом] [обливается] повергается в холодный пот *в.* что даже в подготовленном человеке в состояньи произвести <нрзб.> легкую дрожь и холодный пот.

Но дело не в том.

Начато: приступаю к тому рассказу, довольно, впрочем, скуч<ному> ⁴

⁴ На полях, против этих сильно перемаранных строк, карандашом выписан (не вполне точно) текст: произвестъ легкий, но и холодный пот. Но дело не в том и не мне критиковать других. Приступаю к обещанному рассказу.

Несколько лет тому назад, благодаря стечению (188, 18)

но для меня очень важных обстоятельств, (188, 19—20)

провести месяцев шесть (188, 20)

Город этот весь выстроен на косогоре, и очень неудобно выстроен. (188, 21—22)

домишки совершенно ни на что не похожи; (188, 23—24)

на главной улице, под предлогом мостовой, изредка белеют грозные плиты неотесанного известняка, вследствие чего ее объезжают даже телеги; (188, 24—27)

по самой середине изумительно неопрятной площади возвышается крошечное желтоватое строение с темными дырами, (188, 27—29)

а в дырах сидят люди в больших картузах (188, 29—30)

и притворяются, будто торгуют; тут же торчит необыкновенно высокий пестрый шест, а возле шеста, для порядка, по приказу начальства, держится воз желтого сена (188, 30—33)

и ходит одна казенная курица. (188, 33)

а. Вследствие стечения б. Благодаря стечению

хотя для меня очень важных обстоятельств

а. провести [одну] зиму б. *Начато*: провести и притом совершенно напрасно < >

Город этот [был]-весь выстроен на косогоре — [так что] [так что вследствие чего по<...>] и прескверно выстроен.

домишки [из] совершенно [никуда] ни на что не похожи, поросли мохом и совсем ушли <не закончено>

а. на улицах под предлогом мостовой изредка торчат грозные камни б. на главной улице изредка белеют грозные камни, вследствие чего ее [вс<е>] объезжают [даже телеги]

на главной, изумительно необъятной площади возвышается какое-то желтоватое строение с темными дырами — [гостинный двор — в которых сверх всякого чаяния] *Вписано*.

а в дырах сидят люди в [пуховых] неблагоприятных картузах \diamond *Вписано*.

и [продают] притворяются, будто торгуют — тут же торчит необыкновенно высокий и пестрый шест — а возле шеста, для порядка, по приказу городничего, держится воз гнилого сена *Вписано*.

а. и ходит одна курица. б. и ходит одна [бесплодная] хо-

Словом в городе О... житье
хоть куда. (188, 34)

Я должен сказать о себе
(188, 36), что я хотя, конечно,
и лишний человек, (188, 36—
37)

но не по собственной охоте;
(188, 37)

а все больное терпеть не могу...
(188, 38)

подойти к нему и справа и
слева... (188, 39—40)

И потому не удивительно, что
и я могу скучать, как всякий
другой смертный. (188, 40—
189, 1)

Я находился в городе О...
по служебным делам... (189,
1—2)

Терентьевна решительно по-
клялась уморить меня. (189, 3)

Вот образчик нашего разго-
вора: (189, 4)

Вам нездорово писать-то.
(189, 6)

да лягте. Бог даст, вспотеете,
(189, 8—9)

лостая курица. *в.* и ходит одна
ручная курица. *♦ Вписано.*

Словом, в городе О... житье
удивительное. — [Мне сначала]
[Я должен сказать про себя,
что]

Начато: Я должен замети(ть)
а. что я хотя и лишний чело-
век, *б.* что я, конечно, лишний
человек,

но [от приро(ды)] вовсе не сми-
ренник;

а. а больное, болезненное тер-
петь не могу; *б.* а больное,
особенно болезненное терпеть
не могу

подойти к нему справа и слева—
[нет, шалишь!] Я не робок;
я не чудак...

... Я все это говорю для
того, чтобы пояснить, почему
я могу скучать, как всякий
другой.

Я находился в городе О. по слу-
жебным делам — и кабы у меня
смерть не на носу висела,
[многое] много бы я мог ска-
зать хороших вещей по по-
воду моей *⟨не закончено⟩*

а. Терентьевна решительно
не дает мне покоя. *б.* Теренть-
евна решительно поклялась
[умо(рить)] меня [доколо-
тить] уморить. *♦*

Вот [образчик] наш разговор:

а. Это [по не] вам нездорово.
б. Это вам нездорово писать-то. *♦*

да лягте, попотейте. [Оно]

соснете маненько. (189, 9)	соснете маленько. ◇
Да я не хочу спать. (189, 10)	Да мне не хочется спать. ◇
Лягте-ка, лягте: оно лучше. (189, 12)	а. Вы посмотрите на себя. б. <i>Начато</i> : Нет, вы
Я и без того умру, Терентьевна! (189, 13)	Я и без того умру.
Я. Я недели не проживу, Терентьевна!	<i>Вписано.</i>
Она. И-и, батюшка! что вы это?.. Так я пойду самоварчик поставлю. (189, 16—18)	
самоварчик поставлю. (189, 17—18)	поставлю самоварчик
О дряхлое, желтое, (189, 19)	<i>Начато</i> : О стар ^о е
Неужели и для тебя я не человек! (189, 19—20)	И для тебя я не человек!
24 марта. Трескучий мороз. (189, 21)	24-е марта. ◇
В самый день моего прибытия в город О... вышеупомянутые служебные дела (189, 22—23)	Неделю спустя после моего приезда в город О... служебные дела
сходить к некоему Ожогину, Кирилле Матвеевичу, (189, 23—24)	сходить к [Трегубину] Ожогину, Кирилле Матвеевичу ◇ ⁵
но познакомился я с ним, или, как говорится, сблизился, спустя две недели. (189, 25—26)	а. но познакомился я с ним не раньше, как спустя две недели. б. но познакомился я с ним, или, как говорится, сблизился спустя недели две. ◇
на главной улице (189, 27)	на главной улице, состоянье <i><не закончено></i>
крашеной крышей (189, 28)	крашеной крышкой ◇
родина которым Москва. (189, 30—31)	родина которым [М ^о сква] столичный город Москва.

⁵ На полях у этих строк набросок пером — профиль пожилого мужчины.

что Ожогин человек с достатком. (189, 32)

необыкновенно крупный, словно из залежалого материала скроенный человек; (189, 36—37)

офицер путей сообщения — нежная душа, певец, но сплетник; (190, 1—2)

бывший уездный предводитель — господин с крашеными волосами, (190, 2—3)

и тем благороднейшим выражением лица, (190, 4—5)

побывавшим под судом; (190, 5—6)

друзья неразлучные, (190, 7)

оба уже немолодые и даже потертые, (190, 7—8)

из которых младший постоянно уничтожал старшего и зажимал ему рот одним и тем же упреком: (190, 8—9)

Сергей Сергеич: куда вам? (190, 10)

На полях против этой строки вписано: Свежий ветерок хлопотно шумел над нами в молодых листьях ⁶

а. человек крупный — во всех отношениях мешковатый

б. [крупный] человек во всех отношениях мешковатый *в.* необыкновенно крупный, словно из залежалого материала скроенный человек;

а. офицер путей сообщения, издали похожий на [любопытную птицу] любопытное тайнобрачное растение [из]
б. офицер путей сообщения, издали похожий на какое-то неизвестное, но любопытное растение \diamond *Вписано.*

а. бывший предводитель Ползиков, с крашеными волосами, *б.* бывший предводитель Худобубкин, господин с крашеными волосами,

и благороднейшим выраженьем лица

а. бывшим под судом; *б.* *Начато:* находившимся

а. *Как в тексте.* *б.* верные друзья неразлучные, \diamond

Вписано.

из которых один [всегда в в споре] всегда уничтожал другого и зажимал ему рот [одной и той же фразой] одним и тем же словом:

а. *Начато:* [Ме<. . .>] Сергей Сергеич, что вы *б.* *Как в тексте.*

⁶ Место для вставки этой фразы не обозначено. Очевидно, это заготовка к описанию рожи [ср. стр. 194, строки 7—8].

Ведь вы слово: пробка — пишете с буки. (190, 10—11)	<i>в.</i> Сергей Сергееич, не спорьте, куда вам? [◇]
продолжал он со всем жаром убеждения, обращаясь к присутствующим, — (190, 11—13)	Ведь вы [пробк<у>] слово пробка пишете с букой.
<i>а</i> несчастный Сергей Сергееич (190, 16)	<i>а.</i> продолжал он, обращаясь к остальному обществу, <i>б.</i> продолжал он, обращаясь с открытым выраженьем лица [и приятно двигая обеими руками] к присутствующим, <i>в.</i> продолжал он [с ласк<. . .>] с убежденьем, обращаясь к присутствующим, [◇]
и с замирающей улыбкой преклонял голову. (190, 16—17)	<i>Начато:</i> а Сер<гей Сергееич>
и вдаюсь в слишком подробные описания. (190, 18—19)	<i>Начато:</i> и [с лю<безным>] с [умоляющим] замешательством? ⁷
у него была дочь, Елизавета Кирилловна, (190, 20)	<i>Начато:</i> и вдаюсь в подробности
не дурной и не хороший; (190, 22—23)	у него была дочь, Анна Кирилловна
жена его сбивалась на застарелого цыпленка; (190, 23—24)	не дурной, но и не хороший
но дочь их вышла не в своих родителей. (190, 24)	<i>а.</i> жена его более сбивалась на курицу; <i>б.</i> жена его более сбивалась на [старого] застарелого цыпленка; [◇]
живого и кроткого нрава. (190, 25)	<i>а.</i> но дочь их была довольно милое существо. <i>б.</i> но дочь их вышла не в [своих] родителей.
Ее серые, светлые глаза глядели добродушно и прямо (190, 26)	веселого и кроткого нрава.
	Ее [карие] голубоватые, светлые глаза глядели прямо вам в душу и ваша <не закончено>

⁷ На полях против этих строк набросок пером — профиль мужчины средних лет.

и смеялась тоже довольно часто.
(190, 28)

Свежий голос ее звучал очень приятно; (190, 29)

двигалась она вольно, (190, 29—30)

к ней шли одни простые платья.
(190, 31)

что, впрочем, почти никогда не случалось, — (190, 33—34)

признаюсь, сильно говорило в пользу нового знакомого. (190, 34—35)

С женщинами же я вовсе не умел обращаться и в присутствии их либо хмурился и принимал свирепый вид, либо глупейшим образом скалил зубы и от замешательства вертел языком во рту. (190, 35—36)

С Елизаветой Кирилловной, напротив, (190, 39)

почувствовал себя дома. (190, 40)

Прихожу я однажды перед обедом (191, 1—2)

Говорят: «Дома, одеваются; (191, 2—3)

у окна стоит, ко мне спиной, девица в белом платье и держит в руках клетку. (191, 4—5)

и смеялась тоже довольно часто [и смех ее был необыкновенно легок и свеж] легким и свежим смехом; *Вписано.*

а. голос ее звучал очень приятно и [даже сладко] ласково; *б.* голос ее звучал очень приятно, свежо и легко; ◊

[ходи<ла>] двигалась она очень вольно и легко

Начато: [но к ней] простые платья к ней

а. что, впрочем, никогда не случалось — *б.* что, впрочем, почти никогда со мной не случалось — ◊

а. признаюсь, сильно говорило в пользу нового знакомого *б.* сильно говорило в пользу

с женщинами же я не говорил вовсе и либо смущался, словно замышлял убийство, либо [ск<алил>] глупейшим образом скалил зубы и [чувствовал] от замешательства вертел языком во рту.

а. С Анной Кирилловной *б.* С Анной Кирилловной, напротив ◊

почувствовал себя словно дома ◊

Прихожу я однажды

Говорят: «Дома

а. У окна, перед клеткой, стоит ко мне спиной девица и сыплет и чистит *б.* у окна стоит, ко мне спиной, девица в белом платье с розовой лентой <нрзб.>

Меня, по обыкновению, слегка покорибило; (191, 5—6)

что локоны ее ударили ей в лицо, (191, 8)

сперва наклонил голову и в то же время быстро согнул и выпрямил колени (словно кто ударил меня сзади в поджилки), что, как известно, служит признаком отличного воспитания и приятной развязности в обхождении, а потом улыбнулся, поднял руку и раза два осторожно и мягко провел ею по воздуху. (191, 11—17)

Девица тотчас отвернулась от меня, (191, 17—18)

вынула из клетки дощечку, начала сильно скрести по ней ножом (191, 18—19)

Вы любите снегирей? (191, 21)

отвечал я не без некоторого усилия. (191, 22)

он не боится. (191, 24)

а. Я, по обыкновению, весь внутренно дрогнул б. У меня, по обыкновению, вся внутренняя дрогнула

что ее локоны ей ударили в лицо, ♦

а. выставил одну ногу вперед, улыбнулся [и] поднял руку и раза два [пров<ел>] покачал ею [в направленье] на воздухе б. наклонил голову и быстро согнул колена, словно кто меня [сзади ударил под] толкнул сзади, что, как известно, [указывает] служит признаком хорошего воспитания и развязности в обхождении, улыбнулся, поднял руку и раза два отвел ее от *Вписано, не закончено.* в. наклонил сперва голову и в то же время быстро согнул и выпрямил колена, словно кто меня толкнул сзади в поджилки и что, как известно, служит признаком хорошего воспитания и развязности в обхождении, улыбнулся, поднял руку и раза два осторожно и мягко провел ею по воздуху. ♦ *Вписано.*

Девица тотчас обернулась опять к клетке,

[нача<ла>] вынула дощечку, начала [скрести] [сильно скрести] скрести по ней ножом ♦

Начато: Хотите посмотреть

а. отвечал я [необыкн<овенно>] совершенно непринужденно. б. отвечал я просто и непринужденно.

а. *Как в тексте.* б. он не боится, не боится! Эко диво! в. он не боится, не боится! ♦

Она обернулась ко мне лицом; но мы так близко стояли друг к другу, что ей пришлось (191, 27—28)

своими светлыми глазками. (191, 29—30)

всё ее молодое, розовое лицо так дружелюбно улыбалось, (191, 30—31)

Дверь растворилась: вошел господин Ожогин. (191, 32—33)

всидел весь вечер; а на другой день лакей Ожогина, (191, 35—36)

свить себе хотя временное гнездо, знать отраду ежедневных отношений и привычек — этого счастья я, лишний, без семейных воспоминаний человек, до тех пор не испытал. (191, 39—192, 2)

а. Моя голова так [близка была] была близка к ее голове, что она принуждена была б. Мы так стояли близко друг к другу, что ей пришлось в. Она обернулась ко мне лицом — но мы так стояли близко друг к другу, что ей пришлось \diamond

а. *Как в тексте.* б. своими светлыми и смелыми глазками. . . \diamond

она так дружелюбно улыбалась

а. *Начато:* В эту мин[уту] б. Дверь отворилась и вошел г-н Ожогин. \diamond

а. [подошел] после обеда подошел г-же Ожогойной к ручке — словом с того дня началось наше знакомство. б. *Начато:* после обеда [остался до] провел в. и [уходя вечером] вечером, уходя, получил приглашение ходить к ним почаще — [т. е. каждый день]. На другой день [я уже шел к ним, как к ст<арым>] [вернулся к себе в полночь и] лакей Ожогина,

а. свить себе гнездо — [какое счастье] этого счастья я, лишний человек, до тех пор не испытал. б. свить себе хотя временное гнездо, узнать отраду однообразных ежедневных отношений и привычек — этого счастья я, человек лишний, до тех пор не испытал. в. свить себе хотя временное гнездо, узнать отраду [однообразных] отношений, ежедневных привычек — этого счастья я, человек лишний, без [домашних] семейных воспоминаний, до тех пор не испытал.

что я с того дня расцвел душою.
(192, 4—5)

Всё во мне и вокруг меня так
мгновенно переменилось! (192,
5—6)

Вся жизнь моя озарилась лю-
бовью, (192, 6—7)

до самых мелочей, словно тем-
ная, заброшенная комната,
(192, 7—8)

трубку курил — иначе, чем
прежде; (192, 9—10)

я даже на ходу подпрыгивал —
право, (192, 10—11)

словно крылья вдруг выросли
(192, 11)

у меня за плечами. (192, 11—
12)

ни минуты не находился в не-
известности насчет чувства, вну-
шенного мне Елизаветой Кирил-
ловной: (192, 12—14)

я с первого дня влюбился в нее
(192, 14)

и с первого же дня знал, что
влюбился. (192, 15)

я каждый день ее видел. Эти
три недели были счастливей-
шим временем в моей жизни;
(192, 16—17)

мне невольно представляется
то, что последовало за ними,
(192, 19—20)

а. что я расцвел душою. *б.* *Начато:* что я в то врем^я

а. Я никогда не забуду этой
быстрой, внезапной перемены
[в моем] во всем моем существо-
вании. *б.* Всё во мне и вокруг
меня вдруг переменилось.

а. *Начато:* Словно *б.* Вся жизнь
моя озарилась моей любовью—

до самых [мелочных] мелочей,
словно темная и заброшенная
комната,

даже курил трубку иначе, чем
прежде;

Вписано.

словно вдруг крылья выросли

а. *Как в тексте.* *б.* У меня
за плечами и мне только стоит
развернуть их.

а. ни минуты не [сомневался]
находился в неизвестности *б.*
ни минуты не находился
в неизвестности насчет чувства,
внушенного мне дочерью г-на
Ожогина.

Начато: я с первого же дня был

а. и [очень хорошо] знал, что
влюбился. *б.* и очень хорошо
знал, что влюбился в нее—

я [ходил] каждый день ее ви-
дел, и эти три недели — счаст-
ливейшее время в моей жизни.

а. я невольно думаю о том, что
следовало за ними — *б.* мне не-
вольно представляется то, что
следовало за ними—[♦]

ядовитая горечь медлительно
охватит (192, 20)

Когда человеку очень хорошо,
мозг его, как известно, весьма
мало действует. (192, 22—23)

Спокойное и радостное чувство,
чувство удовлетворения, (192,
23—24)

он поглощен им; сознание лич-
ности в нем исчезает — он бла-
женствует, как говорят дурно
воспитанные поэты. (192, 25—
27)

минует это «очарование», (192,
27—28)

что он посреди счастья так мало
наблюдал (192, 29)

что он размышлением, воспо-
минанием (192, 30)

не удвоивал, (192, 30—31)

как будто «блаженствующему»
человеку есть когда, да и стоит
размышлять о своих чувствах!
(192, 31—33)

Счастливым человек — что муха
на солнце. (192, 33—34)

Начато: ядовитая горечь мгно-
вен<но>

а. Когда не только чело-
веку, но вообще каждому жи-
вому существу очень хорошо —
мозг его очень мало действует —

б. Когда человеку и вообще
каждому живому существу
очень хорошо — мозг его весьма
мало действует —

а [чувство] одно чувство спокой-
ного и радостного удовлетво-
рения

а. *Начато*: он поглощен, он,
увы, [исчез] счастлив, потому
что счастье возможно только
тогда *б*. он поглощен, он бла-
женствует, как говорят [про-
винциальные] дурно воспитан-
ные [поэты] [стихотворцы]
поэты.

минует это т<ак> н<азываемое>
«очарованье»,

а. что он так мало наблюдал
б. что он посреди блаженства
так мало наблюдал

а. что он [не] размышленьем,
воспоминаньем о них *б*. что он
размышленьем, непосредствен-
ным воспоминаньем

не удвоил, ◇

а. как будто стоит говорить
о [тех] том счастья, которое
дает вам время думать о нем
б. как будто [блаженст<вующе-
щему>] довольному человеку
есть когда [и] да и стоит думать
о своих чувствах!

а. *Начато*: Счастливым [ду-
<рак?>] человек так же [как]
мало думает, как *б*. Счастли-

Оттого-то и мне, когда я вспоминаю об этих трех неделях, почти невозможно удержать в уме точное, определенное впечатление, (192, 34—36)

тем более, что в течение всего этого времени ничего особенно замечательного не произошло между нами. . . (192, 36—38)

светлой полосой в моей тусклой и серенькой жизни. (192, 40—193, 1)

Память моя становится вдруг неумолимо верна и ясна только с того мгновения, (193, 1—2)

говоря словами (193, 2—3)

Да, эти три недели. . . (193, 5)

не оставили во мне никаких образов. (193, 5—6)

думать о том времени, (193, 7)

выплывают из мрака прошедшего — вот как звезды неожиданно выступают на вечернем небе навстречу внимательно устремленным глазам. (193, 8—10)

Особенно памятной осталась мне (193, 10—11)

вый человек — что муха на солнце: [и ему и ей] обоим хорошо живется — вот и всё.

а. Оттого-то и мне [очень трудно] [неодолимо], когда я вспоминаю о моих 3-х неделях, почти невозможно удержать одно ясное представление *б.* Оттого-то мне, когда я вспоминаю об этих 3-х неделях, почти невозможно удержать одно точное, определенное впечатление[♦]

а. Как в тексте. *б.* тем более что в течение всего этого времени не произошло ничего особенно замечательного между [мною и Ли<зой>] нами.[♦] *Вписано.*

Начато: светлой полосой в моем тусклом

а. Как в тексте. *б.* Но память моя становится вдруг неумолимо верна и ясна с того мгновения,

говоря словом

Начато: [Правда] Однако я [не] [тоже] не хочу сказать

не оставили во мне никаких определенных образов. . .[♦]

думать о них,

а. выплывают из мрака — словно звезды выступают навстречу взорам. *б.* выплывают из мрака прошедшего — вот как звезды на вечернем небе неожиданно выступают навстречу взору.

Особенно памятной осталась

- Нас было четверо (193, 12) *Начато:* Нас было пяте<ро>
- старуха Ожогина, Лиза, я и некто Бизъмёнков, мелкий чиновник города О. . ., (193, 12—13) г-жа Ожогина, Лиза, я и некто [Спазмёнков] Бизмёнков, мелкий чиновник города Ч.⁸
- смирненький человек. (193, 14) смирненький человек. ◊
- Должно заметить, что увеселительные сады (193, 17—18) *а.* Известно, что [у нас] в России [увеселительные], особенно в небольших городах, увеселительные сады *б.* Известно, что увеселительные сады, особенно в небольших городах *в.* Вообще, увеселительные сады ◊
- общественные гулянья не в духе русского человека. (193, 18—19) *Начато:* общественные прогулки [не в привычках] не лишены
- В губернских городах, в так называемых публичных садах, (193, 19—20) *Начато:* в так называемых
- ни в какое время года не встретите (193, 20—21) никогда не встретите
- какая-нибудь старуха, кряхтя, присядет (193, 21—22) *а.* какая-нибудь старуха присядет кряхтя *б.* какая-нибудь прохожая старуха, кряхтя, присядет ◊
- Но если в соседстве города находится (193, 24—25) Но [коли] если в соседстве города [есть] [находится] есть
- по воскресным и праздничным дням, (193, 26—27) по воскресеньям и праздникам ◊
- становят всю эту благодать на пыльную траву (193, 28—29) [кучера] ставят всю эту благодать на [разостланную скатерть] траву
- возле самой дороги, (193, 29) подле самой дороги—◊
- и кушают и чайничают (193, 29—30) и кушают

⁸ города Ч. — так до конца повести; это различие в дальнейшем не отмечается.

рощица существовала тогда
(193, 31)

Мы приехали туда после обеда,
напились как следует чаю и
потом все четверо отправились
походить по роще. (193, 32—34)

Бизъмёнков взял под руку ста-
руху Ожогину, я — Лизу. День
уже склонялся к вечеру. (193,
34—35)

не более двух недель прошло
(193, 36—37)

душа невинно и невольно сле-
дит (193, 39—40)

и смотрите выздоровевшим ре-
бенком, (194, 2—3)

должен узнать, что с вами про-
исходит. (194, 4—5)

Мы шли с ней рядом, тихо вы-
ступая по зеленой траве. (194,
6—7)

пока она, наконец, весело не об-
ращалась ко мне, (194, 10—11)

Птицы одобрительно чирикали
над нами, (194, 12)

голубое небо ласково сквозило
сквозь мелкую листву. (194,
12—13)

Спешу заметить: (194, 14)

но не мне было суждено (194,
16—17)

рощица находилась

а. Мы приехали — кучер от-
прёг лошадей, лакей разостлал
скатерть и, пока самовар еще
не закипел — отправились по-
ходить *б.* Мы приехали туда
после обеда, [мы] как следует
напились чаю и потом мы отпра-
вились походить по роще.

День уже склонялся к вечеру.
Бизъмёнков взял под руку ста-
руху Ожогину, я Лизу.

Начато: двух недель еще

душа следит

а. и смотрите ребенком *б.* и
смотрите ребенком в праздни-
чном платье—

а. Начато: должен узнать в вас
влюбленного мол<одого> *б. На-
чато:* должен узнать в вас не-
медлен<но>

а. Мы шли с ней рядом, я украд-
кой глядел на ее лицо *б.* Мы
шли, тихо выступая по [зеле-
ной] молодой траве,

пока она, наконец, не обраща-
лась ко мне—

а. Начато: всё казалось
б. [птицы] зяблики [так] [ме<ло-
дично>] одобрительно чирикали
над нами, \diamond *Вписано.*

голубое небо так ласково скво-
зило сквозь мелкие листья. *Впи-
сано.*

Но спешу заметить:

но мне не было суждено

Она шла под руку со мной,
как бы с братом. (194, 17—18)

Ей было тогда семнадцать
лет. . . (194, 18—19)

И, между тем, в тот самый
вечер, (194, 19)

Я был свидетелем этой пере-
мены всего существа, этого не-
винного недоумения, этой тре-
вожной задумчивости; (194,
22—24)

я первый подметил эту внезап-
ную мягкость взора, эту зве-
нящую неверность голоса —
(194, 24—25)

о лишний человек! (194, 26)

я не устыдился предполагать,
(194, 26—27)

Вот каким образом это случи-
лось. (194, 29)

до самого вечера, (194, 30)

и мало разговаривали. Я мол-
чал, как все неопытные любов-
ники, (194, 30—32)

а ей, вероятно, нечего было мне
сказать; (194, 32)

но она словно о чем-то размыш-
ляла и как-то особенно покачи-
вала головой, задумчиво ку-
сая сорванный лист. (194, 32—
34)

Вписано.

Ей было семнадцать лет.

В [тот] этот самый вечер,

а. Я был свидетелем [этого не-
винного недоумения, этой за-
думчивой тревоги] ее невин-
ного недоумения, ее тревожной
задумчивости; *б.* Я был сви-
детелем этой перемены всего
ее существа, этого невинного
недоумения, этой тревожной
задумчивости; *в.* Я был сви-
детелем этого невинного недоуме-
ния, этой тревожной задумчи-
вости, этой перемены всего су-
щества; †

я первый заметил эту внезапную
мягкость взора, [гол<оса>] я
первый услышал эту звенящую
неверность голоса—

Начато: о [самол <любивый>] бес-
тол <ковый>

я не осмелился предполагать,
[вообразить]

а. Вот как это случилось. *б.* Вот
каким образом она произошла.

Начато: до 9

мы мало разговаривали; [мое
волнение] я молчал, как все
любовники † *Вписано.*

а ей [нечего было] ничего еще
не приходило в голову *Вписано.*

Вписано.

Иногда она принималась идти вперед, так решительно. . . (194, 34—35)

а потом вдруг останавливалась, ждала меня и оглядывалась кругом с приподнятыми бровями и рассеянной усмешкой. (194, 35—38)

Накануне мы с ней вместе прочли «Кавказского пленника». С какой жадностью она меня слушала, опершись лицом на обе руки и прислонясь грудью к столу! Я было заговорил о вчерашнем чтении; (194, 38—195, 1)

она покраснела, (195, 1—2)

дал ли я перед отъездом снегирю конопляного семени, (195, 2—3)

громко запела какую-то песенку и вдруг замолчала. (195, 3—4)

Роща с одной стороны кончалась довольно высоким и крутым обрывом; (195, 4—5)

тянулись, то слегка вздымаясь как волны, (195, 7)

прямо против нас, среди раскаленного тумана, садилось багровое, огромное солнце. (195, 12—13)

Полнеба разгоралось и рдело; (195, 13—14)

бросая алый отблеск даже на тенистую сторону оврагов, ложжились огнистым свинцом по речке, там, где она не прята-

Иногда она [вдруг] принималась идти вперед, да так решительно [словно она <нрзб.>] *Вписано.*

потом останавливалась и оглядывалась с приподнятыми бровями и [глупенькой] задумчивой усмешкой. *Вписано.*

Накануне мы с ней в первый раз прочли «Кавказского пленника». Я было заговорил о нем. . . *Вписано.*

но она покраснела, *Вписано.*

дал ли я перед отъездом конопляного семени снегирю, *Вписано.*

запела какую-то песенку и вдруг умолкла. [Словом] *Вписано.*

Начато: Роща с одной стороны [границила] кончалась довольно крутым

а. тянулись, то выпукло округляясь *б.* *Начато:* тянулись луга *в.* тянулись, то слегка округляясь как волны,

прямо против нас, [по самой середине лугов] и словно по самой середине лугов, садилось багровое солнце.

Полнеба [го<рело>] пылало и рдело;

а. бросая алый отблеск даже на длинные тени и словно упиралось в грудь роще. . . *б.* бросая алый отблеск даже на длин-

лась под нависшие кусты, и словно упиралась в грудь обрыву и роще. (195, 15—18)

Мы стояли, облитые горячим сиянием. (195, 18—19)

Я не в состоянии передать всю страстную торжественность этой картины. Говорят, одному слепому красный цвет представлялся трубным звуком; не знаю, насколько это сравнение справедливо, (195, 19—22)

говорят, одному слепому красный цвет представлялся (195, 20—21)

но действительно было что-то призывное в этом пылающем золоте вечернего воздуха, в багряном блеске неба и земли. (195, 22—24)

Она глядела прямо на солнце. (195, 25—26)

Помнится, пожар зари отражался (195, 26)

Она была поражена, глубоко тронута. Она ничего не отве-

ные тени, ложились огнем по речке, там, где она не уходила в тень, слегка [прячась <?> близ берега] прижимаясь к берегу и словно упирались в грудь роще. . . в. бросая алый отблеск даже на тенистую сторону оврагов, ложились огнистым свинцом по речке, там, где она не пряталась под кусты, и словно упиралась во всю ширину в грудь обрыву и роще. . .

а. Мы стояли, облитые сияньем.

б. Мы стояли, облитые горячим [страстным] сияньем. [Все казалось вокруг нас] [Сам воздух, казалось, дышал страстью]. Земля и небо, казалось, дышали страстью.

Вписано.

Начато: говорят, один слепой

а. Начато: но в [море алого [блеска] света] багряном море

б. но действительно было что-то призывное в этом пылающем золоте, в алом блеске земли и неба. *Вписано.*

Не забуду я ее лица. Она глядела прямо на солнце.

а. Как в тексте. б. пожар зари отражался

Она ничего не отвечала на мое восклицанье и [продолжала]

чала на мое восклицание, долго не шевелилась, (195, 27—29).

Я протянул к ней руку; (195, 30)

и вдруг залилась слезами. (195, 31)

Я глядел на нее с тайным, почти радостным недоумением. . . (195, 31—32)

Голос Бизъмѣнкова (195, 32—33)

Лиза быстро отерла слезы (195, 33—34)

с нерешительной улыбкой (195, 34)

Старуха вышла из рощи, опираясь на руку своего белокурого вожатая; оба в свою очередь полюбовались видом. (195, 35—37)

Старуха спросила что-то у Лизы и я, помню, невольно вздрогнул, (195, 37—38)

когда ей в ответ прозвучал, как надтреснувшее стекло, разбитый голосок ее дочери. (195, 38—39)

Между тем солнце закатилось, заря начала гаснуть. Мы пошли назад. (195, 40—196, 1)

долго *<не закончено>*

а. Я [радостно обратился к] протянул было голову — *б.* Я протянул было к ней руку —[◇]

и вдруг заплакала. . .

а. Начато: Я глядел на нее с недоумением и *б.* Я глядел на нее с недоумением и [уже было собирался] собирался заговорить. . .

а. Я. . . Но голос Лизин[◇]ой матери *б.* Я. . . Но голос Бизъм[◇]ѣнкова

Лиза быстро утерла слезы[◇]

с улыбкой

а. Старуха с Бизъмѣнковым тоже в свою очередь полюбовались видом — и мы все четверо *<не закончено>* *б.* Старуха вышла из рощи, опираясь на руку белокурого чиновника, и оба в свою очередь полюбовались видом.

Она спросила что-то у Лизы, и я, помню, [вздрогнул] невольно вздрогнул,[◇] *Вписано.*

а. когда зазвучал ей в ответ разбитый голосок ее дочери. *б.* когда ей в ответ зазвучал, как надтреснутый колокольчик, разбитый голосок ее дочери[◇]⁹ *Вписано.*

Солнце закатилось — и мы пошли к карете.

⁹ Под словом колокольчик, которое осталось незачеркнутым, вписано: стекло

Она была смущена и не поднимала глаз. (196, 2—3)

Румянец, разлитый по всему ее лицу, не исчезал: словно она всё еще стояла в лучах заходящего солнца. . . (196, 3—5)

Рука ее чуть касалась моей. (196, 5—6)

билося во мне сердце. (196, 6—7)

вдали замелькала карета; (196, 7)

кучер шагом ехал к нам навстречу по рыхлому песку дороги. (196, 8—9)

промолвил я, наконец, (196, 10)

отчего вы плакали? (196, 11)

посмотрела на меня своими кроткими, еще влажными от слез глазами — (196, 13—14)

показался мне измененным — (196, 14—15)

Вы, я вижу, любите природу. . . — (196, 16)

а. Она была как будто смущена. *б.* *Начато:* Она была смущена и удивлен⟨а⟩

а. *Начато:* с лица ее не сходила [краска] алая к⟨раска⟩ *б.* По всему лицу ее разлитый румянец не исчезал — словно она всё еще стояла перед заходящим солнцем. *в.* По всему лицу ее разлитый [легкий⟨?⟩] румянец не исчезал — словно она всё еще стояла в [алом блеске] алых лучах заходящего солнца.◊

Вписано; далее вписано и зачеркнуто: *а.* Она избегала моего взора. *б.* Ее опущенные глаза избегали моего взора. *в.* Она шла почти с усилием [словно] [как будто ус⟨талаая⟩] словно усталая.

билося во мне сказать. . . ⟨!⟩

Начато: вдали показалась

Кучер шагом ехал к нам навстречу.◊

произнес я наконец—

отчего вы заплакали?◊

а. посмотрела на меня своими большими глазами *б.* посмотрела на меня своими большими, еще влажными от слез глазами—

мне показался измененным—◊

а. *Как в тексте.* *б.* *Начато:* Вы, я вижу, любите природу. . . очень

Я совсем не то хотел сказать, да и эту последнюю фразу язык мой[♦] (196, 17—18)

едва пролепетал до конца. (196, 18)

Я более не мог произнести слова... (196, 19)

я ждал чего-то... не признанья — где! я ждал доверчивого взгляда, вопроса... (196, 19—21)

Но Лиза глядела на землю и молчала. (196, 21)

и не получил ответа. Ей, я это видел, становилось неловко, почти стыдно. (196, 22—24)

Дружной рысью бежали лошади; мы быстро мчались сквозь темнеющий, влажный воздух. Я вдруг разговорился, беспрестанно обращался то к Бизьмёнкову, то к Ожогиной, (196, 26—29)

Я совсем не то хотел сказать ей, да и эту глупую фразу язык мой[♦] *Вписано.*

а. едва промямлил *б.* едва пролепетал с большим трудом *Вписано.*

а. Я сам не мог произнести слова... *б.* *Начато:* Я, помнится, [хотел] [собирался] хотел еще сказать что-то *в.* Я сам не мог [бол<ее>] произнести [бол<ее>] слова...

а. я ждал чего-то... не скажу признанья — я был слишком застенчив и при всем [внутреннем] моем внутреннем самолюбии слишком мало избалован [жизнью] женщинами, чтобы возыметь такую <не закончено> *б.* я ждал чего-то — не признанья — где! [я ждал, но] я ждал доверчивого взгляда, вопроса [о том, что с ней], улыбки, дружеского пожатия руки...

а. Лиза молчала... *б.* Лиза молчала, даже слегка отворачивалась от меня... *в.* Но Лиза молчала...[♦]

Вписано.

а. Лошади быстро мчали нас сквозь темнеющий, влажный воздух. На возвратном пути я разговорился, но [со старухой] обращался к Б<изьмёнкову> и Ожогиной. *б.* Дружной рысью бежали лошади; мы мчались сквозь темнеющий, влажный воздух. Я вдруг разговорился и беспрестанно обращался к Б<изьмёнкову> и Ожогиной.[♦] *Вписано.*

не глядел на Лизу, но мог заметить, что из угла кареты взор ее не раз останавливался на мне. (196, 29—31)

Дома она встрепелулась, (196, 31)

однако не захотела читать со мной и скоро отправилась спать. (196, 31—32)

Перелом, (196, 33)

Но я в ту же ночь вернулся (196, 36)

в совершенном очаровании. (196, 37)

Смутное — не то предчувствие, не то подозрение, (196, 37—38)

которое возникло было во мне, (196, 38)

внезапную принужденность в обхождении Лизы со мною я приписывал девической стыдливости, робости. . . (196, 39—197, 4)

во многих сочинениях, что первое появление любви (197, 1—2)

строил в уме различные планы. . . (197, 4)

сказал мне тогда (197, 5)

Я не глядел на Лизу — но я мог заметить, что [не раз] ее [взоры] глаза не раз останавливались на мне. *Вписано.*

Дома Лиза словно встрепелулась—

однако не согласилась на мое предложение. *Вписано.*

но перелом,

а. Но я вернулся *б.* Но я в ту ночь вернулся[◇]

а. в совершенном упоении
б. *Начато:* [в отличнейшем нас<т>роении] совершенно довольный своим]

а. Смутные предчувствия, *б.* Смутное подозрение,

которое было возникло во мне,[◇]

а. [застенчивость,] принужденность Лизы я приписывал застенчивости девической, робости. . . *б.* [неловкос<ть>] явную принужденность в обхождении Лизы со мною я приписывал девической застенчивости, робости. . . и эта робость (так я рассуждал) должна была напротив меня радовать.

а. в [книгах, что от] книгах,

что первое пришествие любви

б. в различных сочинениях,

что первое появление любви

в. во многих сочинениях, что

первое пришествие любви[◇]

а. составлял в уме различные

планы. . . *б.* строил в уме пла-

ны. . .

сказал бы мне тогда[◇]

которая ждет не дождется
(197, 8—9)

чтобы продать за бесценок
твои сапоги. . .» (197, 9—10)

с одним русским философом:
(197, 11)

что вчера написал, (197, 14)

слишком пространно и слишком
сладко рассказываю. (197,
15—16)

Впрочем, так как остальные
мои воспоминания о том вре-
мени не представляют ничего
отрадного, кроме той отрады
особенного рода, которую Лер-
монтов имел в виду, когда
говорил, что весело и больно
(197, 16—20)

И потому продолжаю (197, 22)

В течение целой недели, после
прогулки за городом, положе-
ние мое в сущности нисколько
не улучшилось, (197, 23—24)

людей одиноких и робких —
(197, 27—28)

они, имея глаза и даже раста-
рашив их, ничего не видят или

Начато: которая толь<ко>

чтобы подарить своему пле-
мяннику твои сапоги. . .

с одним философом:

что я вчера написал,

слишком пространно рассказы-
ваю — слишком сладко.

а. Впрочем, [так как] осталь-
ные мои воспоминанья о вре-
мени моей любви не представ-
ляют ничего отрадного [и по
всей вероятности] [то] кроме
той отрады, [о которой] кото-
рую Лермонтов имел в виду,
когда он упоминал о том, как
весело и больно *б*. Впрочем,
так как дальнейшее развитие
моей [давне<й>] любви не пред-
ставляет ничего [особенного]
отрадного, кроме той отрады,
которую Лермонтов имел
в виду, когда он говорил о том,
как весело и больно

а. Притом — [окончательное
развитие моей любви] нет ни-
какой возможности сладко <*не
закончено*> *б*. [Притом — в рас-
сказ] Продолжаю

а. *Начато*: Целую неделю после
[эт<ой>] прогулки за городом
б. Целая неделя прошла после
прогулки за городом. . . но и
положение мое нисколько не
изменилось—

людей одиноких и [от] с само-
любивых

они имеют глаза и даже тара-
щат эти глаза — а на самом

видят всё в ложном свете,
(197, 29—31)

словно сквозь окрашенные
очки. (197, 31)

Их же собственные мысли и
наблюдения мешают им на каж-
дом шагу. (197, 31—32)

В начале нашего знакомства
Лиза обращалась со мной
(197, 33)

может быть, даже в ее распо-
ложении ко мне было нечто бо-
лее простой, детской при-
вязанности. . . (197, 34—36)

почти внезапный перелом,
(197, 37)

она, после небольшого недо-
умения, почувствовала (197,
37—38)

стесненной в моем присутствии;
(197, 38—39)

грустила и задумывалась. . .
Она ждала. . . чего? сама не
знала. . . (198, 1—2)

деле ничего не видят [потому
что кроме собственных] — или
еще хуже — [всё они] видят
всё в ложном свете собствен-
ных <не закончено>

Вписано:

а. [Их] Собственные [их] мысли
их [путаают] сбивают с толк <у>
б. Их же собственные мысли
и наблюденья им мешают. *Впи-
сано.*

Лиза сперва обращалась со
мной

а. может быть, она даже чув-
ствовала ко мне нечто более
простой детской привязанности
б. может быть, даже в [их]
ее расположение ко мне была
простая детская привязанность

а. Как в тексте. б. Начато:
почти внезапный перелом,
о котором я уже

а. она вдруг почувствовала
б. она после недолгого недо-
умения [и] [все еще] <4 нрзб>. —
она вообще отличалась не-
обыкновенной <не закончено>
в. она после небольшого не-
доумения внезапно почувст-
вовала ♠

стесненной в моем присутст-
вии — тем более стесненной, что
[ей нельзя было] она не могла не
заметить, что происходило во
мне—

а. грустила и ждала. . . чего —
сама не знала—*б.* грустила и
задумывалась. . . о чем — она
сама не знала—

я, как уже сказано, радовался этой перемене. . . Я, ей-богу, чуть-чуть не замирал, как говорится, от восторга. (198, 2—4)

Впрочем, я готов согласиться, (198, 4)

мог бы обмануться. . . (198, 5)

У кого нет самолюбия? (198, 5—6)

Нечего и говорить, что это всё мне стало ясным только впоследствии времени, (198, 6—7)

опустить свои ошибенные, и без того несильные, крылья. (198, 8—9)

Недоразумение, возникшее между мной и Лизой, продолжалось целую неделю, — (198, 10—11)

недоразумений, продолжавшихся годы за годами. (198, 12—13)

Да и кто сказал, что одна истина действительна? (198, 13—14)

Точно, помнится, во мне даже в течение этой недели изредка шевелился червь. . . (198, 15—17)

так же не способен понять то, что в нем происходит, как и то, что совершается перед его глазами. (198, 18—19)

Вписано.

Я готов согласиться

а. Как в тексте. б. мог бы также обмануться. . .

а. Как в тексте. б. У кого нет самолюбия? Да и притом если. . .

Все это мне стало ясно в последствии времени—

опустить и без того несильные, ошибленные крылья. . .

а. В течение целой недели продолжалось это недоразумение—
б. Оно продолжалось целую неделю [это недоразуменье]. Между Лизой и мной образовалось недоразумение—

недоразумений, продолжавшихся целые годы. . . я думаю, нет семьи [в которой вы [не встретите] их не найдете] без них.

а. Кто сказал, что одна истина действительна? *б. Как в тексте. в. Как а. ^д Вписано.*

а. Помнится, во мне иногда тоже [шевелился] изредка шевелился в то время червь. . .
б. Помнится, во мне также в то время изредка шевелился червь. . .

[так же мало способен] точно так же не способен понять то, что в [мне] нем деется — как и то, что совершается вокруг.

Разве человеку свойственно любить? (198, 20—21)

Положим, (198, 22)

сердце иногда неприятно сжималось; (198, 22—23)

значение каждого отдельного ощущения? (198, 25—26)

все эти недоразумения, предчувствия и надежды разрешились следующим образом. (198, 27—28)

звонкий голос (198, 31)

дверь распахнулась (198, 31—32)

показался на пороге стройный и высокий мужчина лет двадцати пяти, (198, 32—34)

военную шинель, (198, 34)

ласково простился с Кириллом Матвейчем, (198, 35—36)

проходя мимо меня, небрежно коснулся своей фуражки — и исчез, (198, 36—37)

спросил я Ожогина. (198, 38)

— Князь Н*, — (198, 39)

Да где ж это люди? (199, 1)

Разве человеку естественн^о любить? *Последние два слова подчеркнуты карандашом; против этого места на полях ВВ.*

Начато: а. и <по тому> б. Как тут прикажете понять себя

сердце иногда сжималось: [◇]

значение каждого отдельного ощущения? — Притом не забудьте, что я был лишний человек. . .

а. вот чем разрешилось все это *б.* [вот каким] все эти недоразумения разрешились следующим образом.

звонкий и приятный голос

дверь растворилась

а. показался адъютант, стройный и высокий [мужчина] молодой человек, *б.* показался на пороге адъютант, стройный и высокий мужчина лет 25-и, [◇]

шинель [◇]

ласково поклонился Кириле Матвейчу,

а. проходя, небрежно поклонился мне и исчез, *б.* проходя мимо меня, небрежно коснулся своей военной фуражки и исчез, [◇]

спросил я, видимо, озабоченного Ожогина.

Князь Н. из Петербурга

Да где же это люди все?

— С час. (199, 9)

представить его Олимпиаде Никитичне. (199, 9—10)

Я помолчал. — Надолго он сюда приехал, вы не знаете? (199, 15—16)

Не помню, чтобы приезд князя Н* произвел во мне (199, 20—21)

обыкновенно овладевает (199, 23)

примешивалось еще нечто вроде зависти (199, 25—26)

к блестящему петербургскому офицеру. (199, 26—27)

столичная штучка: на нас свысока смотреть будет. . .» (199, 28)

Не более минуты видел я его, но успел заметить, (199, 29)

ловок и развязен. (199, 30)

Походив некоторое время по зале, я наконец остановился перед зеркалом, (199, 30—32)

придал моим волосам живописную небрежность и, как это иногда случается, внезапно углубился в созерцание моего

— С час. — Он Лизу за фортепьянами застал.

представить его Олимпиаде Никитичне. Я его представил. [Он] Ему придется пробыть здесь две недели с лишком.

а. Начато: Впрочем, я понимаю. . . ему придется, может быть, здесь [недели] две недели *б.* А на сколько времени он приехал, вы не знаете? *в.* И надолго он сюда приехал, вы не знаете? ♦

Я не помню, чтобы приезд адъютанта возбудил во мне

невольно овладевает

примешивалась еще зависть

к блестящему [адъютанту] петербургскому адъютанту

адъютант. . . столичная штучка: на нас свысока будет смотреть. . . ♦

[Я не видел его] Не более минуты видел я его, но я успел заметить ♦

ловок и развязен. . . [На этого рода в<. . .>] На это люди нашего десятка зорки.

С этими чувствами и мыслями подошел я к зеркалу,

а. и начал было придавать моим волосам живописную небрежность, [которая] [поскольку я воображал] и сам не знаю

собственного лица. (199, 32—35)

Помнится, мое внимание было заботливо сосредоточено на моем носе; мягковатые и неопределенные очертания этого члена не доставляли мне особенного удовольствия — (199, 35—38)

в темной глубине (199, 38—39)

Лиза протянула голову, внимательно посмотрела на меня (200, 2—3)

и притаив дыхание, (200, 4)

как человек, который рад, что его не заметили, осторожно подалась назад и тихонько потянула за собою дверь. (200, 4—6)

Лиза вздрогнула и замерла на месте. . . Я всё не шевелился. . . Она потянула за ручку опять и скрылась. (200, 7—9)

Не было возможности сомневаться: выражение Лизина лица (200, 9—10)

при виде моей особы, это выражение, в котором не замечалось ничего, кроме желанья благополучно убраться назад,

[как] [зачем] отчего, внезапно углубился в созерцание моего бледноватого лица. б. и [тщатель<но>] придал моим волосам живописную небрежность и, как это часто бывает, [постепенно] внезапно углубился в созерцание моего бледного лица.

а. [Медленно] Помнится, внимание мое было сосредоточено на моем носе, очертанье которого не доставляло мне никакого удовольствия — б. Помнится, внимание мое было сосредоточено на моем носе, [мягковатое], [неопределенное] мягкое очертанье которого не доставляло мне никакого удовольствия —

а. в темноватой глубине б. в прозрачно-темной глубине[◇]

а. Лиза протянула голову, посмотрела на меня б. Лиза вздрогнула, протянула голову, внимательно посмотрела на меня

и притая дыханье[◇]

осторожно подалась назад [итихонько], как человек, который рад, что его не заметили, и тихонько заперла дверь. . .

Лиза вздрогнула и замерла было на месте — потянула за ручку [двер<и>] опять — и [исчезла] скрылась

[Тут] Не было возможности более ошибаться: [эта девушка, которая] выраженье Лизинаго лица [ее движенье][◇] *Вписано.*

при виде моей особы, это выраженье, в котором не замечалось ничего, кроме желанья избавиться от неприятного

избегнуть неприятного свидания, быстрый отблеск удовольствия, который я успел уловить в ее глазах, когда ей показалось, что ей точно удалось ускользнуть незамеченной, — (200, 10—15)

всё это говорило слишком ясно: эта девушка меня не любит. (200, 15—17)

Я долго, долго не мог отвести взора от неподвижной, немой двери, снова белым пятном появившейся в глубине зеркала; (200, 17—19)

хотел было улыбнуться своей собственной вытянутой фигуре — (200, 19—20)

опустил голову, вернулся домой и бросился на диван. (200, 20—21)

«Неужели? — твердил я беспрестанно, лежа, как убитый, на спине и сложив руки на груди, — неужели?..» Как вам нравится это «неужели»? (200, 23—25)

26 марта. Оттепель. (200, 26)

вошел в знакомую гостиную Ожоговых, (200, 28—29)

свиданья, быстрый отблеск удовольствия, который мне удалось уловить на ее глазах, когда ей [удалось] показалось, что она может уйти незамеченной, — *Вписано.*

всё это говорило слишком ясно: эта девушка меня не любила. \diamond *Вписано.*

а. [Долго] Я долго, долго посмотрел на белую, немую дверь, снова появившуюся в глубине зеркала — *б.* Я долго [не мог отвести], долго не мог отвести взора от неподвижной, немой двери, снова появившейся в глубине зеркала — *в.* Я долго, долго посмотрел на неподвижную, немую дверь, снова появившуюся в глубине зеркала —

а. хотел было улыбнуться моему собственному [вытянутому] лицу — *б.* хотел было улыбнуться моей собственной вытянутой фигуре — \diamond

опустил голову, [достал] сыскал свою шляпу [и] вернулся домой и бросился на диван с такой тяжестью на сердце. . .

а. Все кончено, — твердил я беспрестанно, как будто *«Э нрзб.»* *б.* «Неужели», — твердил я беспрестанно, — как вам нравится это «неужели»? \diamond *Вписано.*

Вписано.

а. снова появился в гостиной Кирилы Афанасьича¹⁰

¹⁰ Афанасьича вместо Матвенча — так до конца; в дальнейшем это различие не оговаривается.

б. снова появился в доме О〈жогинных〉

от которых я было начал отвыкать под влиянием нового для меня чувства, внезапно появились опять и завладели мною, (200, 31—33)

Люди, подобные мне, вообще руководствуются не столько положительными фактами, сколько собственными впечатлениями: (200, 34—36)

вчера мечтавший о «восторгах взаимной любви», сегодня уже нимало не сомневался в своем «несчастии» и совершенно отчаивался, (200, 36—39)

разумный предлог своему отчаянию. (200, 1)

и какие бы за ним ни водились достоинства, (201, 2—3)

Я припоминал прошедшее. (201, 5—6)

«А прогулка в лесу? — спрашивал я самого себя. — А выражение ее лица в зеркале? Но, — продолжал я, — прогулка в лесу, кажется. . . Фу ты боже мой! что я за ничтожное существо!» — восклицал я вслух, наконец. (201, 6—10)

от которых я было начал отвыкать под влияньем [лю〈бви〉] [не〈жного?〉] для меня нового чувства — внезапно появились снова и завладели мною опят〈ь〉

Люди, подобные мне, руководствуются во всем не положительными фактами, а собственными впечатлениями:

вчера мечтавший о восторгах взаимной любви, сегодня уже [нисколько] нимало не сомневался в своем «несчастьи» и совершенно «отчаивался»—◇

разумный предлог моему отчаянию. . . ◇

а. и какое высокое мнение я ни имел о его достоинствах—
б. и какие бы ни были его достоинства—

[Однако, кажется, она] Она точно была ко мне расположена. *Вписано.*

а. «А прогулка в лесу? а явление ее в зеркале? — Что ж. . . прогулка в лесу, кажется. . . Фу ты, боже мой, что за [дрянной] мелкий человек!» — восклицал я вслух [наконец]. б. «А прогулка в лесу? а [лицо] выражение лица ее в зеркале? — Но, — продолжал я, — прогулка в лесу, кажется. . . Фу ты, боже мой, что я за ничтожное существо! — восклицал я вслух, наконец. ◇
Вписано.

Вот какого рода недосказанные, недодуманные мысли, тысячу раз возвращаясь, однообразным вихрем кружились в голове моей. (201, 10—12)

Повторяю (201, 12)

я вернулся к Ожогиним тем же мнительным, подозрительным, натянутым человеком, каким был с детства. . . (201, 13—14)

Лиза спокойно приветствовала меня. (201, 18—19)

сказал я сам себе, — (201, 19)

Признаюсь, вторичное посещение князя меня озадачило. Я этого не ожидал. (201, 20—22)

великодушного человека; (201, 24—25)

хотел наказать Лизу своею немилостью, из чего, впрочем, должно заключить, что я все-таки еще не совершенно отчаялся. Говорят, в иных случаях, когда вас действительно любят, даже полезно помучить обожаемое существо; но в моем положении (201, 25—30)

Лиза самым невинным образом не обратила на меня внимания. (201, 30—31)

заметила мою торжественную молчаливость (201, 32—33)

Вот какого рода мысли [однообразным], тысяча раз повторяясь, однообразным вихрем кружились в моей голове. . .

[Повторяю] Словом

а. Я вернулся к Ожогиним тем же натянутым, подозрительным, мнительным и [замкнутым] робким человеком, каким я был с детства. . . б. я вернулся к Ожогиним тем же мнительным, натянутым, подозрительным и робким человеком, каким я был с детства. . . [♦]

Лиза поклонилась мне

сказал я самому себе, [♦]

а. Признаться, что посещение князя меня озадачило, я его не ожидал. б. Признаться, вторичное посещение князя меня озадачило, я этого не ожидал.

Начато: благородного

Я хотел наказать Лизу своею немилостью, из чего, впрочем, [можно] должно заключить, что я [еще] все-таки еще не совершенно «отчаялся». — Говорят — в иных случаях — когда вас [действительно] тоже действительно любят — [это иногда нехудо] даже полезно помучить обожаемое существо — но в моем положении
Вписано.

тем более что Лиза [нисколько] самым невинным образом не обращала на меня внимания. . .

а. *Как в тексте.* б. заметила мою молчаливость [♦]

с горькою улыбкой отвечал ей,
(201, 34)

вошел человек и доложил (201,
39)

Хозяин вскочил и побежал ему
навстречу; (201, 39—40)

Лиза, на которую я тотчас
устремил орлиный взор, по-
краснела от удовольствия и
зашевелилась на стуле. Князь
вошел, раздушенный, веселый,
ласковый. . . (201, 40—202, 3)

Так как я не сочиняю повести
для благосклонного читателя,
а просто пишу для собственного
удовольствия, то мне, стало
быть, не для чего прибегать
к обычным уловкам господ ли-
тераторов. (202, 4—7)

Лиза с первого же дня страстно
влюбилась (202, 8—9)

и князь ее полюбил — отчасти
от нечего делать, отчасти от
привычки кружить женщинам
голову, (202, 9—11)

В том, что они полюбили друг
друга, не было ничего удиви-
тельного. (202, 12—14)

а. с самой горькой улыбкой
отвечал ей б. *Начато*: с зна-
чительно <й>

человек вошел и доложил, ♦

Хозяин побежал ему навстречу

Лиза, [с которой я не спускал]
на которую я устремил [взор]
по меньшей мере орлиный
взор покраснела от удоволь-
ствия и зашевелилась на стуле.
Князь вошел веселый, ласко-
вый. . .

а. Так как я не сочиняю по-
весть и [стало быть] вообще
пишу не для читателей, —
то мне, стало быть, не для чего
прибегать к обычным уловкам
господ литераторов, [не для
чего подготавливать моих чи-
тателей] понемногу подготавли-
вать так называемые эф-
фектные места. б. Так как я
не сочиняю повесть вообще,
а [пишу просто] просто пишу
для [себя] собственного удо-
вольствия — если только это
можно назвать удовольст-
вием, — то мне, стало быть,
не для чего прибегать к обыч-
ным уловкам господ литера-
торов. ♦

Лиза с первого же дня влюби-
лась

и князь ее полюбил, отчасти
от скуки, отчасти от привычки
[возбудить] [нравиться]
кружить женщинам голову—

а. В их взаимном расположении
не было ничего удивительного.

б. В их взаимном расположе-
нии друг к другу не было ни-

чего удивительного. *в.* В их взаимной наклонности не было ничего удивительного. *♦ Вписано.*

найти подобную жемчужину
(202, 14—15)

и во сне не видала ничего хотя несколько похожего на этого блестящего, умного, пленительного аристократа. (202, 16—18)

пленительного аристократа.
(202, 18)

После первых приветствий (202, 19)

умел не только никого не стеснять, (202, 23—24)

жил в С.-Петербурге. (202, 26)

найти такую жемчужину

а. и во сне не видала ничего подобного этому блестящему, умному, веселому, пленительному аристократу. . . *б.* и во сне не видала ничего хоть несколько похожего на этого блестящего, умного, веселого, пленительного аристократа. . .

пленительного аристократа. . . Но кроме князя и меня, разумеется, — еще был один человек, который [молчаливо] [нежно и гл<убоко>], как я потом узнал, глубоко и нежно любил Лизу, — а именно: Бизьмёнков — этот бледненький чиновничек, [которого] на которого даже я, помнится, почитал себя вправо [презирать] глядеть свысока, хотя я, в сущности, [как я потом узнал], не был достоин развязать «ремень от сапог его» — и которому мне пришлось потом так мучительно завидовать. . . Но хотя я не пишу повесть — [я] все-таки я не вижу причины забегать вперед. . . Возвращаюсь к рассказу. *♦*

Вписано.

умел не стеснять никого,

а. жил в Петербурге — что, впрочем, всегда очень легко человеку из высшего круга, но только из высшего.

[Следствием это[го]й тактики

князя было то, что] Следствием этой — если хотите, простой уловки князя было то, что он решительно очаровал всё [семейство Ожо<гиных>] общество города Ч., исключая меня, разумеется. Ожогины, конечно, возбуждали зависть других г<оспо>д дворян и чиновников. . . но кн<язь>, как человек светский и умный — не обошел ни одного из них; побывал у всех, всем барыням сказал хоть по одному ласковому слову, позволял себя кормить тяжелыми кушаньями и поить [вычур<но>] дрянными винами с великолепными названьями. . . словом [он] вел себя отлично, осторожно и ловко. [Он] Кн<язь> Н. вообще был человек ласкового и веселого нрава, общежительный, [а тут еще к природной склонности быть любезным примешался] любезный по склонности, да тут еще кстати по расчету: как же ему было не успеть совершенно [?] [очар<овать>] [понравить<-ся>] — и во всем? — Ну, вернувшись в Петербург, он, вероятно, преспокойно позабыл и Лизину любовь и дурные обеды у Ч-ских [чиновников] дворян. . . может быть, даже он долее помнил эти обеды, чем ту любовь. . . Впрочем, это всё в порядке вещей. А я опять забегаю вперед [и]. б. жил в Петербурге. — Следствием этой, если хотите, простой уловки князя было то, что он в течение своего непродолжительного пребывания в городе Ч. решительно очаровал всё тамошнее общество. Очаровать на-

шего брата степняка всегда очень легко человеку из высшего круга, но только из высшего. Частые посещения князя у Ожоговых (он [можно сказать, живя жил у них] проводил у них все вечера), конечно, возбуждали зависть других господ дворян и чиновников. . . но князь», как человек светский и умный, не обошел ни одного из них; побывал у всех, всем барыням и барышням сказал хотя по одному ласковому слову, позволял себя кормить вычурно-тяжелыми кушаньями и поить дрянными винами с великолепными названиями. . . Словом, вел себя отлично, осторожно и ловко. Князь Н. вообще был человек веселого нрава, общительный, любезный по наклонности, да тут еще кстати по расчету: как же ему было не успеть совершенно и во всем? — Ну, вернувшись в Петербург, он, вероятно, преспокойно позабыл и Лизину любовь и дурные обеды Ч-ских дворян. . . может быть, даже он долее помнил эти обеды, чем ту любовь. . . Впрочем, это всё в порядке вещей. А я опять забегаю вперед.¹¹

Этот первый вечер. . . О, этот первый вечер! (202, 27)

Вписано.

В счастливые дни нашего детства (202, 27—28)

В детстве нашем

украва лисицу и спрятав ее (202, 30—31)

укрававши лисицу и спрятавши ее

¹¹ Текст Следствием ∞ забегаю вперед. вошел в журнальную публикацию повести- [ОЗ], в ДЛЧ и 1856 он, без окончания: Ну, вернувшись ∞ забегаю вперед. — был перенесен ниже — см. основной текст, стр. 206, строка 38, стр. 207, строка 14.

ни разу не пикнув, (202, 31) *Вписано.*

и таким образом предпочел самую смерть позору. . . (202, 32—33)

Я не могу найти лучшего сравнения для выражения моих несказанных страданий в течение того вечера, когда я в первый раз увидел князя подле Лизы. Моя постоянно напряженная улыбка, мучительная наблюдательность, мое глупое молчание, тоскливое и напрасное желание уйти — все это, вероятно, было весьма замечательно в своем роде. (202, 33—40)

чувство своего ничтожества (203, 1)

Я не мог не сознаться, что князь был действительно весьма любезный молодой человек. . . Я пожирал его глазами; я, право, кажется, забывал мигать, глядя на него. Он разговаривал не с одной Лизой, но, конечно, говорил только для нее одной. (203, 2—7)

и предпочел [у<мереть>] смерть [стыду открытия] позорному открытию воровства.

Мои [страдания] несказанные внутренние страдания в течение того дня когда я в первый раз увидел князя подле Лизы, — мое терпенье, моя лихорадочная напряженная улыбка — всё мое [внут<ри>] растерзанное внутри, снаружи неподвижное существо — всё это, должно быть, было весьма [в св<оём роде>] замечательно в своем роде.

сознание своего ничтожества

а. Я сейчас упомянул о своей наблюдательности: конечно, я наблюдал за князем и Лизой — но если бы они и не начинали любить друг друга, я бы все-таки [вообр<ажал>] находил в малейшем их слове, движении доказательство моего «несчастья» *б.* Я сейчас упомянул о своей наблюдательности: конечно, я наблюдал за князем и Лизой — но по причине вышеизложенного устройства моей [«личности»] личности я все-таки, если бы они даже не начинали действительно любить друг друга, в малейшем их слове, движении нашел бы, как говорится, «ясное» доказательство моего «несчастья» *в.* Притом я не мог не сознаться, что князь был действительно весьма любезный молодой человек, он приводил в восхищение стариков Ожоговых, и я [до того] не спускал с него

глаз; я, право, [забывал] кажется, забывал мигать, глядя на него. — Он разговаривал не с одной Лизой — но он, очевидно, говорил только для нее одной. — [Межим и Лизой уже успела устать]

Я, должно быть, сильно надоедал ему. . . Он, вероятно, скоро догадался, что имел дело с устраненным любовником, но из сожаления ко мне, (203, 7—9)

обращался со мной необыкновенно мягко. (203, 11)

кому попадутся эти строки на глаза, тем более что это было моей последней мечтой (203, 14—16)

за мою надменную холодность (203, 18)

что она сердится на меня и только с досады кокетничает с князем. . . (203, 19—20)

с смиренной, но ласковой улыбкой (203, 21)

«Довольно, простите меня. . . Впрочем, я это не оттого, чтобы я боялся», — и вдруг, не до-

а. Князь, как ловкий светский человек, тотчас догадался, что он имел дело с [не«счастливым?】 устраненным любовником; но, вероятно, из сожаления ко мне, б. Я, должно быть, сильно надоедал ему, но как ловкий светский человек, он, вероятно, очень скоро догадался, что имел дело с устраненным любовником; но [должно быть] из сожаления ко мне, ♦

обращался со мной, может быть, еще вежливее прежнего.

а. кому попадутся [в ру«ки】 эти строки на глаза б. кому попадутся эти строки на глаза, тем более что это было [моим последним] моей последней «мечтой» ♦

Начато: за мою холодность, оскорбительную

а. что она только кокетничает с князем. . . б. что она [конечно, для этого только] только, конечно, для этого кокетничает с князем. . .

а. с [улыбкой] смиренной, но ласковой улыбкой б. с смиренной, но вместе с тем снисходительной улыбкой

«Довольно простите меня», — и придал необыкновенно живое и развязное выражение, даже

жидаясь ее ответа, придал лицу своему необыкновенно живое и развязное выражение, криво усмехнулся, протянул руку над головой в направлении потолка (203, 22—26)

однако не повернулся, (203, 29—30)

по причине какой-то неестественной окоченелости в коленях. . . (203, 30—31)

торопливо улыбнулась, как бы желая поскорее отделаться, (203, 33—34)

но не мог внутренне не сознаться, что она вовсе не сердилась и не досадовала на меня в эту минуту: она просто и не думала обо мне. (203, 35—37)

Удар был решительный: последние мои надежды с треском рухнули как ледяная глыба, прохваченная весенним солнцем, внезапно рассыпается на мелкие куски. Я был разбит наголову, с первого же натиска и, как пруссаки под Иеной, в один день, разом всё потерял. Нет, она не сердилась на меня! . . (203, 37—204, 3)

Ее самое — я это видел — подмывало, как волной. (204, 4—5)

руку зачем-то протянул над головой в направлении потолка — [будто для того чтобы]

но однако не повернулся, [◇]

по причине какой-то окоченелости в ногах. . .

а. торопливо улыбнулась *б.* торопливо улыбнулась, как бы желая поскорее отделаться от меня

но я не мог не сознаться, что эта девушка вовсе на меня не сердилась и не досадовала. . . *б.* но я не мог внутренне не сознаться, что она вовсе на меня и ни на кого на свете в эту минуту не сердилась и не досадовала. . . [◇]

а. В это мгновенье последние мои надежды рухнули *б.* Этот удар был решительный: последние мои надежды рухнули в это мгновенье, как ледяная глыба, прохваченная весенним солнцем. — Нет, она не сердилась на меня. . . *в.* Удар был решительный: последние мои надежды рухнули с треском, как ледяная глыба, прохваченная солнцем, внезапно рассыпается на мелкие куски. Я был разбит наголову с первого же хода и, как пруссаки под Иеной, разом потерял всё в [этот вечер] один день — Нет, она не сердилась на меня. . .

а. Ее подмывало, как волной. . . *б.* Ее в это время подмывало, как волной. . .

Кому довелось быть свидетелем подобного увлечения, тот пережил горькие минуты, если он сам любил и не был любимым. (204, 8—11)

Я вечно буду помнить это пожирающее внимание, эту нежную веселость, это невинное самозабвение, этот взгляд, еще детский и уже женский, эту счастливую, словно расцветающую улыбку, не покидавшую полураскрытых губ и зардевшихся щек. . . (204, 11—15)

и она, отдаваясь вся любви, в то же время вся утихла и светлела, (204, 17—18)

Я ни на что не мог надеяться. Лиза и князь с каждым днем более и более привязывались друг к другу. . . Но я решительно потерял чувство собственного достоинства и не мог оторваться от зрелища своего несчастья. Помнится, однажды

а. Тот, кому довелось увидеть подобное зрелище, знает, как [оно] горько мгновенье; [он] это зрелище понятно только [тому] несчастному любовнику; ни равнодушный зритель [общество], ни [даже] тот, кому молодое сердце [отдается] [[так] безвозвратно отдается другому, не [могут] в состоянии вполне оценить, что в нем происходит у них перед глазами. *б.* Кому довелось быть свидетелем подобного увлечения — тот пережил горькие мгновенья, — если он любил [напрасно] и не был любимым . . . впрочем, другим.

а. Я никогда не забуду это пожирающее внимание, этот взгляд, из детского переходивший в женский, — эту счастливую улыбку, не покидавшую полураскрытых губ. . . *б.* Я вечно буду помнить это пожирающее внимание, эту нежную веселость, эту невинную забывчивость, этот взгляд, еще детский и уже женский, — эту счастливую, словно расцветающую улыбку, не покидавшую невинно раскрытых губ и чуть зардевшихся щек. . .

а. и она вся внезапно утихла и светлела, *б.* и она, отдаваясь вся [безвозвратно] [любви] своей страсти, в то же время вся утихла и светлела,

а. Начато: Но перо мое даже теперь отказывается передать все мною перенесенные муки в течение *б.* Помнится, однажды я попытался было не пойти — [и] с утра дал себе честное слово остаться дома. . . и [не мог сдержать свое слово] в 8 часов

я попытался было не пойти, с утра дал себе честное слово остаться дома — и в восемь часов вечера (я обыкновенно выходил в семь), как сумасшедший, вскочил, надел шапку и, задыхаясь, прибежал в гостиную Кирилла Матвейча. (204, 22—31)

Положение мое было необыкновенно нелепо: я упорно молчал, иногда по целым дням не произносил звука. (204, 31—33)

Я, как уже сказано, никогда не отличался красноречием; но теперь всё, что было во мне ума, словно улетучивалось в присутствии князя, и я оставался гол как сокол. (204, 33—36)

вечера (я обыкновенно ходил к Ожогиным в 7) — как сумасшедший, вскочил, надел шапку и, задыхаясь, прибежал в гостиную [где я в довершение несчастья нашел князя] наедине с] Ожогина. *в.* [Я не мог оторваться от зрелища своего несчастья] Я решительно потерял чувство собственного достоинства и не мог оторваться от зрелища своего несчастья. Помнится, однажды я попытался было не пойти — с утра дал себе честное слово остаться дома. . . и в 8 часов вечера (я обыкновенно выходил в 7) — как сумасшедший, вскочил, надел шапку и, задыхаясь, прибежал в гостиную К<ирилы> А<фанасьяча>. *Вписано.*

а. Я удивляюсь, как я мог это вынести. — Положение мое было необыкновенно нелепо: все в доме подозревали мою «страсть». Я упорно молчал, иногда по целым дням не производил звука. . . *б.* Положение мое [с каждым днем становилось] было необыкновенно нелепо: всё семейство знало, что я считал дни. Я упорно молчал [особенно с Лизой, что, впрочем], иногда по целым дням не произносил звука. . . [♦] ¹²

а. [Что было во мне ума] Ум мой улетучивался в присутствии князя. *б.* Я, как уже сказано, никогда не отличался красноречием. . . [да сверх того] но теперь всё, что было во мне ума, улетучивалось в присутствии князя. [♦]

¹² На полях против последней строки этого текста вписано: «Пламень дымный, забытый средь [пуст<ых>?] долин».

Притом я наедине до того заставлял работать мой несчастный мозг, медленно передумывая всё замеченное или подмеченное мною в течение вчерашнего дня, что, когда я возвращался к Ожогиним, у меня едва доставало силы опять наблюдать. (204, 36—205, 1)

Я каждое утро принимал новое, окончательное решение, большею частью мучительно высиженное в течение бессонной ночи: я то собирался объяснить с Лизой, дать ей дружеский совет. . . но когда мне случалось быть с ней наедине, язык мой вдруг переставал действовать, словно застывал, и мы оба с тоской ожидали прибытия третьего лица; то хотел бежать, разумеется навсегда, оставив моему предмету письмо, исполненное упреков, и уже однажды начал было это письмо, но чувство справедливости во мне еще не совсем исчезло: я понял, что не вправе никого ни в чем упрекать, и бросил в огонь свою цидулу: (205, 2—13)

а. Притом я до того наедине заставлял работать мой несчастный мозг, медленно передумывая всё, что я заметил или подметил в течение вчерашнего вечера — что, возвращаясь к Ожогиним, у меня едва доставало силы [понимать] «наблюдать».*б. Притом я наедине [— утром и по ночам —] до того заставлял работать мой несчастный мозг, медленно передумывая всё замеченное или подмеченное мною в течение вчерашнего дня — что, возвращаясь к Ожогиним, у меня едва доставало силы опять «наблюдать».†

а. Мне совестно пересказывать все планы, которые я мучительно высиживал по ночам¹³ в то время: я то хотел бежать, [пославши] оставивши Лизе письмо, исполненное упреков — и уже начал было это письмо — но чувства честности во мне еще оставалось настолько, чтобы понять, что я не вправе упрекать [ее] Лизу ни в чем — и я бросил в огонь мою цидулу; б. Я каждое [день] утро принимал новое «окончательное» решение, большей частью мучительно высиженное [особенно] в течение бессонной ночи: я то собирался объяснить с Лизой, дать ей дружеский совет — но [она] всякий раз, когда мне случалось быть с ней наедине — язык мой вдруг переставал действовать, [глаза вдруг устремлялись] словно застывал, и мы оба с тоской ожидали прибытия

¹³ Под этим словом вписано и зачеркнуто: тысяча планов.

3-го лица; то [я] хотел бежать, разумеется, навсегда, оставивши моему предмету письмо, исполненное упреков, — и уже однажды начал было это письмо — но чувство справедливости во мне еще [сохранилось] не совсем исчезло: я понял, что я [решительно] [вовсе] не вправе [упрекать эту бедную девушку] ни в чем никого упрекать — и бросил в огонь мою цидулю;[♦]

приносил всего себя в жертву, (205, 13—14)

приносил [себя] «всего себя» в жертву,[♦]

кротко и дружелюбно улыбался (205, 15)

а. кротко улыбался *б.* *Начато:* кротко и велик<одушно>

Но жестокосердые любовники (205, 16)

а. Но никто *б.* Но так как никто *в.* Но ни князь, ни Лиза

даже не замечали ее (205, 17)

но и не замечали ее[♦]

и, по-видимому, не нуждались ни в моих благословениях, ни в моих улыбках. . . (205, 17—19)

и преспокойно <?> не нуждались в моих благословеньях

Тогда я, с досады, внезапно переходил (205, 19)

а я внезапно переходил

Я давал себе слово, (205, 20—21)

[хотел] давал себе слово,[♦]

и с зверской радостью (205, 22—23)

Начато: и с [тайным удово<льствием>] [злобным] зверским наслажде<нием>¹⁴

подобных углов было очень немного, (205, 24—25)

углов было очень немного — [да я и не знаю — такого рода убийство как-то не идет к][♦]

а во-вторых — бревенчатый забор, фонарь, будочник в отдалении. . . (205, 25—26)

а во-вторых. . . бревенчатый [сруб] забор, висячий фонарь — грязь по колена — [я не знаю] — сети <?> — буточник в отдаленье. . .[♦]

¹⁴ Против этих строк на полях карандашом NB.

проливать кровь челове-
скую. (205, 27)

Я должен признаться, что между прочими средствами к избавлению, как я весьма неопределенно выражался, беседуя с самим собою, — я вздумал было обратиться к самому Ожогину. . . направить внимание этого дворянина на опасное положение его дочери, на печальные последствия ее легкомыслия. . . (205, 28—33)

Я даже однажды заговорил с ним об этом щекотливом предмете, (206, 33—34)

но так хитро и туманно повел речь, (205, 34—35)

что он слушал, слушал меня — и вдруг, словно спросонья, сильно и быстро потер ладонью по всему лицу, не щадя носа, (205, 35—37)

фыркнул и отошел от меня в сторону. (206, 37—38)

Нечего и говорить, что я, приняв это решение, уверял себя, что действую из самых бескорыстных видов, желаю общего блага, исполняю долг друга дома. . . (205, 38—206, 1)

Но смею думать, что если бы даже Кирилла Матвейч не пресек моих излияний, у меня все-таки недостало бы храбрости докончить свой монолог. (206, 1—3)

проливать кровь несправедливого врага.

Я должен признаться, что между прочими средствами к избавлению, как я выражался, беседуя с самим собою, я однажды вздумал было обратиться к самому Ожогину, обратить его внимание на опасное положение его дочери, на [гро(зные?)>] печальные последствия ее легкомыслия. . . *Вписано.*

Я однажды даже заговорил с ним об этом щекотливом предмете — *Вписано*

но так [издалека] хитро и туманно повел речь — *Вписано.*

Вписано.

фыркнул, храпнул — и отошел от меня в сторону. . . *Вписано.*

Нечего и говорить, что я, приняв это решение, уверял себя, что действую из самых бескорыстных видов, желаю обоюдного блага. . . *Вписано.*

Но [если бы даже] я смею думать, что если бы даже Кирилла Афанасьич не [отвергнул] пресек [моего красноречия] моих излияний, — [я бы все-таки не возымел духу] у меня все-таки недостало бы храбрости докончить свой донос. — [Притом я имел причины подозревать, что Ожогин] [*Впрочем,*

я бы даже [окончил] мог окончить его и все-таки от этого ничего бы не переменилось: Ожогин, [вероятно] не был слеп, вероятно] [◇] *Вписано.*

Я иногда принимался (206, 3—4)

Иногда я принимался *Вписано.*

с важностью древнего мудреца взвешивать достоинства князя; (206, 4—5)

Вписано.

иногда утешал себя надеждою, что это только так, (206, 5—6)

иногда я утешал себя надеждою, что это «только так»; *Вписано*

что Лиза опомнится, что ее любовь — ненастоящая любовь . . . о нет! (206, 6—7)

что Лиза опомнится, что любовь Лизы не настоящая любовь; а князь не что иное, как легкомысленный ветреник *Вписано.*

Словом, я не знаю мысли, над которой не повозился бы я тогда. (206, 7—8).

а. Словом, я не знаю [мысли, которая] чепухи, над которой я не повозился в течение того времени. б. Словом, я не знаю мысли, над которой я не повозился в течение того печального времени. ^{◇15} *Вписано.*

Одно только средство, (206, 8)

а. Одно только намеренье
б. Одно только «средство», [◇]

никогда мне не приходило в голову, а именно: я ни разу не подумал лишить себя жизни. (206, 9—10)

никогда не приходило в голову — а именно: я [никогда не] ни разу не подумал лишить себя жизни.

Понятно, что при таких невыгодных данных (206, 14)

а. Понятно, что при таком внутреннем настроении [духа] моего духа б. Понятно, что при таких невыгодных [дл<я>] условиях

отличалось неестественностью и напряжением. (206, 16)

а. отличалось невероятной неестественностью и напряже-

¹⁵ К этому месту относится зачеркнутый вариант, вписанный выше, без точного обозначения, куда он должен быть вставлен: Словом — я придумывал [все] всё, я придумывал все возможные решения — и с каждым днем менял их.

нем. б. отличалось невероятной неестественностью и судорожным напряжением.[♠]

это тупорожденное существо — (206, 17)

Начато: это тупорожденное во всех

Мне уже тогда казалось, что я в нем имел собрата, что и он любил Лизу. (206, 20—21)

Мне [сдавалось] уже тогда сдавалось, что я в нем имел собрата;[♠]

Князь обращался с ним весьма дружелюбно; князь, можно сказать, уважал его. (206, 23—24)

Князь обращался с ним [не только] весьма дружелюбно. . . Князь, можно сказать, уважал его — что, признаюсь, меня немало удивляло.[♠]

но он не чуждался их, как я, не глядел ни волком, ни жертвой — и охотно присоединялся к ним, (206, 26—27)

но он не чуждался их, как я, и [с неохотой] [неохотно] охотно [хотя несколько] присоединялся к ним,

Правда, он в этих случаях не отличался особенно шутливостью; (206, 28—29)

Правда, он не отличался особенно шутливостью *Вписано.*

но в его веселости и прежде было что-то тихое. (206, 29—30)

В его веселости [всегда] и прежде всегда было что-то тихое. . .[♠]

прошло около двух недель. (206, 31)

прошло около трех недель.

он играл на фортепьяно, пел, довольно порядочно рисовал, умел рассказывать. (206, 32—34)

он [обладал некоторы<м>] хорошо играл на фортепьяно, пел, довольно порядочно рисовал, умел [рассказывать] забавно рассказывать. . .

Следствием этой ~ совершенно и во всем? (206, 38—207, 14)

*Здесь отсутствует.*¹⁶

Со времени его приезда все в доме находили, (207, 15)

а. [Время летело] Со времени его приезда все в доме находили б. Со времени его приезда все в доме находили, [кроме меня] опять-таки кроме меня, разумеется

¹⁶ В автографе этот текст находится выше — см. стр. 58—59.

но, вероятно, тайком потирал себе руки (207, 18)

сам князь вел всё дело очень тихо и пристойно, как вдруг одно неожиданное происшествие. . . (207, 19—21)

что мой носик уже заострился; (207, 24)

князь и Лиза любили друг друга, (207, 28)

Бизьмёнков тут же присутствовал — о нем нечего было сказать другого; (207, 29—30)

я бился, как рыба об лед, и наблюдал что было мочи, — (207, 30—31)

помнится, я в то время (207, 31—32)

и вследствие этого начал обращать особенное внимание на горничных и на роковое «заднее» крыльцо — (207, 33—35)

я со временем протяну руку (207, 37)

но я твой верный друг. . . Забудем прошедшее и будем счастливы!» (207, 38—208, 1)

распространилась радостная весть: (208, 1—2)

в собственном своем имении Горностаевке, Губнякове тож. (208, 3—4)

Все чины и власти города О. . . получили приглашение, начиная с городничего и кончая

вероятно, [внутренно] тайком потирал себе руки

[Князь] Сам князь, как благовоспитанный и тонкий человек, вел всё дело очень тихо и пристойно, как вдруг одно неожиданное происшествие [нару<шило>] . . .[♦]

что мой «носик уже заострился»[♦]

Начато: князь и Лиза более

а. Начато: Бизьмёнков грустно на них <?> *б.* Бизьмёнков [тут же] [тут присутств<овал>] тут же присутствовал

Начато: я наб<людал>

Начато: я давал честное слово но

и [обращал] начинал обращать особенное внимание на горничных и на заднее крыльцо —

я [приду сказать] протяну руку

но я остался верным — забудем прошедшее и будем счастливы!¹⁷

распространилась весть о большом бале,

в собственном своем имении Горностаевке, Слизнякове тож.

а. Все «чины и власти» города Ч. — начиная с городничего и кончая аптекарем, необычно

¹⁷ Текст: что было мочи ~ и будем счастливы! *отчеркнут карандашом, на полях NB.*

аптекарем, необыкновенно чирым немцем с жестокими притязаниями на уменье говорить чисто по-русски, вследствие чего он беспрестанно и вовсе некстати употреблял сильные выражения, как, например: «Я чёрт меня завзем побери, свиднэ маладец завзем. . .» (208, 5—11)

Один косметик-лавочник (208, 12)

шестнадцать темно-синих банок помады (208, 13)

Барышни сооружали себе тугие платья с мучительным пере хватом и мысом на желудке; (208, 14—16)

захлопотавшиеся отцы лежали, как говорится, (208, 18)

От города до Горностаевки считалось девять верст. (208, 20—21)

Кирилла Матвееч предложил мне место в своей карете; (208, 21—22)

желая хорошенько отомстить (208, 23)

венно чирым немцем, [в те ченье сорокадвухлетнего пребывания в России] [русский выговор] с отважными притязаниями на [чист<ый>] уменье говорить по-русски — вследствие чего он говорил: «И кстати¹⁸ — получили приглашенья.б. Все «чины и власти» города Ч. получили приглашение — начиная с городничего и кончая аптекарем, необыкновенно чирым немцем, с [сильными] жестокими притязаниями на уменье говорить чисто по-русски — вследствие чего он беспрестанно и вовсе некстати употреблял сильные выраженья [вроде], как, например: «Я . . . чёррррт возьми, свиднэ остригалллся. . .»[◇]

Один [галло<ман>] «косметик-лавочник»[◇]

шестнадцать банок помады

[Матушки от излишнего] Барышни [заказывали] вырабатывали себе тугие платья с пере хватом [и]

отцы, как говорится, лежали

Горностаевка находилась в 9 верстах от города.

[О<жогин>] К<ирила> А<фана сьич> предложил мне поехать в<месте>

желая отомстить

¹⁸ В этом варианте прямая речь осталась незаконченной.

Притом я чувствовал, что мое присутствие стеснило бы Лизу. (208, 24—25)

Бизъмёнков заменил меня. (208, 26)

я — на дрянных дрожках, нанятых мною (208, 27)

Всё в нем было как водится: (208, 29)

ошеломленные помещики с застарелыми семействами, лиловое мороженое, слизистый оршад, (208, 31—32)

люди в стоптанных сапогах и вязаных бумажных перчатках, (208, 32—33)

провинциальные львы с судорожно искаженными лицами и т. д., и т. д. . . . (208, 33—35)

И весь этот маленький мир вертелся вокруг своего солнца — вокруг князя. (208, 35—36)

Потерянный в толпе, не замеченный даже сорокавосемилетними девицами с красными прыщами на лбу и голубыми цветами на темени, я беспрестанно глядел то на князя, то на Лизу. (208, 36—39)

Они только два раза танцевали друг с другом (209, 1)

Притом чувствовал, что мое присутствие [стеснит] стеснило бы Лизу. *Вписано.*

Бизъмёнков [поехал на] меня заменил.

а. Начато: Я [нанял] в предрянных? б. Я в дрянных дрожках, нанятых мною[♦]

Всё в нем было как следует:

помещики с семействами, [мороженое] лиловое мороженое¹⁹

люди в стоптанных сапогах [с гербовыми] и [фраках с гербовыми пуговицами] в вязаных перчатках и пр.[♦]

провинциальные львы с судорожно искаженными лицами вследствие страдающего самолюбия[♦] *Вписано.*

и весь этот маленький мир вертелся около князя, св<оего> солнца.

а. Потерянный в толпе, я [по] [стар<ался>] [как не] следил глазами за ним и за Верой. б. Потерянный в толпе, я [не сводил глаз с него] беспрестанно глядел то на [Веру] него, то на Веру. в. Потерянный в толпе, не замеченный даже 48-летними девицами с голубыми цветками на темени, я беспрестанно глядел то на князя, то на Лизу.

Они только три раза танцевали [друг] <!> с другом [две] [кад-

¹⁹ Против этих строк на полях карандашом NB.

мне казалось, что между ними существовало какое-то тайное, непрерывное сообщение. (209, 3—4)

Он, и не глядя на нее, не говоря с ней, всё как будто обращался к ней, и к ней одной; он был хорош и блестящ и мил с другими — для ней одной. (209, 4—7)

Она, видимо, сознавала себя царицей бала — и любимой: ее лицо в одно и то же время сияло детской радостью, невинной гордостью и внезапно озарялось другим, более глубоким чувством. (209, 7—10)

Я всё это замечал. . . (209, 11)

Не в первый раз мне пришлось наблюдать за ними. . . (209, 11—12)

Сперва это меня сильно огорчило, потом как будто тронуло, (209, 12—13)

Я внезапно почувствовал себя необыкновенно злым и, помнится, необыкновенно обрадовался (209, 13—15)

и даже возымел некоторое к себе уважение. (209, 15—16)

«Покажем им, что мы еще не погибли», — сказал я самому себе. (209, 16—17)

подошел к одной длиннолицей барышне с красным и глянце-

риль, но] мне показалось, что между ними было какое-то непрерывное сообщение [— словно]

Он как будто относил к ней и к ней одной [всё что] все свои успехи; он [как бы стеснялся, и] был хорош и блестящ и прост<?> только для нее одной.

Она, видимо, чувствовала себя «царицей бала» — и ее лицо сияло в одно и то же время и детской радостью и озарялось [отблеском] трогательным выраженьем другого, более глубокого чувства. . .

Я всё это замечал. . . по старой привычке

Вписано.

Сперва это меня глубоко огорчило, потом вдруг [тронуло] разнежило —

Я [вдруг], помнится, внезапно почувствовал [в себе] себя необыкновенно злым и [необыкновенно] несказанно обрадовался

и даже возымел уважение к себе некоторое.

[«Будем как все. . .»] «Покажем им, что мы еще не погибли», — сказал я самому себе с [строгостью] отеческой строгостью [«любимого»] так> называемого «любимого» начальника. ♦

подошел к одной длиннолицей барышне [с красным [носом]

витым носом, неловко раскрытым, словно расстегнутым ртом и жилистой шеей, напоминавшей ручку контрабаса, — подошел к ней и, сухо щелкнув каблукками, пригласил ее. (209, 19—23)

На ней было розовое, словно недавно и еще не совсем выздоровевшее платье; (209, 24—25)

над головой у ней дрожала какая-то полинявшая, унылая муха (209, 25—26)

на претолстой медной пружине, (209, 26—27)

и вообще эта девица была, если можно так выразиться, вся насквозь наспиртована какой-то кислой скукой (209, 27—29)

белокурый юноша (209, 31)

обратиться к этой девице и уже сделал шаг в направлении к ней (209, 32—33)

да подумал, поглядел и проворно спрятался в толпу. (209, 33—34)

с каким радостным изумлением она согласилась на мое предложение! (209, 35—36)

отыскал два стула и сел с ней в кругу мазурки, (209, 37—38)

танцевал с Лизой. (209, 40)

глянцем] [в болезненно-розовом] с красным и глянцевитым носом, с ясно-желтым зубом и [худой] жилистой шеей, напоминавшей ручку контрабаса, и [пригласил ее] не менее развязно пригласил ее.

На ней было розовое [платье], словно недавно выздоровевшее платье;

а. на голове у ней дрожала какая-то полинялая муха б. над головой у ней дрожала какая-то полинялая унылая муха [◇]

на пружине

а. [с самого] и вообще [во всей ее особе было что] она была, если можно так выразиться, наспиртована какой-то грозной и кислой скукой б. вообще эта девица была, если можно так выразиться, вся наспиртована какой-то кислой скукой [◇]

белокурый человек

обратиться к ней — и уже [было] сделал шаг в ее направлении [◇]

а. да — робость одолела б. да подумал и спрятался в толпу

с [какой радостью] каким радостным изумленьем она приняла мое предложенье! [◇]

а. и сел в кругу мазурки гостей, б. и поставил ее в кругу мазурки,

танцевал с Верой. [◇]

Ни меня, ни моей дамы (209, 40—210, 1)

причем глаза она поднимала вверх, словно невидимая сила растягивала ей лицо; (210, 6—7)

и вместо того, чтобы поднимать глаза кверху, начала вдруг — от изумления, должно быть, — коситься, и притом так странно, словно она в первый раз заметила, что у ней есть нос на лице; (210, 13—16)

а мой сосед, (210, 16—17)

оборотился ко мне с выражением актера на сцене, просыпающегося в незнакомой стороне, (210, 18—20)

как бы желая сказать: «И ты туда же?» (210, 20)

Впрочем, распевая, как говорится, соловьем, я всё продолжал наблюдать за князем и Лизой. (210, 21—22)

и даже тогда, когда они сидели рядом и, разговаривая друг с другом, улыбались той кроткой улыбкой, (210, 24—25)

тогда я не столько томился; но когда Лиза порхала по зале (210, 27—28)

а князь, с ее голубым газовым шарфом на коленях, словно любуясь своей победой, задумчиво следил за ней глазами, — тогда, о, тогда я испытывал (210, 28—31)

и с досады отпускал такие злые замечания, что зрачки

а. Так как ни меня и ни мою даму б. Ни меня и ни мою даму — ♡

причем она глаза подымала [кверху] вверх — словно невидимая сила ей растягивала лицо ♡

и [даже] [начала коситься] вместо того, чтобы [вздымать] подымать глаза кверху, начала вдруг — от изумленья, должно быть, — коситься — и [так] с таким странным выраженьем, словно она в первый раз увидела [свой] нос на своем лице.

Даже мой сосед,

а. оборотился ко мне вполвину б. оборотился ко мне с выраженьем актера на сцене, словно просыпающегося [на луже] в незнакомой стороне

как бы желая сказать: «Ах, ты такой-сякой! и ты туда же?» ♡

[Но] Впрочем, распевая, как говорится, соловьем, я [не] всё продолжал наблюдать за князем и за Верой. . . ♡

[и даже тогда] или когда они сидели рядом и [гляде<ли>] разговаривали друг с другом; с той кроткой улыбкой,

тогда я не столько «томился» но когда Вера порхала по зале ♡

а князь, с ее голубым шарфом на коленях, следил за ней [мяз< . . >] глазами, — тогда я мучился [— как сок< . . >] невыносимо

и [с дос<ады>] [пускался] вдавался в такие злые замечания

моей дамы с обеих сторон совершенно упирались в нос! (210, 31—33)

выбирает другую даму в доверенные и шепчет ей на ухо имя господина, с которым она желает танцевать; кавалер подводит ей поодиночке танцоров, (210, 36—211, 1)

а доверенная дама им отказывает, пока, наконец, появится заранее назначенный счастливчик. (211, 1—3)

Лиза села в середину круга и выбрала хозяйскую дочь, девицу из числа тех, о которых говорят, что они «бог с ними». (211, 3—5)

Напрасно представив (211, 6)

Нечто необыкновенное произошло во мне в это мгновение: (211, 8—9)

Она даже не посмотрела на меня; (211, 11—12)

хозяйская дочь (211, 12)

невнимание Лизы — (211, 17)

«Вы, кажется, изволите смеяться надо мной?» (211, 19—20)

Князь поглядел на меня с презрительным удивлением, снова взял меня за руку и, показывая

чанья, что зрачки моей дамы совершенно упирались в нос.

а. [выбирает кавалера в доверенные] за [спинку] ней становится «confident», выбранный ей б. выбирает другую даму в доверенные и шепчет ей на ухо имя кавалера, с которым она желает танцевать, а собственный ее кавалер подводит ей поодиночке танцоров —

а. которым доверенная дама отказывает, пока, наконец, появится заранее назначенный молодой [человек] господин.

б. а доверенная дама отказывает им, пока, наконец, появится заранее назначенный «счастливчик». ♦

Вера села в середине круга, выбрала хозяйскую дочь, девицу из числа тех, о которых говорят, что она «бог с ней». ♦

а. Представивши ей б. Напрасно представивши ей ♦

[Это меня] В это мгновение во мне произошло нечто необыкновенное . . .

Начато: Она чуть-чуть

девица, бывшая с ней

невнимание Веры — ♦

«Вы, кажется, изволите смеяться надо мной, ваше с^диятельство?» ♦

Князь [поглядел] нисколько не [поту^дпился] смутился, поглядел на меня с презритель-

вид, что провожает меня до моего места, холодно ответил мне: «Я?» (211, 21—23)

идя за ним к своему месту, (211, 25)

какому-нибудь пустому петербургскому выскочке. . . (211, 26—27)

Князь усмехнулся спокойно, почти снисходительно, стиснул мне руку, прошептал: «Я вас понимаю; но здесь не место: (211, 28—30)

подошел к Бизьмёнкову и подвел его к Лизе. (211, 30—31)

Бледненький чиновничек оказался избранником. (211, 31—32)

Лиза встала ему навстречу. (211, 32—33)

с унылой мухой на голове, (211, 34)

и вдруг так великолепно посмотрел на соседнего льва, что тот невольно дрыгнул обращенной ко мне ножкой. (211, 37—39)

Отделав этого человека, (211, 39—40)

я обвел глазами (211, 40)

ным удивлением и, словно провожая меня до моего места, ответил мне небрежно: «Я? С чего вы это?»

идя за ним к моему месту, — ◊

какому-нибудь петербургскому выскочке. . .

а. Князь усмехнулся со всей гордостью своей старинной знатности: «Здесь не место
б. Князь гордо и спокойно усмехнулся, стиснул мне руку, прошептал: «Я вас понимаю — но здесь не место

а. и [взял] вызвал Бизьмёнкова. *б.* и подвел Бизьмёнкова к Лизе. *в.* и подошел к Бизьмёнкову и подвел его Лизе. ◊

[Он] Бледненький чиновник оказался избранником. ◊ *Вписано.*

а. Лиза встала ему навстречу. . . она [его назначила] назначила его хозяйской дочери.
б. Лиза встала ему навстречу. . . хозяйская дочь приятно наклонила голову и [прошлась] два раза пробежала с ним кругом залы.

с темной мухой на голове —

и так великолепно [посмотрел] сбоку посмотрел на соседнего льва, что он невольно дрыгнул ножкой.

Отделавши этого человека, ◊

я провел глазами

Соперник мой уже сидел на своем стуле, совершенно спокойный (212, 3—4)	Соперник мой сидел на [своем] стуле, [нисколько] совершенно спокойный
Она дружелюбно ему поклонилась (212, 5—6)	она ласково ему поклонилась
грациозно махнул рукой (212, 8)	тихонько махнул рукой
и, должно быть, сказал ей (212, 8—9)	и, вероятно, сказал ей [◇]
внезапно разившееся во мне, (212, 12—13)	внезапно пробужденное во мне моими
я более уже не острил и не «критиканствовал», (212, 13—14)	а. я более не острил б. я более уже не острил и не критиковал нико [◇] го в. я более уже не острил и не «критиканствовал», как говорят в <не закончено>
взглядывал на свою даму, (212, 15)	взглядывал на мою даму, [◇]
ее матери, очень толстой женщины с рыжим током на голове. . . (212, 18—19)	а. ее матери — потому что и у ней была мать! б. ее матери, очень толстой женщины. . . — потому что и у моей дамы была мать! в. ее матери, очень толстой женщины с рыжим током на голове. . . и у моей дамы была мать! [◇]
Вручив запуганную девицу (212, 19)	а. Вручивши эту девицу б. Вручивши эту запуганную девицу [◇]
Я ждал довольно долго. Князь (212, 21)	Я ждал довольно долго — потому что князь
да и притом он не мог, не возбудив всеобщего изумления, подойти к такому незначительному человеку, как я, заговорить с ним. (212, 25—27)	и [никак] [следовательно], наконец, не мог, не возбудив общего изумленья, подойти [заговорить] к [такой] такому незначительному человеку, как я.
Эта моя незначительность, помнится, даже радовала меня тогда. (212, 27—28)	а. Эта моя незначительность меня радовала [в то время] тогда: б. Эта моя незначительность меня, помнится, даже радовала тогда: [◇]

«Шалишь! — думал я, глядя, как он вежливо обращался то к одному, то к другому почетному лицу, добивавшемуся чести быть им замеченным хотя на „миг“, как говорят поэты» — (212, 28—31)

князь, как-то ловко отделавшись от толпы своих обожателей, прошел мимо меня, взглянул — не то на окно, не то на мои волосы; отвернулся было и вдруг остановился, словно что-то вспомнил. (212, 33—36)

— Ах да! — сказал он, обращаясь ко мне с улыбкой, — кстати у меня есть до вас дельце. (212, 37—38)

Два помещика, из самых неотвязчивых, упорно следившие за князем, вероятно, подумали, что «дельце» служебное, (212, 39—213, 1)

и отвел в сторону. Сердце у меня стучало в груди. (213, 2—3)

— Вы, кажется, — начал он, растянув слово *вы* и глядя мне в подбородок с презрительным выражением, которое, странным образом, как нельзя лучше шло к его свежему и красивому лицу, — вы мне сказали дерзость? (213, 4—8)

«Шалишь», — думал я, глядя на него, как он вежливо обращался то к одному, то к другому

а. князь, как-то ловко отделавшись от своих обожателей, прошел мимо меня, словно вдруг что-то вспомнил. . .

б. князь ловко отделался от толпы своих обожателей, прошел мимо меня и остановился, словно вдруг что-то вспомнил. . .

«Ах да! — сказал он вдруг, обращаясь ко мне с улыбкой, — у меня есть до вас дельце. . .»

а. Два помещика, неотступно следившие за ним, подумали, что [это] «дельце» — служебное б. Два помещика, упорно и подобострастно следившие за ним, должно быть, подумали, что это «дельце» — служебное в. Два помещика, из самых неотвязчивых, упорно и подобострастно следившие за фалдами его сиятельства, вероятно, подумали, что «дельце» — служебное \diamond

и отвел меня [в другую комнату] в сторону. Сердце у меня [словно] стучало в [губы] горле. \diamond

а. «Вы, кажется, — начал он, растянув слово „Вы“, — мне сказали дерзость?..» б. «Вы, кажется, — начал он, растянув слово „Вы“ и глядя мне в подбородок, — мне сказали дерзость?..» \diamond

Вам, может быть, угодно драться со мной? (213, 12)

не откажетесь от ваших выражений. . . (213, 15—16)

не намерен отказываться, — (213, 17)

не без насмешливой улыбки. (213, 19—20)

продолжал он, помолчав, — (213, 20)

своего секунданта. (213, 21—22)

проговорил я голосом как можно более равнодушным. (213, 23—24)

— Я не могу запретить вам находить меня пустым человеком, — (213, 26—27)

прибавил он, надменно прищурив глаза, — но князя Н* не могут быть выскочками. (213, 27—28)

До свидания, господин. . . господин Штукатурин. (213, 28—29)

подошел к хозяину, уже начинавшему волноваться. (213, 30—31)

Я ничего не нашелся сказать ему в ответ на это последнее оскорбление и только с бешенством посмотрел ему вслед. (213, 33—35)

«До завтра», — прошептал я, стиснув зубы, (213, 35)

и тотчас отыскал (213, 35—36)

рассказал ему в немногих словах (213, 38)

Начато: Вам угодно, может быть

не откажетесь от вашего выраженья. . . .

а. Как в тексте. б. не намерен отказаться \diamond

Начато: не без насмешливой усмешки

прибавил он, помолчав, — \diamond

моего секунданта! \diamond

проговорил я как можно более равнодушно.

[Вы мож(ете)] Я не могу запретить вам найти меня пустым человеком — \diamond

но князя Н., — прибавил он, надменно прищурив глаза, — не [быв(ают)] могут быть выскочками. . .

а. До свиданья, г(осподи)н. . . как бишь вас. . . Штукатурин. . . б. До свиданья, г(осподи)н. . . Штукатурин. . . \diamond

подошел к хозяину, который начинал уже волноваться. . .

Я ничего не нашелся ему сказать — и только с бешенством посмотрел ему в спину. . . [Через] Полчаса спустя я уже был дома.

Вписано.

Я тотчас отыскал \diamond

Начато: сообщил ему в чем

Он, разумеется, немедленно согласился, (213, 39—40)

Я не мог заснуть всю ночь — от волнения, не от трусости. (214, 1—2)

мало думал о предстоящей мне возможности лишиться жизни, (214, 2—3)

и, разумеется, хотел убить его, не из мести, (214, 7—8)

а из желания добра Лизе. (214, 8)

продолжал я. (214, 9)

он меня убьет!» (214, 10)

Признаюсь, мне тоже приятно было думать, что я, темный уездный человек, принудил такую важную особу драться со мной. (214, 10—12)

появился Колобердяев. (214, 14)

— Ну, — спросил он меня, со стуком входя в мою спальню, — где же княжеский секундант? (214, 15—16)

отвечал я с досадой, — (214, 17)

князь еще, чай, спит теперь. (214, 18)

Он, разумеется, тотчас согласился с трепетом восторга —

Я не мог заснуть всю ночь. . .

мало думал о [собствен<ной>] возможности лишиться жизни,

а. и, разумеется, не из желанья [отомстить ему] мести — б. Я [во всяком сл<учае>] хотел убить его во всяком случае не из мести — в. Я, разумеется, хотел убить его не из мести —

а из желанья «добра» Лизе²⁰

продолжал я впол <голоса> рассуждая с самим со <бой> *Вписано.*

а. *Как в тексте.* б. он меня убьет, — [дум<ал>] [рассуждал] думал я

Признаюсь, мне также приятно было думать, что я, темный уездный человек, заставил [такого] такую важную особу драться со мной. . .

появился сам Колобердяев. . .

«Ну что? — спросил он меня, входя в мою спальню, — где княжеский секундант?»

возразил я с досадой,²⁰

а. *Начато:* князь, чай, преспокойно б. князь, чай, еще спит теперь преспокойно.

²⁰ Далее вписано, зачеркнуто и восстановлено: по крайней мере я убеждал себя, что я Место для вставки этой незаконченной фразы не указано.

Впрочем, — прибавил он, зевнув, — я вообще редко раздеваюсь. (214, 21—22)

Он выпил шесть стаканов (214, 23)

рассказал мне, что он накануне за бесценок купил лошадь, от которой кучера отказались, и что намерен ее выездить, подвязав ей переднюю ногу, — (214, 24—27)

и заснул, не раздеваясь, на диване, с трубкой во рту. (214, 27—28)

Я встал и привел в порядок свои бумаги. (214, 28)

Одну пригласительную записку Лизы, единственную записку, полученную мною от нее, я положил было себе на грудь, но подумал и бросил ее в ящик. (214, 28—31)

Колобердяев слабо похрапывал, свесив голову с кожаной подушки. . . Я, помнится, долго рассматривал его взъерошенное, удалое, беззаботное и доброе лицо. (214, 31—34)

Впрочем, — прибавил он, помолчав, — я редко раздеваюсь.

а. Как в тексте. б. Он молча выпил шесть стаканов

рассказал мне, что он [вчера] накануне за бесценок купил лошадь, от которой все [кучера] [наездни<ки>] кучера отказались, и что он намерен ее выездить, подвязав ей переднюю ногу — *Вписано.*

а. и заснул, не раздеваясь [раз<умеется>] на диване, с трубкой во рту [и [ногами] кость<ми>]. Колобердяев был человек взбалмошный — но уже не любопытный. *б.* и заснул, не раздеваясь разумеется, на диване, с трубкой во рту. Как человек совершенно равнодушный ко всему на свете, он даже не[спрос<ил>] упомянул

а. Начато: Меня очень обрадовало *б.* [В 12 часов] Я встал и привел в порядок мои бумаги. ♦

Одну записку Лизы, единственную записку, полученную мною от нее, [— тонк< . . >] я положил было себе на грудь — но подумал и [бросил ее в в огонь] сжег ее. *Вписано.*

Колобердяев похрапывал, [лежа навзничь на] свесив голову с кожаной подушки. . . Я не раз остановился перед ним и, помнится, долго рассматривал его [не<красивое?>] <лицо> взъерошенное, удалое, беззаботное и доброе лицо. *Вписано.*²¹

²¹ Этот текст вписан ранее, чем фраза Одну пригласительную ∞ бросил ее в ящик.

мой слуга доложил о приезде
Бизьмёнкова. (214, 34—35)

выбрал в секунданты! (214,
35—36)

попросил водки, отправился и,
раскланявшись с Бизьмёнко-
вым, вышел с ним в другую
комнату для совещания. Со-
вещание господ секундантов
продолжалось недолго. (214,
39—215, 2)

«мы будем драться сегодня же,
в три часа, на пистолетах».
(215, 3—4)

Я молча наклонил голову
в знак согласия. (215, 5)

простился с нами и уехал. (215,
6)

бледен и внутренне взволнован,
(215, 7)

очень вежлив и холоден.
(215, 8—9)

Мне было как будто совестно
перед ним, и я не смел взгля-
нуть ему в глаза. (215, 9—10)

Этот разговор был мне очень
по нутру. (215, 11—12)

мой слуга . . . ²² доложил мне
о приезде Бизьмёнкова . . .

выбрал адъютантом!

а. попросил водки ²³ — опра-
вился, раскланявшись с Б<изь-
мёнковым>, вышел с ним в дру-
гую комнату [для совещанья]...
[Но] Их совещанье продолжа-
лось недолго. б. попросил
водки — оправился и, раскла-
нявшись с Б<изьмёнковым>,
вышел с ним в другую комнату
для совещанья. . . Оно про-
должалось недолго.

«мы должны были драться
в тот же день в [4] 3 часа,
на пистолетах. — [Бизьмён-
ков] ²⁴

Вписано.

простился со мной и уехал.

бледен и взволнован:

очень вежлив и прост.

Мне было как будто совестно
перед ним, и я не смел взгля-
нуть ему в глаза. . . Мне ка-
залось, что он всё знает. . .
Вписано.

а. *Начато:* Мне очень было
приятно, что б. Мне этот раз-
говор был очень по нутру.

²² Здесь оставлено место для имени слуги.

²³ Далее было начато с красной строки: [Дуэль] Поединок

²⁴ Первоначально эта фраза следовала сразу после слов: продолжалось недолго.

да и, сверх того, презирал всех женщин, (215, 14)

в той самой березовой роще, (215, 16—17)

Но князь с Бизьмёнковым недолго заставили ждать себя. (215, 19—20)

Князь был, без преувеличения, свеж, как розан: (215, 20—21)

карие глаза его чрезвычайно приветно глядели из-под козырька его фуражки. (215, 21—22)

Он курил соломенную сигарку и, увидев Колобердяева, ласково пожал ему руку. Даже мне он очень мило поклонился. (215, 22—25)

Я, напротив, сам чувствовал себя бледным, и руки мои, к страшной моей досаде, слегка дрожали. . . горло сохло. . . Я никогда еще до тех пор не дрался на дуэли. (215, 25—27)

«О боже! — думал я — лишь бы этот насмешливый господин не принял моего волнения за робость!» (215, 28—29)

и уловив на губах его почти незаметную усмешку, вдруг опять разозлился (215, 31—32)

отмерили шаги, зарядили пистолеты. (215, 34)

День был великолепный — не хуже дня незабвенной про-

[и притом] да и, сверх того, глубоко презирал всех женщин, [◇]

в той самой роще,

а. Как в тексте. б. но князь недолго заставил ждать себя.

Вписано.

[Глаза] Карие его глаза чрезвычайно приветно глядели из-под козырька его военной фуражки. [◇] *Вписано.*

Вписано.

а. Я никогда еще не дрался на дуэли — и потому чувствовал себя бледным, и руки мои, к страшной моей досаде, слегка дрожали, горло сохло. . .

б. Я сам чувствовал себя бледным, и руки мои, к страшной моей досаде, слегка дрожали, горло сохло. . . Я в первый раз <не закончено>

Вписано.

и уловив на губах его почти незаметную [улыбку] усмешку, я вдруг опять [почувствовал] разозлился [◇]

зарядили пистолеты. . .

День был великолепный — и густая синева неба сквозила

гулки. Густая синева неба по-прежнему сквозила сквозь раззолоченную зелень листьев. (215, 36—38)

Их лепет, казалось, дразнил меня. (215, 38—39)

прислонясь плечом к стволу молодой липы. . . (215, 40)

готово, — произнес, наконец, Колобердяев, (216, 1—2)

и, повернув голову назад, через плечо спросил меня: (216, 3—4)

«А вы всё не отказываетесь от своих слов?» (216, 4—5)

Князь усмехнулся опять (216, 7)

прицелился было в грудь моего врага — (216, 9)

поднес левую руку к левому виску — струйка крови потекла по его щеке из-под белой замшевой перчатки. (216, 12—14)

коли в голову и не упал, значит царапина. (216, 16)

Он спокойно достал из кармана батистовый платок (216, 17)

Я повиновался. (216, 22)

— Поединок продолжается? (216, 23)

и не давая себе даже удовольствия помучить меня у барьера, (216, 26—27)

с улыбкой возразил: (216, 27)

сквозь раззолоченные зеленые листья.

Начато: Эти воспоминанья пробуждали во мне *Вписано.*

а. *Начато:* прислонясь к молодому дуб<у> *б.* прислонясь к молодой липе. *в.* прислонясь плечом к молодой липе. \diamond

а. произнес К<олобердяев> *б.* всё готово, — произнес, наконец, К<олобердяев>

обернулся ко мне [в] и через плечо спросил меня:

«Вы [не отк<азывается>] всё не хотите отказаться от своих слов?»

Князь улынулся опять \diamond

направил было дуло в грудь моего врага —

поднял левую руку к [лицу] виску — струйка крови [из-под ней] потекла по лицу его из-под его пальцев. . . [Перв<ое?>] Я глядел, словно остолбенелый.

коли не упал — значит царапина. . .

Он [достал] проворно достал из кармана батистовый платок

Вписано.

«Дуэль продолжается?»

и не давая себе даже удовольствия помучить меня у барьера \diamond *Вписано.*

Начато: ласков<о>

Я чуть было не заплакал (216, 28—29)

но он подошел ко мне (216, 32—33)

на этот окровавленный платок (216, 36—37)

— Господа! — прибавил он, обращаясь к секундантам, — я надеюсь, что всё останется в тайне? (216, 39—40)

— Разумеется! — воскликнул Колобердяев, — (217, 1)

спрашивал меня ротмистр. — (217, 7)

Он завтра же может танцевать, (217, 8—9)

Я не знаю, почему ему вздумалось назвать меня сочинителем. (217, 15—16)

Мое самолюбие страдало неизъяснимо. (217, 19)

Не совесть меня мучила: сознание моей глупости меня уничтожало. (217, 20—21)

твердил я, ходя большими шагами по комнате. — (217, 22—23)

Князь, раненный мною и прогневивший меня. . . (217, 23)

удержать на краю пропасти (217, 25)

знал, что наш поединок не мог остаться в тайне, несмотря на слова князя; во всяком случае

Начато: Я хотел

а. Как в тексте. б. но он, покачиваясь, подошел ко мне[♦]

на эту кровь

Вписано.

«И прекрасно! — воскликнул Колобердяев, —

беспреданно спрашивал меня ротмистр —

Начато: Он сегодня же

Я [не знаю] решительно не знаю, почему он меня назвал сочинителем. . .

а. Мое самолюбие страдало неизъяснимо — словно [меня] кто меня жарил на свечке. б. Начато: Мое самолюбие страдало неизъяснимо — всё мое существо

Вписано.

Вписано.

Князь, раненный мною. . .

удержать

а. знал, что этот поединок не [может] мог остаться в[тайне] неизвестности, несмотря на

для Лизы он не мог остаться тайной. (217, 26—28)

Князь не так глуп, — шептал я с бешенством — (217, 28—29)

о поединке и о настоящей его причине узнал весь город, — на другой же день, конечно; (217, 30—31)

но проболтался не князь, — напротив; (217, 31—32)

и с наперед сочиненным предлогом, (217, 33)

Бизьмёнков ли выдал меня, (217, 34)

я внезапно стал предметом общего негодования, омерзения, извергом, сумасбродным ревнивцем и людоедом. (217, 39—218, 1)

Мои немногие знакомые от меня отказались, (218, 1—2)

примерно и строго наказать меня; (218, 4)

слова князя; — или, пожалуй, для посторонних людей, для властей — он может остаться тайной — но [не для] во всяком случае не для Лизы. . . б. знал, что наш поединок не мог остаться тайной, несмотря на слова князя; — во всяком случае [не для Лизы мог он остаться тайной] для Лизы. . . ♪

а. «Князь не так глуп б. «Князь не был так глуп, — шептал я с бешенством,

а. о поединке узнал весь город, на другой же день, конечно б. о поединке узнал весь город, на другой же день, конечно, — и не только о том, что мы дрались с князем, но и отчего мы дрались.

но не князь его разгласил, он даже Лизе ни слова не сказ<ал>

и с наперед уже сочиненной историей

Бизьмёнков ли всё рассказал,

а. я внезапно стал предметом общего [«нрзб.»] негодованья, омерзенья, извергом, ревнивцем и людоедом. б. я внезапно стал предметом общего негодованья, омерзенья, извергом, ревнивцем, [франк<масоном>] вольнодумцем и людоедом.

а. *Начато*: Власти б. Мои знакомые от меня отказались,

а. я уж не знаю, как наказать меня; б. примерно и строго наказать меня — истолочь, на-пр<имер>, меня в ступе, сжарить на свечке. . .

отвратили бедствие, грозившее
моей голове. (218, 5—6)

Нечего и говорить, что дом
Ожоговых тотчас же закрылся
для меня. (218, 8—10)

простой карандаш, позабытый
у него мною. (218, 10—11)

отношения князя к Лизе. (218,
14—15)

На него и сами старики Ожо-
говы и прочие обыватели стали
глядеть почти как на жениха.
(218, 15—16)

В сущности это ему не совсем
должно было быть приятно;
(218, 16—17)

но Лиза ему очень нравилась;
притом он еще тогда не достиг
своих целей. . . (218, 17—19)

Со всею ловкостью умного и
светского человека приспособи-
лся он к новому своему поло-
жению, (218, 19—21)

тотчас вошел, как говорится,
в дух своей новой роли. (218,
21—22)

отвратили [бедствие] грозящее
мне бедствие

Разумеется, дом Ожоговых за-
крылся для меня;

карандаш, позабытый мною
у него.

отношения князя к Вере. . .

а. На него стали глядеть и
сами старики Ожоговы и про-
чие обыватели почти как на
жениха. . . *б.* На него и сами
старики Ожоговы и прочие обы-
ватели стали с тех пор глядеть
почти как на жениха. . . [◇]

а. Вероятно, в сущности это
ему было неприятно. . . *б.* В сущ-
ности это ему было, должно
быть, не совсем приятно. . .

но так как Лиза ему очень
нравилась, а главное — так как
он еще тогда не достиг своих
целей. . . то следовательн<о> ²⁵
<не закончено>

а. Он с обычной своей лов-
костью [нашелся] приспособи-
лся к новому своему положе-
нию — *б.* Он со всей ловкостью
и скоростью соображенья во-
шел в новое свое положение —
в. Он со своей ловкостью умного
и светского человека приспособи-
лся к новому своему поло-
жению — [◇]

а. вошел, как говорится, в дух
своей новой роли. *б.* [он тот-
час] он, как я узнал после,
тотчас вошел, как говорится,
в дух своей новой роли. [◇]

²⁵ Против этого места на полях чернилами NB.

Но я?.. Я на свой счет, на счет своей будущности, махнул тогда рукой. (218, 23—24)

Когда страдания доходят до того, что заставляют всю нашу внутренность трещать и кричать, как перегруженную телегу, им бы следовало перестать быть смешными. . . (218, 24—27)

до невозможности проливать их более — (218, 28—29)

и замирает сама жалоба. . . (218, 30)

И потому, во-первых, так как я не намерен (218, 30—31)

то и откладываю (218, 33)

29 марта. Легкий мороз; вчера была оттепель. (218, 35)

я, как Поприщин, большею частью лежал на постели и беседовал с Терентьевной. (218, 37—38)

Вот еще женщина! Шестьдесят лет тому назад она потеряла своего первого жениха от чумы, всех детей своих пережила, (218, 38—219, 1)

сама непростительно стара, (219, 1—2)

сыта, одета тепло; (219, 2—3)

о чем, вы думаете, она вчера целый день мне говорила? (219, 3—4)

Другой, уже вовсе ошипанной старухе я велел дать на жилет

Но я!.. Я махнул рукой тогда. . .

Когда страданья доходят до известной степени — им бы следовало перестать быть смешными.

Вписано.

и замирает само страданье

а. и потому, так как я не намерен *б.* и потому, так как я, во-первых, не намерен[◇]

то я и откладываю[◇]

а. 29 марта. Сильная оттепель. *б.* 29 марта. Оттепель.

и, как Поприщин, большею частью лежал на постели и разговаривал с Терентьевной.

Вот женщина! 60 лет тому назад она потеряла своего жениха от чумы,

сама она непростительно стара,[◇]

Вписано.

а. о чем, вы думаете, она вчера целый день мне говорила, и прямо и косвенно, всячески? *б.* о чем, вы думаете, она вчера целый день со мной толковала всячески?

Другой старухе я велел дать воротник старой ливреи, до по-

(она носит нагрудники в виде жилета) воротник ветхой ливреи, до половины съеденный молью. . . так вот отчего не ей? «А кажется, я няня ваша. . . О-ох, батюшка вы мой, грешно вам. . . А уж я-то вас, кажись, на что холила!..» и т. д. (219, 4—9)

Безжалостная старуха совершенно заездила меня своими упреками. . . (219, 9—10)

окончательно узнал (219, 14)

может человек почерпнуть (219, 15)

из созерцания своего собственного несчастья. (219, 15—16)

и даже низменными путями (219, 19—20)

познакомился с двоюродной теткой жены его кучера. Это знакомство (219, 21—22)

о чем следовало ему разговаривать с своим барином, когда он стаскивал с него сапоги по вечерам. (219, 24—26)

случалось встретить на улице кого-нибудь из семейства Ожогиных, Бизьмёнкова, князя. . . (219, 26—28)

Лизу я видел всего три раза: (219, 29—30)

раз — с ее маменькой, в модном магазине, раз — в открытой коляске, с отцом, матерью и князем, раз — в церкви. (219, 30—32)

ловины съеденный молью. . . «Так вот, отчего мне — няне вашей? Ох, батюшка вы мой, грешно вам. . .» и т. д.

Безжалостная старуха совершенно заездила меня вчера своими упреками. *Вписано.*

узнал

может человек еще почерпнуть [◇]

из созерцания собственного несчастья. — Я тогда только понял, почему я и прежде не мог [отойти] оторваться от этого зрелища.

и низменными путями

познакомился с двоюродной теткой его кучера. Это известие

о чем ему следовало разговаривать с своим барином, стаскивая с него сапоги по вечерам.

случалось встретить на улице кого-нибудь из семейства Ожогиных, князя, или даже самую Лизу. . .

Лизу я тоже видел несколько раз —

а. [в церкви, на] [оди<н>] раз в церкви. . . раз в [рядах] [Гостином] «рядах» с своей маменькой. . . раз в открытой коляске с князем. б. раз в модном магазине (и в Ч. существо-

вали м<одные> м<агазины>) с ее маменькой. . . раз в открытой коляске с отцом, матерью и князем и раз в церкви [в воскресенье]♦

и глядел на нее только издали. (219, 33)

В магазине она была очень озабочена, (219, 33—34)

Она заказывала себе что-то и хлопотливо примеряла ленты. (219, 34—35)

Матушка глядела на нее, скрестив на желудке руки, приподняв нос (219, 35—36)

В коляске с князем Лиза была была. . . (219, 38—39)

Я никогда не забуду этой встречи! (219, 39)

Старики Ожогины (219, 39—40)

Она была до половины обращена к князю; (220, 2—3)

опираясь на свою выпрямленную правую руку (в левой она держала зонтик) и томно склонив головку, она глядела прямо ему в лицо своими выразительными глазами. (220, 3—6)

и глядел на нее издали.

В «рядах» с своей маменькой она была очень озабочена,

а. Начато: Они обе закупали б. Она заказывала себе что-то [на голову] хлопотливо — примеряла ленты;

а. Матушка глядела на нее, приподняв брови, но не раскрывая глаз б. Матушка глядела на нее, скрестив на желудке руки, приподняв брови♦

В коляске. . . [она] с князем она была. . .♦

О я никогда не забуду [ее в] этой встречи!

Начато: Отец

а. Она [всею] была [обращена] до половины обращена к нему, б. Она была обращена к князю,

а. и опираясь на выпрямленную правую руку — в левой она держала зонтик — и склонив свою томную головку — глядела прямо ему в лицо своими выразительными глазами. . . б. и опираясь на свою выпрямленную правую руку — в левой она держала зонтик — и томно склонив головку — глядела, [словно устремляясь <?> ему в лицо] прямо ему в лицо своими выразительными глазами. . .♦

она отдавалась ему вся, безвозвратно доверялась ему. (220, 7—8)

я ее видел в церкви. (220, 11)

Не более десяти дней прошло с того дня, когда я встретил ее в коляске с князем, не более трех недель со дня моей дуэли. (220, 11—13)

Дело, по которому князь прибыл в О. . . , уже было окончено; (220, 13—14)

В городе каждый день ожидали (220, 16)

Я сам ждал только этого последнего удара, чтобы удалиться навсегда. (220, 18—19)

Я не мог сидеть дома и с утра до вечера таскался по окрестностям. (220, 19—20)

В один серый, ненастный день, возвращаясь с прогулки, прерванной дождем, зашел я в церковь. (220, 21—22)

Вечернее служение только что начиналось, народу было очень немного; (220, 22—24)

Я его сперва не узнал: (220, 25)

она [ему] вся отдавалась, она вся, безвозвратно, доверялась ему. . . она ничего более не желала. . . [♦]

я ее видел в церкви — в серый ненастный день.

Не более 2 недель прошло [со дня] [с того дня] со дня прогулки в коляске, не более трех [недель] со дня моей дуэли.

а. Более месяца протекло со времени приезда князя — дело, по которому он приехал в Ч., уже было окончено б. [Около 6-ти] Месяц с лишком прошел со времени прибытия появления князя — дело, по которому он прибыл в Ч.. уже было окончено — [♦]

[Все] В городе с каждым днем ожидали

Я ждал только этого последнего удара, чтобы оставить город Ч.

Я не мог сидеть дома, [знакомы<х>] т<ак> к<ак> знакомых у меня не было и с утра до вечера таскался по окрестностям. *Вписано.*

[В одно] Вот в одно воскресенье, возвращаясь с утренней прогулки, прерванной [дождем] ненастьем, зашел я в церковь.

Служба только что начиналась, [народу было очень немного] [кроме двух]

а. Это была Вера! — Я ее почти не узнал: б. Лиза! — Я ее сперва не узнал:

это бледное лицо, этот погасший взор, эти впалые щеки — неужели это та же Лиза, которую я видел две недели тому назад? (220, 25—27)

без шляпы на голове, освещенная сбоку холодным лучом, падавшим из широкого белого окна, (220, 28—29)

и с сонливым недоумением поглядывал на свою барышню. (220, 34—35)

Я вздрогнул весь, хотел было подойти к ней, (220, 35)

но остановился. (220, 36)

Мучительное предчувствие стеснило мне грудь. (220, 36—37)

Лиза не шевельнулась. (220, 37)

она всё не трогалась с места. (220, 38—39)

коснулся ее платья; (220, 40)

не знаю, какого рода были мои ощущения тогда; (221, 5—6)

я не знаю, я посреди своей тоски как будто был чем-то доволен. . . Я бы ни за что в этом не сознался, если б я не писал для самого себя. . . (221, 8—10)

Меня, точно, терзали [мучительные, страшные предчувст-

а. ее лицо поразило меня своею бледностью — неужели это та же Лиза, которую я видел десять дней тому назад? . .

б. это бледное лицо, погасший взор, впалые щеки — неужели это та же Лиза, которую я видел десять дней тому назад? . .

без шляпы на голове, [прислоненная к стене] [она казалась мне] освещенная сбоку холодным и белым лучом, падающим из широкого окна,

Начато: и с [изумленьем] неоторы <м>

Начато: Я вздрогнул весь и начал

но остановился. . . В другом [углу] тихом углу церкви я увидел Бизъмёнкова. Он, сколько <не закончено>

Вписано.

Вера не шевельнулась. . .

она всё не [изм<еняла>] трогалась. . .

Вписано.

а. Начато: не знаю, было ли в этом восклицании *б.* не знаю, какого рода было мое ощущение в ту минуту:

я не знаю, я как будто был доволен. . . Я бы этого не сказал, если б эта исповедь должна была попасть на глаза другому. . . Самому себе можно во [всяком] всем признаться. . .

Я имел, как уже сказано, мучительные предчувствия — и,

вия. . . и кто знает, я, может быть, был бы весьма озадачен, если б они не сбылись. (221, 10—13)

воскликнул бы теперь выразительным голосом какой-нибудь русский учитель средних лет, подняв кверху жирный указательный палец, украшенный перстнем из корналинки; но что нам за дело до мнения русского учителя с выразительным голосом и корналинкой на пальце? (221, 13—18)

вследствие полученного приказа из Петербурга; (221, 21—22)

и что Лизе остается до конца дней своих оплакивать его вероломство. (221, 24—25)

но, обдумавши дело, почел приличным подождать (221, 29—30)

В тот же вечер забежал ко мне некто Пандопипопуло, проезжий грек, (221, 31—33)

больше всех других закипевший негодованием (221, 34—35)

Он не дал даже времени слуге моему доложить о себе, (221, 36—37)

так и ворвался в мою комнату, крепко стиснул мою руку, (221, 37—38)

[может быть] кто знает, может быть, был бы весьма. . . озадачен, если б они не сбылись. . .

а. воскликнул бы теперь [германский] какой-нибудь русский учитель, пропитанный Марфой Посадницей Каракулин, поднявши кверху жирный указательный палец с перстнем из корналинки. . . но что нам за дело до мнения русского учителя с сочным голосом и корналинкой? б. воскликнул бы теперь сочным голосом какой-нибудь русский учитель средних лет, поднявши кверху [жирные глаза и не менее] жирный указательный палец, украшенный перстнем из корналинки. . . но что [мне] нам за дело до мнения русского учителя с сочным голосом и корналинкой? [◇]

вследствие приказа начальства из Петербурга.

и что Лизе. . . что Лизе остается [оплакать] до конца дней своих оплакивать его вероломство, [◇]

но почел приличным подождать

В течение того же дня ко мне забежал [один] [Фуников-Бурцев] некто Пандопипопуло, проезжий грек,

больше всех других вознегодовавший негодованьем

Он, входя, не дал даже слуге моему доложить о себе,

а. так и повис у меня на шее
б. так и подлетел ко мне, обеими руками стиснул мою

назвал меня образцом великодушия и смелости, (221, 38—39)

не пощадил стариков Ожогинных, которых, по его мнению, судьба наказала поделом; (221, 40—222, 2)

Между прочим, я узнал от него, что князь, en vrai grand seigneur, накануне отъезда, на деликатный намек Кириллы Матвеевича холодно отвечал, что не намерен никого обманывать (222, 3—6)

и не думает жениться, встал, раскланялся и был таков. . . (222, 6—7)

Подслеповатый лакей при моем появлении вскочил с прилавка с быстротою молнии, я велел доложить о себе; (222, 8—10)

До завтра. (222, 13)

30 марта. Мороз.

Итак, я вошел в кабинет Кириллы Матвеевича. (222, 14—15)

кто бы мог показать мне теперь мое собственное лицо (222, 16—17)

руку *с.* так и ворвался в мою комнату, мучительно стиснул мою руку[♦]

назвал меня примером великодушия и смелости,

не пощадил стариков Ожогинных»,

Между прочим, я узнал от него, что князь, en vrai grand seigneur, накануне своего отъезда, на деликатный намек К<ириллы> А<фанасьича> холодно отвечал, что он не намерен никого обманывать *Вписано.*

а. [и] не думает жениться и что у него в Петербурге [невеста] есть невеста — [внезапно переменился] встал, раскланялся и был таков. . .
б. и нисколько не думает жениться, встал, раскланялся и был таков. . .[♦] *Вписано.*

а. велел доложить о себе. . . подслеповатый лакей вскочил с прилавка [при моем] [увидав] с быстротою молнии
б. *Начато:* Подслеповатый лакей при моем входе

Вписано.

*Вписано.*²⁶

а. кто бы мог теперь показать мне мое собственное лицо
б. кто бы мог теперь показать

²⁶ Первоначально после слов: Я вошел в кабинет Кириллы Матвеевича следовал как продолжение записи 29 марта текст: Я бы дорого заплатил и т. д.

мне выражение моего собственного лица

этот почтенный чиновник торопливо запахнув свой бухарский халат, подошел ко мне с протянутыми руками. (222, 17—19)

От меня, должно быть, так и веяло скромным торжеством, снисходительным участием и беспредельным великодушием. . . (222, 19—22)

Ожогин был видимо смущен и опечален, избегал моего взора, семенил на месте. Я также заметил, что он говорил как-то неестественно громко и вообще выражался весьма неопределенно; (222, 23—26)

присовокупил несколько общих и неопределенных замечаний (222, 28—29)

и вдруг, почувствовав у себя на глазах слезу, поспешил понюхать табак, вероятно для того, чтобы обмануть меня насчет причины, заставившей его прослезиться. . . (222, 30—33)

даже старцев заставляет проливать слезы, (222, 34—35)

этот почтенный чиновник, [завернутый] торопливо запахнув свой бухарский халат, подошел ко мне с протянутыми обеими руками.

Я весь был исполнен скромного торжества, грустного сочувствия и беспредельного великодушия. . .

а. Ожогин был, видимо, сконфужен и опечален, выражался весьма неопределенно; *б.* Ожогин был, видимо, смущен и опечален [и вообще разговаривал со мной], избегал моего взора, [вертелся] семенил на месте. . . *в.* Ожогин был, видимо, смущен и опечален, избегал моего взора [и против своего обыкновения самым] подленьким образом, вертелся по <комнате?>, семенил на месте. . . Я [заметил] также заметил, что он говорил как-то неестественно громко и вообще выражался весьма неопределенно; [♦]

присовокупил несколько общих замечаний

а. и почувствовав у себя на глазах слезу, поспешил понюхать табак. . . *б.* и вдруг, почувствовав у себя влажность на глазах, поспешил [забить] понюхать табак, вероятно, для того, чтобы я не [подумал] заметил его слабости. . .

а. Как в тексте. *б.* даже [привыкших к нему] старцев за-

человеческий глаз глядит тупо и бессмысленно (222, 35—36)

обошелся весьма бережно с стариком, (222, 37—38)

и тотчас искусно направил разговор (224, 1)

Я был одет по-обыкновенному; но исполнявшее меня чувство мягкого приличия и кроткой снисходительности доставляло мне ощущение праздничное и свежее, (224, 2—5)

Эта добрая, но глупая женщина, увидав меня, сперва сконфузилась страшно; (224, 8—10)

Я ожидал, что найду в ней пристыженную, раскаивающуюся грешницу, (224, 14—15)

наперед придал лицу своему самое ласковое, самое ободряющее выражение. . . (224, 15—16)

ставляет проливать светлую влагу[◇]

человеческий глаз глядит [некоторое <время>] прямо и бессмысленно

а. обошелся весьма ласково с пришибленным стариком, б. обошелся весьма [ласково и бережно] бережно с пришибленным стариком,[◇]

и искусно направил разговор

а. Хотя я был одет по-обыкновенному — но я чувствовал себя до того исполненным мягкого приличья и нежной <?> снисходительности, что я бы не мог ощущать более свежее и праздничное настроение, б. Я был одет по-обыкновенному — но [был исполнен] исполнявшее меня чувство мягкого приличья и нежной <?> снисходительности доставляло мне ощущение праздничное и свежее,[◇]

а. Эта добрая, но глупая женщина сконфузилась страшно [меня] [увид<ав>] б. Эта добрая, но глупая женщина, увидав меня, сконфузилась страшно—

а. Я ожидал, что найду в ней [раскаивающ < уюся >] раскаившуюся грешницу б. Я ожидал, что найду в ней пристыженную, раскаившуюся грешницу[◇]

а. наперед приготовил самое ласковое, самое ободряющее выражение. б. наперед приготовил на лице своем самое ласко-

Я действительно любил ее
(224, 17)

простить ее, протянуть ей руку;
(224, 18)

холодно рассмеялась, (224, 20)

и тотчас отвернулась от меня,
(224, 21)

плохо шел к ее страшно поху-
девшему лицу. . . (224, 23)

все черты ее лица, особенно
губы, словно определились. . .
(224, 28—29)

она хотела дать мне почувст-
вовать, что я не стою даже
ее гнева, хотя чуть-чуть не убил
ее любовника. (224, 33—35)

Она вздрогнула, быстро взгля-
нула на меня, встала и, по-
дойдя к окну, промолвила
слегка дрожащим голосом:
(224, 36—38)

«Вы всё можете говорить (224,
38—39)

Голос ее зазвенел, она остано-
вилась. . . (225, 1—2)

хотела было переломить себя,
(225, 2—3)

и вышла вон из комнаты. . .
(225, 3—4)

Старики Ожогины смутились. . .
(225, 4)

Я пожал им обоим руки, вздох-
нул, вознес взоры горé и уда-
лился. (225, 4—5)

вое, самое ободряющее выра-
жение.

Я действительно ее любил[◇]

а. простить ее *б.* простить ее,
протянуть ей руку помощи—

а. рассмеялась *б.* Как в тексте.
в. Как *а.*

Начато: и [тотча<с>] начала

плохо пристал ее страшно изме-
ненному и похудевшему лицу. . .

[всё лицо] все черты ее лица
[как будто] словно определи-
лись. . .

она хотела показать мне, что
не [удостоивает] [ошибался,
если во<ображал>] стою
даже ее гнева — хотя чуть-чуть
не убил ее любимого человека.

Она быстро взглянула на меня,
встала и, обедя взглядом
своих родителей и меня,
[спокойно] промолвила слегка
дрожащим голосом:

«Вы можете говорить

Она остановилась — голос ее
зазвенел. . .

Начато: хотела было побороть

и вышла из комнаты.

Старики Ожогины смешались
до того, что напомнили мне го-
лубей-турманов. . .[◇]

а. Я пожал им обоим руки —
и удалился. *б.* Я пожал им
обоим руки, вздохнул, вознес
взоры к небесам — и удалился.

Я слишком слаб, времени у меня остается слишком мало, я не в состоянии с прежнею подробностью описывать тот новый ряд мучительных соображений, твердых намерений и прочих плодов так называемой внутренней борьбы, которые возникли во мне после возобновления моего знакомства с Ожогиными. (225, 6—11)

Я не сомневался в том, что Лиза всё еще любит (225, 11—12)

но, как человек присмиранный обстоятельствами и сам присмирившийся, я даже и не мечтал о ее любви: я желал только ее дружбы, (225, 13—15)

желал добиться ее доверенности, ее уважения, которое, по уверению опытных людей, почитается надежнейшей опорой счастья в браке. . . (225, 15—18)

К сожалению, я упустил из виду одно довольно важное обстоятельство, а именно то, что Лиза со дня дуэли меня возненавидела. (225, 18—20)

Я узнал это слишком поздно. (225, 20—21)

Я слишком слаб — времени у меня остается слишком мало, чтобы описать тот новый ряд соображений, твердых намерений, которые возникли во мне [после этого первого посещения] после возобновления моего знакомства с Ожогиным.

Я [очень хорошо знала] не сомневался в том, что Лиза любила

а. но [я, присмиранный], как человек присмиранный обстоятельствами, я желал только ее дружбы; б. но, как человек присмиранный обстоятельствами и сам смилившийся, [уже не мечтал] я даже и не мечтал о ее любви — я желал только ее дружбы; [♦]

а. [к несчастью, я не догадывался] я желал добиться ее доверенности, того приятного [взаимного] уважения, которое [говорят] почитается опорой брачного счастья б. я желал добиться ее доверенности, ее уважения, того приятного уважения, которое [почитается] по уверению опытных людей почитается надежнейшей опорой счастья в браке. . . [♦]

К несчастью, я по своей привычке упустил из виду одно главное обстоятельство — а именно то, что Лиза меня [ненавидела] [ненавидела] возненавидела — [со временем] со дня дуэли.

Вписано.

посещать дом Ожогоиных. (225, 21—22)

Я даже имею причины думать, что он в то время с удовольствием отдал бы свою дочь за меня, (225, 23—25)

хотя и незавидный был я жених: (225, 25)

общественное мнение преследовало его и Лизу, а меня, напротив, превозносило до небес. (225, 25—27)

она большею частию молчала, повиновалась, когда ее просили кушать, (225, 28—29)

Кирилле Матвейчу надобно отдать эту справедливость: он щадил ее всячески; (225, 31—32)

старуха Ожогоина только хохлилась, глядя на свое бедное дитячко. (225, 32—34)

Одного человека Лиза не чуждалась, хотя и с ним не много говорила, а именно Бизьмёнкова. (225, 34—35)

круто, даже грубо обращались с ним: (225, 36)

но он продолжал ходить к ним, будто не замечая их немилости. (225, 37—39)

Наконец, я, после одной бессонной ночи, решился объяс-

посещать семейство Ожогоиных;

Я думаю, что он [в то время] тогда с удовольствием отдал бы свою дочь за меня;

Хотя я и незавидный был жених. . . ♦

общественное мнение с яростью преследовало его и [его <дочь>] Лизу и, бог знает почему, превозносило меня до небес.

а. она большей частью молчала *б.* она большей частью молчала, повиновалась, когда ее просили [отве<дать>] побольше кушать ♦

К<ирила> А<фанасьич> [ее], надобно отдать ему эту справедливость — щадил ее всячески; ♦

старуха [только] хохлилась, глядя на нее.

а. С одним человеком Лиза не чуждалась — хотя и с ним не много говаривала, а именно с Бизьмёнковым. *б.* Одного [только] человека Лиза не чуждалась — хотя и с ним не много разговаривала, а именно Бизьмёнкова. ♦

круто обращались с ним;

а. Начато: но он [притвор<ялся>] показывал вид [что не] будто *б.* но он продолжал ходить к ним, будто не замечая их грубости.

а. Наконец я, после бессонной ночи, решился, с свойствен-

ниться с Лизой, разоблачить перед ней мое сердце, (226, 1—3)

ным мне à propos, объясниться с Лизой — разоблачить, как говорится, перед ней свое сердце — [и начинал подозревать, что она — существо надменное и опас(ное)] и [положить, наконец] выйти, наконец, из неизвестности. б. Наконец я, после одной бессонной ночи, решил, со свойственной мне — как бы это сказать — удачностью, что ли — объясниться с Лизой, разоблачить [что я к ней <?>] [хотя еще ничего не мог подозревать] перед ней мое сердце. в. Наконец я, после одной бессонной ночи, решил — уж точно можно сказать, ни с того, ни с сего, объясниться с Лизой, разоблачить перед ней мое сердце [удивить ее своим великодушием].²⁷

сказать ей, что, несмотря на прошедшее, несмотря на всевозможные толки и сплетни, я почту себя слишком счастливым, если она удостоит меня своей руки, возвратит мне свое доверие. (226, 3—6)

Вписано.

Я, право, не шутя воображал, что оказываю, как выражаются хрестоматии, несказанный пример великодушия и что она от одного изумления согласится. (226, 6—9)

Я, право, воображал, что [она] [предложив быть моей] оказываю, как говорится в хрестоматиях, несказанный пример великодушия, на что она от одного изумленья согласится. [Замечательно также то обстоятельство, что я [решился на это] принял это важное решение, нисколько не будучи понужден к тому обращением] *Вписано.*

Во всяком случае, я хотел объясниться с ней (226, 9—10)

Вписано.

²⁷ Против этих строк на полях вписано: Каково?

За домом Ожоговых находился довольно большой сад, оканчивавшийся липовой рощицей, заброшенной и заросшей. (226, 12—14)

возвышалась старинная беседка (226, 14—15)

бревенчатый забор (226, 15)

Лиза иногда по целым часам гуляла (226, 16—17)

Кирилла Матвееч это знал и запретил ее беспокоить, следить за ней: пусть, дескать, горе в ней уместяется. (226, 17—19)

Когда ее не находили в доме, (226, 19—20)

стоило только позвонить перед обедом (226, 20)

с каким-нибудь измятым листком в руке. (226, 22—23)

а. [Я знал, что Лиза] За домом Ожоговых находился довольно большой сад, оканчивавшийся [густо<ой>] [аллеей из ак<а>ций] липовой аллеей, заброшенной и заросшей. б. За домом Ожоговых находился довольно большой [сад с аллеями] [и плохо содержимый] сад, оканчивавшийся небольшой липовой рощицей, заброшенной и заросшей. [♦]

находилась старинная беседка

забор

Я знал, что Лиза иногда по целым часам гуляла

а. К<ирилла> А<фанасьич> это знал и запретил ее беспокоить — пусть, дескать, горе уместяется. б. К<ирилла> А<фанасьич> это знал и запретил отыскивать ее и беспокоить — пусть, дескать, горе в ней уместяется.

а. [и К<ирилла> А<фанасьич>] Когда ее не находили в доме, или когда матушка начинала «волноваться» — матушкам вообще свойственно волноваться б. Когда ее не находили в доме или когда на матушку <не закончено> ²⁸

а. стояло только позвонить б. стояло только позвонить к обеду

а. с [каким-нибудь] измятым листиком в руке б. с каким-нибудь измятым листиком в руке [♦]

²⁸ Текст от слов или когда вписан на полях, но не доработан и в большей части зачеркнут. Здесь же вписано и зачеркнуто: все знали, что она любила [воздух] спрятаться без стеснения

заметив, что ее не было в доме, я показал вид, что собираюсь уйти, (226, 24—25)

шмыгнул назад в ворота и мимо кухни пробрался в сад. (226, 28—29)

К счастью, никто меня не заметил. (226, 29)

я скорыми шагами вошел в рощу. (226, 30)

Передо мной, на тропинке, стояла Лиза. (226, 30—31)

вдохнул глубоко (226, 32)

Из-за деревьев, в направлении проулка, (226, 34—35)

Лиза хлопнула в ладоши (226, 36—37)

скрип калитки (226, 37)

Лиза молча обратилась к нему. . . (226, 39)

и оба тихо пошли по дорожке. (226, 40)

Я с изумлением глядел за ними. (226, 40—227, 1)

Они остановились, посмотрели кругом, исчезли было за кустами, появились снова и вошли, наконец, в беседку. (227, 1—3)

Эта беседка была круглое, крошечное строение, с одной дверью

заметивши, что ее не было в доме, я [притворился] показал виду, что собираюсь уйти, [◇]

к<ак> г<оворится>, шмыгнул назад в ворота — и мимо кухни в сад. [◇]

а. К счастью, никто меня не заметил. — Я оглянулся. . . б. Я оглянулся. . . К счастью, никто меня не заметил.

а. я скорыми шагами дошел до рощи. . . б. я скорыми шагами пробежал главную аллею, вошел в рощу. . .

а. Передо мной, [на зелен<ой>] тропинке, заросшей [тропинке] травой, спиной ко мне стояла Лиза. б. Передо мной, на заросшей травой тропинке стояла Лиза.

собрался с духом

а. *Как в тексте.* б. Из-за деревьев, в проулке,

Начато: Лиза тоже

скрип калитки [◇]

а. Лиза подошла к нему. б. Лиза молча подошла к нему.

а. и оба [направились] тихо пошли в направлении беседки. б. и оба исчезли [в направлении беседки] про<чь>

Поглупевший от изумленья, я глядел за ними. . . [◇]

Начато: Они остановились, [оглянул<ись>] поглядели кругом — вошли было

Эта беседка была круглая, с одной дверью и двумя маленькими

и одним маленьким окном; посередине виднелся старый стол на одной ножке, поросший мелким зеленым мохом; два дощатых полинялых диванчика стояли по бокам, в некотором отдалении от сырых и потемневших стен. (227, 3—8)

и то раз в год, и то в прежние времена, пивали чай, (227, 9—10)

и, зацепившись одним углом, висела печально, как перешибенное птичье крыло. б. и, зацепившись одним углом, висела печально, как перешибенное птичье крыло. (227, 11—13)

Я подкрался к беседке (227, 13)

Лиза сидела на одном из диванчиков, потупив голову; ее правая рука лежала у ней на коленях, (227, 14—16)

—Всё так же, — возразила она, — (227, 20)

напишет мне он еще раз? (227, 24—25)

Она молчала. (227, 27)

о чем ему писать? (227, 28)

Он сказал мне всё в первом своем письме. (227, 28—29)

Я не могла быть его женой; (227, 29—30)

Мне всё кажется, что я вижу на руках этого человека. . . его кровь. (227, 34—36)

кто знает, может быть, без этого поединка. . . Ах, когда я увидела его раненого, я тот-

окнами; два полукруглых и полинялых диванчика стояли в некотором отдалении от сырых стен, по обеим сторонам старенького [круглого] столика на одной ножке. На потолке, весьма протекавшем, но весьма пестром; но где они были <2 нрзб> ²⁹

и то раз в год — пили чай.

а. и висела печально, как перешибенное птичье крыло. б. и, зацепившись одним углом, висела печально, как перешибенное птичье крыло. [◇]

Я осторожно подкрался к [беседке] окну

Лиза сидела на одном из диванчиков; [одной рукой она закрывала лицо] ее правая рука лежала на коленях,

—Все так же, — отвечала она.

напишет мне он еще не раз? [◇]

Она помолчала. [◇]

о чем ему мне писать?

Он мне всё сказал в первом своем письме. [◇]

Я не могу быть его женой. . .

а. *Начато*: Я не могу выносить б. *Начато*: Его присутствие

Вписано. ³⁰

²⁹ Текст по обеим сторонам ∞ где они были вписан.

³⁰ Рядом на полях вписан незаключенный вариант: Впрочем, без этого поединка ничего бы

час же почувствовала, что я
вся была его. (227, 37—40)

—Чулкатурин вас любит, —
(228, 1)

Вы помогли мне перенести
страшные минуты. . . (228,
5—6)

Она умолкла. . . (228, 7)

начал с отеческой нежностью
гладить ее по руке. (228, 7—8)

промолвила она глухо, — (228,
11)

притом вы мне его напоми-
наете. . . (228, 13)

вам, должно быть, тяжело (228,
15)

прервал ее Бизьмёнков. (228,
16—17)

вы добры, как ангел. (228, 20).

Лишь бы он не позабыл меня,
лишь бы он хоть изредка вспо-
минал о своей Лизе. . . (228,
23—25)

Выйдемте, — прибавила она
(228, 25)

Пусть! (228, 30)

Он недолго меня любил, (228,
31)

но он любил меня! Он никогда
меня не обманывал: (228, 31—
32)

он не говорил мне, что я буду
его женой; я сама никогда
не думала об этом. Один бед-

—Он вас любит

а. Вы один помогли перенести
мне те страшные минуты. . .

б. Вы помогли мне перенести
те страшные минуты. . .[♦]

Она закрыла лицо рукой. . .

Начато: начал осторожно и
нежно

прибавила она глухо.

Начато: Кроме вас

вам, может быть, неприятно

перервал ее Б<изьмёнков>.

Вписано.

Лишь бы он не позабыл меня —
лишь бы он хоть изредка вспо-
минал свою Лизу. . . *Вписано.*

[Но] выйдем, — прибавила
она[♦]

Пусть их!

Он меня любил. . . *Вписано.*³¹

а. Как в тексте. б. но он лю-
бил меня! Он меня не обманул
и никогда меня не обманывал —
Вписано.

он не говорил мне, что я буду
его женой. — Я сама никогда
не думала об этом. . . *Вписано.*

³¹ Рядом с этим вписанным текстом две отдельные записи Он меня любил и последствия

ный папаша надеялся. (228, 32—34)

И теперь я еще не совсем несчастна: мне остается воспоминание, и, как бы ни были страшны последствия. . . (228, 34—36)

простоял, не двигаясь с места, (229, 2—3)

погруженный в какое-то бессмысленное недоумение, (229, 3—4)

и осторожно выглянул из моей засады. (229, 5)

Он, казалось, плакал. (229, 7—8)

Я бы не согласилась, если бы вы только хотели спасти меня, вывести меня из страшного положения; но вы меня любите, (229, 10—12)

Бизъмёнков поцеловал ей руку; (229, 15)

а я отправился восвояси. (229, 17)

Бизъмёнков, вероятно, сказал Лизе (229, 17—18)

Через две недели она вышла за него замуж. Старики Ожогины рады были всякому жениху. (229, 21—23)

не лишний ли я человек? (229, 24)

Роль князя. . . о ней нечего и говорить; (229, 26)

И теперь я еще не совсем несчастна. . . мне остается воспоминание — и как бы ни были страшны последствия. . . » Б<изъмёнков> крепко пожал ей руку [и словно хотел заговорить. . .] [♦]

Начато: простоял неподвижно

Начато: погруженный в какое-то бессмысленное удивление

а. и выглянул из моей [липы] засады. *б.* осторожно выглянул из моей засады.

Вписано.

Вписано.

а. Б<изъмёнков> [схвати<л>] стиснул ей руку. *б.* Б<изъмёнков> крепко пожал ей руку.

а. а я. . . А я отправился [домой] к себе. *б.* а я. . . А я отправился восвояси. [♦]

Бизъмёнков сказал Лизе

Вписано.

не лишний я человек? [♦]

Роль князя [понятна] естественна—

роль Бизьмёнкова также понятна. . . (229, 26—27)

я-то к чему тут примешался? . . (229, 27—28)

Всё тает, валится, течет. (229, 35)

В воздухе пахнет разрытой землей: (229, 35—36)

Пар подымается отсюда, (229, 37)

Солнце так и бьет, так и разит. (229, 37—38)

и вместо того что я сделал? Рассказал один случай (229, 39—40)

уснувшие воспоминания пробудились и увлекли меня. Я писал не торопясь, подробно, словно мне еще предстояли годы; (230, 1—3)

Смерть, смерть идет. (230, 4)

что бы я ни рассказал? (230, 6—7)

В виду смерти исчезают (230, 7)

Я чувствую, что утихаю; (230, 8)

Поздно я хватился за ум! . . (230, 9)

До половины наклоненный над безмолвной зияющей бездной, я содрогаюсь, отворачиваюсь, с жадным вниманием осматриваю все кругом. (230, 11—13)

Всякий предмет мне вдвойне дорог. (230, 14)

Я не нагляжусь на мою бедную, невеселую комнату, прощаюсь с каждым пятныш-

роль Бизьмёнкова тоже понятна. [♦]

я-то к чему примешался? . .

Начато: Всё тает, обрушается

а. Пахнет землей: *б.* *Начато:* Всю<ду>

Вписано.

Начато: Солнце так и [разит] бьет сквозь

и вместо того рассказал один случай

уснувшее воспоминанье пробудилось — я писал, словно [годы] мне еще предстояли годы—

а. Смерть приближается. . .

б. Смерть идет. . . ^{♦32}

что я бы ни рассказал. . . [♦]

Начато: Ведь

Я чувствую, что я утихаю; [♦]

а. *Как в тексте.* *б.* К сожалению, поздно я хватился за ум!

До половины наклоненный над [мо<гиллой>] безмолвной бездной, я содрогаюсь — я с удвоенным вниманьем гляжу кругом.

Мне всё живое, всякий предмет вдвойне дорог. . .

Я не нагляжусь моей бедной и [невесе<лой>] невеселой комнаткой — я прощаюсь с

³² Против этих строк на полях написано: пшик.

ком на моих стенах! (230, 14—16)

Жизнь удаляется; она ровно и тихо бежит от меня прочь, как берег от взоров мореходца. (230, 17—18)

шипящий самовар на столе, горшок ерани перед окном и ты, мой бедный пес Трезор, (230, 20—21)

может быть, сегодня. . . я никогда более не увижу вас? (230, 23—24)

Что ты ластишься ко мне, бедная собака? что прислоняешься грудью к постели, судорожно поджимая свой куцый хвост (230, 25—28)

и не сводя с меня своих добрых, грустных глаз? (230, 28)

или ты уже чувствуешь, что хозяина твоего скоро не станет? (230, 29—30)

Ах, если б я мог так же пройти мыслью по всем моим воспоминаниям, (230, 30—31)

О боже мой, боже мой! Я вот умираю. . . Сердце, способное и готовое любить, скоро перестанет биться. . . (230, 36—37)

каждым [из] пятнышком на [моей стене] моих стенах!

Жизнь удаляется [и она бе<жит>] [от меня], она ровно и тихо бежит от меня, как берег от мореходца. . .

а. самовар на столе, горшок ерани на окне и ты, мой [добрый] бедный Трезор — [неуж<ели>] б. самовар на столе, зачитанные книги на полке, горшок ерани на окне и ты, мой бедный пес Трезор,

а. может быть, сегодня я. . . я уже никогда более не увижу вас. . . б. может быть, сегодня я. . . никогда более не увижу вас. . .³³

Что ты ластишься [к моей постели] ко мне, бедная собака, судорожно поджимая свой куцый хвост

и не сводя с меня твоих добрых, [карих] грустных глаз. . .³³

Начато: или ты уже [чувств<ь>] [чувств<уешь>] чувствуешь, что бар<ина>

Ах! хотел бы я теперь так же пройти мыслью [по всем] поочередно по всем моим воспоминаниям

*Вписано.*³³

³³ Текст О боже мой ∞ Прощай всё и навсегда (230, 36—231, 13) вписан после заключительной подписи автора, на следующем листе: знак для его вставки сначала был поставлен после слов как говорила Лиза. Затем здесь знак был зачеркнут и помещен ниже, после слов лучи дышат вечностью. . .

И неужели же оно затихнет навсегда, не изведав ни разу счастья, не расширившись ни разу под сладостным бременем радости? (230, 38—40)

Если б по крайней мере теперь, перед смертью — ведь смерть все-таки святое дело, ведь она возвышает всякое существо, — если б какой-нибудь милый, грустный, дружеский голос пропел надо мною прощальную песнь, песнь о собственном моем горе, я бы, может быть, помирился с ним. (231, 1—6)

Но умереть глухо, глупо. . . Я, кажется, начинаю бредить. (231, 6—8)

Прощай, жизнь, прощай, мой сад, и вы, мои липы! Когда придет лето, смотрите, не забудьте сверху донизу покрыться цветами. . . (231, 9—11)

И пусть хорошо будет людям лежать в вашей пахучей тени, на свежей траве, под лепечущий говор ваших листьев, слегка возмущенных ветром. (231, 11—14)

Прощайте, прощайте! Прощай всё и навсегда! (231, 14)

и чуть-чуть не засмеялся. (231, 15—16)

(231, 29). На первоначально намеченное место вписанный текст возвращен, по-видимому, в беловой рукописи.

И неужели же оно затихнет навсегда, не изведав ни разу сладкого томленья счастья, не расширившись ни разу под сладким бременем [счастья] радости? *Вписано.*

[Если б] О если б по крайней мере [я] теперь, перед смертью — ведь смерть все-таки [дело] святое дело, [она] ведь она возвышает всякое существо — если б [я мог услышать] какой-нибудь милый, грустный голос в немногих [грустных] звуках пропел [бы] надо мною прощальную песнь, песнь о собственном моем горе — я бы, может быть, помирился с ним. *Вписано.*

Вписано.

Прощай, жизнь, прощай, мой милый сад — и вы, мои липы. Когда придет лето — покройтесь сверху донизу цветами, *Вписано.*

а. и пусть в вашей пахучей тени, на свежей траве, под говор ваших листьев. . .
б. и пусть будет [людям хорошо лежать] хорошо лежать людям в вашей пахучей тени, на свежей траве, под лепечущий говор ваших листьев. . .
Вписано.

Прощайте. — Прощайте. . . О это слово!. . . [Оно более] Прощайте навсегда! *Вписано.*

и чуть-чуть не рассмеялся. [♦]

Это восклицание мне кажется книжным. Я как будто сочиняю чувствительную повесть (231, 16—18)

или оканчиваю отчаянное письмо. . . (231, 18)

Завтра первое апреля. (231, 19)

А впрочем, оно ко мне идет. . . (231, 20—21)

всплакнула. . . может быть, обо мне. . . (231, 32)

и о том, что ей самой скоро придется умереть. (231, 33)

бросаю перо. . . (231, 35)

Смерть уже не приближается с возрастающим громом, как карета ночью по мостовой: она здесь, (231, 35—37)

Я умираю. . . Живите, живые! (232, 4)

Под этой последней строкой (232, 6—7)

профиль головы с большим хохлом и усами, с глазом en face и лучеобразными ресницами; (232, 7—8)

Это восклицание мне почему-то кажется книжным. Словно я сочиняю повесть

а. или оканчиваю отчаянное письмо. . . Да оно [не то] и точно не совсем естественно.

б. или оканчиваю отчаянное письмо. . . Лучше я [прощусь] пошлю последний привет с Клавдией. ³⁴

А ведь, не правда ли, завтра 1-е апреля.

А впрочем, оно идет ко мне.

Начато: всплакнула. Не обо <мне>

и о том, что и ей скоро придется умереть.

бросаю перо — и закрываюсь

а. [Я не слышу] Смерть уже не приближается — она здесь, б. Смерть уже не приближается с возрастающим грохотом, как ночью карета по [двор<у>] мостовой — она здесь, ³⁴

Я умираю. . . Живые, повсюду<?> живите!

Вслед за этой последней строкой

а. профиль головы с усами, [все] с глазом en face, очень плохо нарисованный — б. профиль головы с большим хохлом и усами, с глазом en face, ³⁴

³⁴ Против этой строки на полях вписано и зачеркнуто: Прощай, Клавдия. . . Оно останется <?>.

а под головой кто-то написал следующие слова:

Сью рукопись. Читалъ

И Содѣржаніе Онной Нѣ Одобрилъ

Пѣтръ Зудотѣшинъ

М М М М

Милостивый Государь

Пѣтръ Зудотѣшинъ.

Милостивый Государь мой.

(232, 9—16)

Но так как почерк этих строк несколько не походил на почерк, которым написана остальная часть тетради, то издатель и почитает себя вправе заключить, что вышеупомянутые строки прибавлены были впоследствии другим лицом, тем более что до сведения его (издателя) дошло, что г-н Чулкатурин действительно умер в ночь с 1 на 2 апреля 18. . года, в родовом своем поместье Овечьи Воды. (232, 17—24)

а. а под головой кто-то [написал] приписал: Сею рукопись читал/ и содержаніе онной не одобрилъ/ Петръ Зудотешинъ. А А А А. — б. а под головой кто-то написал: Сью рукопись читал / и содѣржаніе онной нѣ одобрилъ / Пѣтръ Зудотѣшинъ. М М М М. — /Милостивый государь. [Пѣтръ] Милости <вый> ◊

а. Но так как [эти строки] почерк этих [дву<х>] строк несколько не походил на почерк, которым написана [прочая] [главн<ая>] остальная часть тетради, то издатель заключает, что они приписаны были другим лицом, тем более что до [его] сведения его дошло, что г-н Чулкат<урин> точно умер 1-го апр<еля> 184. года. б. Но так как почерк этих строк несколько не походил на почерк, которым написана остальная часть тетради, то издатель и почитает себя вправе [из этого] заключить, что [эти] вышеупомянутые строки прибавлены были позднее и уже другим лицом, тем более что до сведения его — издателя — дошло, что г-н Чулкат<урин> точно умер [вечером 1-го апр<еля>] в ночь с 1-го на 2-е апр<еля> 184. года в своем родовом поместье Овечьи воды. ◊

После окончания текста:

Конец

15/3-е янв<аря> 1850.

Ив. Тургенев

«ПРИЗРАКИ». ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ

Черновой автограф повести «Призраки», состоящий из 22 листов, хранится в рукописном отделе Парижской национальной библиотеки (Slave 88, лл. 20—41; описание см.: *Мазон*, стр. 61; фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 202). На первом листе рукописи запись:

ПРИЗРАКИ

Ф а н т а з и я

Задумана весьма давно, в 50-х годах, начата тоже давно.
Кончена в Бадене, в субботу, 1/13 июня 1863 г.

Повесть имеет несколько рукописных источников. Текст первой, незаконченной записи (I и часть II главы), датируемой концом 1855 г., воспроизведен в издании: *Сочинения*, т. IX, стр. 377—379.

Следующим этапом работы над «Призраками» была переписка Тургеневым последнего слоя черновика 1855 г. и дальнейшая работа по написанию текста.

Закончив работу над повестью, рукопись которой вследствие большой правки превратилась в черновую, Тургенев сразу же начал ее переписывать, и в беловом виде она была готова 26 июня (8 июля) 1863 г. (см.: *Письма*, т. V, стр. 135), т. е. менее чем через месяц после окончания повести в ее первом, черновом варианте.

Текст этой последней беловой записи вошел в основу первого и последующих печатных изданий («Эпоха», 1864, № 1—2 и *Сочинения* И. С. Тургенева, 1865, т. V; 1869, ч. 5; 1874, ч. 5; 1880, т. VIII). Варианты белового автографа и прижизненных изданий также приведены в издании: *Сочинения*, т. IX, стр. 379—389.

В истории создания повести черновая рукопись является промежуточным звеном. От первоначального замысла 1855 г. до окончания «Призраков» 1 (13) июня 1863 г. прошло 8 лет, и варианты этой рукописи, отражающие творческие и философские искания автора за такой большой промежуток

времени, являются ценным источником для изучения одного из интереснейших и неразгаданных произведений Тургенева.¹

Ниже публикуются наиболее существенные варианты чернового автографа. Варианты, совпадающие с вариантами белой рукописи, не приводятся.

А. П. Могиллянский

Основной текст²

Черновой автограф

Где-то далеко прокричал пехоту; еще дальше отозвался другой. (77, 18—19)

Всё было тихо; только где-то далеко-далеко прокричал пехоту.

в моей спальне, на моей постели — (77, 25)

в моей комнате[◊]

— Это я... я... я... Я пришла за тобой.

— За мной? Да кто ты? (78, 5—6)

— Ты хочешь узнать [будущее] твою судьбу. Стол тебе ничего не скажет.

— Кто же?

— Я... может быть.³

— Но кто ты?[◊]

свет луны белеется длинной чертою по полу. (78, 12—13)

свет луны [белеется] белеет длинной чертою по полу. Что это со мной делается? [шепнул я, медленно озираясь.] шептал я [невольно] долго спустя. Я улежся [опять] наконец и заснул[◊]

Кровь тяжело колыхалась во мне. (78, 33—34)

Кровь стучала мне в [голову] виски.

Вдруг я почувствовал, что кто-то (78, 36)

Вдруг мне показалось, как будто что кто-то[◊]

в их окаменелой неподвижности, в резкой яркости их очертаний, (80, 17—18)

в неподвижности, в резкой отчетливости их рисунка

Я встрепенулся наконец. (80, 31)

Я поднял голову наконец:

¹ Подробный комментарий к повести «Призраки», в который вошли описание и характеристика рукописных и печатных источников, написанный Е. И. Кийко, см.: *Сочинения*, т. IX, стр. 469—485.

² Текст приводится по изданию: *Сочинения*, т. IX, стр. 77—109.

сердце во мне так и упало:
(81, 7—8)

но я собрался с духом — и
пошел к лесу. (81, 10—11)

месяц засиял снова. (81, 13)

взгляд их выражал не скорбь
и не радость, а какое-то без-
жизненное внимание. (81, 21—
23)

— Я тебя люблю, — слыш-
шался шёпот. (81, 29)

— Ты меня любишь! — по-
вторил я с изумлением. (81,
30)

— Отдайся мне, — снова про-
шелестило мне в ответ. (81, 31)

Но ты призрак — у тебя и
тела нет. (81, 32—33)

Жила ли ты на земле? (81, 35)

«Что это она говорит? — по-
думал я. — Что это всё зна-
чит? И как же она возьмет
меня? Или попытаться?» (82,
1—3)

как таинственная фигура
с каким-то внутренним сме-
хом, от которого на миг за-
дрожало ее лицо, покачнулась
вперед, (82, 7—9)

сердце во мне дрогнуло[◇]

но я собрался с духом — и
пошел наугад вперед

а. Начато: пучк<и> б. луна
засияла *в.* лунный свет засиял

взгляд их выражал [невоз-
мутимое успокоение беско-
нечной скорби] не скорбь и
не тишину, а какое-то без-
жизненное внимание

— Я тебя люблю, — слыш-
шался слабый шопот, хотя
губы ее даже не дрог-
нули.[◇]

— Ты меня любишь! — повто-
рил я с [невольным, [движением]
содроганием] с изумлением,
— и странно стало у меня
на душе] изумлением. [Но кто
ты?] [Кто ты?] Да кто ты?[◇]

— Отдайся мне, — снова по-
слышался шепот.[◇]

Но у тебя [нет тела] тела нет.

Ты хотела, мне предсказать
[будущее] мою судьбу. Жила
ли ты на земле?[◇]

а. Пожалуй, промолвил я
вдруг словно кто подтолкнул
меня. . . Возьми. . . Посмот-
рим, что из этого выйдет. . .
Проучит меня. . . *б. Начато:*
Как это *в.* Что это она говорит?
подумал я. . . Отдаться ей. . .
[а] И как она меня возьмет?
Разве попытаться?

как она покачнулась вперед[◇]

- я уже был в ее власти. (82, 11) а. уже было поздно б. *Начато*: одна в. она охватила меня г. *Начато*: она прислонилась ко мне д. *Начато*: что меня
- Она обхватила меня, (82, 11) Она [обхватила меня] чуть слышно припала ко мне
- тело мое поднялось (82, 11—12) тело мое легко и тихо поднялось[◇]
- я во власти сатаны, (82, 22) я во власти Сатаны, [смерти] это смерть[◇]
- о возможности гибели (82, 24) или о смерти
- Мы всё мчались (82, 25) Мы всё неслись
- отвечала моя спутница. (82, 28) а. отвечал мне призрак б. отвечала [мне белая] таинственная женщина[◇]
- Хорошо; только закрой глаза (82, 33) — Сейчас; только закрой глаза
- воздух засвистал в моих волосах. (82, 35—36) воздух засвистал у меня в ушах
- мы опять плавно неслись (82, 36) мы опять плавно и тихо неслись
- так что цеплялись за верхушки высоких трав. (82, 37—38) так что [мои ноги] носки моих сапогов цеплялись за верхушки высоких [цветов] трав[◇]
- Поставь меня на ноги, (83, 1) — Поставь меня на землю
- задрожал в моих ушах. (83, 9) слабо задрожал [в моих ушах] [вокруг меня]
- двигаться по влажному ночному воздуху. (83, 10—11) двигаться вперед по теплому ночному воздуху
- посмотрел ей в лицо (83, 15) а. посмотрел в лицо своей таинственной спутницы б. *Начато*: посмотрел ей в лицо: неподвижное и безжизненное под[◇]

но ты можешь быть там (83, 19)
Полетаем с тобой до зари, вот
и всё. (83, 22—23)

Ну. . . возьми меня! (83,
26)

Мы взмыли (83, 34)

как вальдшнеп, налетевший
на березу, и опять понеслись
в прямом направлении. (83,
34—35)

Чудно было видеть лес сверху,
его щетинистую спину, ос-
вещенную луной. Он казался
каким-то огромным, заснув-
шим зверем (83—84, 37—1)

вверху сова свистала, тоже жа-
лобно (84, 5—6)

пахло грибами (84, 6)

зорей-травую; (84, 7)

Сырость неприятно ударила
мне в лицо, как только я перер-
вал тугой стебель крупного
цветка. (84, 19—21)

меня поймет всякий, кому слу-
чалось летать во сне. (84, 35—
36)

но ты можешь вернуться к себе
Я тебя люблю. [Странная лю-
бовь. . . подумал я.] И что же
ей нужно от меня? [подумал я].
Она шепч(ет) любить. Мне
больше ничего не нужно. До
зари полетать с тобой, — про-
молвила она, как бы угадав
мою мысль. — Разве это не-
приятно? ♠

Я [помнится] почесал у себя
в затылке.

— Ну изволь, — сказал я на-
конец, — только с условием:
под облака не летать — и слу-
шаться [меня] моих приказаний
Скажи: возьми меня.

Ну — возьми! . . [только тише] ♠

Мы плавно взмыли ♠

как вальдшнеп, налетевший
на дерево — и опять поплыли
вперед

Странно было видеть лес
сверху, его спину, освещенную
месяцем: он казался каким-то
огромным, заснувшим чудо-
вищем

вверху сова отвечала

пахло росой ♠

а. гнилушкой б. папоротником

а. и сыростью повеяло мне
в лицо. . . б. сырость и холод
повеяли мне в лицо. . . Ну,
подумал я, уронит она меня. . .
Но воздушная рука [крепко]
меня крепко держала ♠

каждому из нас случалось ви-
деть во сне, что он летает. Да-
лее: Моя спутница мгновенно от-

гадывала мои желания <;> мне стоило захотеть полететь куда-нибудь и <мы> напрямик уже неслись туда [◇]

Это была женщина с маленьким нерусским лицом. (85, 2)

а. Это была женщина лет около 25, с маленькими, довольно приятными, не русскими чертами лица б. Это была женщина лет около 25, с маленьким, довольно [приятным] красивым не русским лицом [◇]

изнутри освещенной вазе — (85, 5)

изнутри освещенной лампе—

опять показалось мне знакомым. (85, 5—6)

опять показалось мне знакомым. Впрочем, такие лица встречаются довольно часто; они носят особый отпечаток тесноты душевной и грусти, [словно] они и просят участия и боятся его. Людям с такими лицами всё как будто совестно, как будто обидно; их нельзя не жалеть, нравятся они недолго, скучно с ними бывает. Слова мои, вероятно, покажутся странными [всякому, кто только вспомнит, что], речь идет о призраке; но впечатления, произведенные [этим призраком] на меня [видом] чертами этого призрака, были именно такого рода — чувство страха пропало во мне — а любопытство всё более и более возбуждалось [◇]

— Я вижу у тебя кольцо на пальце; (85, 9)

— И ты будешь отвечать на мои вопросы?

— [Смотря] Буду. . . не на все.

— Я знаю, что ты не хочешь сказать мне, кто ты; но я вижу у тебя кольцо на пальце [◇]

— Отчего же ты именно ко мне явилась? (85, 17)

— Отчего же ты меня выбрала?

— И ты довольна? (85, 19)

— Да; мы носимся, мы кружимся с тобою по чистому воздуху. (85, 20—21)

Голова моей спутницы наклонилась.

— Я тебя не понимаю, — шепнула она. (85, 24—25)

рука, лежавшая холодноватым поясом вокруг моего стана, тихо шевельнулась. . . (85, 28—30)

промолвила Эллис, — (85, 31)

и мы помчались (86, 27)

Мы остановились, но шум не прекращался. Напротив: он превратился в какой-то грозный рев, в громовой гул. . . (86, 29—31)

крик невидимой чайки, на мутном небосклоне шаткий остов

а. Странная любовь! вторично подумал я. б. Ты это что мне сказала. в. [что ж?] И ты довольна? — произнес я вслух. Ты больше ничего не хочешь от меня? г. Ты меня любишь. И ты довольна? Ты больше ничего не желаешь! [◇]

— Ничего; мы носимся [тихо, плавно], мы кружимся с тобою по [ночн<ому>] чистому воздуху [Другого удовольствия нет у нас.

— У вас? Да кто *вы* такие? Ответа не было.] [Пом<ню>] Да, да, я знаю. . . ты мне сказала. Да; это главное удовольствие у *вас*. . . у *вас*. . . Но неужели я так-таки не могу узнать, что ты за существо? [Опять ответа не было] Ответа опять не было [◇]

Лицо моей спутницы слегка потемнело. . .

— Преступная — но не осужденная — послышался чуть слышный шопот.

рука, лежавшая холодноватым поясом вокруг моего стана, [слабо дрогнула] тихо шевельнулась. . . Я испугался. . . Уронит она меня. . . [◇]

промолвила [она] Элисс (я буду называть этим именем мой призрак)

и я почувствовал, что мы помчались

Вписано.

крик невидимой чайки. . . Голова у меня закружилась

корабля — всюду смерть,
смерть и ужас. . . Голова у меня
закружилась — (87, 8—11)

как мне показалось, не без
злорадства. (87, 15—16)

ветер уже не выл и не свистал —
он визжал (87, 19—20)

дух захватывало. . . (87, 24)

Я силился овладеть собою,
своим сознанием. . . (87, 23)

Мы находились на плотине
(87, 29)

Прямо передо мною, сквозь ост-
рые листья раки, виднелась
его широкая гладь с кое-где
приставшими волокнами пуши-
стого тумана. (87, 29—32)

Направо тускло лоснилось ржа-
ное поле; (87, 32—33)

налево вздымались деревья сада,
длинные, неподвижные и как
будто сырые. . . Утро уже до-
хнуло на них. По чистому се-
рому небу тянулись, словно по-
лосы дыма, две-три косые тучки;
(87, 33—36)

они казались желтоватыми —

как мне показалось, не без
злорадства. — Хочешь, я приму
свою руку. . . [◇]

а. воздух так и визжал *б.* воз-
дух уже не свистал и не шумел
в. визжал ветер

а. сердце во мне замерло *б.* *На-*
чато: мозг *в.* *Начато:* в го-
лове потемнело. . . дыхание. . .
г. в мозгу потемнело *д.* *Начато:*
дыхание

а. Я пришел в себя — и, не
открывая еще глаз, старался
овладеть собою *б.* Я опомнился,
глубоко вздохнул и, не отнимая
рук от лица, [старался] си-
лился снова овладеть своим со-
знанием *в.* Всё еще скорченный,
я силился овладеть собою [◇]

Мы стояли на плотине [◇]

Прямо передо мной [лежала]
сквозь неподвижные ветки ра-
ки виднелась его темная ров-
ная гладь с кой-где пристав-
шими волокнами белого тумана

[налево] направо тускло [зеле-
нело] темнело [овсян<ое>]
поле [◇]

налево тянулись деревья сада
[неподвижные] высокие, непо-
движные не то еще черные, не
то исчерна-зеленоватые и как
будто уже сырые. . . Утро [едва
занималось] дохнуло на них.
По небу изредка тянулись,
почти сливаясь с ним, длин-
ные косые тучки

а. как дым [похожие на дым] —

первый слабый отблеск зари
падал на них бог весть откуда:
(87, 36—38)

глаз еще не мог различить на
побелевшем небосклоне то место,
где она должна была заняться.
(87—88, 38—2)

— Утро! вот утро! — восклик-
нула над самым моим ухом
Эллис. . . (88, 5—6)

Легко отделяясь от земли, она
плыла мимо — и вдруг под-
няла обе руки над головою.
(88, 7—8)

Эта голова, и руки, и плечи
мгновенно вспыхнули телесным,
теплым цветом; в темных гла-
зах дрогнули живые искры;
усмешка тайной неги шевель-
нула покрасневшие губы. . .
Прелестная женщина внезапно
возникла передо мною. . . (88,
8—13)

дрогнули живые искры; (88,
10—11)

усмешка тайной неги шевель-
нула покрасневшие губы. . .
(88, 11—12)

Прелестная женщина внезапно
возникла передо мною. . . .
(88, 12—13)

Но, как бы падая в обморок,
она тотчас опрокинулась (88,
13—14)

они казались желтыми —
первый слабый отблеск [зари
небес<ной>] еще не заняв-
шейся зари падал на них бог
весть откуда б. они казались
желтоватыми — первый слабый
[кверху белый] отблеск зари па-
дал на них бог весть откуда \diamond

а. она еще не занялась б. но
глаз не различал востока на
побелевшем небосклоне в. *На-
чато*: но глаз, еще не разли-
чавший место востока на побе-
левшем небосклоне

— Утро! вот утро! — послы-
шался возле меня [голос] по-
пот моей спутницы \diamond

Отделенная от земли, она уле-
тала

Вписано.

дрогнули влажные искры

а. *Начато*: улыбка расцвела на
б. *Начато*: улыбка сладостно
шевельнула в. усмешка ше-
вельнула пополневшие губы.

[Прекрасная] [Живая] Прекрас-
ная женщина внезапно возникла
[на миг] передо мною \diamond

— и как падая в обморок,
опрокинулась

мне показалось, что телесная, бледно-розовая краска, пробежавшая по фигуре моего призрака, всё еще не исчезла и, разлитая в воздухе, обдавала меня кругом. . . (88, 16—19)

Это заря загоралась. Я вдруг почувствовал крайнюю усталость и отправился домой. Проходя мимо птичьего двора, я услышал первое утреннее лепетанье гусенят (88, 19—22)

Изредка они разом все поднимались — и, полетав немного, садились опять рядком, без крика. . . (88, 26—27)

Эллис понеслась мне навстречу, как к знакомому. Я не боялся ее по-вчерашнему, я почти обрадовался ей; я даже не старался понять, что со мной происходило; мне только хотелось полетать подальше, по любопытным местам. (88, 34—38)

на утренней заре перед разлукой. (89, 9—10)

Тут я не дослушал несколько слов. (89, 14)

— Эллис! — взмолился я, (89, 17—18)

Она молча подняла свою длинную белую руку.

На темном небе, там, куда указывал ее палец, среди мелких звезд красноватой чертой сияла комета. (89, 19—21)

— Как мне понять тебя? — начал я. — Или ты — как эта

мне показалось, что телесный, бледно-розовый цвет [пролетевший по членам моего призрака], пробежавший по моему призраку всё еще не исчез и обдавал меня кругом. . .

Это была заря. Я вдруг почувствовал большую усталость и отправился домой. Проходя мимо птичьего двора, я услышал первые утренние крики гусенят

Изредка [все галки] они разом [и тоже молча] поднимались — и, полетав немного, без крика, садились опять рядком[♦]

Эллис [двинулась] [ул<ыбнулась] встретила меня как старого знакомого. Я уже [нисколько] нимало ее не боялся — [даж<е>] не задавал себе даже никаких вопросов; мне хотелось полетать с нею подальше, по любопытным местам. . .

на заре перед расставанием

Остальной речи я не дослушал.

— Эллис! — воскликнул я невольно[♦]

Она ничего не отвечала, но подняла свою белую длинную руку — [и показала мне на] на темном небе, там, куда указывала эта рука] указывал ее палец, среди [звезд сияла тусклой выгнутой чертой небольшая комета] мелких звезд тускло-красноватой выгнутой чертой сияла комета. . .[♦]

— Стало быть ты, как эта комета, начал я, между плане-

комета носится между планетами и солнцем — носишься между людьми. . . (89, 22—24)

Но рука Эллис внезапно надвинулась на мои глаза. . .
Словно белый туман из сырой долины обдал меня. . . (89, 25—27)

там и сям, по всему его протяжению, подобно небольшим обломкам зеркала блистали стоячие воды; вдали смутно виднелось неслышное, недвижимое море. (89—90, 37—2)

тысячеголосная, немолчная и все-таки негромкая трель поднималась отовсюду — и чуден был этот пронзительный и дремотный гул, этот ночной голос пустыни. . . (90, 3—6)

— Приготовься! (90, 13)

Высокие ли арки громадного моста? (90, 24—25)

Зачем он порван местами? Нет, это не мост, это древний водопровод. (90, 26—27)

Мы внезапно взвились и повисли на воздухе перед уединенной развалиной. (90, 31—32)

тами и солнцем — между людьми

Но ее рука [прильнула к моим глазам как холодный] [упала на мои глаза словно белый] внезапно надвинулась на мои глаза, словно белый туман из сырой долины обдал меня[♦]

с одной стороны небосклона виднелись [темные] черные массы гор — с другой равнина. Эта [пустыня] равнина сливалась [на самом небосклоне] на сужавшейся окраине небосклона с чем-то еще более ровным и менее темным: — как должно быть с морем — неслышно далекое море

Звонящая, тысячеголосная, немолчная, но при всем том негромкая трель поднималась от земли к небу. Казалось, ночь и пустыня не могли бы [говорить иначе] издавать другого голоса и чуден был [тяжкий] пронзительный и дремотный гул [этот дрожащий звон]

— Приготовься!

— [Рим!] Мы там скоро будем. . . [Рим!][♦]

Высокие ли своды громадного моста?

Зачем он местами обрушен? Местами обрушены перила: это водопровод [стрелой бежавший], издали бегущий в столицу мира

а. Мы остановились перед высокой развалиной б. Мы внезапно взвились и остановились, повисли на воздухе, перед уединенной развалиной[♦].

Никто бы не мог сказать, чем она была прежде: гробницей, чертогом, башней. . . Черный плющ обливал ее всю своей мертвенной силой — а внизу раскрывался, как зев, полуобрушенный свод. (90, 32—35)

Тяжелым запахом погребца (90, 36)

Последние отзвучия моего голоса (91, 10)

не успели еще замереть, (91, 10—11)

Мне трудно сказать, что именно. (91, 12)

взрыв трубных звуков и рукоплесканий. (91, 14)

Казалось, где-то, страшно далеко, в какой-то бездонной глубине, внезапно зашевелилась несметная толпа — и поднималась, поднималась, волнуясь и перекликаясь чуть слышно, как бы сквозь сон, сквозь подавляющий, многовековый сон. (91, 15—19)

мириады теней, (91, 21)

миллионы очертаний, то округленных, как шлемы, то протянутых, как копыя; (91, 21—22)

Нельзя было [понять] сказать, чем она была прежде: гробницей, чертогом, башней. . . [Темная] Черная [густая] масса плюща обливала ее сверху до низу, а внизу раскрывался, как зев, [свод] [высокие стены] полуобрушенный свод, уходящий под землю

[Какой-то особенной] Тяжелой [мертвенной] могильной сыростью ◊

[Голо<с>] [Отражения] Отзвучия моего крика

не успели еще замереть в неподвижном воздухе ◊

Мне нелегко сказать, что именно ◊

криков и [стенаний] воплей

а. [Точно] Казалось, что-то весьма многочисленное [внезапно проснулось, зашевелилось и поднималось, грозя и перекликаясь. . .] зашевелилось в бездонной глубине векового сна. б. Казалось [что <-то>], где-то страшно далеко в какой-то бездонной глубине и мгле внезапно зашевелилась [необъятная] несметная толпа — и поднималась, поднималась, грозя и перекликаясь чуть слышно как бы сквозь [мертвый] [тяжелый] подавляющий многовековый сон ◊

бесконечные тени

очертания, то округленные, как шлем, то протянутые, как копыя ◊

лучи луны дробились мгновенными синеватыми искорками на этих копьях и шлемах — (91, 22—24)

и вся эта армия, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла, колыхалась усиленно. . . (91, 24—25)

Несказанное напряжение, напряжение, достаточное для того, чтобы приподнять целый мир, чувствовалось в ней; но ни один образ не выдавался ясно. . . (91, 26—28)

громадные волны. . . (91, 30)

«Caesar, Caesar venit!»³, — зашумели голоса, подобно листьям леса, на который внезапно налетела буря. . . (91, 31—32)

голова императора стала медленно выдвигаться (91, 34—35)

раскрой эта голова свои глаза, разверзи свои губы — (92, 3)

а. Начато: бледные искорки [вспыхивали беспрестанно [в] под] мгновенно вспыхивали, беспрестанно казалось под *б.* [Как лучи луны на лавах и межах] Лучи луны дробились мгновенными бледными искорками на этих [шлемах и копьях] копьях и шлемах ◊

а. и всё это двигалось, росло с усилием, напряженным, беспомощным усилием. . . Стараюсь приподнять целый мир *б. Начато:* и всё это неведомое [нечто] войско *в.* и всё это — неведомая толпа, это несметное войско, [двигалось близко, близко] надвигалось ближе, ближе, росло, колыхалось усиленно ◊

а. Мне чудились усилия напряженные, достаточные, чтобы приподнять целый мир *б.* Несказанное напряжение, достаточное <чтобы> приподнять целый мир, чувствовалось в [ней] таинственной массе. Но ничего не выдавалось ясно; мне ничего не пробивалось наружу

бесшумные, но громадные волны ◊

Отсутствует.

голова императора [показалась] начала медленно [выказываться] [высовываться] выдвигаться ◊

раскрой эта голова свои глаза, свои губы ◊

³ «Цезарь, Цезарь идет!» — лат.

Я успел еще услышать за собою железный, громовый на этот раз, крик легионов. . . (92, 9—10)

Потом всё потемнело. (92, 10)

— Оглянись, — сказала мне Эллис, (92, 12)

что я мог только вздохнуть. (92, 14)

Сперва я не различал ничего: (92, 17)

и вместе с ним и тоже как будто волною принеслись сильные, чистые звуки молодого женского голоса. (92, 22—24)

дворцу, приветно белевшему (92, 26)

среди кипарисной рощи. (92, 26—27)

Звуки лились из его настень раскрытых окон; (92, 27—28)

усеянного пылью цветов, (92, 28)

Я промолвил только: а! и продолжал спускаться. (92, 36)

Но я успел еще услышать за собою железный, громовой крик ⁴ легионов. . . [◇]

Потом у меня закружилась голова.

— Смотри, — сказала мне Эллис

что я мог только вздохнуть, не понимая [даже], что со мною делается и где я нахожусь. . .

а. В первое мгновение я ничего не мог [видеть] ощущать, кроме этого [кроткого] чудотворного света *б.* Сперва я не мог ничего различить [◇]

и вместе с ним [разлилась] [принеслась другая волна] <принеслись> звуки, чистые, [томные и] нежные и как будто тоже лазоревые, как тот туман, как озеро, как небо

дворцу [тайнственно] [приветно] [ярко] [ласково] белевшему

а. среди маслиновой и кипарисной рощи на берегу озера *б.* среди кипарисной рощи над самой гладью [светлого] [прекрасного] озера

Вписано.

усеянного [сплошной золотистой] [сплошь] семенной пылью цветов

Я ничего не отвечал — и продолжал спускаться. . . [Словно] Точно это зависело от моей воли

⁴ К этому слову под текстом примечание: М. Фергеа vox

голос всё громче, всё ярче раздавался (92, 37—38)

оглашавшей такими звуками такую ночь. (93, 1—2)

Мы остановились перед окном. (93, 2)

закинув голову и до половины закрыв глаза, (93, 9—10)

она пела и улыбалась, (93, 11)

Она улыбалась. . . и Праксителиев Фавн, ленивый, молодой, как она, изнеженный, сладострастный, тоже, казалось, улыбался ей из угла, из-за ветвей олеандра, сквозь тонкий дым, поднимавшийся с бронзовой курильницы на древнем треножнике. (93, 13—17)

Красавица была одна. (93, 17—18)

Я оглянулся. . . (93, 26)

мрачно и грозно; в ее внезапно раскрывшихся глазах тускло горела злоба. . . (93, 27—29)

голос раздавался всё громче, всё [ярче] слаще

Вписано.

[И вот] мы остановились перед [раскрытым] окном [[около которого] [под которым] тихо крутилась луччиола]; возле нас тихо крутилась светящая муха

закинув голову и подняв [большие] огненные <?> глаза

казалось, она улыбалась

Отсутствует.

а. Кроме ее, никого не было в комнате — но кто-нибудь близкий, милый обитал вместе с нею этот очарованный дворец:
б. Она была одна — но [я не сомневаюсь в том, что] кто-нибудь близкий, наверно милый, вместе с нею обитал в этом очарованном дворце: так не поют, когда живут в уединении ♠

Я [быстро] оглянулся — и опять испуг захватил мне дыханье ♠

было до того грозно — в ее почти невидимых глазах тускло горела такая [злая ревность] злоба. . . ♠

Мы остановились. (93, 34)

я чувствовал совсем другой воз-
дух, (93, 35—36)

На меня веяло крепительной
свежестью, как от большой
реки, — (93, 36—37)

с таким несомненным оттен-
ком, с таким знакомым, родным
переливом, (93, 39—40)

я тотчас же сказал себе: (94, 1)

Мы находились над плоским
берегом. (94, 5)

Налево тянулись, терялись
в бесконечность скошенные
луга, уставленные громад-
ными скирдами; направо в та-
кую же бесконечность уходила
ровная гладь великой много-
водной реки. (94, 5—9)

и на ней же горел огонек,
(94, 13)

выдвигались лучистыми круп-
ными точками; (94, 17—18)

Мы понеслись вдоль берега.
(94, 24)

Но всё лицо тотчас же вновь
оцепенело. (94, 29—30)

Мы внезапно остановились. ◊

я чувствовал совсем другой воз-
дух вокруг себя

На меня веяло свежестью, как
от [большой реки или] моря ◊

с таким несомненным, диким
переливом

я невольно подумал

Мы [плавно неслись] [чуть-
чуть двигались] парили над
плоским берегом [реки — тем-
ной, тихой и <не закончено>]. ◊

Направо тянулись, терялись
в бесконечность темные луга,
уставленные громадными скир-
дами; налево в такую же бе-
сконечность уходила ровная
гладь тихой многоводной реки:

и на ней же [светился] горел
живой огонек ◊

Начато: выставлялись яр-
кими, сильными

а. Мы продолжали тихо [плыть
над берегом] рассекать <не за-
кончено>. *б.* Мы неслись вдоль
берега.

Но всё лицо тотчас же [застыло]
оцепенело.

Ревность! воскликнул я...
Но что значит твоя любовь? —
Как можешь ты — ты любить!
[И] Притом ты меня обманула.
Ты хотела предсказать мне мою
судьбу.

Я сказала: может быть.

Разве это не от тебя зависит?
[Эллис ничего не отвечала.]
Ты мне не отвечаешь? Это не-

сносно! — И я опять-таки повторю: как можешь ты, без тела, без крови — любить меня?

У тебя есть кровь. . . промолвила моя спутница, и мне показалось, что она улыбнулась [до того странно <не закончено>]

Сердце во мне ёкнуло. . . [Я вспо<мнил>] Рассказы об упырях, о вампирах пришли мне на ум. . . Неужели [и] я во власти [такого] подобного существа. . .[◇]

— Я хочу домой, — проговорил я. (94, 31)

Сперва всё осталось безмолвным, (95, 16)

что-то со стоном упало в воду (95, 18—19)

никого нигде не было видно, (95, 19—20)

в этом хаосе звуков: (95, 22)

крики и визги, яростная ругань и хохот, хохот пуще всего, (95, 22—23)

удары весел и топоров, треск как от взлома дверей и сундуков, (95, 23—24)

лошадиное скакание, (95, 25)

и лязг цепей, (95, 26)

гул и рев пожара, (95, 26)

неутешный плач, моление, жалобное, отчаянное, и повелительные восклицания, (95, 27—28)

— Я хочу домой — проговорил я с усилием[◇]

Сперва я не услышал ничего

что-то со стоном [упало] плюхнуло в воду[◇]

а. ничего не было видно [кроме реки и берега] ни над рекой, ни на берегу б. река попрежнему катилась мимо величаво

Вписано.

крики и стоны, яростная брань и хохот, хохот чаще всего

удары весел и топоров, и звон набата и треск и гул пожара, треск как от [взламываемых] взлома сундуков и дверей, скакание и топот

а. лошадиное скакание б. прыгание и фыркание коней

Вписано.

гул пожара

Вписано.

гарканье и топот пляски. . . *Вписано.*
(95, 29—30)

любо! любо! так! не жалеи!» — та-ак, не жалеи! ♦
(95, 30—31)

ничего не показывалось, (95, 33—34) ничего не [показывалось] шевелилось ♦

река катилась мимо, таинственно, почти угрюмо; самый берег казался пустынной и одичалей — и только. (95, 34—36) *а.* — река, берег — небо и только *б.* пустота и глушь! *в.* даже как будто пустынной и безлюдней и одичалей. . . и только *г.* река текла и только

— Степан Тимофеевич! Степан Тимофеевич идет! — (96, 1) — Степан Тимофеич! батюшка Степан Т<имофеевич>идет! ♦

зашумело вокруг, — (96, 1—2) *а.* *Начато:* раздалось *б.* раздалось вокруг [смятенные голоса] крик <не закончено.>

идет наш батюшка, атаман наш, наш кормилец! (96, 2—3) идет [батюшка!] наш батюшка! атаман наш! ♦

да в топоры их, белоручек! (96, 7) *Отсутствует.*

близкого пламени, (96, 8) *Вписано.*

Я лишился чувств — и когда опомнился, мы с Эллис тихо скользили (96, 12—13) Я лишился чувств — и когда я опомнился [и открыл глаза] [мы с Эллис] мы тихо скользили ♦

— Видишь ту дорожку? (96, 15) — Видишь ту дорожку, малодушный ♦

месяц тускло светит (96, 16) *а.* луна [светит] ударяет *б.* месяц [ударил] светит — по ней ходят теперь трехугольные люди. . . ♦

и свесились две березки? . . (96, 16) *Отсутствует.*

Но я чувствовал себя до того разбитым и истощенным, что мог только проговорить в ответ: (96, 18—19) Но я [до того] чувствовал себя до того разбитым и слабым, что мог только простонать в ответ ♦

— Ты дома, — отвечала Эллис. (96, 21) — Малодушный! — повторила Эллис — [вот твой дом].

Ну же, стань на ноги. . .
А я еще полетаю. До [завтра]
свидания. . . [Опомнись и
скажи] [Засни] Приди в себя.
Ты дома ♦

Эллис исчезла. (96, 23)

Отсутствует.

подозрительно оглянула меня —
(96, 24)

понюхала

Я с трудом дотащился до по-
стели (96, 26)

Я с трудом дотащился до
своей постели [но]

я не обращал внимания на те-
лесное мое расстройство, рас-
каяние меня грызло, досада
душила. (96, 30—32)

я не обращал внимание на это,
досада меня грызла, стыд душил

Я был до крайности недо-
волен собою. «Малодушный! —
твердил я беспрестанно, — да,
Эллис права. Чего я испугался?
как было не воспользоваться
случаем? . . Я мог увидеть са-
мого Цезаря — (96, 33—36)

Я был [очень] до крайности
недоволен собою. «Малодуш-
ный! — повторял я беспрестан-
но, — да, Эллис права. Чего
я испугался? [Другое дело,
если б я отказался] Мне бы
следовало отказаться с самого
начала. . . Но раз отдавшись
во власть той непонятной силе,
решившись переступить завет-
ную черту. . . как было не
воспользоваться? . . Я мог уви-
дать — увидеть лицо самого Це-
заря, того Цезаря, время ко-
торого, кажется, только теперь
наступает ♦

В качестве дворянина и земле-
владельца. . . (96—97, 38—4)

Отсутствует.

спросил я себя наконец. Я по-
звал ключницу. (97, 3—4)

[пришло мне [в голову] вдруг
в голову] спросил я себя нако-
нец. Я позвал свою ключ-
ницу. ♦

В сумеречки ты из дома вышел;
а в спальне-то ты каблучи-
щами-то за полночь стучал. (97,
8—9)

[На ночь] [В сумерки] В су-
меречки ты из дома вышел;
а в [спальне] спальне-то ты
[каблуками] каблучищами-то за
полночь [знать] стучал. ♦

Летанье-то, значит, не подде-
жит сомнению». (97, 12—13)

Меня слегка покорило. . .
Я отпустил Марфу. (97, 18)

Надо это всё бросить. Это
опасно. (97, 20—21)

А когда я летаю, мне всё ка-
жется, что его кто-то сосет или
как будто из него что-то со-
чится, — вот как весной сок
из березы, если воткнуть в нее
топор. А все-таки жалко. Да и
Эллис. . . (97, 22—25)

Она играет со мной, как кошка
с мышью. . . А впрочем, едва ли
она желает мне зла. (97,
25—27)

Но если она пьет мою кровь?
(97, 28)

Притом такое быстрое передви-
жение не может не быть вред-
ным; говорят, и в Англии, на
железных дорогах, запрещено
ехать более ста двадцати верст
в час. . .»

Так я размышлял с самим
собою — (97, 29—33)

но в десятом (97, 33)

я никого не нашел под дубом;
(97, 37—38)

несколько раз вокруг, (97, 39)

но она не появлялась. (98, 4)

Мне стало грустно, почти
больно; прежние мои опасенья
исчезли: (98, 4—5)

вот оно, дело-то какой оборот
принимает

Я невольно вздрогнул — и
отпустил Марфу ◊

Непреренно умрешь или сой-
дешь с ума. — Надо это всё
бросить. [Это опасно] Это, бог
знает, как опасно. ◊

А жалко. Мне кажется сегодня
я был бы храбрее. Да и Эл-
лис. . . ◊

Она едва ли желает мне зла

Но если она точно пьет мою
кровь? [Что ж? пускай!] ◊

Вписано.

[В девятом] но в девятом ◊

а. никого не было под дубом
б. я не нашел [Эллис] моего
призрака

несколько раз [вокруг [него]
дуба] кругом ◊

напрасно: она не появлялась

Мне стало досадно, почти гру-
стно. Все мои опасения исчезли:

что моя спутница уже не вернется ко мне. (98, 6—7)

Ворон, которого мой голос разбудил, внезапно завозился в вершине соседнего дерева (98, 10—11)

Но Эллис не появлялась. (98, 12)

Впереди уже чернели ракиты на плотине пруда, и свет в окне моей комнаты мелькнул между яблонями сада, мелькнул и скрылся, словно глаз человека, который бы меня караулил, (98, 13—17).

Я почувствовал ее щеку на моей щеке, кольцо ее руки вокруг моего тела — и как острый холодок вонзился мне в ухо ее шёпот: (98, 21—23)

Последние слова Эллис меня смуглили. . . (98, 29—30)

— Куда ты хочешь? (98, 34)

— Понеси меня в Италию, (98, 36)

что моя [спутница] странная спутница уже не вернется ко мне — что я ей стал противен [своей трусостью]. . .[◇]

Ворон, которого [я вероятно] мой голос разбудил [тяжко застучал и захлопал крыльями в вершине соседнего дерева, путаясь в ветвях. . .], внезапно завозился в вершине соседней березы

Я затрепетал — но Эллис всё не появлялась.

[Впереди я] [Передо мною] Впереди уже чернели шапки ракит на плотине пруда, и свет в окне моей комнаты [уже] мелькнул между деревьями сада[◇]

Я [почувствовал] разом почувствовал ее [лицо] [губы] прикосновение на моей щеке, [змеиное] [хо<лодное>] туманное кольцо ее руки [на мое <не закончено>] вокруг моего тела — и как острый холодок вошел мне в ухо ее шепот

Вписано. Далее было начато:
а. от них веяло чем-то мертве
<. . . > б. безжизненно и вяло

— Куда ты хочешь отправиться [сег<одня>]?[◇]

Покажи мне опять [то] что-нибудь вроде вчерашнего. . .
Я не испугаюсь теперь.

[Нельзя. . . Случай упущен. — Теперь надо ждать — долго ждать]

Эллис взглянула на меня.
Теперь нельзя. . . Случай

упущен. Надо ждать — долго ждать.

Ну так понеси меня в Италию ◊

разливался алый оттенок. (99, 1)

разливался [чуть заметный] слабый алый оттенок [— а глаза потемнели] [— а глаза, волосы и брови потемнели] ◊

Я взглянул в ее глаза. . . (99, 2)

Я глянул в ее глаза. . . ◊

в этих глазах что-то двигалось — (99, 2—3)

в них что-то шевелилось —

Скажи же мне, кто ты?

Эллис только плечом пожалала. (99, 6—7)

Скажи же мне, наконец? [Я тебя люблю, слышался знакомый безжизненный шепот] Эллис только покачала головой

мне захотелось отомстить ей, — и вдруг (99, 9—10)

мне захотелось отомстить ей, — [за ее] сделать ей неприятность — и вдруг ◊

где так светло, как на бульварах?

— Это не дневной свет.

— Прекрасно; так неси же меня сейчас на Италиянский бульвар (99, 16—20)

где светло, как на Италиянском бульваре?

— [Это не дневной свет] Мне всё равно. Это не дневной свет.

— Прекрасно [неси] отнеси ж меня [именно] сейчас — именно на Италиянский бульвар ◊

Эллис накинула мне на голову конец своего длинного висячего рукава. (99, 21—22)

— Закрой глаза, промолвила Эллис — или нет [поверн(и)] вот так лучше будет. . . Она накинула мне на голову свой длинный висячий рукав.

Эллис сняла рукав с моей головы, и я увидел под собою громаду столпившихся зданий, полную блеска, движения, грохота. . . Я увидел Париж. (99, 27—30)

Эллис сняла свой рукав с моей головы, и я увидел под собою [нечто что <неск. нрзб.>] громаду столпившихся зданий, полную [чада, света, грохота и гула] блеска [огня] [огней] [мрака] [<I нрзб.>] грохота, движения и гула. . . [Это был Париж] Я увидел Париж. ◊

Я прежде бывал в Париже и потому тотчас узнал место,

Я [в] [как-то] прежде бывал в Париже и потому я тотчас

к которому направлялась Эллис. Это был Тюльерийский сад, с его старыми каштановыми деревьями, железными решетками, крепостным рвом и звероподобными зуавами на часах. (99, 32—36)

Толпы народа, молодые и старые щеголи, блузники, женщины в пышных платьях теснились по панелям; раззолоченные рестораны и кофейные горели огнями; омнибусы, кареты всех родов и видов сновали вдоль бульвара; всё так и кипело, так и сияло, всё, куда ни падал взор. . . Но, странное дело! мне не захотелось покинуть мою чистую, темную, воздушную высь, не захотелось приблизиться к этому человеческому муравейнику. (100, 2—10)

поднимался оттуда, не то пахучий, не то смрадный: (100, 11)

Я колебался. . . (100, 12—13)

узнал [то] место, к которому [начала спускаться] направлялась Эллис. Это был Тюльерийский сад, с его старыми каштановыми деревьями, [высокими] [кру<тymi?>] [частыми] [узорчатыми] решетками, крепостным рвом и [часовыми] звероподобными зуавами на часах. ◊

[Народу было пропасть] Толпы народа [теснились по панелям, кофейные горели огнями, кареты, омнибусы], молодые люди, старики [мужчины], женщины в разных [пестрых] ярких платьях теснились по панелям [раззолоченные] рестораны, раззолоченные кофейные [хотя] горели голубыми избитыми огнями, омнибусы [запряженные лошадьми, которые всю ширину], кареты всех родов и видов [занимали] сновали по бульвару [всё блестяло [каким-то] [и ярким блестяком] нестерпимым] [всё так и кипело там внизу] всё куда ни обращался взор, так и кипело, так и сияло. . . [Странное] Но странное дело! мне [не захотелось] [не хотелось] вдруг не захотелось покинуть [воздушную] мою чистую и воздушную высь [мне не хотелось] [для того чтобы спуститься], не захотелось приблизиться к этому человеческому муравейнику ◊

поднимался [из этого человеческого муравейника и я почувствовал] оттуда, не то смрадный, не то [пахучий] благовоновый ◊

я почувствовал, что-то в роде

отвращения, смешанного со страхом

Я тотчас представил себе каменное, скулистое, жадное, плоское парижское лицо, ростовщицьи глаза, белила, (100, 16—18)

Я представил себе также и нашего брата степняка, бегущего дрянной припрыжкой за продажной куклой. . . (100, 21—23)

конфузаясь до грубости и насильственно картавя, (100, 23—24)

пищит, подслуживается, юлит, — и чувство омерзения охватило меня. . . (100, 25—26)

Париж вздымался к нам навстречу со всем своим гамом и чадом. . . (100, 29—30)

— Ты сам просил меня перенести тебя сюда.

— Я виноват, я беру назад свое слово. (100, 33—34)

Я тотчас представил себе [ее] каменное, скулистое, жадное и плоское парижское лицо, [ее] ростовщицьи глаза, ее белилы ◊

Я представил себе также и нашего брата [какого-нибудь князька-русачка] [князька] степняка, бегущего вслед за [нею] продажной куклой дробной припрыжкой ◊

конфузаясь до грубости и [подводя живот] [картавя и сюсюкая] насильственно сюсюкая

[ломается, пищит] и чувство отвращения [смешанного со страхом, схватило меня за горло] охватило меня ◊

Париж [словно] [точно] вздымался нам навстречу со всем своим гамом и чадом [Nous soupons au café anglais,⁵ пропищал опять⁶ картавый голос лоретки], мундирами и кринолинами, сержандвилями и стаканами мутного⁷ абсента, эспаньолками и шляпами набекрень, [жирным <и>] [гарсонами ком<. . .>] [щелкающими] игроками домино в кофейных и игроками на бирже ◊

— Ты сам просил меня перенести тебя сюда, отвечала она. Ты хотел [наслаждаться] любоваться, любуйся!

⁵ Мы ужинаем в английском кафе — франц.

⁶ опять вписано.

⁷ мутного вписано.

Неси меня прочь, Эллис,
прошу тебя. (100, 34—35)

изобретателя «специальности
браков» и даровых консульта-
ций д-ра Шарля Альбера, (101,
7—9)

— Взгляни вниз, — отвечала
мне Эллис, — ты уже не над
Парижем. (101, 13—14)

зареву огромного пожара, (101,
18)

Какой это парк с аллеями
стриженных лип, с отдельными
елками в виде зонтиков, (101,
23—24)

с портиками и храмами (101,
24—25)

берниниевской школы, (101,
26)

на середине изогнутых прудов,
окаймленных низкими пери-
лами из почерневшего мрамора?
(101, 27—28)

Небольшой дворец, тоже ро-
коко, выглядывает из-за купы
кудрявых дубов. (101, 29—30)

Луна неясно светит, окутанная
паром, и по земле как будто

— Я виноват, я беру назад
свое слово — [твердил я] [уве-
рял я] [умолял я] — а [Эллис]
мы [между тем] всё опуска-
лись ◊

Вписано.

Вписано.

— Не тревожься напрасно, от-
вечала мне Эллис, и взгляни
вниз. . . мы уже не над Пари-
жем. ◊

отблеск огромного пожара

Какой это [огром<ный>] гро-
мадный сад или парк с аллеями
стриженных деревьев, с елками
в виде [столбиков] [грибов] зон-
тиков и грибов

и с [филиграновыми] [резными]
филиграновыми беседками, пор-
тиками и храмами ◊

берниниевской манеры ◊

а. над недвижимой гладью прудов,
окаймленных [точен-
<ыми>] мраморными перилами
б. над [остановив<шейся>] гла-
дью [кривых] [зеркальн<ых?>]
прудов, сплошь окаймленных
низкими перилами из мра-
мора ◊

Небольшой старомодный дво-
рец [под рококо] выглядывает
из-за купы [царственных] ве-
личественных дубов.

Тонкая луна неясно светит [оку-
танная дымкой], словно окутан-

разостлался тончайший дым.
(101, 30—32)

его длинная спина белеет, (101,
34)

а вон светляки горят алмазами
в голубоватой тени у подножья
статуй. (101, 35—36)

плескалась и болтала струйка
падавшей воды. (102, 3—4)

Казалось, она твердила всё
одни и те же слова: (102, 4—5)

и пестром роброне (102, 8)

Странные, бледные лица...
Я хочу взглядеться в них...
Но уже всё исчезло, и только
по-прежнему болтает вода.
(102, 11—13)

Вот уже они протекают под
нами со всеми своими изви-
линами, ложбинами, узкими лу-
гами, с огненными точками
в заснувших деревушках у бы-
стрых ручьев на дне долин;
(102, 21—24)

пихты с их белыми прямыми
стволами. (102, 28—29)

Кое-где на опушках виднеются
дикие козы; стройно и чутко
стоят они на своих тонких нож-

ная паром, и внизу [тоже] на
земле тоже разостлался тон-
чайший дым... .

а. длинная спина его отливает
<1 нрзб.> белизной *б.* не дрог-
нет его длинная спина *в.* *На-*
чато: не шевелится>

а вон светляки горят алмазами
в [тенистой стороне аллеи] [те-
ни [у подножья зеленой ли-
пов<ой>] у подножья лип] [голу-
боватой призрачной тени] тени
[у подножья темной древесной
стены], у подножья темной
стены [деревьев] обрезанных
ветвей

а. плескалась и журчала вода
б. [прерывисто и] болтливо
плескалась струйка падавшей
воды ◊

Казалось, она твердила всё одно
и то же

и фикмах

Удивленные бледные лица.
Я хотел взглядеться... Но
уже ничего <нет>, всё исчезло
и только вода по-прежнему бол-
тала — да, всегда.

вот уж они плывут под нами со
всеми своими долинами, раз-
валинами, узкими лугами
с заснувшими деревушками на
дне долин

а. *Начато:* ели с их белыми
стволами — точно *б.* пихты
с белыми стремительно пря-
мыми стволами

Вписано.

ках и прислушиваются, красиво повернув головы и насторожив большие трубчатые уши. Развалина башни печально и слепо выставляет с вершины голого утеса свои полуобрушенные зубцы; над старыми, забытыми камнями мирно теплится золотая звездочка. Из небольшого, почти черного озера поднимается, как таинственная жалоба, стнящее уkanie маленьких жаб. Мне чудятся другие звуки, длинные, томные, подобные звукам эоловой арфы. . . Вот она, страна легенд! (102, 29—39)

над старыми, забытыми камнями мирно теплится золотая звездочка. (102, 34—35)

Из небольшого, почти черного озера поднимается, как таинственная жалоба, стнящее уkanie маленьких жаб. (102, 36—38)

Мне чудятся другие звуки, длинные, томные, подобные звукам эоловой арфы. . . (102, 38—39)

задумчиво царит луна. (103, 5)

Воздух струится мягко и легко. (103, 5—6)

— Эллис, ты должна любить этот край! (103, 8)

— Я ничего не люблю. (103, 9)

а. Начато: старые *б.* звездочка мигает *в.* над старыми [ненужными] забытыми камнями мирно теплится [звездочка] голубая звездочка [◇]

Вписано.

Мне чудятся длинные, длинные, томные звуки — подобные вздохам эоловой арфы. . .

холодно и [таинственно] торжественно царит луна [◇]

а. Мелкие звезды [чуть-чуть мерцают] тоже как будто в тумане *б.* Звезд мало — и те мелкие *в.* Воздух [легкий и мягкий, стоит] [чуть колышется] струится легкий и мягкий [◇]

— Эллис, ты должна любить этот край? спрашиваю я мою спутницу. [◇]

— Я ничего не люблю. . . слышится ее шопот.

— Да . . . тебя! — отвечает она равнодушно.

Мне сдается, что ее рука теснее прежнего обвивает мой стан. (103, 11—13)

— Вперед! Вперед! — говорит Эллис с каким-то холодным увлечением.

— Вперед! — повторяю я. (103, 14—16)

звонкий крик раздался внезапно над нами и тотчас же повторился уже немного впереди. (103, 18—20)

«Мы долетим небось, хоть и трудно», — казалось, говорили они, ободряя друг друга. (103—104, 37—1)

«Слуша-а-а-ай!» — замерло где-то на конце света. (104, 18—19)

Я никогда не любил петербургских ночей; но на этот раз мне даже страшно стало: облик Эллис исчезал совершенно, таял, как утренний туман на июльском солнце, и я ясно видел всё свое тело, как оно грузно и одиноко висело в уровень Александровской колонны. Так вот Петербург! Да, это он, точно. Эти пустые, широкие, серые улицы; эти серо-беловатые, желто-серые, серо-лиловые, оштукатуренные и облупленные дома, с их впалыми окнами, яркими вывесками, железными навесами над крыльцами и дрянными овощными лавчками; эти фронтоны, надписи, будки, колоды; золотая шапка Исаакия; ненужная пестрая биржа; гранитные стены крепости и взломанная деревянная

— Да . . . тебя! — отвечает она и мне сдается, что рука ее теснее обвивает [меня] мой стан.

Отсутствует.

звонкий крик раздался внезапно [и повторился опять] над нами и тотчас же повторился [◇]

Вписано.

Слушаай... замерло где-то на краю света. [◇] *Вписано.*

Вписано.

мостовая; эти барки с сеном и дровами; этот запах пыли, капусты, рогожи и конюшни, эти окаменелые дворники в тулупах у ворот, эти скорченные мертвенным сном извозчики на продавленных дрожках, — да, это она, наша Северная Пальмира. (104—105, 23—2)

как утренний туман на июльском солнце, (104, 25—26)

в уровень Александровской колонны. (104, 27—28)

и облупленные (104, 31)

железными навесами над крыльцами и дрянными овощными лавчонками; (104, 32—33)

странно громоздясь и рисуясь (105, 4)

— Улетим, — взмолилась Эллис. (105, 10)

Шаги и голоса слышались внизу: по улице шла кучка молодых людей с испитыми лицами и толковала о танцклассах. «Подпоручик Столпаков седьмой!» — крикнул вдруг спросонку солдат, стоявший на часах у пирамидки ржавых ядер, а несколько подальше, (105, 13—17)

Отсутствует.

в уровень Александровской колонны. Упаду! подумал я. . . [но Эллис шепнула мне: не бойся] Не бойся, шепнула мне Эллис. . . Я успокоился и начал осматриваться

Отсутствует.

а. Начато: [крыльцами] тесными крыльцами — этот Исакий с б. золотая шапка Исакия и эти темные мосты, биржа бегущая в. ковриками, нитками крылец по <?> немецки <?> стоят <?> золотая шапка Исакия ◊

а. [четко] мертвенно рисуясь б. громоздясь <и> рисуясь ◊

— Улетим, — [послышался голос] жалобно взмолилась Эллис. Здесь так светло ◊

а. В окне одного высокого дома я увидел девицу в золотой сетке на волосах б. *Начато:* Послышались шаги и голоса: по улице шли несколько в. Внезапно слышались внизу шаги и голоса: по улице шла кучка молодых людей с испитыми лицами и разговаривала о танцклассах и Новом Поэте <неск. нрзб.> «Подпоручик Столпаков седьмой!» — крик-

это был том сочинений одного из новейших Ювеналов. (105, 21—22)

Мы направлялись прямо к югу: небо и земля, всё становилось понемногу темней и темней. Большая ночь, большой день, большой город — всё осталось назади. (105, 26—28)

уследить глазами (105, 31)

пролетал я именно над Россией. (105, 37—38)

Сама земля, эта плоская поверхность, которая расстилалась подо мною; весь земной шар с его населением, мгновенным, немощным, подавленным нуждою, горем, болезнями, прикованным к глыбе ничтожного праха; эта хрупкая, шероховатая кора, этот нарост на огненной песчинке нашей планеты, по которому проступила плесень, величаемая нами органическим, растительным царством; эти люди-мухи, в тысячу раз ничтожнее мух; их слепленные из грязи жилища, крохотные следы их мелкой, однообразной возни, их забавной борьбы с неизменяемым и неизбежным, — как это мне вдруг всё опротивело! (105—106, 38—41).

и не захотелось мне более глядеть на эти незначительные кар-

нул спросонку солдат, стоявший на часах у пирамидки ржавых ядер; а несколько подалее ◊

это был том сочинений г-на Вс. Крестовского ◊

Вписано.

а. видеть б. уследить [глазами] взором <?>

а. я именно Россию видел под собою б. я видел под собою именно Россию а. я пролетал именно Россию ◊

вся земля, весь шар земной с его населением, мгновенным, ничтожным, подавленным нуждою, горем, прикованным к глыбе ничтожного праха, эта [кора тонко] кора, этот нарост на огненной песчинке нашей планете [с ее], по которому проступила [эта] плесень, величаемая нами органической, растительной жизнью [эти] [даже царств <. . .>], эти люди-мухи, в тысячу раз ничтожнее мух, их жилища, следы их мелкой и жалкой возни с [подавляющими силами] Неизменяемым и Неизбежным — [всё это вдруг <I нрзб.> мысленно <?>] <не закончено>

а. Начато: не захотелось мне ни на что смотреть — и чувство

тины, на эту пошлую выставку. . . (106, 12—13)

Даже жалости я не ощущал (106, 14—15)

в чувстве отвращения, и сильнее всего, и более всего во мне было отвращение — к самому себе. (106, 17—18)

шепнула Эллис, (106, 19)

и кровь во мне застыла (106, 30)

тот меня поймет. (106, 32—33)

Ужас, томительный ужас кривил, искажал бледные, почти стертые черты Эллис. (106, 33—34)

Я не видал ничего подобного даже на живом человеческом лице. (106, 34—35)

— Эллис, что с тобой? — проговорил я наконец. (106, 38)

а то всему конец — и навсегда. . . (107, 3—4)

нечто действительно страшное.

Это нечто было тем страшнее, что не имело определенного образа. Что-то тяжелое, мрачное, изжелта-черное, пестрое, как

жалости потонуло в б. и не захотелось [более мне глазеть] [мне глазеть более] мне более глазеть на эту незначительную картину, на эту пошлую выставку ◊

и даже жалости [к своим] [я чувствовал] не ощущал я ◊

в отвращении ◊

шепнула вдруг мне Эллис ◊

Вписано.

а. тот знает б. не понимает
в. тот поймет, что я испытал в это мгновенье

[Страх несказанный] Ужас, томительный страх кривил, искажал бледные, стертые, почти прозрачные черты Эллис

а. *Начато:* казалось, она вся была б. я не видал ничего подобного даже на живом человеческом лице — и это [меня [еще] [самого] еще больше удивляло и смущало] самое еще больше поразило и потрясло меня. [Я этого никак не ожидал] [Этого я уже никак не мог ожидать] [Обрадов *не закончено.*]

— Эллис, что с тобой? — с трудом проговорил я

а то [конец] всему конец! ◊ *Вписано.*

нечто [ужасное и страшное] злое и действительно страшное.

Оно было тем ужаснее, что не имело определенного образа.

брюхо ящерицы, — не туча, и не дым, медленно, змеиным движением, двигалось над землей. (107, 6—11)

Мерное, широкое колебание сверху вниз и снизу вверх, (107, 12)

ищет свою добычу; (107, 14)

по временам неизъяснимо противное прикивание к земле, — паук так прикивает к пойманной мухе. . . Кто ты, что ты, грозная масса? Под ее влиянием — я это видел, я это чувствовал — всё уничтожалось, всё немело. . . Гнилым, тлетворным холодком несло от нее — от этого холодка тошнило на сердце и в глазах темнело (107, 14—20)

та сила, которой нет сопротивления, которой всё подвластно, которая без зренья, без образа, без смысла — всё видит, всё знает, и как хищная птица выбирает свои жертвы, как змея их давит и лижет своим мерзлым жалом. . . (107, 21—25)

Что-то тяжелое, темное, изжелта-черное, — не туча и не дым медленно [неслось] и словно сознательно двигалось над землей

а. Начато: [Посреди] В недрах этой грозной массы замечалось какое-то мерное *б.* Замечалось в недрах этой грозной массы какое-то мерное, широкое колебание сверху вниз и снизу вверх ◊

ищет [свою добычу] и караулит свою добычу ◊

а. Начато: и холодок бежал от *б.* Всё существующее казалось робко должно было прикивать, всё [гасн<уть>] немело под ее давлением *в.* Всё прикивало всё [гасло] немело под ее давлением [на земле], я это видел, я это чувствовал [и] [Гнилым холодком] Гнилым подземным холодком вяло, холодком, от которого тошнило на сердце и [мозг замирал] темнело в глазах и голове ◊

а. единственная Сила, против которой [не<т>] даже немислима борьба. Она всё видела, эта Сила, которая без глаз, без образа, без смысла — всё видела, всё знала и как хищная птица выбирала свои жертвы, как змея *б.* единственная Сила [от которой не было], против которой нет [< / нзрб. >] сопротивления и которой подвластно всё, которая без зренья, без образа, без смысла — всё видит, всё знает, и как хищная птица выбирает свои жертвы, их давит и лижет своим [тлетворным] мерзлым жалом ◊

Громадный образ закутанной фигуры на бледном коне мгновенно встал и взвился под самое небо. . . (107, 37—39)

я лежал навзничь в траве (108, 7)

На небе брезжило утро: я мог ясно различать предметы. Недалеке, вдоль березовой рощицы, шла дорога, усаженная раkitами: места мне казались знакомые. (108, 9—12)

Ужели и она подлежит *ее* власти? Разве она не бессмертна? Разве и она обречена ничтожеству, разрушению? как это возможно?»

Тихий стон раздался вблизи. (108, 16—19)

Я повернул голову. В двух шагах от меня недвижно лежала (108, 19—20)

Одна рука закинулась за голову (108, 22—23)

Глаза были закрыты, и на стиснутых губах выступила легкая алая пена. Неужели это Эллис? Но Эллис — призрак, а я видел перед собою живую женщину. (108, 23—26)

Отсутствует.

я лежал на спине в густой траве

Всё было тихо кругом: на небе брезжило утро: недалеке [виднелась березовая рощица. . . дорога в] вдоль березовой рощицы [шла] тянулась дорога, усаженная раkitами. . . и места [словно] мне казались знакомые. Я мог ясно различать предметы \diamond *Вписано.*

Ведь она не подлежит *ее* власти? Как это возможно?

Тихий [стон] вздох раздался возле меня. . .

а. Начато: Я повернул голову и увидел в двух шагах от себя распростертую молодую женщину [то была Эллис и не была] [она столь походила на Эллис — но] [то не была Эллис] это я не мог признать и уже *б.* Я повернул голову: В двух шагах от меня лежала \diamond

Она не двигалась и не двигалась [словно мертвая]: одна рука закинулась за голову \diamond

Глаза [женщины] [молодой <?> женщины] были закрыты, [и на стиснутых] [и по краям на стиснутых] и на стиснутых губах выступила легкая [кровавая] алая пена. Неужели это Эллис? [То] Эллис была призрак, а я видел перед собою

[тело, быть может мертвое, но всё-таки [тело] несомненное тело] женское всё же тело, женщину ◊

Вдруг, медленно затрепетав, приподнялись широкие веки; темные пронзительные глаза впились в меня — и в то же мгновение в меня впились и губы, теплые, влажные, с кровавым запахом. . . мягкие руки крепко обвили вокруг моей шеи, горячая, полная грудь судорожно прижалась к моей. (108, 28—34)

— Прощай! прощай навек! (108, 35)

и всё исчезло. (108, 36)

Я находился возле большой . . . ой дороги, в двух верстах от своей усадьбы. Солнце уже встало, когда я добрался до мой. (109, 1—3)

Я много и долго размышлял об этом непонятном, почти бесполом казусе — (109, 9—11)

Что такое Эллис в самом деле? Привидение, скитающаяся душа, злой дух, сильфида, вампир, наконец? (109, 13—15)

И вдруг медленно широко раскрылись прозрачные широкие веки; темные пронзительные глаза впились в меня — и в то же мгновение в меня впились и губы. . . мягкие руки обвили вокруг моей шеи, горячая полная грудь прижалась к моей

— Прощай! прощай [прощай. . .] моя муха!

и странное дело! Мне вдруг показалось, что я точно муха и что меня душит и сосет паук. . . прощай! повторил еще раз голос и всё исчезло

Я находился [в двух верстах от своей деревни — возле большой. . . ой дороги] возле большой. . . ой дороги, в двух верстах от своей деревни. Солнце уже встало, когда я притаился домой ◊

Я много и долго размышлял о нем

а. Начато: Что это *б.* Это не привидение [не злой дух, не сильфида. Черт знает, что это такое], не скитающаяся душа, не злой дух, не сильфида и не вампир, наконец, и что это всё не то, не женщина, которую я когда-то знал? *в.* Что такое Эллис — привидение, скитающаяся душа <не закончено.> ◊

и я делал страшные усилия, чтобы припомнить, где я ее видел. . . Вот-вот — казалось иногда, — сейчас, сию минуту вспомню. . . Куда! всё опять расплывалось как сон. (109, 16—19)

подвернулась эмансипация (109, 24—25)

грудь заболела, бессонница, кашель. (109, 26—27)

Но что значат те пронзительно чистые и острые звуки, звуки гармоник, которые я слышу, как только заговорят при мне о чьей-нибудь смерти? Они становятся всё громче, всё пронзительней. . . И зачем я так мучительно содрогаюсь при одной мысли о ничтожестве? (109, 33—38)

а. Черт знает, что это такое.
б. Усилие, чтобы вспомнить, и вот — черт знает, что это такое ◊

а. подвернулось освобождение крестьян
б. тут подвернулось освобождение крестьян ◊

грудь [болит] заболела, бессонница, кашель [мучит] меня мучит ◊

Отсутствует.

«СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИР». ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ

Черновой автограф повести «Степной король Лир» хранится в рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже (Slave 85; фотокопия: ИРЛИ, Р. I, оп. 29, № 318).

На обложке чернового автографа значится:

СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИР

Р а с с к а з И в а н а Т у р г е н е в а .

Начат в Карлсруэ, Hôtel Prinz Max, в субботу, 27/15 февр. 1869.

Кончен в Веймаре, Hôtel de Russie, в субботу, 2 апр./21-го марта 1870.

(Писано с огромным, 10-месячным промежутком).

В верхнем углу обложки помета: (92 стр.). Обложку писатель не включил в свой счет страниц, нумеруя их. На последней, 92-й, странице автографа, в конце текста, подпись: «Ив. Тургенев» и помета: «Веймар. Hôtel de Russie. Суббота 2-го апр./21-го марта 1870. 3/4 12-го пополудни».

Определяя свое произведение в черновом автографе как «рассказ», Тургенев вместе с тем с самого начала воспринимал его как значительный замысел, требующий разработки в крупной литературной форме. В письмах он постоянно называл произведение, над которым трудился, повестью. Сознание сложности и серьезности задачи, которую писатель ставил перед собою, выразилось в той тщательности, с которой он готовился к осуществлению своего замысла и которая характерна для его работы над крупными повестями и романами. Помимо чернового автографа до нас дошли: 1) список действующих лиц — первое документальное отражение разработки писателем образной системы произведения (хранится в рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже, Slave 76; фотокопия: ИРЛИ, Р. I, оп. 29, № 220. См.: *Сочинения*, т. X, стр. 376); 2) «Формулярный список лиц нового рассказа», содержащий обстоятельную характеристику всех главных героев будущего произведения (хранится в рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже, Slave 76; фотокопия: ИРЛИ, Р. I, оп. 29,

№ 221. См.: там же, стр. 376—380); 3) белой автограф («первая копия»). Эта рукопись, отражающая последнюю стадию работы над текстом повести, хранится также в рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже (Slave 76—77—78—86; фотокопия: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 217. См.: там же, стр. 380—405). В белой рукописи («первой копии») были сделаны многочисленные и достаточно существенные дополнения, исправления и изъятия. Они были, очевидно, закреплены и несколько пополнены во «второй копии» — не дошедшей до нас наборной рукописи. Однако главная работа над произведением протекала в пору создания его основного текста в первом автографе — черновой рукописи. В это время писатель совершил «скачок» от схематических характеристик, внешних описаний и фиксации реальных черт прототипов, помогающих придать жизненную достоверность образам, к созданию типических характеров и художественных обобщений.

В черновом автографе он разработал все основные ситуации повести, сформулировал ее композиционную структуру. Вместе с тем построение произведения в черновом автографе имеет некоторые важные отличия от композиции окончательного текста, после исправлений, внесенных в белую и наборную рукописи. На обратной стороне обложки черновой рукописи находится оглавление — список глав с их распределением по страницам. Тургенев скрупулезно отмечал в этом оглавлении, сколько страниц занимает каждая глава. Стремление к гармоническому распределению материала побудило писателя в белом автографе «разбить» большие по объему главы и увеличить число глав. Поэтому нумерации глав в черновой и белой рукописях не совпадают.

Построения повести в черновой и белой рукописях имеют и другие, менее формальные, отличия. В черновом автографе наряду с зачином повести — разговором о Шекспире и жизненности его образов, — сохранившимся и в окончательном тексте, был эпизод, в котором собеседники продолжали обсуждать вопрос о соотношении образов Шекспира с типами современных русских людей. Эти «обсуждения» составляли как бы рамку повествования. После приезда в Россию и чтений повести в дружеском кругу Тургенев упразднил эпизод, разрушив, таким образом, рамку, в которую первоначально заключил историю степного короля Лира. Вычеркнул писатель и тщательно разработанную им в черновом автографе сцену ухода Евлампии из родных мест. Сцена эта была задумана как «параллельная» и контрастирующая с эпизодом встречи рассказчика с Евлампией летом в поле. Эти две встречи, а также и последняя, заключительная встреча с Евлампией-сектанткой — «богородицей» — должны были составить три опорных эпизода истории героини: буйство «непосредственной», стихийной мощи вначале, покаяние и самоотречение непомерно гордой души в сцене «ухода» и последнее проявление силы, воплощенное в безграничной и неразумной власти над «многими. . . многими другими жизнями» (вариант чернового автографа).

Внесение на последней стадии работы над повестью сцены свидания Евлампии со Слеткиным нарушило стройность этих сопоставлений. Кроме того, аналогия двух эпизодов ухода из родного дома (Харлова и Евлампии), ослабляющая впечатление от бегства Харлова, чрезмерное выдвигание на первый план Евлампии и сближение ее образа с характером отца — степ-

ного короля Лира — могли явиться причиной для выведения из повести эпизода «ухода» Евлампии.

Текст повести в черновом автографе отличается более тщательной разработкой бытового фона, более выраженным стремлением «погрузить» своих героев в провинциальную захолустную среду. С этим направлением работы писателя связано особенное его внимание к эпизодическим лицам; в главы, содержащие описание торжественной передачи имущества Харлова его дочерям, писатель вводит конкретные характеристики всех присутствующих на церемонии лиц, специально оговаривая реакцию каждого из них на все происшествия, которыми сопровождался этот акт. Часть этих указаний была затем вычеркнута.

В черновом автографе дана обстоятельная характеристика охотника Вилкулова, сокращенная в белой рукописи, и разработка образа мирового посредника, которая была продолжена в белой рукописи, а затем резко сокращена. Внимание к второстепенным героям проявилось и в характеристике Житкова, особенно в эпилоге повести, где Житков выступает как представитель «охранительной партии». Особенно много переработок и особенно многочисленные дополнения имели место в эпизодах, в которых раскрывался характер главного героя повести — Харлова. В самом методе описания его внешности подчас ощущается близость к работе над формулярным списком. Она проявляется, в частности, в том, что писатель вводит в текст прямые ссылки на прототипы, субъективные сравнения. Так, в черновом автографе имеет место сравнение исполнителя фигуры героя с французским актером Лаблашем. На полях 7-го листа рукописи против характеристики героя многозначительная помета: «Кромвель». Это сравнение не нашло своего развития в тексте.

Особенно большой обработке подверглись эпизоды повести, рисующие неукротимые порывы героя, проявления его страстной и властной природы: вспышки гнева при разговоре с рассказчиком на пруду (XXI глава окончательного текста), пробуждение негодования и жажда мести после бегства из дому и издевательских речей Сувенпра (XXIV глава окончательного текста) и «бунт» Харлова в сцене разрушения дома (главы XXVI и XXVII). В этом последнем эпизоде значительная часть вписываний и переделок была направлена на то, чтобы подчеркнуть «народность» характера Харлова, сочувствие ему крестьян. Работа эта была продолжена в белой рукописи. В черновом автографе были сделаны также некоторые вписывания и уточнения, чтобы сделать аналогию рассказанной истории с трагедией Шекспира более ощутимой. В этом плане производилась и доработка образа Евлампии, которой придаются отдельные черты любящей дочери — Корделии. Это направление работы также получило свое развитие в белой рукописи. Подробное сравнение черновой и белой рукописей, а также анализ всех основных направлений работы Тургенева над черновым автографом см. в примечаниях к повести «Степной король Лир» (*Сочинения*, т. X, стр. 485—492).

В настоящей публикации даны наиболее существенные варианты черного автографа.

Л. М. Лотман

как они глубоко и верно выхвачены (186, 4—5)

их жизненной правде, их вседневности (186, 6—7)

тех Отелло, тех Фальстафов (186, 8)

и Макбетов (186, 9)

(этих последних, правда, только в возможности) (186, 9—10)

воскликнул наш хозяин, человек уже пожилой (186, 12—13)

знавал одного короля Лира! (186, 13)

— Сделайте одолжение. (186, 16)

немедленно приступил к повествованию. (186, 17)

и первую молодость (186, 20—21)

до пятнадцатилетнего возраста (186, 21)

богатой (186, 22)

помещицы . . . й губернии. (186, 22—23)

Едва ли не самым резким впечатлением того уже далекого времени (186, 23—24)

как они все глубоко и верно выхвачены [◇]

a. их правде, их жизненной вседневности *б.* их непонятной <?> правде, их вседневности

тех Отелло, тех Ромео, тех Фальстафов [◇]

Вписано.

a. (в возможности) *б.* (этих последних, конечно, только в возможности)

начал один из нас

a. знал в свое время одного короля Лира. *б.* знал в моей молодости одного короля Лира.

— Сделайте одолжение — скажите!

начал так своё повествование:

и почти всю первую мою молодость, начал он [◇]

до 16-летнего возраста [◇]

одной из самых зажиточных

помещицы О. . . уезда . . . й губернии [◇]

a. Одним из моих характерных впечатлений *б.* Едва ли не самым характерным воспоминанием того времени *в.* Чуть ли не самым резким впечатлением того далеко уплывшего <?> времени

¹ Текст приводится по изданию: *Сочинения*, т. X (с указанием в скобках страниц и строк).

нашего ближайшего соседа
(186, 25)

не встречал (186, 28)

Представьте себе (186, 28)

исполинского! (186, 29)

несколько искоса (187, 1)

чудовищная голова; (187, 1—2)

сизого, как бы облупленного,
лица (187, 4—5)

торчал здоровенный, шишковатый
нос (187, 5—6)

голубые глазки (187, 6—7)

тоже крошечный (187, 7)

сиплый (187, 9)

но чрезвычайно крепкий и зыч-
ный (187, 9—10)

Звук его (187, 10)

Трудно было сказать, что
именно выражало лицо Хар-
лова, так оно было про-
странно... Одним взглядом
его, бывало, и не окинешь!
Но неприятно оно не было —
некоторая даже величавость за-
мечалась в нем, только уж
очень оно было дивно и не-
обычно (187, 13—18)

только уж очень оно было див-
но и необычно (187, 17—18)

одного нашего соседа

не встречал и не видывал ◊

Представьте себе, господа ◊

а. громадного *б.* исполинского
тучности необъятной. Лаблаш
перед ним показался бы мла-
денцем. *в.* исполинского, туч-
ности необъятной. Покойный
Лаблаш перед ним показался бы
стройным юношей. ◊

криво

голова с пивной котёл;

а. красного [густо<?>] ветром
облупленного лица. *б.* красно-
сизого обветренного <нрзб.>
лица

возвышался багровый шишко-
ватый нос

серо-голубые глазки

небольшой

сиплый и прерывистый

а. но столь крепкий и сильный
б. но необычайно крепкий и
зычный ◊

а. Звук этого голоса *б.* Звук
его голоса

Вписано.

да уж очень странно и не-
обычно. — «Экой медведь! и,

И что у него были за руки — (187, 18)	пожалуй, «Экой слон!» невольно думалось каждому.
я без некоторого почтительного ужаса не мог взирать (187, 19—20)	Что это были за руки — темно-лиловые с растопыренными пальцами
из зеленого сукна (187, 26) черкесским ремешком (187, 26—27)	я без некоторого трепета не мог глядеть из серого сукна черкесским ремешком с бляхой
галстуха я никогда на нем не видал (187, 27—28)	а. галстуха уже потому он не надевал б. галстуха он не носил никогда
говаривал он (188, 2—3)	а. говаривал он со вздохом б. восклицал он со вздохом ◊
Он был горд; только не силою своею он гордился, а своим званием, происхождением, своим умом-разумом (188, 3—5)	а. <i>Начато</i> : Он гордился, только не этим, он кичился, что живет своим б. Самолюбия, гордости, правда, в нем была бездна, только не силой своей кичился он, а своим происхождением, своим умом-разумом, вообще своей особой. ◊
откуда взялись!.. (188, 12)	откуда стали.
прозывался (188, 17—18)	был
стало оно так! (188, 20)	стало так. ◊
Однажды матушка вздумала похвалить его в глаза за его действительно замечательное бескорыстие.	<i>Вписано.</i>
— Эх, Наталья Николаевна! — промолвил он почти с досадой, — нашли, за что хвалить! Нам, господам, нельзя иначе; чтоб никакой смерд, земец, подвластный человек и думать о нас худого не дерзнул! Я — Харлов, фамилию свою вон откуда веду... (тут он	

показал пальцем куда-то очень высоко над собою в потолок) и чести чтоб во мне не было?! Да как это возможно? (188, 21—29)

за его действительно замечательное бескорыстие. (188, 22)

и думать о нас худого не дерзнул! (188, 26)

мастодонты и мегалотерии (188, 39—40)

термины (189, 1)

наш род точно очень древний (189, 4—5)

в Москву прибыл (189, 5—6)

а Харлов качнул головой назад, выставил подбородок, фыркнул да и был таков. (189, 9—10)

Два дня спустя он снова явился (189, 11)

Очень уж он на себя надеялся (189, 16—17)

спрашивал он и вдруг принимался хохотать коротким, но оглушительным хохотом. (189, 19—20)

лет двадцать пять тому назад (189, 24)

хотя кровь брызнула у него из-под ногтей (189, 28—29)

Матушка моя и женила его: она выдала за него семнадцатилетнюю сироту, воспитанную у ней в доме; ему тогда минуло сорок лет. (189, 29—31)

за его бескорыстие и честность. ◊

даже в мыслях не мог мечтать <?>, что есть такое, в чем он лучше меня.

мастодонты и мегалотерии, с которыми вы имеете такое внешнее сходство.

слова ◊

Вписано.

выехал в Россию

а Харлов и ухом не повел.

В следующее его посещение

а. Самоуверенность в нем была такая необыкновенная *б.* Самоуверенность в нем превосходила всякое вероятие.

говорил он нахмутив брови; и вдруг начинал хохотать коротким, но оглушительным хохотом — как из бочки. ◊

[как-то] много лет тому назад ◊

Вписано.

Матушка моя и воспитанницу свою за него выдала. Это была женщина маленького роста и собой тщедушная. Жил Мартын Петрович один.

землицы за ним водилось десятин с триста (190, 1—2)	землицы у него было довольно
помаленьку (190, 2)	как следует ◊
а уж как крестьяне ему пови- новались — (190, 3)	а. до какой степени мужики ему повиновались — б. а уж как мужики ему повиновались ◊
толковать нечего! (190, 4)	толковать нечего! с каким [по- добострастием] уважением <?> они на него взирали. ◊
чахлой (190, 7)	худой, чахлой
тридцатилетней кобылой (190, 7)	тридцатилетней рыжей кобы- лой
со шрамом от раны на плече (190, 7—8)	а. со стертым <?> шрамом от раны на плече б. с горбом от раны на плече
в бородинском сражении (190, 8—9)	под Бородином, когда состояла в Е-м Кирасирском полку
под вахмистром кавалергард- ского полка (190, 9—10)	под унтер-офицером Е-го Кира- сирского полка ◊
кляча (190, 15)	кобыла
насчитывали (190, 17)	считалось
упираясь босыми ногами (190, 20)	а. и упирался дрожавшими бо- сыми ногами б. и упираясь дрожавшими и назад загнутыми босыми ногами
он казался листиком или червя- ком (190, 24)	он, право, казался [листом ка- ким-то] листиком — или чер- вячком ◊
частенько можно было видеть разъезжающим в своем неиз- менном экипаже (190, 27—29)	весьма часто можно было его видеть в наших окрестностях, разъезжающим в своем экипаже
бодро (190, 32)	бодро и даже надменно ◊
поравнявшись со мною (190, 36)	при встрече со мной
загаукал на лежавшего возле дороги зайца (190, 37—38)	загагайкал на лежавшего под кустом зайца
Она знала, какое глубокое ува-	он ей даже нравился, тем бо-

жение он питал к ее особе. (191, 3—4)

«Барыня! госпожа! Нашего поля ягодка», — так отзывался он о ней. Он величал ее благодетельницей, а она видела в нем преданного великана, который не усомнился бы пойти за нее один на целую ватагу мужиков; и хотя не предвиделось даже возможности подобного столкновения, однако, по понятиям матушки, при отсутствии мужа (она рано овдовела) таким защитником, как Мартын Петрович, брезгать не следовало. (191, 4—12)

так отзывался он о ней. (191, 5)

Он величал (191, 5—6)

а она видела в нем преданного великана, который не усомнился бы пойти за нее один на целую ватагу мужиков; (191, 6—8)

не предвиделось даже возможности подобного столкновения, (191, 8—9)

человек он был прямой (191, 12—13)

ни в ком не заискивал (191, 13)

вина не пил (191, 13—14)

Матушка доверяла Мартыну Петровичу. Когда ей вздумалось составить духовное завещание, она потребовала его в свидетели, и он нарочно ездил домой за железными круглыми очками, без которых писать не мог; и с очками-то на носу он

лее, что она знала, какое глубокое уважение он питал к ней. ◇

Вписано.

говорил он. ◇

Он постоянно величал ◇

а. а она видела в нем какого-то преданного великана, который за нее один на целое село пойдет б. она видела в нем преданного великана, который за нее готов пойти один на ватагу крестьян. ◇

хотя не предвиделось причин, могущих повести к подобному столкновению,

он был честный

Вписано.

пил всего одну рюмку водки перед обедом

Вписано.

едва-едва, в течение четверти часа, пыхтя и отдуваясь, успел начертать свой чин, имя, отчество и фамилию, причем буквы ставил огромные, четырехугольные, с титлами и хвостами, а совершив свой труд, объявил, что устал и что ему — что писать, что блох ловить — всё едино. Да, матушка его уважала. . . (191, 15—25)

Матушка доверяла Мартыну Петровичу (191, 15)

Однако (191, 25)

землей отдавало от него (191, 27)

К обеду Мартыну Петровичу ставили в углу особый стол (191, 29—30)

о каком-нибудь хозяйственном предмете (192, 1—2)

маленечко (192, 10—11)

Силачи (193, 31)

приютившийся (193, 34)

с младых ногтей (193, 36)

прозванный Сувениром (193, 36—194, 1)

мизерный (194, 4)

маленькое морщинистое лицо казалось (194, 7)

Он вечно суетился, егозил (194, 8)

егозил; (194, 8)

Она доверяла ему

а. Со всем тем *б.* И со всем тем ◊

дегтем отдавало, землей

а. *Начато:* И за обедом ему отводили *б.* Во время обеда Мартыну Петровичу ставили в углу столик

о каких-нибудь хозяйственных делах

немножко ◊

Люди же ◊

проживавший

с детства

прозванный Сувениром чуть ли не моим дедушкой

мизерный, дряблый ◊

маленькое желтенькое лицо постоянно казалось

Он вечно хихикал и егозил;

егозил; перед матушкой заморгал в тревожном подобострастии, а впрочем ни на что способен не был ◊ [и не знал куда с самим собой деться] и [пребывал] проводил свое

точно бутылку полощет. (194, 12)	точно бутылку полощет. Скучал он. страшно.
Мне всегда казалось, что, будь у Сувенира деньги, самый бы скверный человек из него вышел, безнравственный, злой, даже жестокий. Бедность по неволе его «сократила». (194, 12—15)	<i>Вписано.</i>
Одевали его прилично, по приказанию матушки, (194, 16—17)	а. Одевали его прилично и наблюдали за его чистотой б. Матушка отдала приказ, чтобы одевали его прилично и наблюдали за его одеждой
Сувенир то и дело твердил: (194, 18—19)	Любимая поговорка его была:
«Да что <i>чичас?</i> » — с досадой спросит его матушка. (194, 19—20)	Спросит, бывало, матушка: «Да что сейчас?»
лечечет (194, 21)	говорит
Под дверями послушать (194, 22)	Попить, поесть, под дверьми послушать, чтоб после передать [♦]
«шпынять», дразнить — другой у него заботы не было (194, 23—24)	шпынять, поддразнить кого-нибудь — было его страстью
если б попал под эти мощные руки! (194, 40)	если б не увернулся.
как устроил свое жилище (195, 2—3)	как живет у себя
что у него за дом. (195, 3)	что у него за дом? За логовище. . .
находилась (195, 13)	лежала
возвышался (195, 30)	стоял
две нагайки (196, 31)	картуз еще старее?>

треугольная порыжелая шляпа (196, 31—34)	треугольная дворянская шляпа
одностовльное ружье, сабля, какой-то странный хомут с бляхами и картина, изображающая горящую свечу под ветрами; (196, 32—34)	<i>а.</i> древнее кремневое <i><нрзб.></i> ружье и кожаная <i><?></i> шлея, дворянская шпага, <i>б.</i> одностовльное ружье и дворянская шляпа, железная сабля, волчий тулуп
стоял деревянный диван (196, 34—35)	стояла исполинская деревянная кровать
сильно разило (196, 37)	сильно пахло
на диван (197, 11)	на кровать
гордячкой (197, 35)	<i>а.</i> <i>Начато:</i> гордячкой; не помнящей <i>б.</i> гордячкой, неблагодарной: действительно
почти никогда не являлась к нам на поклон (197, 36)	по праздникам нас не посещала и обращалась
к нам (197, 36)	к ней
держалась чинно и холодно (197, 37)	держалась очень чинно, но холодно \diamond
в день свадьбы получила от нее тысячу рублей (198, 2)	в приданое получила тысячу рублей
несколько поношенную росту среднего (198, 3—4)	старенькую маленького росту
проворная в своих движениях (198, 5)	подвижная
бледно-голубые узкие глаза (198, 8)	<i>а.</i> бледно-голубые фаянсового цвета глаза <i>б.</i> бледно-голубые светлые глаза
«Ну, какая же ты умница — и злюка!» (198, 11)	«Ну, однако же злюка!»
в ней было что-то привлекательное (198, 12)	во всем ее существе было что-то необыкновенно привлекательное
темные родинки (198, 12—13)	многочисленные родинки
Подсунув (198, 14—15)	Спрятав
руки (198, 15)	<i>а.</i> свои чрезвычайно красивые

словно говорила эта улыбка
(198, 19)

взыскательна (198, 26)

боялись ее как огня,— но что
за дело! (198, 27)

побренчала. . . (198, 32)

Слушаю, батюшка, (198, 35)

звонкий и словно жалоб-
ный. . . вроде того, какой бы-
вает у хищных птиц. (199,
1—2)

и я за ним (199, 11)

еще злее прежнего (199, 15)

ее воспитанник (199, 26)

поместили (199, 26)

и, наконец, женили (199,
28—29)

цвет кожи он имел белый
(199, 34)

Нрава он был услужливого,
лишь бы дело не касалось его
личной выгоды. (199, 35—37)

тотчас терялся (199, 38)

из-за тряпки готов канючить
целый день, сто раз напомнит

крошечные руки б. свои кра-
сивые руки \diamond

казалось, говорила эта улыбка,
и я очень хорошо понимал ее.

взыскательна — никому ничего
не спускала и

боялись ее как огня, что сам
Мартын Петрович ее не очень-то
любил и предпочитал ей вто-
рую свою дочь — Евлам-
пиюшку, — но все-таки

побренчала, что ли? \diamond

Вписано.

зычный и [немного] словно жа-
лобный. . . вроде как бывает
у всех хищных птиц.

а. я последовал за ним б. я
вслед за ним

еще ядовитее

и получил воспитание в ее доме
посылали

а. а там женили б. а 20-ти лет
женили

цвет лица имел белый

а. Манеры он был подобоостраст-
ной и вкрадчивой. б. Характера
он был услужливого, даже по-
добоострастного и вкрадчивого,
но в нем неожиданно проявля-
лось удивительное упорство и
жадность, даже алчность. На-
стойчивость проявлялась в нем
немедленно, [как только] когда
дело касалось личной выгоды.

совсем терялся

и, кажется, ни перед чем не от-
ступил бы. Скуп и расчётлив

о данном обещании, и обижается и пищит, если оно не тотчас исполняется. (200, 1—3)	он был донельзя, двадцать раз в кладовой яйца пересчитает, перемерит холсты, над каждой копейкой дрожит. Одевался он грязновато,
мне послужишь!» (200, 7)	мне послужишь!» С женой они [очень] сошлись [нравом] характером и жили в больших ладах. ◇
Добрый конёк (200, 8)	хороший конёк ◇
шепелявым голосом (200, 8—9)	глухим, но отчетливым голосом ◇
такую лошадку! (200, 10)	такого
всё едино. (200, 24)	а. всё едино. Уж очень власть свою любит б. всё едино. Уж очень они властью своей дорожат. Мартын-то Петрович! ◇
авантажа (200, 25)	преферанса ◇
Каков?! (200, 30)	Знать лошадь ела. <?>
Вот уж точно правду говорят, что (200, 31—32)	Уж точно справедлива поговорка:
венок из этих цветов (201, 1)	венок этих цветов ◇
не хуже сестры (201, 3)	как сестра
сложения дородного; (201, 4)	прекрасно сложена ◇
темно-синие (201, 7)	темно-синего цвета
свежий, как розан (201, 11—12)	свежий, как розан, вся она была свежа.
малинового цвета (201, 12)	малинового цвета, пухлый ◇
очень мило приподнималась (201, 13)	приподнималась очень мило и простодушно
освещало (201, 24)	красиво освещало ◇
на ее голове (201, 25)	на ее мощной голове ◇
самых бедных (201, 29)	<i>Вписано.</i>
армейский (201, 30)	<i>Вписано.</i>

человек уже немолодой (201, 31)	человек уже немолодой, росту он был большого, нескладно сложен [◇]
врочем, и словно (201, 32)	как бы
Он едва разумел грамоте (201, 33)	Он постоянно ходил в однократном военном сюртуке с перетянутой талией; едва разумел грамоте [◇]
был глуп (201, 34)	был беден и глуп
надеялся (201, 34)	а. мечтал б. лелеял мечту
не предстояло ему никаких шансов (202, 4—5)	было невозможно
характерного и дельного (202, 7)	хитрого, бывалого и резкого
которому матушка вполне доверяла (202, 7—8)	которого сама матушка побаивалась [◇]
Лицо у Житкова было длинное, лошадиное; (202, 8—9)	Лицо [у него] у Житкова было какое-то длинное, лошадиное, и хохот его походил на ржание [◇]
оно было покрыто обильным потом (202, 11)	вечно он был покрыт, обливался потом
При виде матушки он немедленно вытягивался в струнку, голова его начинала дрожать от усердия, огромные руки слегка похлопывали по ляжкам и вся фигура, казалось, так и взывала: «Поведи! . . . и я устремлюсь!» (202, 12—16)	Перед матушкой он просто уничтожался не столько от [подобострастия] уважения, сколько от жадности к приобретению. Он видел в ней настоящую свою благодетельницу и будущую свою помещицу, т. е. говоря без обиняков: дойную корову. При виде ее он немедленно вытягивался в струнку, даже его голова начинала дрожать от усердия и армейски красные армейские руки слегка похлопывали по [швам панталон] ляжкам и вся фигура, казалось, так и взывала: «Поведи — и устремлюсь!» [◇]

Матушка не обманывалась на-
счет его способностей, (202,
16—17)

спросила она его однажды (202,
19—20)

самодовольно улыбнулся (202,
21)

девушка благородная (202, 25)

Это мы всё очень понять можем
(202, 28)

особа нежная! (202, 29)

в обиду не даст. (202, 31)

в июне месяце (202, 33)

не посещал нас (202, 36)

воскликнула она вполголоса
(202, 37—38)

имело (203, 2)

Матушка считала его дельным
и распорядительным человеком,
но сомневалась в его умствен-
ных способностях. Вообще
[чувствовала] он внушал ей
чувство, похожее на гадли-
вость [◇]

спрашивала она его не раз

улыбнулся во весь рот [◇]

девица

Это мы всё понимаем [◇]

особа нежная! Помилуйте! [◇]

в обиду не даст.

Я был того же мнения. Но при-
знаюсь, не мог себе предста-
вить [ее женою] ту дородную
мощную красавицу женою по-
добного балбеса. [Собственно
она сильно ему] [Ему она
очень] Самому Житкову она
очень нравилась. Он даже
как-то особенно хмыкал, когда
упоминал о ней. Он был во-
обще великий охотник до жен-
ских прелестей, но по глу-
пости своей успевал мало; [он
всё] хотя и собирался обжа-
вестись гитарой [и однажды
рассказал мне, что даже готов
на расходы], на которой, впро-
чем, играть не умел.

весною

не приезжал

заметила она вполголоса. До-
гадка ее оказалась справедли-
вой.

являло

даже бледно (203, 3)

громко (203, 4)

приехал по одному делу. . .
которое. . . такого рода, что по
причине. . . Пробормотав эти
несвязные слова, он вдруг под-
нялся и вышел (203, 7—10)

перед нею (203, 19)

казался спокойнее (203, 19)

уж не рехнулся ли старик наш
в рассудке своем? (203, 23—24)

а позвольте вас спросить, суда-
рыня, вы о смерти как полага-
ете?

Матушка всполохнулась.

— О чем?

— О смерти. Может ли
смерть кого ни на есть на сем
свете пощадить?

— Это ты еще что вздумал,
отец мой? Кто из нас бессмерт-
ный? Уж на что ты великан
уродился — а и тебе конец бу-
дет.

— Будет! ох, будет! — под-
хватил Харлов и потупился.
(203, 35—204, 5)

протянул он наконец (204, 5—6)

неделю тому назад с лишком,
под самые заговоры к Петрову
посту; (204, 12—13)

вижу (204, 15)

в комнату ко мне вбег (204, 15)

в левый локоть (204, 21)

даже бледно, в его маленьких
глазах [замечалось] виднелось
такое недоуменье

вслух

а. считает нужным с ней посо-
ветоваться. б. — Необходимо
мне с вами, сударыня посове-
товаться, — [воскликнул] про-
говорил он. — Говори, говори
отец. Харлов понурил голову.

в нашем доме

казался спокойнее и даже ста-
рался улыбнуться

уж не рехнулся ли ты в своем
уме?

Вписано.

а. начал он наконец б. про-
говорил он как бы неохотно
в. воскликнул он

третьего дня ◊

вижу во сне ◊

в комнату вбежал ◊

по левой руке

паралич (204, 23)	удар
вот что имею доложить вам, нимало не медля. (204, 33—34)	а. вот что заявить пришел. б. вот на что решился.
положил я так-то в уме своем (204, 36)	порешил в уме своем
Мартын Петрович остановился, охнул и прибавил: — Нимало не медля (204, 39—40)	И чтобы никакого прекословия и сопротивления не было
имеет быть в действие введено послезавтра (205, 12—13)	имеет быть совершен завтра
в собственном моем имении Еськове, Козюлькине тож (205, 13—14)	а. у меня б. в собственном моем доме
при участии (205, 14)	в присутствии
его побледневшее лицо снова побагровело (205, 18—19)	он даже покраснел
Квицинскому скажу... (205, 37)	Квицинскому скажу (Квицин- ским звали нашего главно- управляющего. Он был поль- ского происхождения, очень хитрый и бойкий человек).
Ему как жениху следует! (205, 40)	Ему как жениху... еще бы! Непременно!
Вестимо, без остатку (206, 17)	Как есть, без остатка, сударыня
ты сам (206, 18),	ты-то сам [♦]
Какая же может быть пере- мена? (206, 21)	Какая же может быть пере- мена, помилуйте! [♦]
при себе хочу решить (207, 9)	хочу еще при житии моем ре- шить
и благодарность чувствуй, и исполняй (207, 10—11)	по гроб свой приказание моё исполнять должны и благодар- ность чувствовать... что я восхочу...
В назначенный день (207, 29)	На другой день в 11 часов утра
«лейб-кучером» (207, 31)	лейб-кучером матушки [♦]
плавно подкатилась (207, 32)	подъехала

трещал как сорока (208, 3—4)	лепетал как сорока \diamond
рассуждал о том, предоставит ли ему братец что-нибудь (208, 4—5)	спрашивал самого себя не оставит ли и ему Мартын Петрович что-нибудь
обзывал его идиолом и кикиморой (208, 5—6)	обзывал его медведем, лешим \diamond
человек угрюмый, желчный (208, 6—7)	человек [практичный] желчный, угрюмый и никаких «пустяков» не любивший \diamond
без этих «никому не нужных» (любимое его слово) пустяков (208, 10—11)	без разговоров
— «Ну, чичас», — пробормотал Сувенир с неудовольствием и уставил свои косые глаза в окошко. (208, 11—13)	а. Сувенир только лицо скривил и принялся глядеть в окошко. Он совсем б. перекосил глаз направо.
крошечный фореитор (208, 17)	маленький фореитор
подскочил (208, 19)	предварительно подскочил
на пороге двери (208, 25)	на крыльце
Помню — меня особенно поразили (208, 26)	но первое, что поразило меня
березки (208, 26)	[Это были] молодые березки \diamond
пропел в нос (208, 28)	а. заметил б. пробормотал
плисовый галстук (208, 31)	бархатный галстук
черный фрак (208, 32)	а. черный сюртук б. черный фрак и даже перчатки
возвышавшегося — именно возвышавшегося — (208, 35—36)	стоявшего
казакин (210, 1)	весьма узкий казакин \diamond
сабля висела у бока (210, 2)	и саблю прицепил к боку
бронзовая медаль (210, 1—2)	две круглые медали
положил на рукоятку (210, 3)	положил на рукоятку словно [казалось] он и шевельнуться не мог, только медленно мигал глазами, но полагаю, [он один]

	сам Наполеон не мог бы выразить уверенность < не закончено >
в направлении поставленных рядышком стульев (210, 10—11)	на стоявшие в стороне стулья
по-воскресному (210, 12—13)	по-праздничному [◇]
с желтым шелковым поясом (210, 13)	с ярко-синим шелковым поясом
торчал (210, 14)	а. стоял на вытяжку б. торчал на вытяжку [◇]
с обычным выражением (210, 15)	а. с усиленным выражением б. с привычным выражением
изношенной (210, 19)	<i>Вписано.</i>
старый человек с жесткими бурными волосами (210, 20—21)	а. седой сморщенный человек с красным, прямо крестьянским лицом б. старый человек с обветренным, прямо крестьянским лицом [◇]
с жесткими бурными волосами (210, 20—21)	<i>Вписано:</i> а. с седыми жесткими волосами б. с желтыми жесткими волосами
Эти волосы и унылые, тусклые глаза (210, 21)	Это красное лицо и выражение глаз [◇]
заскорузлые руки (210, 22)	большие сизые руки с жилками [◇] [«молочного» < ? > цвета].
руки, которые словно его самого бременили и лежали, как груди, на коленях (210, 22—23)	<i>Вписано:</i> а. руки которые его самого бременили и пластом лежали на коленках б. руки, которые его самого бременили глыбами, словно камень, на коленках
нерадостной жизни (210, 25)	невеселой жизни
господинчик (210, 27—28)	человечек [◇]
с черными глазами, черными подстриженными усами (210, 28—29)	с круглым коком на самом верху круглой головки [◇]

с постоянной, хотя и веселой, но дрянной улыбочкой на лице: (210, 29—31)

Он весьма развязно и несколько насмешливо (210, 34)

В сущности его интересовала одна предстоящая закуска (210, 36—37)

возле него (210, 37)

стряпчий (210, 38)

сухопарый человек с длинным лицом, узкими бакенбардами от уха к носу, как их нашивали при Александре Первом (210, 38—40)

всей душой принимал участие (210, 40)

не спускал с него своих больших серьезных глаз (211, 1—2)

объявив мне сперва, что это первый по губернии масон (211, 5—6)

«никому не нужную» поездку (211, 13—14)

казалось, шептал он про себя (211, 15—16)

поднял плечи (211, 18—19)

немощи одолевают (211, 23)

— Тако, тако, — прошамшил он, потрясая бородкой (211, 27)

а. с какой-то дрянной, веселой, но недоброй, улыбочкой на бледном лице б. с постоянной, хотя и веселой, но дрянной улыбочкой на дряблом лице.

а. Он радушно б. Он беззаботно и несколько насмешливо

а главное интересовала его предстоящая закуска

рядом

непременный член[♦]

Вписано: [худой] длинный человек с необычайно длинным скучным лицом, белыми волосами и узкими бакенбардами от уха к носу, как их нашивали в александровское время.

очевидно, всей душой участвовал

а. не спускал с него взор б. не спускал с него своих крупных [необычайно] удивительно серьезных глаз

[называя его Сазонтом Товиевичем], но тот не обратил на него внимания и только с неудовольствием поежился.[♦]

на всю эту ненужную поездку

казалось, думалось ему[♦]

а. вздохнул б. выпрямился
немощи одолевают немощи! подумал я. . . гора горою, а немощи!

— Тако, тако, — промолвил он приподнимая и опуская свою жидкую бородку

в полном и здоровом уме (212, 6)	при жизни
определяется (212, 7—8)	обозначается
составлен по форме (212, 15—16)	мы по форме составили
Сувенир начал хихикать. . . (212, 17)	Сувенир хихикнул было, но сконфузился и шепнул: «час»
поспешно и весело отвечал тот (212, 20—21)	поспешил ответить исправник
гаркнул Харлов зятю (212, 25)	обратился Харлов к своему зятю
аккуратностью (212, 34)	подробностью [◇]
как им следовало делиться (212, 35—36)	как им следовало делиться: не говоря уж о дворовых субъектах не было пропущено ни одной овцы, ни одной коровы [◇]
«Слышь, это тебе, Анна, за твое усердие!» — или: «Это тебе, Евлампияшка, жалую!» — и обе сестры кланялись (212, 37—39)	Слышь, это тебе, Анна, за [твою л ^ю бовь] твоё усердие, а это тебе, Евлампияшка, за твою почтительность — и Анна и Евлампия низко кланялись
Анна в пояс, Евлампия одной головой. (212, 39—40)	<i>Вписано:</i> Анна в пояс, Евлампия чуть-чуть.
отдан (213, 2)	а. предоставлен б. назначен
зазвенел (213, 3)	а. сильно зазвенел б. как бы зазвенел
Житков облизнулся (213, 4—5)	Житков облизнулся и даже ноздри расширил
этот взгляд (213, 6)	этот быстрый взгляд
глава (213, 17)	а. благодетель б. Владыка
и никому отчета давать не обязан и не давал; (213, 18)	<i>Вписано:</i> и никому отчета давать не обязан и действовать могу как мне угодно. [◇]
неключимая (213, 22)	страшная
над головою (213, 23)	над головою и помахал им в воздухе

и также поклонилась в землю (213, 26—27)

Житков нагнулся вперед всем корпусом (213, 27—28)

корпусом (213, 28)

всё ваше!» (213, 37)

в сторону (213, 37)

переглянулись (213, 38)

выше локтя (213, 39)

формальный акт (214, 2)

вместе с стряпчим (214, 4)

у ворот (214, 5)

появились на крыльце (214, 8—9)

придав своему беззаботному лицу вид грозный (214, 10—11)

о «послушании» (214, 12)

физиономий (214, 13)

я полагаю, в природе не существует (214, 14)

но затем также проворно поклонилась

Житков только корпус наклонил вперед.

корпусом. С минуту длилось молчание: батюшка пожевал бородой, исправник посмеивался! Непременного члена лицо еще больше вытянулось [и глаза] Сувенир [словно] злорадствовал > [и руки за спину закинул], один Квицинский [на лице выразилось] презрительно [стиснул губы и слегка отвернулся] скривил рот. «Эх, русские!» — чудилось мне опять в выражении его лица. [◇]

владейте!»

немного в сторону [◇]

приподнялись и переглянувшись [◇]

а. в плечо б. в локоть

формальный акт; все присутствовавшие (кроме меня — я был малолетком) приложили к нему свои [руки] подписи [◇]

вместе с непрямым членом [◇]

во дворе

а. стояли на крыльце б. вышли на крыльцо в сопровождении Слёткина и Житкова

придав своему веселому лицу выражение угрожающее

о «повиновении»

лиц

а. я даже в нашем степном смирном околотке не видывал б. я в жизни не видывал

испускал междометие вроде: «Слышите, черти! Понимаете, дьяволы!» (214, 18—19)	обращался к ним,
из «чертей и дьяволов» (214, 24)	из них ◊
взора (214, 22)	глаз
виднелась фигура (214, 23)	смутно виднелась фигура
Несмотря на просьбы исправника (214, 36)	Несмотря на просьбы исправника, который снова упомянул о формальностях,
Харлов не пожелал (214, 36—37)	Харлов отказался
отвечал он. (214, 38)	отвечал он, задумчиво опустив глаза. Вообще я заметил, что
нечто вроде грусти. (214, 39)	не то грусть, не то усталость.
выражение грусти (215, 1—2)	выражение грусти на его лице ◊
дебелым чертам (215, 2—3)	дюжим чертам
что я решительно не знал, что подумать! (215, 3—4)	а. что я изумился! б. что я [истинно] [право] просто изумился!
ими владеть не будет. . . (215, 8)	нами владеть не будет. . .
его «подданных» (215, 10)	его бывших «подданных»
форточку (215, 11)	окошко
приставил к отверстию голову и закричал громовым голосом (215, 11—13)	высунул голову и закричал зычным голосом
форточку (215, 13)	окно
две здоровенные девки, в коротких ситцах и с такими икрами, подобных которым видеть можно разве на «Страшном судилище» Микель-Анжело (215, 17—20)	а. две совсем старые древние старухи б. две босоногие девки в ситцевых замасленных платьях
казачка Максимку Харлов себе предоставил (215, 23—24)	Максимка остался [в распоряжении] собственно при Мартыне Петровиче
выказывала большее оживление (215, 24)	а. высказывала [несколько] меньшее равнодушие б. высказывала большее участие.

она по крайней мере переминалась на месте (215, 25—26)	она даже несколько волновалась [слегка] и если не заигрывала с будущими своими [господами] помещицами, то [по крайней мере] внимательно, хотя изподлобия рассматривала их.
очень важно (215, 26)	очень чопорно ◊
красивые выпуклые глаза (215, 34)	огромные темно-синие глаза. Неизвестно так ли [понял] оценил ее взгляд Житков; он слегка помялся на месте, но продолжал облизываться и расширять ноздри. ◊
передвигал лопатками! (215, 39)	передвигал лопатками как крыльями. Ни дать ни взять — хищная птица.
желал (216, 5)	желал во исполнение обычая
вышел из кухни (216, 7)	появился
по тучности (216, 10)	конечно ◊
чуть-чуть помахивал пальцами (216, 13—14)	а. играл чуть-чуть б. чуть-чуть [взмахивал] поводил рукою
остался в соседней комнате (216, 15—16)	а. удалился б. не молился в. остался в соседней комнате, исправник скучал ◊
стряпчий (216, 16)	непременный член ◊
так сочувственно вздыхал вслед за Мартыном Петровичем (216, 16—17)	так сочувственно взирал при этом на Мартына Петровича
я ощутил (216, 19)	сам я почувствовал
слепой потемкинский «валторщик» (216, 21—22)	слепой дворовый
Анна и Евлампия (216, 23)	дочери Мартына Петровича
наелись страшно (216, 26—27)	а. ели отлично б. наелись страшно. Исправник и батюшка даже превзошли самих себя; один Мартын Петрович не вы-

неизбежная (216, 27)	казывал своего обычного, исполинского аппетита и [грустил по-прежнему] опять словно загрустил. Слёткин чрезвычайно суетился, так что даже Харлов с неудовольствием обозвал его блохой.
бутылка донского (216, 27)	наконец бутылка [шампанского] донского, предназначенная вспрыснуть новых [господ] [владельцев] помещиц. ♦
больше всех нас знакомый со светскими обычаями, ну, да и как представитель власти (216, 28—30)	больше нас посвященный в тайны светских приличий, ну, да наконец, и как представитель власти ♦
провозгласил тост за здоровье «прекрасных владелиц!» (216, 30—31)	провозгласил заздравный тост за Анну Мартыновну и Евлампию Мартыновну. [Раздались] Поднялись одобрительные крики, рюмки зазвенели. Прекрасные владелицы благодарили. ♦
он же предложил нам (216, 31)	тот же знаток светских приличий и снисходительный наставник [провозгласил] предложил нам ♦
наипочтеннейшего и наивеликодушнейшего (216, 32)	почтенного и безупречно великодушного ♦
«великодушнейший» (216, 33)	великодушный ♦
своего благодетеля. . . (216, 34—35)	Мартына Петровича. . . Дочери его последовали за ним. . .
как говорится, пассаж. (216, 37—38)	как говорится у нас, пассаж.
пил безостановочно (217, 3)	пил безостановочно и, раскрасневшись как бурак,
по вкусу ли ему самому придется это великодушие, когда (217, 8—9)	не раскраснётся ли он в своем великодушии как
да на снег! (217, 10)	на снег положат!

— Что ты врешь? Дурак! — презрительно промолвил Харлов (217, 11—12)

благодетеля обижать? (217, 18—19)

ринулся на Сувенира (217, 20—21)

сию минуту (217, 22)

ввернул (217, 25)

Да в свете власти такой нет. . . (217, 32)

заговорил вдруг сочным басом стряпчий; (217, 33—34)

совершили (217, 36)

глянул украдкой (218, 1)

Евлампия отворотилась и руки скрестила; (218, 4—5)

Харлов поднялся со стула, разинул рот, но, видно, язык изменил ему. . . Он вдруг (218, 7—8)

подпрыгнуло и задребезжало. (218, 9—10)

поглядел (218, 15)

толкал ее под бок (218, 16)

дочь моя Анна (218, 17)

заговорил Харлов (218, 17—18)

— Что ты говоришь! загремел вдруг Мартын Петрович. ♦

благодетеля обижать и нас тоже?

[так и] ринулся на Сувенира, между тем как все прочие, сидевшие за столом, так и обомлели.

сейчас

начал было ♦

Да нет в свете. . .

заговорил вдруг звучным голосом неперемный член; ♦

сделали

невольно глянул

Евлампия наклонилась и смотрела в свою тарелку.

а. — Так и вы туда же, — закричал Мартын Петрович. *б.* Мартын Петрович казалось хотел что-то сказать, но ничего не сказал. *в.* Мартын Петрович поднялся, разинул рот, но видно язык изменил ему, он зашипел, захрипел и тяжело ♦

а. дрогнуло и зазвенело. — Молчать, говорю! молвил он наконец. . . Моё слово свято! — *б.* подпрыгнуло и задребезжало. — Молчать, говорю! произнес он наконец. . . Мое слово свято! ♦

посмотрел ♦

толкнул её [слегка] локтем в бок

а. Аннушка *б.* Анна ♦

заговорил наконец Харлов

не заметил его старания (218, 21)

продолжал он (218, 22)

к стряпчему (218, 24)

понятием еще не вышли (218, 25)

Я уйду (218, 28)

Анна, хлопочи ты, как знаешь (218, 29—30)

Мартын Петрович повернулся к нам спиною (218, 31)

медленно вышел (218, 32)

Квицинский объявил, что ему надоели все эти «никому не нужные» безобразия, и прежде нас отправился домой пешком (219, 13—15)

лепетал (219, 19)

то ли будет! Зададут феферу и вам! (219, 20—21)

Сувенира так и разбирало; (219, 23)

а. не обратил на него внимания
б. не заметил его старания. Вообще он как будто не совсем [был доволен] благоволил к жениху, приисканному матушкой, быть может он рассчитывал на более выгодную партию для своей Евлампиишки.

прибавил он

к непременно члену[◇]

рассудком еще не вышли

Я к себе уйду

Анна, угощай гостей[◇]

Сказав эти слова, Мартын Петрович поднялся и не протившись

удалился

Квицинский предпочёл отправиться на собственных дрожках.

твердил

а. то ли будет. Телепень-то, мой родственничек пуще куражится, а феферу ему зададут и Вас не минует!

— Безобразие! [повторял] промолвил отставной майор Житков. — Ну да ведь со мною. . . шалишь! б. Зададут они моему Лешему — то теперь, не больно приятно остаться. . . и Вам. . .

Сувенира так и разбирало — уж и как же зол и гадок он мне показался [казался на мои глаза].

и несколько раз покачала голову (219, 26—27)	несколько раз покачала голову и приняла озабоченный вид.
все эти новизны! (219, 29)	всё это ◊
не показывая выраженьем своего лица, что ему действительно легче стало. (217, 37—218, 1)	не выражая облегчения на своём лице;
— Бегают, сударыня; (220, 7)	— Бегают, сударыня, — промолвил он со вздохом и понурился. ◊
пустые Сувенировы слова (220, 17)	ни шалопай — пусто ему будь!
стряпчий (220, 18)	непременный член ◊
— Евлампия! (220, 23)	— Евлампия, промолвил он в <пол>голоса. ◊
помягчает (220, 35)	смягчится
так как она по соседству? (221, 9—10)	может быть, по близости?
промолвил хриплым голосом Харлов (221, 14)	а. промолвил Харлов с расстановкой б. задумчиво промолвил Харлов
Послушался бы меня намедни, как советоваться приезжал! (221, 18—19)	Послушался бы меня тогда. К чему было спешить?
Теперь вот ты жалуешься, трусишь. . . (221, 22)	Не хотел послушаться меня, а теперь жалуешься. ◊ — Я не жалуюсь. . . начал было Харлов. — И зачем же ты это всё затевал? Струсил ты что ли?
угрюмо заговорил он. (221, 28—29)	заговорил он угрюмым голосом. ◊
уважаемой особе (221, 30)	уважаемой даме
господь бог ведает (221, 31)	а. но бог видит б. но господь бог знает ◊
я сделал (221, 34—35)	я. . . я, Мартын Харлов, сделал
во веки веков (221, 36)	на веки веков ◊

зажала уши (221, 37)

домочадцах (221, 39)

вдохнул (222, 1)

и умолк. (222, 1—2)

Матушка (222, 2)

и только (222, 4—5)

до самого отъезда (222, 5)

и что он зарок себе дал (222, 8)

так как от сердца кровь портится и к голове приливает. . . Притом же он теперь от всего отстранился; с какой стати он сердиться будет? (223, 9—11)

кровь себе портят! (222, 12)

Дня три спустя она получила известие, что муж ее сестры скончался, и, взяв меня с собою, отправилась к ней в деревню (222, 38—223, 2)

провести у ней месяц (223, 2—3)

вернулись в нашу деревню. (223, 4)

камердинер Прокофий (223, 6—7)

березовой роще (223, 9)

они так и кишат (223, 10)

с Прокофием (223, 12)

увидел (223, 16)

нещадно (223, 18)

несчастную клячу (223, 19)

зажала себе уши[◇]

дочерях

потом вдохнул

и умолк. Выражение грусти снова появилось на его лице и он снова понурился.

Матушка моя[◇]

и больше ничего.

до самого вечера

и потому он зарок на себя наложил ни за что

так как это его волнует, а он должен помышлять о спасении. . . Я же теперь от всего отстранился. . . за что я стану сердиться?[◇]

беспокоятся[◇]

Дня два спустя, она по делам принуждена была съездить в Москву.

а. остаться у ней с месяц б. пробыть у ней с месяц[◇]

вернулись к себе в деревню.[◇]

слуга

осиновой роще

они так и кишат. (Я уже в то время был страстным охотником)[◇]

с моим камердинером

вдруг увидел

нещадно бил кнутом

несчастную замученную клячу

ребра чуть не прорывались на-
ружу (223, 20)

столько лет (223, 23)

Прокофия (223, 25)

— А Житков-то чего смотрит? —
спросил я наконец. — Ведь он
женился на второй дочери? (224,
8—9)

Дианка-то (224, 17)

кажись, стоит! (224, 17)

дубовым кустом, которым за-
канчивался узкий овраг, вы-
ползавший на дорогу. (224,
19—20)

в комнате находились Сувенир,
Квицинский и Житков. (224,
29—30)

выражение его лица являло
смесь смущения и досады; глаза
его покраснели. . . Можно было
даже подумать, что он неза-
долго перед тем всплакнул. (224,
32—34)

мой приход был тут ни при чем.
(224, 36—37)

майор изредка возводил на нее
жалостные взгляды (224, 38—
39)

уверенность осанки. (224, 40)

ребра чуть не прорывались
сквозь кожу

столь долго

моего камердинера

а. — И Житков-то чего смот-
рит. Разве он не женился на
второй дочери. Как бишь её?
б. Но Житков тоже с этим со-
гласен? На второй дочери ведь
он женился.

Трезор-то

кажись, стоит!» перебил вдруг
самого себя Прокофий. ♦

дубовым кустом возле самой
дороги.

в комнате находились Квицин-
ский, Сувенир, компаньонка и
Житков. ♦

а. выражение его дебелого лица
являло смущение, мне даже
показалось, что он плакал.
б. выражение его волосатого
лица являло смесь [растерян-
ности] смущения и досады; он
[явно], видимо, потерялся и
уже ничего не мог сообразить,
[самые] глаза его покраснели,
можно было подумать, что он
всплакнул.

мой приход был тут ни при
чем, причина неудовольствия
была другая.

а. майор исподлобья на нее
поглядывал б. майор изредка
кидал на нее жалостные
взгляды

а. солидность осанки б. со-
средоточенность осанки. ♦

этого негодяя следует. . . (225, 11)	этого злодея. . .
покорно, но с достоинством промолвил Квицинский. (225, 16—17)	внушительно промолвил Квицинский, склонив слегка <?> голову.
Уму непостижимо! (225, 20—21)	Уму непостижимо! Целый день с места не двигается. Мешок мешком, идол, как есть. ◊
что с ним случилось! (225, 20)	что из него сделалось.
не понимает. (225, 22)	[и того] ничего не понимает. ◊
Предсказание Сувенира (225, 25)	Слова Сувенира
отправила к нему (225, 27)	послала ему
Слёткин приехал, но не в тот день (225, 31—32)	Слёткин тот приехал, хотя и не в тот день
велела (225, 33—34)	тотчас велела
ядовито-злым (225, 37)	ядовито злобным, [решительным] наглым
я просто остолбенел (226, 2)	а. я просто оробел б. я даже остолбенел
За обедом она вдруг воскликнула: (226, 8—9)	а за обедом она не вытерпела и воскликнула: ◊
Майор Житков (226, 15)	Компаньонка разохалась, а Житков ◊
всем своим волосатым лицом уткнулся в салфетку (226, 25—26)	уставился в угол
Я полагал (226, 33)	Я думал
— Змей подколодный, — начал он, с горестной старательностью выговаривая каждую букву каждого слога, — жалом своим меня уязвил (226, 35—37)	— Змея, — заговорил он старательно и горестно выговаривая каждое слово, — проявилась и та самая змея [тому причина] меня уязвила
и все мои надежды в жизни — в прах обратил! (226, 37—38)	и всякой надежды навеки лишила.

то есть до отвалу... (227, 11)

начал шпынять (227, 15)

было сильно задето. (227, 18)

я думаю, кроме России, в сентябре месяце нигде подобных дней и не бывает. (227, 22—23)

как белка перепрыгивала по сухой листве, (227, 24—25)

и падал (227, 26—27)

Воздух ни теплый, ни свежий, а только пахучий и словно кисленький, чуть-чуть, приятно щипал глаза и щеки; тонкая, как шелковинка, с белым клубочком посередине, длинная паутина плавно налетала и, прильнув к стволу ружья, прямо вытягивалась по воздуху — знак постоянной, теплой погоды! (227, 28—34)

я не обращал на них особенного внимания; (227, 35—36)

до самого плетня его сада (227, 37—228, 1)

пробирался (228, 1)

не мог себе представить (228, 2)

гневалась на новых владельцев. (228, 4—5)

Живые человеческие звуки по-чудились мне (228, 6)

Кто-то шел по лесу... прямо на меня. (228, 7—8)

послышался женский голос. (228, 9—10)

то есть до положения риз

начал дразнить

было уж очень живо задето.

я думаю, кроме России, нигде в сентябре таких не бывает

а. как заяц перепрыгивал по сухой, лежавшей на земле, листве б. белка перепрыгивала сверху по <прзб.> слежавшейся сухой листве

раскачивался и падал

а. Воздух был как парное молоко б. Воздух не теплый, не свежий, а только пахучий и несканно легкий — уж такой легкий, обливался кругом головы [и глаз и рук] и всего тела — щек и глаз [вливался в грудь].

а. я не думал о них; б. я не обращал на них внимания[◇]

а. до самого дома б. до самого сада

неспеша пробирался[◇]

не знал

[прогневалась] разгневалась на теперешних владельцев Еськова.

Я остановился: мне почудились голоса

Кто-то шел по лесу... прямо на место, где стоял я

послышался женский голос... А то что...?

- Нешто можно всё разом? (228, 12) Ну можно ли разом? Небось много бы выиграл?
- Женское голубое платье (228, 13) Женское белое платье
- Они внезапно смутились. (228, 18) Оба, видимо, смутились. [◇]
- Слёткин подумал (228, 19) и он хотел было последовать за нею, но передумал
- месяца четыре тому назад (228, 21—22) а. несколько месяцев тому назад б. месяца [два] три тому назад [◇]
- того вызова, которым это лицо так поразило меня накануне, на пороге матушкина кабинета (228, 24—26) того дерзкого вызова, с которым он вышел из двери моей матушки
- Оно осталось по-прежнему белым и пригожим, но казалось солидней и шире (228, 26—27) Оно осталось таким же беленьким и хорошеньким, как прежде, но казалось солиднее, шире и мужественнее, оно даже ухмылялось по обыкновенью.
- приподняв шапку (228, 29) кланаясь
- Милости просим! (228, 31) Что же! Милости просим.
- торопливо надел шапку (228, 36) взмахнул рукою.
- даже очень рады (228, 38) даже вот очень рады.
- Она еще похорошела за последнее время (229, 2—3) Она еще похорошела против прежнего, еще больше выросла и возмужала, развилась.
- резонов принять не хотела (229, 8) резонов они принять не захотели [◇]
- доложу (229, 9) теперь говорю
- ни в чем я не повинен (229, 9—10) ни в чем я не повинен. Поверьте мне.
- иначе поступать невозможно (229, 10—11) иначе поступать невозможно, как мы поступаем. Да и наконец сам же он [нам] всю свою власть передал. [◇]

Евламния не шевелилась (229, 15)

смущала (229, 20)

куда же она годилась? (229, 23)

ему не отказываем (229, 26—27)

Она вертела около пальцев несколько стеблей подорожника и отсекала им головки, ударяя их друг о дружку. (229, 31—33)

продолжал Слёткин, — (229, 34—35)

И служить-то как следует он не может — по причине своей глупости и младых лет. (229, 39—40)

Мастер хороший — (230, 1—2)

и себе пользу принесет, и нам будет оброк платить (230, 2—3)

ничего упускать не следует! (230, 4—5)

называл тряпкой (230, 6—7)

знак рукою (230, 19)

Сам же он уверял (230, 24)

о душе своей заботиться (230, 22—23)

Евламния стояла на одном и том же месте.

поразила

куда же она годилась? Кляча клячей. . .

им не отказываем

Вписано: Она вертела травяные стебли около пальцев, потом отсекала им головки ударяя их друг о дружку[◇]

продолжал вошедший в азарт Слёткин

И услужить-то ему как следует он не мог: по причине своей глупости. Что за слуга казачок!

Шорник хороший

и себе полезен будет, и нам будет оброк [хороший] порядочный платить

ничего упускать не следует! Вся [обычная] жадная скупость, подозрительность, все мелкое корыстолюбие мгновенно выступили на [красивом] [беленьком] свежем и сытом его лице. Всякое подобие улыбки с него соскочило и черносливообразные глаза тихонько забегали из стороны в сторону.

величал тряпкой!

знак рукою за своей спиной.

и ведь сам же он говорил

о душе своей заботиться. Истинно вам говорю: мы с ним породственному обращаемся.[◇]

Комнаты, например, в которых он жительство имеет (230, 28—29)	а. И комнаты, например, в которых он живет б. Комнаты, в которых он живет, ◊
тершим (230, 30)	тершим пока. ◊
караси водятся (230, 34—35)	караси водятся, [головцы,] пещари. ◊
решительным тоном (230, 38—39)	решительно ◊
он обижался (231, 7)	Мартын Петрович волновался
пока, знаете, не вник (231, 7—8)	пока, знаете, не вник, видимо
горячий, крутой (231, 9)	горячий, непокорный, крутой
пользу свою увидел (231, 10)	пользу свою увидел. Хоть сами зайдите посмотреть. ◊
замолвите словечко (231, 14)	замолвите словечко вашей матушке.
Слёткин плечами пожал (231, 18—19)	Слёткин даже рот на сторону скривил.
в солдатах числился (231, 20)	в солдатах [был] пробыл
привык по роже бить (231, 22—23)	по роже бить умею
неподходящий человек (231, 25)	неподходящий человек, помилуйте! ◊
я хоть и неохотно, а пожал ее. (231, 29)	я не мог не пожалеть ее.
не страшился (232, 5)	не боялся
загнанным и смиренным (232, 10)	таким смиренным и угнетенным.
узенькую полянку, (233, 10—11).	небольшую полянку
перед харловским садом. (233, 10—11)	у плетня харловского сада
и блестели (233, 19)	и так и блестели на солнце
появилась на крыльце (233, 23)	внезапно появилась на крыльце ◊
долго глядела в направлении рощи. (233, 24)	и, поглядев в направлении рощи, кликнула проходившего по двору мужика.

- спросила она проходившего по двору мужика. (233, 25—26) спросила она его.
- проговорила она. (233, 33) резко проговорила она, нахмутив свои [тонкие] высокие брови. ♦
- Или нет. . . постой. . . (233, 33—34) а. Да. . . постой. . . б. Постой;
- таютка у пруда, (233, 37—234, 1) кажется, у пруда значит
- что ль, ловит, (234, 2) знать, ловит
- Анна Мартыновна имела вид раздраженный (234, 11) Она мало переменилась с тех пор как я ее видел — только черты лица стали еще резче. . . притом, она казалась раздраженной
- ни на ее раздражение (234, 15) ни на ее раздражение, ни на резкость черт ее лица
- поцеловал бы ее узкую, тоже как будто злую руку, которую она раза два с досадой откинула ту развитую прядь. (234, 17—19) поцеловал ее узкие, тоже как будто злые руки. ♦
- по ту сторону сада. (234, 23) а. по ту сторону сада. Что это <?> уж точно смирение на себя напустил. б. по ту сторону сада. Странно! ♦
- глянул туда, сюда. . . (234, 24) глянул направо, налево. . .
- плоских и поломанных стеблей (234, 27—28) [слежалых <?>] высоких стеблей
- громадную, (234, 28—29) какую-то громадную
- холостинном кафтане, (234, 31) нанковом кафтане ♦
- в двух шагах от него (234, 34) у самых его ног
- над водной гладью. (234, 36) над самой водной гладью.
- Стало быть, уже давно никто в его близости не шевелился а. Стало быть, [Мартын Петрович] Харлов не шевелился б. Стало быть, прикорнувший у берега человек не шевелился в. Казалось, что уже давно никто по близости не шевелился

Он чуть-чуть повернул голову (235, 2)	Он слегка повернул ко мне свою громадную голову — лицо его [стало] было почти одного цвета с его кафтаном \diamond
В правой (235, 5)	В одной
конец удилица, (235, 6)	один конец удилица \diamond
слабо колыхался на воде. (235, 6)	упал на воду
словно спросонья. (235, 9)	словно спросонья и отвернулся.
сиплым (235, 12)	[глухим] хриплым \diamond
обрывок нитки в аршин (235, 13—14)	обрывок тонкой нитки длиной в аршин \diamond
У вас (235, 15)	Да у вас
заметил я (235, 15)	воскликнул я \diamond
увидал (235, 15—16)	заметил
возле Мартына Петровича (235, 16)	у него
— Порвана? — промолвил он (235, 19)	— Да — промолвил он
провел рукой по лицу (235, 19—20)	провел рукой по волосам \diamond
это всё едино! (235, 20)	это всё равно
— Натальи Николаевны сы- нок? (235, 22)	Вы Натальи Николаевны сы- нок? \diamond
спустя минуты две (235, 23)	после небольшого молчания
тайного изумления (235, 23— 24)	тайного страха
исполином (235, 25)	громадным
в какое он был одет (235, 25— 26)	какое было на нем
— Здравствует? (235, 29)	— Здравствует? — пробормо- тал он погоды немного. \diamond
нечего (235, 38)	ты знаешь . . . нечего
на миг запнулся (236, 9)	на миг запнулся, и лицо его приняло злое выражение

взглянув кругом. (236, 17)	взглянув на место, на котором он сидел.
слегка покраснели. (236, 31)	начали краснеть.
Себя мучить? (236, 33)	убиваться. . .
промолвил он с расстановкой. (236, 34—35)	а. повторил он, словно удивился. б. произнес он.
начистоту. (236, 39)	напролом. ♦
ваших дочерей. (237, 3—4)	ваших дочерей. Я сам видел вашу лошадь у мужика. ♦
каким умницей, каким философом (237, 7)	а. каким умным мальчиком б. каким разуменьким дитятей.
не тосковать. . . (237, 14—15)	не тосковать. . . тем более, что этого ведь вернуть уже никак нельзя. ♦
прямо перед собой. (237, 26—27)	на пруд.
я взглянул на него попристальнее и остолбенел окончательно: Мартын Петрович плакал!! (237, 31—32)	а. Эта мысль тем естественней пришла мне в голову, что с изумлением увидел, что Мартын Петрович плачет . . . б. я посмотрел на него, и [что за чудо] тут увидел, что Мартын Петрович плачет!..
Слезинка за слезинкой (237, 32—33)	Две слезинки
Чтобы другим повадно не было! (237, 36)	а. аль ты думал, что со мной шутить можно? Не. . .ет. . . б. Чтобы другим неповадно было. . . ♦
тоже испугалась. (237, 39—40)	словно тоже испугалась. ♦
не намекнул на то (238, 2)	не сказал о том
черт знает почему — рассказывал (238, 3—4)	не вытерпел и рассказал ♦
человек (238, 4)	человечек ♦
хохотал (238, 5)	смеялся

залез в тину да и сидит в ней (238, 9—10)	в грязь залез да и сидит в грязи
а как убьет? (238, 13)	а убьет? Мне еще жить хочется. . .
за воинской командой нужно будет послать (238, 19—20)	и за солдатами послать следует
насчет воинской команды (238, 21)	насчет солдат
В половине октября (238, 25)	А именно:
я стоял у окна (238, 26)	в первых числах октября я стоял у окна
во втором этаже (238, 27)	находящейся во втором этаже
посматривал на двор (238, 28)	посматривал на двор нашего дома, и было от чего испытывать уныние.
Грязь по дорогам стояла (239, 5—6)	а. Грязь по дорогам была б. Грязь по дорогам залегла
дрожь пробегала по телу (239, 7—8)	а. дрожь пробегала по спине б. невольная дрожь брала, мурашки пробегали по телу
всего двенадцать (239, 15)	всего второй час
промчался (239, 17)	пробежал
его рисуют (239, 18)	а. каким он бывает б. каким он является
Я глазам не верил. (239, 19)	Я изумился.
громадное (239, 20)	большое
шершавое. . . (239, 21)	шершавое, на человеческую фигуру не похожее
неистовый стук. (239, 22)	в доме неистовый стук и гам
страшное (239, 23—24)	необычное
суета, беготня. . . (239, 24)	суетня, беготня и [послышались] какие-то опять-таки невероятные — скорее уже точно медвежьи звуки прорывались по временам.

вскочил в столовую. . . (239, 25—26)	а. вскочил в столовую — и увидел действительно необыкновенную картину. б. вскочил в столовую — и так и ахнул!
несколько испуганных женских лиц; (239, 28—29)	два-три испуганных лица
тискались у двери в переднюю; (239, 30—31)	жались у двери передней
посреди столовой (239, 31)	посредине столовой, окруженное лужей воды
пар поднимался кругом (239, 33)	пар от него поднимался
промчалось (239, 36)	перебежало
И кто же был (239, 36)	И что же именно это было
обхватил ладонями (239, 38)	обхватил обеими руками
судорожно (239, 39—40)	прерывисто
в его груди (239, 40)	в его груди — недоконченные слова [усиленно] трепетно замирали на его губах
темной массе (240, 1)	растерянной массе
различить явственно (240, 2)	разобрать
крошечные (240, 2)	небольшие
такой вид (240, 5)	такой точно вид
первобытных болот. (240, 8)	первоначальных болот.
боже милостивый! (240, 11)	боже мой!
Дворецкий показал руками (240, 22)	Дворецкий пожал плечами и показал руками
родного пепелища. . . (240, 31)	родного гнезда!
Матушка ахнула (240, 32)	Матушка опять руками всплеснула.
Только встань ты, Мартын Петрович (240, 34—35)	Да встань же, встань.
сделай милость! (240, 35)	сделай мне милость!
уйме грязи. (240, 38—39)	уйме грязи. Одна из них несколько чопорно и обиженно

	[улыбалась] ухмылялась, другая просто [заробела] трепетала.
тоже остановился в недоумении. (241, 2)	тоже презрительно улыбался.
и исчезла. (241, 3)	и исчезла. Вероятно, он за дверью так и покатился. Уж очень чудна была фигура нашего соседа <?>.
скомандовала (241, 5)	произнесла
и, встряхивая пальцами, отступил к двери. (241, 8—9)	а. и отошел в сторону, встряхивая ею. б. и, встряхивая, ею вышел вон удалился.
приблизились к нему (241, 10—11)	подошли к нему
обсушить (241, 13)	обсушить и обтереть
не было возможности (241, 14)	было явно <?> невозможно
буду правду говорить: (241, 21)	конечно
перед носом (241, 25)	перед лицом
очень уже (241, 26)	очень уже сильно
я провинился (241, 28)	виноват я
а гордостью (241, 28)	а больше гордостью
не хуже царя Новуходоносора (241, 29—30)	<i>Вписано:</i>
стало, так и следует... (241, 31)	стало быть, хорошо.
выгнали из дому вон! (241, 35—36)	пинком из дому вон!♦
отняли (242, 3—4)	продали
Чтобы не говорили враги мои лютые (242, 7—8)	Врагов моих потешить не хотел
меня предостерегали (242, 9)	а. говорили тоже б. меня предостерегали, да я не верил, вам не верил.
и терпел... (242, 10)	и терпел... потому уж не тот я и стал, каким был!

выкинули (242, 12)

Не глядел бы на свет божий!
(242, 21)

холопки! Да! (242, 34)

понять могу, (242, 36)

Но с какой стати (242, 37)
в Володькины руки отдалась
(242, 39)

По той причине (242, 39)
она и вашему солдату-то
отказала. (242, 39—40)

она и терпеть сестры не может,
(243, 2)

думать приятно, (243, 4)

из тебя стало! (243, 5)

век их заедал! (243, 22)

подхватил (243, 32)

горенке (243, 33)

приключилось! (243, 36)

Ну, либо его зарезать, либо из
дому вон! . . . (243, 37—38)
в эдаком безобразии. . . (244,
1—2)

Харлов окинул себя взглядом
(244, 3)

А я вот какое хочу тебе предло-
жение сделать. (244, 7—8)

вынесли!

Кажется, легче бы мне было
ослепнуть, не глядеть бы на
свет божий.

холопки! Больше ничего!

понять могу; — сказала она
с расстановкой, —

Но как же

в Володькином распоряжении

Оттого-то

вашему солдату-то он отказал.

она [ее и] сестру терпеть не
может, шею она ее, кажись,
перервала бы

весело думать [◇]

из тебя стало. . . Ей, видно,
приятно, что сестра ее теперь
метреска. . .

век их заедал! Они бы может
грехи мои отмолили. Ведь те-
перь [что], как за них отвечать.

заговорил [◇]

комнате

сделалось

не взвидел я света, и как я
сдержался тогда, не убил его.
в эдаком виде

Харлов осмотрел себя взгля-
дом и ужаснулся; словно в пер-
вый раз только теперь увидев,
в каком он виде пришел к нам.
Он руки развел.

А я вот что тебе предлагаю.

В мозгах-то (244, 12)	В голове-то
уныло промолвил (244, 12)	возразил
как тварь (244, 13)	как пса
потолкуем с тобою. (244, 15—16)	потолкуем как следует
Благодетельница! (244, 19)	Матушка!
закрыл лицо (244, 19—20)	закрыл себе лицо
Это воззвание тронуло мою матушку почти до слез. (244, 21)	а. Новое восклицание М<артына> П<етровича> тронуло матушку. б. Новым своим воззванием Мартын Петрович тронул матушку, я это видел.
Охотно готова (244, 22)	Идет, охотно
но ты (244, 23)	только ты [◇]
белье, какое понадобится, спроси у кастелянши (244, 37—38)	белье, какое нужно, прикажи кастелянше взять
остановился (245, 5)	а. раздумал б. оглядел себя вторично — совестно ему стало что ли . . . остановился
выскользнул (245, 7—8)	выскочил
тотчас побежал за кастеляншей, (245, 11)	пока он ходил за кастеляншей
Сувенир, встретивший нас (245, 12)	Между тем, Сувенир, который встретил нас
слегка (245, 15)	несколько
течь с него (245, 17)	капать с него. [◇]
пищал Сувенир, (245, 18)	кричал Сувенир
перегнувшись надвое и держа себя за бока. (245, 18—19)	а. и даже в ладоши <не закончено> б. наклоняясь всем телом вперед и держа себя за бока. [◇]
что Сувенир проходимец — теперь всё едино! (245, 29—30)	ваш брат — проходимец — всё едино теперь. Еще хуже.
продолжал пищать Сувенир. (245, 35—36)	продолжал неугомонный Сувенир.

Не подходи, мол, зашибу! (245, 37)	Куды раскудахтался! И... и...и! Проклянута! — говорит — и крова лишу. Вот те и лишил!
это наше дело (246, 13)	это мы в состоянии
душа в портки... (246, 14)	душа в портки... И за что только медаль... ему нацепили? ♡
придется скосить косою. (246, 25)	брить придется ♡
Гольш, а куражится (246, 26—27)	запищал он. Сестрицу мою родную уморил. Вот за что вас теперь помелом!
вы лучше мне скажите (246, 27)	позвольте узнать
Наследственный (246, 29)	Родной
мой кров! (246, 29)	мой кров! Вот знать я прав был, что голой спиной...
— Господин Бычков, — промолвил я. (246, 31)	Сувенир, воскликнул я.
продолжал трещать (246, 33)	продолжал трещать, лепетать как трещотка
снова стал раздражаться: (246, 39)	опять стал раздражаться и терять терпение.
под ушами (246, 40)	шея
глаза снова забегали среди темной маски забрызганного лица (247, 1—2)	лицо перекошилось <?>, глаза загорелись. [Мне стало страшно.] Я, признаюсь, струхнул.
словно бес овладел. (247, 5)	просто бес овладел.
затрещал (247, 6)	заверещал
Да и куда вам с Владимиром Васильевичем тягаться? (247, 11—12)	Помните, как я сказал, что голой, мол, спиной. А главное, где Ваш кров. Владимир Васильевич не вам чета.
Харлова взорвало (247, 16—17)	Харлова вдруг так и взорвало. [Медведь опять зарычал.] Он даже [задрожал] закричал от ярости ♡

лицо посинело (247, 17—18)	лицо посинело под приставшей к нему грязью и тиной
не бывал свидетелем (247, 27)	не видывал
такого безмерного гнева (247, 27—28)	такого неистового бешенства \diamond
дикий зверь метался (247, 28)	дикий зверь [медведь] стоял передо мной \diamond
закричал Харлов (247, 31)	зарычал [он] Харлов
Матушка страшно рассердилась (247, 36)	Матушка моя страшно разгневалась \diamond
о новой и неожиданной отлучке (247, 37—38)	о новом и неожиданном бегстве
Он не осмелился утаить причину этой отлучки (247, 38—248, 1)	а. Он не мог скрыть причину, побудившую <i><не закончено></i> б. Он не осмеливался утаить причины этого бегства
всему виною! (248, 5)	всему причиной!
локти (248, 7)	руки
позвонила (248, 10)	с сердцем позвонила
и привезти его (248, 12—13)	и воротить его
почему Харлов, почти без ропота переносивший оскорбления, нанесенные ему домашними, (248, 18—19)	а. каким образом Харлов, перенесший последнее оскорбление, нанесенное ему [своим] его семейством б. почему Харлов, принявший [без отмщения] последнее жестокое оскорбление, нанесенное ему его домашними и не отмстивший \diamond
не перенес (248, 20)	не мог перенести
каков был Сувенир. (248, 21)	каким в его глазах был Сувенир
какая нестерпимая горечь может иной раз заключаться в пустом упреке, даже когда он исходит из презренных уст. . . (248, 22—24)	как горек может быть упрек — и какая сила может заключаться в пустом по видимости упреке из презренных уст.
взбежал на крыльцо (248, 30)	торопливо взошел на крыльцо

Лицо его являло вид расстроенный, (248, 31)	а. Я заметил озабоченное выражение <i>«не закончено»</i> б. Лицо его являло вид озабоченный, даже расстроенный
почти никогда не бывало. (248, 31—32)	бывало редко
спустился вниз (248, 32)	сбежал вниз ◊
спросила матушка (248, 34)	спросила матушка, как только увидела его.
А он дом свой разоряет. (249, 2)	А он свой новый флигель разоряет ◊
Тесин (249, 5)	Половина тесин
решетки тоже штук пять. (249, 6)	до стропил добирается.
вспомнились мне слова Харлова. (249, 7)	мелькнуло у меня в голове
Один... на крыше стоит и крышу разоряет? (249, 9)	Один — дом своими руками разоряет?
Точно так-с. (249, 10)	Точно так-с. Своими руками
на меня (249, 15)	кругом
за инструкциями (249, 20)	назад за инструкциями
А дочери-то его (249, 23)	А дети-то его
И дочери — ничего. (249, 24)	А дети ничего сделать не могут.
голосят (249, 24)	кричат ◊
вопит (249, 27)	кричит
ничего не может. (249, 27—28)	тоже ничего не может. ◊
предпринять (249, 34)	делать
за исправником (249, 34—250, 1)	за исправником, за становым ◊
почтительностью (250, 8)	почтительностью на лице
взять несколько конюхов, садовников и других дворовых, (250, 9—10)	взять с собою несколько конюхов и прочих дворовых
перебила его (250, 12)	подхватила

Одно наперед позвольте объяснить вам, сударыня: (250, 16—17)	Только наперед, сударыня, позвольте доложить вам:
промолвил басом (250, 25)	заметил
взять недурно. (250, 26—27)	Но главное, веревок не забудьте захватить.
Не извольте учить меня (250, 28)	Не учите меня. ◇
перебил (250, 29)	а. промолвил б. возразил
полагал (250, 31—32)	надеялся
вмешалась (250, 33)	а. заметила б. перебила ◇
и вышел. (250, 37)	и вышел, и я мгновенно скользнул вслед за ним.
подпруга ослабла (251, 4)	подпруга у меня, вероятно, ослабла
Сувенир (251, 6)	я оглянулся: Сувенир
по зеленым. (251, 7)	по пашне. ◇
батенька (251, 8)	бабушка ◇
и я туда же, напрямик, по харловскому следу. . . (251, 9—10)	а. туда же бегу. б. туда же отправляюсь. ◇
не отставал от меня (251, 14—15)	не отставал от меня и всё что-то кричал ◇
Я подъехал к воротам (251, 17)	Я подъехал на этот раз прямо к воротам.
на новом флигельке (251, 19)	на главном господском доме
дрань и тесины (251, 20)	дрань и тесины, тонкие брусья ◇
исчерно-серая масса (251, 25)	а. громадное растрепанное тело б. серая человеческая туша
другая уже повалилась (251, 27)	другая труба уже рухнула ◇
медведем (251, 29)	медведем, еще более прежнего страшным,
и плечи — медвежьи, (251, 30)	и хрипкое бормотанье, и плечи, и ноги — все медвежье

не разгибая ступни (251, 31)	а. всей ступней б. не сгиба ступни ◊
голое тело (251, 34)	нагое тело ◊
сбилось (251, 38)	стояли
схватив медный крест обеими руками (252, 1—2)	а. держа крест в правой руке. б. схватив небольшой старый крест в правой руке ◊
Харлову (252, 3)	расширепевшему разрушителю
прислонившись спиною к стене, неподвижно смотрела на отца; (252, 4—5)	скрестив на груди руки молча смотрела на отца;
Анна то высовывала голову из окошка, то исчезала, (252, 5—6)	Анна то показывалась, то ис- чезала
желтый (252, 8)	желтый, растерянный ◊
трясся, (252, 11)	трясся, кричал
целился в Харлова, (250, 11)	целился в Харлова из ружья
целился опять, (252, 12)	снова брал его на перевес
так и ринулся (252, 13—14)	так и бросился
что тут происходит! (252, 15)	что тут делается!
Тот так и взвился (252, 29)	Тот так и подскочил
Сувенир. (252, 32)	Сувенир. На нем лица не было. Не до смеха ему было.
— Эй, вы! господин! (253, 1)	что-то неодобрительное
к прочим крестьянам (253, 4)	к остальным крестьянам ◊
— А то нешто нет? — подхва- тили остальные. (253, 11)	— Это точно, повторили дру- гие голоса. Всю деревню теперь сгони, с ним [теперь] не спра- виться. С'час убьет.
хоть и удивлял он их (253, 15)	хоть и удивлял он их. Они знали, что он был обижен, притом же они невольно бла- гоговели перед [подобной] эда- кой исполинской силой.
Но тут с тяжким грохотом бух- нула последняя труба. (253, 18—19)	Тяжкий глухой грохот заглу- шил его речь.

Харлов, испустив пронзительный крик (253, 20)	испустив дикий крик Харлов
его за локоть (253, 23)	его руку ◊
— Не мешай! — свирепо вскинулся он (253, 24)	— Что ты? — вскинулся он
Отец свой дом разоряет. Его добро. (253, 27)	Отец нас разоряет, что же? Он прав: его добро.
послышался (253, 36)	раздался
появилась (253, 39)	виднелась
веселая (253, 39—40)	даже веселая
и именно потому особенно страшная (253, 40)	и тем самым более страшная
Евлампия только пуше брови нахмурила (254, 8)	а. Евлампия даже не поглядела на него б. Евлампия только пуше нахмурилась на него
Я — пропащий человек (254, 16)	Вот что я тебе скажу. Я — пропащий человек!
вишь, какой красавчик выискался! (254, 17)	вот, что в меня целится.
эхиденную сестру (254, 18)	эхидну-сестру
вон она муженька-то подуськивает! (254, 19—20)	Она мужа подускивает [Вот] Ты же ведь [меня] на них променяла. ◊
разорю (254, 22)	разбросаю
как у Христа за пазухой, кушать сладко, а спать еще слаще того. (254, 33—34)	на всем готовом ◊
взмолилась (255, 8)	промолвила
Только (255, 22)	Только вот
пожалует (255, 23)	в гости пожалует
не в пору (255, 24)	не в духе
уцепился (255, 26)	ухватился
Свесившись с краю настилки (255, 28)	наклонившись вперед

жаловаться и хныкать... (255, 32)	объяснять, жаловаться и хны- кать ◊
Тот попросил его «не мешать» (255, 32)	но тот отвел его локтем и попросил оставить его
объяснять (255, 35)	говорить
весьма недовольна (256, 1)	очень огорчается
на крышу (256, 6—7)	на чердак
От Харлова, однако, не ускользнул план (256, 7)	Харлов однако понял план
он вдруг бросил (256, 8)	ибо вдруг оставил
проворно побежал (256, 8)	бросился
страшен (256, 9)	грозен
успели уже взобраться на чер- дак (256, 10)	уже было взобрался навсрх
мигом спустились (256, 11)	проворно спустились
дворовых мальчишек (256, 12— 13)	дворовых ребятишек ◊
вернувшись к передней части дома (256, 14)	немедленно вернувшись к стро- пилам
я ведь больше для страха, (256, 35—36)	я это больше для страха; право
ответить ему Квицинский, как передняя пара (256, 37—38)	ответить ему Квицинский как свершилось то, что давно сле- довало ожидать: передняя пара
накренилась, (256, 39)	не выдержала напора, накре- нилась
не будучи в силах (256, 40)	не будучи в состоянии ◊
в спину ему уперся продоль- ный верхний брус (257, 3)	на спине его лежала продоль- ная перекладина
конек (257, 4)	<i>Вписано.</i>
который последовал за упав- шим фронтоном. (257, 5—6)	который также последовал за упавшими стропилами. ◊
свалили долой с него брус (257, 7)	стащили с него брус
пробормотали (257, 10)	говорили

Харлову голову (257, 11—12)	ему лицо
Притащили (257, 13)	Принесли
у самого флигеля (257, 14)	а. у стены дома б. у самого дома ◊
посадили его, (257, 15—16)	посадили его на скамейку
огромные глаза (257, 21)	огромные страшные глаза
послышались (257, 23)	раздались
хлюпающие звуки (257, 23—24)	странные звуки ◊
точно он захлебывался. . . (257, 24)	<i>Начато:</i> можно было поду- 〈мать〉
проведа около себя взором, (257, 27)	проведа им вправо и влево
охнул — произнес, картавя: (257, 28—29)	охнул — медленно произнес ◊
Рас. . .шибся. . . (257, 30)	За. . .шибся. . . ◊
Вот он, воро. . .ной жере. . . бенок! (257, 31)	Ну. . . теперь конец. Вот он, вороной. . . жеребенок. Теперь вла. . . дейте [детки]. ◊
«Конец!» — подумал я. . . (257, 34)	а. Я отвернулся с ужасом. б. Я глаза закрыл. [Он умирает — подумалось мне] ◊
у мертвеца (257, 36)	у мертвого
произнес едва слышно: — Ну, доч. . .ка Тебя я не про. . . — (257, 36—38)	а. сказал умиленным голосом: «Про. . .щай доч. . .ка» б. произнес замиравшим <?> голосом: Ну. . . доч. . .ка. . . Тебя. . . я. . . не про. . . ◊
резким движением (257, 39)	сильным движением
стоял (258, 1)	а. Стоял с образом б. Стоял с крестом в руке
Старик приблизился, путаясь слабыми коленями в тесной рясе (258, 1—2)	а. Старик приблизился, неловко выступая в своей тесной рясе. б. Старик подобрал рясу и положил крест Харлову на кровавые губы,

неровная судорога (258, 4—5)	неровная, скверная судорога.
точно так же исказилось и задрожало лицо Евлампии. (258, 5—6)	а. почти тем же трепетом отозвалось лицо Евлампии. б. почти так же затрепетало и исказилось лицо Евлампии. ♦
я побежал к воротам и, не оглядываясь, приник к ним грудью. (258, 7—8)	и я [отошел] отбежал к воротам и не оглядываясь назад приник к забору.
что-то тихо прогудело по всем устам сзади меня — и я понял, что Мартына Петровича не стало. (258, 8—10)	что-то темное пробежало по всем лицам, и я понял без слов, что Степной Король Лир скончался.
затылок проломило, (258, 11)	голову пробило
во всех сердцах (258, 23)	во всех людях
ее торжественность (258, 24)	а. ее неизбежная торжественность б. ее неизменная торжественность
Я и был поражен (258, 25—26)	Эта смерть поразила меня.
смущенный (258, 26)	испуганный, смущенный
тотчас (258, 27)	однако тотчас
проворно и робко, словно краденую вещь, швырнул в сторону ружье, (258, 28—29)	проворно, как краденую вещь, бросил свое ружье
оба мгновенно (258, 29)	оба вместе и разом
предметом хотя безмолвного, (258, 30)	предметом, хотя и мгновенного и безмолвного
как сделалось пусто вокруг них. . . (258, 31)	как вдруг, хотя опять таки на мгновение стало пусто вокруг них, между тем как
повалилась в ноги (258, 34—35)	а. она пала в ноги б. с размаху повалилась в ноги
отцу. (258, 35)	старика
промолвил (258, 37)	проговорил
седоватый головастый крестьянин, (258, 37—259, 1)	совсем уже древний сосед-крестьянин
я понял это немедленно. (259, 5—6)	и я, как молод сам ни был, а тотчас это понял.

за нужными вещами (259, 8—9)	за нужными вещами да за дьячком
подводу в город. (259, 10)	телегу в стан.
обычным начальническим тоном (259, 11)	а. обычным повелительным голосом б. обычным резким барским тоном
Дня через три (259, 18)	Дня три спустя.
выражалась (259, 22)	выражалась несколько бесцеремонно
которого, впрочем, с того времени (259, 24)	которого она, впрочем, с того дня
весьма (259, 28)	очень
предавался какой-то тревожной и подлой меланхолии, (259, 30—31)	[то и дело] конфузился, \diamond
«в свою тарелку» (259, 33)	«в свою тарелку»: всякая робость с него соскочила
суетился по-прежнему. (259, 34)	суетился и егозил.
в траурных платьях (259, 40—260, 1)	в глубоком трауре
смиранный и постный вид (260, 3)	[невинный] смиренный и покорный вид \diamond
не силилась (260, 3)	не делала усилий, чтобы
рукой (260, 5)	ручкой \diamond
всё задумывалась (260, 5)	словно всё задумывалась \diamond
То общее, бесповоротное отчуждение, осуждение, которое я заметил в день смерти Харлова, чудилось мне и теперь на всех лицах бывших в церкви людей, во всех их движениях, в их взглядах, — но еще степеннее и как бы безучастнее. (260, 6—10)	а. Строгое осуждение, какое я заметил в день смерти Мартына Петровича, чудилось мне и теперь на лицах всех людей, бывших в церкви, в их движениях, во взглядах. б. То полное, общее, бесповоротное степенное и как бы безучастное осуждение, которое поразило меня на лицах свидетелей в день смерти Харлова, я заметил во время службы, то же осуждение на всех лицах, бывших

Казалось, (260, 10)

все эти люди (260, 10)

грех (260, 10)

не для чего (260, 13)

особенно не любили, даже боялись. (260, 15—16)

промолвили за ним другие. (260, 24)

Раздумье ее разбирало. . . (260, 32)

несколько раз с ней заговаривал, (260, 33—34)

как бывало с Житковым, и еще хуже. (260, 34—35)

в церкви людей, во всех их движениях, во всех взглядах.

Мне казалось ◊

они

тот грех ◊

ничего ◊

не знали вовсе или боялись

прогудели за ним другие

Словно раздумье ее разбирало

раз был<о> подошел к ней и с ней заговорил

как бывало с Житковым и еще хуже, пожалуй. Житков по крайней мере не вызывал в ней отвращения.

XXVII

[На следующее утро]. В течение ночи, последовавшей за днем похорон, выпала первая пороша; как только настало утро, я отправился с ружьем выслеживать зайцев. На дороге в Еськово [которую] (мне в моих поисках несколько раз пришлось ее пересекать) я увидел женщину в подпоясанном капоте с котомкой за плечами, с платком на голове. . . Она шла [проворно] большими шагами, слегка подпираясь палкой. Я ее принял сперва за богомолку и, только поравнявшись с нею, узнал в ней Евлампию. Я узнал ее по глазам, которые она быстро вскинула на меня: лоб и нижняя часть лица были закрыты. Не печаль и не [смущение] горе выражали эти глаза — напротив [их взгляд

являл ту же смесь суровой] в их взгляде более чем когданибудь высказывалось то [суровое] надменное и почти дикое «не тронь меня», которое всегда меня в них поражало [и пугало]. Место, где я ее встретил, было недалеко от того места, где я в первый раз увидел ее с Слеткиным: вспомнилась мне ее удалая песенка, вспомнился веночек из васильков на ее [кудрях] голове, и жаркий [летний] день, и золотистый блеск [солнца вокруг ее] лазурного неба, на котором так [пышно] стройно рисовался ее [величавый] [могучий] образ; и вот теперь [идет] спешит она, вся темная, закутанная — по мертвому белому снегу... куда? Я не смог спросить ее, да она бы и не ответила мне. ♦ [Но мне пришлось вспомнить об этой встрече, когда]

из родительского дома, (260, 38)

из родительского дома бог ведет куда —

свояку (260, 39)

зятю ♦

доставшееся ей имение (260, 39)

свое имение

много минуло лет, (261, 8)

долгие годы минули

увидал их. (261, 11)

увидал их. А именно:

Посетив (261, 12)

Прибыв

в которую я не заезжал (261, 13—14)

в которой я не был

с незабытой доселе медленностью, происходило размежевание чересполосицы (261, 15—17)

только шли [толчки] хлопоты, как известно, и часто происходили размежевания.

с прочими (261, 17—18)

с другими

Она (261, 23)

которая

самый дом (261, 24)	самый, некогда полузакрытый, дом
всё оказалось (261, 25—26)	всё [у нее] было ◊
так меня возбуждала, (261, 30)	чудилась мне в ней
по деревенскому, но изящно. (261, 31)	изящно, уже вовсе не по де- ревенскому ◊
бровью не повела. (261, 34)	бровью не повела, [словно] точно прошедшее для нее было уж точно прошедшим, как бы никогда не существовавшим. ◊
точно (261, 36)	как
в черных глазах (262, 3)	в черных глазках ◊
мальчик хоть куда! (262, 4)	очень милый мальчик.
Во время прений между (262, 4—5)	В течение прений с
спокойно (262, 6)	очень спокойно ◊
свои права; (262, 9)	свои права; оказалось, она и законы все знала хорошо.
Кончилось тем, что мы на все ее требования изъявили согла- сие и таких понаделали усту- пок, что оставалось только удивляться. (262, 12—15).	Кончилось тем, что мы все принуждены были уступить то, чего она желала.
менее деликатный владелец, — (262, 19—20)	менее деликатный владелец. — Такой же кулак, как и покой- ный. ◊
икры (262, 23)	сеledки
что же такое? (262, 23)	что же такое? Еще чаем взду- мала подчивать.
один, до того безмолвный по- мещик, (262, 24—25)	кто-то ◊
никто (262, 27)	никто из помещиков ◊
не почел нужным опровергнуть (262, 27—28)	не почел нужным возразить
Возведи ее на трон, — (262, 34)	Посади ее на трон

Повиновение крестьян — образцовое. . . Воспитание детей — образцовое! (262, 35—36)

Семирамиду и Екатерину в сторону, (262, 38—39)

приятной тишиной душевного и телесного здоровья (263, 1—2)

и узнал, что (263, 12)

как ушла из дому, так и (263, 12—13)

воспарила в горния». (263, 13—14)

но я убежден, (263, 15)

небольшой деревушке (263, 19—20)

в то время недурна — (263, 21—22)

Был у меня товарищ, (263, 23)
из мещан (263, 23—24)

очень (263, 24)

всё-то он знал — (263, 27)

охоту да вино. (263, 28)

темной краской (263, 36)

Повиновение крестьян образцовое (Вспомнилось мне Харловское: повиноваться!). Да они же благоденствуют у нее. И какое воспитание детям своим дала! ♠

Хотя я знал, что наш посредник — человек впрочем [прекрасный —] весьма почтенный — даже в орфографии был [весьма плох] слаб и потому едва ли мог [правильно] [хорошо] сознательно судить о воспитании детей, однако [справедливость его] воззрение его на Анну Мартыновну мне самому казалось справедливым. Сверх того ♠

спокойствием

по его словам

давным-давно

она скончалась

И со всем тем я убежден

известной небольшой деревушке

в то время еще недурна

Постоянным товарищем

кронштадский мещанин (как почти все тогдашние вольноотпущенники). ♠

весьма

знал он точно много частых <?> испытаний

охоту да винцо.

красной краской

выкрашенную крышу. (263, 36—37)

одни ворота; (263, 37—264, 1)

Со всем тем вы чувствовали, что в этом доме непременно кто-нибудь обитает: он вовсе не являл вид заброшенного жилья. Напротив, всё в нем было так прочно, и плотно, и дюже, что хоть осаду выдерживай! (264, 2—6)

что за крепость такая? (264, 7)

Викулов лукаво прищурился. (264, 9)

строение? (264, 10)

О хлыстах-раскольниках (264, 13)

запали мне в память (264, 27)

поравнялся я с ним, (264, 29)

загремел за воротами, (264, 30)

тихонько растворились — (264, 31—32)

выкатила на дорогу (264, 34)

небольшая тележка (264, 34)

в опрятном черном армяке (264, 39)

а. выкрашенную крышу, так высок был частокол *б.* выкрашенную крышу, так скрывал его забор.

одни очень крепкие и тяжелые дубовые ворота

Да и не одни ворота поражали своей солидностью. Все строение являло вид удивительной прочности, осаду выдерживай.

а. Что за дом такой? *б.* Что за жилье такое?

а. Викулов засмеялся и слегка глянул на меня сбоку прищуренным глазом. *б.* Викулов засмеялся исподтишка и лукаво прищурился.

[жилище] строение? проговорил он своим разбитым голосом. ♦

О фёодосеевцах-раскольниках ♦

запали мне в голову ♦

поравнялся я с ним. Я был один — день склонялся уже к вечеру.

загремел за воротами сперва один, потом другие, потом спустя немного

[тихо] осторожно раскрылись

выехала на дорогу прямо на меня

небольшая охотничья тележка с сидением, кожаной подушкой

в опрятном, туго подпоясанном армяке

низко на лоб надетом черном картузе; (264, 40)	прямо надетом черном суконном картузе; ◊
дорогая черная шаль; (265, 3)	черная тонкая шаль;
бархатный шушун оливкового цвета (265, 4)	плюшевый коричневый шушун. ◊
чинно сложенные у груди, подерживали друг дружку. (265, 5—6)	лежали, чинно сложенные друг на дружке у нее на коленях. ◊
слегка повела головою, (265, 8)	слегка повернула лицо в мою сторону
строго, горделиво! (265, 16—17)	надменно. . . надменно и повелительно!
не простым спокойствием власти (265, 17)	не привычка власти
рабами (265, 22)	рабами и распоряжалась многими. . . многими другими жизнями.
Я громко назвал (265, 25)	Я не удержался, я громко назвал ◊
чуть-чуть дрогнула (265, 25—26)	слегка вздрогнула
кто, мол, смеет меня беспокоить? — и, едва раскрыв губы, произнесла повелительное слово (265, 27—29)	и не спеша произнесла в полголоса повелительное слово ◊
двинулась (265, 31)	тотчас двинулась
телега (265, 31—32)	тележка ◊
Всё бывает, всё случается. И вот что я имел сказать вам о моем степном короле Лире, о семействе его и поступках его».	X. умолк — и мы принялись обсуждать его рассказ. Кто-то из нас заметил, что вряд ли возможно сравнить Харлова с Лиром. [Где Регана и Гонорилья, а главное, где Корделия? Где Эдмунд и Кент, где шут?]. И притом прибавил он, если мы допустим, что Анна и Евлампия напоминают Регану и Гонорилью, то где же Корделия? Где Глостер, где Кент, где шут наконец? — Кстати,
Рассказчик умолк — а мы потолковали немного да и разошлись восвояси. (265, 38—42)	

спросил [другой из нас] другой слушатель, — что случилось с [Сувениром] ним? — Сувенир отвечал Х. [окончил жизнь несчастливым образом] кончил плохо. Он умер от перелома ноги, свалившись с лестницы в пьяном виде, и перед смертью всё твердил, что это, мол, мне [от] за Мартына Петровича: он меня толкнул.

— А Житков?

— Житков жив до сих пор и ни на один волос не изменился: [каждый] ездит аккуратно [ежегодно] в губернский город добывается казенного места, получает это место, лишается [этого места] его по совершенной и полной неспособности, ездит снова в город, получает место снова и т. д. Шутники у нас прозвали его барометром охранительной партии: по его возвеличению и падению судят о том как стоят ее акции. — Но всё-таки заметил тот из нас, кто заговорил первый, какой же Харлов — Лир? Помилуйте! — [Но другой из нас] На что Х. ему возразил, что дело шло не о воспроизведении всех шекспировских образов и что Харлова, пожалуй, можно в силу поговорки «По Сеньке шапка» — назвать Степным королем Лиром. [Мы все повторили: «По Сеньке шапка» и согласились] Разве вот что: „По Сеньке шапка“ — повторили мы и разошлись восвояси. ♦

МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И. С. ТУРГЕНЕВА

«СТЕНО»

ОБ ОДНОЙ РЕМАРКЕ В ТЕКСТЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

Общезвестно, что ремарки в пьесах А. П. Чехова выполняют «не только сценическую, но и *литературную, повествовательную* функцию».¹ Они подчеркивают эмоциональную тональность пьесы или отдельных ее эпизодов, отдельной ситуации, усиливают лирическое переживание читателя и зрителя.

В частности, и современники Чехова в первых же откликах на «Вишневый сад» и его постановку, и позднейшие исследователи останавливали свое внимание на словах из последней ремарки: «Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный». Та же ремарка — во втором действии.² Существенное значение придавал этой ремарке и сам Чехов. «Скажи Немировичу, — писал он О. Л. Книппер 18 марта 1904 г., — что звук во II и IV актах „Вишневого сада“ должен быть короче, гораздо короче и чувствоваться совсем издалека».³ О ней писал впоследствии и Немирович-Данченко в статье «„Вишневый сад“ в Московском художественном театре».⁴

Такого рода ремарки представляются нам исключительной принадлежностью новейшей русской драматургии, зачинателем которой является Чехов. Между тем это не совсем так.

В драматической поэме И. С. Тургенева «Стено», написанной им в шестнадцатилетнем возрасте, в 1834 г., и представляющей собою, по его собствен-

¹ С. Балухатый. Проблемы драматургического анализа. Чехов. «Academia», Л., 1927, стр. 157.

² Чехов, т. XI, стр. 334, 360. См., например: Волжский. Литературные отголоски. «Ежемесячный журнал для всех», 1904, № 5, стр. 300, 304; М. Неведомский. О современном искусстве. «Мир божий», 1904, № 8, отд. 2, стр. 28; Ю. Ахенвальд. Современное искусство. «Русская мысль», 1904, № 2, отд. 2, стр. 262; А. Скафтымов. Статьи о русской литературе. Саратовское книжное изд-во, 1958, стр. 359, 378; сб. «Творчество А. П. Чехова», Учпедгиз, М., 1956, стр. 50, 60, 237—238.

³ Чехов, т. XX, стр. 251.

⁴ Вл. И. Немирович-Данченко. Театральное наследие, т. I. «Искусство», М., 1952, стр. 107.

ному определению, «рабское подражание байроновскому „Манфреду“»⁵ мы встречаем аналогичную, даже словесно близкую ремарку: «В вышине слышен звук, как будто лопнула струна».⁶ Эта ремарка выполняет иную смысловую функцию, не ту, что в «Вышнем саде», но самое совпадение не лишено интереса.

Разумеется, Чехов не мог знать поэму Тургенева, впервые напечатанную в 1913 г. в № 8 журнала «Голос минувшего». И это совпадение тем более удивительно.

Может быть, ремарка восходит к общему источнику. Во всяком случае, считаю небесполезным указать на этот факт, кажется не отмечавшийся в критической литературе.

И. Г. Ямпольский

СТИХОТВОРЕНИЕ ТУРГЕНЕВА «ПЕРЕД ОХОТОЙ» И «ПСОВАЯ ОХОТА» Н. А. НЕКРАСОВА

В январе 1847 г. на страницах «Современника», только что перешедшего в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, был напечатан стихотворный цикл И. С. Тургенева «Деревня». В этот цикл входило и его стихотворение «Перед охотой»:

Утро! вот утро! Едва над холмами
Красное солнце взывает лучами
и т. д.

В следующем номере журнала появилось стихотворение Некрасова «Псовая охота».

При внимательном чтении обнаруживается явная перекличка между ними. Сходна не только тема. Они разбиты на двустихия и написаны одним размером (четырёхстопным дактилем), в обоих стихотворениях смежные рифмы, в нечетных двустихиях — женские, в четных — мужские. Сходны некоторые детали; имеется и словесная близость. Например, у Тургенева —

Светлое небо, здоровье да воля —
Здравствуй, раздолье широкого поля!

у Некрасова —

Гикнул помещик и ринулся в поле. . .
То-то раздолье помещицъей воле!

Точные даты написания стихотворений неизвестны; в собраниях сочинений оба отнесены к 1846 г. Если стихотворение «Перед охотой» написано раньше (по-видимому, это так), то в «Псовой охоте» нельзя не усмотреть известной полемики Некрасова с Тургеневым, которая выразилась в подчеркнутой антикрепостнической направленности его произведения.

И. Г. Ямпольский

⁵ Сочинения, т. XIV, стр. 11.

⁶ Сочинения, т. I, стр. 396.

ЗАГЛАВИЕ «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»

Из много раз цитированного исследователями свидетельства Тургенева известно, что заглавие всему циклу рассказов, составившему впоследствии книгу «Записки охотника», придумал не он сам, а И. И. Панаев. В очерке «Воспоминания о Белинском» (1869) Тургенев рассказывает: «Только вследствие просьб И. И. Панаева, не имевшего чем наполнить отдел смеси в 1-м номере „Современника“, я оставил ему очерк, озаглавленный „Хорь и Калиныч“ — и добавляет в скобках: «Слова „Из записок охотника“ были придуманы и прибавлены тем же И. И. Панаевым с целью расположить читателя к снисхождению. Успех этого очерка побудил меня написать другие».¹ Общий заголовок «Записки охотника» с прибавлением порядкового номера мы находим при каждой следующей публикации в «Современнике» (1847 г.) остальных рассказов («Ермолай и мельничиха», «Мой сосед Радилов», «Однодворец Овсянков» и «Льгов» под римскими цифрами II, III, IV и V в майской книге и т. д.). Так и утвердилось за циклом общее, будто бы случайно присвоенное ему наименование.

Впоследствии то же свидетельство о Панаеве как об авторе заглавия этого произведения воспроизводилось в печати несколько раз при жизни Тургенева с его полного одобрения. Так, приведенные выше слова включены были полностью в биографический очерк о Тургеневе, помещенный П. Н. Полевым во втором издании его «Истории русской литературы».²

Стоит отметить, что, когда журнальная публикация всего цикла «Записок охотника» была уже завершена и он готовился к изданию в виде отдельной книги, И. И. Панаев в том же «Современнике» посвятил будущим «Запискам охотника» и ее автору несколько дружеских строк в своем сатирическом «Литературном маскараде накануне нового [1852] года». В этом сатирическом фельетоне автор стремится дать характеристику всем наиболее выдающимся произведениям русской литературы, появившимся в 1851 г., и приводит свои беседы с их издателями. Среди выведенных им писателей есть и Тургенев. Попутная характеристика «Записок охотника», сделанная Панаевым, представляет интерес, поскольку она принадлежит перу человека, предложившего заглавие для еще безымянной книги, и, следовательно, мо-

¹ *Сочинения*, т. XIV, стр. 52. — Рассказ «Хорь и Калиныч» помещен в первой книжке возобновленного «Современника» (1847, № 1, отд. IV, Смесь, стр. 55—64) рядом с фельетоном «Нового поэта» (И. И. Панаева) и «Современными заметкам» И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова. См.: В. Б о г р а д. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. Л., 1959, стр. 57. О том, как составлялась первая книжка журнала, см.: В. Е. Е в г е н ь е в-М а к с и м о в. «Современник» в 40—50-х гг., Л., 1934, стр. 154—155, 175—176.

² П. Н. П о л е в о й. История русской литературы в очерках и биографиях. СПб., 1873, стр. 736. — Как известно, этот очерк составлен был при содействии самого Тургенева, сообщившего П. Н. Полевому необходимые данные. Впоследствии Тургенев неоднократно ссылался на этот очерк как на вполне достоверный и не требующий никаких изменений. Так, например, А. С. Суворову Тургенев писал 14 марта 1875 г.: «Что касается биографических подробностей обо мне, то все данные у Полевого верны и других, кажется, собирать не стоит»; этот же очерк Тургенев рекомендовал также В. Рольстону.

жет дать известное представление о мотивах, способствовавших выбору данного заглавия.

Сцена изображает сельский пейзаж. И. И. Панаев пишет: «А вон несколько подалее, в углу, образованном обрывом холма и равниной, — возле реки, которая стоит неподвижным, темным зеркалом под самой кручью холма, — там, где виднеется красное пламя и дымок, видите ли вы другого человека, сидящего на лугу, между крестьянскими ребятишками, и среди них кажущегося исполнимом.³ Я думаю, этот человек также хорошо знаком вам?

Издатель утвердительно кивнул головой и улыбнулся.

— Он большой чудак, — продолжал я: он скитается вечно в охотничьем платье, беспрестанно останавливается на пути своем и смотрит кругом по сторонам или вверх. Вы подумаете, что он, как охотник, следит за полетом птицы или, зампрая, прислушивается к шелесту листьев в кустарнике, боясь спугнуть свою добычу. . . Вы ожидаете сейчас выстрела — шичуть не бывало! Успокойтесь. . . Вы этого выстрела не дождетесь. Мой охотник никогда не стреляет: его английская желто-пегая собака Дпанка печально следует за ним без всякого дела, виляя хвостом и уныло моргая усталыми глазами, а хозяин ее постоянно возвращается домой с пустым ягдташем. Он следит не за полетом птицы, для того, чтобы ловчее подстрелить ее, а за этими золотисто-серыми, с белыми краями облаками, которые разбросаны в небе, точно в бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы; он прислушивается не к шелесту листьев в кустарнике, боясь спугнуть птицу, не к крику перепелов, а к этой торжественной тишине приближающейся ночи; он смотрит на эти бесконечно тянущиеся поля, которые текут во мгле, на стальные отблески воды, изредка и смутно мерцающей. . . Ничто в природе не ускользает от его верного, поэтического и пытливого взгляда, и птицы спокойно, ласково и безбоязненно летают вокруг этого странного охотника, как будто напрашиваясь попасть в его „Записки“.⁴

Хотя имя Тургенева здесь и не названо, его, конечно, мог угадать всякий читатель. В портрете этого «странного охотника», который никогда не стреляет, предпочитая охоте созерцание природы, Панаев отнюдь не затушевывает подлинные жизненные черты изображаемого им писателя, отчего и узнать Тургенева было легко. Портрет его не зря дан на фоне тонко выписанного пейзажа; даже заглавие цикла («Записки охотника») названо в самом тексте посвященного Тургеневу отрывка. Тем не менее Панаев явно посмеивается здесь, весело и беззлобно, над Тургеневым, этим «маскарадным» охотником, рассказы которого в самом начале их создания, за пять лет перед тем, он сам озаглавил «Записки охотника»; «охотника» ли в самом деле? — словно спрашивал он теперь, высказывая лукавые сомнения по этому поводу, когда журнальная публикация всех рассказов цикла была уже завершена. Признавая, что заглавие «Записки охотника» было придумано за него, Тур-

³ И. И. Панаев явно намекает здесь на «Бежин луг», впервые опубликованный в февральской книжке «Современника» за 1851 год.

⁴ «Современник» 1852, № 1, отд. VI, Смесь, стр. 153—173, перепечатано в кн.: Новые пропилеи. Под ред. М. О. Гершензона. Т. 1, М.—Л., 1923, стр. 28—29.

гнев предположил, что, явившись сначала в качестве подзаголовка к первому рассказу, слова эти будто бы возникли «с целью расположить читателя к снисхождению». В академическом издании «Воспоминаний о Белинском» это утверждение Тургенева оставлено без всяких пояснений, между тем смысл этой фразы остается совершенно неясным. О каком «снисхождении» читателя раздумывал Н. И. Панаев и почему надеялся он, что слова «Из записок охотника» будут содействовать благосклонному отношению читателя к автору? Означали ли они, что публикуемый очерк принадлежит перу случайного, не профессионального писателя, что это лишь заметки из записной книжки охотника?

Следует, впрочем, отметить, что известные основания для придуманного Н. И. Панаевым подзаголовка можно было найти в самом тексте маленького рассказа Тургенева, открывшего всю сюиту «Записок охотника». В начале «Хоря и Калиныча» автор называет себя охотником, живущим в Калужской губернии; «в качестве охотника посещая Жиздринский уезд, сошелся я в поле и познакомился с одним калужским мелким помещиком < . . . > страстным охотником и, следовательно, отличным человеком». «На другой день мы < . . . > отправились на охоту» и т. д. И все же, как все помнят, описание самой охоты занимает очень малое место в рассказе; сразу чувствуется, что написан он по другому поводу и что упоминание охотничьих скитаний или приключений носит здесь совершенно орнаментальный характер. Вся книга в целом, когда завершилось ее сложение из отдельных очерков, также представлялась читателям в большей мере книгой «нравоописательных», чем «охотничьих», очерков, на что в действительности имелись вполне основательные причины.

В особенности явственно почувствовали это иностранные читатели «Записок». Первый французский переводчик «Записок охотника», Эрнест Шаррьер, во «Введении», предпосланном его переводу, предупредил, что он «счел необходимым изменить заглавие», которое книга имела в русском оригинале: «Если в нашем переводе книга стала называться „Воспоминаниями знатного русского барина“ («Mémoires d'un seigneur russe ou Tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes», Paris, 1854), то это сделано для того, чтобы этим заглавием придать ей характер свидетельства русской аристократии относительно действительной ситуации в той стране, где она господствует». По просьбе Э. Шаррьеря⁵ на этот перевод сочувственно откликнулся Проспер Мериме в «Revue des Deux Mondes» (от 15 июля 1854). Характерно, что первая статья Мериме о Тургеневе называлась «Литература и рабство в России» и лишь в подзаголовке стояло: «Записки русского охотника»; в этой статье затрагивался также вопрос о подлинном заглавии произведения. «Книга Тургенева, — писал Мериме, — названа по-русски „Записками охотника“, неприязнительным заглавием, которое переводчик счел необходимым изменить, хорошою не знаю почему, но по крайней мере для того, чтобы не ввести в заблуждение тех гг. охотников, кто мог надеяться найти здесь сведения о медведях или рябчиках».⁶

⁵ Parturier, стр. 9—10.

⁶ P. Mérimée. La littérature et le servage en Russie «Revue des Deux Mondes», 1854, 15 Juillet, стр. 184. — С легкой руки Э. Шаррьеря традиция произвольного изменения подлинного заглавия «Записок охотника» устано-

Самую книгу Тургенева Мериме (еще не бывший знакомым с русским писателем), впрочем, оценил по достоинству и отметил, что не следует делать ошибочных заключений о вкусах автора, который, «по всей вероятности, отнюдь не является Нимродом» (*n'est point un Nemrod*).⁷ Имя Нимрода и противопоставление ему Тургенева требуют некоторых пояснений, по крайней мере для русских читателей. Легендарный основатель Вавилона, строитель Ниинивы, Нимрод известен главным образом из двух упоминаний в библейской «Книге бытия» (гл. X, 8—9): он назван здесь сыном Куна и внуком Хама и о нем сказано, что он «был сильный зверолов перед Господом, потому и говорится, что сильный зверолов, как Нимрод». Отсюда в западноевропейских языках и литературах имя Нимрода сделалось синонимом отважного, неутомимого, ловкого охотника, а он сам стал легендарным патроном охотников — любителей и профессионалов.⁸ Известен был Нимрод также Тургеневу. Рассуждая об охоте как об одном из древнейших занятий человека в своей статье о «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова, Тургенев вспомнил попутно «о библейском Немвроде и других азиатских царях — охотниках, изображения которых сохранились на остатках древнейших дворцов и храмов».⁹

вилась также в других западноевропейских литературах, например в английской. Первый английский перевод «Записок», сделанный по французскому переводу Шаррьера Джеймсом Миклджоном (James D. Meiklejohn) имел весьма амплифицированное двучленное заглавие, только вторая часть которого напоминала оригинал: «*Russian Life in the Interior, or, the Experiences of a Sportsman*» (Edinburgh, 1855). В дальнейшем заглавие книги Тургенева в Англии стояло ближе к подлиннику, но менялось от перевода к переводу. Эдуард Рихтер назвал ее «Рассказами из записной книжки охотника» («*Tales from the Note-Book of a Sportsman*», 1895); в американском издании «Записок», перевод которых сделан Ф. Абботом по авторизованному французскому переводу Делаво, книга именуется «хроникой» или «летописью» из жизни охотника («*Annals of a Sportsman*», 1885); лишь в 1896 г., в наиболее удачном английском переводе Констанции Гарнетт книга озаглавлена «*A Sportsmans Sketches*». Отметим попутно, что в течение всего XIX в. в Англии слово «охота» передавалось широким термином «*sport*», включавшим в себя представление о всех видах «спортивных» развлечений (*particular sports — hunting, shooting, racing, angling etc.*). О семантике термина «*sport*» см.: «*The Cambridge Bibliography of English Literature*», ed. by F. W. Bateson, vol. III, *Cambr.*, 1941, стр. 75. — «Всякого рода охоту англичане называют *sport*», — писал А. С. Хомяков в комментарии к статье, переведенной из английского охотничьего журнала и напечатанной в «Москвитинине», 1845, кн. 2 (см.: А. С. Хомяков, Полное собрание сочинений, изд. 3-е, т. III. М., 1900, стр. 119). Семантика термина «*sport*» изменилась лишь в нашем столетии: новейший английский перевод тургеневских «Записок охотника», изданный в Москве в 1955 г. (ed. O. Gorchakov, *Foreign Lang. Publish. House*), озаглавлен «*A Hunter's Sketches*».

⁷ *Mérimée. La littérature et le servage en Russie*, стр. 184.

⁸ M. P. L a r o u s s e. *Fleurs historiques des dames et des gens du monde. Clefs des allusions aux faits et aux mots célèbres*, Paris (s. a.), стр. 451—452, с примерами употребления имени Нимрода (у Луи Рейбо, М-ме де Жирарден).

⁹ *Сочинения*, т. V, стр. 413. — Тургенев пишет «Немврод», вступая тем самым в противоречие с традиционными написаниями этого имени как в русских (Нимрод), так и в западноевропейских текстах (англ. и нем. *Nimrod*, франц. *Nemrod*). По-видимому, Тургенев знал о различиях в написании этого

Комментируя упомянутую выше статью П. Мериме 1854 г. «Литература и рабство в России», А. Монго заметил, что, отрицая сходство Тургенева с Нимродом, Мериме будто бы просто хотел сказать, что Тургенев вовсе не охотник-практик, но прежде всего писатель; между тем дело обстояло как раз наоборот, потому что Тургенев, по словам Монго, «всю свою жизнь был великим охотником»; в подтверждение А. Монго приводит тут же большой отрывок из письма Тургенева (от 17 (29) октября 1852 г.), в котором Иван Сергеевич не без хвастовства исчисляет свои осенние охотничьи трофеи.¹⁰ Конечно, П. Мериме, еще не встречавшийся в то время с Тургеневым, ничего не мог знать об охотничьих увлечениях русского писателя. Тем не менее мы полагаем, что в приведенном выше сопоставлении Мериме, упоминая Нимрода, имел в виду не библейского царя-охотника, и даже не «охотника» вообще, но охотника-литератора. Можно предположить, что речь в данном случае шла о «Нимроде» — английском писателе, популярном в то время, который считался одним из родовачальников весьма распространенного в Англии в первой половине XIX в. жанра «охотничьих» и одновременно нравоописательных очерков из английской «загородной», сельской жизни (country life). Напомним, что Мериме в указанной статье о Тургеневе, говоря о возможных читателях-охотниках «Записок», называл их, вероятно, по той же причине не французским термином «chasseurs», но именно английским: «M. M. les sportsmen».

Nimrod — это псевдоним Чарлза Эпперли (Charles-James Apperley, 1779—1843), шропширского помещика, страстного охотника и деятельного сотрудника известных английских журналов «The Sporting Magazine» и «The Sporting Review». Столь же любивший действовать пером, как и ружьем, Эпперли-Нимрод в 30-е годы выпустил в свет несколько циклов своих охотничьих очерков в виде отдельных книг,¹¹ и они получили широкое распространение; благодаря этим книгам имя их автора — Нимрода — стало широко известно как в Англии, так и за ее пределами. В них описывались все виды охоты, давались технические наставления и полезные советы, перемежаемые рассказами о встречах автора на сельских дорогах с различными людьми, а также анекдотами, слышанными в провинциальных тавернах и на привалах в лесу и в поле.

В 1840 г. появилась книга Мартингейла, написанная в том же жанре: «Охотничьи сцены и сельские характеры» (Martin Gale. Sporting Scenes and Country Characters. London, 1840). Под псевдонимом «Мартингейл» скрылся Джеймс Уайт (J. White), также стремившийся сочетать в своих эскизах охотничьи наставления с описанием нравов английского захолустья; впрочем, в отличие от Нимрода-Эпперли Мартингейл-Уайт обнаружил боль-

шше в древних текстах Библии (например, Неврод в «септуагинте», ср.: Новый энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз—Ефрон, т. 28, 1916, стр. 622—623).

¹⁰ P. Mérimée. Oeuvres complètes, vol. 10 (Etudes de Littérature Russe, t. 2). Texte établi et annoté par H. Mongault. Paris, 1932, стр. 533; Письма, т. II, стр. 73.

¹¹ Nimrod's Hunting Tours, 1831; The Chase, The Turf and the Road, By Nimrod, with illustrations, 1837; Nimrod's Northern Tour, 1838; Nimrod Abroad, 1842; The Horse and the Hound, 1842; The Life of a Sportsman, 1842.

пую склонность к правоописанию, чем к профессиональной стороне охотничьего быта; в 1843 г. он издал книгу «Сельская жизнь в Англии» (English Country Life), состоящую из правоописаний и пейзажей, в которой охотничья тема уже несколько затупевана. За очерками Уайта следовали, однако, более специальные охотничьи повествования Джона Колкхуна (John Colquhoun, 1805—1885); в книге его «Болото и озеро» (The Moor and The Loch, 1841) тема рассказов — охота как с ружьем, так и с удочкой. Впрочем, в пределах слагавшегося модного жанра тенденции, господствовавшие в повествованиях этого рода, могли быть и несходными: так, еще с конца 20-х годов пользовались популярностью юмористические очерки Пирса Эгана (Pierce Egan, 1772—1842), в которых охотничьи сцены приобретали яркий комический колорит. Вслед за ним ту же комическую и сатирическую линию продолжил в своих очерках страстный охотник-любитель Роберт Сартиз (Robert Smith Surtees, 1803—1864), мастер карикатуры и фарса, в особенности любивший изображать горе-охотников, неудачников, которых владевшая ими страсть приводила к забавным приключениям. В произведениях Эгана и Сартиза уже имелись рудименты будущих «Замогильных записок Пикквикского клуба» Ч. Диккенса.¹²

В конце концов, в 30—40-е годы английская литература была буквально наводнена книгами охотничьих рассказов, всевозможными охотничьими «очерками», «воспоминаниями», «происшествиями» и т. д. («Sporting Sketches», «Sporting Recollections», «Sporting Incidents», «Hunting Reminiscences» etc.).¹³ Это позволило говорить о целом литературном направлении в Англии того времени; английские же охотничьи очерки действительно стали классическими.

Английский журнал, издававшийся в Петербурге еще в 1842 г., напечатал специальную обзорную статью об этих очерках, заимствовав ее из «Эдинбургского обозрения»; здесь идет речь о многочисленных изданиях Нимрода-Эпперли, Мартингейла, Колкхуна и др., которые, по мнению автора, могут служить лучшими образцами сочинений характеризуемого им жанра. Автор статьи считает, в частности, что слава «Нимрода» (подлинное имя которого ему еще не было известно) распространилась повсеместно, что его труды заключают в себе целую сокровищницу наставлений охотникам и анекдотов о сельских развлечениях вообще.¹⁴

Представляется правдоподобным, что нескончаемый поток этих «Sporting Sketches» 30—40-х годов, оценку которых поместил на своих страницах петербургский английский журнал, не мог остаться незамеченным И. И. Панаевым, журналистом, зорко следившим за современными ему явлениями

¹² W. D i b e l i u s. Charles Dickens. Leipz. und Berlin, 1926, стр. 85—86, 465. — Сам Диккенс в предисловии к дешевому изданию книги о пикквикистах рассказал, что, когда издатель заказал ему текст к рисункам Сеймура, он предполагал, что речь должна будет идти о некоем «Нимродовом клубе», члены которого собираются на охоту, рыбную ловлю и т. п., но непрерывно попадают в комические положения благодаря своей глупости и несообразительности.

¹³ The Cambridge Bibliography of English Literature, ed. by F. W. Bateson, vol. III, N. Y. Cambr., 1941, стр. 757—758 (ch. VII. The Literature of Sport).

¹⁴ British Field Sports. «The St. Petersburg English Review of Literature, the Arts and Sciences», 1842, vol. I, № 6, стр. 525—544

литературной жизни, и что именно он и подсказал заглавие для цикла тургеневских рассказов «Записки охотника» в самом начале их написания и журнальной публикации.

Популярность в России жанра английских охотничьих книг и журналов незадолго до появления в печати первых рассказов «Записок охотника» Тургенева подчеркнула статья А. С. Хомякова в «Москвитяине» 1845 г. По словам Хомякова, «кое-где у нас были печатаны описания английской полевой охоты и теоретические статьи о ней, но так как теория остается всегда неясною без практических примеров, то прилагаем перевод из английского охотничьего журнала и прибавляем примечания для соображения наших местных охотников».¹⁵

Необходимо отметить, что заглавие «Записки охотника» первоначально сбивало с толку читателей и критиков, предполагавших, что имеется в виду нечто подобное французским и в особенности английским «охотничьим очеркам», непритязательным и порою бездумным, слабо связанным между собою лишь личностью автора, — охотника, от имени которого ведется повествование. А. В. Дружинин еще до выхода в свет отдельного издания «Записок охотника» рассуждал об этом литературном жанре, который, по его словам, «давно уже причислен к счастливейшим родам беллетристических произведений». «В русской литературе, — писал Дружинин, — он получил право гражданства со времени „Записок охотника“; во Франции им занимаются писатели весьма замечательные, как-то: Сувестр, Пани, Ферри и еще других с десятком; в Англии он появился чуть ли не прежде, чем в России и Франции, и со всяким годом развивается более и более» и т. д.¹⁶ Тому же А. В. Дружинину принадлежит любопытное и еще не обратившее на себя внимания наблюдение, дающее довольно отчетливое представление о том, как он воспринимал становление этого жанра в русской литературе конца 40-х годов под воздействием Тургенева. В своих «Письмах иногороднего подписчика» (в части, помеченной октябрём 1849 г.) Дружинин называет повесть П. Сумарокова, всего лишь за месяц перед тем напечатанную в «Москвитяине», — «Ночь на Иванов день» — и замечает, что эта повесть показала ему «маленьким подражанием» «Запискам охотника».¹⁷ В самом деле, в этом небольшом и — отметим попутно — заурядном произведении П. Сумарокова многое сильно напоминает рассказы Тургенева, появившиеся к тому времени в «Современнике». Рассказ ведется от первого лица и представляет собой историю поездки автора в сельскую местность для охоты на перепелов, куда он отправился вместе с крепостным садовником соседних помещиков, также искусным охотником, который и рассказывает ночью, в поле, в ожидании рассвета, историю своего неудачного сватовства к деревенской девушке Груше. Разумеется, с первых же строк

¹⁵ А. С. Хомяков. Спорт, охота. В кн.: А. С. Хомяков. Полное собрание сочинений, т. III, М., 1900, стр. 120.

¹⁶ А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике (март 1851). В кн.: А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т. VI, СПб., 1865, стр. 539.

¹⁷ А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика (октябрь, 1849); там же, т. VI, стр. 180. — Повесть П. Сумарокова, о которой идет речь, напечатана в «Москвитяине», 1849, ч. V, № 17, кн. I, сентябрь, отд. I, стр. 1—30.

рассказа автор представляет себя читателю охотником того типа, какой изображен был И. И. Панаевым в его «Литературном маскараде» (1851 г.), охотником — любителем природы и развлечений на чистом воздухе: «С тех пор, как я стал себя помнить, я был охотник до всех охот. Я любил ловить птиц, ходить с ружьем, удить рыбу, ездить с собаками. И, однако же, я любил охоту не столько для охоты собственно, сколько потому, что она помогала мне проводить целые дни в лесу, в поле, на берегу какой-нибудь речки, где в знойный летний полдень так отрадно сидеть под тенью ракиты и прислушиваться к однообразному шуму струи, переливающейся по камешкам. Словом, я любил охоту как проводника, сближающего меня с природою. Бывало, в начале весны отправившись весенней зарей на тяжку вальдшнепов сторожить добычу где-нибудь в кустах, между крутых лесов, и не налюбуешься чудным весенним вечером!» Собственно охоте в повести действительно уделено немного места; зато мы встретим здесь несколько пейзажей, портреты крепостных-рассказчиков, Алексея Петрова, старого кучера деда Савелия, записи различных суеверий и примет, отрывки фольклорных сказаний о цветущих паноротниках и цитаты из народных песен.

Высказанные выше соображения позволяют представить, при каких обстоятельствах у И. И. Панаева возникла мысль дать предварительное заглавие («Из записок охотника») будущему циклу рассказов Тургенева в начале их публикации в «Современнике». Панаев, по-видимому, имел в виду созданный в Англии, но обошедший в 30-е годы и другие европейские литературы жанр «охотничьего очерка»; популярность его и в России в 40-е годы засвидетельствована специальной обзорной статьей об английских охотничьих очерках, появившейся в «С.-Петербургском английском обозрении» 1842 г. Вероятно, именно на очерки этого рода, бесхитростные и непритязательные, Панаев и хотел ориентировать будущих читателей русских «Записок охотника»: так, очевидно, и следует понимать разъяснение Тургенева о заглавии цикла, которое будто бы придумано было Панаевым «с целью расположить читателя к снисхождению». С другой стороны, именно популярность этого жанра и постоянные упоминания его в печати способствовали закреплению данного Панаевым заглавия за всем циклом рассказов.¹⁸ Впоследствии это было забыто: «Записки охотника» в жанровом отношении русской критикой охотнее сопоставлялись уж не с очерками об охоте, а с «деревенскими повестями», французскими, швейцарскими или немецкими. Конечно, «Записки охотника» создали свой, особый жанр в русской литературе, и значение их переросло те сравнительно узкие жанровые границы, которые первоначально пытался для них установить И. И. Панаев. Тем не менее очеркисты-охотники долго ощущали известную связь «Записок» с указанным жанром. Так, в 1876 г. В. М. Лазаревский писал Тургеневу: «Вы хорошо поохотились на веку своем и по лесным выводам, и ради выводов деревенских. „Записками охотника“

¹⁸ Отметим, кстати, близость приведенного выше свидетельства Тургенева о публикации Панаевым первого рассказа «Записок охотника» с его словами в письме к П. В. Анненкову (4 декабря 1880 г.): «В начале моей карьеры успех „Хоря и Калиныча“ породил „Записки охотника“» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 15).

Вы вписали свое имя в крестьянское дело, но и собственно охотничье имя ваше мило каждому грамотному русскому». ¹⁹ В славе «охотничьего» имени Тургенева, как мы видели, отчасти «повинен» был И. И. Панаев.

М. П. Алексеев

«ДНЕВНИК ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА»

ЗАМЕТКА К КОММЕНТАРИЮ

Работа Тургенева над «Дневником лишнего человека» продолжалась около двух лет (1848—1850); напечатана повесть была в «Отечественных записках» (1850, № 4).

В одном из отрывков своего дневника Чулкатурин, от имени которого ведется рассказ, вспоминает о совершенной им в небольшом обществе загородной прогулке; это дает повод Тургеневу устами своего героя изобразить летний вечерний пейзаж, облитый яркими лучами заходящего солнца. Картина заката, данная Тургеневым в этом месте повести, отличается большой художественной силой; она полна тончайших артистических наблюдений, в которых сплавлены в одно целое зрительные сравнения и слуховые образы, заслуживающие самого пристального изучения. «Мы с Лизой первые вышли на край рощи < . . . > прямо против нас, среди раскаленного тумана, садилось багровое, огромное солнце. Полнеба разгоралось и рдело; красные лучи били вскользь по лугам, бросая алый отблеск даже на тенистую сторону оврагов, ложилась огненным свинцом на речке < . . . > Мы стояли, облитые горячим сиянием». «Я не в состоянии передать всю страстную торжественность этой картины», — оговаривается Тургенев далее и продолжает: «Говорят, одному слепому красный цвет представлялся трубным звуком; не знаю, насколько это сравнение справедливо, но действительно было что-то призывное в этом пылающем золоте вечернего воздуха, в багряном блеске неба и земли».¹

¹⁹ *Письма*, т. XI, стр. 642.

¹ *Сочинения*, т. V, стр. 195. — Ниже Тургенев говорит о «пожаре зари», отражавшемся «маленькими огненными пятнышками» в глазах героини — Лизы. Ср. в «Бежин луге»: «С самого раннего утра небо ясно, утренняя заря не пылает пожаром» (*Сочинения*, т. IV, стр. 92). До Тургенева ту же метафору употребил В. А. Жуковский в замечательном стихотворении «Невыразимое» (1819) при описании захода солнца:

. . . сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката. . .

После Тургенева мы встречаем ее у А. Блока («В ресторане», 1910):

. . . пожаром зари
сожжено и раздвинуто бледное небо. . .

В академическом издании сочинений Тургенева в комментарии к приведенной цитате объяснено, что уподобление красного цвета трубному звуку действительно сделано было слепым английским математиком Н. Саундерсоном еще в XVII в.; здесь же приводится цитата из книги г-жи де Сталь «О Германии» (1813), в которой находится это сравнение, а его автором названо то же лицо: «Слепой от рождения Саундерсон говорил, что он представляет себе ярко-красный цвет как звук трубы».²

Этот комментарий необходимо пополнить. Конечно, вполне вероятно, что Тургеневу было известно знаменитое сочинение г-жи де Сталь, но он безусловно должен был знать также первоисточник приведенной выше цитаты г-жи де Сталь о сравнении слепца. Первоисточником этим был еще более знаменитый трактат Джона Локка «Опыт о человеческом разуме» (John Locke. Essay concerning Human Understanding, 1690, последующие издания 1694, 1700, 1706 и т. д.); сравнение Саундерсона, которого Локк знал лично, было опубликовано в этой книге впервые и подвергнуто здесь же психологическому анализу.

Рассуждая в «Опыте» о том, что простые идеи (т. е. ощущения) не поддаются определению (кн. III, гл. 4, № 11), Локк приводил наблюдение Саундерсона в качестве одного из примеров: «Один прилежный слепой, который сильно ломал себе голову над видимыми предметами и пользовался объяснениями своих книг и друзей, стараясь повясть часто встречавшиеся ему имена света и цветов, в один день похвалялся, что он теперь понимает, что такое багряный цвет. Другой спросил: что же такое багряный цвет? Слепой отвечал: „Он похож на звук трубы“». Точно такого же понимания имен и всякой другой простой идеи достигает тот, кто надеется получить его только посредством определения или других, объясняющих это имя слов».³

Именно книга Локка и пустила в обращение уподобление багряного цвета трубному звуку. Благодаря большой и продолжительной популярности «Опыта о человеческом разуме» среди ученых и писателей XVII—XVIII вв.⁴ это уподобление получило широкую известность и встречалось в самых разнообразных сочинениях как английских, так и континентально-европейских, откуда его мог заимствовать и Тургенев.

Тургенев хорошо знал роман Генри Филдинга «История Тома Джонса, найденыша» (1749), столетие появления которого в печати нашло отклик в западноевропейской и русской прессе как раз в то время, когда Тургенев работал над «Дневником лишнего человека». Более того, известно, что по особому поручению редакции «Современника» Тургенев перечитывал «Тома Джонса» (вероятно, по-французски) в конце 40-х годов и что именно по его совету этот прославленный английский роман эпохи Просвещения был напечатан в «Современнике» в переводе А. И. Кронеберга.⁵

² Сочинения, т. V, стр. 587.

³ Дж. Локк. Опыт о человеческом разуме. Перевод А. Н. Савина. М., 1898, стр. 420.

⁴ К. М а с Л е а n. John Locke and English Literature of the Eighteenth Century. New Haven, 1936.

⁵ В. Г. Белинский в письме к жене, посланном 5 июля (25 июня) 1847 г. из Зальцбрунна (где он жил в то время вместе с Тургеневым), давая целый

Публикация «Тома Джонса» в «Современнике» растянулась на всю вторую половину 1848 г. (№№ 5—12, май—декабрь). О «слепом м-ра Локка», пытавшемся представить себе багрянец по тому ощущению, какое вызывал в нем звук трубы, т. е. о Саундерсоне, Филдинг говорит вскользь в первой главе IV книги «Тома Джонса», правда, в выражениях неточных и недостаточно ясных: по-видимому, Филдинг считал, что сопоставление Саундерсона и без пояснений или напоминаний известно и понятно его читателям. Переводчик А. И. Кронеберг, однако, и вовсе не понял данный текст, и в его передаче до смысла анализируемой Локком ассоциации цвета со звуком, которую Филдинг имеет в виду, добраться довольно трудно. В начале этой главы Филдинг пишет, что, желая приготовить читателя к встрече с героиней своей «прозаической поэмы», он хотел бы настроить на торжественный лад дух этого читателя «изображением всего прекраснейшего в природе». Далее Филдинг говорит (приводим перевод А. И. Кронеберга): «Так поступали и другие. Этой методы придерживаются наши трагические поэты; они редко выводят на сцену главное лицо пьесы, не приготовивши к тому зрителя; появлению героя всегда предшествуют у них звуки труб и литавр, гремящих с целью пробудить воинственный дух в зрителях и приготовить уши их к великолепной чепухе, которую слепец Локка мог бы довольно удачно сравнить с треском трубы». ⁶ Таким образом, вольно перевода слова Филдинга, амплифицируя их и без всякой нужды усиливая его иронию по отношению к «трагическим поэтам», А. И. Кронеберг дошел до полной бессмыслицы; «багрянец» из сравнения слепца исчез вовсе, без чего роль этого слепца в контексте оставалась непонятной читателям, если они не знали о нем или о сделанном им уподоблении заранее; что же касается торжественного трубного гласа, то он превратился под пером Кронеберга в ничем не оправданный «треск» (!) трубы. Характерно, что Филдинг не называет по имени автора интересующего нас сравнения: он говорит только о «слепце м-ра Локка» (Mr. Lock's blind man). ⁷ Этот «слепец» — с именем или без имени — вместе с объясненным им «соответствием» слуховых и зрительных ощущений упоминался неоднократно в других произведениях английской литературы то в положительном, то в отрицательном смысле. Так, еще до «Тома Джонса» Филдинга он дал повод для острого сатирического выпада Дж. Свифта против современных ему художников и эстетиков. Устами своего

ряд поручений, которые М. В. Беллинская должна была передать редакции «Современника», просил ее и о следующем: «Скажи Некрасову же, что, по словам Тургенева», роман Филдинга „Том Джонс“ можно смело переводить и печатать». Ср.: М. Р. A l e k s e e v. Fielding in the Russian Language, «VOKS Bulletin» (Moscow), 1954, № 5 (88), стр. 90—91.

⁶ «Современник», 1848, № 6, отд. I, стр. 186—187.

⁷ Никлас Саундерсон был довольно известным математиком своего времени (в 1711 г. ему была присуждена ученая степень магистра, и в том же году он был назначен профессором Кембриджского университета); популярности его содействовал Д. Дидро, писавший о Саундерсоне в своем «Письме о слепых в назидание зрячим» (1749). Саундерсон, пишет здесь Дидро, «читал лекции по оптике; он произносил речи о природе света и красок, он объяснял теорию зрения, рассуждал о действиях стекла, о явлениях радуги и о многих других вопросах, касающихся зрения и его органов».

Гулливера он описал лапутянскую «Академию прожекторов» в Лагадо, где в одной из комнат путешественник увидел «слепорожденного, под руководством которого занималось несколько таких же слепых учеников. Их занятия состояли в смешивании красок для живописцев, каковые профессор учил распознавать при помощи обоняния и осязания». «Правда, на мое несчастье, — оговаривался рассказчик, — во время моего посещения они не особенно удачно справлялись со своей задачей, да и сам профессор совершал ошибки» («Путешествие в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера», 1726, ч. III, гл. 5).⁸ Впрочем, вполне серьезные попытки установления аналогий между цветом и звуком нередко встречались в эстетических трактатах XVII—XVIII вв.; мы находим их, например, в известном Тургеневу «Анализе красоты» (1753) В. Хогарта.⁹

Остается неясным, из какого источника интересующая нас ассоциация была известна А. С. Хомякову, писавшему в статье, предназначавшейся для второй книги «Московского сборника» 1852 г., но запрещенной цензурой: «Слепорожденный человек приобретает познания, он в полном круге наук встречается с оптикою, изучает ее законы, остроумно характеризует некоторые ее явления (сравнивая, например, яркий багрянец с звуком трубы)». ¹⁰ Очень вероятно, что и здесь речь идет о математике Саундерсоне, но источник цитаты Хомякова в данном случае (как, впрочем, и у Тургенева в «Дневнике лишнего человека») не обязательно должен быть бы английским: в немецкой литературе, например, к этому времени накоплено было немало наблюдений над так называемыми «звуко-красками» (Klangfarben), или «тонфотизмами»; ими интересовались и Гете, и романтики, отразившие подобные соответствия в своем творчестве.

Учение Гете о цвете (Farbenlehre) тесно связано не только с его мировоззрением, но и с его художественной практикой. В одном из фрагментов, относящихся к этому учению, красочная палитра живописца объяснена Гете целой шкалой умственного и физического восприятия различных цветовых оттенков. Сине-лиловые тона Гете представляются холодными, мрачными; по мере приближения к оранжевому и красному холодные тона смягчаются, теплеют и переходят в горячие оттенки. Синий — очень холодный, темный, успокаивающий и умиротворяющий цвет; это — краски теней, далее и

⁸ Ср.: *Memoirs of the Extraordinary Life, Works, and Discoveries of Martinus Scriblerus*, New Haven, стр. 167, 331—332. — Комментаторы Свифта высказывали, впрочем, догадку, что он высмеивал здесь «Опыты и наблюдения о красках» (1664) Роберта Бойля.

⁹ В. Х о г а р т. Анализ красоты. Л.—М., 1958 (в серии «Классические памятники теории изобразительного искусства»), стр. 202—203, 268—269. Об интересе Тургенева к Хогарту см.: там же, стр. 113. См. также: A. W e l l e k. 1) *Farbenharmonie und Farbenklavier. Ihre Entstehungsgeschichte im 18 Jahrhundert*. «Archiv f. die gesammte Psychologie», Bd. 94, 1935, SS. 347—375; 2) *Das Doppelpfinden in 18 Jahrhundert*, — «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte», Bd. XIV, 1936, стр. 75—102.

¹⁰ А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России». В кн.: А. С. Хомяков, Полное собрание сочинений, изд. 3-е, М., 1900, т. I, стр. 279.

глубин. Наоборот, сине-красный — пурпур — действует возбуждающе, опьяняюще, является символом славы и могущества.¹¹ Цветовые восприятия немецких романтиков нередко вызывали у них звуковые ассоциации. Людвиг Тик, например, в «Цербино» пытался наделить звук каждого инструмента оркестра якобы присущей ему цветовой, визуальной краской. В его представлении звук флейты отличается небесной голубизной («Unser Geist ist himmelblau»), звукам труб соответствуют «пламенеющие», самоутверждающе тона:

Die Erde wird freier, der Himmel höher
Laß mutig den Blick sich erheben!
Wie liegt die Not, die Sorge
Weit hinter den flammenden Tönen.¹²

Сходными были соответствия звука и цвета в восприятиях Клеменса Брентано¹³ и других немецких романтиков, опередивших последующие искания и открытия в той же области французских поэтов — импрессионистов и символистов. Научное, экспериментальное изучение явлений «цветного слуха» (audition colorée, Farbenhören, colour-hearing) началось значительно позже — в середине 70-х годов XIX в.¹⁴

И Тургенев, и Хомяков, как мы видели, процитировали наблюдение «слепца м-ра Локка» в начале 50-х годов, еще в ту пору, когда ассоциации этого рода были субъективными единичными впечатлениями и не имели ни широкого распространения, ни обязательности. В связи с этим стоит отметить, что в творчестве Тургенева зрительные сравнения для раскрытия слухового образа довольно редки и относятся к более позднему времени. Пример соответствия звука цвету, отмеченный в «Дневнике лишнего человека», — едва ли не единственный в художественном наследии Тургенева. Любопытно, что известную аналогию дает ему лишь близкое по времени общезвестное место в «Певцах» («Современник», 1850, № 11), где дана зрительная картина солнечного заката: голос Якова напомнил рассказчику большую белую чайку на плоском песчаном берегу моря: «она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянью зарю и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу».¹⁵

¹¹ Цитировано в статье: Р. З. Миллер - Будницкая. Символика цвета и синестетизм в поэзии на основе лирики А. Блока. «Известия Крымского педагогического института», т. III, Симферополь, 1930, стр. 81—82.

¹² W. Steinert. L. Tieck und das Farbenempfinden der romanischen Dichtung. Dortmund, 1910, стр. 109.

¹³ Там же, стр. 115, 175, 199, 200.

¹⁴ Несколько десятков случаев ассоциаций цвета и звука сообщены были в известной книге В. Фехнера: (W. Fechner «Vorschule der Aesthetik» (1876). Ср.: П. П. Соколов. Факты и теория «цветного слуха», «Вопросы филологии и психологии», 1897, кн. 2 (37), стр. 257—258.

¹⁵ Сочинения, т. IV, стр. 241.

Звуки голоса иногда вызывали у Тургенева зрительные ощущения, но обычно они были лишены цвета, красок.¹⁶ Все это лишний раз свидетельствует, что уподобление багрянца трубному звуку было книжным заимствованьем Тургенева. Недаром, приведя его, он тут же оговорился: «Не знаю, насколько это сравнение справедливо».

М. П. Алексеев

СПИСОК ПЬЕСЫ «ВЕЧЕР В СОРРЕНТЕ»

Автограф этой пьесы Тургенева, как известно, не сохранился. Хотя авторская рукопись легла в основу текста пьесы, который напечатан в 3-м издании «Полного собрания сочинений» Тургенева, выпущенного Глазуновым (1891),¹ остается неясным, насколько точно воспроизведена она в этом издании. Существует также «театральный список» пьесы — писарская копия, представленная в 1884 г. в «Театрально-литературный комитет» для одобрения к представлению, но этот список имеет значительное количество пропусков и явных искажений.² Какая-то копия этой пьесы (может быть, авторграфическая) была по просьбе Тургенева доставлена М. Г. Савиной,³ но местонахождение этой рукописи неизвестно.

Таким образом, источники текста пьесы немногочисленны и недостаточны. В связи с этим всякое новое известие о дошедших до нас текстах пьесы приобретает определенный интерес. Один из не учтенных доныне списков пьесы хранится в Отделе редких книг и рукописей библиотеки Московского университета.

Список представляет собой тщательно переписанную коричневыми чернилами тетрадь на бумаге 2-й половины XIX в. (водяные знаки отсутствуют), без переплета, размером 18×23 см, из 20 нумерованных переписчиком листов. На первом листе надпись — «Вечер в Сорренте. Сцена». На обороте последнего листа внизу в левом углу надпись карандашом: «5 л. Лавин».

Мы сверили этот список с первой публикацией пьесы в издании И. И. Глазунова.⁴ Список очень близок к первой публикации и содержит всего около 20 разночтений.

Приводим список разночтений (в скобках указываются страницы издания Глазунова и соответствующие листы рукописи). В заглавии списка

¹⁶ Ср. в «Живых мощах»: «Так трогательно звенел этот бедный, усиленный, как струйка дыма колебавшийся голосок» (*Сочинения*, т. IV, стр. 360) или в «Призраках»: «как наглый язык, высунулся он наружу, этот голос» (*Сочинения*, т. IX, стр. 100).

¹ *Сочинения*, т. III, стр. 450.

² Там же.

³ Там же, стр. 451.

⁴ И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений, т. IX. Изд. 3-е, Типография Глазунова. Спб., 1891, стр. 673—698. Далее все цитаты даются по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

стоит: «Вечер в Сорренте. Сцена». Далее идет перечень действующих лиц и ремарка автора. Перед первыми словами Авакова — «Сцена I». Сняты скобки на л. 1 об., 2 в ремарках автора.

РАЗНОЧТЕНИЯ ТЕКСТА

ТРЕТЬЕ ИЗД. 1891 ГОДА, Т. IX

СПИСОК

оглядывается опять и, помолчав, с досадой махает рукой. (674)

друг на друга похожи — в Париже, в Германии, здесь . . . везде. . . Точно одно племя. (675)

Ты напрасно стоишь у окна (679)

Да ей Богу же не может быть (681)

поглядели бы вы на него (682)

Помилуйте, Надежда Павловна, да ведь это ясно (683)

ведь я ваш старинный друг (683)

прогулка прогулке розь (685)

Но, например, вот на днях (685)

ведь у них так в глазах и написано (685)

Еще иной не умеет < . . . > не попадает за жилет-то (686)

глядит на неё с изумлением (688)

А вы что ж не пошли с ними (688)

слышите вы его мерные, протяжные всплески (692)

оглядывается и, помолчав, с досадой махает рукой. (2)

друг на друга похожи. . . Точно одно племя (3)

Ты напрасно стоишь у двери (6 об.)

Да ей Богу не может быть (8)

поглядели бы на него (9)

подумайте, Надежда Павловна, да ведь это ясно (9)

ведь я вам старинный друг (9 об.)

прогулка прогулке рознь (10—10 об.)

Но, напротив, вот на днях (11)

ведь у них так и в глазах и написано (11)

Еще иной не умеет < . . . > не попадёт за жилет-то (11)

глядит на неё с удивлением (13)

А вы отчего же не пошли с ними (14)

слышите вы его шумные, протяжные всплески (15 об.)

Но я хочу теперь благодарить художника (693)

пеужели я могу (694)

я не могу более скрыть (695)

Но я хочу теперь поблагодарить художника (17)

неужели я не могу (18)

я не могу больше скрыть (18 об.)

Кроме указанных разночтений, в рукописи имеется несколько исправлений текста, сделанных карандашом и фиолетовыми чернилами, а также пропуск текста (слова Марьи Петровны: «что вы хотите сказать?»), сделанный, очевидно, по вине переписчика (ср.: т. IX, стр. 691 и лл. 15—15 об.).

Исправлены карандашом явные описки: на л. 5 рукописи (т. IX, стр. 677) «вернулись» (зачеркнуто и надписано «проснулись»), на л. 6 (т. IX, стр. 679) «наконец он восклицает» (зачеркнуто и надписано «она»); исправлено карандашом на л. 6 (т. IX, стр. 679) «стоншь у окна» (зачеркнуто и надписано «у двери»); исправлено фиолетовыми чернилами на л. 6 (т. IX, стр. 678) «Что вам угодно. . . Вот что вам угодно» (зачеркнуто и надписано «мне»).

Обращает на себя внимание правописание некоторых слов в рукописи. Так, пишется «шнурок» и «рознь» вместо характерных тургеневских «снурок» и «розь», но сохраняется правописание «Соррента», «Николаич», «Платоных».

В пунктуации списка пьесы нет характерных особенностей, присущих письму Тургенева (тире заменено запятой и точкой с запятой).

Как указывалось выше, существует только один, так называемый «театральный список» пьесы Тургенева, который хранится в Ленинградской библиотеке государственных театров им. А. В. Луначарского. Он имеет около 145 отличий от печатного текста.⁵

Список пьесы, хранящийся в библиотеке Московского университета, имеет намного меньше разночтений с первой публикацией пьесы в издании Глазунова и поэтому более близок к автографу. Вопрос о владельцах данной рукописи и ее истории требует еще дальнейшего исследования.

*И. Т. Трофимов
Т. Г. Анохина*

ТЕМА КРЫМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1855 ГОДА У ТУРГЕНЕВА

В «Предисловии к романам» И. С. Тургенев ошибочно утверждал, что В. Каратеев умер в крымском походе 1855—1856 гг. Ошибка оказалась не единственной. В. Каратеев, по данным Тургенева, служил в орловском ополчении. В действительности же он был офицером тульского ополчения.

На первый взгляд незначительное, это уточнение существенно, поскольку мы располагаем материалами о тульском ополчении, которые сохранились

⁵ *Сочинения*, т. III, стр. 450.

в архиве историка В. И. Чернопятова.¹ В документах, собранных Чернопятовым, есть некоторые сведения о Каратееве и тех обстоятельствах его участия в походе, которые Тургенев связывал с творческой предысторией романа «Накапуне».

Коллежский регистратор Василий Каратеев состоял в ополчении в чине прапорщика. С 88-й Чернской дружиной он отправился из Черни в Крым 23 июля 1855 г.² Этот факт устанавливает примерную дату прощального свидания с Каратеевым, о котором Тургенев сообщал в письме А. В. Дружинину от 20 августа 1855 г. и вспоминал впоследствии в «Предисловии к романам».³

Проводы Каратеева состоялись в дни, когда Тургенев писал заключительные страницы романа «Рудин» (роман окончен 24 июля). Таким образом, подтверждаются воспоминания писателя о том, что в то время в его голове «вращались другие образы».⁴

Чернская дружина находилась в пути около двух месяцев. 29 июля она была на смотре в Ливнах, 19 августа проследовала через Харьков, 16 сентября прибыла в пункт назначения — в Николаевку Таврической губернии.

По прибытии в Крым часть тульского ополчения, в том числе и 88-я дружина, была передана в отряд генерал-майора Вагнера и находилась у Чонгарского моста «для возведения укреплений и занятий».

В исторической справке о 88-й дружине говорится, что она «стояла в лагере при местечке Генчиск», где занималась «устройством траншей и сохранением их с прочими войсками под огнем неприятеля англо-французов, ежедневно бомбардировавших Генчиск».⁵

5 апреля 1856 г. дружина выступила на временные квартиры в Царицын-Кут и потом в обратный поход в Тульскую губернию, куда и прибыла 9 августа 1856 г.

Сопоставив эти сведения с «Предисловием к романам», нетрудно убедиться, что Тургенев располагал довольно точной информацией о походе тульских ополченцев в Крым. По-видимому, и потери, о которых писал Тургенев, были действительно тяжелыми. В документах В. И. Чернопятова об этом говорится туманно. Сказано, что «к прибытию в Таврическую губернию умерло 93 человека, оставлено в госпиталях 258 человек».⁶

К моменту выступления в поход тульское ополчение, согласно строевому рапорту, насчитывало около 12 тысяч ратников и офицеров. Сколько из них погибло за время зимовки от болезней и «под огнем неприятеля», сколько осталось на дорогах во время обратного похода — на этот вопрос материалы Чернопятова ответа не дают.

¹ ГБЛ, ф. 329 В. И. Чернопятова. Тульское государственное подвижное ополчение. Материалы к XIV тому издания «Дворянское сословие Тульской губернии».

² Там же, л. 66, 271. Здесь и дальше даты по старому стилю.

³ Письма, том II, стр. 308; Сочинения, т. XII, стр. 305—306. — Поскольку в письмах Тургенева от 10 июля к лицам, знавшим В. Каратеева, об этой встрече не упоминается, можно предположить, что она состоялась между 10 и 22 июля 1855 г.

⁴ Сочинения, т. XII, стр. 306.

⁵ ГБЛ, ф. 329 В. И. Чернопятова, лл. 271, 274—275.

⁶ Там же, л. 274.

В письмах 1855—1856 гг. Тургенев неоднократно возвращался к теме крымского ополчения, неизменно подчеркивая драматизм положения офицеров и ратников. «Боюсь, как бы меня не выбрали в ратники — это было бы плохо», — признавался Тургенев в одном из писем.⁷ «Бедный Каратеев < . . . > мы грустили о нем»,⁸ — сообщает он в письме А. В. Дружинину.

Материалы В. И. Чернопятова подтверждают, что эти настроения писателя носили в определенной степени личный характер. В числе восемнадцати чернских дворян весной 1855 г. в ополчение был назначен его брат Н. С. Тургенев.⁹ По неизвестным для нас причинам Н. С. Тургенев в походе не участвовал. Не ясно также, почему писатель, которого так волновала судьба Каратеева и других ополченцев, нигде не упоминает о сложностях, возникших в связи с этим в его собственной семье. Нигде, кроме одного места в письме к дяде — Н. Н. Тургеневу. Вернувшись из деревни в Петербург, Тургенев пишет 27 октября 1855 г.: «Дело брата благополучно кончилось. Это уже теперь решено и подписано — и он может быть совершенно спокойным».¹⁰

В комментариях эти слова остались нерасшифрованными. Теперь мы имеем основание предположить, что в письме от 27 октября речь идет о завершении хлопот, связанных с отставкой Н. С. Тургенева из ополчения.

По случаю коронации Александра II манифестом от 26 августа 1856 г. в память о Крымской войне была учреждена медаль, на которую имели право «чиновники, служащие во время войны, благородные дворяне, почетные граждане и именитое купечество».¹¹ В конце 1856 г. по уездам составлялись списки для награждения медалями. Участники ополчения представлялись к медалям «для ношения их на Андреевской ленте».

Среди «господ дворян, состоящих в отставке, кои следуют медали для ношения на Владимирской ленте», по Черныскому уезду был представлен «коллежский секретарь Иван Сергеевич Тургенев».¹² Имя Тургенева значится и в списках Новосильского уезда.¹³

Несмотря на это, медали Тургенев, по-видимому, не получил. «Оказалось, — писал в связи с аналогичным случаем предводитель дворянства Тульской губернии А. Н. Арсеньев, — что один и тот же дворянин по состоянию за ним имени показан по нескольким уездам, медаль же он должен получить в том уезде, где имеет пребывание; или же показаны такие гг. дворяне, кои вовсе в принадлежащих им в Тульской губернии имениях не находятся, или состоят на службе; следовательно, первые получают там, где живут, а последние от тех ведомств, в коих состоят на службе».¹⁴

Ни одному из этих условий кандидатура И. С. Тургенева не отвечала.

Н. М. Чернов

⁷ Письма, т. II, стр. 267.

⁸ Там же, стр. 308.

⁹ ГБЛ, ф. 329 В. И. Чернопятова, л. 66.

¹⁰ Письма, т. II, стр. 324. Указ об отставке Н. С. Тургенева по болезни хранится в ГМТ, № 251.

¹¹ ГБЛ, ф. 329 В. И. Чернопятова, л. 279.

¹² Там же, л. 371.

¹³ Там же, л. 353.

¹⁴ Там же, л. 369.

«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

О РЕАЛЬНЫХ ИСТОКАХ ОБРАЗА МИХАЛЕВИЧА

В образе Михалеви́ча видят обычно художественный тип «отживающего свой век идеалиста», одного из «энтузиастов 30-х и 40-х годов», «нравственно готовивших себя к борьбе и самопожертвованию».¹ Эта характеристика справедлива, но недостаточно конкретна. Ее необходимо дополнить, уточнив реально-исторический смысл речей и психологического облика Михалеви́ча. Каких идеалистов 30-х годов имел в виду Тургенев? И почему писатель вспомнил о них в конце 50-х годов, когда создавалось «Дворянское гнездо»? Ответы на эти вопросы дадут возможность выявить прототипы образа Михалеви́ча, тем самым полнее обозначить живые связи романа Тургенева с современной ему литературно-общественной эпохой, точнее определить отношение писателя к идейным течениям его времени.

Известно, что в пору работы над «Дворянским гнездом» Тургенев с особым интересом относился к теориям славянофилов и идейно близкого к ним в 50-е годы Аполлона Григорьева — литературного критика «молодой редакции» «Москвитянина», «Русской беседы» и других журналов. Размышления писателя над нравственной философией и общественной программой славянофильских кругов и получили определенное отражение в образе Михалеви́ча.²

Высказывания Михалеви́ча наиболее полно раскрываются в разговоре его с Лавре́цким, к которому он приехал после долгой разлуки. Называя Лавре́цкого «начитанным байбаком», «байбаком с сознанием», Михалеви́ч объяснял его бездействие тем, что в нем «веры нет — и нет откровения»: «Ибо нет в тебе веры, нет теплоты сердечной; ум, все один только копеечный ум. . . ты просто жалкий, отсталый вольтерьянец — вот ты кто!».³

Аргументы Михалеви́ча во многом напоминают суждения русских романтиков славянофильского толка, идеология которых складывалась в 30-е годы. Недаром Тургенев заметил, что «Михалеви́ч придерживался еще фразеологии тридцатых годов». Романтик С. П. Шевырев, например, критикуя отвлеченный интеллектуализм философии Гегеля, восторженно приветствовал Шеллинга, который «с раскаянием повергся у престола Веры, признал бессилie человеческой мысли и подчинил философию — Откровению, откуда только может она воспринять и Свет, и Силу».⁴

Во второй половине 50-х годов те же мысли развивали А. Хомяков, И. В. Киреевский, постоянно говорившие об «ограниченности самозмышления», о «необходимости божественного откровения, хранящегося в предании, и

¹ Т. П. Голованова. «Дворянское гнездо». Тургенев и Герцен в период создания романа. *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 89. Ср.: *Сочинения*, т. VII, стр. 467—468.

² Мысль о том, что «в образ Михалеви́ча вошли некоторые черты поэта и критика Аполлона Григорьева», выдвинул еще Б. Эйхенбаум, не аргументировав, однако, свою гипотезу. См.: *Тургенев, Соч.*, т. II, стр. 295.

³ *Сочинения*, т. VII, стр. 203.

⁴ С. Шевырев. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М., 1836, стр. 224. Ср.: С. Шевырев. Взгляд русского на современное образование Европы. «Москвитянин», 1841, ч. I.

вместе с тем о необходимости живой веры». ⁵ При этом И. Киреевский, требуя «согласовать веру и разум», с неодобрением упоминал об исключительно «рассудочных системах европейского любомудрия» и, в частности, о «господстве Вольтера и энциклопедистов над русскою образованностью». ⁶

Преобладание «логического убеждения» над «верой» или «откровенным» славянофилами считали одной из главных причин общественной бесполезности русского дворянства. Поэтому К. Аксаков с осуждением отзывался о тургеневском Рудине, «путающемся в жизни вследствие желанья строить ее отвлеченно, вследствие попытки все определять, объяснять, возводить в теорию». ⁷

Славянофильские представления о вере и разуме, о религии во многом разделял в 50-е годы и А. Григорьев, писавший по поводу тургеневских героев в «Гамлете Щигровского уезда» и «Дневнике лучшего человека» о «безвыходности бездны, к которой привела праздная логическая мысль». ⁸ «Только верование, принцип сердца, может наполнить жизнь содержанием», ⁹ — утверждал он в другой статье «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» (1858).

Михалевич, обвиняя Лаврецкого в «лени постыдной», так формулировал задачи, стоявшие перед «помещиком, дворянином». «И когда же, где же вздумали люди обайбачиться? < . . . > У нас! теперь! в России! когда на каждой отдельной личности лежит долг, ответственность великая перед богом, перед народом, перед самим собою! Мы спим, а время уходит; мы спим. . .». ¹⁰

В тираде Михалевича современный Тургеневу читатель не мог не обнаружить определенного сходства с некоторыми важнейшими положениями программы славянофилов, с которой они обращались к дворянскому сословию на страницах «Русской беседы» и «Молвы». «Труд есть долг человека, есть его нормальное состояние на земле < . . . > Худо, если человек из талантов, ему богом дарованных, делает себе легкое самоуслаждение, а не смотрит на них как на тяжелые долги, которые он обязан выплатить с лихвою», ¹¹ — говорилось в одной из передовых статей «Молвы» (1857). «Праздность, праздность, губящая многих! Крестьяне работают, а я нет. Я избавил себя от обязанности в поте лица снискивать хлеб свой. Беда — праздность», ¹² —

⁵ И. В. Киреевский. О необходимости и возможности новых начал для философии. «Русская беседа», 1856, т. II, отд. Науки, стр. 45. Ср.: А. Хомяков. По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского. «Русская беседа», 1857, т. I, отд. Науки, стр. 25.

⁶ Отрывки, найденные в бумагах И. В. Киреевского. «Русская беседа», 1857; т. I, стр. 7.

⁷ Там же, стр. 22.

⁸ А. Григорьев. Обзорные наличных литературных деятелей. «Москвитин», 1855, т. 15—16, отд. Журналистика, стр. 193.

⁹ А. Григорьев, Сочинения, т. I, изд. Н. Страхова, СПб., 1876, стр. 216.

¹⁰ Сочинения, т. VII, стр. 204.

¹¹ «Молва», 1857, 24 августа, № 20, стр. 227.

¹² «Молва», 1857, 28 декабря, № 38, стр. 423. — Пьеса «Отвлеченные люди», подписанная Имрек, принадлежит К. Аксакову. Имрек — его постоянный псевдоним (ср.: «Три критические статьи г-на Имрек» в «Московском сборнике на 1847 год», М., 1847).

к такому выводу пришел герой пьесы «Отвлеченные люди» Стремев, осознавший свой долг перед народом.

Заключительные же слова Михалеви́ча — «Мы спим, а время уходит; мы спим. . .» — почти скрытая цитата из известного стихотворения И. Аксакова «Добро б мечты, добро бы страсти. . .» (1853), где гневно обличалась «дворянская лень»:

Не то, чтоб лгали мы бесстыдно,
Но спим, но дремлем мы обидно.

Этим строкам предшествуют такие стихи:

А впрочем, мы, дворянской ленью
Врачуя совести недуг,
Святому истины служенью
Свой барский жертвуем досуг!
Мы любим к пышному обеду
Прибавить мудрую беседу
Иль в поздней ужина поре,
В роскошно убранной палате,
Потолковать о бедном брате,
Погорячиться о добре!¹³

Тургеневу безусловно было известно это нашумевшее стихотворение И. Аксакова, которое Некрасов назвал «превосходным» и перепечатал в «Современнике» в «Заметках о журналах» за апрель 1856 г., а Герцен без имени автора и даты — в «Полярной звезде на 1859». Одобрительно отзывался о произведении И. Аксакова и Чернышевский.¹⁴

Михалеви́ч называет Лаврецкого эгоистом, желавшим «самонаслаждения», и не признает за ним «права быть скептиком» только потому, что тому «в жизни не повезло».¹⁵ И здесь суждениям своего героя Тургенев придал славянофильский оттенок. Славянофилы и А. Григорьев, обвиняя дворянскую интеллигенцию, оторвавшуюся от народа, в стремлении к «самоуслаждению», «самоудовлетворению», видели в ее скептицизме «протест личности, вытекающий из одних только личных оснований».¹⁶

Как типичный романтик Михалеви́ч отвергал и мысль о зависимости человека от внешних условий или, на его языке, «судьбы», утверждая нравственную свободу и ответственность «каждой отдельной личности». «Судьбы тут нету», — говорил он. В ответ на замечание Лаврецкого — «меня с детства вывихнули» — Михалеви́ч требовательно заявлял: «А ты себя вправь! на то ты человек, ты мужчина; энергии тебе не занимать стать!»¹⁷

Примечательно, что не только речи Михалеви́ча представляют собой своеобразное обобщение славянофильских идей, но и самый душевный склад

¹³ «Русская беседа», 1856, т. I, стр. 7.

¹⁴ Чернышевский, т. IV, стр. 692.

¹⁵ Сочинения, т. VII, стр. 202.

¹⁶ А. Григорьев. Русская литература в 1851 году. «Москвитянин», 1852, № 4, отд. V, стр. 95.

¹⁷ Сочинения, т. VII, стр. 202.

и судьба этого героя, как они раскрываются в романе, разительно напоминают нравственный облик и некоторые факты биографии А. Григорьева.

В 1856 г. Тургенев хорошо знал «москвитянинские» статьи критика и даже принимал участие в переговорах В. Боткина с Некрасовым о приглашении А. Григорьева в «Современник». Весною 1858 г. Тургенев неоднократно встречался с А. Григорьевым во Флоренции. «Приехал Тургенев, и мы с ним сидим ночи и говорим, говорим»,¹⁸ — писал критик М. П. Погодину 10 марта 1858 г. из Италии. Впечатление, произведенное личностью А. Григорьева, надолго сохранилось у Тургенева, часто упоминавшего о нем в своих письмах.

Варианты рукописи «Дворянского гнезда» свидетельствуют о том, что Тургенев тщательно отбирал определения, характеризующие Михалевиича. Многие из этих определений, подчеркивавших в какой-то степени сходство Михалевиича с А. Григорьевым и славянофилами, были вписаны в основной текст рукописи.¹⁹ В то же время писатель, стремясь к художественной правде, избегал в романе явных намеков на А. Григорьева. С этой целью, очевидно, Тургенев упомянул об украинском происхождении Михалевиича, включил украинизмы в его речь. Кроме того, писатель снял первоначальное замечание о том, что Михалевиич «был женат», и зачеркнул это слова «Как [на «стоящие?»] горькие пьяницы, мы дерем горло».²⁰ А. Григорьев был женат. Известно было также, что он страдал запоем.²¹

О своем отношении к А. Григорьеву Тургенев так писал А. Н. Островскому 7 (19) ноября 1856 г.: «Я знаю, мы бы спорили с ним до упаду, но я чувствую, что мы бы очень тесно сошлись. Меня влечет к нему; он напоминает мне покойного Белинского».²² Тургенев имел в виду сходство натур А. Григорьева и Белинского, и прежде всего ту сердечную веру в «идеал», которой были проникнуты оба, хотя самое содержание этого идеала и не совпадало у критиков. Тургенев называл впоследствии Белинского «идеалистом», т. е. человеком, «простодушно забывавшим о себе перед тем, что признавал за истину».²³

Именно такой тип идеалиста Тургенев воплотил и в Рудине, и в Михалевииче, и в Дон-Кихоте в статье «Гамлет и Дон-Кихот». Таков же был и А. Григорьев, именовавший себя «вечным Дон-Кихотом», «пророком гуманизма и борцом за него»,²⁴ «тургеневским Рудинным».²⁵ «Он, — писал А. Григорьев о Рудине, — явным образом отвлекался от своей личности; он все сильнее и сильнее проникался фанатической верою в убеждение».²⁶ Примечательно в этом отношении и признание А. Григорьева в письме к В. Бот-

¹⁸ А. А. Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина, Пгр., 1917, стр. 227.

¹⁹ См.: Сочинения, т. VII, стр. 346—348.

²⁰ Там же, стр. 348.

²¹ Тургенев писал, например, А. А. Фету 16 (28) января 1859 г.: «Григорьев пьет без просыпу»: Письма, т. III, стр. 265.

²² Письма, т. III, стр. 39.

²³ Сочинения, т. XIV, стр. 41, 206.

²⁴ А. Григорьев. Воспоминания, М.—Л., «Academia», 1930, стр. 462.

²⁵ Там же, стр. 216.

²⁶ Там же, стр. 365.

кину от 26 апреля 1856 г.: «Вы находите справедливо сходство в моей натуре <...> с натурой покойного Виссарьона Григорьевича: я сам знаю это очень твердо». ²⁷

В романе Михалевич назван «фанатиком». Его стихи как бы демонстрируют искренность и страстность, с какой он «сжигал все, чему поклонялся», во имя «новых чувств», того, что считал «добром» и «истиной». «Фанатиком веры» считал себя и А. Григорьев. Воссоздавая в «Литературных и нравственных скитальчествах» историю своего умственного развития в 30—50-е годы, он вспоминал: «Фанатик до сендства, я готов был каяться, как в грехе каком-нибудь, в своем трансцендентальном процессе; от него, доставшегося душе не дешево, способен был отречься, как от сатаны и от всех дел его». ²⁸ Современники А. Григорьева также отмечали его «постоянную способность увлекаться». «Кидая грязью в своих прежних идолов, он с удвоенным жаром принялся поклоняться новым», ²⁹ — говорилось, например, в «Сыне отечества» (1857) о славянофильских увлечениях А. Григорьева, симпатизировавшего прежде западникам.

«Религия, прогресс, человечность» — таковы «последние три слова», которые завещал Лаврецкому Михалевич со свойственной ему «кипучей восторженностью московского студента». При этом в устах Михалевича слово «прогресс» имело тот передовой общественный смысл, с каким употреблялось оно обычно в языке демократической интеллигенции 40—50-х годов. ³⁰ Московским студентом 30-х годов был и А. Григорьев. «Я < . . . > верю в положительную правоту тех талантливых, еще не раскрывшихся миру сил, которые зовутся народом и православием», ³¹ — формулировал он свои принципы в письме к Тургеневу от 11 мая (28 апреля) 1858 г., разъясняя смысл лозунга «народность демократическая и прогрессивная».

«Григорьев забывал о себе и всю мысль бросался в сферу общих интересов, — вспоминал Н. Н. Страхов. — Музыка, поэзия, философия, религия, народ — вот что всплывало каждый раз на поверхность потрясенной или оживленной восторгом души». ³²

О своих стихах, «выражавших его душевные убеждения», Михалевич отзывался следующим образом: «в них поэзии нет, но есть правда». ³³

Поэт я или нет — мне, право, все равно,
Но язы наших дней я сердцем понимаю, ³⁴ —

²⁷ «Голос минувшего», 1922, № 1, стр. 134.

²⁸ А. Григорьев, Полное собрание сочинений и писем, т. I, Пгр., 1918, стр. 48.

²⁹ «Сын отечества», 1857, 15 сентября, № 37, стр. 897.

³⁰ Подробнее об этом см.: М. П. Алексеев. Лексикологические заметки к текстам Тургенева. *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 181—183.

³¹ А. А. Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. Пгр., 1917, стр. 236а.

³² А. Григорьев. Воспоминания, стр. 503.

³³ *Сочинения*, т. VII, стр. 201.

³⁴ Аполлон Григорьев. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966, стр. 177. — Аналогичным было и отношение И. Аксакова к своей поэтической деятельности. «Нет, какой я поэт! — восклицал он. — Во мне слишком много гражданина, который вытесняет поэта». «Русский архив», 1895, № 3, стр. 449.

заявлял А. Григорьев в одном из своих стихотворений «Отрывок из неоконченного собрания сатир» (1855), предпослав ему в качестве эпиграфа рылеевские строки: «Я не поэт, а гражданин».

Демократизм Михалевича, которого Лаврецкий сравнивал с «черной лилией», полное забвение им личных интересов, о чем свидетельствовали «все признаки и привычки застарелой бедности», сказывающиеся не только в небрежности его одежды, но и в манере есть («за ужином он ел, как акула, раздирая руками мясо»),³⁵ — эти приметы облика тургеневского героя тоже во многом повторяли характерные черты личности А. Григорьева.

А. Григорьев, гордившийся своей «плебейской искренностью», происходил из дворянской, но неродовитой семьи: его дед из вольноотпущенных «не родился помещиком, а сделался им», пробив себе дорогу «службой»; отец дослужился только до чина титулярного советника; мать была дочерью крепостного кучера.³⁶ Став уже известным критиком, А. Григорьев часто оказывался в «безвыходной безденежности, соединенной с долгами».³⁷ О «неудобствах и неурядицах, среди которых почти постоянно он жил», «не умея основательно позаботиться о своем материальном обеспечении», свидетельствуют все мемуаристы.³⁸

Любопытна и такая деталь. Тургенев, упомянув, что «служба не пошла Михалевичу впрок», заметил: «Со всем тем Михалевич не унывал и жил себе циником, идеалистом, поэтом».³⁹ В автобиографическом фельетоне «Беседы с Иваном Ивановичем» (1860) А. Григорьев, рассказывая о привычках Ивана Ивановича, за которым скрывался он сам, писал о «небрежности и странности его костюма», о том, что он «ел, как волк — скоро, порывисто и выбирая только куски пожирней и побольше». «За это < . . . » его называли циником».⁴⁰

Тургеневское отношение к А. Григорьеву и его принципам, воплотившееся отчасти в образе Михалевича, очень точно совпадает с оценкой этого отношения со стороны самого А. Григорьева. В письме к М. П. Погодину от 10 марта 1858 г. критик писал: «Тургенев говорит, что готов подписаться под каждым моим началом, а как дошло до последствий, так в сторону: ибо он весь западник — по развитию, и гегелист — по принципу, и светский человек — по воспитанию и манерам».⁴¹ В самом деле, Тургенев восхищался душевным благородством Михалевича, способного во имя высокого идеала к самопожертвованию. Недаром Лаврецкий сознает правоту своего друга, когда тот обвинял его в эгоизме, в забвении долга перед народом. Однако писатель не разделял ни романтического субъективизма общественной программы А. Григорьева и славянофилов, ни их религиозной критики разума. Вот почему в изображении Тургенева Михалевич не отличается трезвым прак-

³⁵ *Сочинения*, т. VII, стр. 205.

³⁶ А. А. Григорьев, Полное собрание сочинений и писем, т. I, стр. XVI—XVII, 10.

³⁷ А. А. Григорьев. Материалы для биографии, стр. 154.

³⁸ А. Григорьев. Воспоминания, стр. 431, 559; см. также стр. 546, 585.

³⁹ *Сочинения*, т. VII, стр. 205.

⁴⁰ А. Григорьев. Воспоминания, стр. 310.

⁴¹ А. А. Григорьев. Материалы для биографии, стр. 228.

типическим пониманием жизни, вследствие чего «удачей в предприятиях своих он похвастаться не мог». Отсюда и элементы комизма, которыми проникнута авторская характеристика восторженного романтика. «Михалевич женат не был, но влюблялся без счета и писал стихотворения на всех своих возлюбленных; особенно пылко воспел он одну таинственную чернокудрую „папу“ . . . Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая жидовка, хорошо известная многим кавалерийским офицерам».⁴² И далее в эпилоге, сообщив, что Михалевич «получил место старшего надзирателя в казенном заведении», автор прибавил с добродушной проныей: «Он очень доволен своей судьбой, и воспитанники его „обожают“, хотя и передразнивают его».⁴³

Не исключена возможность, что и в этих эпизодах в какой-то степени отразились некоторые факты из жизни А. Григорьева: его любовные увлечения, опозитизированные им в стихах,⁴⁴ его учительство в «казенных заведениях» — в Александринском спротском институте (1848), в Московском воспитательном доме (1850—1853) и московской гимназии (1851—1857), наконец, его роль воспитателя в семье князя Трубецкого в Италии (1857—1858).

Все сказанное отнюдь не означает, что Михалевич тождествен А. Григорьеву. Образ Михалевича, бесспорно, имеет обобщающий смысл. Именно художественный тип видел в нем и сам А. Григорьев. В статье о «Дворянском гнезде» (1859) критик выделил сцену свидания Лаврецкого с Михалевичем как «глубоко знаменательную историческую сцену»: «В этих двух лицах захвачены глубоко и стремления, и формы стремлений целой эпохи нашего развития, эпохи могущественного влияния философии».⁴⁵ Говоря о «нашем развитии», А. Григорьев имел в виду не только свое поколение, но и самого себя. Содержание «философии» той эпохи критик разъяснял так: «только жизнь, исполненная бескорыстных порывов к добру, исполненная лишений и страданий, может назваться жизнью человеческою».⁴⁶

Слова эти, комментирующие главный нравственный принцип тургеневского героя, в то же время точно и полно определяют философское кредо русских шеллингианцев 30-х годов, школу идей которых прошли в юности и А. Григорьев, и славянофилы. Таким образом, оценка Михалевича в статье А. Григорьева лишний раз свидетельствует о том, что Тургенев метил своим героем в русских романтиков славянофильского направления 50-х годов, художественно воссоздав в романе и их «фразеологию», уходящую своими корнями в 30-е годы, и даже некоторые черты личности одного из них — А. Григорьева.

Г. Н. Антонова

⁴² *Сочинения*, т. VII, стр. 205.

⁴³ Там же, стр. 287.

⁴⁴ Тургенев иронически отзывался, например, о поэме А. Григорьева «Venezia la bella» (1858), отразившей чувство неразделенной любви критика к Л. Я. Визард, дочери его сослуживца по Московскому воспитательному дому. См.: *Письма*, т. III, стр. 266.

⁴⁵ А. Григорьев, *Сочинения*, стр. 378.

⁴⁶ Там же, стр. 380.

«НАКАНУНЕ» И «ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ О СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ» Е. П. КОВАЛЕВСКОГО

В комментариях к академическому изданию «Накануне» уже было подчеркнуто, что «обращение Тургенева к теме болгарского национально-освободительного движения было обусловлено Восточной войной, начавшейся между Россией и Турцией летом 1853 г. <...> В момент возникновения войны особенно сильно сказались освободительные стремления и надежды балканских славян, выразителем которых был Инсаров, и к этому времени приурочил Тургенев начало своего романа».¹ Дальнейшее развитие сюжета романа «Накануне» тесно связано с хронологией военных событий, точные даты которых приводятся в его тексте. Глава XXX начинается с указания, что «гроза, собиравшаяся на Востоке, разразилась; Турция объявила России войну <...> уже недалек был день Синопского погрома»: объявление России войны Турцией состоялось 20 октября (1 ноября) 1853 г., «Синопский погром» — уничтожение всего черноморского турецкого флота русским флотом под командованием П. С. Нахимова — пришлось на 18 (30) ноября. «Война уже кипела на Дунае, Англия и Франция объявили России войну, все славянские земли волновались и готовились к восстанию», — пишет Тургенев в XXXIII главе, описывая пребывание Елены и Инсарова в Венеции и прогулку их на Лидо; «Был светлый апрельский день», — точно и в полном соответствии с историческими событиями отмечает Тургенев (переправа русских войск через Дунай началась 11 (23) марта 1854 г., Франция и Англия объявили войну России 19 (31) марта).

Тургенев с напряженным вниманием следил за тем, как разворачивались военно-политические события в Европе и особенно на Балканах; среди литературных, а также исторических материалов, которыми вдохновлялся Тургенев при работе над «Накануне», были, как известно, не только печатные книги, но и рукописные источники; Тургенев вчитывался также в славянские народные песни.² В связи с этим стоит отметить еще один источник, несомненно находившийся в поле зрения Тургенева при создании его романа: «Путевые записки о славянских землях» Е. П. Ковалевского. Приятельские отношения Тургенева с Е. П. Ковалевским (1809—1868) установились с середины 50-х годов через посредство дружеского кружка, группировавшегося вокруг Некрасова. Е. П. Ковалевский, знаменитый путешественник и писатель, побывавший в Египте, восточном Судане, западной Эфиопии, Китае, в славянских странах — на Балканах и на Адриатическом приморье, вернулся в Петербург на постоянное жительство в 1855 г. Первые сведения о встречах с ним Тургенева относятся к началу 1856 г.,³ а в сентябре 1858 г. началась их переписка, продолжавшаяся до конца жизни Ковалевского.

Тургенева Е. П. Ковалевский очень любил. Он помогал ему в опубликовании некоторых произведений, встречавших затруднения со стороны

¹ *Сочинения*, т. VIII стр. 511.

² *Сочинения*, т. VIII, стр. 514.

³ *Письма*, т. III, стр. 679. — О встречах и переписке Тургенева с Е. П. Ковалевским см.: Б. А. В а л ь с к а я. Путешественник Е. П. Ковалевский и петербургские литераторы (1848—1860 гг.). Доклады Восточной комиссии, вып. 3., Л., 1966, стр. 11—13.

цензуры.⁴ В письме от 25 сентября 1858 г. Тургенев обращался к Ковалевскому с просьбой исхлопотать у брата (Евграфа Петровича, бывшего тогда министром народного просвещения) разрешение на издание газеты «Московский вестник»: «Вы уже так часто делали хорошие и полезные дела, — писал Тургенев, — сделайте это — и Вы сами увидите, что кроме хорошего ничего из этого не выйдет».⁵

Известно также недатированное письмо Тургенева к Е. П. Ковалевскому, относящееся, по-видимому, к февралю—марту 1859 г., из которого явствует, что Ковалевский дал на просмотр свою статью «Путевые заметки о славянских землях», перед тем как направить ее в печать, Тургеневу.

«Любезнейший Егор Петрович, посылаю Вам вашу статью, которая очень и очень хороша — поверьте мне, — но если вы желаете знать, что именно я нашел в ней менее удачного, то приходите завтра ко мне обедать, — у меня будут Аяненков и Некрасов».⁶ Речь в данном случае должна была идти только о второй части этой статьи, напечатанной в журнале «Русская беседа», 1859, № 5 (ценз. разреш. от 29 сентября 1859 г.), потому что первая часть была напечатана ранее, в первой книге «Русской беседы» 1858 г. — и Тургенев также, вероятно, знаком был с нею прежде. Любопытно, однако, что в тексте этой статьи есть указание на то, что Е. П. Ковалевский обсуждал ее содержание со своими друзьями-писателями, в том числе, возможно, и с Тургеневым: «В редкие минуты, когда душа просится наружу, случилось мне рассказывать двум-трем приятелям некоторые события этой войны. Один из них так увлекся, что обещал включить их в какой-нибудь из своих рассказов, — тогда, я уверен, под его творческим пером восстанут эти живые образы, полные простоты и всеокрушающей силы духа».⁷ Тем интереснее, что по крайней мере один явственный отклик «Путевых записок» Ковалевского может быть указан в тексте романа «Накануне», над которым Тургенев работал как раз в это время.

В первой половине 50-х годов (с 1851 по 1855 г.) Е. П. Ковалевский трижды посетил Черногорию. В январе 1853 г. он командирован был туда для выполнения дипломатического поручения от русского правительства и был в Вене, чтобы вместе с представителем австрийского правительства начать переговоры с турецким главнокомандующим Омером Пашой (который был вскоре пленен под Синопом при разгроме турецкого флота). Описание этой поездки было опубликовано в «Современнике».⁸ В ноябре 1853 г., почти сразу после объявления Крымской войны, Ковалевский снова был направлен

⁴ Именно Е. П. Ковалевскому Тургенев был обязан тем, что его рассказ «Муму» был пропущен цензурой. См. письмо Тургенева Л. Л. Добровольскому от 27 апреля (9 мая) 1856 г.: *Письма*, т. II, стр. 344.

⁵ *Письма*, т. III, стр. 237.

⁶ Там же, стр. 278 и 596—597.

⁷ Е. П. Ковалевский. Путевые записки о славянских землях. «Русская беседа», 1859, № 5, Смесь, стр. 38.

⁸ Е. П. Ковалевский. Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события. «Современник», 1854, т. XV, стр. 55—84.

в Черногорию⁹ и описал свое путешествие по Адриатическому морю из Триеста в Котор в упомянутых выше «Путевых записках о славянских землях»; здесь говорилось также о начавшихся в это время волнениях славян: «Война гремела на Дунае. Европа шла против нас < . . . > Западная часть Турции от княжества Сербского до королевства Греческого поднималась из-под тяжкого гнета».¹⁰

Именно в этом восстании надеялся принять участие герой романа Тургенева «Накануне». «На пути из России,— пишет Тургенев в XXXIII главе,— Инсаров пролежал почти два месяца больной в Вене и только в конце марта приехал с женой в Венецию; он оттуда надеялся пробраться через Зару в Серию, в Болгарию; другие пути ему были закрыты. Война уже кипела на Дунае; Англия и Франция объявили России войну, все славянские земли волновались и готовились к восстанию».

В неопубликованной записке о восстании славян на Балканах Ковалевский сообщил характерный факт, что славяне — рыбаки Адриатики сняли со своих сетей свинцовую оторочку и послали ее восставшим.¹¹ О подобном факте он упоминает также и в статье «Жизнь и смерть последнего Владыки Черногории и последовавшие за тем события», написанной в 1854 г. Рассказывая о героической защите черногорцами крепости Жабляк в ноябре 1852 г., Ковалевский писал: «Узнавши, что в Жабляке расстреляли весь свинец и что черногорцы распилили одно орудие, чтобы металлом его зарядить другие, пастровичане, по занятию рыболовы, как все жители побережья, сняли весь свинец, которым обыкновенно оторачивают сети, и отнесли его на подмогу в Жабляк».¹² Рассказ об этом запомнился Тургеневу; несомненно, взяв последний из статьи Ковалевского, Тургенев вложил его в уста Инсарову, рассказывая в XXXIII главе о прогулке Инсарова и Елены возле Венеции. «Не пригонит ли этот ветер тот корабль, который ты ждешь? — сказала Елена. — Вон белеет парус, уж не он ли это? Инсаров посмотрел в морскую даль, куда показывала ему Елена. < . . . > Слышала ты, Елена < . . . > говорят, бедные далматские рыбаки пожертвовали своими свинчатками, — ты знаешь, этими тяжестями, от которых невода на дно опускаются, — на пули! Денег у них не было; они только и живут, что рыбною ловлей; но они с радостью отдали свое последнее достояние и голодают теперь. Что за народ!»¹³

Указываемое сходство рассказа Инсарова с тем, о чем Е. П. Ковалевский писал по сведениям, полученным им непосредственно на месте действия, заставляет думать, что «Путевые записки о славянских землях» и другие

⁹ Б. А. В а л ь с к а я. Путешествие Егора Петровича Ковалевского. М., 1956, стр. 38—42. — Во время Крымской войны Ковалевский был не только свидетелем, но и участником освободительной борьбы народов балканских стран. Он восхищался самоотверженностью и героизмом славянских народов. Он сожалел, что блестящие страницы их борьбы остались ненаписанными.

¹⁰ Е. П. К о в а л е в с к и й, Собрание сочинений, т. IV, СПб. 1872, стр. 367.

¹¹ ГПБ, отдел рукописей, ф. 356, оп. 1, № 12, л. 9.

¹² Е. П. К о в а л е в с к и й, Собрание сочинений, т. IV, СПб., 1872, стр. 231.

¹³ Сочинения, т. VIII, стр. 149—150.

статьи Ковалевского, быть может дополненные его устными воспоминаниями, составляют еще один, не учитывавшийся ранее источник, которым Тургенев вдохновлялся, создавая роман «Накануне» и размышляя о потенциальных силах славянских народов, стремившихся к своему освобождению.

Б. А. Вальская

«ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ»

О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ РЕЧИ ТУРГЕНЕВА

*Посвящается моим учителям
Шарлю-Винценту Обрёну,
Марселю Батайону
и Анри Гранжару*

Оригинальность речи Тургенева, сопоставляющей героя Шекспира с героем Сервантеса, общепризнана в течение уже более чем ста лет. Несомненно, что убедительные выводы, сделанные великим русским писателем, являются результатом его творческого труда, а не случайной компиляцией разрозненных сведений. Но и в творчестве гениев могут отражаться подчас те или иные влияния: они сами охотно прислушиваются к тому, что может оказаться для них полезным в случайных встречах и беседах. Нам хотелось бы показать здесь, какое влияние, хотя и в разной степени, могли оказать три лица на формирование мнения русского романиста о Дон-Кихоте.

Тургенев говорит в начале своей речи: «Не будем видеть в Дон-Кихоте одного лишь рыцаря печального образа, фигуру, созданную для осмеяния старинных рыцарских романов; известно, что значение этого лица расширилось под собственную руку его бессмертного творца и что Дон-Кихот второй части, любезный собеседник герцогов и герцогинь, мудрый наставник оруженосца-губернатора, — уже не тот Дон-Кихот, каким он является нам в первой части романа, особенно в начале, не тот странный и смешной чудак, на которого так щедро сыплются удары».¹

Тургенев обязан этой мыслью Луи Виардо, который первым высказал ее еще в 1835 г.,² а затем вернулся к ней в предисловии к своему переводу «Дон-Кихота».³ Виардо говорит об изменениях, которые произошли в намерениях автора «Дон-Кихота». Дон-Кихот сначала лишь «совершенный безумец», а Санчо Панса — «деревенский увальень». Но вскоре Сервантес изме-

¹ *Сочинения*, т. VIII, стр. 173.

² L. Viardot. Etude sur l'histoire de la littérature espagnole, в кн: *Etudes sur l'histoire des institutions, de la littérature, du théâtre et des beaux-arts en Espagne*. Paris, 1835, стр. 287—288.

³ L. Viardot. Notice sur la vie et les ouvrages de Cervantès, в кн: *Cervantès Saavedra, L'ingénieur hidalgo Don Quichotte de la Manche*, traduit et annoté par Louis Viardot, t. I. Paris, 1836, стр. 37—41. — Как справедливо замечает М. П. Алексеев, Тургенев хорошо знал вступительную статью Виардо, которую он хотел опубликовать на страницах «Вестника Европы» в 1879 г. (см.: М. П. Алексеев. Тургенев и испанские писатели: «Литературный критик», 1938, № 11, стр. 139).

EL INGENIOSO HIDALGO

DON QUIJOTE

DE LA MANCHA,

COMPLETO

POR MIGUEL DE CERVANTES SAAVEDRA.

Nueva edición.

CON LA VIDA DE CERVANTES

POR D. M. F. DE NAVARRETE.

Авт. Тургенева.

Барна 1847.

BARCELONA,

EN LA IMPRENTA DE RAMON FERNANDEZ

Y HERMANOS.

1839.

Автограф И. С. Тургенева 1847 г. на форзаце книги Сервантеса «Хитроумный идалго Дон-Кихот Ламанчский». 1839. Из библиотеки В. А. Десницкого. Государственная библиотека им. В. И. Ленина (Москва).

няет их до полной неузнаваемости, передавая им свой образ мыслей, свои суждения. За первоначальной мыслью следует новая, которая приобретает все большее значение по мере того, как развивается действие романа, а во 2-й части высказывается уже открыто, превращая, таким образом, произведение в «книгу по практической философии, в сборник изречений и притч, в мягкую и разумную критику человечества в целом».⁴ Мысль о постепенном обогащении идейных положений Дон-Кихота имела большой успех не только у современников Виардо, таких как Тургенев и Эмиль Шаль,⁵ но и у критиков нашего времени, таких, как например Поль Азар⁶ или Рамон Менендес Пидаль.⁷ Вопрос о развитии и обогащении характера Дон-Кихота явился в последнее время предметом многочисленных исследований в социалистических странах.⁸ Влияние Виардо на Тургенева сказывается непосредственно начиная с 1847 г., когда французский испанист, как известно, дал прочесть своему русскому другу не только пьесы Кальдерона,⁹ но и шедевр Сервантеса в оригинале. В 1965 г. библиотека им. Ленина приобрела некоторые редкие книги библиофила В. А. Десницкого (фонд 439). Среди них *El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, compuesto por Miguel de Cervantes Saavedra; nueva edicion con la vida de Cervantes por D. M. F. de Navarrete, Barcelona, en la imprenta de Ramon Fernández y hermanos, 1839.*¹⁰ На форзаце этой книги надпись по-русски: «Иван Тургенев, Париж, 1847 г.». Иван Сергеевич прочел «Дон-Кихота» с большим вниманием, отыскивая в испано-немецких и испано-французских словарях неизвестные ему слова и выражения и записывая их перевод на полях страниц. Несомненно, что

⁴ L. Viardot. Notice. . . , стр. 38—39. — Мы воспользовались также отличной работой Эрнеста Эсколье (в машинописи), написанной под руководством профессора Ш. В. Обрена (Ernest Escalier. Hispanistes français érudits de 1830 à 1875 (de Viardot à Th. de Puymaigre), Paris, Institut d'études hispaniques, 1961, шифр 25-a-17. 08, стр. 132—136.

⁵ E. Chales. Michel de Cervantes. Sa vie, son temps, son oeuvre politique et littéraire, Paris, 1866, стр. 339.

⁶ P. Hazard. Don Quichotte de Cervantes. Etude et analyse. Paris, 1931.

⁷ R. Menéndez Pidal. 1) Mediterráneo (Homenaje a Cervantes). Valencia, 1950; 2) De Cervantes y Lope de Vega. Madrid, 1958.

⁸ К. Н. Державин. Сервантес. М., 1958, гл. V и VIII; Л. Е. Пинский. Реализм эпохи Возрождения, М., 1961, стр. 297—365; Н. И. Балашов. Сервантес и современная наука на Западе, «Известия АН СССР», серия литературы и языка, 1966, т. XXV, № 6, ноябрь—декабрь, стр. 471; Sofia Szmydtowa. Cervantes. Varsovie, 1955, стр. 68—230.

⁹ Ivan Tourguénev. Lettres à M-me Viardot (19 et 25 décembre 1847). Paris, 1907, стр. 24—25, 29—30; А. Липовский. Увлечение И. С. Тургенева Кальдероном. «Литературный вестник», 1903, т. VI, стр. 33—37; И. Л. Розенкранц. И. С. Тургенев и испанская литература. «Slavia», 1927, VI, вып. 2—3, стр. 610; М. П. Алексеев. Тургенев и испанские писатели, стр. 139; Т. И. Бронь. Испанские цитаты у Тургенева. *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 303—305; Ludmilla Buketoff-Turkevitch, Cervantes in Russia. Princeton, 1950, стр. 100; A. Zviguilsky. Tourguénev et l'Espagne. Revue de littérature comparée, janvier-mars, 1959, стр. 70—75.

¹⁰ Выражаю благодарность профессору Марселю Батайону, указавшему на существование этой книги. (См. публикуемое здесь воспроизведение ее титульного листа.)

именно к моменту приобретения этой книги следует отнести замысел «Гамлета и Дон-Кихота», замысел, который Тургенев вынашивал более, чем какой-либо другой, примерно в течение 12 лет.

Привлекает внимание и другой отрывок: «Один английский лорд (хороший судья в этом деле) называл при нас Дон-Кихота образцом настоящего джентльмена. Действительно, если простота и спокойствие обращения служат отличительным признаком так называемого порядочного человека, Дон-Кихот имеет полное право на это название. Он истинный гидальго, гидальго даже тогда, когда насмешливые служанки герцога намыливают ему все лицо. Простота его манер происходит от отсутствия того, что мы бы решились назвать не самолюбием, а *самомнением*; Дон-Кихот не занят собою и, уважая себя и других, не думает рисоваться. . .»¹¹

Нельзя не сопоставить сказанное Тургеневым со словами его друга и советника В. П. Боткина, который писал:

«Несколько лет назад, не помню по какому случаю, кто-то из перов сказал в палате, что, по его мнению, величайший джентльмен есть Дон-Кихот Сервантеса, и это понятно, если принять в соображение существенные причины и поводы его поступков, тот внутренний источник великодушия, благородства, бескорыстия и неустрашимости, из которого происходили они. В сущности английский идеал джентльмена всего ближе подходит к этому бессмертному образу. Но меркантильный наш век прибавил к нему и другие обязанности: джентльмен за все должен хорошо платить, быть щедрым, быть *grand seigneur* в своих действиях, но никак не показывать этого в своих манерах; напротив, быть скромным, тихим, мягким, и главное, иметь в высшей степени *self-respect*, т. е. то внутреннее чувство самоуважения, которое вовсе не есть высокое понятие о себе, а напротив, обязанность соображать свои поступки с строгим отношением к своей чести и совести. Во всем этом очень много сходного с понятием *caballero*, существующим у испанцев, с тою разницей, что там с одинаковой силой развито оно во всех классах; в Англии же идеал джентльмена начинается только с достаточных классов, потому что у англичан он прилагается непременно к одному только независимому положению».¹²

Оба текста появились одновременно в начале 1860 г.¹³ Бесполезны были бы попытки установить приоритет высказанной мысли, тем более что и Тургенев, и Боткин приписывают ее авторство какому-то таинственному английскому лорду. Установить его личность нелегко. У Тургенева и Боткина было много знакомых англичан. Мы предполагаем, что Тургенев мог услышать это суждение во время банкета Королевского Литературного фонда, состоявшегося под председательством лорда Палмерстона в Лондоне 5 мая 1858 г. Тургенев и Мериме были туда приглашены лордом Ричардом Монк-

¹¹ *Сочинения*, т. VIII, стр. 187.

¹² В. П. Боткин. Две недели в Лондоне. В кн.: *Сочинения В. П. Боткина*, т. I, СПб., 1890, стр. 291.

¹³ Очерк Боткина «Две недели в Лондоне» (18 июля (1 августа) 1859 г.) был опубликован в «Русском вестнике» в январе 1860 г. (№ 1—2, стр. 297—333). Речь Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» появилась в «Современнике» (1860, № 1, отд. 1, стр. 239—258).

тоном Милнсом. Мериме сообщает, что там был провозглашен «тост за литературу континентальной Европы» и что там «собралось 300 просвещенных лиц или называемых таковыми».¹⁴ Несомненно, одним из наиболее известных был Дизраэли, талант которого Тургенев тотчас же оценил,¹⁵ но который вряд ли мог быть автором интересующей нас мысли.¹⁶ М. П. Алексеев предполагает, что речь, может быть, идет, о полиготе Джоне Джордже Шоу-Лефевре, «клерке» английского парламента, которого Боткин встретил в Лондоне, имея к нему рекомендательное письмо от Тургенева.¹⁷

Это литературное сопоставление (и его исторические и экономические связи), кажется, не получило распространения в европейской критике; однако недавно оно привлекло внимание профессора Шарля В. Обрена, посвятившего этому вопросу две статьи.¹⁸

Аналогии между поведением кабальеро и джентльмена должны были бы логически привести Тургенева к заключению, что Дон-Кихот — это тип. . . английский, однако в свете романтического понимания национальной психологии (противопоставление Севера Югу) это шло бы вразрез с его замечаниями.

Тургенев дважды говорит об отношении Дон-Кихота к «волшебникам» и правильно понимает, что именно они символизируют:

«Он весь живет (если так можно выразиться) вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам — волшебникам, великанам, т. е. притеснителям».

«Он любит идеально, чисто, до того идеально, что даже не подозревает, что предмет его страсти вовсе не существует; до того чисто, что, когда Дульцинея является перед ним в образе грубой и грязной мужички, он не верит свидетельству глаз своих и считает ее превращенной злым волшебником. Мы сами на своем веку, в наших странствованиях, видали людей, умирающих за столь же мало существующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нечто, в котором они видели осуществление своего идеала и превращение которого они также приписывали влиянию злых, — мы чуть было не сказали волшебников — злых случайностей и личностей. Мы видели их, и когда переведутся такие люди, пускай закроется навсегда книга истории! в ней нечего будет читать».¹⁹ Профессор Анри Гранжар писал по этому поводу:

«По-видимому, Тургенев здесь иносказательно напоминает о революционерах 1848 г. Эти люди, умиравшие за нечто, в сущности грубое, или за ка-

¹⁴ См. письмо П. Мериме к Жанне Дакен от 8 мая 1858 г.: *Mérimée*, II, 8, стр. 514—515; *Parturier*, стр. 15.

¹⁵ См.: *Сочинения*, т. XIV, стр. 241.

¹⁶ Об этом не упоминается в диссертации Р. Мэтра о Дизраэли (Raymond M a i t r e. *Disraeli homme de lettres*. Paris, 1963).

¹⁷ См.: *Сочинения* В. П. Боткина, т. I, стр. 299. — Ср. письмо И. С. Тургенева к Дж. Дж. Шоу-Лефевру, Рим, 12 марта 1858 г. *Письма*, т. III, стр. 200—201, 552—553.

¹⁸ Ch. V. A u b r u n. 1) *De la picaresque dans ses rapports avec la réalité ou Don Quichotte et le gentleman*. *Etudes anglaises*. Paris, 1964, t. XVII, №2, стр. 159—162; 2) *Russes, Espagnols et Anglais*. «Les langues néo-latines», 1966, № 179 (décembre), стр. 1—5.

¹⁹ *Сочинения*, т. VIII, стр. 174, 181.

кую-то химеру, приносившие в жертву свой хлеб пасущий ради призрачных идеалов, не они ли и есть те самые „одетые в блузы революционеры“, которые гибли на баррикадах в июне? Эти люди не рождены для того, чтобы быть свободными, — заявляет Тургенев в 1849 г. Теперь же он склонен думать, что смерть сделала их достойными этой свободы. Дон-Кихот также боролся за то, чтобы на земле было больше справедливости. В конце статьи автор дает понять даже, что герой Сервантеса из тех людей, которые созданы для больших свершений и без которых человечество не могло бы идти вперед. В связи с этим он упоминает и о Фурье, проповеднике социальных преобразований. Не скрывается ли за этим панегириком Дон-Кихоту и Санчо Панса своего рода реабилитация вождя революционеров и восставшего народа?»²⁰

События 1848 г. побудили также испанца Николаса Диас де Бенхумеа написать статьи «Историческое значение Сервантеса» и «Философские комментарии к „Дон-Кихоту“», опубликованные в 1859 г.²¹ Для него, как и для Тургенева, «волшебники» представляют социальное зло:

«Кто не видит в основных принципах рыцарства евангельскую доктрину с практической и социальной направленностью? Для большей полноты этой религии гиганты в ней символизируют зло, чудовища и драконы — пороки, а враждебные волшебники — злобу и хитрость».²²

Если бы Дон-Кихот не подвергался побоям, он не имел бы никакого значения для Тургенева.

«Много восставали против бесконечных побоев, которыми Сервантес обременяет Дон-Кихота. Мы заметили выше, что во второй части романа бедного рыцаря уже почти не бьют; но мы прибавили, что без этих побоев он бы меньше нравился детям, которые с такой жадностью читают его похождения, — да и нам, взрослым, он бы показался не в своем истинном свете, но как-то холодно и надменно, что противоречило бы его характеру. Мы сейчас сказали, что во второй части уже не бьют его; но в самом ее конце, после решительного поражения Дон-Кихота рыцарем светлого месяца, переодетым бакалавром, после его отречения от рыцарства, незадолго до его смерти — стадо свиной топчет его ногами. Нам не однажды довелось слышать укоры Сервантесу — зачем он это написал, как бы повторяя старые, уже брошенные шутки; но и тут Сервантесом руководил инстинкт гения — и в самом этом безобразном приключении лежит глубокий смысл. Попирание свиными ногами встречается всегда в жизни Дон-Кихота — именно перед

²⁰ A. G r a n j a r d. Ivan Tougouénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs». Paris, 1960 (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves, t. XXXI), стр. 256.

²¹ Статьи Бенхумеа появились в прогрессивном журнале «La America» (Мадрид) 8 августа, 24 сентября, 8 и 24 декабря 1859 г. Они приводятся Леопольдом Риусом в кн.: L. R i u s. Bibliografía crítica de las obras de Miguel de Cervantes Saavedra. Barcelona, 1905, t. III, стр. 66—73. По этому вопросу можно особенно рекомендовать статью проф. Марселя Батайона: M. B a t a i l l o n. Les idées humanitaires de 1848 et les valeurs littéraires de l'Espagne. Actes du 4-ème Congrès international d'histoire littéraire moderne. Paris, 1950, стр. 229—238.

²² N. D i a z d e B e n j u m e a. Significación histórica de Cervantes. Цит. по: L. R i u s. Bibliografía. . . , стр. 67.

ее концом; это последняя дань, которую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому непониманию. . . Это пощечина фари́сея. . . Потом они могут умереть. Они прошли через весь огонь горнила, завоевали себе бессмертие — и оно открывается перед ними».²³

Эту часть статьи можно прекрасно иллюстрировать следующим отрывком из Бунхумеа:

«Критика „Дон-Кихота“ является в основном критикой принципа силы, господствовавшего на протяжении прошлых веков. Кроткая религия Мессии оказалась неспособной преодолеть этот принцип в период господства христианской цивилизации, но она добьется этого в эпоху свободы, показав людям, что добродетель, уничтожение пороков и преступлений достигается не боями, а путем просвещения и усовершенствования, путем борьбы со скрытыми причинами зла, а не с внешними его проявлениями».²⁴

Как и Бенхумеа, Тургенев считал, что единственным ценным законом является закон любви. Ясно, что он имел в виду Христа, с которым герой Сервантеса будто бы имеет известное сходство.²⁵ К тому же в черновиках писателя Христос упоминается наряду с фари́сеем. По мнению П. А. Кропоткина, которому эта статья очень понравилась, в Христе, лишенном божественности, Тургенев видел революционера.²⁶

Речь «Гамлет и Дон-Кихот» появилась в январе 1860 г. через несколько месяцев после опубликования первых статей Бенхумеа. Хотя в переписке Тургенева нет никаких упоминаний о Бенхумеа, напрашивается все же предположение, что они могли случайно встретиться. Бенхумеа был личным секретарем герцога Осунского, посла Испании в Петербурге с декабря 1856 г. по 1861 г. Из письма Хуана Валеры нам известно, что Бенхумеа посещал петербургские гостиные²⁷ и, возможно, имел там случай беседовать с Иваном Сергеевичем.

²³ *Сочинения*, т. VIII, стр. 188.

²⁴ N. Diaz de Benjumea. Significacion historica de Cervantes, стр. 69.

²⁵ Эта мысль понравилась Достоевскому, и он, по-видимому, воспользовался ею, создавая образ Идиота: «Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. . . На свете есть только одно положительно прекрасное лицо — Христос. . . Из прекраснейших лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон-Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон» (письмо Достоевского к С. А. Ивановой, Женева, 1 (13) января 1868 г.: *Ф. М. Достоевский, Письма*, т. II, стр. 71); Dominique A g b a n. Dostoievski par lui-même. Paris, 1962, стр. 140—143. Ср. статью И. В. Столяровой «Гамлет и Дон-Кихот». Об отклике Н. С. Лескова на речь Тургенева. *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 120—123.

²⁶ П. К р о п о т к и н. Записки революционера. Лондон—СПб., б. г., стр. 352—353; *Революционеры-семидесятники*, стр. 152—153; Ю. Д. Л е в и н. Статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева). В кн.: Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965, стр. 143.

²⁷ «М. Бенхумеа — убежденный демократ и фюрерист < . . . > Кто бы мог сказать, что последний отпрыск рода Абд-ер-Рахманов столкнется теперь в Санкт-Петербурге с представителями рода Багратов, правителей Грузин, потомками ханов Золотой орды и Крыма и внуками Чингиз-хана и Тамерлана, которые бывают на этих собраниях и приветствуют вас на каждом шагу?» (письмо Хуана Валеры к Л. А. де Куэто от 30 марта 1857 г.: J. V a l e r a, «Obras completas», t. III. Madrid, 1947, стр. 159 В.

Бенхумеа первый заявил, что «Сервантес выполнил свою историческую миссию, написав бессмертную книгу, первую книгу, имеющую социальное и практическое значение». ²⁸ Был ли Тургенев знаком с работами Бенхумеа, или не был, заслуга его в том, что он сумел выявить социальное значение шедевра испанской классической литературы. Во всяком случае, совпадение текстов Тургенева и Бенхумеа поразительно. Отмечая это совпадение, мы имеем в виду совет М. Батайона, данный им еще двадцать лет назад: «Следовало бы систематически изучить, и не только в Испании, влияние, оказанное гуманистической философией времен революции 1848 года, на те толкования и те справедливые суждения, которыми история литературы жила в течение последнего столетия». ²⁹

А. Я. Звигильский
(перевод Н. Н. Тетеревицкой)

«ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ»

НЕКОТОРЫЕ ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ ТУРГЕНЕВА

Со времени опубликования наших работ, в которых рассматривался резонанс, вызванный речью-статьей Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» в русской литературе и общественной жизни, ¹ удалось обнаружить несколько откликов на нее, ранее не учтенных. ² Эти отклики рассматриваются ниже.

Одним из первых, кто откликнулся на выступление Тургенева, был Н. В. Шелгунов. Отзыв его представляет собою тем больший интерес, что Шелгунов принадлежал к наиболее левому крылу русской интеллигенции того времени и годом позже написал революционную прокламацию «К молодому поколению». В статье по поводу литературного чтения в зале Пассажа, помещенной в «Русском слове», Шелгунов оценивал выступление Тургенева как центральный момент, «около которого группировалось все остальное». «Статья эта, в высшей степени честная по мысли, честная по направлению, произведение вполне поэтическое по изложению и по чувству, которым она проникнута, составляет замечательное явление нашей современной литературы». Не вступая в полемику с Тургеневым по поводу истолкования двух образов мировой литературы, Шелгунов воспользовался ими для злободневной критики правительственного либерализма в предреформенную пору.

²⁸ N. Díaz de Benjumea. Significación histórica de Cervantes, стр. 70.

²⁹ M. Bataillon. Les idées humanitaires... стр. 236.

¹ См. комментарий к «Гамлету и Дон-Кихоту»: *Сочинения*, т. VIII, стр. 552—567, и работу «Статья И. С. Тургенева „Гамлет и Дон-Кихот“. К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева» (Н. А. Добролюбов. *Статья и материалы*. Горький, 1965, стр. 122—163). также: И. В. Столярова. «Гамлет и Дон-Кихот». Об отклике Н. С. Лескова на речь Тургенева. *Тургенев.*, Сб., вып. III, стр. 120—123.

² На некоторые из них нам любезно указал И. М. Катарский, которому выражаем свою благодарность.

Он подчеркивал, что статья о Гамлете и Дон-Кихоте, помимо общечеловеческого интереса, «представляла интерес более местный, интерес современный русский», и продолжал: «Не представляя таких частных, крайних типов, мы богаты тут преимущественно помесью — донкихотствующими Гамлетами; мы богаты великолепными экземплярами весьма рассудительных и зрелых в юности личностей, великих поклонников спокойного государственного взгляда на вещи и начал политической экономии. Эти Гамлеты, стоя с сложенными накрест руками, донкихотствуют, делая вид, что они работают что-то, трудятся для общего дела; в сущности же, не зная, к кому пристать, куда идти, административные Гамлеты делают попросту то, что им выгодно. Это признаки нашего линияния».³

Исравненно меньший интерес представлял отзыв в то время начинавшего публициста Л. П. Блюммера, напечатанный в «Северной пчеле». Рассказав о тургеневском противопоставлении Гамлета и Дон-Кихота, Блюммер с видом знатока добавлял: «Для русской читающей публики эти сравнения новы, занимательны; но они давно высказаны в Англии, где Дон-Кихота считают прототипом истинного английского джентльмена». Последнее утверждение является не чем иным, как искаженным заимствованием из статьи Тургенева.⁴ О самой статье-речи Блюммер не смог сказать ничего, кроме банальностей: «. . . строгая выдержанность, задушевная мягкость, игривое остроумие, простота, т. е. все те качества, которыми обыкновенно богаты произведения нашего беллетриста».⁵

Вопрос о Гамлете и Дон-Кихоте как общественных типах и их значении для современности рассматривался в полемической статье критика и публициста М. Ф. Де-Пуле «Нечто о литературных мошках и букашках. По поводу героев г. Тургенева», опубликованной в журнале братьев Достоевских «Время».⁶ Под «мошками и букашками» автор подразумевал галерею «лишних людей» в русской литературе от Чацкого до Рудина, к которым он, несмотря на такое уничижительное наименование, относился сочувственно и противопоставлял «физически-несокрушимым типам» и «ухорским героям» Марлинского, Загоскина и других писателей-романтиков.

Касаясь тургеневской интерпретации Гамлета и Дон-Кихота, Де-Пуле не соглашался с нею и доказывал, что Гамлет «раздвоен вследствие сознания великости идеи, возложенной на него», и в его бессилии повинны «размышление, *разъедающая* рефлексия, но никак не эгоизм». Гамлет олицетворяет «царство духа». Поэтому, считал Де-Пуле, Тургенев неправ, утверждая, что «Дон-Кихоты находят — Гамлеты разрабатывают»; «наоборот: Гамлеты находят,

³ Н. Ш. Литературное чтение в зале Пассажа. «Русское слово», 1860, № 2, отд. III, стр. 76—77.

⁴ См. выше, стр. 241 сл.

⁵ Н. Н. Письма о русской журналистике. Письмо I. «Северная пчела», 1860, 7 марта, № 53, стр. 210. О принадлежности статьи Блюммеру см.: С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. VI. СПб., 1897—1904, стр. 232.

⁶ «Время», 1861, № 2, отд. III, стр. 115—131. Статья опубликована анонимно. Атрибуцию ее см.: А. Фомин. К истории журнала «Время». (Неизданные письма М. М. Достоевского к М. Ф. Де-Пуле и Н. С. Милошевичу). В кн.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Пб., 1922, стр. 507.

т. е. размышляют, подвергают жизнь анализу, творят идеи; Дон-Кихоты разрабатывают, т. е. действуют и осуществляют эти гамлетовские идеи». Считая, что задачи эпохи требуют появления людей не *«мысли только, но мысли и дела»*, Де-Пуле сочувствовал тургеневскому отношению к Дон-Кихоту, которого он, однако, не считал прямой противоположностью Гамлету. Он писал: «... если г. Тургенев нашел в русской жизни Гамлетов, положим неполных, или *Гамлетиков*, то он ищет в ней, если не настоящих Дон-Кихотов, то хоть *Дон-Кихотиков*. И если в этом действительно состоит перелом авторской деятельности нашего автора, то мы с восторгом его приветствуем. <...> Дон-Кихоты или *дон-кихотики* все же не физически песокрушимые типы, не ухорские герои, а обратная сторона той же медали, те же *мошки да букашки*. Возвращаясь к образу Рудина, Де-Пуле замечал: «Тип этот еще совершенно живой, и быть может, только в последнее время предвидится возможность его смерти; но самая смерть воспоследует только тогда, когда появятся у нас Дон-Кихоты, т. е. этот же самый тип, только перерожденный, т. е. считающий отрадою жизни не *праздномыслие*, <...> а деятельность, жизнь во имя гамлетовских идей. <...> В состоянии ли наша жизнь выставить Дон-Кихотов не по натуре только, а *de facto* — это еще вопрос, в положительном решении которого мы крепко сомневаемся».⁷

После выступления Тургенева характеристика современных деятелей при посредстве образов Гамлета и Дон-Кихота стала как бы общим местом в русской литературе (хотя интерпретация этих образов не всегда совпадала с тургеневской). Уже в февральском номере «Современника» (т. е. следующем после того, в котором была опубликована статья Тургенева) И. И. Панаев в очередном фельетоне «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта», иронизируя над «авторитетами», противопоставляющими себя «толпе» и уклоняющимися от выполнения своего общественного долга, писал: «Я решил, что нам, людям избранным, умникам, авторитетам, ничего не остается делать, ибо толпа не в состоянии еще понимать нас; что нам только следует с гордой иронией поглядывать на эту толпу, сложя руки, предоставив современным Дон-Кихотам бесполезный труд и неблагоприятную борьбу. Наша гордость и самолюбие не позволяют нам быть Дон-Кихотами, интереснее нам рисоваться Гамлетами».⁸

Политический обозреватель «Отечественных записок» В. Санин в статье «Выгодный обмен», в которой рассматривался передел Италии в результате событий 1860 г., назвал одну из главок «Гамлет и Дон-Кихот». Санин ссылался на Тургенева, но замечал, что в действительности трудно провести грань между Гамлетами и Дон-Кихотами. «В жизни действительной, общественной, как и частной, — продолжал он, — проза гамлетизма и поэзия дон-кихотизма так перемешаны, переболтаны и слиты в одно, что олицетворения этой смеси являются попеременно жрецами то той, то другой. <...> Если Гамлетов, Дон-Кихотов, Инсаровых и Обломовых в мире действительном нет, то подобия их существуют в Англии и Испании, в Турции и Японии, —

⁷ «Время», 1861, № 2, отд. III, стр. 127—130.

⁸ «Современник», 1860, № 2, Современное обозрение, стр. 370.

словом, везде, где только есть общество и общественная жизнь. Зато какие же это слабые подобию! как малое в них напоминает первообраз! Гамлет общественной жизни, делая из эгоизма и апатии к окружающему идею, которой решается служить со всем увлечением, непременно несколько Дон-Кихот; Дон-Кихот, делая из преследования задушевной идеи, из служения ей свою славу, проникаясь сознанием собственных заслуг, всегда немножко Гамлет, и т. д.⁹

В последующем изложении автор уподоблял этим двум образам не только отдельные общественных деятелей, но и целые государства (Франция, королевство Сардиния).

Отзвук тургеневского противопоставления обнаруживается и в статье Д. И. Писарева «Схоластика XIX века» (1861), хотя, как мы уже отмечали, позднее критик отверг новую интерпретацию Дон-Кихота.¹⁰ Но в названной статье он еще писал: «Здравый смысл и значительная доля юмора и скептицизма составляют, мне кажется, самое заметное свойство чисто русского ума; мы более склоняемся к Гамлету, чем к Дон-Кихоту; нам мало понятны энтузиазм и мистицизм страстного адепта».¹¹

На статье «Гамлет и Дон-Кихот» останавливался Н. К. Михайловский, откликаясь в сентябрьской книжке журнала «Отечественные записки» на смерть Тургенева.¹² В отличие от других народников Михайловский относился к творчеству Тургенева резко критически и даже в последней статье, хотя и написанной в примирительном тоне, отрицал общественную значи-

⁹ «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 352—353.

¹⁰ См.: *Сочинения*, т. VIII, стр. 564; Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы, стр. 159—160.

¹¹ *Писарев*, т. I, стр. 118 (статья опубликована в майском номере «Русского слова» за 1860 г.). — По-видимому, не без влияния Тургенева Гамлет и Дон-Кихот фигурировали в сатирическом стихотворении «Портрет многих»:

Не прельщу никого я собой,
И любить меня, что за охота:
Я неловкий, несчастный герой
В шутовском колпаке Дон-Кихота!

Жизнь мою окружал страшный мрак.
Жив на свете, не видел я света,
Хоть рядился порой, как дурак,
И в мишуру платье Гамлета!

Далее герой сравнивает себя с Печориным, Тамириным, Обломовым, Онегиным и завершает:

Потерял я все силы давно —
Путь мой в жизни был грязен и труден.
И наверное мне суждено
Кончить так, как тургеневский Рудин.

(«Искра», 1861, 22 сентября, № 36, стр. 509).

¹² *Посторонний* [Н. К. Михайловский]. Письмо в редакцию. «Отечественные записки», 1883, № 9, отд. II, стр. 80—99. В дальнейшей статье включалась в собрания сочинений Михайловского под заглавием «О Тургеневе».

мость тургеневских произведений.¹³ Касаясь «Гамлета и Дон-Кихота», критик, убежденный в фатальной детерминированности воззрений писателя его психическим складом (в основе этого убеждения лежал философский агностицизм), весьма произвольно излагал взгляды Тургенева. Правда, он отмечал, что писатель «... очевидно, гораздо более симпатизирует пламенному, хотя и смешному ламанчскому герою, чем сумрачному датскому принцу», но тут же остерегал: «Было бы, например, большою ошибкою сказать, что вообще деятельный, решительный, смело берущий на себя ответственность тип (каков Дон-Кихот) дороже и ближе Тургеневу, чем тип колеблющийся, рефлектирующий, не смеющий сделать то, что по совести обязан сделать (каков Гамлет). <...> Страдания Гамлета и его хромоногая рефлексия были, напротив, очень близки к дороге Тургеневу, но мрачность скептицизма и холод эгоизма убийцы Офелии, Полония и Лазарта отталкивали добродушного поэта, вскормленного неопределенными, но светлыми идеалами. В Дон-Кихоте же его прельщала отнюдь не цельная твердость характера и готовность действовать на свой страх, а поэтический порыв, стремление куда-то к свету и беззаветная любовь к людям. Если же <...> разумеет под Дон-Кихотом деятельную, решительную натуру, а под Гамлетом созерцательную, колеблющуюся, то отношение Тургенева к обоим этим типам будет как раз обратное тому, которое мы видим в его параллели».¹⁴ Нетрудно заметить, что эти утверждения основаны не столько на действительном содержании статьи Тургенева, сколько на априорной схеме критика.¹⁵

К тому, что мы писали ранее об отношении к «Гамлету и Дон-Кихоту» Л. Н. Толстого,¹⁶ следует добавить еще сведения из дневника В. Ф. Лазурского. Лазурский был учителем детей Толстого и жил в Ясной Поляне летом 1894 г. Из его дневника, который является достоверным документом (Лазурский заносил туда суждения Толстого под свежим впечатлением своих бесед с писателем), выясняется, что Толстой даже начал писать специальную статью в связи с «Гамлетом и Дон-Кихотом» и предполагал прочесть ее на вечере памяти Тургенева.¹⁷ 23 июня 1894 г. Лазурский записал: «Выше всех <у Тургенева> он <Толстой> ставит „Довольно“ и статью „Гамлет и Дон-Кихот“. Говорил, что писал статью о Тургеневе, где рассматривал эти два произведения в связи одно с другим (настроение разочарования и потом указание пути

¹³ См.: Г. А. Б я л ы й. Н. К. Михайловский — литературный критик. В кн.: Н. К. М и х а й л о в с к и й. Литературно-критические статьи. М., 1957, стр. 20—21; А. С. К у з ь м е н к о в. Н. К. Михайловский как литературный критик. «Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института», 1958, т. IX, вып. 3. М., стр. 162—163.

¹⁴ Н. К. М и х а й л о в с к и й. Литературно-критические статьи, стр. 272—273.

¹⁵ Ср.: М. В. Т е п л и н с к и й. «Отечественные записки» (1868—1884). История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск, 1966, стр. 359—360.

¹⁶ См.: *Сочинения*, т. VIII, стр. 564—565; Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы, стр. 161—162.

¹⁷ Как известно, это выступление было запрещено царскими властями. См.: Юр. Н и к о л ь с к и й. Дело о похоронах И. С. Тургенева. «Былое», 1917, № 4, стр. 152—153; Б. Н - с к и й «Б. И. Н и к о л а е в с к и й». Л. Н. Толстой и департамент полиции. Там же, 1918, № 3, стр. 207.

счастись от сознания пустоты). Хотел читать на тургеневском празднике, но ему „запретили“». ¹⁸

Статью «Гамлет и Дон-Кихот» обычно упоминали авторы, писавшие о романе Сервантеса, хотя их интерпретация и не совпадала с тургеневской. ¹⁹

Но статья Тургенева произвела впечатление не только среди литераторов или публицистов. Проф. В. Л. Кирпичев, один из основателей отечественной инженерной науки, к своей программной статье «Значение фантазии для инженеров» (1901) поставил тургеневский эпиграф: «... без этих смешных чудачков изобретателей не двигалось бы вперед человечество — и не над чем было бы размышлять Гамлетам. Да, повторяем: Дон-Кихоты находят, Гамлеты разрабатывают». ²⁰

Ю. Д. Левин

«Д Ы М»

РАБОТА ТУРГЕНЕВА НАД ФРАНЦУЗСКИМ ПЕРЕВОДОМ РОМАНА

Еще в 1948 г. М. П. Алексеев писал: «... представило бы интерес систематически обследовать иностранные переводы Тургенева, им самим допущенные к печати». ¹ Эта впервые поставленная задача впоследствии положена была в основу нескольких работ, принесших интересные результаты. По сверке с оригиналами некоторых авторизованных Тургеневым переводов его произведений на иностранные языки обнаружены были, например, сделанные писателем вставки или существенные исправления, которые следует учесть в текстологической истории этих произведений. Так, для французского издания повести «Первая любовь» Тургенев написал особое окончание, автограф которого сохранился. Выявлены интересные варианты, внесенные Тургеневым во французский перевод повести «Затишье», ² и т. д. Сопоставление с оригиналом французского перевода романа «Дым» также дает интересный материал о Тургеневе — переводчике и редакторе своих произведений.

История первого французского перевода «Дыма» хорошо прослеживается по письмам Тургенева к переводчику Августину Голицыну и к парижскому

¹⁸ *Лит. насл.*, т. 37—38, стр. 450.

¹⁹ См., например; В. А в с е н к о. Происхождение романа. Литературно-исторические очерки. П. Сервантес. «Русский вестник», 1877, № 12, стр. 454, 461; В. И в а н о в. Кризис индивидуализма. «Вопросы жизни», 1905, № 9, стр. 47.

²⁰ «Известия Киевского политехнического института имп. Александра II», 1903, кн. III, отд. механический и инженерный, стр. 7. См. также: Е. М у с л и н. Поэт инженерной науки. «Техника — молодежи», 1965, № 7, стр. 29.

¹ Алексеев, стр. 42.

² См.: *Сочинения*, т. VI, стр. 516—517; т. IX, стр. 543—544.

Список

билетов полученных от
г-на А. Л. Неваховича

Листы 1844
200 р. ач

- 1.) 1^е предметный Мури.
- 2.) 1^е предметный Соколовский
- 3.) 3^е предметный Соколовский
- 4.) 1^е предметный Плещинский
- 5.) 3^е предметный Плещинский
- 6.) 1^е предметный Курдюков
- 7.) 1^е предметный Орлов.
- 8.) ~~1^е предметный~~ ~~Курдюков~~ (Семетовский
Суровский)
- 9.) 1^е предметный Норман.
- 10.) 4^е предметный Мурр. Горфин?
- 11.) 2^е предф. Аман. чужо.

Список билетов, полученных И. С. Тургеневым от А. Л. Неваховича. 1844.
Государственный музей И. С. Тургенева (Орел).

издателю Жюлю Этцелю,³ а также по письмам Проспера Мериме к Тургеневу и к другим корреспондентам.⁴

Перевод «Дыма» осуществлялся А. Голицыным по тексту первой публикации в «Русском вестнике» (март, 1867) и печатался в парижском журнале «Correspondant».⁵

По договоренности с переводчиком, корректуры романа должны были доставляться сначала к Тургеневу в Баден-Баден, затем к Мериме на окончательную редакцию, а потом возвращаться Голицыну для передачи в типографию.

А. П. Голицын, живший постоянно в Париже и писавший только по-французски, недостаточно владел русским языком и переводческим мастерством, чтобы почувствовать и передать стилистические тонкости тургеневского проповедения, а иногда допускал даже грубые ошибки; поэтому и Тургеневу, и Мериме пришлось много потрудиться, редактируя перевод в корректурах. Кроме того, Мериме боролся (правда, часто безуспешно) с тенденцией Голицына выбрасывать или изменять некоторые сцены, сомнительные, с его точки зрения, в нравственном отношении. О тщательной редакторской работе Мериме над переводом «Дыма» можно получить представление по его письмам; об этом упоминали многие исследователи.⁶ В данной заметке мы остановимся на том, какую работу проделал сам Тургенев, исправляя и дополняя перевод Голицына.

Проследить всю правку Тургенева при первой публикации перевода невозможно, так как первоначальный вариант Голицына не сохранился и неизвестна также правка, сделанная рукой Мериме (кроме тех случаев, о которых он упоминал в своих письмах), но переписка Тургенева с переводчиком, издателем и Мериме дает представление о том, в каком направлении шла работа Тургенева над текстом.

Несмотря на договоренность о порядке прохождения корректур, первые шесть глав романа,⁷ помещенных в номере «Correspondant» от 25 июля 1867 г.,

³ Письма, тт. VI и VII, см. указатель писем по адресатам. — Ранее были опубликованы лишь небольшие отрывки некоторых писем Тургенева к Ж. Этцелю на французском языке в изданиях: *Parturier*; A. P a r m é n i e et B o n n i e r de la C h a p e l l e. Histoire d'un éditeur et de ses auteurs. P.-J. Hetzel (Stahl). Paris, 1953.

⁴ См. письма Мериме к Тургеневу, А. Голицыну, г-же Делессер и Женни Дакен в издании: *Mérimée*, II, 7.

⁵ В номерах от 25 июля, 25 августа, 25 октября и 25 ноября 1867 г. В ноябре 1867 г. перевод был выпущен также отдельным оттиском: J. T o u r g u e n e f. Fumée. Traduit du russe. Extrait du «Correspondant», Paris, 1867. Ниже текст перевода Голицына дается по этому оттиску, обозначенному: *Extrait du Corr.* (с указанием в скобках страниц), за исключением отдельных случаев, которые оговариваются. Об А. П. Голицыне (1824—1875) см.: *Письма*, т. VI, стр. 610.

⁶ См.: А. К. В и н о г р а д о в. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928; М. К. К л е м а н. И. С. Тургенев и Проспер Мериме (*Лит. насл.*, т. 31—32, стр. 727—733); Примечания к роману «Дым». *Тургенев. Соч.*, т. IX; *Алексеев*, примеч. 1; Е. И. К и й к о. Примечания к роману «Дым». *Сочинения*, т. IX, стр. 543—544; см. также примечания к письмам Тургенева к Голицыну и Ж. Этцелю: *Письма*, тт. VI и VII.

⁷ В переводе — пять глав, так как V и VI главы оригинала Голицын несколько сократил и объединил в одну.

были напечатаны без учета поправок Тургенева и Мериме, вероятно, в результате опоздания исправленных корректур.⁸ Получив этот номер журнала, Тургенев отправил Голицыну резкое письмо, в котором выражал недовольство переводом, грубыми ошибками, искажавшими смысл, и даже предлагал отказаться от дальнейшей публикации романа.⁹ Мериме сочувственно писал Тургеневу по этому поводу: «Я разделяю ваше огорчение < . . . > Полагаю, что главное зло заключалось в чрезвычайной спешке. Корректуру, которую я отослал, было почти невозможно прочесть из-за множества поправок. Однако не думаю, чтобы я допустил там бессмыслицу. На будущее мне обещают больше времени и корректуру в гранках».¹⁰

Продолжение перевода печаталось уже с поправками Тургенева и Мериме, хотя Голицын упорно смягчал выражения или сокращал текст в тех местах, которые могли оскорбить добропорядочных читателей католического журнала «Correspondant». Особенно пугали Голицына отдельные сцены Ирины с Литвиновым и «лоретки», которых он почти везде изгнал со страниц романа.¹¹ В этом отношении Тургеневу пришлось сделать некоторые уступки Голицыну и согласиться на незначительные изменения и сокращения в тексте,¹² но зато он вставил в перевод важные для идейного замысла романа места, которые были выброшены или искажены М. Катковым при публикации «Дыма» в «Русском вестнике», а также некоторые места, дописанные для последующих изданий.

Как известно, подготавливая новое русское издание «Дыма», Тургенев восстановил в тексте почти все цензурные изъятия Каткова¹³ по наборной рукописи романа.¹⁴ Очевидно, по этой же рукописи Тургенев делал вставки и во французский текст в собственном переводе. Основной восстановленный отрывок — биография генерала Ратмирова, очень сокращенная и смягченная Катковым. Сохранился черновик тургеневского перевода.¹⁵ Этот перевод точно

⁸ В письме от 23 июля 1867 г. Мериме сообщил Тургеневу, что передал Голицыну корректуру с многочисленными поправками, но, очевидно, они не были учтены.

⁹ См. письмо от 14 (26) июля 1867 г. (*Письма*, т. VI, стр. 288, 422). — В этом письме Тургенев приводил две особо грубые ошибки; в частности, выражение «я пропадаю от болезни» Голицын перевел как «я пропадаю от избытия». Указанные Тургеневым ошибки были выправлены при печатании отдельного оттиска (стр. 21). Вероятно, также по желанию Тургенева слова « . . . французик < . . . > грязенький, беденький, глуленький», переведенные Голицыным полностью (*sale, misérable et bête*), в отдельном оттиске были заменены выражением *assez misérable* (стр. 15).

¹⁰ Письмо Мериме от 28 июля 1867 г. (*Mérimée*, II, 7, стр. 564).

¹¹ Например, в гл. V была выброшена фраза «Самые даже лоретки удивляются благоговейному трепету, с которым наши молодые степняки входят в их позорную гостиную».

¹² Сокращения эти касались в основном отдельных определений, описаний и характеристик, казавшихся переводчику несущественными или слишком резкими.

¹³ См.: Е. И. К и й к о. Примечания к роману «Дым». *Сочинения*, т. IX, стр. 522 и сл.

¹⁴ См. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 24 апреля (6 мая) 1867 г.: *Письма*, т. VI, стр. 237.

¹⁵ Тургеневская рукопись перевода «биографии» хранится вместе с наборной русской рукописью «Дыма» в парижской Национальной библиотеке.

воспроизведен в «Correspondant», за исключением двух-трех незначительных поправок, которые, судя по их характеру, несомненно принадлежат самому Тургеневу и, вероятно, были внесены в копию, посланную Голицыну. Приводим перевод этого отрывка полностью.¹⁶

Отец его был естественный. . . Что вы думаете? Вы не ошибаетесь — но мы не то желали сказать. . . естественный сын знатного вельможи Александровских времен и хорошенькой актрисы французенки. Вельможа вывел сына в люди, но состояния ему не оставил — и этот сын (отец нашего героя) тоже не успел обогатиться: он умер в чине полковника, в звании полицмейстера. За год до смерти он женился на красивой молодой вдове, которой пришлось прибегнуть под его покровительство. Сын его и вдовы, Валериан Владимирович, по протекции попав в Пажеский корпус, обратил на себя внимание начальства — не столько успехами в науках, сколько фронтовой выправкой, хорошими манерами и благонаправием (хотя подвергался всему, чему неизбежно подвергались все бывшие воспитанники казенных военных заведений), — и вышел в гвардию. Карьеру он сделал блестящую, благодаря скромной веселости своего нрава, ловкости в танцах, мастерской езде верхом ординарцем на парадах — большей частью на чужих лошадях — и, наконец, какому-то особенному искусству фамильярно-почтительного обращения с выс-

Son père procédait indirectement d'un grand seigneur du temps d'Alexandre Ier et d'une actrice française. Le grand seigneur avait poussé son fils dans le monde, mais ne lui avait pas laissé de fortune; et ce fils lui-même, — le père de notre héros, — n'avait pas eu le temps de s'enrichir: il était devenu colonel et maître de police, quand la mort vint le surprendre. Une année avant de mourir, il avait épousé une jeune et riche veuve qui était venue se mettre sous sa protection. Le fils du maître de police et de la veuve, Valérien Ratmirof, avait été placé, par protection spéciale, dans le corps des pages, et il attira bientôt sur lui l'attention de ses chefs, moins par ses succès scientifiques que par sa tenue martiale et son inaltérable soumission. Il entra dans la garde et fit une carrière brillante, grâce à la modeste aménité de son caractère, à son agilité au bal, à la façon élégante dont il montait, aux parades, des chevaux que ses camarades lui prêtaient, grâce enfin à ce que je ne sais quel art singulier de politesse familièrement respectueuse envers ses supérieurs, d'empressement caressant et insinuant, auquel venait agréablement se

Фотокопия этой рукописи находится в ИРЛИ, Р. I, оп. 29, № 314. Французский перевод отрывков: лл. 395—396. См. репродукцию на стр. 251.

¹⁶ Текст оригинала здесь и ниже приводится по изданию: *Сочинения*, т. IX (с указанием в скобках страниц и строк).

шими, грустно-ласкового, почти сиротливого прислуживанья, не без примеси общего, легкого, как пух, либерализма. . . Этот либерализм не помешал ему, однако, перепороть пятьдесят человек крестьян в взбунтовавшемся белорусском селении, куда его послали для усмирения. Наружностью он обладал привлекательной и необычайно мягкой: гладкий, румяный, гибкий и липкий, он пользовался удивительными успехами у женщин: знатные старушки просто с ума от него сходили. Осторожный по привычке, молчаливый из расчета, генерал Ратмиров, подобно трудолюбивой пчеле, извлекающей сок из самых даже плохих цветков, постоянно обрастался в высшем свете — и без нравственности, безо всяких сведений, но с репутацией дельца, с чутьем на людей и пониманьем обстоятельств, а главное с неуклонно-твердым желанием добра самому себе видел наконец перед собою все пути открытыми. . . (220—221, 29—30)

В этом переводе следует отметить слова : «faire rosser à mort cinq paysans» (запороть насмерть пятерых крестьян), которые не соответствуют окончательному русскому варианту, но в точности воспроизводят текст наборной рукописи. Катков в своем журнале заменил их эвфемистическим, почти умильным выражением: «отечески посечь пятьдесят человек крестьян» (стр. 70), а Тургенев, восстанавливая биографию Ратмирова для нового русского издания романа у Салаевых, дал уже другой, смягченный вариант: «перепороть пятьдесят человек крестьян». Таким образом, в первоначальном виде эта фраза сохранилась только во французском тексте.¹⁷ Здесь же при переводе

¹⁷ Примечательно также, что в первой главе романа выражение «с подобной поспешностью его покойный батюшка порол своих крестьян», напечатанное в «Русском вестнике» (стр. 6), а затем изъятое Тургеневым, осталось тоже лишь во французском переводе (Comme l'était feu son père quand il rossait ses paysans. *Extrait du Corr.*, стр. 1).

mêler un tout petit grain de libéralisme. Ce libéralisme ne l'empêcha pas pourtant de faire rosser à mort cinq paysans dans un village de la Russie Blanche, qu'il avait été chargé de mettre à la raison. Il jouissait d'un extérieur attrayant et singulièrement juvénile. Blanc et rose, souple et galant, il avait de grands succès dans les salons: les douairières en raffolaient. Prudent par habitude, silencieux par calcul, le général Ratmirof, semblable à l'abeille laborieuse qui extrait des suc précieux des plus vilaines fleurs, ne cessait de fréquenter le plus grand monde, et sans aucune instruction, sans aucune morale, mais avec du flair, de l'esprit de conduite, et surtout avec l'inébranlable résolution d'aller aussi loin et aussi haut que possible, il ne voyait plus d'obstacles sur son chemin. (*Extrait du Corr.*, стр. 57)

Тургенев несколько видоизменил, по сравнению с русским текстом, одну фразу, придав ей прощический оттенок. Во всех русских изданиях (и в наборной рукописи) читаем: «За год до смерти он <отец Ратмирова> женился на красивой молодой вдове, которой пришлось прибегнуть под его покровительство». Во французском тексте сказано, что он женился на *богатой* молодой (riche et jeune) вдове.

Тургенев восстановил во французском переводе не все пропуски катковской цензуры, а лишь те, которые, очевидно, считал наиболее существенными. В частности, он восстановил две фразы, в русском издании появившиеся только в 1874 г.: «... тебя бы хорошо в обер-прокуроры произвести»¹⁸ (стр. 206, строки 11—12; французский перевод: «... tu ferais un excellent procureur général au Saint-Synode. — *Extrait du Corr.*, стр. 46) и «... мощная рука устранила все препятствия» (стр. 280, строки 33—34; французский перевод: «... une main puissante avait écarté tous les obstacles — *Extrait du Corr.*, стр. 101).

В перевод также была включена одна из сентенций Потугина, дописанных для русского издания 1868 года.¹⁹

Неужели же не пора сдать в архив это щеголянье, этот пошлый хлам вместе с известными фразами о том, что у нас на Руси никто с голоду не умирает, и езда по дорогам самая скорая, и что мы шапками всех закидать можем? (231, 5—9)

Ne serait-il pas temps de jeter aux orties toutes ces vanteries, tous ces mensonges: «Personne ne meurt de faim en Russie . . . Nulle part on ne voyage plus vite . . . Nous sommes assez nombreux pour enterrer nos ennemis sous nos bonnets . . .»

(*Extrait du corr.*, стр. 64)

Помимо указанных дополнений во французском тексте,²⁰ Тургенев послал Голицыну свой перевод следующей трудной фразы.²¹

вся внутренность его замирала и голова кружилась тихо и приторно. Тупое недоумение и мышья беготня мыслей, не-

Il sentait comme un vertige, un étonnement hébété, un fourmillement de vilaines petites pensées, une terreur confuse,

¹⁸ Эта фраза отсутствует в наборной рукописи и содержится в черновой, но в другом варианте и в другом месте (см.: *Сочинения*, т. IX, стр. 203).

¹⁹ См.: *Сочинения*, т. IX, стр. 231.

²⁰ Автограф рукописи переводов этих мест неизвестен (за исключением биографии Ратмирова); вероятно, они вписывались прямо в корректуру, но авторство Тургенева несомненно (ср. письмо Тургенева к Голицыну от 30 августа (11 сентября) 1867 г.: *Письма*, т. VI, стр. 304, 427). Об этом свидетельствует и стиль перевода: стоит только обратить внимание на перевод выражения «шапками всех закидать можем» (ср. стилистическую правку Тургенева, приведенную в приложении).

²¹ См.: *Письма*, т. VI, стр. 304, 427. — Черновик этого перевода с поправками, написанный рукою Тургенева, хранится вместе с русской наборной рукописью «Дыма». См. примеч. 15.

ясный ужас и немота ожидания, и любопытство, странное, почти злорадное, в сдавленном горле горечь непролитых слез, на губах усилие пустой усмешки, и мольба, бессмысленная, ни к кому не обращенная. . . о, как все это было жестоко и унизительно безобразно! (193, 23—30)

une attente muette, de la curiosité, une curiosité étrange, presqu' une curiosité maligne, et dans la gorge resserrée l'amertume de larmes qui ne peuvent pas couler. Sur les lèvres un effort de sourires et des supplications stupides et lâches qui ne s'adressaient à personne . . . Oh! que tout cela était cruel et humiliant! (*Extrait du corr.*, стр. 37)

Тургенев также предложил Голицыну перевести слово «самородок» выражением «diamant brut».²² Остальную правку Тургенева проследить невозможно по упомянутым выше причинам, за исключением первых шести глав, напечатанных в «Correspondant» в том виде, как они вышли из-под пера Голицына.²³ Эти главы позволяют выявить редакторскую работу Тургенева над французским текстом.

Еще до окончания публикации «Дыма» в «Correspondant», Ж. Этцель предложил Тургеневу в октябре 1867 г. выпустить роман отдельной книгой. Для этого издания Тургенев решил снова выправить перевод, так как «несмотря на старания Мериме, там осталось много оплошностей».²⁴ 18 (30) ноября Тургенев просил Этцеля подождать несколько дней, необходимых «для исправления оставшихся ошибок, восстановления пропусков и т. д., одним словом, чтобы стереть некоторые следы католической щепетильности < . . . > переводчика».²⁵ Отсылая 3 (15) декабря Этцелю вновь выправленный перевод, Тургенев писал: «Вы увидите, что я не преувеличивал, когда говорил о сотнях исправлений. Князь А. <Голицын> грешил в трех отношениях: 1) он не передавал смысла; 2) упрощал, сглаживая текст; 3) дополнял, приукрашивая его. Важные моменты, как правило, в переводе не удавались, подобно тому, как самые выразительные ноты мелодии пропадают в ученическом исполнении. — Но вот наконец работа завершена, и вы имеете точнейший перевод».²⁶

Этцель выпустил роман в самом конце 1867 г.²⁷ При сравнении текста этого издания с публикацией в «Correspondant» отчетливо прослеживается смысловая и стилистическая правка Тургенева, сосредоточенная в основном в первых шести (в переводе — в пяти) главах. Эта правка дает яркий материал

²² См.: *Письма*, т. VI, стр. 306, 427. В русском тексте это слово находится в гл. XIV.

²³ Правда, в отдельном оттиске из «Correspondant» Голицын исправил две грубые ошибки, указанные Тургеневым. См. примеч. 9.

²⁴ См. письмо Тургенева к Этцелю от 21 октября (2 ноября) 1867 г.: *Письма*, т. VI, стр. 333, 432; т. XIII, кн. 2, стр. 230, 270, 271.

²⁵ *Письма*, т. VI, стр. 345, 434.

²⁶ *Письма*, т. VII, стр. 8, 352.

²⁷ J. Tourguénef. Fumée. J. Hetzel, Paris, 1868.

для суждения о переводческом мастерстве Тургенева, о том, каким замечательным стилистом он был во французском языке.

В приложении приводятся наиболее показательные примеры правки Тургенева из начальных глав.²⁸ В остальной части романа, уже отредактированной Тургеневым и Мериме для первой публикации, дополнительных поправок сравнительно немного. Отметим только, что Тургенев выбросил из перевода слово *pieuse* (набожная), которым Голицыны определил Татьяну,²⁹ и почти везде восстановил «лореток».³⁰

Вскоре после выхода в свет первого издания романа Этцель решил выпустить второе, и Тургенев снова послал ему список поправок и опечаток, но уже совершенно незначительных,³¹ которые, впрочем, не были учтены при повторных стереотипных изданиях. Последнее — 7-е издание вышло у Этцеля в 1880 г., и до конца прошлого столетия этот перевод оставался единственным французским переводом «Дыма».

Р. М. Горюхова

ПРИЛОЖЕНИЕ

напоминали взору оживленный блеск и легкую игру весенних цветов и радужных крыл; (143, 15—16)¹

птичьего щebetанья, (143, 19) российский роман, погруженный на инструменты. . . (143, 22—23)

что нисколько не мешало ему в тот же вечер с сочувственным негодованием поддакивать князю Кокб, (144, 5—7)

<граф> поет не то как плохой цыган, не то как

rappelaient les nuances diaprées des feuilles printanières et l'arc-en-ciel brillant sur le plumage des oiseau; (1)¹

le ramage des rossignols. (1) romance russe adaptée à plusieurs instruments. . . (1)

ce qui ne l'empêchait pas le soir de faire la haute politique avec le prince Coco. . . (2)

qu'il ne chante pas mieux que le premier bohémien

rappelaient au regard l'éclat animé et le léger frémissement de fleurs printanières et d'ailes diaprées; (2)¹

le ramage des oiseaux, (2) romance russe instrumentée. . . (2)

ce qui ne l'empêchait pas le soir de répéter avec la plus sympathique indignation, les propos du prince Coco, (3)

et que son chant tiennet le milieu entre celui d'un

¹ Русский текст приводится по изданию: *Сочинения*, т. IX (в скобках указаны номера страниц и строк). Приведенные отрывки полностью совпадают с текстом первой публикации романа, по которому делался французский перевод.

¹ Текст приводится по изданию: J. Touguénef. *Fumée*. Traduit du russe. «Extrait du Correspondant». Paris, 1867.

¹ Текст приводится по изданию: J. Touguénef. *Fumée*. Paris, J. Hetzel, 1868.

²⁸ Только в V главе насчитывается около сорока исправлений Тургенева.

²⁹ *Extrait du Corr.*, стр. 48; в издании Этцеля, стр. 18; в оригинале: «Он подумал о своей <...> милой доброй святой Татьяне» (стр. 208, строки 26—27).

³⁰ На стр. 122 (издания Этцеля) «лоретки» не были восстановлены, вероятно, по причинам фонетического порядка: здесь поблизости оказывалось слово «рулетка» (*lorettes* — roulette)

³¹ См. письмо Тургенева от 16 (28) мая 1868 г. и примеч. к нему: *Письма*, т. VII, стр. 143—144, 384—385, 492.

парижский коафер; (146, 4—5)

в блаженную эпоху откупа, (146, 9—10)

и блестящий генерал О. О., который что-то покорил, кого-то усмирил и вот, однако, не знает, куда деться и чем себя зарекомендовать; (146, 11—13)

Он сохранил и походку в раскачку на каблуках <...> и неестественную медлительность движений, и сонную величественность выражения на неподвижном, словно обиженом лице, (146, 19—23)

княгиня Annette, которая всем бы взяла, если бы по временам, внезапно, как запах капуты среди тончайшей амбры, не проскакивала в ней простая деревенская прачка; (147, 11—14)

княгиня Pachette, с которою случилось такое несчастье: муж ее понал на видное место и вдруг, Dixux² sait rougquoi, прибил градского голову и украл двадцать тысяч рублей серебром казенных денег; (147, 14—17)

мысли его были далеко, да и вращались они, эти мысли, в мире, вовсе не по-хожем на то, что его окружало в этот миг. (148, 11—13)

она <...> укротила и смягчила его дюжий терпкий нрав. (148, 23—26)

мать Литвинова <...> никому не позволяла за обедом наедаться до сопения. (148, 34—37)

фабрика <...> процветавшая в руках плута купца и окончательно погибшая под управлением честного антрепренера из немцев (149, 1—5)

По милости не расположенных к нему дворян его узда, проникнутых <...> доморощенным убеждением, что «своя рубашка к телу ближе», он в 1855 году попал в ополчение и чуть не умер от тифа в Крыму, (149, 12—17)

venu ou un coiffeur de Paris. (2)

durant l'heureuse époque de l'eau-de-vie, (2)

C'était le brillant général O. qui avait vaincu une peuplade, en avait soumis une autre, et ne savait pourtant où se fourrer ni comment se présenter. (2)

il avait conservé <...> l'habitude de marcher sur les talons, de garder sur son visage une expression insolente et hébétée, (2)

la princesse Annette, à laquelle nul n'aurait pu résister, si on n'eût découvert tout à coup en elle une grossière blanchisseuse de village, comme il arrive quelquefois que l'odeur de la choucroute corrompt en s'y mêlant, celle de l'ambre; (3)

la princesse Pachette, dont le mari promu, on ne sait comment, à un poste élevé, en avait profité pour puiser dans la caisse de la couronne 20,000 roubles; (3)

ses occupations étaient très-différentes de ce qui l'entourait en ce moment. (4)

elle <...> calma et adoucit son caractère emporté et sauvage. (4)

La mère de Litvinof <...> ne permettait aucun désordre. (4)

une fabrique <...> florissante entre les mains d'un rusé marchand, et, après sa faillite, tombée entre celles d'un honnête entrepreneur allemand. (4)

Il avait trouvé peu de bienveillance parmi les gentils-hommes de son district <...> qui, selon le proverbe, ne sortaient pas de leur chemise. En 1855, il s'enrôla avec les volontaires et faillit périr du typhus en Crimée, (4—5)

mauvais bohémien et celui d'un coiffeur de Paris, habitué de l'Opéra-Comique. (4)

durant l'heureuse époque de la ferme de l'eau-de-vie, (4)

C'était le brillant général O. qui avait vaincu quelque'un, soumis quelque chose, et ne savait pourtant que devenir ni comment se présenter. (4)

il avait conservé <...> l'habitude de marcher sur les talons avec une lenteur affectée, de garder sur son visage immobile et comme offensé une expression de morgue somnolente, (5)

la princesse Annette à laquelle nul n'aurait pu résister si tout à coup, comme une subite odeur de choux à travers celle de l'ambre, ne perceait en elle une grosse blanchisseuse de village; (6)

la peu chanceuse princesse Pachette: son mari venait d'être promu à un poste de gouverneur de province, et tout à coup, Dieu sait pourquoi, avait battu le maire de sa ville et emporté 20,000 roubles appartenant à la couronne; (6—7)

ses pensées habituelles se mouvaient dans un monde très-différent de ce qui l'entourait en ce moment. (8)

elle <...> calma et adoucit son caractère rude et brutal. (9)

La mère de Litvinof <...> ne permettait pas qu'on mangeât gloutonnement à sa table. (9—10)

une fabrique <...> florissante entre les mains d'un rusé marchand, et tombée en décadence après avoir passé dans celles d'un honnête entrepreneur allemand. (10)

Il avait trouvé peu de bienveillance parmi les gentils-hommes de son district <...> pénétrés <...> de la vérité de notre vieux proverbe oriental: Rien n'est plus près de ton corps que ta chemise — et qui le firent enrôler de force parmi les volontaires patriotiques de 1855. Litvinof faillit périr du typhus en Crimée, (10—11)

в опытных и знающих руках . . . (149, 24—25)

Капитолина Марковна Шестова, старая девица пятидесяти пяти лет, добродушнейшая и честнейшая чудачка, свободная душа, вся горящая огнем самопожертвования и самоотвержения; < . . . > но роскошь и блеск тайно волновали ее, и весело и сладко было ей бранить и презирать их. . . (150, 17—28)

некоего Бамбаева, человека хорошего, из числа пустейших, (151, 5—7)

Бамбаев шлся с криком, но без цели, по лицу нашей многосноной матушки земли. (151, 10—12)

— Вот что называется встреча! — повторял он, расширяя запывшие глаза и выдвигая пухлые губки, над которыми странно и неуместно торчали крашенные усы. — Ай да Баден! Все сюда как тараканы лезут. (151, 13—16)

Я решительно благоговею перед этим человеком! Да не я один, все подряд благоговеют. (152, 5—6)

Литвинову досадно стало. (152, 28)

Ворошилов < . . . > знаменательно опустил глаза, нахмурился. . . (153, 3—6)

Он вдруг оживился и так и помчался, как добрый конь, лихо и резко отчеканивая каждый слог, каждую букву, как молодец-кадет на выпускном экзамене, и сильно, но не в лад размахивая руками. (153, 35—38)

голос его, ипошеский звонкий и хриплый, как у молодого петуха, слегка порвался. . . (154—155, 40—2)

Ворошилов < . . . > слегка щелкнул каблуками. (155, 16—19)

Он видел перед собою господина < . . . > лобастого, глазастого, губастого, бордастого, с широкой шеей, с косвенным, вниз устремленным взглядом. (156, 3—6)

ступил несколько раз по ковру, медленно и странно переваливаясь, как бы крадучись. (156, 10—11)

dans des mains expérimentées. . . (5)

Capitoline Marcovna Chestov, vieille fille de cinquante-cinq ans, originale, douce et honnête, âme libre, dévorée de la soif du sacrifice < . . . > le luxe et l'éclat l'attiraient tout en la troublant; il lui était doux de tonner contre ces maux de l'humanité, d'en parler avec mépris. (5)

un certain Bambaef, brave homme parmi les nullités, (6)

Bambaef parcourait bruyamment le monde sans aucun but. (6)

— Voilà ce qui s'appelle une rencontre, répéta-t-il, en ouvrant ses yeux chargés de graisse et en avançant ses grosses lèvres, rendues encore plus saillantes par des moustaches cirées. Voilà ce que c'est que Baden! tous y grimpent comme des fourmis. (6)

Je révère réellement cet homme, et je ne suis pas seul. (7)

Litvinof en eut honte. (7)

Vorochilof < . . . > fronça le sourcil, (7)

Bientôt, il s'anima et mit à la prononciation de chaque phrase, de chaque lettre, l'attention qu'apportent les cadets dans leur examen de sortie, en l'accompagnant de gestes incohérents que ses paroles ne motivaient pas. (8)

il est vrai qu'il commençait à avoir une extinction de voix; (9)

il < . . . > fit légèrement craquer ses talons. (9)

Il voyait devant lui un monsieur < . . . > ayant un grand front, de grands yeux, de grosses lèvres, une longue barbe, de larges épaules et un regard en dessous. (9—10)

se mit à se promener de long en large; (10)

dans des mains habiles; (11)

Capitoline Marcovna Chestov, vieille fille de cinquante-cinq ans, bizarre, presque ridicule, mais bonne et dévouée, jusqu'à l'abnégation < . . . > le luxe et l'éclat la troublaient secrètement et il lui était d'autant plus doux d'exprimer hautement le mépris que lui inspiraient toutes ces vanités. (12—13)

un certain Bambaef, bon enfant, c'est-à-dire nul, (14)

Bambaef parcourait sans but, mais non sans bruit, la vaste surface de notre patiente mère commune, la terre. (14)

— Voilà ce qui s'appelle un rencontre, répéta-t-il, en ouvrant ses yeux bouffis et en avançant ses grosses lèvres, au-dessus desquelles se hérissaient de misérables petites moustaches teintes. Voilà ce que c'est que Baden! tous viennent s'y fourrer comme des blattes derrière un poêle! (14)

Je révère réellement cet homme, et je ne suis pas le seul. . . Tous, tous le révèrent à qui mieux mieux. (16)

Litvinof en eut du dépit. (17)

Vorochilof < . . . > fronça le sourcil, baissa les yeux avec dignité, (18)

Tous à coup, il s'anima, et se mit à parler très-vite, avec force gestes énergiques mais incohérents, et en appuyant sur chaque syllabe, comme un cadet sûr de son thème, aux examens de sortie. (19)

sa voix stridente et enrouée comme celle d'un jeune coq, se brisa tout à coup; (21)

il < . . . > frappa militairement ses talons l'un contre l'autre. (22)

Il voyait devant lui un monsieur < . . . > ayant un gros front, de gros yeux, de grosses lèvres, une longue barbe, un cou de taureau et le regard en dessous. (23)

se mit à marcher sur l'épais tapis avec la lenteur pateline d'un chat. (23)

подергивая и почесывая бо-
роду концами длинных и
твердых ногтей. (156, 13—14)

поджавши хвост, и улизнул.
(158, 30)

с тою же кротостью. . .
(161, 1)

Губаревым внезапно овла-
дело какое-то тяжелое, почти
злоебно волнение; он даже
побурил в лице. . . (161, 162,
39—1)

курчавою (165, 24)

человек < . . . > но уже, на-
верное, недолжанный. (165,
28—29)

старомодный сюртук сидел
на нем мешком, (165, 30)

Странное впечатление про-
извел он на Литвинова: он
возбуждал в нем и уваже-
ние. . . (165, 35—37)

высших целей; ну, а теперь
мы употребляем более рез-
кие эпитеты. (166, 22—23)

Кто палку взял, тот и кап-
рал. (169, 12)

У Потугина покраснели ще-
ки и глаза потускнели; (169,
13)

прекраснейшие люди, а та же
смесь отчаяния и задора,
(170, 21—22)

иной важный сановник у нас
поддельвается к ничтож-
ному в его глазах студен-
тику, чуть не заигрывает
с ним, зайцем к нему за-
бегает. (173, 17—20)

доморощенное наше шулер-
ство. . . (175, 5—6)

но молчит о них почти-
тельно; (175, 8—9)

caresser sa barbe. (10)

s'éclipsa la queue entre
les jambes. (11)

avec douceur. . . (13)

Goubaref était subitement
tombé sous l'empire d'une
émotion voisine de la co-
lère; son visage avait roussi,
(14)

frisée (17)

ne manquait pourtant pas
de distinction. (17)

une redingote à l'ancienne
mode ne gênait pas ses
mouvement, (17)

Il fit sur Litvinof une sin-
gulière impression. Il gag-
na du coup son estime, (17)

d'un but élevé; mais actuel-
lement on peut leur appli-
quer des épithètes plus éner-
giques. (18)

Battez la caisse, on vous
suivra. (20)

Les joues de Potoughine
étaient devenues écarlates
et ses yeux ternes; (20)

esprits très agréables, excel-
lents coeurs, ils offrent le
même spectacle de découra-
gement et de prétentions,
(21)

un homme d'Etat fait chez
nous de la diplomatie avec
un petit étudiant, (22)

nos filous. . . (23)

mais il ne les relève pas, (23)

tourmenter sa barbe avec le
bout de ses ongles longs
et durs. (24)

s'éclipsa l'oreille basse. (28)

avec la même aménité. . .
(32)

Une sorte d'agitation sourde,
presque méchante, s'était
subitement emparée de Gou-
baref; son visage s'était
enflammé, (34—35)

ébouffée (42)

mais évidemment ce n'était
pas un homme ordinaire.
(42)

une large redingote l'enve-
loppait comme un sac, (42)

L'impression qu'il fit sur
Litvinof était singulière:
il lui inspira à la fois de
l'estime, (42)

d'une force supérieure, mais
par le temps qui court,
nous nous servons d'épi-
thètes plus énergiques. (43)

Le premier qui prend un
bâton en main a raison. (49)

Les joues de Potoughine avai-
ent rougi peu à peu et ses
yeux s'étaient voilés; (49)

ce sont d'excellents gens,
et pourtant c'est toujours
le même mélange de dés-
espoir et d'outrecuidance,
(51)

un homme d'Etat fait chez
nous le chien couchant avec
le premier petit étudiant
venu, (53)

nos grecs, nos filous indi-
gènes. . . (56)

mais il garde sur elles un
silence respectueux, (56)

«ДЫМ».

ТУРГЕНЕВ И ПИСЕМСКИЙ

(ЕЩЕ РАЗ О «ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИХ АРАБЕСКАХ»)

Многообразные источники, послужившие реально-исторической основой «гейдельбергских арабесок» в «Дыме», довольно подробно и глубоко освещены в исследовательской литературе. Это и материалы идейно-философских споров Тургенева с Герценом в 1862—1863 гг.,¹ и наблюдения писателя над политической деятельностью, бытом и нравами «молодой эмиграции»,²

¹ Тургенев, Соч., т. IX, стр. 419—421.

² Н. Русланов. Русские belles-lettres в Баден-Бадене. (По поводу романа «Дым»). «Новые писатели», сб. под редакцией Н. Тиблена. Пб., 1868, стр. 289 и др.; А. Муратов: 1) О «гейдельбергских арабесках» в «Дыме» И. С. Тургенева. «Русская литература», 1959, № 4, стр. 199—202; 2) «Гейдельбергские арабески» в «Дыме». Лит. насл., т. 76, стр. 71—105.

и полемика с Н. Г. Чернышевским, и своеобразная переключка с некоторыми выступлениями «Современника».³

Были у Тургенева, по-видимому, и литературные источники «сцен у Губарева».

В период между возникновением замысла «Дыма» (декабрь 1862—февраль 1863 г.) и началом непосредственной работы над романом (1865) писатель пристально интересуется русской литературой — творчеством Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. Г. Чернышевского, Н. Г. Помяловского, В. А. Слепцова, Ф. М. Решетникова, критической деятельностью Д. И. Писарева.

Уже задуманный Тургеневым роман, где центр тяжести перемещался на непосредственное изображение общественной жизни, требовал новых форм, иных средств, чем использованные в предшествующих произведениях. Творческие поиски Тургенева в жанре общественного романа своеобразно отразились в его критических оценках, эстетических требованиях, литературных симпатиях и антипатиях.

Весьма показательное отношение автора будущего романа «Дым» к «Взбаламученному морю» (1863) А. Ф. Писемского.

Тургеневу понравилось «прекрасное» начало этого произведения, написанного, по его мнению, «живо, сильно и бойко».⁴

В первых трех частях «Взбаламученного моря» Писемский изображал дореформенную Россию, показывал помещичий произвол, всевластие чиновников, бесправие крестьян. Видимо, эта критическая, антикрепостническая сторона романа и привлекла внимание Тургенева. Его должен был заинтересовать и общий замысел «Взбаламученного моря», в котором автор стремился дать широкую картину русской жизни, осветить происхождение деятелей 60-х годов, отразить основные факты общественной борьбы этого времени. Сам Писемский считал, что его роман «захватывает всю почти нашу матушку Русь... словом, труд серьезный».⁵

В целом многоплановое, сильно растянутое во времени и пространстве повествование романа Писемского, рыхлая композиция со множеством необязательных отступлений были чужды творческой манере Тургенева, так же как и основная тенденция романа, стремление доказать, что та «почва», на которой возникли все передовые идеи (по выражению Писемского, «псевдо-революция»), — все это «ничтожно, не народно и даже смешно».⁶

Но отдельные эпизоды «Взбаламученного моря», показывающие идейную борьбу эпохи, могли обратить на себя внимание автора «Дыма», явиться исходным толчком для его собственных творческих опытов. Так, например, некоторые наблюдения Писемского над бытом и нравами русской политической эмиграции, характеристики героев — «нигилистов» были, на наш

³ Е. И. К и й к о. Комментарий к роману «Дым». *Сочинения*, т. IX, стр. 514. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы). См. также: И. А. В и н н и к о в а. И. С. Тургенев в шестидесятые годы. Изд. Саратовского университета, 1965, стр. 93.

⁴ *Письма*, т. V, стр. 134, 135, 137.

⁵ *Писемский*, стр. 151.

⁶ *Там же*, стр. 165.

взгляд, учтены Тургеневым и использованы позднее в «гейдельбергских арабесках «Дыма».⁷

Писатель перекликается с Писемским, описавшим в «Взбаламученном море» сборище у Бакланова, на котором обсуждалась статья о суде. В главе с многозначительным названием «Красные» показываются споры эмигрантов, затрагивающие различные злободневные темы. Столкновение мнений, отсутствие единства, политические крайности, общий шум и гам — все это изображается Писемским с крайним осуждением:

— «Надобно все изменить, — отвечал Галкин, — уничтожить сословия; сделать землю совершенно свободною, как воздух, пусть всякий берет ее, сколько ему надобно; уничтожить брак, семью.

— Это земля там, и сословия, все это пустыки! — перебил его Басардин, — а главное, чтоб деньги у этих каналий — богачей не лежали! <...>

— Да кто же вам позволит это сделать, господа? — возразил Бакланов. <...> — Взять топор, так и позволят! — подхватил Басардин, грозно трянув головой и подняв кулак на воздух.

— Нет, мы рассуждаем, потому что знаем <...> — Знаем, чего хочет народ — Какой?]

— Русский!

— Да народ вас первых побьет камнями, — закричал уж Бакланов.

— Ха-ха-ха! — ответили ему на это молодые люди.

Затем сделался общий шум».⁸

Эту сцену и отдельными деталями, и общей тональностью напоминает собрание у Губарева, — по выражению Потугина, «Вавилонское столпотворение», где среди «гама и чада» собеседники с трудом вспоминают: «Да с кем же я сейчас спорил и о чем?» (IX, 164). Присутствующих занимают самые разнообразные политические, общественные, литературные, исторические, естественно-научные и прочие вопросы и темы:

«— Ммм... ммм... Сверху донизу все гнило, — заметил Губарев <...> Тут не казнь... тут нужна... другая мера. (IX, 157). Разве вы не видите, что... мм... что нам... нам нужно теперь слиться с народом, узнать... узнать его мнение?» (IX, 161).

«Случалось не раз, что трое, четверо кричали вместе в течение десяти минут, и все были довольны и понимали. Беседа продолжалась за полночь и отличалась, как водится, обилием и разнообразием предметов <...> Один офицерчик под шумок ругнул русскую литературу, другой привел стишки из

⁷ В то же время отдельные эпизоды «Взбаламученного моря» могли иметь своим литературным источником полемические диалоги Базарова и Павла Петровича Кирсанова. См., например, спор Сабакеева и Бакланова о значении искусства, открытии клетки, передовых идеях, французской революции. А. Ф. П и с е м с к и й, Полное собрание сочинений, изд. 3-е, т. IV, СПб., 1910, стр. 383. — В. Базанов указывал, что «нельзя» отрицать связи «Отцов и детей» с реакционно-охранительными романами Писемского, Лескова, Ключников и Крестовского, имея прежде всего в виду образ Ситникова, который «превратился в центральную фигуру антиингилистической беллетристики шестидесятих годов» (В. Б а з а н о в. Тургенев и антиингилистический роман. «Карелия», кн. 4, Петрозаводск, 1939, стр. 167).

⁸ А. Ф. П и с е м с к и й, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 518—519.

„Искры“, а Тит Биндасов поступил проще: объявил, что всем бы этим мошенникам зубы надо повыбивать — и баста! не определяя, впрочем, кто, собственно, были эти мошенники» (IX, 163—164).

В характере Губарева, гейдельбергского «наставника», которому члены кружка «излагали <...> свои сомнения, подвергали их на его суд» (IX, 163), Тургенев изображает человека сильной воли, сумевшего подчинить себе (не обладая ни дарованиями, ни способностями) целую группу мятущихся, разнородных людей, не имеющих четких, последовательных политических взглядов.

На собирательность образа Губарева, соотнося его с А. А. Краевским, указывал впоследствии сам автор в письме Я. П. Полонскому от 6 (14) января 1868 г.: «Вглядись попристальнее в людей, *командующих* у нас, — и во многих из них ты узнаешь черты того типа».⁹

Писатель образом Губарева не только протестовал против всякого морального давления на личность, но и яростно ополчался на те привычки «рабства», то наследие крепостничества, которое он видел в отсутствии в русском обществе подлинной нравственной свободы.

Задумываясь над причинами, объясняющими главенство в кружке Губарева, все заслуги которого в том, «что он умные книжки читает да все в глубину устремляется», Потугин возмущенно говорит: «Правительство освободило нас от крепостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишком глубоко в нас внедрились; нескоро мы от них отделаемся» (IX, 168).

В своем понимании характера Губарева и причин его, на первый взгляд, странного и необъяснимого влияния на членов кружка, Тургенев, несомненно, оказывается солидарным с затронувшим те же проблемы Писемским. Так, автор «Взбаламученного моря» устами резонера Варегина следующим образом отмечает значение Проскриптского: «Все-таки это хоть какая-нибудь да сила, а не распущенность».¹⁰ В том же плане оценивается и фигура «революционного» деятеля Галкина: «Да, он не умен, не даровит, это так! — возразила с ударением Елена; — но он человек с характером <...> Нам бог с ними, с этими умниками! <...> Нам нужны люди с характером, с темпераментом, люди твердых убеждений, а не разваренные макарон».¹¹

Объясняя влияние на молодые умы разрушительных «крамольных» идей, Писемский толковал их распространение как реакцию на предшествующий длительный период общественного угнетения: «В обществе, не привыкшем к самомышлению, явно уже начиналось, после рабского повиновения властям и преданиям, такое же насильственное и безотчетное подчинение модным идеям».¹²

При всей несомненной близости отдельных оценок представителей революционного лагеря у Тургенева и Писемского общее понимание этих важных социальных явлений различно. Писемский видит, что общественная жизнь в России «еще не устоялась и бродит»,¹³ но полагает, что в общественном дви-

⁹ Письма, т. VII, стр. 26.

¹⁰ А. Ф. Писемский, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 261.

¹¹ Там же, стр. 523.

¹² Там же, стр. 382.

¹³ Там же, стр. 548.

жении после реформы, в появившихся новых идеях отразились только «ложь», заблуждения и ошибки образованного общества. Он далек от какого-либо исторического подхода к изображаемым событиям, рассматривая их очень статично, не видя выхода из создавшегося, по его мнению, тупика.

Изображение революционных деятелей приобретает у Писемского крайне окарикатуренные формы. Злая фантазия автора создает отталкивающую фигуру Виктора Басардина, лишённого каких-либо нравственных принципов и норм; исполнителя его воли поджигателя Михайлу; ломающего все «под идею», не признающего «ничего живого», ненавидящего искусство Проскриптского; проповедующего уничтожение сословий, брака, семьи Галкина.

Тургенев рассматривает кружок Губарева как одно из своеобразных общественных явлений эпохи, включая свое понимание его деятелей в общую концепцию поисков путей пореформенного развития России.

И. А. Винникова

«МИРОВИЧ»

СЦЕНАРИЙ ТУРГЕНЕВА

В перечне литературных работ И. С. Тургенева, тексты которых до нас не дошли, значится его сценарий для оперы под заглавием «Мирович». Сохранилось лишь одно достоверное письменное свидетельство об этом сценарии; оно принадлежит перу самого Тургенева. В письме к Л. Пичу от 23 января 1881 г. Тургенев просил его навести справку о судьбе этого сценария у вдовы немецкого музыканта и композитора Карла Эккерта (1820—1879): «Спросите ее, не нашелся ли среди бумаг ее мужа сценарий к большой пятиактной опере «Мирович»? Дело в том, что вполне законченный немецкий сценарий написан мною, — и Эккерт в моем присутствии перевел с французского этот сценарий. . . Тогда он еще верил в возможность написать оперу. К сожалению, намерение его не было приведено в исполнение — и теперь эта вещь не имеет никакой цены для госпожи Эккерт. Не будет ли она так любезна переслать этот листок Вам, а вы переслали бы его мне — я был бы вам очень признателен — может быть, из этого еще удастся что-нибудь сделать. Один мой приятель, молодой французский композитор, ищет тексты для оперы, и, может быть, этот Мирович покажется ему подходящим».¹

Из приведенного свидетельства прежде всего явствует, что сценарий о Мировиче был написан Тургеневым по-французски и что либо «листок» с французским текстом, либо немецкий его перевод, сделанный Эккертом, Тургенев хотел получить снова в свои руки, чтобы — в том или ином виде — передать «молодому французскому композитору», по-видимому, зятю Впардо, Виктору-Альфонсу Дювернуа. Нужно полагать, что запрос Тургенева не привел ни к каким результатам; сценария о Мировиче Тургенев обратно не получил;

¹ Письма, т. XIII, кн. 1, стр. 349.

затерялись как французский оригинал, так и немецкая редакция его; дальнейших известий об этом замысле Тургенева мы также не имеем; что касается Дювернуа, то он занялся другой оперой («Сарданапал»).² Неясно также, когда был Тургепевым написан этот сценарий и при каких обстоятельствах он возник. М. К. Клеман в хронологическом перечне произведений Тургенева предположительно отнес его к 1867—1868 гг.,³ исходя, вероятно, из того соображения, что дружеская близость Тургенева и К. Эккерта возникла как раз в это время, в годы их совместной жизни в Баден-Бадене. Тургенев тогда действительно был увлечен не только сочинением сценариев различного рода для всевозможных музыкальных произведений, но и возможностями увидеть их музыкально-сценическое воплощение. Но из вышеприведенного свидетельства Тургенева вовсе не явствует, что писатель предназначал свой сценарий о Мировиче именно для Эккерта: последний под руководством Тургенева всего лишь переводил на немецкий язык текст сценария, написанный ранее по-французски и, следовательно, предназначавшийся для другого музыканта. С другой стороны, новейшие разыскания Х. Шульце, посвященные истории взаимоотношений Тургенева и семьи Эккертов, установили, что их дружеские связи продолжались и позже, в конце 60-х—начале 70-х годов, когда Эккерт стал дирижером придворной оперы в Берлине; ⁴ та же исследовательница «с значительной степенью вероятия» допускает, что первое знакомство Тургенева с К. Эккертом состоялось еще в первые месяцы 1847 г. (в это время Эккерт уже закончил первую свою оперу «Вильгельм Оранский») и не исключает возможности их встреч в Вене — в 1858 и 1864 гг.⁵

Все это заставляет обратиться к поискам других оснований для датировки указанного замысла Тургенева. Свое значение в этом вопросе может иметь развитие сюжета о Мировиче в русской и зарубежной литературах: отдельные звенья этой длинной цепи разноязычных произведений самых различных жанров безусловно были известны Тургеневу и могли натолкнуть его на сочинение собственного сценария о Мировиче для большой пятиактной оперы.

С именем подпоручика смоленского пехотного полка В. Я. Мировича связана история весьма драматического и закончившегося полной неудачей дворцового переворота, предпринятого через два года после воцарения Екатерины II. Мирович по собственной инициативе задумал освободить из Шлиссельбургской крепости томившегося там в заключении двадцать три года (с 1740 г.) сына правительницы Анны, Иоанна (Ивана) Антоновича и возвести его на российский престол на том основании, что он был объявлен императором еще в пленках и номинально царствовал в младенчестве в течение нескольких месяцев. Мирович был потомком некогда богатых и знатных, но затем разоренных украинских дворян (дед Мировича был замешан в заговоре Мазепы). Назначенный караульным офицером в Шлиссельбургскую крепость, Мирович узнал, что здесь в качестве «безымянного колодника» томится «царственный узник» Иоанн Антонович и составил нехитрый план его освобождения и до-

² Там же, т. XIII, кн. 2, стр. 249; *Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 393, 399.

³ Клеман. Хронолог. указ., стр. 366 (№ 308).

⁴ Chr. S c h u l t z e. Turgenew und die Eckerts. *Turgenew und Deutschland*, Bd. I, стр. 288—299.

⁵ Там же, стр. 289.

ставки в Петербург водным путем. В ночь с 3 на 4 июля 1764 г. Мирович, подговорив нескольких караульных, вступил в перестрелку с небольшим отрядом солдат, охранявших тюрьму; в это же время два офицера, неотлучно находившиеся при узнике, боясь, как бы Мирович не достиг успеха, и действуя согласно имевшейся у них тайной инструкции, убили спящего Иоанна. Увидев его окровавленное, бездыханное тело, Мирович понял, что дело его проиграно: он дал себя арестовать без сопротивления и вскоре был казнен.

Весть о заговоре Мировича и о злодейском убийстве безоружного пленника в Шлиссельбурге получила широкую огласку как в России, так и за границей. Почти все иностранные послы, находившиеся в Петербурге, известили свой правительству о событиях, связанных с именем Мировича, едва не ставших причиной государственного переворота. В русской столице пошли по этому поводу разнообразные толки и слухи, расцветившие всю эту историю более или менее вымышленными, но интригующими подробностями. Последнее заставило Екатерину II, еще не очень спокойно чувствовавшую себя на российском престоле и стремившуюся пресечь развитие дальнейших легенд вокруг этих событий, действовать быстро и решительно: 17 августа 1764 г. был обнародован особый манифест, в котором довольно подробно изложена история бунта Мировича, а 9 сентября издан был приговор сената Мировичу и его сообщникам.⁶

О заговоре Мировича сохранилось много известий, но публикация их была затруднена, так как в России в течение почти целого столетия они находились под цензурным запретом; тем больше и охотнее писали о нем за рубежом. Во французской, английской, немецкой литературах появилось множество посвященных ему произведений не только публицистических, претендовавших на полное и правдивое изложение событий 1764 г., но и художественных, дававших больший простор для изображения столь неожиданно переплетавшихся историй жизни и смерти двух лиц, никогда не видевших друг друга — слабоумного «императора», всю свою недолгую жизнь прожившего в тюрьме, и молодого подпоручика, добровольно принесшего себя ему в жертву.

Стоит отметить, что длинный список произведений, посвященных Иоанну Антоновичу и Мировичу, заключает в себе много драматических сочинений и что ранние из них относятся к середине XVIII в. Так, например, еще в 1765 г. в Париже вышла в свет пятиактная трагедия Д. Фалло: «Угнетенная невинность или смерть Ивана, русского императора»,⁷ в которой Мировичу принад-

⁶ [В. А.] Б и л ь б а с о в. Иоанн Антонович и Мирович. М. 1908 (серия «Русская бль», вып. 10).

⁷ L. J. Fallot. L'innocence opprimée ou la mort d'Ivan, Empereur de Russie, tragédie en 5 actes. Paris, 1765; — В. А. Бильбасов (в кн.: В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. XII, ч. 2. Берлин, 1898, стр. 10) указывает на то, что в книге «Authentic Memoirs of the Life and Reign of Catherine II, Empress of all the Russias», London, 1797) упоминается трагедия, вышедшая в Гамбурге вслед за манифестом о казни Мировича: «Innocence oppressed, or the death of Ivan, Emperor of Russia, a tragedy by J. E. Tallon, dedicated to the baron of Liebenslein. Этой брошюры нет в нашей Публичной библиотеке». Нет сомнения, что указанные выше английская и французская трагедии, имеющие тождественное заглавие, представляют собою одно и то же произведение, и что авторы их — Fallot и Tallon — являются одним и тем же лицом; нам ничего неизвестно о гамбургском издании «Угне-

лежит одна из главных ролей; к 1816 г. относится пятиактная трагедия на ту же тему второстепенного английского драматурга Сотби, известная главным образом похвальным отзывом о ней Байрона;⁸ за ними последовали драмы: Деблун и Лароша («Ivan de Russie, tragédie en 5 actes, Paris, 1822»), Ш. Лафона (Ivan de Russie, Tragédie en 3 actes, Bruxelles, 1842), Соль-Руссель («La dernière nuit d'Iwan, drame en 1 acte», Nantes, 1845)⁹ и др.

Новый интерес к забытой династической истории возник после того, как в начале 60-х годов XIX в., почти через столетие после самих событий, состоялось правительственное решение о публикации всех документов, относящихся к Иоанну и Миновичу.¹⁰

Уже в 1860 г. в «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских» была напечатана записка В. П. Кочубея о смерти Иоанна Антоновича, составленная по подлинным архивным документам,¹¹ в следующем году, в тех же «Чтениях», опубликован подлинный указ о назначении к узнику Иоанну Антоновичу тех двух специальных караульных офицеров, которые сделались в конце концов его убийцами.¹² Историей заговора Миновича тогда же заинтересовался П. И. Бартенев, вскоре поместивший в своем «Русском архиве» 1863 г. «План романа из жизни Миновича» и записку о нем Г. Ф. Квитки (Основьяненко) по подлинной рукописи, доставленной М. П. Погодиным.¹³

тенной невинности» Фалло; французский же текст этой трагедии имеется в собрании «россияки» ГЛБ (шифр: 13.8.10.87). Ср.: Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères, t. I, St.-Petersbourg, 1873, стр. 380.

⁸ Ivan. A Tragedy in 5 actes by W. Sotheby, London, 1816. См.: В у р о н. Works, Letters and Journals, ed. by R. E. Prothero, London, 1904, vol. III, стр. 235—237.

⁹ Н. Н. Е р м о л и н с к и й. Иллюстрации к русской истории. Указатель драматических сочинений, исторических и бытовых, СПб., 1910, стр. 56—57 (№№ 427—431); этот перечень составлен по экземплярам, принадлежащим ГЛБ; некоторые из них не упомянуты в более полной двухтомной библиографии В. А. Бильбасова. История Екатерины II, т. XII, ч. 1—2 (Обзор иностранных сочинений о Екатерине II, 1797—1896), Берлин [1898]; но и этот список не полон. Укажем, например, что среди книг, находившихся в библиотеке Пушкина, сохранился сборник театральных пьес: «Moral plays» (London, 1832); вторая пьеса в этом сборнике озаглавлена: «The fate of Ivan, an historical tragedy»; среди ее действующих лиц Prince Ivan, Lieutenant Mirovich, Catherina II и др. См.: Б. Л. М о д з а л е с к и й. Библиотека А. С. Пушкина. Пушкин и его современники. Вып. IX—X. СПб., 1910, стр. 294 (№№ 1191). См. также заметку Пушкина в его «Table Talk» (1835—1836, № XLII), начинающуюся словами: «Когда родился Иван Антонович, то императрица Анна Иоанновна послала к Эйлеру приказание составить гороскоп новорожденного» и т. д. (*Пушкин*, т. XII, стр. 169, 403, 450).

¹⁰ С. С. Л у р ь е. Из истории дворцовых заговоров в России XVIII века. «Вопросы истории», 1965, № 7, стр. 218.

¹¹ «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1860, кн. 3, стр. 149—154.

¹² «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1861, кн. 1, стр. 185.

¹³ «Русский архив», 1863, вып. 2, стр. 160—170 (или 2-е издание, стр. 470—481). Ср.: Н. М. Б а ж е н о в. Г. Ф. Квитка-Основьяненко. «Известия ОРЯС», 1910, т. XV, кн. 1, стр. 283. Как видно из дневника М. П. Погодина (запись от 6—7 июля 1831 г.), он еще за три десятилетия перед тем замыслил написать роман «Минович», на что он, по словам его биографа

«Можно бы интересный составить исторический роман из горестной жизни несчастного принца, бывшего в России под именем императора Иоанна III Антоновича», — пишет Г. Ф. Квитка, а затем излагает и задуманный роман. Ему представлялось занимательным одному из двух караульных офицеров, приставленных к узнику, «дать дочь с самым необыкновенным для девицы характером: скрытым, предприимчивым, сильным, смелым, честолюбивым без меры, твердым, решительным и на все готовым для достижения цели своей. Она, возвратясь из чужих краев, где получила образование с семейством князя, нашла отца при сем принце. Основала план освободить его, возвести на престол и быть его женой, а смотря по обстоятельствам, и царствовать». Далее Квитка предполагал свести эту героиню с Мировичем, «человеком подобного же характера, как и она, но вдобавок озлобленного первыми вельможами. Они знакомятся, сближаются. Девица влюбляет его в себя, дает ему мысль о возведении Иоанна на престол и поселяет в него надежду стать при нем генералиссимусом, светлейшим князем и пр. и пр.».¹⁴ В романе должно было быть рассказано также о ходе заговора. Мирович забыл, однако, о другом приставе. Заговорщики проникают в тюрьму с возгласами: «Требуем императора Иоанна Третьего». Пристав спешит в камеру узника. «Там несчастный, видя наступающую минуту свободы своей, проливая радостные слезы в объятиях своей возлюбленной и отца ее, клялся им снова о немедленном исполнении обещания своего. Среди волнения и радости они не чувствовали вошедшего пристава, не слышали, как сей, схватя тут же лежащую, приготовленную для императора шпагу, возил ее сему несчастному в бок». Следовала весьма мелодраматическая сцена: «Мирович, увидев несчастного, плавающего в крови, командует на караул, бьют полный марш, преклоняют знамя, он подходит к умирающему, салютует, затем снимает шпагу, отдает ее приставу, сказав: я ваш арестант».¹⁵ Но роман на этом не заканчивался. По замыслу Г. Ф. Квитки, честолюбивая дочь коменданта должна была действовать в свою пользу даже после смерти Иоанна Антоновича. «При последнем вздохе принца она выбегает из тюрьмы с отцом своим и с благодарными слезами обращается к приставу, признавая его спасителем России от несчастий и их чести и жизни. Они складывают вину на Мировича. . . Скоро Мировича перевезли в Петербург и начался

Н. Барсукова («Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 3, СПб. 1890, стр. 314) «хотел испросить позволение государя. В этом намерении поддерживал Погодина Квитка, который писал ему: «Подробности суда и казни Мировича рассказываемы мне были очевидцами. Сколько предметов, коими можно украсить истинное происшествие: двор Екатерины с начала ее царствования, следовательно в молодых ее летах, поведение и интриги тогдашних бояр от неудовольствия на новых вельмож, Орловых, отыскивающих молодых людей с достоинствами, им покровительствующих и прокладывающих им дорогу в храм счастья < . . . > противодействия соперников, неудачи, обман и пр. да и мало ли чего? Стоит только вам приняться, и мы будем иметь отличное произведение». Погодину не удалось написать этого романа; любопытно, что в 1863 г. именно Погодин достальствуя Бартеневу план романа о Мировиче, писанный тем же Г. Ф. Квиткой; однако и этот план остался не реализованным. Не к 30-м ли годам относился и план Квитки?

¹⁴ «Русский архив» 1863, № 2, стр. 162—163.

¹⁵ Там же, стр. 164—165.

над ним суд, известный из актов. О приставах и дочери одного из них ничего не было известно, какая судьба их постигла. В актах действительно ничего о них не упомянуто, их имена не встречались нигде, и даже знакомые их не получали уже никогда от них никаких сведений (об этом мне говорили тогдашнего времени люди, знавшие в подробности дело сле)¹⁶. «Так или гораздо лучше, завязчивее можно было бы составить что-нибудь очень интересное, — пишет Г. Ф. Квитка, заключая свой «План», — сколько тут приплести можно происшествий, сколько эпизодов, как бы интересно описать можно было тогдашний образ жизни, обычаи двора, вельмож, их честолюбие». . .¹⁷

Представляется очень вероятным, что именно этот план Г. Ф. Квитки и положен был Тургеневым в основу его оперного сценария о Мировиче, так как он уже удовлетворял во многом требованиям музыкально-драматического жанра. В число действующих лиц введена была, например, молодая женщина с сильным и властным характером, роль которой должна была составить своего рода pendant к образу императрицы Екатерины II; об этой молодой женщине, еще не получившей у Квитки имени, которая должна была стать вдохновительницей честолюбивых замыслов Мировича, история умалчивает, но ее вымышленный образ должен был придать занимательность и напряжение развитию действия. В замысле Квитки сделана была также попытка противопоставить друг другу характеры и образы двух караульных офицеров, исторически ничем не замечательных, так как они были попросту обыкновенными наемными убийцами. В особенности усложнялся планом Квитки образ Мировича: он представлялся главным действующим лицом драмы, весьма сложного и противоречивого характера, в котором бушевали различные страсти, ставшие причиной его гибели тогда, когда он, казалось, уже добился осуществления всех своих мечтаний. План Квитки хотя и вовсе отклонялся от исторической правды, зато обладал законченностью драматического сюжета и драматургически столь оправданной системой действующих лиц, что, кажется, не составляло бы даже особого труда расписать их по голосовым партиям предвидимой пятиактной оперы.

Не может быть никаких сомнений относительно того, читал ли Тургенев план романа о Мировиче в «Русском архиве» 1863 г. Что «Русский архив» привлекал к себе особое внимание Тургенева именно в баден-баденский период его жизни, мы знаем из разнообразных письменных свидетельств,¹⁸ а также из личной переписки Тургенева с П. И. Бартевым (1868—1871 гг.)¹⁹ Свои издания П. И. Бартев сам посылал Тургеневу в Баден-Баден. В письме от 26 сентября (8 октября) 1869 г. из Баден-Бадена Тургенев, извещая Бартева о получении им второй книги сборника «Оснадцатый век», писал, между прочим: «Искренне благодарю Вас за присылку этой любопытной книги,

¹⁶ Там же, стр. 166.

¹⁷ Там же, стр. 167.

¹⁸ См. письма Тургенева к П. В. Анненкову от 2 (14) января и 24 января (5 февраля) 1868 г. (*Письма*, т. VII, стр. 22, 37) и М. А. Милютиной, вероятно, 31 января (12 февраля) 1868 г. (Там же, стр. 58).

¹⁹ Там же, стр. 17, 51, 306, 338—339; т. VIII, стр. 92, 104, 133, 144. — В 1869 г. Тургенев напечатал в «Русском архиве» очерк «Литературный вечер у П. А. Плетнева», а в следующем году «Образчик старинного крючкотворства».

оторую я прочел уже почти всю с великим интересом. Особенно любопытны документы о Екатерине I, о Мировиче, статья о Ваньке-Каине. Ваши издания для меня настоящий клад». ²⁰ В приведенной цитате наше внимание может привлечь не только общая весьма сочувственная оценка Тургеневым деятельности Барeneuve как публикатора огромного количества действительно замечательных исторических материалов, но и особо высказанный им интерес к Мировичу; последнее представляется тем более примечательным, что в книге, которую хвалил Тургенев, материалы, относящиеся к Мировичу, занимают подчиненное и второстепенное место и не могут идти ни в какое сравнение с теми, которые тот же Барeneuve опубликовал ранее. ²¹ Отсюда мы вправе заключить, что в момент написания указанного письма к Барeneuve сценарий Тургенева о Мировиче написан еще не был или еще обдумывался писателем.

К 1869 г. относится еще несколько произведений на тему о Мировиче, изданных в Германии, слух о которых мог дойти и до Тургенева. В Берлине (без обозначения года) появилась повесть Л. Захер-Мазоха «Нерон в фижмах», относящаяся к его серии «русских дворцовых историй» (*Russische Hofgeschichten*), посвященных Екатерине II. Все в этой повести является неправдоподобным и безвкусным вымыслом. Захер-Мазох изобразил здесь Мировича в качестве любовника Екатерины II. В повести рассказывается, что Мирович надоел молодой императрице; чтобы избавиться от него, она предлагает ему убить Иоанна Антоновича, опасного для нее претендента на престол. Когда Мирович, которому обещана полная безнаказанность, выполняет волю Екатерины и убивает претендента-узника, императрица посылает Мировича на эшафот, освобождаясь таким предательством от обоих неугодных ей людей. ²² Как ни вздорна была эта версия о заговоре Мировича, ею воспользовался именно в 1869 г. некий Батц, положивший ее в основу своей пятиактной «исторической драмы». ²³

Существовал еще один источник сведений о Мировиче, мимо которого Тургенев также не мог пройти. Это была книга Е. П. Ковалевского «Граф Блудов и его время», дважды издававшаяся при жизни Тургенева — отдельно

²⁰ *Письма*, т. VIII, стр. 92.

²¹ В комментарии к данному письму высказано предположение, что Тургенев ошибочно назвал здесь «2-ю часть» «Оснадцатого века», «так как все перечисленные им материалы входят в третью книгу этого издания» (*Письма*, т. VIII, стр. 450), что не вполне справедливо; во второй книге о Мировиче идет речь в большой статье А. А. Васильчикова «Семейство Разумовских» (стр. 599—600). Правда, в третьей книге «Оснадцатого века» (М., 1869), действительно, о Мировиче опубликовано много новых документальных материалов: «Сентенция по злодейским винам Мировича и его союзников» (15 сентября 1764 г.), а также «Сведения и выписки из подлинных бумаг о Мировиче» (стр. 367—387). Тургенев, вероятно, читал также очерк М. И. Семеновского «Иоанн VI Антонович» в польской книжке «Отечественных записок» за 1866 год.

²² L. Sacher-Masoch. Nero im Reifrock. Eine russische Hofgeschichte. Berlin, s. a. См.: В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. XII, ч. 2, стр. 409—410. О других «Hofgeschichten» того же автора см. в той же книге по указателю (стр. 569).

²³ C. W. Bätz. Catharina die Grosse. Historisches Drama in fünf Acten, Leipzig, 1869. См.: В. А. Бильбасов, История Екатерины II, т. XII, стр. 143.

(СПб., 1866), а затем в качестве первого тома «Собрания сочинений Е. П. Ковалевского» (СПб., 1871). В приложении к ней Ковалевский опубликовал некоторые исторические работы Блудова, в свое время не увидевшие света; среди них опубликован и очерк «Заговор и казнь Миновича». С Е. П. Ковалевским Тургенев находился в приятельских отношениях с середины 50-х годов и состоял в переписке. В 1859—1860 гг. Тургенев вместе с Е. П. Ковалевским принимал деятельное участие в первом комитете «Литературного фонда»; в 1867 г. (в начале этого года Ковалевский в шестой раз был избран председателем фонда), Тургенев писал ему: «Я горжусь своим участием в основании нашего общества и дорожу моей тогдашней деятельностью, как одним из лучших моих литературных воспоминаний»;²⁴ отметит также, что летом 1866 г. Е. П. Ковалевский жил в Баден-Бадене и неоднократно виделся там с Тургеневым.²⁵ Нет сомнения, что Тургенев читал книгу Ковалевского о Блудове, вышедшую в этом году, тем более что эта книга вызвала множество откликов и рецензий и острую полемику в русской печати.²⁶

Правда, небольшой очерк Блудова «Заговор и казнь Миновича» не мог представить особого интереса для Тургенева, поскольку он удерживался в рамках подлинного следственного дела о бунте в пользу Иоанна Антоновича, частично уже опубликованного несколькими годами ранее. Из суховатого, строго фактического изложения этого дела, данного Блудовым, трудно было бы почерпнуть что-либо особенно новое, относящееся к Миновичу и окружавшим его людям; тем не менее кое-какие детали этой давней истории, восходившие к подлинным документам, могли пригодиться сценаристу. В начале своего очерка Д. Н. Блудов писал о Миновиче: «Узнав в октябре месяце 1763 года (тогда ему было 23 года) от отставного барабанщика шлиссельбургского гарнизона, что в крепости содержится Иоанн Антонович и желая каким бы то ни было средством возвыситься, а с тем вместе отомстить императрице за двоекратный отказ возвратить ему часть имения его предков, Минович вздумал произвести перемену в правлении, вывести принца Иоанна из крепости и провозгласить императором. . .»²⁷ Таким образом, Блудов стремился изобразить Миновича не только честолюбцем, но мстителем за обиды, нанесенные ему и его роду и Екатерине II, и ее предшественниками на русском престоле.

Любопытно, что заговор Миновича привлек к себе внимание еще одного русского писателя — Ф. М. Достоевского, задумавшего по этому поводу «поэму-роман»²⁸ и набросавшего план этого произведения, оставшийся, впрочем, неосуществленным. Достоевский записал в черновой тетради: «Одна мысль (поэма). Тема под названием „Император“». Далее идут наброски для памяти. «Подполье, мрак, юноша, не умеет говорить, Иван Антонович, почти двадцать лет. Описание природы этого человека. Его развитие. Раз-

²⁴ Письма, т. VI, стр. 231 и 539.

²⁵ Там же, стр. 72, 94, 490 и др.

²⁶ Б. А. В а л ь с к а я. Путешествия Е. П. Ковалевского. М. 1956, стр. 176—177.

²⁷ Е. П. К о в а л е в с к и й, Собрание сочинений, т. I, СПб., 1871, прилож., стр. 234.

²⁸ «Поэма» в плане о Миновиче для Достоевского означала то же, что он обозначал термином поэма-роман», — указывает А. С. Долинин в своей кн. «В творческой лаборатории Достоевского», Л. 1947, стр. 11.

вивается сам собой, фантастические картины и образы, сны, дева (во сне) выдумал, увидел в окне. Понятия о всех предметах, ужасная фантазия, мыши, кот, собака. Молодой офицер, адъютант коменданта, задумал переворот, чтобы провозгласить его императором. — Он знакомится с ним, подкупает старого инвалида, прислуживающего арестанту, приходит к нему. Встреча двух человеческих лиц. Изумление его. И радость и страх, дружба. Он развивает узника, учит его, толкует ему, показывает деву (зачеркнуто: свою невесту) дочь коменданта, через которого все делается. Дочь коменданта соблазнена стать императрицей»²⁹ и т. д. Н. Л. Бродский, впервые опубликовавший этот план Достоевского, писал в своих пояснениях к нему: «Что натолкнуло Достоевского на мысль обработать в форме поэмы эпизод, разгравшийся в 1763—1764 гг., трудно сказать с уверенностью. Можно лишь высказать догадку, что проект этот стоит в связи с работой над „Идиотом“. Достоевский, обдумывая Мышкина, мог вспомнить другого „Идиота“, близкого к „натуре“. Так как план поэмы записан в тетради 1867 года, то к этому году и следует отнести время зарождения этого замысла».³⁰

Как видно из набросков плана задуманного Достоевским произведения, центральным в его «поэме-романе» должен был сделаться образ Иоанна Антоновича, манивший к себе писателя своей роковой тайной и психологической загадочностью. В представлении Достоевского это, по-видимому, был человек, лишенный каких-либо, даже самых примитивных представлений о жизни и людях, который мог внезапно получить полноту власти и могущества. В исторической литературе вопрос о том, стал ли Иоанн Антонович слабоумным и косноязычным за двадцать с лишним лет одиночного заключения, или же слух о его слабоумии пущен был намеренно его гонителями и тюремщиками, так и не был решен окончательно; очевидным было, однако, то, что, с тех пор как в четырехлетнем возрасте он был сдан на руки тюремщикам, «двадцать лет над ним производился опыт первого в России применения бесчеловечной системы одиночного заключения. Он никого не видел, с ним никто не разговаривал; на вопросы его запрещено было отвечать».³¹ Результаты такой изоляции не могли не сказаться на его умственных способностях.³² Достоевскому и представилось интересным показать это почти бессознательное, дикое, но доверчивое существо, которого случай мог превратить в императора. Но Достоевский не обошел вниманием также Мировича. Именно Мировичу,

²⁹ Н. Л. Б р о д с к и й. Неосуществленные замыслы Ф. М. Достоевского. *Недра*, кн. 2, стр. 279.

³⁰ Н. Л. Б р о д с к и й. Неосуществленные замыслы Ф. М. Достоевского *Недра*, кн. 2; ст. 281.

³¹ [В. А.] Б и л ь б а с о в. Иоанн Антонович и Мирович, стр. 12.

³² Отметим, что еще в конце 50-х годов в Петербурге с успехом шла драма «Идиот» в 7 картинах, представлявшая известную аналогию к истории Иоанна Антоновича. Некая герцогиня, желая отстранить маленького сына-герцога от первого брака от наследования его титула и владений, заключает малолетку в подземелье замка, где его стережет старик, посвященный в тайну его происхождения. Когда его случайно обнаруживают, «он не имеет даже дара слова и выражает только некоторые инстинкты, как дикарь; это и есть идиот». В последующих картинах рассказано, как различные люди, действуя в собственных интересах, пытаются развить в нем то лучшие человеческие качества, то пагубные страсти (см.: «Театральный и музыкальный вестник», 1859, № 45, стр. 439—440).

по замыслу Достоевского, предстояло внушить Иоанну Антоновичу первые представления о реальном мире («показывает ему мир с чердака»), о том, что такое жизнь и смерть, наконец, «объявить ему, что он император», «что ему все возможно». Мирович представлен восторженным правдолюбом, преданным узнику («Мирович в энтузиазме показывает ему оборотную сторону медали и толкует, сколько, став императором, он может сделать добра. Тот воспламенен»). «Наконец бунт, комендант закалывает императора пшайгой. Тот умирает величаво и грустно».³³

Н. Л. Бродский, публикуя этот план, отметил, что сюжет задуманного Достоевским произведения «во многом не соответствует историческим документам. Во всяком случае, книга Е. П. Ковалевского „Граф Блудов и его время“ (СПб., 1866), где в приложении дана статья „Заговор и казнь Мировича“, не могла служить источником для Достоевского. Эпизод с невестой Мировича, знакомство и беседы Мировича с Иоанном Антоновичем — все это литературная выдумка, обнаруживающая совершенное нежелание Достоевского считаться с историческими фактами, устанавливающими, например, что Мирович впервые увидел императора уже мертвым».³⁴

Статья Блудова о Мировиче, опубликованная Е. П. Ковалевским, конечно, пригодиться Достоевскому не могла; Н. Л. Бродский, однако, забыл о плане и записке Г. Ф. Квитки-Основьяненко в «Русском архиве» 1863 г., которую Достоевский несомненно читал: отсюда он занимствовал и безымянную «деву», дочь коменданта и невесту Мировича, которая «соблазнена быть императрицей», и многие другие подробности, вплоть до смерти Иоанна Антоновича, заколотого пшайгой комендантом.

Как ни мало общего было в замысле «поэмы-романа» Достоевского и оперном сценарии Тургенева, но они, вероятно, хронологически стояли неподалеку друг от друга — созданные в конце 60-х годов. Нужно думать, что для обоих писателей важнейшими побудительными толчками к возникновению их замыслов явились материалы о Мировиче, опубликованные в изданиях П. И. Бартенева. Достоевский замысла своего не осуществил. Тургенев же, как мы видели, судьбой своего написанного, но потерянного сценария продолжал интересоваться и позже, очевидно побуждаемый к этому новыми документальными данными о Мировиче, появившимися в русской и зарубежной литературе.³⁵ К середине 70-х годов эти данные были уже столь обширны и многочисленны, что позволили Г. П. Данилевскому создать о Мировиче большой исторический роман.

Первоначально этот роман имел заглавие «Царственный узник» и закончен был к 1875 г. Несмотря на то что Мирович представлен был Данилевским отнюдь не в прикрашенном виде (каким он представлялся Достоевскому), по заурядным армейским авантюристом, пустым, завистливым и необразованным, публикация этого романа оказалась нелегким делом. М. М. Стасюлевиц

³³ *Недра*, кн. 2, стр. 280.

³⁴ Там же, стр. 282.

³⁵ Несколько новых данных о Мировиче напечатано было в «Сборнике исторических материалов и документов, относящихся до истории России XVIII—XIX вв.» (изд. М. Михайлова. СПб., 1873). В «Русской старине» (1879, № 3, стр. 497—508; № 6, стр. 291—306; № 7, стр. 493—514) появилась статья С. Н. Шубинского об Иоанне Антоновиче.

предлагал напечатать этот роман (озаглавленный «Мирович») в «Вестнике Европы» в начале 1877 г., но цензура запретила его первую часть. Тургенев от самого редактора журнала хорошо знал историю запрещения «Мировича» Данилевского и выражал по этому поводу письменное сочувствие Стасюлевичу («Уж очень сюжет опаслив!»)³⁶ и тревожно предостерегал о свирепости русской цензуры даже Э. Золя.³⁷ Известно было Тургеневу и о том, что редакции «Вестника Европы» удалось все же напечатать этот роман Данилевского, хотя и в сокращении, в 1879 г. (в кн. 6—8), но и то благодаря вмешательству самой императрицы. Тургенев несомненно прочел «Мировича» в «Вестнике Европы» и, вероятно, осведомлен был о появлении в следующем году его французского перевода.³⁸

Приведенные выше данные и сопоставления позволяют заключить, что сценарий Тургенева был им написан в конце 60-х годов, но что и в следующее десятилетие его интерес к Мировичу постоянно обновлялся. Возвращаясь к мысли о возможной реализации своего сценария, Тургенев мог также иметь в виду, что во Франции в это время нередко сочинялись оперы на сюжеты из русской истории. Он знал, вероятно, оперу Ж. Бизе «Иван IV» или большую четырехактную оперу на либретто Армана Сильвестра из эпохи Екатерины II о княжне Таракановой.³⁹

В одной из своих ранних статей по поводу драмы С. А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» (1846) Тургенев писал: эта драма «не что иное, как оперное либретто». В 1846 г. в устах Тургенева эти слова звучали как осуждение, но двадцать лет спустя Тургенев сам превратился в плодовитого оперного и опереточного либреттиста. Он писал или задумывал сценарии для Брамса, Тома, Гуно и других композиторов.⁴⁰ Следует сожалеть о пропаже его сценария о Мировиче, погибшего среди рукописей К. Эккерта: эта рукопись позволила бы нам представить себе развитие его взглядов на историческую драматургию⁴¹ и на события русской истории XVIII столетия.

М. П. Алексеев

³⁶ *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 115, 557.

³⁷ Там же, стр. 119.

³⁸ Basile Mirovitch, par G. Danilevsky. Traduit du russe par Alexandre Romald, Paris, 1880. См.: В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. XII, ч. 2, стр. 462—463 (здесь же, стр. 470—471, указана довольно нелепая повесть о Мировиче аббата С. Guenot, Le Kosak Wasili, Limoges, s. a.). Появление «Мировича» в «Вестнике Европы» оживленно обсуждалось в русской печати; о романе писали в «Русском вестнике», 1879, № 9, стр. 398—423 (В. Г. Авсеенко), в «Русской речи», 1879, № 12, стр. 258—264 (Е. Марков), в «Отечественных записках», 1879, № 8, стр. 267—280 (Н. К. Михайловский), в «Русской мысли», 1880, № 11, отд. II, стр. 10—14 (П. П. Сокальский), в «Деле», 1880, № 10, отд. II, стр. 42—53 (Н. В. Шелгунов). Отдельно в полном виде «Мирович» Данилевского вышел в Петербурге в 1886 г.

³⁹ La Czarine, grand opéra en quatre actes et sept tableaux, Poème de Armand Silvestre, Amsterdam, 1880; В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. XII, ч. 2, стр. 461—462.

⁴⁰ L. Keefe r. The Operetta Librettos of Ivan Turgenev. SEEJ, 1966, vol. X, № 2, стр. 134—154.

⁴¹ В. А. Бочкарев. И. С. Тургенев об исторической драме. «Ученые записки Куйбышевского гос. педагогического института», вып. 19, 1958, стр. 193—226.

«ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛИНСКОМ»
И «РЕЧЬ О ПУШКИНЕ»

ТУРГЕНЕВ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ КРИТИКИ

Вопрос о преемственности в развитии критической мысли от Белинского к Чернышевскому, Добролюбову и их последователям занимает важное место в кругу вопросов, затронутых в «Воспоминаниях о Белинском» Тургенева (1869).¹ Тот же вопрос писатель ставит и в своей «Речи по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве». В комментарии к «Речи» в Полном собрании сочинений и писем² об этом аспекте ее содержания не говорится совсем. А между тем представляют интерес и те обстоятельства, которые заставили Тургенева в 1880 г. снова обратиться к проблеме преемственности двух поколений критиков, и то отношение, в котором находятся «Воспоминания о Белинском» и «Речь о Пушкине», рассмотренные под этим углом зрения.

Когда в 1869 г. был напечатан в «Вестнике Европы» очерк Тургенева, в русской печати уже было довольно широко распространено мнение о том, что в литературе, критике и журналистике произошли перемены к худшему, ответственность за которые несут критики 60-х годов, отступившие от заветов их предшественника — Белинского.

В 1868 г. Н. Н. Страхов отметил: «Г. Чернышевский считается у нас писателем вредным и сочинения его нелепыми фантазиями. Другое дело Белинский».³

Постепенно эта мысль все более укреплялась. Так, Н. И. Соловьев, автор вышедшего в Москве в 1869 г. трехтомного издания «Искусство и жизнь. Критические сочинения», негодовал против смешения публицистики с критикой и отстаивал эстетическую критику. Основную идею его книги Н. В. Шелгунов выразил следующим образом: «Люди новой школы и всё то, что пошло их следом, есть, по мнению г. Соловьева, недоросшее недомыслие, не понявшее Белинского», а «наш литературный разлад» — «простое повреждение нравов и худой пример Добролюбова и Писарева, особенно последнего».⁴ В 1875 г. К. Д. Кавелин в статье «Белинский и последующее движение нашей критики» («Неделя», 1875, 5 октября, № 40) писал о перерождении являвшихся «общим настроением» идеалов Белинского в критике революционных демократов, следствием которого были утрата положительных начал, сплошное отрицание, разрыв между новым поколением и поколением 40-х годов, хаос и разлад в печати, а в 1876 г. настаивал: идеал не есть «нечто определенное, формулированное, схваченное в цель или мысль <...> идеалом может быть только целый душевный строй».⁵ «Вестник Европы», в январе 1876 г. в лице

¹ Сочинения, т. XIV, стр. 438—439.

² Там же, т. XV, стр. 322—329.

³ Н. Н. Страхов. Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк. СПб., 1868, стр. 9.

⁴ Н. В. Шелгунов. Двоедушные эстетического консерватизма, «Дело», 1870, № 10, стр. 55, 68.

⁵ К. Д. Кавелин. Идеалы и принципы. «Неделя», 1876, 3 октября, № 36. — О двух указанных работах Кавелина см.: С. Ашевский. Белинский в оценке его современников. СПб., 1911, стр. 256—257; Л. И. Зенкович. «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны» Осиповича (А. О. Ново-

А. Н. Пыпина возражавший Кавелину,⁶ в августе этого же года во внутреннем обозрении фактически сводил на нет мысль о том, что «Добролюбов, даже Писарев, были продолжателями Белинского; между ними и им не было прерыва», помещая ее в следующий контекст: «<...> талант Добролюбова удержал „скипетр“ критики в руках безусловного протеста, полного отрицания <...> нельзя, однако, не признать, что отрицание шло далее потребностей общества <...> критика <...> могла <...> сохранять некоторый престиж и значение только благодаря блеску личных талантов нескольких писателей. Их деятельность прекратилась смертью и по другим обстоятельствам, а преемники их продолжали тянуть нуту, которой не могло быть отголоска в обществе».⁷

В задачу работы не входит исчерпывающий перечень выступлений подобного рода и детальный анализ позиций авторов. Отметим лишь общую тенденцию, удачно сформулированную Шелгуновым: «В нашем обществе сложилось убеждение, неоспоримое и непреложное, как аксиома, что люди сороковых годов были идеалисты, а люди шестидесятых — реалисты <...>. Теперь, когда обществу опять стали говорить об „утраченных идеалах“, аксиома становится еще непреложнее. Разве то, что мы видим вокруг, проистекает не из проповеди реализма шестидесятых годов? Ну, конечно <...> и общество еще тверже заучивает, что люди сороковых годов были идеалисты, а шестидесятых — реалисты, народившие всю ту нечисть, от которой теперь всякий человек, сохранивший „душу живую“, ищет спасения».⁸

Хорошо известна та борьба, которую вел Шелгунов с ниспровергателями Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Протестовал против ставшего общим местом утверждения о так называемой исторической вине людей 60-х годов и М. А. Антонович. В 1878 г. он опубликовал статью с характерным заглавием «Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы», где, касаясь «Воспоминаний о Белинском» Тургенева, усматривал и в них намерение доказать, что «Добролюбов и его друзья извратили дело Белинского, забыли идеалы, завещанные им, и сбили литературу с той верной дороги, на которую он ее поставил». Более того, он считает, что «первый высказал эту мысль известный наш романист г. Тургенев». «Прежде гуманнейший писатель» превратился, следовательно, «в беллетристического черкеса, бьющего лежачих, не им поваленных».⁹ Критик верен своему старому тезису об абсолютной враждебности Тургенева людям 60-х годов, он оценивает очерк на хорошо прояснившемся к тому времени фоне, который составляли высказывания Страхова, Соловьева, Кавелина. В своей статье 1878 г. он повторяет по адресу Тургенева прежние несправедливые обвинения.¹⁰ Гораздо

дворского) («Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 273. Русская и советская литература. Исследования и материалы, Л., 1965, стр. 101—102).

⁶ А. Н. Пыпина. Об упадке современной критики. «Вестник Европы», 1876, № 1.

⁷ «Вестник Европы», 1876, № 8, стр. 792—794.

⁸ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания в двух томах, т. I. М., 1967, стр. 116—117.

⁹ «Слово», 1878, № 2, стр. 77, 83.

¹⁰ См.: М. А. Антонович. Новые материалы для биографии и характеристики Белинского («Космос», СПб., 1869. Приложение № 1).

более объективным был другой полемист писателя, А. Н. Пыпин. Отмечая в «Воспоминаниях о Белинском» серьезные возражения Тургенева Чернышевскому, Добролюбову, Писареву и острую полемическую форму, в которой они были высказаны, он приходил к выводу, что автор подвергает сомнению преемственную связь двух этапов в развитии критики. Но так как никакого прямого заявления на этот счет в «Воспоминаниях» не было, Пыпин не без основания считал, что в них ощущается некоторая недосказанность. Поэтому он и старался вызвать Тургенева на продолжение спора, надеясь, что тот, в конце концов, ответит на вопрос, признаёт ли он преемственность двух поколений критиков или нет.¹¹

Тургенев ответил Пыпину и Антоновичу в 1880 г. В «Речи о Пушкине» он отграничил свой взгляд от проявлений той безусловно реакционной тенденции, о которой говорилось выше. Сделать это было тем более необходимо, что она оказалась очень устойчивой. Как художник, неизменно чуткий к разнообразным оттенкам общественных настроений, Тургенев не мог не улавливать ее и в 1879 г., во время торжеств в его честь,¹² и в 1880 г., когда Россия праздновала открытие памятника Пушкину. Отголоски старого и упорного предубеждения слышались, например, в речи профессора Бугаева, который 6 (18) марта 1879 г. на обеде в «Эрмитаже» в Москве приветствовал Тургенева за то, что он «верно и правдиво» указывал, «где нарушалось чувство общественной гармонии», в речи ректора университета Н. С. Тихонравова, уподобившего его, наряду с Грановским и Белинским, тем сеятелям добра, семена которых, «когда они взойдут, не дадут ничего горького».¹³ А мысль, выраженная в словах В. Д. Спасовича, который, обращаясь к писателю на обеде профессоров и литераторов 13 (25) марта в Петербурге, сказал: «*. . .* вы идеалист: в ваши произведения входит всегда *. . .* тот элемент, который называли прежде идеалом, бесконечным, — то неведомое и непознаваемое, отрешенный от которого человек превращается в ничтожество»¹⁴ — очень походила на предпочтение идеала — «общего настроения» «стеснительным формулам» 60-х годов, о котором в свое время писал Кавелин. В 1880 г. снова раздавались голоса о пагубном влиянии критики 60-х годов, причинившей такой вред имени Пушкина и моральному состоянию общества.¹⁵ В редакционной статье «Современных извещий» указывалось, что, руководствуясь теориями, «из которых одна отрицала самостоятельное значение словесных произведений, другая — значение искусства вообще», «недозрелая самонадеянность засудила» Пушкина, а затем ставился вопрос: «Настоящий праздник возможен ли был 15, даже 10, лет назад? Мысли общества всё еще были в разброде *. . .*»

¹¹ *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 128—130.

¹² Впрочем, в 1879 г. она не могла проявиться особенно ярко: тогда много говорилось о «примирении» людей 40-х годов с молодым поколением, в формировании взглядов которого огромная роль революционно-демократической критики не подлежала сомнению. Тем самым молчаливо предполагалось признание заслуг «шестидесятников».

¹³ «Русские ведомости», 1879, 8 марта, № 59.

¹⁴ «Вестник Европы», 1879, № 4, стр. 825.

¹⁵ Противопоставление этой критики Белинскому оставалось в силе. О нем единодушно писали как о лучшем истолкователе творчества Пушкина (см.: «Русский курьер», 1880, 6 июня, № 152; «Правда», 1880, 6 июня, № 146).

еще бродил во многих головах хмель самоуверенного недомыслия, литературного и политического. Последние два года отрезвили, вероятно, всех, когда практические плоды разнуздавшейся мысли и нравственности встали пред нами во всем ужасающем безобразии и злодействе». ¹⁶ В таком же духе высказался и «Голос»: «Воспитатель и кумир поколения 40-х годов, Пушкин вслед затем был как бы низвергнут с пьедестала в ту эпоху, когда < . . . > общественная мысль, освободившись немного, рвалась ко всему, что было только непохоже на прежнее. Благодаря самоуверенным выходкам нескольких журнальных деятелей 60-х годов, Пушкин был признан жрецом чистого искусства в дурном смысле этого слова < . . . > Молодое поколение, поверив на слово самозванным глашатаям, от него отвернулось < . . . > Извлечение его произведений из оборота умственной жизни не могло остаться без вреда для общественного организма. ¹⁷ Вред этот сказался в черством, негуманном направлении переживаемого нами периода». ¹⁷ По справедливому мнению «Обзора», статьи такого типа доказывали «недобросовестность некоторых из наших журналистов реакционного направления, стремящихся воспользоваться нынешними овациями Пушкину с целью бросить лишний раз камнем в ограду новейшей русской литературы». ¹⁸

Выступление Тургенева на Пушкинском празднике ясно обнаружило его решительное несогласие с этой линией отечественной журналистики. Имеется в виду та часть его речи, где он, констатируя изменение в 60-х годах общественных потребностей и целей (жизнь вступила «из литературной эпохи в политическую»), признал закономерным и появление нового взгляда на искусство и его роль. Он отметил, что искусство стало теперь «служить другим началам, столь же необходимым в общественном устройении», ¹⁹ и подчеркнул: «Многие видели и видят до сих пор в этом изменении простой упадок; но мы позволим себе заметить, что падает, рушится только мертвое, неорганическое. Живое изменяется органически — ростом». ²⁰ Это последнее положение очень важно. Оно формулируется Тургеневым впервые и приобретает особую значимость рядом с многочисленными вариациями на тему об «оскудении идеалов», общественных и эстетических, в котором якобы повинны критики 60-х годов. Будущее не может быть простым возвратом к «относительному спокойствию», считает писатель, цели, к которым оно устремится, будут поставлены с учетом задач, уже решенных направлением 60-х годов. Критика писала о большом внимании и сочувственном интересе слушателей к тому, что Тургенев говорил о недавнем прошлом. По свиде-

¹⁶ «Современные известия», 1880, 6 июня, № 154.

¹⁷ «Голос», 1880, 11 (23) июня, № 160.

¹⁸ «Обзор», 1880, 6 июня, № 520.

¹⁹ Сходные мысли Тургенев высказывал и в 1855 г. («Бывают эпохи, где литература не может быть только искусством — а есть интересы высшие поэтических интересов»: *Письма*, т. II, стр. 282), и в 1856 г. («Он <Чернышевский> плохо понимает поэзию < . . . > но он понимает < . . . > потребности действительной современной жизни»: *Письма*, т. III, стр. 29), и в 1859 г. в «Лекциях о Пушкине», и в 1869 г. в «Воспоминаниях о Белинском» («политико-экономические вопросы должны были сменить вопросы эстетические, литературные»: *Сочинения*, т. XIV, стр. 35).

²⁰ *Сочинения*, т. XV, стр. 73, 74.

тельству Г. И. Успенского, «подлинными выражениями сочувствия приветствовался И. С. Тургенев, когда сказал, что и великого поэта можно было забыть ввиду новых и трудных задач времени».²¹ Однако, признавая закономерность критики 60-х годов как исторического явления, писатель во многом не принимал взглядов ее представителей. Отсюда слова о «сильных, хотя и мутных волнах той новой жизни», когда Белинский сменился «другими судьями, мало ценившими поэзию», которые считали «не только дозволенным, но и обязательным приносить всё не идущее к делу в жертву, сжимать всю жизнь в одно русло».²² Постановка вопроса о преемственности в тургеневской речи 1880 г. не оставляла, таким образом, места недосказанности.

При изучении темы Тургенев и революционные демократы следует учитывать, во-первых, взаимосвязь, существующую между «Воспоминаниями о Белинском» и «Речью о Пушкине» (мысли, изложенные в очерке, получили в ней дальнейшее развитие и завершение), а во-вторых, те внешние условия, которые повлияли на направление рассуждений писателя, побудили его уточнить свою позицию.

Г. А. Никонова

ЮЛИАН ШМИДТ О ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА

Берлинский литературный критик Юлиан Шмидт впервые встретился с Тургеневым в апреле 1867 г.,¹ а через полтора года в «Немецких ежегодниках» появился в печати его первый крупный очерк о русском писателе.² К этому времени имя Тургенева уже получило некоторую известность в Германии благодаря переводам его произведений, рецензиям и статьям его немецких друзей. Напомним, что с 1863 г. Тургенев жил в Баден-Бадене и это также помогало укреплению его личных и литературных связей с немцами.

Весной 1868 г. немецкая печать довольно часто публиковала статьи о творчестве Тургенева. Об этом можно судить по одному из его писем к П. В. Анненкову, где упомянута и статья Ю. Шмидта.³ Посетив Берлин в середине июня этого года, Тургенев при посредстве Л. Пича неоднократно встречался со Шмидтом. В письме к Полине Виардо от 4 (16) июня Тургенев писал: «. . . мы поехали к Юлиану Шмидту. Это славный малый — искренний

²¹ Г. У. [Г. И. Успенский.] Пушкинский праздник. «Отечественные записки», 1880, № 6, стр. 193. См. также: Н. Н. Страхов. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. Биография, повесть и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, стр. 309.

²² *Сочинения*, т. XV, стр. 73—75.

¹ См.: *Письма*, т. VII, стр. 611.

² J. S c h m i d t. Iwan Turgenjew. «Preußische Jahrbücher», 1868, Bd. 22, стр. 432—461. — В этой статье сделаны интересные типологические сопоставления произведений Тургенева с произведениями Г. Фрейтага, Ф. Шпильгагена, К. Гуцкова и Ф. Рейтера.

³ Письмо П. В. Анненкову от 5 (17) марта 1868 г. (*Письма*, т. VII, стр. 83).

и сильный, с совиным лицом и головой гидроцефала. . . Жена его тоже отличная женщина. Долго болтали — очень интересно. . .»⁴

В приписке к этому письму Тургенев просил Виардо послать Пичу апрельский номер «Revue des Deux Mondes» (1868), в котором был напечатан французский перевод «Истории лейтенанта Ергунова». Пич должен был передать журнал Шмидту.⁵

Август и сентябрь 1868 г. были временем усиленной работы Шмидта над изучением произведений Тургенева. Ему уже были известны такие шедевры русской литературы, как «Евгений Онегин», «Ревизор» и «Мертвые души». Творчество Тургенева приобрело в его глазах такое же значение, как творчество Пушкина, Гоголя и ведущих западноевропейских писателей. «По силе своего поэтического таланта, — писал Шмидт, — Тургенев не уступает никому из ныне живущих писателей Европы < . . . >, и чем глубже вчитываешься в его сочинения, тем больше поражаешься его дарованию и мастерству».⁶

Не давая всесторонней оценки творчества писателя, Шмидт, однако, справедливо отметил: «Историческая заслуга Тургенева заключается в том, что он объяснил современникам и потомкам, что представляет собой крепостничество».⁷

Статья Шмидта о Тургеневе охватывала широкий круг общественных и моральных вопросов жизни современной России, а также проблемы тургеневского мастерства (роль природы в его произведениях, соотношение жанров рассказа и романа в его творчестве и т. д.). По своему художественному значению творчество русского писателя приравнялось к творчеству Ч. Диккенса, У. Теккерея, Жан-Поля Рихтера.

Шмидт решительно опровергал распространенную уже тогда легенду о пессимизме Тургенева и заявлял в конце статьи: «Наилучшим опровержением мнения о тургеневском пессимизме служит само его творчество; нация, которая < . . . > породила такого писателя — и не его одного, — поистине может оправдать любые надежды».⁸

В переработанном виде статья Шмидта о Тургеневе вошла в его книгу 1870 г. «Картины духовной жизни нашего времени».⁹

Здесь критик подчеркнул самое существенное отличие современной ему русской литературы от немецкой — господство в ней реалистического направления. Исходя из этого наблюдения, Шмидт заключал, что русская литература почти всегда преследует наряду с художественной также и «практическую» цель — изменение общественных условий и что именно эта задача заставляет ее с реалистической точностью изображать эти условия.

⁴ Там же, стр. 153.

⁵ Там же, стр. 154. — В Письме к Ю. Шмидту от 25 июля (6 августа) 1868 г. Тургенев упомянул этот рассказ в числе других своих произведений, переведенных на французский язык (см.: там же, стр. 201).

⁶ J. S c h m i d t. Iwan Turgenjew, стр. 438.

⁷ Там же, стр. 433.

⁸ Там же, стр. 461.

⁹ J. S c h m i d t. Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit. Leipzig, 1870, стр. 428—471 (все последующие суждения Ю. Шмидта о Тургеневе изложены по этому источнику).

Наблюдательность русских писателей, их внимание к деталям подлинной жизни кажутся Шмидту более развитыми, нежели у литераторов его родины.

Этими особенностями русской литературы Шмидт объясняет появление и успех «Записок охотника» и других шедевров Тургенева. При этом Тургенев выбирает, по наблюдениям критика, такие предметы повествования, с которыми связана его собственная жизнь, которые заставляют звучать в его душе родственные струны. Все это заставляло Шмидта видеть в Тургеневе писателя глубоко национального, который долго живет за границей, но остается в своем творчестве подлинно русским человеком.

С ужасающей правдивостью изобразил Тургенев, по мнению Шмидта, всю систему крепостного права. Не только постоянная угроза телесного наказания, но еще в большей степени состояние полнейшего бесправия разрушают духовные силы человека. Критик перечисляет произведения писателя («Муму», «Постоялый двор», «Три портрета», «Нахлебник», «Петушков», «Бретер», «Бурмистр»), в которых затронуты различные стороны этой проблемы. В очерках «Малиновая вода» и «Каратаев», как пишет Шмидт, «трагедия бесправия чувствуется больше всего».

Изображение крепостничества как препятствия на пути общественного и культурного развития России Шмидт увидел в очерке «Контора». Хлопоты богатых владельцев крепостных «душ» и занятия их дворовых — все это предстает здесь «делом от безделья» («*Vielleichtigkeit um Nichts*»), развращающим и господ и их слуг. Представители правящего класса в рассказах и очерках Тургенева — это «сплошь жалкие существа без устоев, без чести и без сознания долга».

Заключительная сцена этого очерка затрагивала в действительности еще более глубокие и серьезные следствия крепостной системы, о которых Тургенев не считал нужным говорить открыто.¹⁰ Он ограничился лишь намеками на то, что крепостной крестьянин начинает сознавать свои силы и свое достоинство.¹¹

Однако этого Шмидт не сумел разглядеть.

Официальное упразднение крепостного права казалось ему лучшим средством избавить Россию от народной революции и двинуть вперед ее хозяйство. Будущее России изображено Шмидтом в полном соответствии с его либерально-буржуазными политическими воззрениями: «Выросшее в обстановке бессмысленных занятий и тупого безволия, большинство отпущенных на волю крестьян не будет знать, чем заняться < . . . >. Многие погибнут, и, быть может, лишь через поколение народ начнет пользоваться подаренной ему свободой. Но время придет — нужда научит, и когда забудется глупое убеждение, что только высший класс должен распоряжаться человеческими судьбами, тогда даже самый робкий крестьянин возьмется за дело, которое доставит ему по меньшей мере пропитание и кров».

По сравнению с этими неудачными «предсказаниями» эстетический анализ творчества Тургенева, сделанный Шмидтом, гораздо более убедителен и во многом сохраняет свое значение до нынешнего времени.

¹⁰ См.: *Сочинения*, т. IV, стр. 166.

¹¹ Ср. также очерки «Малиновая вода» и «Бурмистр».

Критик относил Тургенева к первоклассным писателям-реалистам. Такие писатели всегда находят в характере человека главную точку, из которой можно вывести все особенности его судьбы. Кроме того, сама жизнь Тургенева с частой переменой мест давала ему более широкий круг наблюдений, чем многим другим литераторам. Тургенев создал в своих рассказах, по словам Шмидта, «удивительную галерею истинно русских характеров» и сумел при этом «невероятное сделать вероятным». Читатель ощутит у Тургенева, так же как, например, у Диккенса, кровь и плоть каждого, даже самого незначительного персонажа («jede Person < . . . > sinnlich vor sich»), услышит его голос и дыхание. Но талант Тургенева обладает здесь «преимуществом вкуса» перед другими талантами.

Шмидт отметил также высокое умение Тургенева изображать взаимоотношения человека и природы. Критик вообще очень верно почувствовал, что восприятие природы у русских писателей было особенно развито. Они использовали в своих произведениях картины природы с таким вкусом, какому немецкие писатели второй половины XIX в. могли только учиться.

В творчестве Л. Тика или Жан-Поля, например, природа никогда не была собственно предметом повествования, выполняя лишь роль фона, оставаясь побочным мотивом. Тургенев же видел ее не во время прогулок, а внутри, он жил в ней как охотник. Он умел объяснить любое ее явление так, что пейзаж переставал быть простой иллюстрацией, но становился в глазах читателя объективной реальностью.

Суждения Шмидта о чувстве природы у Тургенева напоминают ту оценку, которую раньше дал тургеневскому пейзажу Пауль Гейзе (1855).¹² Однако Шмидт находил, что изображения природы в произведениях русского писателя уступают в яркости пейзажам, например, Диккенса в его «Давиде Копперфильде» (картина шторма). И тем не менее Тургенев обладал великим даром передавать самый дух ландшафта, воплощая его в человеческих характерах. Примеров этого достаточно в «Записках охотника». Поразил Шмидта, в частности, прием, с помощью которого Тургенев вызывал в душе читателя чувство неизмеримого степного простора: это далекая переключка двух крестьянских ребятшек в «Певцах». Наибольшей удачей Тургенева, сумевшего слить пейзаж с характерами детей и с народной фантастикой, немецкий критик считал «Безин луг».

Главной темой повестей Тургенева была, по мнению Шмидта, тема любви. Писателю удалось проникнуть в самую сущность этого чувства: он увидел и изобразил, как сила любви возрастает именно тогда, когда человек страдает. Зинаида и Ирина жестоки, но эта жестокость — в то же время выражение глубокого внутреннего конфликта, содержание которого волнует читательскую фантазию. «Они капризны, — пишет критик о тургеневских героинях, — и играют чувствами других, ибо не могут уяснить себе собственное чувство, < . . . > но они отнюдь не холодные создания, они могут испытывать такую же боль, какую они причиняют». Шмидт очень высоко оценивал талант Тургенева, позволявший писателю показывать «тончайшие черты любовного чувства, < . . . > держась вдалеке от всего низменного».

¹² См.: Г. И о н а с. «Записки охотника» в оценке Пауля Гейзе. *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 116.

Шмидт называл Тургенева «непревзойденным мастером изображения мимолетных настроений», который держит читателя как бы в некотором отдалении от чувств героя, лишь время от времени позволяя заглянуть в них и сберегая таким образом чистоту своей поэзии.

Вопрос о соотношении между повестью и романом в творчестве Тургенева критик решал следующим образом: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Дым» рассматривались им как повести (новеллы, по его терминологии), которые в процессе творческой работы писателя выросли в романы. Это «расширение» жанра повести (Erweiterung der Novellenform) объективно отвечало, как полагал Шмидт, историческим потребностям нового поколения.

Но все же изображение современной России в произведениях Тургенева казалось Шмидту недостаточно объективным, фрагментарным, при всей остроте поэтического зрения автора. «Надломленные культурой характеры» таких тургеневских героев, как «Гамлет» Щигровского уезда, безымянный возлюбленный Аси, Павел Александрович из «Фауста» или Рудин, представлялись немецкому критику не характерными, хотя несомненно существующими. Вообще все или почти все персонажи произведений Тургенева страдали, с точки зрения Шмидта, излишней мягкостью и вялостью. Как согласовать это, несколько наивно спрашивал себя критик, с представлениями о русской нации, давшей миру Суворова и других полководцев. Подобные же сомнения возникали и у П. Гейзе при чтении Тургенева.

В этих упреках, продиктованных исторической ограниченностью немецкой либеральной критики, заключалась, однако, доля истины — догадка о специфике тургеневского таланта. Шмидт хотел видеть в Тургеневе объективного историка и с досадой убеждался, что писателя отталкивали исторические события, связанные с преступлениями, жестокостью, тиранией (в качестве примера в статье упоминались «Призраки»). Мягкость столь же мало приличествует историку, сколько и врачу, — она ослабляет силу поэзии, — поучал Тургенева немецкий критик.

Работы Шмидта о Тургеневе содержали убедительный и глубокий анализ творчества русского писателя. Тургенев положительно отнесся к статьям Шмидта и писал ему 6 (18) октября 1868 г.: «Насколько я могу судить (вы знаете, что невозможно совершенно объективно судить, как ни старайся, о собственной деятельности, индивидуальности и физиономии), так вот, насколько я могу судить, никто еще так метко и пронизательно не говорил обо мне, так ясно не очертил пределов моего творчества и вообще так наглядно не вскрыл мое внутреннее существо. Я, право, горжусь, что дал Вам повод для такого этюда. Он доставил мне много удовольствия — сердечное вам спасибо . . .». М-ше Виардо вполне разделяет мое мнение. Я многое узнал о самом себе, на многое у меня внезапно открылись глаза, так, например, на мое отношение к Эллис, которую я сам считал только случайным фантастическим образом».¹³

Что касается Эллис, то Шмидт отнюдь не считал случайностью этот образ. Он видел в нем изображение «музы поэта». Хотя он сам признавал свое истолкование смелостью, но настаивал на сходстве того, что говорила Эллис

¹³ См.: *Письма*, т. VII, стр. 223—224.

о природе, мировых законах и боге, с воззрениями Тургенева. Возможно, что его статья действительно помогла писателю понять значение этого фантастического образа.

Тургенев писал Пичу: «Статья Ю. Шмидта обо мне — безусловно лучшее, что вообще было сказано о моем ничтожестве, — и я очень ему благодарен».¹⁴

Слова Тургенева о Шмидте не были простой данью вежливости, так как в том же 1868 г., кроме работы этого критика, в немецкой печати появились и другие статьи о Тургеневе, написанные Л. Пичем, И. Эккардтом, Л. Фридендером, М. Гартманом.¹⁵

Вскоре Л. А. Полоцкий выступил в «Вестнике Европы» с рецензией на статью Шмидта и этим сделал ее известной русскому читателю.¹⁶

Юлиан Шмидт был, таким образом, одним из самых деятельных и проницательных интерпретаторов творчества Тургенева в Германии. Напомним, что вскоре после его статей немецкие шовинистические круги попытались оклеветать писателя в связи с событиями франко-прусской войны.¹⁷ Но Шмидт боролся за правильное истолкование произведений Тургенева до середины 1880-х годов, когда его внимание привлек Л. Н. Толстой. Впрочем, особый интерес к Толстому тоже заронил в нем Тургенев во время их последнего разговора в 1882 г.¹⁸

Г. Ионас

(перевод Р. Ю. Данилевского)

«ПОСЛЕДНИЙ КОЛДУН»

РИЖСКАЯ ПОСТАНОВКА ОПЕРЕТТЫ

О постановке оперетты Тургенева и Полины Виардо «Последний колдун» на сцене Рижского немецкого театра до недавнего времени ничего не было известно. Правда, занимаясь театральной историей этой оперетты, я пред-

¹⁴ См. письмо Тургенева к Л. Пичу от 17 (29) октября 1868 г.: там же, стр. 230—231, 407.

¹⁵ См.: L. P i e t s c h. Fürsten und Feen im Salon Turgenev. «Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft», 1868, Bd. I, стр. 81—84; J. E c k a r d t. Iwan Turgenjew. Rauch. «Die Grenzboten, Zeitschrift für Politik und Literatur», 1868, I. Semester, Bd. II, стр. 245—257; L. F r i e d l ä n d e r. Iwan Turgenew. «Allgemeine Zeitung», 1868, 3 августа, N 216; M. H a r t m a n n. Iwan Turgenjeff. «Erkennungsblätter zur Kenntnis der Gegenwart», 1868, Bd. 3, стр. 341—343.

¹⁶ См.: П. Л. Критика русских писателей в Германии. «Вестник Европы», 1868, № 12, стр. 909—916. — О содержании следующей статьи Ю. Шмидта «Die neuen Schriften Ivan Turgenjew's» («Новые сочинения Ивана Тургенева»), напечатанной в «Augsburger Allgemeine Zeitung», сообщалось в «С.-Петербургских ведомостях» (1871, 4 (16) сентября, № 243).

¹⁷ См.: G. J o n a s. Eine Erklärung Julian Schmidts aus dem Jahre 1873. — *Turgenev und Deutschland*, стр. 186—189.

¹⁸ См.: J. S c h m i d t. Graf Leo Tolstoi. «Die Gegenwart», 1885, Bd. XXVII, N 6, (7. Februar), стр. 88.

положил, что ее представление готовилось в 1870 г. не только в Берлине, но, возможно, и в Риге.¹

Планы берлинской постановки «Последнего колдуна» (дирижер Карл Эккерт) известны довольно хорошо. Мы знаем из слов самого Тургенева, насколько сильно занимала его мысль о ней, хотя спектакли в Веймаре и особенно в Карлсруэ отчетливо показали недостатки этого произведения.²

По-видимому, Тургенев не придавал значения недостаткам оперетты, потому что весной 1870 г., в марте или апреле, она была вторично сыграна в Веймаре в кругу его друзей и с его участием. Писатель исполнял и теперь, как в Баден-Бадене 13 августа 1769 г., роль Кракамиша и точно так же вместо него пел за сценой Ф. Мильде (по-немецки, тогда как во время баденской постановки он пел, очевидно, по-французски).

В эти дни Тургенева посещал К. Н. Модзалевский, который тогда учился в Иене, недалеко от Веймара. Он вспоминает: «Раз я видел Тургенева играющим одну из ролей в „Der letzte Zauberer“. Иван Сергеевич должен был делать вид, что поет (за сценой на самом деле его роль пел один из настоящих певцов). Но таково было, верно, желание г-жи Виардо. Ей хотелось очень, чтоб Иван Сергеевич играл в пьесе, музыка которой была написана ею самой».³

Однако письма Тургенева, как это ни странно, не сохранили никаких сведений об этом представлении; впрочем, молчат они также и о рижской постановке.

Можно было бы допустить, что ни Тургенев, ни Виардо ничего не знали о подготовке оперетты в Рижском театре. Но едва ли дело обстояло таким образом. «Последний колдун» был поставлен в Риге 31 марта (12 апреля) 1870 г. От предыдущих постановок спектакль отделяло совсем немного времени: в Карлсруэ они состоялись 28 января и 1 февраля, а в Баден-Бадене 9 февраля н. ст. того же года. Таким образом, Рижский театр не мог использовать те же списки ролей и прочие материалы, по которым были поставлены перечисленные спектакли, и должен был иметь в своем распоряжении какие-то другие копии текста и нот.

От рижского спектакля сохранилась печатная брошюра, содержащая немецкий перевод отдельных арий и, очевидно, предназначенная для продажи зрителям (цензурное разрешение от 25 марта 1870 г.).⁴ Поскольку текст постановки, осуществленной в Карлсруэ, пока не известен, сопоставить их невозможно и остается предположить, что тексты близки друг другу: оба они, вероятно, восходят к немецкому варианту текста, который должен был

¹ См.: Г. Ш в и р ц. Представления оперетты «Последний колдун». *Лит. насл.*, т. 73, кн. I, стр. 223.

² См.: Chr. S c h u l t z e. *Turgenev und die Eckerts. Turgenev und Deutschland*, стр. 294—295.

³ См.: *Тургенев, Сб. (Бродский)*, стр. 50—51; G. S c h w i r t z. *Der russische pädagogische Schriftsteller K. N. Modzalevskij und sein Bruder L. N. Modzalevskij an der Jenaer Universität. «Wiss. Zeitschrift der Fr. Schiller Universität Jena, Gesellschaftliche Reihe»*, 1967, Н. I, стр. 50.

⁴ *Der letzte Zauberer. Fantastische Operette in zwei Aufzügen von Iwan Turgenjew, übersetzt von Richard Pohl. Musik von Pauline Viardot-Garcia. Riga, 1870.*

остаться после веймарского спектакля 1869 г.⁵ Как бы то ни было, подготовка «Последнего колдуна» для берлинской и рижской сцен проходила почти одновременно. Значит — тексты и ноты надо было размножить и послать в оба театра: Полина Вярдо должна была об этом знать.

Наше предположение подтверждается следующими строками из обширной рецензии на спектакль, сразу же появившейся в газете «Riga'sche Zeitung»: «Этот „Dernier des sorciers“, охваченный модной ныне страстью к путешествиям, собрался в путь и прибыл в Ригу для того, наверное, чтобы возобновить знакомство с одной из молодых певиц, которая раньше (т. е. в Баден-Бадене, — Г. Ш.) принадлежала к его заколдованному кругу. Думаем, что, не будь здесь фрейлейн Майер, ученицы г-жи Гарсиа, он едва ли отважился бы отправиться на наш холодный Север».⁶

Певица Майер (Maуer), которая, несомненно, участвовала в баденских любительских спектаклях, пела в Риге партию Лелио. Представление «Последнего колдуна» было ее бенефисом.⁷

Мысль воспользоваться талантом этой певицы, чтобы обеспечить успех оперетты, принадлежала, возможно, Полине Вярдо, и все же «Последний колдун» не был создан для большой сцены. Тот же анонимный рецензент рижской немецкой газеты, настроенный в общем благожелательно, как и другие рецензенты прежних постановок оперетты,⁸ приходил к выводу, что «„Последний колдун“ <...> нигде не может рассчитывать на сколько-нибудь серьезный сценический успех». Причины этого он видел в следующем: «Тургеневский текст, вероятно, испорченный в переводе, обладает несомненными поэтическими достоинствами. Однако его поэтичность и его юмор не получили соответствующей драматургической формы. То же самое можно сказать и о музыке. Вся она с начала до конца состоит из тонких, технически виртуозных находок, в которых недостает, однако, тех контрастов, подъемов и сильных движений (не говоря уже о не всегда самостоятельных мелодиях), без которых трудно вообразить себе музыку к спектаклю <...> по крайней мере в крупных театрах». Рецензент справедливо указывал также и на то, что программа вечера была составлена нелепо: оперетте предшествовали второй и четвертый акты оперы Верди «Трубадур» и это также помешало ее успеху.

Рижские читатели были довольно хорошо знакомы с творчеством Тургенева. Это видно по названной выше рецензии, где цитируются суждения о писателе из популярного немецкого журнала «Der Salon», упоминаются «Записки охотника», «Отцы и дети», «Призраки». Не случайно именно рижский издатель Б.-Э. Бере выпустил в свет собрание сочинений Тургенева на немецком языке.

Отклик «Riga'sche Zeitung» не был единственным. Другая местная немецкая газета — «Zeitung für Stadt und Land» дополнила суждения первого

⁵ См.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. I, стр. 219. — В отличие от спектакля в Карлсруэ, рижане перевели имена Кракамиша и Перлимпинчина как «Zog-nebosk» («Сердитый козел») и Parreplарар — так было в первом варианте немецкого перевода Р. Поля.

⁶ «Riga'sche Zeitung», 1870, 1 (13) März, № 75 (рецензия подписана Fr. P.).

⁷ См. заметку того же рецензента: «Riga'sche Zeitung», 1870, 2 (14) März, № 76.

⁸ См.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. I, стр. 216.

рецензента довольно любопытной оценкой оперетты как политической сатиры: «Если смотреть на содержание не просто как на бессмыслицу, то можно истолковать его аллегорически, может быть, как намек на Францию. Цорнебокк, старый колдун, — это как бы воплощение суверенности монарха, Папперлапац, слуга его, — покорный народ, когда-то очень внушительный, теперь же, оскудев духовно и физически, ставший уродливым карликом. Китайская депутация, от которой в тронной речи требуют денег, хотя финансы как будто в порядке, может рассматриваться как намек на попытку создать народное представительство, о которое обжигается Цорнебокк. Эльфы — это духи нового времени; похитив у старого колдуна атрибуты его власти, они лишают его волшебной силы и заставляют освежить свою кровь и примириться с новым веком; слепое же послушание собираются закормить до смерти».⁹

Это неожиданно смелое истолкование оперетты объясняется, конечно, общей политической ситуацией, предшествовавшей началу Франко-прусской войны.

Русская газета «Рижский вестник» воспользовалась представлением «Последнего колдуна», чтобы поговорить вообще об отношении прибалтийской публики к русской культуре. Газета обратила внимание на афишу спектакля: «Театральная дирекция поставила на сцену пьесу Тургенева как нечто серьезное: на афише против имени нашего писателя даже было в скобках обозначено: автора-де „Дыма“ и „Отцов и детей“». Неужели дирекция и в самом деле думала ознакомить немецкую публику с русским произведением? Неужели полагала, что пьеса Тургенева может дать немецкой публике понятие о русской опере? Положим, пьеса была дана в бенефис, но все же зачем компрометировать автора „Дыма“ и его шутку и забаву выдавать за действительное драматическое произведение? А между тем рижская немецкая публика положительно незнакома с произведениями русской драматической литературы. Гоголь, Островский, Толстой здесь решительно неизвестны: по крайней мере, их пьес здесь не ставят. . .»¹⁰

Неизвестный автор статьи несколько сгустил краски: самое упоминание в афише знаменитого романа Тургенева свидетельствовало, что в Риге писателя знали. Статья порицала жителей Риги также и за то, что они не были знакомы с русской оперой. Автор, например, утверждал, что «Иван Сусанин» Глинки известен по всей Германии — это было тоже не совсем верно, так как первая немецкая постановка оперы состоялась лишь в 1878 г.

В сущности позиция автора статьи в «Рижском вестнике» совпадала с официальной точкой зрения, и его нападки задели не только театральную публику, но и непосредственно самого Тургенева. «Странное, в самом деле, прибавление к имени Тургенева, — писал он, — автор — дескать романов „Дыма“ и „Отцов и детей“. Разве этими произведениями Тургенев снискал себе почетную известность в русской литературе? „Дым“ и „Отцы и дети“ —

⁹ «Zeitung für Stadt und Land», 1870, 2 (14) März, № 76 (без подписи).

¹⁰ «Рижский вестник», 1870, 4 (16) апреля, № 76. — Пользуюсь случаем выразить благодарность Ф. Л. Шкирмант (Рига), которая вместе со своими учениками помогла мне найти все упомянутые в статье рижские издания, в том числе и афишу постановки спектакля «Последний колдун».

далеко не лучшие тургеневские произведения. Они неверны даже и по своей основной мысли; ибо освобожденные крестьян, русские судебные и земские учреждения — вовсе не дым и не гарь, а отрицатели отнюдь не русская молодежь».

В эти годы, когда Тургенев уже понимал, что надежды, связанные с крестьянской реформой, не оправдались, подобные упреки могли быть восприняты им очень болезненно.

Тургенев вел оживленную переписку с издателем Бере, однако нам не известно, к сожалению, его подлинное отношение к этим голосам, раздававшимся из Риги. Очень возможно, что, даже зная о постановке там оперетты «Последний колдун», Тургенев предпочитал не высказываться об этом спектакле и сопровождавших его неприятных обстоятельствах. Но, может быть, лишь случайность помешала нам пока познакомиться с мыслями Тургенева по поводу рижского спектакля.

Г. Швиц

(Перевод Р. Ю. Данилевского)

«ЖИВЫЕ МОЩИ»

ЖИТИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ И «ЛЕГЕНДА» О ЖАННЕ Д'АРК В РАССКАЗЕ ТУРГЕНЕВА

Рассказ «Живые мощи», включенный в цикл «Записок охотника», представляет особый интерес для исследователей русской литературы как жизнеописание, выдержанное в традиционной житийной схеме, но совершенно отличное от житийных трафаретов и перерастающее в реалистическую историю одной жизни».

Первое, что подчеркивает Тургенев, передавая встречу «охотника» с Лукерьей, — внешнее сходство ее с «мумией»: «. . . ни дать ни взять икона старинного письма: нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать < . . . >, две крошечных руки тоже бронзового цвета < . . . >, лицо < . . . > красивое, — но страшное, необычайное . . .». Облик Клавдии, одного из прототипов Лукерьи, и в действительности был близок иконописному.¹ Судя по всему, больная женщина была религиозна до фанатизма и сама себя осознавала «подвижницей». Только религиозным фанатизмом, тем, что Клавдия была «богом убитая», по ироническому замечанию патриархального старосты и односельчан, и можно объяснить причину ее аскетического самоистязания, те факты («confidances»), о которых сообщает Тургенев в письме к Людвигу Пичу.²

¹ См. воспоминания Тургенева о Клавдии, о твердой, как бронза, плоти этого «несчастливого существа» в письме к Людвигу Пичу от 22 апреля 1874 г.: *Письма*, т. X, стр. 231, 435.

² «. . . Клавдия (это было ее настоящее имя) мочится только по воскресеньям (NB), а другую естественную потребность исполняет только по большим праздникам (стало быть, 6 или 8 раз в году); называя имя прототипа, Тургенев настаивал: «. . . все это истинное происшествие»; см.: там же.

По-видимому, Тургенев как писатель-этнограф сохраняет житийную схему, привносимую в повествование прототипом рассказчицы, и в соответствии с этим вводит в рассказ житийный колорит, строит его по житийному плану.

На первый взгляд, житийная схема едва прослеживается в переложении охотником услышанной истории. Присущие житиям начало и концовка в рассказе написаны от имени охотника и создают совершенно реальную картину русской деревни. Однако, вчитываясь, видим, что Тургенев последовательно проводит параллель: жизнь Лукерьи — житие, сохраняет в рассказе типичные житийные мотивы. Первый из них — мотив внезапно расстроившейся свадьбы, после чего обычно святой вступал на путь подвижничества. В полузабытые Лукерьи «. . . почудилось: зовет < . . . > кто-то Васинным голосом, тихо так: „Луша!“», и затем она видит вещий сон, пояснивший ей, что это был голос Христа, избравшего ее своей невестой («Не бойся < . . . > невеста моя разубранная, ступай за мною»). Далее следует вот уже «седьмой годок» безропотно терпеливое, буквально-таки подвижническое перенесение Лукерьи мучений, превративших ее в «живые мощи»; затем «видения» (которые обычно бывают святым), вещие сны и, наконец, предзнаменование смерти колокольным звоном, который «шел не от церкви», а будто бы доносился сверху, «с неба».

Особое и значительное место в рассказе отведено «видениям» Лукерьи, ее аллегорическим снам-предзнаменованиям. Помимо «вещего» сна о том, что она избрана быть христовой невестой, Лукерья пересказывает сон («а может быть, это было мне видение») об умерших родителях, пришедших поклониться ей, страдальце «на сем свете», за избавление их душ от грехов, — эпизод, имеющий житийные параллели. И, наконец, исключенное в самый последний момент работы над рукописью «видение» (на этот раз рассказчица настаивала, что ей «привиделось видение, еще удивительнее»), которое наталкивает читателя на прямое сопоставление с житийными «подвигами» святых аскетов-столпников. В этом сне Лукерья видит себя мученицей-столпницей, сидящей «на высоком камне» («и никуда мне с того камня сойти нельзя») среди народной толпы («голова к голове — как кочаны капусты в огороде»). Народ умоляет ее: «Страдай, страдай за нас, Лукерья!» — и она готова вынести телесные муки за народную «волюшку». Не случаен и тот факт, что идеалы грамотной Лукерьи восходят к житиям столпников и аскетов-великомучеников, о «подвигах» которых она рассказывает.

Сходство жизненных и житийных ситуаций поддерживается и соответствующей стилизацией речи рассказчицы: «Есть-то почитай что не ем ничего, а вода — вот она < . . . > чистая, ключевая вода»; около нее «сиротка», «хорошенькая такая беленькая. Она цветы мне носит»; «чего они со мной только не делали: железом раскаленным спину жгли, в колотый лед сажали — и все ничего»; «А мысленный грех, батюшка?».

Указывая на внешнее сходство ситуаций, Тургенев не отрицает и определенной духовной близости Лукерьи к житийным героям, одинаково готовым к терпеливому перенесению «мук» и к «подвигу» — подвижничеству. Однако, вопреки намеренному стремлению Клавдии — прототипа — духовно отождествить себя с житийными великомучениками-аскетами, Тургенев

видит причины «долготерпения народного» отнюдь не в религиозном фанатизме русского крестьянства.

В работе над образом Лукерьи Тургенев посчитал должным «утаить» от публики „confidances“ жизни Клавдии, но потому ли только, что они были слишком натуралистичны? Нескольких имеющихся у нас строк о прототипе уже достаточно, чтобы убедиться в наличии разительного контраста между реально существовавшей, религиозной до иступления Клавдией и тургеневской Лукерьей, воплотившей в себе типичные черты характера русской крестьянки, натурой жизнелюбивой, совершенно чуждой религиозного изуверства, гармоничной, сильной и богатой духом.

На основании рассказа «Живые мощи» нельзя судить о характере религиозных убеждений Клавдии. Можно лишь предполагать, что она или была белевской старообрядкой³ (скрытницей?), или ее еще только пытались вовлечь в какую-нибудь секту. Возможно, писательская «неопределенность» в этом случае объяснялась тем, что, когда в конце 40-х годов Тургенев делал первоначальный набросок рассказа,⁴ он еще не был достаточно знаком с сектантским движением и вопрос о характере религиозных представлений Клавдии мог выпасть из поля зрения писателя.⁵ Но он не определяет религиозных убеждений рассказчицы и позже, при окончательной обработке «Живых мощей», и в письмах 70-х годов, когда подводит реальный, а подчас и медицински точный комментарий к своему рассказу, уже после того, как им было создано произведение из жизни белевских раскольников («Собака», 1866) и позади остались специальные занятия вопросами раскола в связи с работой (с конца 1867—1868 гг. до 1870 г.) над неосуществленным им историческим романом о Никите Пустосвяте.⁶ Очевидно, для писателя главное заключалось не в том, была ли сектанткой Клавдия или нет. Мысль художника направлялась против всякого проявления религиозного фанатизма вообще, против религиозного ханжества и изуверства. Этого не принимает в прототипе Лукерьи писатель, с этим он постоянно внутренне полемизирует, проводя параллель между жизнью и житием, создавая свой рассказ по житийной схеме и в то же время разрушая эту схему изнутри новым, тургеневским «наполнением» и развитием ее.

Реалистическому «наполнению» житийной схемы с самого начала повествования способствует голос охотника, пересказывающего историю кр-

³ Белевский уезд с самого начала зарождения старообрядчества был известен активными поборниками «старой веры» (старицами-«белевками»), см.: Я. Л. Барсков. Памятники первых лет старообрядчества. СПб., 1912, стр. 310 и др.; П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. «Русская историческая библиотека», т. XXXIX, кн. 1, вып. 1, АН СССР, Л., 1927, стр. LXXXI.

⁴ Сочинения, т. IV, стр. 605.

⁵ В этом отношении показателна редакторская работа Тургенева над рассказом «Касьян с Красивой Мечи» в начале 50-х годов. Н. Л. Бродский убедительно показывает, как Тургенев на основании данных о русском сектантстве, ранее неизвестных ему, готовя новое издание рассказа, сразу же исключает из его журнальной редакции те штрихи в образе Касьяна, которые противоречили облику сектанта (Н. Л. Бродский. П. С. Тургенев и русские сектанты. М., 1922, стр. 9).

⁶ Ю. Д. Левин. Неосуществленный исторический роман Тургенева. Тургенев, Сб. (Алексеев), стр. 106—107 и др.

стыянки-калеки, а затем и толкование событий самой рассказчицей. Помолвлена была Лукерья с буфетчиком. Мотивом расстройтва свадьбы послужила болезнь, а не призыв Христа. Реальное психологическое объяснение получают сны и «видения» больной и ее предсмертная галлюцинация слуха. Однако снижая житийную торжественность рассказа, голос охотника в то же время укрепляет в читателе растущее преклонение перед человеческим достоинством Лукерьи. В этом случае показательны развитие ее портретной характеристики. В начале рассказа лицо Лукерьи — «икона старинного письма», «красивое, но страшное». Последующее раскрытие духовного облика Лукерьи происходит во время ее пения — и охотник «сквозь» бронзу ее лица мог открыть < . . . > следы его бывалой красоты».

В отличие от прототипа, Лукерья не осознает своей жизни как жития, хотя подобное сопоставление в силу сложившихся в ее жизни обстоятельств, по-видимому, и считает возможным («Хоть бы то взято: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел»). Она не ищет, как Клавдия, новых «муки» для себя, напротив, готова их избежать (« . . . не трогайте меня. Я там только больше муки приму»). Завершая рассказ о последующей судьбе Лукерьи, охотник считает нужным подчеркнуть как свойственное ее облику: она и перед смертью «не посмела сказать», что кажущийся ей колокольный звон «шел не от церкви, а < . . . > с неба» (и сказала — «сверху»). Прежде чем признать: «А быть может, это было мне видение», — Лукерья, с присущим русской крестьянке здравым смыслом, пытается выяснить, что же с ней произошло, когда ей «почудилось»: «Очень я потом сомневалась, что это такое со мною было», «сон < . . . > видение — я уж и не знаю».

В нарушение житийных традиций Лукерья проводит время не в повседневных молитвах и душевспасительном чтении; более того, она признается, что и молитвы-то многие забыла. Она читает их скорее всего в силу сложившейся привычки: «А то я молитвы читаю < . . . > Только немного я знаю их, этих самых молитв < . . . > Прочту Отче наш, Богородицу, акафист Всем скорбящим — да и опять полеживаю себе безо всякой думочки. И ничего!».

Религиозная тематика не исключает из ее жизни иных утешений: «Я и теперь песни пою», — признается Лукерья, — «Да, песни, старые песни, хорошие, подблюдные, святочные, всякие!». Их Лукерья много знала и в отличие от молитв не забыла, что и подтверждает своим пением «Во лугах». Им-то, а не молитвословию обучает она приходящую к ней сиротку.

Религиозная мысль Лукерьи весьма пассивна и ограничена и, пожалуй, вся исчерпывается сказанной ею фразой: «Так нам велено это понимать». Не в религии, не в аскезе обретает духовные силы героиня рассказа Тургенева, и не религиозное смирение, якобы присущее русскому народу, составляет суть ее характера.

Между тем в специальной литературе о «Живых мощах» до сих пор продолжает существовать противоположное мнение. Признавая Тургенева атеистом, В. Гребенщиков в своих выводах фактически повторяет точку зрения, высказанную еще Я. В. Юзефовичем.⁷ Согласно наблюдениям В. Гребенщикова,

⁷ Я. В. Юзефович. Рассказ «Живые мощи» И. С. Тургенева и «Le lépreux de la cité d'Aoste» гр. Ксавье де Мэстра. «Русский филологический вестник», 1909, кн. III—IV, стр. 6. Ср.: V. G r e b e n s c h i k o v. 1) Deux voies

главной темой рассказа «Живые мощи» является трогательное и глубокое описание веры одной простой орловской крестьянки, веры, внушившей ей терпеливую покорность своей судьбе, веры, которая «раскрывает одну из величайших загадок христианской религии, загадку силы смирения».⁸ И хотя исследователь оговаривается: «Трудно поверить, что это исходит из-под пера неверующего», однако считает, что Тургенев «преклоняется перед реальной действительностью», «не пытается искать позитивных объяснений этому» и, поступая как этнограф, оставляет нам поэтическое описание самой действительности.⁹

Выше мы уже наблюдали, чем отличается созданный Тургеневым образ от указанного самим писателем прототипа. И в данном случае Тургенев прежде всего остается писателем-реалистом, сохраняет в рассказе лишь значимые, характерные этнографические детали жизни крестьянки-калеки.¹⁰

Духовные силы, помогающие героине терпеливо переносить свои «муки», она обретает не в идеях христианства, не в мыслях о боге и не в молитвах («Да и на что я стану господу богу наскучать? О чем я его просить могу?»), скорее — в народных песнях. Сама она дает своему «долготерпению» отнюдь не религиозное объяснение: она «себя приучила <...> не вспоминать. Время скорей проходит; с мыслью — «ничего; иным еще хуже бывает», «привыкла» обтерпелась». «А что будешь делать? <...> Сам себе человек помогай!». Душевная гармония приходит к ней с сознанием радости собственного бытия в мире природы: «Чую, что жива, дышу — и вся я тут. Смотрю, слушаю. . .»; «... Многим хуже моего бывает: <...> у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава богу, вижу прекрасно и всё слышу, всё. Крот под землю роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду — мне и скрывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло».

Созерцательные «размышления» Лукерьи, лишенные определенного содержания, сливаются для нее с ее собственными ощущениями природы: «Лежу я иногда так-то одна. . . и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я — живая! И чудится мне, будто что меня осенит. . . Возьмет меня размышление — даже удивительно <...> Придет, словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было — не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья». Она вся живет своими ощуще-

vers le coeur de Tourguénev. «Etudes slaves et est-européennes», vol. 2, fasc. 1, Montréal, 1957, стр. 40—49; 2) L'élément ethnographique et religieux chez I. Tourguénev. «Etudes slaves et est-européennes», vol. IV, fasc. 3—4, 1959—1960, стр. 214—225.

⁸ V. Grebenschikov. L'élément ethnographique et religieux chez I. Tourguénev, стр. 225.

⁹ Там же.

¹⁰ Возможно, что некоторые черты образа Лукерьи восходят к другому ее прототипу, «калке Евпраксии», некогда красавицы, с которой был близок 17-летний Тургенев. См.: А. И. Понятовский. Тургенев и семья Лобановых. *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 274—275; Письмо Тургенева Н. А. Кушницкому 7 (19) мая 1868 г.: *Письма*, т. VII, стр. 138; *Сочинения*, т. IV, стр. 606.

ниями красоты природы, полевых цветов, своими наблюдениями за жизнью ласточки, полетом бабочки или жужжанием пчел и лишь изредка случающимися беседами с людьми. Ее ум жаждет самостоятельного познания жизни вселенной, так как не находит многому объяснений в религиозных догмах.

Эту тему богатства духовного мира «умницы Лукерьи», некогда красавицы, хохотуны, плясуньи, певуньи, развивают и вставки на полях черного автографа рассказа, по-видимому сделанные при окончательной его доработке.¹¹

Как видим, не «загадку христианской религии» решает Тургенев, а загадку сильного характера, рожденного в среде русского крестьянства, веками живущего в непосредственной близости к природе.

Лукерья грамотная, знакома с житийной литературой («и читать завсегда охоча была»). Но она не проводит времени в чтении, и не потому только, что ей стало физически трудно держать в руках книгу, а потому что остановилась перед вопросом: «. . . что читать? Книг здесь нет никаких». Единственно «отец Алексей < . . . » для рассеянности принес календарь; да видит, что пользы нет, взял да унес опять.

Известно, насколько волновала писателя проблема «народного чтения». В 1860 г. он разрабатывает «Проект программы „Общества для распространения грамотности и начального образования“, в задачи которого входило распространение школ, обучение грамоте и печатание книг, среди которых предпочтение отдавалось «избранным биографиям и хорошим описаниям путешествий».¹²

Воспоминания Лукерьи о прочитанных ею житиях не отличаются точностью. Симеон Столпник, по разным источникам, подвизался 40, 47, 80 лет и никак не «тридцать лет на столбу простоял», как рассказывает Лукерья. В другом «угоднике», который «себя в землю зарыть велел по самую грудь, и муравьи ему лицо ели», мы угадываем черты «подвигов» одновременно и Феодосия Печерского,¹³ и Иоанна Затворника¹⁴ (жития которых входят в состав Киево-Печерского патерика), и Епифания, соратника протопopa Аввакума, а также св. Антония. (На тему «Искушение святого Антония» Тургенев в 1842 г. начал писать драму;¹⁵ вновь эта тема привлекла его внимание в связи с выходом в свет романа Г. Флобера «Искушение святого Антония»). Пересказ Лукерьи представляет собой или весьма вольную передачу житий-

¹¹ См. вставки на полях рукописи на л. 341 со слов: «Она мне цветы носит. Я их очень люблю» до «Хоть бы ландыш? На что приятнее» и «Иной — слепой или глухой» до «Многим хуже моего бывает». На л. 341 об. вписывается целый эпизод с вбежавшим в хижину зайцем и пр. *Bibl. Nat., Slave*; фотокопия черного автографа рассказа: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 251.

¹² *Сочинения*, т. XV, стр. 248; см. также письмо к П. В. Анненкову от 19 (31) августа 1860 г.: *Письма*, т. IV, стр. 120—121.

¹³ В полной редакции жития Феодосия Печерского этот эпизод читается так: «. . . в ночи, изыде на печеру и, обнажив тело свое до пояса», «. . . от множества же оваду и комаров тело его покровено бываше и ядыху плоть о немь, пиюше кровь его» (Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 27).

¹⁴ Д. Абрамович. Киево-Печерський патерик. Вступ., текст, примітки. У Києві, 1930, стр. 140; см. также: *Сочинения*, т. IV, стр. 608.

¹⁵ *Сочинения*, т. III, стр. 246—275, 458.

ных эпизодов с неверным истолкованием прочитанного текста, или же их устный вариант, основанный на воспоминаниях о «подвигах» разных святых: здесь и тридцатилетнее «воздержание» «многотерпеливого» Иоанна Затворника, соблазненного на блуд то дьяволом, то змеем и закопавшего себя по грудь в землю; и искус Феодосия Печерского, отдавшего себя на съедение комарам, и страдания старообрядческого подвижника Епифания, который был посажен в земляной сруб и который рассказывал в своем «Жизнеописании» о муках, перенесенных им от муравьев.¹⁶ Житийная литература, в частности рассказы о житии Симеона Столпника и «подвигах» киево-печерских великомучеников, с которой была знакома тургеневская героиня, веками составляла народное «чтиво». К середине XIX в. эти жития были широко распространены в изданиях церковно-славянской печати и в рукописях.¹⁷ Известны были лицевые издания патерика и лубочные листы с изображением киево-печерских святых¹⁸ и Симеона Столпника.¹⁹ На протяжении всего XIX в. продолжали оставаться «настойной книгой» самых широких слоев общества (начиная от грамотного крестьянства до представителей господствующих сословий)²⁰ печатные и рукописные четьи-минеи, в которые также входили жития киево-печерских святых и столпников.

Тургеневскую героиню в житийной литературе привлекала особая сторона: «подвиги» «угодников» запомнились ей как примеры «великого» человеческого «терпения», стойкого перенесения человеком физических страданий.

По замыслу Тургенева рассказ должен был показать «долготерпение» народное (см. эпиграф), идею; казалось бы, близкую житийной литературе. Однако «долготерпение» Лукерьи не тождественно христианскому «смирению» и воспитано хотя и на примерах житийной литературы, однако не на ее христианской морали. В раскрытии понятия «долготерпения» Лукерьи многое помогает прояснить легенда о Жанне д'Арк, которая, на наш взгляд, несет в рассказе особо важную смысловую нагрузку:

¹⁶ См.: А. Н. Р о б и н с о н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. АН СССР, М., 1963, стр. 186—187.

¹⁷ Переводное житие Симеона Столпника (известное на Руси с XIII—XIV вв.) читалось в Прологах, служебных минеях (в кратком изложении), отдельных брошюрах и в своем полном варианте — в Четьих-минеях (под 1 сентября). Киево-Печерский патерик неоднократно издавался в XVII—XVIII вв. (в 1661, 1678, 1702 гг. и пр.); в 1850 г. Киево-Печерская типография выпустила 19 его изданий церковно-славянской печати. Текст жития Феодосия Печерского издавался и отдельными брошюрками, в 8-ку (к примеру: «Житие Феодосия Печерского». СПб., 1836). Так же, как и житие Симеона Столпника, это житие известно и по Четьим-минеям (под 3 мая).

¹⁸ Д. Р о в и н с к и й. Русские народные картинки, т. III. СПб., 1881, стр. 632—633, № 1520, и стр. 625, № 1519.

¹⁹ Там же, стр. 668, № 1620.

²⁰ См. об этом: М. З а г о с к и н. Повести в двух частях, ч. I. «Вечер на Хопре» («Нежданные гости»). М., 1837, стр. 115—116 (четьи-минеи в среде уездных помещиков); Ф. М. Д о с т о е в с к и й. Дневник писателя. 1872, стр. 25. — И. С. Тургенев в 1836 г. сам писал о четьих-минеях Дмитрия Ростовского: «Кто из нас не читал его <Дмитрия Ростовского> творений и не умилялся теплым чувством, с которым они написаны» (Рецензия И. С. Тургенева на кн.: А. Н. М у р а в ь е в. Путешествие ко святым местам русским. Сочинения, т. I, стр. 198—199).

«А то вот еще мне сказывал один начетчик: была некая страна, и ту страну агаряне завоевали, и всех жителей они мучили и убивали; и что ни делали жители, освободить себя никак не могли. И проявись тут между теми жителями святая девственница; взяла она меч великий, латы на себя возложила двухпудовые, пошла на агарян и всех их прогнала за море. А только прогнавши их, говорит им: „Теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое обещание, чтобы мне огненною смертью за свой народ помереть“. И агаряне ее взяли и сожгли, а народ с той поры навсегда освободился! Вот это подвиг! А я что!²¹

Подивился я тут про себя, куда и в каком виде зашла легенда об Иоанне д'Арк. . .».

Легенда эта интересна, во-первых, тем, что перелагает события, связанные с именем французской героини, в традиции древнерусских старообрядческих житий, а во-вторых, тем, что в черновом автографе является вставкой на полях, возможно появившейся лишь при окончательной доработке рассказа в 70-е годы.

В пересказе Лукеры биография Жанны д'Арк звучит как «жизнеописание» безымянной «своятой девственницы» с заменой сожжения пленницы на костре мотивом самосожжения святой во имя освобождения своего народа («обещание» Жанны д'Арк «огненною смертью помереть за свой народ») и с привнесением элементов древнерусской книжности (например, «агаряне» вместо англичане).

Даже при беглом анализе в легенде можно обнаружить следы некоторой разностильности. С одной стороны, ей свойственны народно-сказовые обороты речи типа: «была некая страна, и ту страну. . .», «меч великий», «пошла на агарян и всех их прогнала за море», а подчас — даже нарочито искусственные словообразования, псевдонародные формы или скорее всего — тонкая стилизация речи человека из народа, но грамотного: «жителей они мучили. . .», «и проявись тут между теми жителями святая девственница». Однако, с другой стороны, легенда сохраняет романтический аромат перевода Жуковского с типичными для его стиля несколько утяжеленными и высокотожественными словосочетаниями: «святая девственница» Иоанна д'Арк, «латы на себя возложила двухпудовые». Сохранившиеся в черновом автографе следы стилистической правки текста легенды также свидетельствуют о процессе стилизации эпизода под народный сказ, разговорную речь. Первоначальная фраза: «будто одну страну агаряне завоевали и жителей убивали» заменена более распространенной фразой спокойно-повествовательного тона с тавтологией: «была некая страна, и ту страну агаряне завоевали, и всех тех жителей они мучили и убивали»; вместо «И проявилась между ними святая девственница» — «И проявись тут между теми жителями святая девственница», вместо «И агаряне ее сожгли, а народ навсегда освободился»

²¹ Здесь на полях чернового автографа заканчивается текст вставки. Последующие строки вписаны в основной текст рассказа после упоминания о печерском «угоднике» («Вот это подвиг»). Строки написаны тем же, что и вставка, мелким, убогим и очень неразборчивым почерком: «„Что мое за терпенье!“ „Вот как отозвалась легенда Жанны д'Арк“, — подумал я молча» (л. 344). *Bibl. Nat., Slave*; фотокопия *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 251.

дописывается: «И агаряне ее взяли и сожгли, а народ с той поры навсегда освободился»; вместо «за свой народ погибнуть», которое было зачеркнуто в черновом автографе и заменено на «умереть», в окончательном варианте стоит простонародное «помереть». В черновом автографе нет определений, сопутствующих словам «меч» и «латы»; «меч великий» и «латы < . . . > двухпудовые» появляются при последующей стилистической обработке писателем текста легенды.

Именно эту некоторую искусственность эпизода о Жанне д'Арк, по-видимому, чувствовал и Л. Н. Толстой, исключивший данный эпизод из рассказа «Живые мощи», который был им введен в «Круг чтения».²²

Кому могла принадлежать стилизация под старообрядческое житие — начетчику, прототипу, самому ли писателю?

Массовые популярные издания об Орлеанской деве стали появляться позже опубликования рассказа, в 80—90-е годы XIX в.,²³ так что, по-видимому, источником для сложения в России устной старообрядческой легенды могло послужить либо какое-нибудь учебно-хрестоматийное издание (первой половины XIX в.), либо довольно распространенные издания типа «Плутарх для молодых девиц, или краткие жизнеописания славных жен с объяснительными уроками о их деятельности и творениях. Перевод с французского Ф. Н. Глинки», ч. I, М., 1816, с кратким очерком о Жанне д'Арк,²⁴ либо перевод В. А. Жуковского (1821 г.) «Орлеанской девы» Фридриха Шиллера. Однако стихотворный перевод трагедии должен был представить наибольшие затруднения для пересказа в форме жития. Надо полагать, что дошедшие до нас изданные и рукописные переводы вольтеровской Орлеанской девственницы источником старообрядческой «легенды» быть не могли.²⁵ Однако таким источником могли быть лубочные картинки; правда, русские лубочные листки с изображением Жанны д'Арк очень редки.²⁶ По мнению М. П. Алексеева, в Россию в начале XIX в. такие картинки могли быть завезены из

²² Толстой, т. 42, стр. 643.

²³ См. Издания Харьковского общества распространения в народе грамотности, С.-Петербургской постоянной комиссии народных чтений, серии «Библиотека для семьи и школы».

²⁴ Любопытно, что это издание было в библиотеке И. С. Тургенева. См. также: *Сочинения*, т. IV, стр. 608.

²⁵ См.: Жизнь девицы Орлеанской Иоанны д'Арк. Перевод с французского. СПб., 1808, 144 стр. (и издание 1819 г.). Особое место среди переводов занимает рукописный прозаический перевод «Орлеанской девы» Вольтера, датированный 1787 г., указанный в книге: А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII в., М., 1888, стр. 42—43. Рукописные переводы 11 и 21 песен поэмы конца XVIII в. и 20-х годов XIX в. распространялись главным образом в военных кругах: В. Н. Петец. Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому университету. — В кн.: Археологический ежегодник за 1959 г. М., 1960, стр. 374, №№ 292, 297.

²⁶ В собрании лубочных картин В. И. Даля (*ГПБ*, Отдел эстампов, т. 3, л. 68), хранится листок 1846 г. с изображением Жанны д'Арк на коне; на заднем плане картины католический крест и войско. Под листом подпись: «Иоанна Дарк. Печ. в металлографии Е. Стрельцовой. Печ. позв. М., 1846. Января 18 дня. Цензор Н. Зернов». За помощь в разыскании благодарю В. С. Гельмана.

Франции (вероятно, в период Отечественной войны, в 1812—1814 гг.). В 1845 г. В. А. Соллогуб²⁷ описывает французские «лубочные картины», украшавшие стены одной из почтовых станций Владимирской дороги, и среди них листок с изображением Женевиэвы Брабантской, легший в основу русской «Сказки о трех королевнах».²⁸ Лубочные листки продолжали издаваться во Франции по старым доскам еще в XIX в. Известна картинка с изображением Женевиэвы Брабантской, опубликованная в книге «Claude Roy. Trésor de la poésie populaire française». Paris, 1954, стр. 208 bis. В этом же издании (стр. 112 bis) помещен очень близкий по типу листок с изображением Жанны д'Арк, отпечатанный в Орлеанской типографии (не ранее 1803 г.). Однако о бытовании в России французского листка, изображающего Жанну д'Арк, нам пока что неизвестно.²⁹

Тургенев сам нарочито подчеркивает необычайность для круга народного чтения и особенность формы «легенды», которую пересказывает его героиня со слов «начетчика». Бывшие в черновом автографе строки: «Вот как отозвалась легенда Жанны д'Арк, — подумал я молча» — он заменяет фразой, определенно выражающей недоумение: «Подивился я тут про себя, куда и в каком виде зашла легенда об Иоанне д'Арк. . .». В самом деле, не кроется ли в этой реплике косвенного признания, раскрывающего нам допускаемые иногда писателем приемы этнографической работы, признания, что легенда эта приписана героине самим автором и, вероятнее всего, была услышана им позже, уже не от прототипа, а от какого-то «начетчика», в начале 50-х или 1867—1870-х годах (см. об этом выше), затем обработана и вставлена в рукопись рассказа. Предположение, что старообрядческая легенда о Жанне д'Арк могла быть включена в текст при последующей доработке «уцелевшего наброска» рассказа в 1873—1874 гг., когда он был дописан Тургеневым,³⁰ подкрепляют, на наш взгляд, и наблюдения над сохранившимися рукописными текстами «Живых мощей»³¹ и (косвенно) высказывания самого писателя.

Еще Б. М. Эйхенбаум, сопоставляя письма Тургенева к Я. П. Полонскому от 8 декабря 1873 г. и 5 февраля (н. с.) 1874 г., показал, что первоначальный «очерк» «. . . был если не написан целиком, то начат в прежние годы» (очевидно, в конце 40-х — начале 50-х годов.³² К этому следует добавить, что, называя первоначальный набросок «Живых мощей» «начатым», «недоконченным отрывком», Тургенев говорит о нем не как об отрывочном тексте или этногра-

²⁷ В. А. Соллогуб. Тарантас. Путевые впечатления. СПб., 1845, гл. IV, «Станция», стр. 40.

²⁸ Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. IV. Примечания и дополнения. СПб., 1881, стр. 164 (№ 46); т. V, стр. 128 (№ 5); т. I, стр. 179—182 (№ 46).

²⁹ Листок 1846 г., отпечатанный в Москве, ничего общего с данным французским листком не имеет, это литография уже значительно более позднего времени.

³⁰ См.: Мазон, стр. 82.

³¹ При сопоставлении текстов была привлечена, кроме белого автографа рассказа (*Bibl. Nat., Slave, 76*; фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 251) и его авторизованной копии (*ИРЛИ*, 4976, XXVIб. 68), опубликованных с вариантами в IV т. Сочинений, также и рукопись черного автографа рассказа (*Bibl. Nat., Slave 76*; фотокопия и микрофильм: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 251).

³² См. Тургенев, Соч., т. I, стр. 362; ср. также: Сочинения, т. IV, стр. 605.

фической зарисовке с натуры, а как о кратком варианте рассказа, с уже определенной идеей, но еще требующем доработки: «Очень он короток и едва ли не плоховат, но идет к делу — ибо в нем выводится пример русского долготерпения».³³ Имсющийся в нашем распоряжении черновой автограф рассказа, заверченный в Париже 8 (20) января 1874 г., казалось бы, хранит следы основательной доработки, стилистической правки и многочисленных дополнений: вставки над строкой (на тему о природе, эпизод с зайцем), значки, указывающие композиционные перестановки, абзацы и вставки отдельных важных по смыслу эпизодов на полях, эпизода с просьбой об уменьшении с крестьян оброка (л. 344 об.) и легендой о Жанне д'Арк (л. 344).

Однако мы должны удержаться от соблазнительного предположения, что черновой автограф и есть тот самый первоначальный «набросок» со следами вторичной обработки в 70-е годы; скорее всего, весь «набросок» перед доработкой был переписан заново с учетом больших полей для возможных дополнений. Не вдаваясь в палеографическую характеристику рукописей рассказа, мы можем лишь предполагать несколько более позднее происхождение вставки с легендой о Жанне д'Арк, механически вписанной в текст чернового автографа при доработке рассказа.³⁴ Столь важный для понимания образа Лукерьи эпизод менее всего мог быть записью по памяти рассказа, услышанного Тургеневым еще от Клавдии: если бы это было действительно так, легенду следовало бы ожидать вписанной в основной текст черновой рукописи. Тем более что в черновом автографе, в котором, кажется, сильнее всего должно было бы сказаться речевое своеобразие рассказчицы и ждешь от чуткого стилиста русской огласовки имени (Иоанна), именно в нем-то и стоит чуждое житийному — французское «Жанна д'Арк», измененное на «Иоанна» уже только в писарской копии. Предположение, что вставка на полях — результат композиционной перестановки, также маловероятно. Безусловно другое: дописанная на полях черновика легенда включена в рассказ путем механического рассечения его текста. Она появляется на полях рукописи в том месте, где в основном тексте черновика речь шла о «подвигах» Симеона Столпника и киево-печерского «угодника». Единой соединительной фразой была: «Вот это „так“ — *зачеркнуто*» подвиг. . . А я!». Этими словами заканчивался раньше в черновике рассказ об «угоднике»; так же (дословно) заканчивается и вставка на полях: «Вот это подвиг. . . А я!». Между тем одна и та же фраза, сначала оценивавшая как «подвиг» религиозное подвижничество «угодника», в новом эпизоде становилась оценкой истинно патриотического подвига. Совершенно менялся облик Лукерьи; и

³³ Письмо Я. П. Полонскому 8 (30) декабря 1873 г.: *Письма*, т. X, стр. 182.

³⁴ Почерк вставки на полях несколько отличается от почерка основного текста чернового автографа более прямым углом наклона. Таким же, менее наклонным почерком вписаны некоторые другие вставки на полях черновика (эпизод с зайцем, «Иной слепой или глухой. . .», «Я хоть и грамотная» и др.) и многочисленные стилистические поправки над строкой в основном тексте. Однако точно такое же соотношение наклона почерков поправок и основного текста в черновике письма Я. П. Полонскому от 7 (19) января 1874 г. По-видимому, как почерк вставки с легендой, так и почерк основного текста — позднего времени: он без того обилия округлых и витиеватых петель, которые характерны для почерка конца 40-х годов, более прост и определен.

хотя имя и подвиг Жанны д'Арк были известны Лукерье в старообрядческой версии жития «святой девственницы», этот эпизод еще более отдалил тургеневскую героиню от ее прототипов. За простым механическим перенесением фразы из рассказа об «угоднике» в «легенду» о Жанне д'Арк крылось существенное изменение первоначального замысла писателя, появлялось утверждение гражданских идеалов его героини, а с ним и новая тема сопоставления судеб и путей России и Европы.

Тема Жанны д'Арк неоднократно звучит в произведениях ³⁵ и письмах ³⁶ Тургенева. С ее именем у тургеневских героев связано представление о «призвании женщины» и мысли о подвиге. Обращаясь к Наталье, Рудин говорит о гражданском значении подвига самопожертвования: «... по-моему, одна Жанна д'Арк могла спасти Францию». В рассказ «Живые мощи» легенда о Жанне д'Арк, по-видимому, включена не без связи с общими творческими замыслами писателя, недавно закончившего роман «Дым» (1867) с его проблемами «будущности России» и ее отношения к Европе, и приступившего к работе над романом «Новь»; ³⁷ она перекликается и с «анекдотом» из письма Тургенева к Я. П. Полонскому (от 25 января 1874 г.), в котором писатель подчеркивал, насколько русской интеллигенции неизвестна еще жизнь крестьянства.

В окончательной редакции «святая девственница» поставлена в ряд с житийными идеалами героини — Симеоном Столпником, киево-печерскими «угодниками» и др. Однако, если подвижничество аскетов-великомучеников с их столпческим перенесением телесных страданий продолжает представлять для Лукерьи идеал, то это идеал «великого терпения» человека. Истинный подвиг она видит в «житии» «святой девственницы», поднявшей «меч великий» за освобождение своего народа: «Народ с той поры навсегда освободился! Вот это подвиг!». Определенным подбором слов писатель подчеркивает различие оценок Лукерьей «терпения», подвижничества «угодников» и подвига «святой девственницы». И хотя подвиг «святой девственницы» для нее идеал, физически недостижимый («А я что!» — она прикована к постели), совершенно очевидно, что это и есть ее высший идеал — подвиг во имя освобождения своего народа. Свободу Лукерья понимает в широком смысле этого слова. Сама она обречена на «долготерпение», о подвиге «святой девственницы» она может лишь мечтать, но она готова переносить любые страдания во имя освобождения своего народа от крепостной неволи («Готова я за вас страдать, люди господские, за вашу волюшку — готова!» — эпизод с «видением», исключенный писателем в 1874 г. уже из наборной рукописи и писарской

³⁵ В пьесе «Вечер в Сорренте» (1852 г.) Мария Петровна читает Шиллера «Иоанну д'Арк» (диалог с Бельским) (вероятно, по-французски, ср. в переводе В. А. Жуковского драма называется «Орлеанская дева». В оригинале — «Die Jungfrau von Orleans»).

³⁶ «Орлеанскую девственницу» Вольтера Тургенев прочел в 1849 г. в связи со своими политическими интересами того времени. *Письма*, т. I, стр. 353—364 (письмо Полине Виардо 23—29 июля 1849 г.).

³⁷ Работа над романом, которая была начата в 1870 г. и с перерывами продолжалась в 1872 и 1873 гг. (второй вариант «краткого рассказа» будущей «Нови» написан в середине 1874 г.), совпадает с доработкой рассказа «Живые мощи» 1874 г. (ср.: *Мазон*, стр. 105—145; *Сочинения*, т. XII, стр. 480—486 и сл.).

парижской копии) или безропотно перенести свои муки, прося уменьшить оброк со здешних крестьян («А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить — крестьяне здешние бедные — хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет. . . Они бы за вас богу помолвились. . . А мне ничего не нужно — всем довольна»).

До исключения из рукописи «видения» Лукерья «Живые мощи» в виде эпизодов включали два миниатюрных жития, интересных для сопоставления. Первый — «видение», где Лукерья воспринимала себя столпницей, был исполнен в житийной традиции и стилизован под житие Симеона Столпника, второй — легенда о Жанне д'Арк, где подвиг национальной героини Франции был представлен как старообрядческое житие с идеей самосожжения, но во имя освобождения своего народа от «агарян». В первом «житии-видении» — Лукерья вырастала в подвижницу-мученицу за народную волю, в провозвестницу раскрепощения крестьянства³⁸ (и этот эпизод, по-видимому, был особенно важен для первоначального замысла рассказа).³⁹ О «подвиге» Жанны д'Арк Лукерья могла только мечтать. И в обоих случаях житийная тема, тема христианского смирения, страдания, аскетического подвига, добровольных мук во имя религиозной идеи под пером Тургенева начинала звучать как тема высокого гражданского долга и духовного богатства героя, готового за свой народ на муки и «огненную смерть».

В своем отношении к житиям (особенно в эпизоде о «видении») Тургенев близок Герцену, для которого при работе над «Легендой о св. Феодоре» также важна была «не идея безгреховности и святости», лежащая в основе мниемого жития Феодоры, «но то самоотверженное служение общественности, которое обрекало . . . на трудный подвиг».⁴⁰ Житийная тема «терпения» «угодника» сближается Тургеневым с основной темой рассказа — темой народного «долготерпения». Для такого сопоставления история жизни большой крестьянки представляла широкие возможности: жизнь была действительно подобна житийному «подвигу».

Обращение Тургенева к житийной теме, к житийной литературе оправдывалось также и тем, что жития продолжали вплоть до XX в. оставаться наиболее доступным и распространенным народным «чтивом». Житийная лите-

³⁸ Лукерья осознает перенесение своих страданий как долг во имя народной воли, во имя раскрепощения. Толпа, обступившая «столпницу», состоит из «господских людей», и «видение» Лукерья завершается совершенно не традиционным по смыслу обращением к ней крепостных: «Страдай за нас, Лукерья, — мы все рабы, все люди крепостные, господские; за нашу волюшку страдай», и ее ответом: «И я будто им всем с камня кланяюсь и говорю: „Готова я за вас страдать, люди господские, за вашу волюшку готова“ и верой народа: «Вольные, мол, мы будем! Соглашается она!».

³⁹ М. О. Габель даже считает, что по «. . . силе протеста против крепостного права» «Живые мощи» «несомненно были близки в своей первой редакции к „Землееду“». См.: «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Сб. статей и материалов, Орел, 1955, стр. 171—172.

⁴⁰ Л. В. Крестова. Источники «Легенды о св. Феодоре» А. И. Герцена. В кн.: Памяти Сакулина. М., «Никитинские субботники», 1931, стр. 118. — В 1834—1835 гг. молодой Герцен избирает темой своего произведения житийную легенду из Чегых-мнией Димитрия Ростовского, чтобы вплести в уста житийных персонажей идеи Сен-Симона и его последователей (стр. 119).

ратура (в частности, легенды о киево-печерских чудотворцах), по-видимому, привлекала Тургенева, так же как некогда и Пушкина, «прелестью простоты и вымысла»⁴¹ и психологизмом содержания: не случайно интерес Тургенева к «русским древностям» сосредоточен главным образом на Житии Аввакума, четьих-минеех и летописях.⁴²

Создавая типичный характер русской крестьянки, Тургенев реставрировал и религиозную оболочку народного сознания; однако его «житие» Лукерьи лишено житийной морали, и силу духа, «терпения» его героиня черпает не в христианской религии. «Долготерпение» Лукерьи — это не смиренное верующей перед своей судьбой, это терпение человека, сознающего безвыходность своего положения и в то же время втайне мечтающего о «подвиге» — самопожертвовании на благо своего народа.

Однако в письмах к Я. П. Полонскому, развенчивая современных ему беспочвенных интеллигентов-мечтателей, Тургенев приводит этнографическую зарисовку, которая показывает, насколько сильно еще в народе действие идей христианской религии, если, например, в 1841 г. крестьяне Тульской и смежных с ней губерний отвечали на голод не «беспорядками», а покорным восприятием его как «божьей кары» за грехи («Ты и так богом наказан, а тут ты еще грешить станешь?»).⁴³

В рассказе «Живые мощи» Тургенев не идеализирует патриархальные черты русского крестьянства; он дает свое понимание «долготерпения» народного, отличное от представлений о нем у славянофилов и революционеро-народников. В крестьянском «долготерпении» за религиозной оболочкой он усматривает потенциальные возможности русского народа и будущие исторические судьбы нации. Вот почему, по-видимому, рассказ Тургенева остался не понятным до конца современной ему русской критикой. Н. К. Михайловский не принял его, усмотрев в нем поэтизацию пассивного народного «долготерпения»; напротив, славянофильская критика отнеслась к нему сочувственно, увидев в истинно русском характере Лукерьи «резкий контраст» с господствовавшими в литературе «типами протеста и отрицания».⁴⁴ Поэтому же, очевидно, в годы кризиса после падения Парижской коммуны «Живые мощи» прозвучали с особой силой для прогрессивных французских писателей, для которых Тургенев явился тогда идейным учителем, обратившим их к жизни и судьбам самого народа.⁴⁵

Н. Ф. Дробленкова

⁴¹ Пушкин вчитывался в жития, собранные в Великих Четьих-минеех и Четьих-минеех Димитрия Ростовского (Письмо к П. А. Плетневу около 14 апреля 1831 г.: *Пушкин*, т. XIV, стр. 163), и дивился «крайнему нелюбопытству» людей, «не имеющих никакого понятия о житиях».

⁴² См. письма Тургенева: Аксаковым — от 6 июня 1852 г., Полине Виардо — от 28 октября—4 ноября 1852 г., Е. Н. Львовой — от 9 декабря 1879 г. и др.: *Письма*, т. II, стр. 59—60, 81—84, а также «Описание библиотеки Тургенева в Орле» (машинопись).

⁴³ Письмо Тургенева к Я. П. Полонскому от 25 января 1874 г., сопровождавшее рассказ «Живые мощи» в редакцию сборника «Складчина», (*Письма*, т. X, стр. 191).

⁴⁴ *Сочинения*, т. IV, стр. 606, 607; «Отечественные записки», 1874, № 4, стр. 408—409; «Русский вестник», 1874, № 5, стр. 386.

⁴⁵ М. П. Алексеев. Мировое значение «Записок охотника». В сб.: Творчество И. С. Тургенева, М., 1959, стр. 102.

«ВЕШНИЕ ВОДЫ»

СТАТЬЯ И ПИСЬМО В. М. МАРКЕВИЧА О ПОВЕСТИ ТУРГЕНЕВА

В комментариях к «Вешним водам» среди благожелательных отзывов на эту повесть отмечается анонимная рецензия, появившаяся в газете «Гражданин» (1872, 10 января, № 2; подпись — М.).¹ Как явствует из публикуемого ниже письма, эта рецензия принадлежит перу В. М. Маркевича, который, кстати сказать, через два года также подписал и свое откровенно враждебное выступление в «Русском вестнике» по поводу «Пушпа и Бабурина». ² Хвалебные отзывы Маркевича о «Вешних водах» помогают несколько полнее представить сложную литературно-общественную борьбу вокруг Тургенева в 1870-е годы.

5 декабря 1871 г. Маркевич сообщал Каткову из Петербурга: «Кстати: Тургенев третьего дня прислал туда в „Вестник Европы“ новое свое произведение „Вешние воды“. Раб Тургенева Павел Анненков, не читавший еще одного впрочем, глубокомысленно говорит, что оно должно произвести большую сенсацию, так как по заглавию следует понимать, что оно изображает первые моменты движения нынешнего царствования. Побачим!». ³

Совершенно очевиден резко недоброжелательный тон этой информации. Но вот через месяц появляется повесть, прочитав которую, Маркевич приветствует в своей рецензии новое произведение писателя «с горячею и тем большею радостью, что вслед за „Дымом“ (который, скажем мимоходом, если не убавил, то и не прибавил лавра в венце его) и до этой минуты г. Тургенев подавал многим и многим его почитателям — а кто не почитает Тургенева? — повод предполагать в нем если не окончательный упадок таланта, — то во всяком случае какую-то ослабленность, какое-то изнурение сил, близкое к старческой немощи». Больше всего рецензента обрадовало то, что, по его мнению, «здесь нет ни малейшего» «гражданского мотива», ни вздора об этих неотыскавшихся «новых людях», «ни тени хотя бы потугинского, болезненного и бесплодного, самого отрицательного смеха, — и слава богу! Живописец русский, живописец по преимуществу, скидывает с себя на этот раз не всегда в пору сидевшие на нем ризы, — и предстает перед нами только живописцем. И каким живописцем!..». Смысл и основная причина восхищений Маркевича неоспоримыми художественными достоинствами «Вешних вод» становятся особенно ясными после такой его фразы: «А у нас еще есть молодцы, которые отрицают и самую пользу этой „художественности“ и валят ее под ноги „трезвой правде“ г. Решетникова!». ⁴

Наилучшим комментарием к этой рецензии, имеющим, впрочем, гораздо большее значение, чем она сама, является письмо ее автора от 14 января 1872 г. Каткову. Оно было вызвано тем, что через два дня после появления в «Гражданине» хвалебной статьи о «Вешних водах» «Московские ведомости» выступили с грубой бранью по адресу этого же произведения и его автора. Произошел как бы раскол в стане «антинигилистов». То, что Мар-

¹ Сочинения, т. XI, стр. 466.

² Там же, стр. 499.

³ ГБЛ, ф. 120, картон 8, ед. хр. 1.

⁴ «Гражданин», 1872, 10 января, № 2.

кевич оценил как «такую дивную, такую „из пламя и света“ сотканную вещь»,⁵ Катков устами своего рецензента определял как «вещь не только относительно слабую, но безотносительно плохую», представлявшую собою «в одно время какую-то растянутую Асю и разбухшую Ирину («Дым»)), как «международную повесть», которой свойственны «фельетонная, дилетантская легкомысленность, бедность вымысла и в то же время недостаток „трезвой правды“, плохо заменяемый эlegantностью изобретения и парфюмерностью языка».⁶

Эта злобная неразборчивость ругательных «эпитетов» вывела из себя даже верного клеветника Каткова. «Не поверите, — писал ему Маркевич под свежим впечатлением от статьи, — с каким неприятным чувством прочел я в „Московских ведомостях“ отзыв неведомого мне сотрудника вашего о новой повести Тургенева. Я был искренне огорчен этим прежде всего потому, что этот желчный отзыв подает повод нашим «неприятелям» обвинять вас устно и печатно в том, что „Московские ведомости“ ругают-де теперь Тургенева за то, что он более не печатает произведений в „Русском вестнике“, для чего, мол, отвели для этой „ругани“ место на столбцах своих, до сей минуты закрытых для всякой критической статьи. Затем я должен сказать, что отзыв этот несправедлив от начала до конца и — что даже хуже — по смыслу своему и по тону подает руку тем отзывам, которые сочли нужным дать об этом блестящем произведении здешние „реалисты“. Если вы, во имя неприкосновенности науки, стояли за Академию наук против тех, которые ратовали против нее за ее антирусский характер, — то непоследовательно и несправедливо, смею думать, так резко отнестись к Тургеневу — художнику во имя национального чувства, которое, только с большею натяжкой, («*нрзб.*») ваш г. А-овъ («т. е. автор рецензии Л. Н. Антропов») может почесть себя оскорбленным в „Вешних водах“. Более чем странно читать в „Московских ведомостях“ глумление над тем, что „язык“ составляет „предмет отеческого попечения г. Тургенева“, — глумление, чуть не от слова до слова перенесенное из фельетона г. Буренина в газету, издаваемую таким высоким ревнителем изящества языка, как вы! Называть „манерным“ этот превосходный, изящный, живописный язык — значит повторять опять «чужие» слова и служить делу тех наших молодцов, которые в печатное слово хотят перенести язык кабаков и конюшен. Сказать, что „редко случалось нам присутствовать при подобном *фиаско*“ — значит положительно сказать неправду, — уже потому, что со времен „Дворянского гнезда“ ни одна вещь Тургенева не имела такого *retentissement*,⁷ какое имеют „Вешние воды“ (по крайней мере здесь), а кроме того, с объективно художественной точки зрения, ни одно из его произведений не было так искусно скомпоновано, как это, — что и выражено мною

⁵ Там же. — Это восхищение было, как видно, искренним. Его разделяли многие читатели. О «Вешних водах» оживленно толковали в самых разных кругах. Тот же Маркевич, сообщая Каткову о встрече и разговоре с царем на большом бале в Зимнем дворце, писал 11 января 1872 г.: «Начали с новой повести Тургенева» (*ГБЛ*, ф. 120, картон 8, ед. хр. 2).

⁶ «Московские ведомости», 1872, 12 января, № 9.

⁷ Отзвук — *франц.*

в статейке, напечатанной в „Гражданин“ и на которую словно отвечает злобный ваш критик. Что симпатии Тургенева все на стороне Запада — об этом кто же станет спорить? Но менее всего, по-моему, приличествовало говорить об этом по поводу этой его повести, где он прежде всего русский художник и русские струнки как бы невольно прорываются в нем. В настоящую минуту, когда отовсюду поднимается волна безвкусицы, грубости, отрицания всякого изящества и добропорядочности в литературе, — присоединять сюда же голос такого органа, как „Московский вестник“, под предлогом защиты чувства национальности весьма плачевно, скажу вам со свойственной мне откровенностью. О Тургеневе можно многое сказать, и казнить его даже следует, но, конечно, уже русское чувство во сто крат более оскорблено им в „Дыме“, чем в этой последней его вещи. „Зачем же, скажут враги наши, не подумали об этом издатели „Русского вестника“, печатая там „Дым“, и спохватились теперь, когда Тургенев ничего более у них не печатает?“

Мне это очень прискорбно, тем более что отзыв вашего сотрудника компрометирует газету во мнении огромнейшего большинства читателей, с восхищением и жадно прочитавших „Вешние воды“.

Кроме того, отзыв г. А-ова отличается такою безвкусицею, что я иначе не могу объяснить себе появление его в „Московских вестниках“, как тем, что сами вы и не взглянули на него. Как бы ни подлежал порицанию Тургенев за то или за другое, но никакой эстетически образованный человек не решится называть его произведений „трактирным блюдом“, „шестигривенным медоком“, не обвинит его в „парфюмерности языка“ и т. п.

Ничто так не может компрометировать, ронять авторитет такого единственно серьезного у нас органа как „Московский вестник“ — и об этом я сужу не только по собственному впечатлению, а по суждению 10—15 человек, перебывавших у меня в течение сегодняшнего дня, а ко мне ходят, как вам известно, лишь общие друзья наши. Не добрую услугу оказал вам г. А-овъ!»⁸

Это письмо о «Вешних водах» дает возможность еще лучше представить всю беспринципность последующих суждений Маркевича о Тургеневе, беспощадно заклеившем своего врага в «Нови» и стихотворении в прозе «Гад».⁹

В. А. Громов

«КРОКЕТ В ВИНДЗОРЕ»

К ИСТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ

Вызванное балканскими событиями 1876 г. политическое стихотворение И. С. Тургенева «Крòкет в Виндзоре» получило живой отклик у современников писателя, широко распространялось ими в списках и сразу же было

⁸ ГБЛ, ф. 120, картон 8, ед. хр. 2.

⁹ См. об этом: *Сочинения*, т. XII, стр. 487; т. XIII, стр. 674; см. также статью И. Т. Трофимова «И. С. Тургенев и общественно-литературная борьба 70-х — начала 80-х годов XIX в.» («Научные доклады высшей школы. Филологические науки». 1959, № 4, стр. 138—147).

переведено на три иностранных языка, о чем говорит в своих письмах сам Тургенев.

Сведения об этом стихотворении собраны в комментариях к «Крбкету в Виндзоре» и в заметке П. С. Никитиной «„Крбкет в Виндзоре“. Первое издание стихотворения».¹

Сведения эти в том, что касается «переводческой истории» «Крбкета», можно дополнить и несколько уточнить.

Речь идет прежде всего об английском переводе А. Д. Баратынской, известной своими переводами русской поэзии на английский язык. Сделанный ею перевод «Крбкета» был одобрен самим Тургеневым. Он писал Е. А. Черкасской, приславшей ему два параллельных английских перевода — Баратынской и В. П. Орлова-Давыдова: «... перевод г-жи Баратынской очень верен и хорош; перевод гр. Орлова-Давыдова is quite the contrary».²

В комментариях XIII тома сочинений Тургенева высказано предположение, что английский перевод «Крбкета», по-видимому, не появлялся в печати. Это верно для перевода Орлова-Давыдова, публикация которого неизвестна. Но перевод Баратынской был дважды напечатан отдельным изданием, а затем вошел в сборник английских работ переводчицы, озаглавленный «Translations from Russian and German poets by a Russian lady». Baden-Baden, print. by A. v. Hagen, 1882, стр. 89—91.

Сборник «Translations» издавался трижды. Но ни в первом его издании (Штутгарт, Мельцер, 1876), ни во втором (Баден-Баден, А. фон Хаген, 1878) перевода «Крбкета» нет. Он появляется только в описанном третьем издании (1882). Возможно, это объясняется колебаниями переводчицы, вызванными цензурным запрещением тургеневского стихотворения (как известно, в России оно было напечатано только в 1881 г.).

Можно предположить, что, не желая «отягчать» сборник всех своих работ «нелегальным текстом», А. Д. Баратынская опубликовала «Крбкет» отдельно, как бы в дополнение к изданиям основного сборника. Первое издание английского «Крбкета» совпадает по месту издания, году и издательству с первым изданием «Translations»; второе соответствует сборнику во втором издании: тот же город и издатель. Правда, год издания не обозначен, но формат, бумага, шрифт говорят о бесспорной близости двух книжек: сборника 1878 г. и перевода во втором издании.

Эти отдельные издания «Крбкета» Баратынской, вероятно, предназначались для узкого круга «избранных» читателей и вышли крайне ограниченным тиражом: их нет в крупнейших библиотеках Москвы и Ленинграда.

Сохранились они в Тургеневском фонде Центрального архива литературы и искусства в Москве.³ Две маленькие брошюры (три печатные странички в серой бумажной обложке, без титульного листа) первоначально принадлежали библиотеке А. В. Головинна, о чем свидетельствуют оставшиеся

¹ См.: *Сочинения*, т. XIII, стр. 691—694; *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 149—153.

² Совсем наоборот — *англ.* Письмо Е. А. Черкасской от 9 (21) ноября 1876 г.: *Письма*, т. XI, стр. 349.

³ ЦГАЛИ, фонд 509, оп. I, ед. хр. 31.

па них печатные наклейки с фамилией владельца и порядковыми номерами.⁴

На обложке первой брошюры обычный псевдоним переводчицы (а Russian lady) раскрыт почерком А. В. Головнина: «Анна Давыдовна Баратынская, рожд. княжна Абаемелек». После обложки, перед текстом перевода вклеен тургеневский автограф стихотворения «Крбкет в Виндзоре».⁵

Вторая брошюра отличается от первой полиграфическим оформлением (более крупный формат и прифт, иное постраничное распределение текста). В самом тексте — некоторые мелкие изменения, он совпадает с окончательной редакцией третьего сборника «Translations». На обложке не упоминается переводчица, но экземпляр ЦГАЛИ снабжен дарственной надписью: «А. В. Головнину от переводчицы. А. Баратынская».

Рассматривая перечисленные издания, нельзя не отметить одну ошибку переводчицы: она неизменно датирует тургеневский текст июнем, а не июлем 1876 г. Но дата на автографе, приложенном к первой брошюре, не совсем разборчива, допускает оба прочтения. Не значит ли это, что именно данный автограф Тургенева послужил оригиналом для перевода Баратынской?

Доставить автограф ей мог тот же А. В. Головнин. Они общались и переписывались. В одном из писем к нему Баратынская говорит: «Вы истинно мой просветитель». Он неоднократно снабжал ее книгами и списками неопубликованных поэтических новинок, она переводила их, а затем дарила своему корреспонденту переводы, издания и автографы.⁶

Какова дальнейшая судьба перевода А. Д. Баратынской? Стал ли он известен в Англии? Другие ее работы попадали в эту страну. Это подтверждает одобрительная рецензия на второе издание сборника «Translations», помещенная в газете «Northern echo»,⁷ где особенно отмечается «блестящее описание Англии» в переведенном Баратынской стихотворении А. С. Хомякова «Изола белла» («Красавец остров! Предо мною // Восходишь гордо ты в водах»).

Но — «Крбкет в Виндзоре» был в Англии под цензурным запретом («was censored in England»)⁸ В цитированном письме Тургенева к Е. А. Черкасской говорится о невозможности опубликовать на английском языке стихи, «оскорбляющие чувства королевы». Однако, может быть, перевод опубликован позже, может быть, появился другой, новый перевод того же стихотворения? Едва ли. Полного собрания сочинений И. С. Тургенева на английском

⁴ Головнин, Александр Васильевич (1821—1886), министр народного просвещения в 1862—1866 гг., затем член Государственного совета. Принадлежал к кругу Н. А. Милютина, К. Д. Кавелина, Ю. Ф. Самарина. При нем был принят университетский устав 1863 г. и осуществлен перевод в Москву из Петербурга Румянцевского музея, положившего начало Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

⁵ Обложка данной брошюры и первая страница автографа воспроизведены в «Литературном наследстве» (т. 76, стр. 517), но примечание, написанное Головинным, помечено как сделанное неизвестной рукой.

⁶ Письма А. Д. Баратынской и А. В. Головнина см.: ЦГАДА, фонд 3088, оп. I, ед. хр. 50 и 140.

⁷ «Northern echo», 1876, 1 Dec., monday. (Brief reviews).

⁸ R. G e t t m a n. Turgenev in England and America. Univ. of Illinois Press. 1941, стр. 84 (сноска 7).

языке не было. Переводились и издавались главным образом романы, вообще проза. Тургеневских стихов по-английски нет («Turgenev's verse is not available in English»), — утверждает американский славист А. Ярмолинский.⁹ Все это заставляет думать, что английский перевод «Крбкета», сделанный А. Д. Баратынской, остается пока единственным опубликованным переводом на этом языке.

Обратимся к переводам на другие языки. Комментарий к XIII тому сочинений И. С. Тургенева содержит интересное сообщение, переданное французским ученым Ж. В. Арменийоном, о французском переводе тургеневского стихотворения, опубликованном в периодическом издании «Le Dix-neuvième siècle. Revue littéraire et sociale» за 1876 г. В дополнение к этому сообщению можно указать на хранящийся в ЦГАЛИ автограф любопытного французского перевода, текст которого приводится в приложении к данной заметке.

Автограф перевода (видимо, автограф, а не список, так как в тексте есть смысловая правка, замена одного слова другим) написан женской рукой. В правописании заглавия любопытная ошибка (crocket а не croquet), любопытная потому, что заставляет предполагать у переводчицы хорошее знание не только французского языка, но и немецкого, для которого такое буквенное сочетание обычно и характерно.

Перевод сделан также в 1876 г. На это указывает дата: «Ce 20 Juillet», т. е. «20 июля этого (текущего) года», приписанная рукой Тургенева.

Перевод, несомненно, удачен. Правда, он не передает метрического строя подлинника, но это и вообще нелегко осуществить при различиях между русским и французским стихосложением. Он несколько отстывает от строфического рисунка подлинника (точно соблюденного в переводе Баратынской); но общее количество строк сохранено, сохранены все существенные образы русского стихотворения, его живость, его взволнованность.

А главное, перевод далек от буквализма, от педантического следования перелагаемому тексту. В ряде случаев переводчица заменяет отдельные слова и выражения Тургенева — и далеко не в ущерб оригинальному стихотворению. Например, вместо «в Виндзорском бору» — она пишет: «в парке Виндзора»; трудноватые для произнесения стихи: «. . . играют / В вошедшую в моду недавно игру, / Ты — крбкет — игру называют. . .» переданы легко «льющейся» строкой: «C'est la mode du jour, le croquet qui recrée. . .». А притом перевод совершенно точен. В последней строфе оригинала возглас «На помощи, Британские реки!» — несколько театрализованный и неожиданный в устах смертельно перепуганной женщины — переводчица оправданно использует в торжественно-суровой концовке «от автора».

Вообще перевод сделан с большой свободой и уверенностью. В нем ощущается рука поэта, никак не дилетанта. Стихи читаются как «свои», не переводные.

Так кто же переводчица? Невольно всплывает одно имя: Каролина Павлова, поэтесса, начавшая свою творческую деятельность с немецких и французских переводов, писавшая и собственные стихи на этих языках.

⁹ A. Jarmolinsky. Turgenev, the man, his art and his age. 2-nd. ed. N. Y., The Orion Press, 1959, стр. 392.

К тому же почерк автографа совпадает с почерком Павловой. Но — автограф не подписан. Пока не найдутся какие-то дополнительные доказательства, (в письмах, мемуарах), подтверждающие данную атрибуцию, она остается предположительной.

В заключение упомяну еще об одном, относительно раннем переводе — польском. Он появился в журнале «Крај», выходявшем в Петербурге на польском языке (№ 36 за 1904 г.). Что же касается современных переводов, то можно указать болгарский и немецкий, которые входят в соответствующие собрания сочинений И. С. Тургенева.¹⁰

В. Н. Стефанович

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Перевод на французский язык стихотворения Тургенева
«Крoкет в Виндзоре»¹*

Un Croquet à Windsor
Traduit du russe

Dans son parc à Windsor de dames entourée
La reine se plaît à leurs jeux.
C'est la mode du jour, le croquet qui récréé
Le groupe des dames joyeux.

Sous les nombreux arceaux la bille suit la bille
La reine sourit de plaisir
Lorsqu'une main hardie au but d'un coup habile
Sur l'herbe les a fait courir.

Mais le sourire a fui les lèvres de la reine.
Elle est livide. . . Elle croit voir
Les billes qui roulaient se changer en centaine
De têtes qu'arrose un sang noir.

Sur ces têtes d'enfants, de vierges et de femmes
Se sont empreintes récemment
Et des traces de griffe et d'offences infâmes
Et l'horreur du dernier tourment.

Perle du nid royal une vierge charmante
Poursuive le long du circuit
Une tête qui roule. . . elle roule et saignante
Aux pieds de la reine elle fuit.

¹⁰ Болгарский перевод: «Крoкет във Виндзор». (И. С. Тургенев в. Събрани съчинения в дванадесет тома, т. 10. София, «Нар. култура», 1959, стр. 73—74). Немецкий перевод: «Croquet in Windsor». Deutsch von R. v. Walter. (J. S. Turgeniew. Sämtliche Werke. Hrsg. v. O. Bueck und K. Wildhagen. Bd. 12. Berlin. Propyläenverlag, 1931, стр. 3—4).

¹ ЦГАЛИ, ф. 509, И. С. Тургенева, оп. 3, ед. хр. 15.

Tête soyeuse et blonde! Une dernière plainte
Sur la bouche enfantine errait. . .
La reine jette un cri. Sur son visage empreinte
L'horreur contracte chaque trait.

«En hâte un médecin!» — Il accourt; éperdue
Elle dit [зачеркнуто: conte] le rêve fatal.
«Majesté, répond il, la lecture vous tue,
«C'est un article de journal,

«Le Times répétant par quoi le peuple Slave
«Des turcs mérita la courroux.
«Voici ma potion. Mais le mal n'est pas grave.
«Rentrez et prenez soin de vous».

Dans son appartement la reine se dérobe,
Et là courbant un front pâli
Elle pense. . . ô terreur! Chaque pan de sa robe
De taches de sang est sali.

«Qu'on lave cette tache! Arrière ces images!»
— Reine, votre ordre est impuissant.
Les fleuves d'Angleterre aussi peu que les âges
Sur vous ne laveraient ce sang.

Ce 20 Juillet
St. Petersbourg

«НОВЬ»

*В ПОИСКАХ «СИЛЬНОГО ГЕРОЯ»
(ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОМАНА)*

В шумной полемике, развернувшейся вокруг романа «Новь», активное участие приняли народники. Их отношение к роману было противоречивым. Многие критики-народники (например, Н. К. Михайловский, П. Н. Ткачев, Г. А. Лопатин) отнеслись к роману отрицательно. В то же время можно назвать не менее авторитетные имена П. А. Лаврова, П. А. Кропоткина, П. А. Алисова и некоторых других, в целом сочувственно оценивших «Новь».¹

Наибольшее недовольство критиков вызвал образ «романтика реализма» Нежданова. Народники увидели в нем повторение ранее созданного Тургеневым типа «лишнего человека» 40-х годов и отказывались признать его характерным для народнического революционного движения 1870-х годов. Эта мысль была отчетливо сформулирована П. Л. Лавровым.

Признав, что изображенные Тургеневым Машурина, Остродумов и Маркелов «были живые лица, типы, которые действительно встречались;

¹ О полемике вокруг романа «Новь» подробно см. в комментарии А. И. Батюто: *Сочинения*, т. XII, стр. 524—543.

даже Неждановы были возможны», Лавров в то же время отметил, что «в революционной партии были не *одни* Машурины, Остродумовы и Неждановы < . . . >. Процессы 1877-го и следующих годов показали, что люди иного типа были налицо, и между тем даже отдаленного намека на эти весьма характеристические типы < . . . > не дал художник в группе тех живых личностей, которых он создал в „Нови“ пред глазами читателя».²

Сам Тургенев в беседе с народником С. Н. Кривенко сказал, что ему не приходилось в жизни наблюдать сильных и ярких революционеров-пародников, да и в силу цензурных условий подобное изображение было бы невозможным.³

Редкие и краткие поездки Тургенева на родину предоставляли ему мало возможностей для непосредственного наблюдения над русской революционной молодежью. Однако, как свидетельствуют воспоминания Н. А. Островской, Тургенев в начале 1870-х годов в связи с работой над задуманной им «Новью» делал попытки проникнуть в среду орловских революционеров с целью найти там «сильного героя».

«В нынешней молодежи, — рассказывал Тургенев Островской, — есть что-то новое, а случаев к наблюдению мало < . . . >. Когда я был прошлым летом в Орле, хотелось мне очень попасть в один кружок, да невозможно было: не поддавались они на знакомства. Был между ними один человек, который особенно меня интересовал. Он имел большое влияние на весь кружок, преимущественно на женщин».⁴

Этот рассказ, никогда не комментировавшийся, заслуживает внимания.

В начале 1870-х годов (к этому периоду относится приведенный в воспоминаниях Островской рассказ Тургенева) в Орле проживали два известных человека: бывший каракозовец А. К. Маликов (1839—1904), который к 1874 г. уже разочаровался в насильственных методах изменения существующего порядка и проповедовал идеи нравственного самоусовершенствования, и П. Г. Заичневский (1842—1896), известный революционер, один из авторов прокламации «Молодая Россия» (1862).⁵ По словам участницы народнического движения 1870-х годов П. С. Ивановской, «чрезвычайное значение для тогдашнего времени представляли эти две орловские личности. Молодежь из разных углов и губерний России приходила к ним и за советом и для выяснения беспокоивших их молодые чуткие сердца вопросов».⁶

Упоминание в рассказе Тургенева о большом идейном влиянии орловского революционера на женщин дает возможность точно установить, что речь идет о П. Г. Заичневском, земляке Тургенева.⁷

² *Революционеры-семидесятники*, стр. 35—36.

³ Там же, стр. 240.

⁴ Воспоминания о Тургеневе Н. А. Островской. *Тургеневский сб.* (Пясанов), стр. 103.

⁵ О нем подробно см.: Б. П. К о з ь м и н. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». В кн.: Б. П. К о з ь м и н а. Из истории революционной мысли в России. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 127—345.

⁶ Там же, стр. 309.

⁷ К подобному же выводу пришел параллельно с нами Л. Н. Афонин на основе изучения орловских архивных материалов о Заичневском. См. его статью «Истоки одной гипотезы» («Орловская правда», 1968, 27 июля, № 174).

П. Г. Заичневский, сосланный в начале 1860-х годов за революционную деятельность в Спбирь, в 1869 г. вернулся в центральную Россию, а в начале 1873 г. приехал в Орел. В. Н. Фигнер в своих воспоминаниях пишет, что в течение ряда лет Заичневский «был магнитом, который привлекал учащуюся молодежь».⁸ В Орле в середине 1870-х годов Заичневский организовал несколько революционных кружков, занимавшихся изучением и пропагандой запрещенной литературы и состоявших в основном из учениц орловской женской гимназии. Из кружков Заичневского вышло немало женщин, оставивших заметный след в истории русского революционного движения. Среди них можно назвать сестер М. Н., Н. Н. и Е. Н. Оловенниковых, Е. Д. Сергееву, М. В. Лаврову.

По своим политическим взглядам Заичневский был революционером бланкистского, заговорщицкого типа. В то же время он сочувственно относился к земству (и даже служил в Орловской земской управе, умело влияя на ход ее дел) и к вопросу о конституции в России. Авторитет Заичневского в Орле был так велик, что даже его политические противники испытывали к нему невольное уважение. По свидетельству народника Н. С. Русанова, кружок Заичневского в Орле возбуждал в местных лавристах и бакунистах «смешанные чувства неприязни и вместе невольного почтения, сосредоточивавшегося главным образом на его руководителе».⁹

Заичневский был настолько известной, почти легендарной фигурой в Орле в 1870-х годах, что Тургенев несомненно многое о нем слышал.

Сильного революционера типа П. Г. Заичневского Тургенев не сделал героем своего романа, возможно, из-за недостаточного знакомства с революционной средой. Однако мы думаем, что яркая личность Заичневского все-таки оставила некоторый след в «Нови» и повлияла на изображение Соломина.

Конечно, «постепеновец снизу» Соломин и бунтарь-заговорщик Заичневский имеют между собою мало общего (в политическом отношении они антиподы). В то же время не исключено, что некоторые черты этого революционера Тургенев придал своему герою. Соломин, подобно Заичневскому, сильная личность, пользующаяся бесспорным авторитетом среди окружающих. Влияние Соломина на Нежданова, Маркелова и Марианну несомненно, хотя они полностью и не разделяют его убеждений. Даже идейные противники Соломина — Калломейцев и Сипягин — испытывают к нему невольное уважение, смешанное со страхом.

Для изучения творческой истории «Нови» знаменателен уже сам факт обращения писателя в поисках своего героя к незаурядной личности П. Г. Заичневского.

Н. Ф. Буданова

⁸ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I. М., 1964, стр. 201.

⁹ Н. С. Русанов. На родине. М., 1931, стр. 98.

«НОВЬ»

О ЗАГЛАВИИ, ЭПИГРАФЕ И НЕКОТОРЫХ РЕАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ РОМАНА

«Давно мною начатый труд», «новая повесть», «большая повесть», «очень длинный роман» — так обычно именовал Тургенев в письмах 1870-х годов свою «последнюю работу», которая лишь к моменту завершения ее черновой редакции приобрела собственное имя и эпиграф, неразрывно связанные между собой и поясняющие друг друга, а также общий замысел автора. 15 (27) июля 1876 г. он сообщал Стасюлевичу из Спасского-Лутовинова о том, «что сегодня в 4 часа окончил наконец» свой роман и что «имя ему (но это пока секрет) будет „Новь“ (с эпиграфом: «Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, а глубоко забирающим плугом — из записок одного хозяина-агронома)».¹

Одним из первых известных нам откликов на это название последнего крупного произведения Тургенева явилось письмо к нему Я. П. Полонского от 4 (16) августа 1876 г.: «С какой радостью прочел <бы?> я твой новый роман — как-то ты ухитрился изобразить новь Руси, не живя в этой Руси с этой новью. Заглавие „Новь“ многим не нравится. Спрашивают, что это за слово „Новь“! Почему именно Новь! Не слишком уж много претензий в этом заглавии и т. д. Что касается до меня, то какое дело до названия! И к тому же, если ты думаешь, что это заглавие удобно, значит так и нужно — и толковать нечего раньше времени».²

Любопытные сведения о реальном источнике, откуда будто бы и почерпнуто название романа, приводит Буква (И. Ф. Василевский) в воспоминаниях о писателе. «Тургенев, — пишет он, — был очень разборчив в выборе названий для своих произведений и придавал им далеко не мало важное вводное и обобщающее значение. Он говорил, что у него „вечная беда с заголовками“, что придумывает он их на самый последок, уже отделки и закончив рукопись; что он требует от заглавий резюмирующего смысла и известной художественной выразительности, что кличек набирается у него всегда много, но что он теряется в их выборе. . . Так было у него и с „Новью“. Роман не был окрещен в 1875 г., но и год спустя, когда мне довелось быть у Тургенева в Петербурге и когда вновь зашел разговор о „Нови“, он и тогда еще был безымянным. Только летом того же года Тургенев, гостя в своем Орловском имении, совершенно случайно нашел то, что ему требовалось, и решил задачу, два года его занимавшую. Перелистывая от нечего делать какой-то старый сельскохозяйственный словарь, найденный на одной из полок отцовской библиотеки, беллетрист вдруг остановился на слове „новь“,

¹ Письма, т. XI, стр. 296.

² Звенья, т. VIII, стр. 194. — Судя по содержанию, это был ответ Я. П. Полонского на письмо Тургенева к нему от 31 июля (12 августа) 1876 г. Извиняясь за то, «что, проезжая через Петербург», он не навестил приятеля, Тургенев сообщал из Буживаля: «Теперь сажу здесь над перепиской своего громаднейшего романа» (Письма, т. XI, стр. 302). Остается неясным, каким образом Полонский успел к тому времени ознакомиться с «Новью». Возможно, его фразу на этот счет из письма к Тургеневу следует читать так: «С какой радостью прочел бы я твой новый роман» и т. д.

обозначающем непечатую пшву, впервые сохю подпшаемую. Ему понравился этот чисто специальный агрономический термин, он нашел его наиболее подходящею аллегорическою кличкою для своей повести и тут же окончательно озаглавил ее».³

Свою просьбу сохранять пока в секрете название нового романа Тургенев в следующем письме к Стасюлевичу объяснил опасением того, что «кто-нибудь другой наскочит на то же слово».⁴ Такого рода авторскую осторожность он проявлял и в отношении слова «опроститься», которому придавал большое значение. «Тургенев, — рассказывала в воспоминаниях о нем Е. И. Апрелева-Бларамберг, — описывая свое пребывание в Спасском, сказал между прочим, что он слышал от одной старухи-крестьянки слово, которое для него было comme un coup de foudre».⁵ Он внесет его в свой роман. . . „Изумительно меткое выражение и такое простое, несложное, такое многозначущее. . . Оно должно стать таким же прозвищем, как «нигилист» < . . . >“ Марианна, его любимица, «дочь Виардо, именем которой Тургенев назвал главную героиню „Нови“»⁶ начала настаивать, чтобы он сказал, что это за таинственное слово. „Нет, нет, — говорил он, — тебе значения и смысла его все равно не понять < . . . > При писателях же, — он смеясь взглянул на меня, — нельзя говорить < . . . > Пожалуй, еще заимствуют. . .“

Поднялся общий протест.

— Догадайтесь! — поддразнивал он меня все с тем же добродушным смехом.

Я, разумеется, не догадалась, что, видимо, доставило ему удовольствие, и, несмотря на просьбы Марианны, он, продолжая шутить, так-таки и не назвал своего слова.

А слово это было: „опроститься, опростелые. . .“⁷

³ «Новороссийский телеграф», 1883, 6 сентября, № 2571. — В родовой библиотеке И. С. Тургенева, находящейся ныне в Орловском литературно-мемориальном музее писателя, сохранилось несколько книг по сельскому хозяйству, в которых встречается интересующее нас слово «Novalis (terrage)» — *новина*. Новоприготовленная земля, например, бывшая прежде под лесом, для засева (Техно-ботанический словарь, на латинском и русском языках, составленный Иваном Мартыновым. СПб., 1820, стр. 421). В «Хозяйственной статистике России», составленной А. Андросовым, действит. членом Московского общества сельского хозяйства (М., 1827), есть такие строки: «Обыкновенно пашут для озимого хлеба. . . плугом 1 раз, сохю 2 и 3, а под просо и до 4. В Сибири для ярового пашут в начале мая < . . . > Новину же — по тамошнему залог — распахивают в июле и потом, проборонивши раза два или три, оставляют к будущему году в парах, после те пары пашут в другое лето» (стр. 49).

⁴ *Письма*, т. XI, стр. 299.

⁵ Как удар грома — *франц.*

⁶ См. об этом в воспоминаниях Л. Ф. Нелидовой: «Вестник Европы», 1909, № 9, стр. 217—218.

⁷ «Русские ведомости», 1904, 18 января, № 18. — В воспоминаниях о Тургеневе Н. А. Островская также приводит разговор с писателем об этом слове, состоявшийся уже после окончания работы над черновой редакцией «Нови» в 1876 г.: «Иван Сергеевич снова завел речь о своем романе. — Будет в нем одно словечко, которое может сделаться таким же популярным, как слово „нигилист“, — очень оно уж метко выражает стремление современной молодежи. Только не я его нашел. . . Я пока держу его в секрете. . . Когда

Явно аллегорическое название своего нового романа автор не хотел преждевременно делать широким достоянием еще и потому, что опасался не только за свой приоритет, но и за вполне возможные нежелательные последствия в случае произвольного толкования найденного им слова. Ведь писал же, к примеру, Маркевич Каткову 5 декабря 1871 г. по поводу получения «Вестником Европы» рукописи «Вешних вод»: «Раб Тургенева Павел Анненков, не читавший еще оногo «произведения», впрочем, глубокомысленно говорит, что оно должно произвести большую сенсацию, так как по заглавию следует понимать, что оно изображает первые моменты движения нынешнего царствования». ⁸

Еще больший простор фантазии могло дать название давно ожидавшегося всеми романа. Сообщив Стасюлевичу заглавие и эпиграф к не прочитанной им «Нови», Тургенев в следующем письме к нему спешил отвести от своего нового произведения всякие подозрения и кривотолки: «Что же касается до содержания — то могу Вас уверить в одном: *плуг* в моем эпиграфе не значит революция — а просвещение; и самая мысль романа самая благонамеренная — хотя *глухой* цензуре может показаться, что я потакаю молодежи; но цензура у нас теперь не глуха». ⁹

Несмотря на это авторское разъяснение, осторожный Стасюлевич предпочел все-таки в предварительном объяснении от редакции насчет новой вещи Тургенева, опубликованном по его просьбе и совету, привести эпиграф в усеченном виде, без явно подозрительного «шлуга»: «Этот роман, под заглавием „Новь“ и с эпиграфом из записок хозяина-агронома: „Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой“ и т. д., будет иметь свыше 15 листов журнального формата и начнется печатанием с первых кнпг приближающегося года». ¹⁰

Уже после того как «редакторские треволнения и тревоги», которые Тургенев переживал вместе со Стасюлевичем, остались позади, автор «Нови» сообщил 6 (18) февраля 1877 г. своему издателю, что в последнем номере английского «Атенеума» появился большой разбор романа, «написанный весьма благосклонно — но с ультрарадикальной точки зрения». ¹¹ Эта статья

я останавливался весной в Москве, по дороге в деревню, мне случилось быть в гостях у знакомого мещанина. Позвал он меня на свадьбу сына. На свадебном обеде меня посадили рядом с теткой молодого, бабой бойкой и замечательно умной. Я с ней разговорился и, так как тогда у меня всё мой роман бродил в голове, стал я ее спрашивать, не случилось ли ей видеть кого из тех молодых людей, что „в народ ходят“. — „А, говорит, знаю! Это те, что. . .“ И сказала она это слово, — у меня даже холод по спине пробежал; — вот оно, думаю, слово то настоящее. Она употребила глагол, а я из него сделал прилагательное. Оно собственно означает человека, который совсем желает сделаться простолудином.

— Какое же это слово может быть? „Опростонародиться“?

— Нет. Опростонародиться — все-таки заключает в себе нечто вроде осуждения, а она просто определила. . . Да нет, не спрашивайте! Ничего больше не скажу. Узнаете, когда роман прочитаете» (*Тургеневский сб. (Пиканов)*, стр. 129—130).

⁸ ГБЛ, ф. 120, картоп 8, ед. хр. 1. См. также выше, стр. 303.

⁹ Письма, т. XI, стр. 299.

¹⁰ «Вестник Европы», 1876, № 9, стр. 418.

¹¹ Письма, т. XII, кн. 1, стр. 89.

принадлежала, как известно, П. Л. Лаврову, который в своих суждениях о самом заглавии и эпиграфе «Нови» исходил не только из личного понимания смысла того и другого. Лаврову также хорошо были известны от самого автора его подлинные творческие намерения, далеко не во всем и не до конца раскрытые Тургеневым в многочисленных письмах к своим корреспондентам в Россию.

Об этой вынужденной двойственности авторских толкований тех или иных мест последнего крупного произведения, а также об известной противоречивости всей идейно-художественной концепции романа много слышал тогда в Париже от самого Тургенева молодой композитор С. И. Танеев. Особый интерес представляют его письма к Ф. И. Маслову, послывшиеся в марте 1877 г. Они широко использованы в монографии Г. Бернандта о композиторе, изданной еще в 1950 г., но как-то оставшейся вне поля зрения исследователей «Нови». Интересуясь, видимо не без влияния Тургенева, тем, что говорят по поводу этой его новой вещи в Москве, и радостно информируя о своих встречах и разговорах с выдающимся соотечественником, обласканный им на чужбине Танеев, между прочим, сообщал: «„Новь“ написана не совсем так, как бы он этого хотел, если бы он ее написал так <как хотел>, то цензура бы не пропустила. То, что говорит Паклин в конце от лица автора, написано таким языком по этой же самой причине: будь это иначе, книгу бы остановили. Даже отдельные выражения и те приходилось часто изменять; он хотел, например, сказать: „романтики революции“ — а поставил „романтики реализма“.¹² Спрашивал я о Фомушке и Фимушке. Они существовали лет двадцать пять тому назад. Говорил он мне их фамилию — да я забыл. Виноват, говорит, в анахронизме: поместил их в такое время, когда они уже не существовали.

Он очень был огорчен отзывами русских журналов. „Во всех журналах обругали“. Прежде ему говорили, что таких людей, каких он описывает, не бывает, что он их выдумал. Когда же начался последний политический процесс <„процесс пятидесяти“,¹³> то стали находить между обвиняемыми много похожих на тех, которые у него описаны. На днях он получил из Петербурга письмо от какого-то знакомого, который пишет, что одно высокопоставленное лицо, говоря о последнем процессе, сказало: „Г. Тургеневу все это должно было быть известно“.

— Как Вы сочиняете, Иван Сергеевич? — спросил я у него. „Как сочиняю? Придет в голову мысль новой повести, я запишу, потом начинаю обдумывать. Сначала всё представляется очень смутно, точно в тумане, потом всё яснее и яснее. Я вам отыщу бумажку, на которой я записал первую мысль моего теперешнего романа. Я знал молодого человека, похожего на Нежданова. Первое, что мне пришло в голову, когда я задумал «Новь», — это Нежданов и Марпанна, точно две точки, смутные, неясные. И всех людей, которых я потом встречал, я стал наблюдать с точки зрения этих двух точек“.

¹² Это свидетельство С. И. Танеева представляется сомнительным, так как Тургенев еще в 1870 г. записал: «Мелькнула мысль нового романа. Вот она: есть *романтики реализма*». *Сочинения*, т. XII, стр. 314.

¹³ См.: А. И. Батюто. Роман «Новь» и «процесс пятидесяти». *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 195—209.

Он порылся в своем письменном столе, отыскал листик почтовой бумаги, на котором было написано „проект новой повести“, и прочел. Эта бумажка была написана 9 лет тому назад. Он с тех пор три раза принимался писать „Новь“ и бросал. Вместе с бумажкой лежал формулярный список лиц, участвующих в повести.

Я вам при свидании скажу, что должен значить эпитафия „Нови“. Вычитал я в каком-то журнале, что в нашем отечестве часто стали приходиться письма распечатанными, и я боюсь в своем письме написать несколько слов, считающихся у нас „страшными“.¹⁴

Между тем эти слова тогда были напечатаны за границей в статье Лаврова. Приведа эпитафия к роману, он давал ему следующее толкование: «Да, говорим мы себе, не Маркеловым, Неждановым и Машуриным дано поднять русское крестьянство на восстание. Такие, как Соломин, могут подготовить почву».¹⁵

«Ультрарадикальная точка зрения» автора этой статьи, как отозвался о ней Тургенев, была, стало быть, не во всем чужда и ему, если Танеев не решился написать в Россию услышанные от него несколько «страшных» слов по поводу истинного смысла эпитафия. Что же касается самого названия этого произведения, то его объяснение в статье Лаврова вообще полностью совпадало с тем, к чему стремился автор: «Именно „Новь“ — таково заглавие романа г-на Тургенева — именно социальная новь и те пионеры, которые поднимают ее, орошая своей кровью, — эта социальная борьба в России и составляет содержание романа».¹⁶

Дальнейшее развитие освободительного движения в нашей стране сделало еще более ясным объективно-исторический смысл тех процессов, явлений и характеров, которые привлекли внимание чуткого художника и стали предметом изображения в его последнем крупном произведении. На рубеже двух веков и эпох в русской критике, видимо, не случайно сопоставлялись «Мещане» Горького и «Новь» Тургенева, как прямо и назвал свою обширную статью об этом М. Гольденвейзер.¹⁷ Он писал, что «самым главным пунктом соприкосновения обоих произведений, тем пунктом, который и навел на это сопоставление, служат: в „Нови“ Соломин, а в „Мещанах“ Нил».¹⁸

Мы, конечно, ни в коем случае не можем согласиться с произвольными рассуждениями Гольденвейзера о том, что якобы «Горький задумал своего

¹⁴ Г. Б е р н а н д т. С. И. Танеев. Госмузиздат, М.—Л., 1950, стр. 40—41. — Далее в письме Танеева сообщалось: «Так как „Новь“ во всех журналах обругали, Ив. Серг. написал Салаеву, что избавляет его от исполнения заключенного с ним условия относительно отдельного издания ее, ибо это ему, Салаеву, кроме убытков ничего принести не может. На это Салаев отвечал, что он непременно хочет издать „Новь“, даже в большем количестве экземпляров, чем прежде предполагал. По этому случаю Ив. Серг. едет в Петербург недели через две. Там он пробудет месяц, дожидаясь выхода „Нови“, к которой прибавит предисловие, и заедет в Москву» (стр. 41).

¹⁵ *Лит. насл.*, т. 76, стр. 203.

¹⁶ Там же, стр. 197.

¹⁷ «Театр и искусство», 1903, №№ 21, 23, 25, 26.

¹⁸ Там же, № 21, стр. 414.

Нила и выполнил его по образу и по подобию Соломина». ¹⁹ Но нельзя вместе с тем не подивиться литературной и общественной пронизательности Тургенева, который вскоре после завершения «Нови» писал 17 (29) декабря 1876 г. К. Д. Кавелину, объясняя отдельные недостатки романа, а также истинную устремленность и главный смысл своих идейно-художественных исканий того времени: «Быть может, мне бы следовало резче обозначить фигуру Павла, соломинского фактотума, будущего *народного* революционера; но это слишком крупный тип — он станет — со временем (не под моим, конечно, пером — я для этого слишком стар — и слишком долго живу вне России) — центральной фигурой нового романа. Пока — я едва назначил его контуры». ²⁰

В. А. Громов

«СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ» И СКАНДИНАВСКИЕ ПИСАТЕЛИ

«Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева переводились на скандинавские языки, были замечены скандинавской критикой и оказали воздействие на идейно-художественное сознание датских и шведских литераторов. В конце XIX в. Тургенев принадлежал к числу популярнейших в Скандинавии писателей. Скандинавы ценили в нем знатока человеческой натуры и мастера психологической характеристики, отдавали должное тургеневскому искусству социальной трактовки характеров, умению Тургенева рисовать природу во всей ее зримой конкретности и поэтичности. Скандинавские читатели восхищались духовным благородством русского писателя, изяществом, воодушевленностью и мягким лиризмом его стиля.

В «Стихотворениях» скандинавская критика подметила и другие, специфические особенности: стремление Тургенева подвести итог своему творческому пути, философски осмыслить и обобщить свой жизненный и художественный опыт, подчеркнуть неизменную преданность родине, русской культуре, родной природе. В то же время «Стихотворения в прозе» раскрывали трагичность мировосприятия их автора, указавшего на бессилие человека перед беспощадными и равнодушными мировыми законами, на недостижимость личного счастья, на разрушительные потенции даже такого «доброго» чувства, как любовь, на бесплодность романтических надежд и мечтаний. В этом смысле «Стихотворения в прозе» Тургенева сыграли роль одной из предпосылок возникновения в скандинавской литературе импрессионизма и символизма. Модернистам оказались близки философский пессимизм, грусть и «меланхолия» автора «*Senilia*», созвучные общественным настроениям эпохи реакции в скандинавских странах середины 80-х годов. «Стихотворения» поражали необыкновенной концентрированностью и напряженностью сюжета, высокой поэтичностью образов, созданных скупыми прозаическими средствами. Благодаря «Стихотворениям» в скандинавской литературе воз-

¹⁹ Там же, стр. 415.

²⁰ *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 39.

ник особый жанр — лаконичный этюд, написанный почти ритмической прозой и сочетающий реалистическую пейзажную зарисовку и аллегорический сюжет. Как уже отмечалось,¹ жанр этот ведет свое литературное происхождение именно от «Стихотворений в прозе» Тургенева, поскольку «Поэмы в прозе» Бодлера («Petits poèmes en prose») в датском переводе появились на целое десятилетие позже «Senilia».

Впервые несколько «Стихотворений в прозе» Тургенева на датском языке было опубликовано в копенгагенском либеральном литературно-политическом журнале «Nutiden».² Их перевел редактор журнала Фредерик Вильгельм Мёллер (Frederik Vilhelm Møller), переводчик и других произведений Тургенева, человек радикальных убеждений, широкой культуры и богатого художественного дарования. Мёллер считал Тургенева художником «более чем на голову выше всех своих современников», ибо «ни один крупный автор наших дней не отразил в своих сочинениях жизнь так, со всей ее естественностью и многообразием, красками и формами».³ Переводы Мёллера отличались не только близостью к подлинникам, но и такой сочностью языка и новизной фразеологии, каких еще не ведала датская литература. Узнав о смерти Тургенева, Мёллер опубликовал вместо некролога более полную подборку «Стихотворений в прозе».⁴ Одновременно «Стихотворения» в переложении копенгагенской переводчицы Иды Хейлбут вышли отдельной книжкой.⁵

«Стихотворения в прозе» на датский язык перелагал и Тор Ланге (Thor Lange, 1851—1915), переводчик и поэт, долго живший в России.⁶ По образцу «Senilia» Ланге писал собственные «Стихотворения в прозе», собранные в книгах под заглавиями «Эскизы и фантазии» («Skizzer og Phantasier», 1890) и «Вдали от родины» («Langt borte», 1917). Стихотворения эти представляют собой миниатюрные лирические этюды — наброски, отрывки из дневника, написанные от первого лица, ритмической прозой и пронизанные элегическими настроениями. Особое место в творчестве Ланге занимает цикл «видений» («Visioner») — этюдов с аллегорическими и мистическими сюжетами, типологически близкими к тургеневским.

¹ J. F j o r d - J e n s e n. Turgenjev i dansk åndsliv. Studier i dansk romankunst 1870—1900. Kjøbenhavn, 1961, стр. 357.

² Smaadigte i Prosa af Iwan Turgenjev. «Nutiden», 24 XII 1882.

³ V. M ø l l e r. I. Turgenjev, Den unge Rusland. «Nutiden», 7 X 1877.

⁴ I. T u r g e n j e w. Digte i Prosa. «Nutiden», 16 IX 1883.

⁵ Senilia. Digt i Prosa af Iwan Turgenjev. Paa Dansk ved Ida Heilbuth. Kjøbenhavn, 1883.

⁶ Несколько «Стихотворений» в переводе Ланге напечатаны в журнале «Ude og Hjemme» (31 XII 1882, 7 I 1883) и в книге Ланге, посвященной русской литературе и озаглавленной «Весна» («Vesna», 1886). См.: К. Т и а н д е р. Датский пионер русской поэзии. В кн.: К. Т и а н д е р. Датско-русские исследования. Вып. II. СПб., 1913, стр. 1—48. Позднее «Стихотворения в прозе» вошли в восьмитомное датское собрание сочинений Тургенева (I. T u r g e n j e w, Skrifter, Bd. I—VIII, Kjøbenhavn, 1924. Red. Ingeborg Johansen). Стихотворение «Пир у верховного существа» переведено заново и опубликовано в 1952 г.: Et gaestebud hos det højeste vaesen. В кн.: Anker Kirkeby. Evige Tanker. Kjøbenhavn, 1952. См.: J. F j o r d - J e n s e n. Turgenjev i dansk åndsliv, стр. 402—405.

Появление в печати переводов «Senilia» было восторженно встречено в Дании. Влиятельные журналы «Illustreret Tidende» и «Ude og Hjemme» горячо приветствовали произведения, в которых Тургенев, не порывая с «объективностью» реалистического стиля, всецело отдавался разрешению универсальных проблем и вечных загадок бытия.⁷ «Стихотворения в прозе» стали настольной книгой крупнейшего датского писателя того времени Йенса Петера Якобсена (Jens Peder Jacobsen, 1847—1885), называвшего Тургенева великим художником, произведения которого украшены «тонкими» описаниями природы.⁸ «Стихотворения» лежали у смертного ложа писателя.⁹ Современник и единомышленник Якобсена Хольгер Дракман (Holger Drachman, 1846—1909) выпустил сборник этюдов, озаглавленный «В коловском облачении» («Troldeøj», 1889—1890). Эти миниатюрные этюды с аллегорической и мистической фабулой написаны под несомненным влиянием тургеневских «Стихотворений в прозе».¹⁰

Особый интерес представляет отношение к «Senilia» наиболее ревностных датских почитателей Тургенева, писателей Германа Банга (Herman Bang, 1857—1912) и Карла Йеллерупа (Karl Gjellerup, 1857—1919). Банг написал о «Стихотворениях» большую статью,¹¹ говорил о них в некрологе, посвященном Тургеневу,¹² и в докладах о творчестве Тургенева, прочитанных во время путешествия по Скандинавии (1883, 1885), в театральных рецензиях, в письмах к друзьям. Банг считал Тургенева «величайшим поэтом всех времен», «крупнейшим повествователем, красивейшим лириком и большим драматургом», отдавал должное его знанию человеческой природы, его любви к родине. Главной отличительной чертой автора «Senilia» является «любовь к человечеству». «Любовь Тургенева к людям — поистине его основное качество», — писал Банг в статье о «Стихотворениях в прозе». «Тургенев любил простой народ, потому что тот страдал. Но затем, вступив в жизнь, Тургенев увидел, что и всему остальному человечеству живется не лучше, чем простонародью, и он почувствовал сострадание ко всем». Однако тургеневская любовь к людям тесно связана с «безотрадным пессимизмом» Тургенева. «Senilia» есть «библия любви к человечеству», любви, «вырастающей из бесконечной боли, звенящей в каждой строке этой удивительной книги». Тургенев, писал Банг, подражая стилю автора «Senilia» и создавая, по примеру Тургенева, собственное «стихотворение в прозе», «вперяет взор в будущее и зрит смерть. А взор всё пронзительнее, всё проникновеннее. Пред ним предстаёт

⁷ I. Turgenjew. Senilia. [Рецензия]. «Illustreret Tidende», 18 XI 1883; I. Turgenjew. Senilia. [Рецензия]. «Ude og Hjemme», 27 I 1884.

⁸ Brita Tigersciöld. J. P. Jacobsen och hans roman «Niels Lyhne». Göteborg, 1945, стр. 133.

⁹ E. Skram. J. P. Jacobsen. «Politiken» 12 V 1885. См.: J. Fjorden-Jensen. Turgenjev i dansk åndsliv, стр. 139—140.

¹⁰ См.: J. Fjorden-Jensen. Turgenjev i dansk åndsliv, стр. 101—102.

¹¹ H. Bang. Vekslende Themer. I. Turgenjew. Senilia, Digte i Prosa. «Nationaltidende», 30 IX 1883.

¹² H. Bang. En Drøm. «Nationaltidende», 30 XII 1883.

картина гибели всего сущего. Поэтому „Senilia“ есть книга о смерти, созданная пессимистом).

В статье Банга, посвященной Мопассану («Nationaltidende», 28 VIII 1884), Тургенев — автор «Стихотворений в прозе», «гуманный пессимист» — признан учителем французского писателя: «Одна черта мировосприятия Тургенева запечатлелась в сознании Ги. „Неосознанное“, страх, ледяной ужас. Цепенящий и дикий, он вырастает подчас до страха смерти — о чем Тургенев написал „Senilia“. Это — страх русского перед неведомым < . . . > „ужас“ является одной из главных тем и творчества Мопассана. Безумный, бессмысленный, но непреодолимый и неотступный, непобедимый < . . . > Это — наследство, полученное Ги де Мопассаном от великого старца». ¹³ Этот тургеневский «ужас пульсирующей крови перед ледяным оцепенением смерти» в глазах Банга постепенно заслонил «человеколюбие» Тургенева. В позднейшей эстетско-декадентской трактовке Банга «любовь к человечеству» Тургенева превратилась в «любовь-ненависть», в «болезнь, лихорадку, самопожирание. Ее боль умерщвляет, ее бешенство приносит наслаждение. Она — пламя, опустошающее мир, ее солнце сжигает души». ¹⁴

Йеллерупу, совершившему специальное путешествие по тургеневским местам в 1883—1884 гг., вся «старая» новеллистика казалась исполненной несовершенств по сравнению с романом «Накануне», героиню которого, Елену, он признавал прекраснейшим из всех женских образов Тургенева и одним из лучших в мировой литературе. ¹⁵ Йеллеруп радовался, что тургеневский реализм уберется от «манерности, от наукообразной болтовни и отвратительных наслоений» ¹⁶ французского натурализма. Автор «Стихотворений в прозе», по Йеллерупу, — певец «нантончайшего аромата любви», «благородный в своем одиночестве дух». В «Senilia» Йеллеруп видел «славянскую угрюмость» и «всепроникающий пессимизм». Пессимизм этот порожден тем, что на протяжении всей своей жизни Тургенев был «бездомен» и несчастлив, несмотря на всеобщий почет. ¹⁷ Некоторые мотивы в творчестве Йеллерупа восходят к тургеневским: так, в романе «Пилигрим Каманита» («Pilgrimen Kamanita», 1906) датский писатель, руководствуясь примером Тургенева — автора стихотворения «Разговор», заставил философски беседовать небесные светила, между репликами которых проходят тысячелетия. ¹⁸

Всяма ценил «Стихотворения в прозе» Тургенева и копенгагенский писатель-реалист Петер Нансен (Peter Nansen, 1861—1918), творческий метод которого постепенно эволюционировал к импрессионизму. В 1890 г. Нансен выпустил сборник прозаических эскизов «Краткие пути» («Korte Veje»), напоминающих и по содержанию, и по форме «Стихотворения в прозе» Тургенева. Вот один из этих эскизов датского поэта («Af en Forelskets Dagbog», X),

¹³ J. Fjord-Jensen. Turgenjev i dansk åndsliv, стр. 227.

¹⁴ H. Bang. Theatret. Kjøbenhavn, 1892, стр. 65.

¹⁵ K. Gjellerup. Iwan Turgenjev. «Berlingske Aftenavis», 17 II 1883.

¹⁶ K. Gjellerup. Vandreaaret. Kjøbenhavn, 1885, стр. 489.

¹⁷ K. Gjellerup. En klassisk Maaned. Kjøbenhavn, 1884, стр. 44.

¹⁸ См.: J. Fjord-Jensen. Turgenjev i dansk åndsliv, стр. 251.

развивающий тургеневские темы недостижимости личного счастья, разбитых надежд, равнодушия природы к человеку, одиночества и обладающий формально-художественными особенностями «Senilia» — эпиграмматичностью формы, лиризмом, философичностью, элегичностью настроения, реализмом пейзажной зарисовки.

«Помнишь ли ты ту летнюю ночь, когда мы ехали среди обросших еловым лесом холмов? Так легко и мягко было дышать; воздух был пропитан ароматом еловой смолы. Ты покоилась в моих объятиях, и мы вместе гляделись в бездонное, черное звездное небо.

Возница неподвижно застыл на козлах, а лошади мирно и однообразно стучали подковами. Ниоткуда — ни звука. Кругом бесконечный простор и торжественные ели. Мы были единственной движущейся точкой среди всей этой уснувшей громады. Ты ближе прижалась ко мне, ты прошептала, обвив мою шею руками:

„Мы вечно должны быть верны друг другу. Оглянись, посмотри, как мы здесь ничтожны. Нужно идти рука об руку, чтобы не заблудиться, чтобы не быть одиноками“.

Теперь ты ушла. И я одинок». ¹⁹

Те же стилиевые особенности, мотивы и настроения отличают этюды стихотворно-прозаического цикла Хансена с характерным заглавием: «В медальонном формате» («I Medaillonformat», 1890). ²⁰

В конце 80—90-х годов, с возникновением датского неоромантизма, интерес к русской литературе в Дании сузился, стал более односторонним и специфичным, но не исчез и не ослабел. Неоромантики и «поздние натуралисты» в еще большей степени, чем их предшественники-реалисты, оценили «Стихотворения в прозе» с их стилистической отточенностью, ровным и спокойным повествованием о больших страстях, философической глубиной, настроениями грусти и пессимизма. Стилю Тургенева, автора «Senilia», подражали не только поэты, но и профессиональные журналисты: Уве Роде (Uve Rode, 1867—1933) в прозаических миниатюрах, публикуемых в журнале «Kjøbenhavn», Нильс Мёллер (Niels Møller, 1859—1940) — в газете «Illustreret Tidende», Генрик Кальвинг (Henrik Calving, 1858—1933) — в газете Г. Брандеса «Politiken». ²¹ «Стихотворениями в прозе» Тургенева увлекался видный датский философ и эстетик того времени Людвиг Фейлберг (Ludvig Feilberg, 1849—1921). На книжных полках Фейлберга было много книг Тургенева, и среди них на самом видном месте — «Записки охотника» и «Senilia». ²² Фейлбергу нравились тургеневские пейзажи с их «ясностью» и «чистотой». ²³ В эстетическом трактате «Настроения и образы в гармонии

¹⁹ П. Хансен. Из дневника влюбленных. «Альманах иностранной литературы», кн. II, М., 1909, стр. 64.

²⁰ См.: П. Хансен. Миниатюры. М., 1911. Пер. Я. Сегал.

²¹ J. Fjor d - J e n s e n. T u r g e n j e v i d a n s k å n d s l i v, стр. 357.

²² V. C a l v i n g. L u d v i g F e i l b e r g o g h a n s L e v e l a e r e. K j ø b e n h a v n, 1927, стр. 25.

²³ L. F e i l b e r g. O m L i g e l ø b o g K r e d s n i n g i n S j a e l e l i v e t. S a m l e d e S k r i f t e r, K j ø b e n h a v n, 1914, стр. 244.

ческом соположении» («Stemninger og Billeder i harmonisk Ordning», 1886) Фейлберг упомянул и автора «Senilia»: «Когда читаешь такого поэта, как Тургенев, обладающего удивительным искусством из мельчайших не приметных деталей создавать прекрасное выразительное целое . . . то кажется, будто слушаешь музыку».²⁴

Почитателями Тургенева — автора «Стихотворений в прозе» были датские писатели-неоромантики Йуханнес Йоргенсен (Johannes Jørgensen, 1866—1956), Вигго Стуккенберг (Viggo Stuckenberg, 1863—1905), Гаральд Кидде (Harald Kidde, 1878—1918), Кай Гофман (Kaj Hoffmann, 1874—1949). Йоргенсен, издатель символистского журнала «Taarnet» (1893—1894), высоко ценил Тургенева — поэта «природы», «настроения», «воспоминания» и «мечты». Йоргенсена восхищало искусство Тургенева «из ничтожных мелочей строить красноречивое прекрасное целое», привлекала тургеневская «поразительно притягательная, печально распутившаяся бездонная славянская угрюмость».²⁵ «Стихотворения в прозе» Тургенева были «библей» датского поэта, и это отразилось на его творчестве. В книге Йоргенсена «Стихотворения» («Vers», 1887), часть которых выполнена в прозе, господствуют настроения светлой грусти и философической мечтательности, навеянные, по словам Йенсена, «тургеневской меланхоличностью».²⁶ Тургенев увлекал Йоргенсена — автора книги «Настроения» («Stemninger», 1892), включающей лирико-прозаические эскизы и фрагменты, а также пейзажные миниатюры. Стуккенберг благоговел перед Тургеневым, раскрывая «Записки охотника» и «Стихотворения в прозе», «как библию».²⁷ Вдохновленный Тургеневым, Стуккенберг сочинял лаконичные миниатюрные очерки, аллегории и притчи (сборник «Широкий путь» — «Vejbred», 1899), а также переводил в 90-х годах «Поэмы в прозе» Бодлера.

Кидде считал произведения Тургенева, в том числе «Senilia», «образцами, которые необходимо иметь перед глазами день и ночь».²⁸ Следы влияния тургеневской поэзии на художественное сознание Кидде яснее всего прослеживаются в его книге «Аллегории» («Sindbilleder», 1900) с ее меланхолической угрюмостью и философским скептицизмом.²⁹ Поэт-символист Гофман, равняя лирика которого пронизана настроениями тоски и меланхолии, посвятил Тургеневу стихотворные строки в сборнике «Лилии во мраке» («Liljer i Mørket», 1899). Стихотворение это, написанное белым стихом, навеяно поэзией в прозе Тургенева, а также Бодлера:

« . . . Если когда-нибудь меня настигнет безумие,
то я воображу себя тобою,
Тургенев.

²⁴ L. Feilberg. Samlede Skrifter, стр. 919.

²⁵ J. Jørgensen. Mit Livs Legende. 1ste Bog. Den røde Sjaerne. Kjøbenhavn, 1916, стр. 86.

²⁶ J. Fjord-Jensen. Turgenjev i dansk åndsliv, стр. 338.

²⁷ V. Stuckenberg. Samlede Waerker. Kjøbenhavn, 1910, стр. 22.

²⁸ Chr. Rimnestad. Digtere i Forhor. Kjøbenhavn, 1906, стр. 364.

²⁹ J. Fjord-Jensen. Turgenjev i dansk åndsliv, стр. 364.

Я стану петь,
созердая опадающие осенние листья,
Свои Вешние воды, свои Вешние воды.

Я зашепчу:
Встречали ли вы, встречали ли вы?
Оплакали ли вы, оплакали ли вы?
Мою Елену! Мою Елену!

Я воздыму иссохшие руки,
и вострепещу, и возликую!
Я — поэт поэтов!

Если когда-нибудь меня достигнет безумие,
то я воображу себя тобою,
Тургенев». ³⁰

Выдающийся датский критик Георг Брандес, увлекавшийся миром идей и образов Тургенева, высоко ценил и «Стихотворения в прозе», «с бесконечной грустью своими символическими образами и грезами раскрывающие тайну бытия». ³¹ Однако Брандеса привлекала не только тургеневская «меланхолия мыслителя», но и патриотизм Тургенева, и датский критик учился у русского писателя в «народном духе» черпать «мужество и веру в свои силы», «веру в жизнь и в будущее».

В 910-х годах Брандес написал «фантазию» «Дон-Кихот и Гамлет». ³² Этот аллегорический этюд, в котором Брандес декларировал верность идеалам своей молодости, датскому народу и его культуре, навеян как «Стихотворениями в прозе» Тургенева, так и его трактатом «Гамлет и Дон-Кихот». Имена героев Шекспира и Сервантеса переставлены не случайно: Брандес переосмыслил Тургенева, наделив своего соотечественника Гамлета деятельным энтузиазмом Дон-Кихота, а рыцаря печального образа — усталостью и разочарованностью принца датского, и обоих — собственными чувствами и мыслями. ³³

Дон-Кихот «долго оставался молодым. Но теперь, когда ему перевалило за триста, он начал чувствовать, что стареет. . . Он обладал даром многократного перевоплощения — в различных странах, под разнообразными именами. На протяжении сменявшихся столетий он облакался во многие образы. Испанец в семнадцатом веке, он в начале восемнадцатого, при

³⁰ K. Hoffmann. Liljer i Mørket. Kjøbenhavn, стр. 9; J. Fjord-Jensen. Turgenjev i dansk åndsliv, стр. 368—369.

³¹ См.: Д. М. Шарыпкин. Этюд Г. Брандеса «Лаврецкий». *Тургенев*, Сб., вып. IV, стр. 150—155.

³² Г. Брандес. Дон-Кихот и Гамлет. Фантазия. Пер. с датского В. Спасской. «Современник», 1915, № 2, стр. 76—85.

³³ В номере «Politiken», специально посвященном семидесятилетнему со дня рождения Г. Брандеса, известный немецкий критик Альфред Керр сравнил шекспировского героя с юбиляром в таком лестном для последнего контексте: «По сути дела только два датчанина обрели подлинную мировую славу. Одного из них зовут Гамлет. Другого — Георг Брандес» (A. Kerr. Hamlet—Georg Brandes. «Politiken», 20 II 1912, стр. 9).

Карле XII, был шведом, в начале девятнадцатого, при Наполеоне, поляком, а в конце девятнадцатого — русским революционером. . . по теперь, в двадцатом столетии, он считался всеми устарелым и знал это сам». На одном из перекутий Дон-Кихот встречается Гамлета, который пользуется этим случаем, чтобы покритиковать датскую действительность и пожаловаться на неверность друзей, на неблагодарность и косность соплеменников: «Как вы, быть может, слышали, нечисто что-то было в Датском королевстве. Оттуда шло зловоние. Но если я демонстративно зажимал себе нос, то люди кричали, что я плохой патриот. . . Друзья моей юности, Розенкранц и Гильденштерн, предали меня, горько было мне это разочарование < . . . > Вся официальная Дания была против меня и, хотя я принц, я был отверженцем».

Брандес—Дон-Кихот вполне солидарен с Брандесом—Гамлетом, и это дает последнему повод вспомнить наконец Тургенева:

«— Удивительно, как мы похожи. . . друг на друга! — сказал принц. — Один русский писатель провел параллель между вами и мной и жестоко меня отделал, чтоб тем самым возвеличить вас. Как нелепо было с его стороны так пристрастно сравнивать нас, только сегодня встретившихся друг с другом! Глубокое соответствие между нами осталось ему так же непонятно, как и всем другим. Я тоже целые века менял национальность < . . . > В Дании мне было не по себе, я, как и вы, объездил всю Европу». И здесь устами своего Гамлета Брандес провозгласил основную идею не только своей «фантазии», но и всего собственного творчества: «Теперь я вернулся в свою страну, к своему народу. Маленькое знамя, развевающееся, как вы видите, над моими всадниками, это датский флаг, носящий имя Данеборг, и я служу ему теперь, как служил и прежде < . . . >

— Оседлайте наших коней! — сказал принц. — Мы поедем бок о бок и построим сообща церковь будущего».

В Швеции «Стихотворения в прозе» не имели такого успеха, как в Дании, поскольку неоромантизм в шведской литературе возник почти на десятилетие позже, чем в датской. В начале 80-х годов шведы почитали Тургенева прежде всего как автора реалистических романов и повестей. И тем не менее «Стихотворения в прозе» получили у читателей Швеции признание сразу же по выходе в свет на шведском языке. «Стихотворения» перевел Альфред Йенсен (Alfred Jensen, 1859—1921), первый шведский ученый-славист, ценитель поэзии и прозы России, талантливый и плодовитый литератор.³⁴ В предисловии к своему переводу «Стихотворений в прозе»³⁵ Йенсен называл Тургенева «величайшим гением России», «великим реалистом», правдиво изображавшим характеры и пейзажи, которого шведские читатели должны благодарить за то, что он познакомил их с природой и народом столь незнакомого им раньше восточного соседа. Если социально-психологические романы Тургенева отличаются «объективностью» стиля, то в «Стихотворениях в прозе» читатель знакомится с Тургеневым-лириком, личностью, ему открывается все богатство душевной жизни поэта, «мечты юноши и умудренность

³⁴ О Йенсене см.: Ю. В е с е л о в с к и й. Популяризатор русской литературы в Швеции. «Русские ведомости», 1909, 18 сентября, № 213, стр. 4.

³⁵ Senilia. Dikter på prosa af Iwan Turgenjeff. Öfversättning från ryskan af Alfred Jensen. Upsala, 1883.

старца». Критик выражал надежду, что после ознакомления с этими «фантастическими грезами, лирическими излияниями, сатирическими и аллегорическими набросками» в памяти шведского читателя останется прочный след.

Шведская печать обильно комментировала доклады о Тургеневе и «Стихотворениях в прозе» Германа Банга, прочитанные им в 1883 и в 1885 гг. в Упсале, в Гётеборге и в Стокгольме. Сначала Бангу показалось, что шведы мало знают и плохо понимают Тургенева; Банг писал Петеру Нансену о стокгольмцах: «Если бы ты послушал этих людей . . . как поверхностно они высказываются о моем понимании русского писателя. Боже, если б ты мог посмеяться вместе со мной». ³⁶ Зато в другом письме к тому же корреспонденту Банг говорил о восторженном приеме, оказанном ему шведской публикой: «Гётеборг был вне себя, буквально вне себя, с цветами, венками, деньгами. Сначала их влекло любопытство, затем они приходили из преклонения перед ним. Уверю тебя, в зале можно было слышать, как падает булавка, так тихо они сидели». ³⁷ Шведская критика отметила свободомыслие и вдохновенность докладчика, его непритворную симпатию к Тургеневу, в произведениях которого «отражена жизнь, как она есть». ³⁸

Влияние «Стихотворений в прозе» Тургенева сказалось на поэтическом творчестве крупнейшего шведского писателя Августа Стриндберга. Тургенев был для него одним из самых почитаемых художников слова. Стриндберг восхищался патриотизмом русского писателя, и на чужбине верного культурным традициям своей родины и благодаря этому завоевавшего любовь просвещенных западноевропейцев. В 1883—1884 гг., когда о Тургеневе так много писали, после выхода в свет шведского перевода «Senilia», Стриндберг опубликовал собственные «Стихотворения в стихах и в прозе» («Dikter på vers och prosa»). О влиянии поэзии Тургенева на стихотворения Стриндберга говорит и самое заглавие сборника шведского писателя, явно перекликающееся с тургеневским (в переводе Йенсена: Dikter på prosa).

Стихотворения Стриндберга, как и Тургенева, явились своеобразным подведением итогов, философско-поэтическим осмыслением прожитого, увиденного, пережитого. Стихотворения шведского автора затрагивают исконно «тургеневские» темы: идейного конфликта между «отцами» и «детьми», отношения искусства к действительности, любви к родине и тем самым ко всему европейскому человечеству, гражданского подвига во имя передовых идеалов. Подобно Тургеневу, Стриндберг пытался найти гармоническое соответствие между стихотворными и прозаическими художественно-литературными жанрами, причем использовал жанровые формы, которые мог найти прежде всего у Тургенева: лирический монолог-исповедь, притчу, лаконичный, насыщенный аллегорическими иносказаниями рассказ-воспоминание.

³⁶ Н. В а n g. Breve til Peter Nansen. Utg. af L. Nielsen. Kjøbenhavn, 1918, стр. 74.

³⁷ Там же. — «Посылаю тебе локон волос Тургенева, — продолжает Банг в том же письме, — который мне подарила одна дама, компаньонка г-жи Впардо, шведка, которая знавала Тургенева и закрыла ему глаза. Она прислала мне локон с такими словами, что я почувствовал столь сильную любовь к Тургеневу, как если бы сам жил рядом с ним».

³⁸ Т. N i l s s o n. Impressionisten Herman Bang. Stockholm, 1965, стр. 131.

Особый интерес представляет стихотворение в прозе Стриндберга «Солнечная дымка» («Solrök»), «тургеневское» по форме, хотя по содержанию этого произведения очевидно, что мировосприятие шведского автора отлично от тургеневского. В этом небольшом эскизе шведского писателя, проникнутом светлым лиризмом, философической элегичностью, речь идет об охотнике, который бродит по лесу на пустынном острове в шхерах, любителю осенним великолепием природы, наслаждается общением с ней.

Утреннее солнце освещает августовский лапшафт. Охотник вешает на плечо рог, запасается хлебом, палкой и корзиной и отправляется на охоту — «на бескровную охоту», подчеркивает автор как бы в укор герою «Записок охотника», стреляющему в лесных тварей, но не до конца беспощадному к социальному злу. «Почему нужно всегда с ружьем ходить в лес, где обитают не приносящие вреда твари? В жизни бывают более подходящие случаи, когда следовало бы иметь ружье».³⁹ Природа воспринимается автором стихотворения как дружественная человеку сила, в чем Стриндберг также как бы полемизирует с Тургеневым, автором «Senilia». Стриндберговский охотник бродит между дубами и орешником, любителю небом и цветами, тронутым первым осенним заморозком, наслаждается ароматом трав, вообще созерцанием той обособленной, таинственной, гармоничной жизни, которую ведет природа в отсутствие человека. И поэт выражает свой почти религиозный восторг величественной, но в то же время доброй, теплой красотой природы, реальное бытие которой прекраснее всех романтических иллюзий. «О, природа! Действительность, которая лучше всякой мечты. Смотри, мечтатель, такого тебе не придумать, а ты болтаешь о том, что действительность холодна. Вот то лучшее, что может дать жизнь — что же ты ропщешь?»

В некоторых произведениях Стриндберга тех лет природа играет и роль божественно прекрасной, но холодной, равнодушной к страданиям человека красавицы, какой она предстает в «Senilia». Герой повеллы «Рецидив» («Återfall», 1884), русский нигилист Павел Петрович, вынужденный жить в Швейцарии, испытывает нравственные и физические муки, а вокруг него — горы «как всегда, равнодушные и блистающие, а над ним — ясное небо». Герой страдает, терзается угрызениями совести, рыдает, проклинает, молится, «а природа улыбалась, так не гармонируя с его печалью, и птицы пели так же весело, как всегда».

Воздействие «Стихотворений в прозе» сказалось на стиле и других произведениях Стриндберга: на манере шведского писателя рассказывать о чувствах и мыслях, настроениях и переживаниях героев, на его стремлении, пусть и не всегда ярко выраженном, к полноте художественной гармонии, к правдивости в мельчайших деталях, оттеняющей цельность создаваемой картины, на тонкой, рафинированной прелести стриндберговских пейзажей, как бы окруженных прозрачным, светящимся ореолом ровной, строгой реалистической поэтичности.

В 90-х годах беллетристы и критики модернистского «ренессанса» отнеслись к русской реалистической литературе либо неприязненно, либо более или менее безразлично. Исключение делалось для «Стихотворений в прозе».

³⁹ A. Strindberg. Samlade skrifter, d. XI, Stockholm, 1913, стр. 93.

Вернер фон Хейденстам (Verner von Heidenstam, 1859—1940) ценил Тургенева, любовь к родине которого противопоставлял холодному «космополитизму» Золя и его школы.⁴⁰ Тургеневские «Стихотворения в прозе» послужили «искрой», воспламенившей лирико-поэтическое вдохновение шведского неоромантика.⁴¹ Герой некоторых лирических стихотворений (в стихах и в прозе) молодого поэта — старец, страдающий от терзающей его ностальгии. Оскару Левертину (Oscar Levertin, 1862—1906), воспевавшему в своей поэзии дионисийское веселье и эпикурейский гедонизм, не импонировала «естественная угрюмость» автора «*Senilia*», «меланхоличность» его настроения, но поэт преклонялся перед «благородным и возвышенным гуманизмом» русского писателя.⁴²

Поэт и прозаик-символист Ула Ханссон (Ola Hansson, 1860—1925) называл Тургенева «угрюмым пессимистом», из «Стихотворений в прозе» которого на читателя устремлен «немой и пустой взор больного животного».⁴³ Настроения «угрюмого пессимизма» были близки шведскому символисту. «Стихотворения в прозе» Тургенева в определенной мере послужили литературно-генетической основой «рудиментарных новелл» Ханссона «*Sensitiva amorosa*» (1887) с их лаконичностью, лиризмом и меланхолической философичностью.⁴⁴ Следуя Тургеневу, Ханссон рисовал природу как бы легкими акварельными красками, стараясь вызвать у читателя иллюзии цвета, запаха, звука.⁴⁵ Поэта-символиста Вильгельма Экелунда (Vilhelm Ekelund) Тургенев — автор «Стихотворений в прозе» привлекал философским глубокомыслием, утонченностью стиля, эпиграмматичностью формы. В середине 1910-х годов Экелунд записал в своем дневнике: «В конце концов Тургенев нашел, или почти нашел, жанр, соединяющий медитацию с сочным импрессионизмом — соответствие античной эпиграмме. . . в начале своего писательского пути я всегда стремился рисовать жанровые картинки, писать элегические эпиграммы, эпиграмматические элегии, и . . . „Записки охотника“ и „*Senilia*“ служили для меня образцами».⁴⁶ И шведский поэт писал, в подражание Тургеневу, собственные стихотворения в прозе, изданные под заглавием «*Veri Similia*» (1915—1916).

В дальнейшем «Стихотворения в прозе» Тургенева уже не играли роли образца для подражания, как в переломную эпоху на рубеже веков. Однако значение «Стихотворений» для развития скандинавской литературы не подде-

⁴⁰ См.: F. B ö ö k. Verner von Heidenstam, Bd. 1. Stockholm, 1942, стр. 95.

⁴¹ Н. Камрас. Den unge Heidenstam. Stockholm, 1942, стр. 95.

⁴² Эти слова Левертина о Тургеневе приведены в книге: Fr. Bull. Norges litteratur fra Februarrevolutionen til Første verdenskrig. Oslo, 1960, стр. 230.

⁴³ O. Hansson. När vi började. Stockholm, 1902, стр. 162.

⁴⁴ См.: H. L e v a n d e r. Sensitiva amorosa. Ola Hanssons ungdomsverk och dess betydelse för åttitalets litterära brytningar. Stockholm, 1944, стр. 235.

⁴⁵ См.: О л а Г а н с с о н. Sensitiva amorosa. Пер. с шведского Ю. Балтрушайтиса. «Северные сборники», кн. 2—3, СПб., «Шиповник», 1908, стр. 551—600.

⁴⁶ См.: A. W e r i n. Vilhelm Ekelund, Bd. 1. Stockholm, 1961, стр. 61.

жит сомнению. Они явили скандинавам возможность сочетания художественного реализма с проникновенной философской символикой, прозаических литературных жанров — со стихотворными.

Д. М. Шарыкин

«П О Р О Г»

К ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В РОССИИ СТИХОТВОРЕНИЯ ТУРГЕНЕВА

Тургеневское стихотворение в прозе «Порог» впервые было опубликовано легально в 11—12-й книгах «Русского богатства» за 1905 год. Предваряя эту публикацию вступительной заметкой, С. А. Венгеров напоминал читателям, что «перл тургеневского творчества» оканчивается «буквально той же характеристикой» русских революционеров, которая дана и в очерках «Подпольная Россия» С. М. Степняка-Кравчинского. «„Да это же святые!“ — восклицали все, кому удалось присутствовать на этом памятном деле», — свидетельствовал С. М. Степняк-Кравчинский, рассказывая о знаменитом «процессе 50-ти».¹ «А между тем, — продолжает С. А. Венгеров, — ни Тургенев не читал очерков Степняка, появившихся после „Стихотворений в прозе“, ни Степняк, писавший свои очерки приблизительно в 1883 г.,² не знал „Порога“, ставшего известным значительно позже».³

Теперь, однако, вряд ли необходимо доказывать, что «Порог» стал широко известен до 1883 г. и распространялся в России и за рубежом еще при жизни И. С. Тургенева.⁴ Бесцензурные издания и списки тургеневского стихотворения, отмеченные в работах академика М. П. Алексеева, Б. Н. Движанинова, А. И. Никитиной, восходят к автографу, бывшему в руках у Стасюлевича.⁵ Подтверждением тому является еще один из ранних списков «Порога», недавно обнаруженный в фондах Государственного музея И. С. Тур-

¹ С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия. В кн.: С. М. Степняк-Кравчинский, Сочинения в 2 томах, т. I, Гослитиздат, М., 1958, стр. 383.

² Очерки С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» написаны на итальянском языке и впервые напечатаны в 1881 г. в миланской газете «Il Pungolo». См. об этом комментарий Б. А. Пискуна в кн.: С. М. Степняк-Кравчинский, Сочинения в 2 томах, т. I, Гослитиздат, М., 1958, стр. 645.

³ «Русское богатство», 1905, № 11—12, стр. 156.

⁴ См. об этом: М. П. Алексеев. Комментарии к «Стихотворениям в прозе». Сочинения, т. XIII, стр. 650—655; Б. Н. Движанинов. И. С. Тургенев и П. Ф. Якубович. Из истории оценки И. С. Тургенева «Народной волей». «Ученые записки Орловского гос. педагогического института», 1963, т. 17, стр. 218—233; А. И. Никитина. Из истории русской революционной поэзии 1870-х годов. «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена», 1963, т. 245, стр. 21—22.

⁵ М. П. Алексеев. Комментарии к «Стихотворениям в прозе». Сочинения, т. XIII, стр. 652.

генева в Орле.⁶ Он сделан в сентябре 1881 г. членом партии «Народная воля» Н. С. Зацепиной. К сожалению, по инвентарным книгам музея оказалось невозможным установить историю этого любопытного документа. Судя по инвентарному номеру (№ 497 оф), он поступил в музейные фонды еще в начале 20-х годов, а до того находился в собрании М. П. Трунова, написавшего под текстом тургеневского стихотворения: «Переписано рукою одного из членов партии „Народная воля“ Н. С. Зацепиной. М. Т.».

О Надежде Семеновне Зацепиной читаем в статье А. В. Якимовой: «В мае 1879 г. была организована террористическая группа „Свобода или Смерть“, в которую вошли следующие лица: Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров, Александр Квятковский, Баранников, Ст. Ширяев, Гр. Ширяев, Гр. Исаев, Зеге-фон-Ляутенберг, студент Якимов, Е. Д. Сергеева, С. А. Иванова, Н. С. Зацепина и я. Большинство членов этой группы вошло потом в Исполнительный комитет партии „Народная воля“. Студент Якимов и Зацепина сначала поженнились фиктивно, чтобы получить в приданое за невестой 20 тысяч рублей, которые и были переданы ими в группу; но брак их потом перешел в действительный, и они оба вскоре отошли от революционной деятельности».⁷ Список, сделанный Зацепиной, озаглавлен: «Порог (стихотворение в прозе)». От канонического текста он незначительно отличается в некоторых строках лишь пунктуацией. Указаны в нем автор произведения, а также место и дата его публикации: «И. Тургенев. Летучая типография „Народной воля“. С.-Петербург. 25 сент. 1881 г.».

Говоря о списках и бесцензурных изданиях «Порога», следует отметить, что в 80—90-е годы прошлого века не было известно никаких редакций, которые бы существенно отличались от автографа, присланного М. М. Стасюлевичу И. С. Тургеневым. И только в 1906 г., в июньской книге «Исторического вестника», Н. М. Гутьяр в разделе «Поправки и заметки» опубликовал стихотворение в прозе «У порога», которое назвал «старой редакцией» тургеневского произведения.⁸

В заметке «По поводу стихотворения в прозе Тургенева „Порог“, предпосланной этой публикации, Гутьяр писал: «С легкой руки М. Н. Каткова в литературе нашей не прекращаются попытки выставить И. С. Тургенева сочувствующим революционерам и террористам. К ряду таких попыток относится и опубликование недавно стихотворения в прозе „Порог“, запрещенного раньше цензурою. Напечатанный текст этого отрывка (!) действительно может быть понят как доказательство того, что Тургенев оправдывает „преступления“ ради хороших целей. Но в повременной печати недаром уже высказаны сомнения в точности текста, столь противоречащего высоко нравственным убеждениям Тургенева и, с другой стороны, его обычному художественному изложению».

Несколько лет назад одним из почитателей Ивана Сергеевича передан был мне текст этого стихотворения в иной редакции».⁹

⁶ *Музей Тургенева*, № 497 оф.

⁷ А. В. Я к и м о в а. Группа «Свобода или Смерть». «Каторга и ссылка», 1926, № 21, стр. 15.

⁸ «Исторический вестник», 1906, № 6, стр. 1045—1047.

⁹ Там же, стр. 1045.

Вслед за этим вступлением, которое трудно не упрекнуть в тенденциозности, особенно если вспомнить время его написания (1906 год!), было параллельно с текстом, опубликованным С. А. Венгеровым в «Русском богатстве», напечатано стихотворение «У порога», где, как справедливо отмечает М. П. Алексеев, ни одна строка «не имеет себе соответствий ни в черповом, ни в беловом автографах Тургенева».¹⁰

Признавая одинаково несовершенной «внешнюю форму» как «радикальной» редакции «Порога», так и произведения, опубликованного им, Гутьяр все же отдавал предпочтение содержанию своей публикации, потому что она якобы «больше отвечает идеалам автора Лизы, Елены и других женских образов, прославивших его».¹¹ С этими доводами, однако, не согласилась редакция «Исторического вестника». «Содержание и смысл обоих вариантов равнозначные, — говорилось в редакционном примечании, — и разница лишь в форме, причем, конечно, редакция, приведенная г. Гутьяром, более совершенна и художественна».¹²

Вступительная заметка Н. М. Гутьяра и примечание редакции «Исторического вестника» при их некотором «разномыслии» по своему тону и характеру совпадают в неприятии той высокой оценки, которую дал тургеневскому стихотворению в прозе С. А. Венгеров, писавший, что «героиня „Порога“ стоит в центре того апофеоза русской женщины, которым является галерея женских типов Тургенева. Порыв русской женщины к свету, воплощенный Тургеневым в обаятельных образах Натальи, Аси, Елены, Марианны, представлен здесь в наиболее лучезарном своем проявлении».¹³

Как это ни странно, однако бездоказательные утверждения «Исторического вестника» в течение почти шестидесяти лет не вызывали возражений, а «гутьяровская редакция» «Порога» приобрела репутацию достоверности. Хотя, например, Б. В. Томашевский считал происхождение этой редакции неизвестным, в подлинности ее он не сомневался. «Она, — указывал исследователь, — отличается от данной Тургеневым в печать, между прочим, тем, что в ней отсутствует вопрос о преступлении».¹⁴ О публикации Н. М. Гутьяра как другой редакции «Порога» говорится и в комментариях к 12-томному собранию сочинений И. С. Тургенева.¹⁵

Впервые решительное несогласие с некритическим отношением к публикации «Исторического вестника» высказал академик М. П. Алексеев, предположивший, что «гутьяровская редакция» представляет собой «неудачный обратный перевод с какого-либо иностранного перевода „Порога“».¹⁶

Эта гипотеза находит, на наш взгляд, основательное подтверждение в следующем, до сего времени остававшемся неизвестным факте: так называемая «старая» редакция «Порога», опубликованная «Историческим вестником»

¹⁰ *Сочинения*, т. XIII, стр. 653.

¹¹ «Исторический вестник», 1906, № 6, стр. 1047.

¹² Там же.

¹³ «Русское богатство», 1905, № 11—12, стр. 157.

¹⁴ И. С. Т у р г е н е в. Стихотворения в прозе. «Academia», М.—Л., 1931, стр. 171.

¹⁵ *Тургенев, Собр. соч.*, т. VIII, стр. 602.

¹⁶ *Сочинения*, т. XIII, стр. 653.

в 1906 г., впервые увидела свет раньше. Она была помещена в газете «Орловский вестник» еще в 1903 г. (22 августа, № 224). Здесь публикации «У порога» предпосланы строки: «Это стихотворение в прозе И. С. Тургенева, не вошедшее в его сочинения, переведено с французского».¹⁷ Текст, напечатанный в «Орловском вестнике», почти совпадает с «гутьяровским». Есть в нем, однако, именно те строки, которые так же, как и в «радикальной» редакции «Порога», могли бы Н. М. Гутьяру показаться противоречащими «высоко-нравственным убеждениям Тургенева». Это — обращенный к тургеневской героине вопрос о преступлении и ее ответ:

«— Ты была бы готова. . . на преступление, если бы это понадобилось? Молодая девушка опустила голову.

— Также и на преступление. . .».¹⁸

Почему же это место стихотворения, имеющее несомненно принципиальное звучание, оказалось исключенным в публикации «Исторического вестника»? Цензурных ограничений уже, как известно, не было. Может быть, сам журнал взял на себя цензорские функции, чтобы опубликованное стихотворение больше «соответствовало» идеалам Тургенева, как их понимали в «Историческом вестнике»?

Публикация обратного перевода «Порога» в «Орловском вестнике» — факт тем не менее, на наш взгляд, примечательный.

Признавая несовершенство труда неизвестного переводчика тургеневского стихотворения, нельзя вместе с тем забывать, что в подцензурной печати это было первое знакомство русского читателя с «Порогом», случившееся к тому же в канун революции 1905 г. Пока трудно сказать, кому принадлежала эта довольно смелая инициатива, возникшая на родине писателя. Возможно даже, что и обратный перевод «Порога» с французского был сделан в Орле.

Номер «Орловского вестника» от 22 августа 1903 г. в связи с 20-летием со дня смерти И. С. Тургенева почти весь посвящен памяти великого писателя. Наиболее интересные материалы, помещенные здесь, — письмо И. С. Тургенева С. Т. Аксакову от 22 января 1856 г. и воспоминания М. Н. Толстой «В 1903 году о 1853 г.», — как указывалось в редакционном примечании, были предоставлены газете тогдашним Орловским губернским предводителем дворянства М. А. Стаховичем, в начале 900-х годов известным своими либеральными настроениями. Не по его ли почину в «Орловском вестнике» напечатано стихотворение «У порога» и не от этого ли, действительно, «почитателя Ивана Сергеевича»¹⁹ Н. М. Гутьяр тогда же, в 1903 г. («несколько лет назад»), получил текст, который «Исторический вестник» впоследствии выдал за «старую» редакцию прославленного тургеневского шедевра?

Л. Н. Афонин

¹⁷ «Орловский вестник», 1903, 22 августа, № 224.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См., например, речь М. А. Стаховича 26 августа 1903 г. на вечере памяти И. С. Тургенева в Орле с участием М. Г. Савиной, А. И. Южина, И. М. Москвина: *Тургенев и Савина*, стр. 111—112.

ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
К ТЕКСТАМ ТУРГЕНЕВА *

15. ШАЛОПУТ

В двадцать девятой главе романа Тургенева «Новь» Нежданов, рассказывая Марианне о первом опыте знакомства с крестьянами окрестных деревень, вспоминает такой эпизод: «... одна баба с порога своей избы погрозилась мне ухватом, прибавив: „У! постылый! Шалопуты вы московские! Погибели на вас нетути!“».¹ «Шалопутами» (иногда «шелопутами») называли приверженцев возникшего в начале 60-х годов сектантского учения, быстро распространившегося в Курской, Воронежской, Рязанской, Тамбовской, Харьковской, Херсонской, Таврической, Полтавской, Екатеринославской, Ставропольской губерниях и в Терской, Донской и Кубанской областях. Это слово (от «шаль» — дурь, блажь) в 60—70-х годах часто встречалось в печати;² оно вошло и в различные словари.³ Исследователи секты, размышляя о происхождении ее названия, задавались вопросом: существовало ли слово «шалопут» в языке раньше, или оно было придумано для обозначения нового явления. Словари 50-х гг. показывают, что это слово было известно до появления указанной разновидности сектантства. В «Опыте областного великорусского словаря, изданном Вторым отделением императорской Академии наук»⁴ и «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря»⁵ отмечены как само это слово со значением «ветренный, пустой, одержимый», так и его производные, из которых укажем лишь следующие: «шалопутный» («полоумный»), «шалапутить» («повесничать») и «шелапутица» («беспутный человек»), — снабженные пометами «смоленское», «курское», «псковское», «тверское». Шалопуты, таким образом, были «окрещены этим странным прозвищем коллективным умом народа, увидевшего в жизни и учении новых сектантов такие особенности, понятие о которых входит в содержание понятия, соответствующего слову „шалапут“».⁶ Известность старого слова возросла.⁷

* Настоящие заметки являются продолжением тех, которые напечатаны в III Тургеневском сборнике (стр. 167—185).

¹ *Сочинения*, т. XII, стр. 224.

² Названия соответствующих статей и корреспонденций см.: Я. Абрамов. Секта шалапутов. «Отечественные записки», 1882, № 9, 10. — Секта шалопутов упоминается и в работах П. И. Мельникова-Печерского «Письма о расколе» (*Мельников (Андрей Печерский)*, т. VI, стр. 223) и «Счисление раскольников» (там же, т. VII, стр. 408).

³ *Даль*, т. IV, стр. 620; Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным. СПб., 1879, т. IV, отд. 4, стр. 141.

⁴ Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1852, стр. 262.

⁵ Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Издание Второго отделения имп. Академии наук. СПб., 1858, стр. 303, 305.

⁶ Я. Абрамов. Секта шалапутов. «Отечественные записки», 1882, № 9, стр. 36.

⁷ В конце XIX—начале XX в. оно употреблялось уже в Смоленской и Олонецкой губерниях (см.: В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 994, 998; Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом

Им стали охотно пользоваться, говоря о «человеке глупом, нелюдном, не усвоившем привычек и жизненных приемов цивилизованных людей, почти дикаре».⁸ В «Варшавских письмах» П. Берга, напечатанных в «С.-Петербургских ведомостях» (1863, 22 мая (3 июня), № 113), об одном из руководителей недавнего мятежа говорится: «Человек неглупый, образованный, но палапут (*c'est le mot*; это слово существует и у поляков)».⁹ Примеры подобного употребления этого же слова дают А. И. Левитов (в «Беспечальном народе»): «Онамедни шалопут какой-то из приказных по шоссе на богомолье шел»;¹⁰ Б. М. Маркевич (в «Марине из Алого Рога»): «От такого шелопута и этого неуважения, пожалуй, ожидать можно!»;¹¹ Н. С. Лесков (в «Захудалом роде»): «Ах, — говорю, — ты, шелапут!».¹²

Т. А. Никонова

16. ОБЛЫЙ

В повести «Два приятеля» Тургенев пишет о Михее Михеиче, одном из гостей Степана Петровича Барсукова: «. . . в комнату вошел новый гость. Это был человек весьма обширный, или, говоря старинным словом, уцелевшим в наших краях, облый, с большим лицом, с большими глазами и губами, с большими взъерошенными волосами».¹ Авторское пояснение к слову «облый»: «старинное», «уцелевшее в наших краях» — предполагает более обширный комментарий, чем тот, который дан к этому месту повести в шестом томе собрания сочинений писателя.² Это греческое по происхождению слово со значениями: «шарообразный, шаровидный»; «круглый»; «полный, совершенный» — встречается в произведениях церковной литературы XV—XVII вв.³

применении. Издание Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, СПб., 1898, стр. 135.

⁸ Ор. Л е в и ц к и й. Шалопуты на границе Полтавской и Екатеринославской губерний. «Киевский телеграф», 1875, 4 апреля, № 41.

⁹ Указано П. И. Кепшеном, предполагающим, что слово это произошло от польского «szalapat» — гуляка, бездельник, шалопаи (см.: Академик К е п ш е н. Материалы для словаря русского языка. Основная картотека современного русского языка словарного сектора ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР, № 209д, папка № 43).

¹⁰ А. И. Л е в и т о в, Полное собрание сочинений, т. III, СПб., 1905, стр. 58.

¹¹ Б. М. М а р к е в и ч, Полное собрание сочинений, т. III, СПб., 1885, стр. 4.

¹² Л е с к о в, т. V, стр. 174.

¹ Сочинения, т. VI, стр. 51. Ср. у Б. М. Маркевича в «Марине из Алого Рога»: «И такой же, как вы . . . облый? — засмеялась опять Марина, употребляя вычитанное ею где-то выражение» (Б. М. М а р к е в и ч, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 5).

² Сочинения, т. VI, стр. 510.

³ См.: Словарь церковно-славянского языка, составленный академиком А. Х. Востоковым. Издание Второго отделения имп. Академии наук, т. II, СПб., 1861, стр. 6; И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1895, стлб. 577.

В «Тилемахиде» В. К. Тредиаковского оно употреблено в смысле: «толстый, неуклюжий» (том II, кн. XVIII, ст. 514). «Известно, — пишет А. С. Орлов, — что Радищев снабдил свое „Путешествие из Петербурга в Москву“ эпиграфом из XVIII книги „Тилемахиды“, взяв строку, относящуюся к Церберу: „Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя“. Кажется, до сих пор никто не заметил, что Радищев здесь остроумно поправил Тредиаковского, у которого этот стих читался так: „Чудище, обло, озорно, огромно, с тризвеной и лаей“.⁴ Рассуждая в своем сочинении «Памятник дактилохорейческому витязю или драматикоповествовательные беседы юноши с пестуном его. . .» о достоинствах и недостатках поэмы Тредиаковского, Радищев также приводит этот стих.⁵ Его цитирует, почти в том виде, который придал ему Радищев, и П. А. Вяземский в «Речах, читанных при приеме в Арзамасское общество Василия Львовича Пушкина»: «И ты, любезный собрат < . . . > смело сразишься с гидрою „Беседы“ и с сим нелепым чудовищем, столь красноречиво предсказанном в известном стихе патриарха славянофилов: „Чудище обло, озорно, огромно, тризвено и лайя“».⁶ Без ссылок на имена Радищева и Тредиаковского, но с характерным примером: «чудовище обло» — слово «облый» вошло в «Словарь Академии Российской» (СПб., 1822, часть IV, стлб. 66) и «Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых . . . по поручению Комитета устройства учебных заведений составленное П. Петром С. «околовым»» (СПб., 1834, часть II, стлб. 31). Сужение сферы употребления этого слова обнаруживают словари 40—50-х гг. «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук» (СПб., 1847, том III, стр. 19) указывает в скобках: «старинное», а в «Опыте областного великорусского словаря, изданном Вторым отделением императорской Академии наук» (СПб., 1852, стр. 133) оба значения («круглый» и «толстый») сопровождаются пометой «курское». «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля добавляет еще одну — «орловское».⁷ Приведенная выше цитата — одно из подтверждений того, что Тургенев знал «общее орловское наречие» «превосходно, тонко и глубоко; владел им как художник разборчиво и отчетливо», никогда не упуская из виду «необходимого требования — смысловой ясности речи».⁸

Т. А. Никонова

⁴ А. С. Орлов. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского. В кн.: XVIII век. Сборник статей и материалов. Под редакцией академика А. С. Орлова. М.—Л., 1935, стр. 35.

⁵ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. II, М.—Л., 1941, стр. 217.

⁶ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. VIII, СПб., 1883, стр. 420.

⁷ Даль, т. II, стр. 598.

⁸ В. И. Чернышев. Русский язык в произведениях И. С. Тургенева. «Известия Академии наук СССР», Отделение общественных наук, 1936, № 3, стр. 476, 482.

17. РАСПУКОЛКА

В письме Тургенева к М. А. Бакунину от 28 августа (9 сентября) 1840 г. читаем: «Случалось ли тебе сорвать долгую ветвь камыша или распуколку розы, сдирать его скатанные оболочки и всё находить другие, всё белее и мягче».¹ Слово «распуколка» дает «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук» (СПб., 1847). В томе четвертом, на странице 51, указано: «распуколка — распутившаяся почка».² Известно немало примеров употребления этого слова в литературе XIX в. Его знали и И. Т. Кокорев («Сибирка. Мещанские очерки»): «Но если наводит грусть смотреть на изможденную жизнь, тем с большей радостью останавливается взор на молодой распуколке, цветущей весенней свежестью: Аннушка, сестра живописца, была премиленькое существо»;³ и А. И. Герцен («Записки одного молодого человека»): «Ранний цветок, я скорее достиг этой эпохи, и распукольки в моей душе развернулись в 14 лет»;⁴ и Л. Н. Толстой, отметивший в своем «Дневнике» 20 июня 1852 г.: «Д[октор] был < . . . > он привез Совр[еменник], в кот[ором] пов[есть] М. М[ихайлова] Кружевница, очень хороша, особенно по чистоте р[усского] языка — слово *распуколка*»;⁵ и А. Н. Островский («Снегурочка», действие II, явление 4): «Любовь невесты поругана! Распуколка души, раскрывшейся для первых чувств, цветок невинности благоуханный!»;⁶ и М. Е. Салтыков-Щедрин («Пошехонская старина»): «Сашенька была в полном смысле двенадцатилетняя русская красотка. Коли хотите, она напоминала собой бабушку, но так, как напоминает развертывающаяся розовая распуколка свою соседку, облетающую розу».⁷ Слово «распуколка» встречается и в труде А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»: «К празднику Ваий срезаваются молодые прутья вербы, с пушистыми распуколками, и освящаются в храмах. Путья эти считают за целебное средство от разных болезней»;⁸ к нему же обратился для разъяснения терминов «alabastrum, alabastrus» П. Г. Волкенштейн в своем «Словаре главнейших терминов, употребляемых при описании растений».⁹

Т. А. Никонова

¹ Письма, т. I, стр. 196.

² Более подробно и с приведением однокоренных слов см.: Даль, т. IV, стр. 72.

³ И. Т. Кокорев, Сочинения, М.—Л., 1959, стр. 15.

⁴ Герцен, т. I, стр. 274.

⁵ Толстой, т. 46, стр. 125. Слово «распуколка» в повести М. Михайлова «Кружевница» см.: «Современник», 1852, № 5, стр. 15.

⁶ Островский, т. VII, стр. 76.

⁷ Щедрин, т. XVII, стр. 167.

⁸ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868, т. II, стр. 390.

⁹ П. Волкенштейн. Словарь главнейших терминов, употребляемых при описании растений. СПб., 1874, стр. 5.

В романе Тургенева «Накануне» находящийся в бреду Инсаров видит перед собой старого прокурора «в халате из тармаламы» (гл. XXIV).¹ В халаты из этой ткани (вариант названия: термалама) одеты и персонажи Н. В. Гоголя («В то самое время, когда Чичиков в персидском новом халате из золотистой тармаламы < . . . > торговался с заезжим контрабандистом-купцом < . . . > раздался гром подъехавшей кареты»);² А. И. Герцена («< . . . > супруг ее, в позолоченном халате из тармаламы и с огромным янтарем в зубах, лежал на кушетке»);³ Д. В. Григоровича («< . . . > Фанагория Петровна < . . . > поднесла Порфирию Павловичу великолепный стеганый халат из тармаламы»; «Соломон Степанович с заметным удовольствием запахивался новеньким халатом из *термаламы* (классическая материя провинциальных халатов), подаренным ему месяц назад тещею»);⁴ Тармалама встречается у М. Ю. Лермонтова («< . . . > у меня был кусок тармаламы, я обил ею гроб и украсил его черкесскими серебряными галунами»);⁵ П. И. Мельникова-Печерского («В возах были у него не одна сотня кусков канауса и тармаламы, бухарские да кашемировые шали, бирюза, индийские кисеи и разные другие азиатские ткани»);⁶ М. Е. Салтыкова-Щедрина («Произведения Востока: халаты, шали, тармаламы, ковры и проч.»).⁷ Дополняющие друг друга объяснения этого слова дают словари В. Р. Зотова и Ф. Толля («пестрая шелковая ткань, приготовляемая преимущественно в Персии и Турции»);⁸ Вл. Даля («плотная шелковая или полушелковая ткань, идущая на халаты»);⁹ Г. Виллиам и И. Яценко («персидская шерстяная материя с шелковыми узорами»);¹⁰ Некоторые виды тармаламы использовались для обивки мебели и драпировок. Так, А. П. Бородин пишет Е. С. Бородиной: «< . . . > нашел всего выгоднее сделать драпировку из мебельной настоящей *термаламы*, которая очень красива и достаточно прочна (шерсть с бумагой)».¹¹

Т. А. Никонова

¹ *Сочинения*, т. VIII, стр. 117.

² *Гоголь*, т. VII, стр. 229.

³ *Герцен*, т. IV, стр. 25.

⁴ Д. В. Григорович, Полное собрание сочинений в двенадцати томах, Третье, вновь пересмотренное и исправленное автором издание, СПб., 1896, т. III, стр. 254; т. VI, стр. 333.

⁵ М. Ю. Лермонтов, Сочинения в шести томах, т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 237.

⁶ *Мельников (Андрей Печерский)*, т. IV, стр. 133.

⁷ *Щедрин*, т. XVI, стр. 395.

⁸ Настольный словарь для справок по всем отраслям знания, составленный под редакцией В. Р. Зотова и Ф. Толля, СПб., 1864, т. III, стр. 613.

⁹ *Даль*, т. IV, стр. 391.

¹⁰ Г. Виллиам и И. Яценко. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, содержащий более 30 000 слов, из которых многие лишь в самое последнее время проникли в русскую речь вместе с нововведениями научными и общественными. Пгр., 1915, стр. 448.

¹¹ Письма А. П. Бородина, т. IV. Госмузиздат, М.—Л., 1950, стр. 37.

«Талагаем» в повести Тургенева «Степной король Лир» назван отставной армейский майор, захудалый дворянин, жених-неудачник Житков.¹ Фамилию Талагаев носит герой последнего рассказа писателя «Une fin» — человек высокомерный, озлобленный, но трусливый, подлый и подчас жалкий, к которому окружающие относятся с гадливостью и презрением.² Судя по словарю Даля, собственно «талагай» означает «мордовскую женскую верхнюю рубаху» (употребляется в Симбирской губернии), в переносном смысле это «лентяй, шатун, тунеяд || большой болван, неуч, невежа || вообще сторонний, чужой мужик, отличающийся по одеже».³ Для объяснения этого слова существенны также сведения, сообщаемые о нем в «Опыте областного великорусского словаря, изданном Вторым отделением императорской Академии наук» и в «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря», где даны «географические» пометы к каждому значению: «упрямец, своенравный» («моск^{овское}»),⁴ «посторонний мужик, который говорит и одевается не по-здешнему» («ворон^{жеское}»), «говорящий пустяки» («новгор^{одское}»), «человек, скитающийся без дела» («кур^{ское}»).⁵ Статья «талагай» в словаре Даля может быть конкретизирована дополнениями из более поздних по времени источников. О прямом значении слова пишет А. Мотовилов;⁶ о «полупрезрительном имени», под которым «известны в народе вообще потомки былых однодворцев», «этой искусственно созданной, странной, какой-то межеумочной социальной группы», говорит Дм. Зеленин в рецензии на «Памятную книжку Воронежской губернии на 1906 г.».⁷ Примеров употребления этого слова русскими писателями очень мало. Кроме Тургенева, оно встречается у П. И. Мельникова (А. Печерского) в романе «В лесах»: «И угораздило ж ее за такого талагая замуж идти!».⁸

Г. А. Никонова

20. КОРНАЛИНКА

Слово «корналинка» (франц. cognaline) упомянуто в «Дневнике лишнего человека» (запись 29 марта): «Таково сердце человеческое!» — воскликнул бы теперь выразительным голосом какой-нибудь русский учитель средних лет,

¹ Сочинения, т. X, стр. 231.

² Там же, т. XIII, стр. 380—392.

³ Даль, т. IV, стр. 388.

⁴ Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1852, стр. 225.

⁵ Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Издание Второго отделения имп. Академии наук. СПб., 1858, стр. 264.

⁶ А. М о т о в и л о в. Симбирская мольба. К материалам для изучения областных наречий русского языка. «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. XLIV, № 4, СПб., 1888, стр. 30.

⁷ «Исторический вестник», 1906, № 8, стр. 593. См. также: А. П у т и н ц е в. Материалы для изучения воронежских говоров. «Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г.». Воронеж, 1905, отд. 3, стр. 14—15.

⁸ Мельников (Андрей Печерский), т. III, стр. 490—491.

подняв кверху жирный указательный палец, украшенный перстнем из корнелинки».¹ Этот полудрагоценный камень, разновидность халцедона,² описан подробно в кн.: Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции, также до домостроительства; познание художеств, рукоделий, фабрик, рудных дел, красок, пряных зелий, трав, дорогих камней и проч. Переведен с французского языка Василием Левшиным (М., 1791). На стр. 169—170 шестой части читаем: «Сердолик или корналин. Камень драгоценный, обыкновенно красный, несколько рудожелтоватый, бывает оный не очень прозрачен; гранят оный обыкновенно так, чтоб видимо было в нем три цвета: мясной, белый и серый. Сердолик резать удобно, и принимает он хороший лоск; лучшие древние резьбы состоят на сем камне». Слово «корналинка» зарегистрировано «Словарем русского языка, составленным Вторым отделением императорской Академии наук» (СПб., 1913, т. IV, вып. 7, стлб. 2137) с одним примером его употребления, взятым у Тургенева и приведенным выше.

Т. А. Никонова

21. ОПРИДЧИЙ

В отрывке Тургенева «Собственная господская контора», напечатанном в первом номере «Московского вестника» за 1859 г., есть эпизод о помещице Глафире Ивановне, составляющей план переустройства своего имения и диктующей проект задуманных реформ своему секретарю из крепостных. Именье, по этому проекту, должно было быть разделено на четыре части: основная часть составляла участок «экономический»; выделены были также участки «долговой» (получавшиеся с него доходы должны были идти на покрытие долгов), «детский» (доходы от него предназначались детям), но все переустройство, по указанному проекту, начиналось с участка «вдовьего», очевидно привлекавшего особое внимание помещицы. «План госпожи. . . начала Глафиры Ивановна. Легоново перо заскрипело по бумаге. — Все именье разделить на четыре части: первую назвать вдовьим участком или опридчим и определить ее на содержание госпожи и дома ее».¹

Комментарий к цитированному месту объясняет, что слово «опридчий» «по-видимому, местное (орловско-курское) произношение старорусского термина — опричнины, т. е. вдовьей части, выделенной по наследству (тут же приводится подтверждающая это определение цитата из «Курса русской истории» В. О. Ключевского).² Правильное по существу объяснение данного термина, однако, неполно и неточно. Древнерусское обозначение «отдельного владения, удела», по свидетельству «Материалов» И. И. Срезневского встречается лишь в форме «опришьнина—опричьнина» (прилагательное «опричь-

¹ Сочинения, т. V, стр. 221.

² См.: Г. В и л л и а м и И. Я ц е н к о. Словарь иностранных слов. . . , стр. 215.

¹ Сочинения, т. VI, стр. 14.

² Там же, стр. 501.

ный — опричник» имело значение «особый»).³ Та форма слова, которую приводит Тургенев, документально не засвидетельствована; ссылка на «орловско-курское» произношение этого слова также не оправдывается соображениями фонетического характера и примерами не засвидетельствована.

А. Г. Преображенский лишь относительно наречия и предлога «опричь» утверждает достаточно расплывчато, что они встречаются в диалектах «орловском, курском и многих других», форма же прилагательного «опридчий» ему также неизвестна.⁴

В «Словаре современного русского языка» по поводу слова «опричина» говорится, что одно из его значений «в древней Руси удельного периода» — «земельный надел, выделяемый в пожизненное пользование вдове князя», и что прилагательное «опричный» в значении «особый» зарегистрировано также русскими словарями XVIII в. (Росс. Целлариус, 1771, и Слов. Акад., 1793); относительно же предлога «опричь» (уотр. с родит. надежом) тут же дана справка, что он относится к формам «устарелым и обл.», хотя и встречается до середины XIX в.⁵

На слово «опридчий», встречающееся у Тургенева, обратил внимание И. И. Полосин. В статье «Что такое опричина» автор, выясняя историю этого термина, писал: «От раннего средневековья сохранилась в обычно-правовой практике система выделять в наследство особую отдельную материнскую часть». О «матерней части» упоминает «Русская правда» (по Троицкому списку, стр. 96). В средние века эта материнская часть в наследстве получила особое название «опричина». Этот новый термин бытовал в русском языке веками и умер, видимо, вместе с феодальной Русью. Во всяком случае И. С. Тургенев отметил его для 40—50-х годов XIX в.⁶ Приведа далее цитату из отрывка «Собственная господская контора», И. Полосин замечает, что остается неясным, как и откуда слово «опридчий» попало к Тургеневу: «Остается решить один очень важный вопрос: этот термин был взят Тургеневым из дворянского обихода XIX в. или заимствован из языка ученых-историков, современников автора». Как бы ни разрешать этот вопрос, одно несомненно, что термин «опричь», «опричный» очень рано стал наполняться определенным положительным содержанием. «Опричная часть — это „матерняя часть“ наследства-имуществва. Но этим не исчерпывалась многообразная и зигзагообразная история термина».⁷ Поставленный И. И. Полосиным вопрос, каким путем стало известно слово Тургеневу, представляет действительный интерес; ответ на него, однако, могут представить дальнейшие разыскания в области лексикологии и словоупотребления у Тургенева.

М. А.

³ Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1895, стр. 694—695.

⁴ А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М. 1958, стр. 654 (692 нижней пагинации).

⁵ Словарь современного русского языка, т. 8. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 961—962.

⁶ И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI—начала XVII вв. Сборник статей, М., 1963, стр. 134.

⁷ Там же, стр. 134.

22. РОССИЙСКИЙ

В рассказе «Однодворец Овсянников», вошедшем в цикл «Записок охотника» (напечатан впервые в «Современнике», 1847, № 5; написан в марте—апреле этого года), описывая внешний облик одного из действующих лиц, — Мити, — Тургенев сделал, между прочим, следующее указание: «Одежда на нем была немецкая, но одни неестественной величины буфы на плечах служили явным доказательством тому, что кроил ее не только русский — российский портной».¹ В комментарии к этому рассказу в академическом издании никаких пояснений к не вполне понятному современному нам читателю противопоставлению «русский—российский» не дано; между тем еще в 1925 г. французский славист Антуан Мартель отметил, что это место обычно являлось камнем преткновения для переводчиков «Записок охотника», по крайней мере французских.² Действительно, Э. Шаррьер в своем первом переводе «Записок» на французский язык фразу «не только русский, — российский портной» перевел следующим образом: «. . . Un Russe, un Roussak».³ И. Гальперин-Каминский перевел эту фразу на свой лад, но с той же тенденцией: «. . . son tailleur était un Russe, un Russe russeisant».⁴ Отсюда А. Мартель заключил, что «Тургенев около 1850 г. мог уже употреблять слово „российский“ с оттенком иронии, чтобы вызвать представление о чем-либо особенно, исключительно русском».

Хотя французский лексикограф справедливо подметил скрытую иронию в употреблении Тургеневым прилагательного «российский», но толкование этого слова в указанном контексте, подсказанное А. Мартелю переводчиками, явно ошибочно. В каком же смысле слово «российский» употребил в данном случае Тургенев?

Известно, что в 30—40-е годы XIX в. слово «российский», ранее широко употреблявшееся, стало постепенно устаревать и сохранялось лишь в применении ко всему что носило государственный, официальный характер. В 1830 г., рецензируя книгу «Новые немецкие и российские разговоры для начинающих» (СПб., 1830), Н. Полевой писал в своем журнале: «Заметим издателям „Разговоров“, что р о с с и й с к о г о языка нет в мире, а есть р у с с к и й язык. Называть русский язык российским все равно, что называть английский — в е л и к о б р и т а н с к и м, латинский — р и м с к и м, немецкий — австрийским, прусским, или писать, как пишут малограмотные переводчики: перевод с иностранного языка».⁵ Однако в том же году вышли в свет «Новейшие французские и российские разговоры, составленные по образцам наилучших новейших писателей» Я. Лангена (СПб., 1830), а еще через два года «Новый французско-российский словарь, современный нынешнему

¹ *Сочинения*, т. IV, стр. 73.

² Antoine Martel. *Un point d'histoire du vocabulaire russe: Россия, русский.* «Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer», Paris, 1925, стр. 277—278.

³ J. Tourguéneff. *Mémoires d'un seigneur russe.* Paris, 1854, стр. 84.

⁴ J. Tourguéneff. *Récits d'un chasseur*, Trad. par E. Halpérine-Kaminski. Paris, 1913, стр. 23.

⁵ «Московский телеграф», 1830, ч. XXXV, № 17, стр. 113—114.

Состоянию наук» Сергея Татищева (М., 1832); последний Белинский оценивал как «лучший и полнейший французско-русский (или французско-российский по г-ну Татищеву) словарь».⁶

Еще архаичнее (в применении к таким словам, как народ, литература словесность, язык и т. д.) обозначение «российский» звучало в 40-е годы; оно считалось тогда торжественным, относящимся к высокому стилю, в разговорной речи неупотребительным; словом пользовались лишь в официальном смысле, имея в виду что-либо относящееся к России как государству или к «Российской империи». В 1845 г. в рецензии на «Полный самоучитель или легчайший способ научиться Российскому языку» (М., 1845) в «Современнике» говорилось: «Автор, вероятно, не знает, что есть русский язык, а российский нет. Но по предлагаемому им способу нельзя выучиться и русскому языку, не только росийскому; а убедительнейшее доказательство нашего мнения заключено в самой книге».⁷ Существенное отличие между словами «русский» и «российский» было понятно и Тургеневу. Говоря в то же время и на страницах того же «Современника» о «российском», не только «русском портном», писатель, очевидно, хотел поднять на смех претенциозность захудалого портного-ремесленника, который, может быть, по представлениям Тургенева, именовал себя так и сам на вывеске, чтобы прибавить себе официальной важности и пущего значения.

В «Словаре современного русского языка» к слову «российский» дано объяснение «относящийся к России», и оно подкрепляется именно примером из «Одюдворца Овсянникова», приведенным нами выше.⁸ По отношению к интересующей нас цитате такое толкование явно недостаточно, поскольку оно не раскрывает проницательного смысла, с каким оно употреблено Тургеневым. В качестве архаизма мы встречаем это слово у Тургенева в очень характерном контексте в последнем его романе («Новь», 1876, гл. 3): Сипягин, этот по предвзвешенной характеристике самого Тургенева, «либеральный бюрократ», «склонный к славянофильству», говорит Нежданову: «. . . не угодно ли вам будет ехать туда с нами на время вакации, учить моего сына российскому языку и истории?».⁹

М. А.

⁶ Белинский, т. I, стр. 335.

⁷ «Современник», 1845, т. XXVII, № 1, стр. 90.

⁸ Словарь современного русского литературного языка, т. 12. М.—Л., 1961, стлб. 1472—1473. Другие примеры употребления имени «росс» и прилагательного «российский» см. в статье: А. В. Соловьев. Византийское имя России. «Византийский временник», т. XII, М., 1957, стр. 153—155 (гл. 10: «Византийские формы русского имени в языке XIX и XX вв.»); отмечая исчезновение к этому времени имени «росс» и прилагательного «российский», автор подчеркивает, однако, что в употреблении «остались и прилагательные „российский“ и „сероссийский“, имеющие более широкий смысл, чем чисто национальное обозначение „русский“» (стр. 155).

⁹ Сочинения, т. XII, стр. 24, 322.

23. ДЖЕНТЛЬМЕН

В повести «Затишье» (гл. I), давая подробную характеристику одного из действующих лиц — Астахова, Тургенев писал об этом многообещающем молодом человеке с явной иронией: «Словом, он заслуживал вошедшее недавно в моду название джентльмена».¹ В этой цитате наше внимание обращает на себя прежде всего хронологическое указание Тургенева: утверждая, что слово «джентльмен» вошло в моду в русском языке лишь «недавно», он несомненно имеет в виду начало 40-х годов (повесть «Затишье» написана в первой половине 1854 г.). Как все подобные указания Тургенева, справка эта также представляется вполне соответствующей действительности.

Прототип слова «джентльмен» мы находим еще в русских переводах допетровской поры,² но лишь с конца 30-х годов XIX в. слово входит в словарь русского языка и становится довольно употребительным. В «Карманной книжке для любителей чтения» оно имеет форму «жентлемен» и получило такое объяснение: «К классу жентлеменов принадлежат в Англии люди воспитанные, ученые или имеющие известный чин. Вообще же они составляют среднюю степень между дворянством и гражданами».³ Пушкин в своих поздних публицистических статьях несколько раз употребил слова «джентельмен» и собирательное «джентельменство»,⁴ но в неассимилированной английской форме *gentleman* встречается в его письме к жене 1836 г.⁵ В форме «джентельмен» мы находим то же слово у Гоголя (в письме к Репниной от 18 января 1839 г.)⁶ и в том же году в «Путевых письмах» Н. И. Греча: «. . . джентельмен есть всякий порядочный, воспитанный англичанин, притом достаточный, благородный, не из ремесленного сословия».⁷ Большую статью о понятии «джентльмен» мы находим, наконец, в вышедшем в том же году шестнадцатом томе «Энциклопедического лексикона», изд. А. Плюшара. В этой статье мы читаем: «Gentleman, общее название в Англии человека порядочного, воспитанного, вежливого и исполненного чувства чести и благородства. Слово джентльмен довольно хорошо соответствует русскому выражению — человек благородный, для которого вовсе не нужно быть благородным по происхождению или

¹ *Сочинения*, т. VI, стр. 87.

² В переводе «Космографии» Меркатора, сделанном в 1637 г. Богданом Лыковым: «шляхта, сиречь дети боярские, которых тамошним языком называют гентилмен» (см.: С. М. Г л у с к и н а. Общественная терминология в космографии 1637 г. «Ученые записки Псковского педагогического института», 1954, вып. II, стр. 213, 241; ср.: П. Ч е р н ы х. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 238).

³ Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов. Составил Иван Р е . . ф . . ц. 1837, стр. 90.

⁴ Словарь языка Пушкина, т. I. М., 1956, стр. 641.

⁵ В. В. М а к а р о в. Об использовании неассимилированной иноязычной лексики в произведениях Пушкина. «Ученые записки Калининского педагогического института», 1957, т. 19, вып. 2, стр. 99—114.

⁶ *Гоголь*, т. XI, стр. 194.

⁷ Н. Г р е ч. Путевые письма из Англии, Германии и Франции, ч. I. СПб., 1839, стр. 168. — Автор приводит здесь весьма интересный диалог, который он вел в Лондоне с неким «красноречивым историком дендизма», пытавшимся растолковать русскому путешественнику тонкое различие между «денди» и «джентельменом».

дворянином: в английском языке то же gentleman значит собственно gentilhomme, дворянин, но „настоящий джентльмен“ может быть и не дворянин. Англичане возлагают большую разницу между тем, что они называют настоящим джентльменом и совершенным джентльменом, а true gentleman, а perfect gentleman, и просто джентльменом, а gentleman»⁸ и т. д.

С этих пор, т. е. именно с начала 40-х годов, слово «джентльмен» употреблялось в русской печати без пояснений, утвердившееся для обозначения человека благовоспитанного, порядочного (в духе буржуазно-аристократической морали).⁹ Хронологическое указание Тургенева о времени, когда это слово стало употребительным в русской речи, представляет интерес не только для изучения иностранных заимствований в русском литературном языке: в конце 50-х годов слово «джентльмен» в понимании В. П. Боткина и Тургенева стало уже очень существенным при толковании ими некоторых классических образов мировой литературы, в частности Гамлета и Дон-Кихота.¹⁰

М. А.

⁸ Энциклопедический лексикон, т. XVI, СПб., 1839, стр. 394—395.

⁹ Словарь современного русского языка, т. III. М.—Л., 1954, стр. 763—764.

¹⁰ См. выше, стр. 241—242.

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМАМ И. С. ТУРГЕНЕВА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ПРЕДКИ ТУРГЕНЕВА

В письме к П. Н. Полевому от 16 (29) октября 1873 г. Тургенев, сообщая биографические сведения для второго издания «Истории русской литературы в очерках и биографиях» (СПб., 1874), писал о себе в третьем лице: «Из исторических лиц, принадлежащих к его фамилии, Тургенев» дорожит особенно двумя: тем Петром Тургеневым, который *обличил* Лжедмитрия и за это *обличение* был в тот же день казнен на лобном месте в Москве, — и тем шутком Петра Великого, Яковом Тургеневым, которому пришлось в новый 1700-й год обрезать ножницами бороды бояр: он по-своему тоже служил делу просвещения».¹

Это письмо свидетельствует, что, хотя Тургеневу были глубоко чужды идеи аристократизма «голубой крови», дворянской исключительности, вместе с тем он испытывал постоянный интерес к истории своего рода, семейным преданиям и рассказам о предках. Наша статья имеет целью несколько дополнить и расширить те сведения о предках писателя (Тургеневых и Лутовиновых), которые содержатся в его «Автобиографии» и комментариях к ней, печатающихся в XV томе Полного собрания сочинений.

Очевидно, для Тургенева, как и для Пушкина, обращение к своей родословной давало возможность тесней и ближе почувствовать историю своей родины, ее судьбы, осознать себя сыном своего народа. Как по линии отца, так и по линии матери Тургенев происходил из старинных дворянских родов. Их судьбы были связаны со многими важнейшими событиями в русской истории.

Тургеневы

По линии отца Тургенев происходил из старого дворянского рода. Тургеневы принадлежали ко второму разряду служилого дворянства и не занимали ведущих постов в русском государстве, но их имена сохраняет летопись многих значительных событий в истории нашей страны.

В «Свидетельстве о дворянстве», которое было представлено Тургеневым при поступлении в Московский университет, говорится: «Предок его первоначальный мурза Лев Тургенев во время княжения великого князя Василия Ивановича Темного выехал в Московское Государство из Золотой орды,

¹ Письма, т. X, стр. 161.

а крестился в царствующем граде Москве и во святом крещении наречено ему имя Иоанн».²

«Потомки сего Льва многие Российскому престолу служили воеводами, стольниками и в иных чинах и жалованы были от государей поместьями», — гласит запись на гербе рода Тургеньевых.³

Имена Тургеньевых часто встречаются среди участников многолетней борьбы Русского государства с внешними врагами. Так, Петр Тургеньев в 1554 г. убедил астраханского царя Дервиша (Дорбыша) перейти на службу России. Федор Тургеньев «на коне с пищалью и саблею был в службе под Смоленском», в литовском походе 1643 г.⁵ Василию Федоровичу Тургеньеву в «жалованной, великих царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всяя Руси самодержавцев, грамоте, данной ему Василию в 1694 году ноября 19 дня, изображено: они великие государи для вечного мира с польским королем и за службы предков отца его и его, которые службы и ратоборство, и храбрость, и мужественное ополчение, и крови, и смерти предки и отец его, и сродники, и он показали в прошедшую войну в коруне польской и в великом княжестве Литовском < . . . > пожаловали его Василия Тургеньева < . . . > с поместного его окладу в 1000 четвертей со 100 на 20 из его поместья в вотчину в Воротыньском уезде в Товенинском стану в деревнях Камышовке и Поповке».⁶

Тургеньевы давали поручительные записи за невыезд бояр при Иване IV, они были приставами при шведском (1598 г.) и при персидском (1590 г.) послах, Денис Тургеньев был послан в Богдану Хмельницкому с вестью о взятии Смоленска (1654 г.).

Во многих городах Тургеньевы служили воеводами, в том числе двое были воеводами в городе Орле. В 1670 г. царицынский воевода Тимофей Тургеньев был казнен восставшими казаками Степана Разина.

Прапрадед Тургеньева Роман в 1704 г. начал службу солдатом Петровского Преображенского полка и дослужился до чина бригадира; прадед Алексей Романович в 1730 г. был пажом царицы Анны Иоанновны, затем на военной службе. В 1760 г. он перешел в гражданскую службу и вышел в отставку с чином действительного статского советника.

Среди предков Тургеньева лишь его дед Николай Алексеевич не был в больших чинах. После четырнадцатилетней военной службы он в 1780 г. вышел в отставку с нижшим офицерским чином прапорщика. Однако суждениям биографов и мемуаристов о «более чем скромном» материальном положении деда Тургеньева⁷ нельзя доверять полностью. По документам, которые Н. А. Тургеньев подал в Тульское губернское собрание, ему принадлежал ряд сел и деревень в Орловской и Тульской губерниях. В приданое за женой Елизаветой Петровной Апухтиной Н. А. Тургеньев получил несколько деревень в Болховском и Мещовском уездах. Н. А. Тургеньев владел более

² ЦГАЛИ, ф. 509, ед. хр. 153, л. 3.

³ ИРЛИ, музей, № 2488.

⁴ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 2. СПб., изд. А. С. Суворина, 1883, стр. 537.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 509, ед. хр. 153, л. 4.

⁶ Там же, л. 5 об.

⁷ Ср.: Гутьяр, стр. 11.

чем двумя тысячами крепостных крестьян, что выдвигало его в ряд довольно крупных помещиков.

О том, что дед Тургенева занимал видное положение среди соседних помещиков, говорит и тот факт, что в течение двух трехлетий в 1807—1814 гг. Н. А. Тургенев был Чернским уездным предводителем дворянства.⁸

В перечне имений Н. А. Тургенева нет упоминаний о селе Тургенево. Очевидно, центральная усадьба Тургеньевых была основана дедом И. С. Тургенева на рубеже XVIII и XIX вв. близ деревни Вязовны в Чернском уезде Тульской губернии.⁹

Дошедшие до нас документальные данные о роде Тургеньевых не содержат сведений об их нравственном облике.

По воспоминаниям о Тургенево и его письмам известно также, что он, за исключением дяди Н. Н. Тургенева, очень сдержанно относился к своим родственникам из фамилии Тургеньевых и, ограничиваясь лишь материальной помощью, почти не поддерживал с ними личных связей. Показательно, что в то же время писатель неоднократно подчеркивал свое, фактически очень и очень отдаленное, родство с семьей декабриста Н. И. Тургенева.

Лутовиновы

Род матери И. С. Тургенева не имеет такой подробно разработанной генеалогии, как род Тургеньевых. Согласно преданиям, Лутовиновы — выходцы из литовских дворян, осевшие в начале XVII в. на орловских землях.

Первые достоверные сведения о них содержатся в имущественных делах Лутовиновых, хранящихся в Орловском государственном архиве.

В деле о размежевании земель между Иваном Ивановичем Лутовиновым и Варварой Петровной Лутовиновой приводится копия жалованной грамоты царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета от 1 ноября 1622 г. Мясоеду (Трофиму) Лутовинову.

Согласно жалованной грамоте, ему была дана четверть сельца Спасского в Мценской округе за московское «осадное сиденье» при царе Василии Шуйском. О его заслугах в грамоте говорится: «А он, Мясоед, будучи на Москве в осаде, против врагов наших стоял крепко и мужественно и к царю Василью и к Московскому государству службу многую и достоинство показал, голод и пагубу и во всем оскудение, всякую осадную нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо. И отое их велия службы и крепкого осадного сидения польские и литовские люди и русские воры от Москвы отшли».¹⁰

⁸ ЦГАЛИ, ф. 509, ед. хр. 153, л. 8.

⁹ Село Тургенево находится в Чернском районе Тульской области в 6 километрах от станции Чернь железной дороги Москва—Харьков и в 18 километрах от Спасского-Лутовинова. Тургенево принадлежало отцу Тургенева, позже его брату Николаю. Начиная с раннего детства писатель постоянно посещал это село. Неподалику, на небольшой речке Снежеди, расположен Бежин луг, описанный Тургеньевым в одноименном рассказе, и деревня Колотовка — место действия рассказа «Певцы». В с. Тургенево сохранились остатки парка и старая церковь. Дом сгорел в 1919 г.

¹⁰ Орловский госуд. архив, ф. 6, ед. хр. 2056, л. 63.

В 1667 г. сыну Мясоеда (Трофима) Лутовинова Мценскому воеводе Марку Трофимовичу Лутовинову царем Алексеем Михайловичем за участие в литовском походе, «похваляя его службы, промыслы и храбрость в роды и в роды», вновь были «отказаны в вотчину» земли в округе сельца Спасского.¹¹

По-видимому, Мясоед Лутовинов и его сын были первыми из многочисленных помещиков Лутовиновых, осевших на Орловских землях. С этих пор имена Лутовиновых постоянно встречаются в имущественных делах помещиков Орловской губернии. Судя по этим документам, они не подымались высоко по служебной лестнице — основным их занятием было помещичье хозяйство. До сих пор еще на карте Орловской и смежных с ней областей можно найти деревни Лутовиновы и Лутовиновки, принадлежащие этому многочисленному роду.

Село Спасское начиная с XVII в. неизменно было в руках Лутовиновых.

Во второй половине XVIII в. Спасским владел прадед И. С. Тургенева Иван Андреевич Лутовинов. Его женой была Мавра Ивановна, урожденная Лаврецкая.¹²

В народе сохранилась недобрая память о Лутовиновых. Многочисленные рассказы и предания рисуют их как очень жестоких помещиков-самодуров. По словам воспитанницы матери Тургенева В. Н. Житовой, «род Лутовиновых славился в уезде и губернии своим помещичьим удалством и самоуправством».¹³ Большинство этих преданий следует отнести к сыновьям И. А. Лутовинова Ивану, Алексею и Петру.

Петр Иванович Лутовинов (1743—1787), дед Тургенева по матери, еще при жизни своего отца, был выделен из семьи вследствие своего необузданного характера и безудержного мотовства.

В числе владений П. И. Лутовинова было село Топки Малоархангельского уезда Орловской губернии. Там, вероятно, и произошло побоище с однодворцами, воспоминания о котором 70 лет спустя записал архитектор князя Куракина В. А. Бакарев. По записи Бакарева, П. И. Лутовинов вместе со своими дворовыми устроил засаду против однодворцев, судившихся с ним за землю. После побоища, в котором было убитых до 15 человек, «собрал все мертвые тела и повез их в город Ливны, едучи туда через селение противников, зажег оное с обоих концов и кричал: „Я бич ваш!“».¹⁴

Такую же яркую характеристику склонностей П. И. Лутовинова содержит письмо его жены, Екатерины Ивановны Лавровой, от 31 января 1803 г., где она, обращаясь в Сенат, пишет: «Жизнь мужа моего была образом распутности, а вместе с тем и единственным всех зол моих источником, ибо по вступлении моем в брак, не могла я еще осмотреться в сем новом состоянии, как

¹¹ Там же, л. 64.

¹² *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 87, л. 92.

¹³ *Житова*, стр. 21.

¹⁴ *Тургенев и его время*, стр. 315. Публикация Л. В. Крестовой. — По моему мнению, Л. В. Крестова ошибается, относя этот рассказ к Алексею Лутовинову. Бакарев в «Записках» называет именно Петра Лутовинова; деревня Топки находилась близ владений Куракиных, где было записано предание, наконец, упоминание о г. Ливны, расположенном неподалеку от этих мест, позволяет пересмотреть версию исследовательницы.

он ни в долгое время все мои вещи и серебро проиграл в карты, да до супружества еще отяготил незаконно имение долгами».¹⁵

После смерти братьев Петра и Алексея большая часть лутовиновских имений объединилась в руках Ивана Ивановича Лутовинова, дяди матери Тургенева.

Пожалуй, именно с ним связывается большая часть преданий, бытовавших в ближайшем окружении Тургенева. Суровым, властным и деспотичным богачом-помещиком рисуется он в мемуарной литературе.

В первые годы XIX в. им были начаты широкие работы по переустройству своих владений. На Спасской горе, на участке, ограниченном с одной стороны землями церкви Спаса-Преображенья, а с двух других — речкою Варнавицей и Злодеевым верхом, им была основана новая усадьба, выстроен дом и разбит парк.

Это и была та усадьба, которая сейчас в нашем сознании и сознании многих и многих тысяч людей неразрывно связана с именем Ивана Сергеевича Тургенева.

Многие места Спасского-Лутовинова до сих пор хранят память о старых «лутовиновских» временах. Там можно видеть старое заброшенное кладбище, обнесенное земляным валом и возле него поросший мхом памятник с полустершейся надписью:

«Тому, кто здесь лежит
⟨нрзб.⟩ спасти ⟨нрзб.⟩ должна похвалы
Но чтобы слух дел его повсюду простирался
Что ⟨нрзб.⟩ муж жил честно и скончался
Учил детей, родителей покоил,
Примером был благим,
Сей памятник ему построил
Лутовин».

На другой стороне камня высечена надпись: «Здесь лежит тело француза лотарингского уроженца города Нанси Николая Этьен венеи Дефрен, в Россию 1769 году приехал скончался 1793 году июля 15 дня».¹⁶

В центре кладбища находится каменная часовня, выстроенная И. И. Лутовиновым. Раньше там можно было видеть вделанную в пол чугунную плиту. Надпись на ней гласила: «... скончался в 1796 году апреля 12 д. и тут погребен дядею ево и другом матери ево Иваном Лутовиновым и в память сему младенцу предел сей во имя святого Николая Чудотворца соорудил».¹⁷

В различных местах Спасской усадьбы сохранились заросшие травой камни — остатки фундаментов многочисленных строений, которые существовали в Спасском при И. И. Лутовинове.

В Государственном музее И. С. Тургенева в Орле хранится дело о наследстве И. И. Лутовинова. В нем находится подробная опись всего движи-

¹⁵ *Музей Тургенева*, № 419.

¹⁶ Ср. описание памятника графу Бланжию в рассказе «Льгов».

¹⁷ J. Mourier. Tourguénéff à Spasskoe. СПб., 1889, стр. 102 (здесь помещена фотография чугунной плиты).

мого и недвижимого имущества, оставшегося после смерти И. И. Лутовинова.

Даже в сухом перечне строений Спасского можно увидеть своеобразную картину того быта усадьбы, который еще застал в детстве писатель.

Вот сокращенные данные этой описи:

«Господский деревянный двухэтажный жилой дом. В первом этаже двенадцать, во втором девять покоев, обусланн на манер каменного, и в описи некоторые комнаты расписаны разными красками, новый. Деревянное строение, примыкающее к правой стороне господского дома. В нем контора, при ней 6 комнат, музыкантская, в ней 5 комнат. Галерея каменная в полуциркульном виде, с левой стороны к господскому дому примыкающая. В ней для растений и деревьев 13 алебастровых ваз. При оной галерее кухня. Подле кухни курная баня. К оному строению каменная погребница с десятью колоннами и под оной каменный погреб. Близ оной два ледника. Близ дому господского оранжерея, в ней деревья лимонные, померанцевые, персиковые, сливовые, всего около 200. Садов плодовых при селе Спасском — 4. В оных садах павлинья горница. Парников каменных — 3. Экипажный двор. Конный двор, при оном: конюшня парадная, конюшня заводская, конюшня ямская. Скотный двор. Птичий двор. Кузница. Столярный флигель. Мельница водяная на Спасском пруду. Ветряная мельница. Флигель для портных и сапожников. Два с мезонинами флигеля людские. Флигель с мезонином для бурмистра и прочих дворовых людей. Больница с мезонином. Флигель для полиции. Флигель с мезонином певческий и музыкальный. Да в сельце Петровском, что при Спасском, лаборатория о двух комнатах. В ней один очаг для водки, три куба простой меди с трубами».¹⁸

В опись имущества И. И. Лутовинова не вошли сведения о его библиотеке. Однако по сохранившимся до наших дней в составе родовой библиотеки И. С. Тургенева¹⁹ книгам, принадлежавшим Лутовиновым, можно судить о широте и разносторонности их интересов, стремлении быть «с веком наравне».

Инициалы и автографы Алексея Ивановича и Ивана Ивановича Лутовиновых стоят на многочисленных изданиях Вольтера, книг Монтескье, Руссо, Рабле. Им принадлежали сочинения Ломоносова, Хераскова, «Размышления о греческой истории» Мабли в переводе А. Н. Радищева, русский перевод «Утопии» Томаса Мора, рукописный экземпляр повести Вольтера «Кандид». В библиотеке Лутовиновых находились издания Н. И. Новикова, произведения энциклопедистов, большое собрание пьес и комических опер.

Помимо приведенных выше сведений, документы Лутовиновых содержат большое количество данных об имущественном положении крестьян, о количестве земли и имениях Лутовиновых. В делах можно встретить упоминания об однодворцах Овсяниковых, крепостных Пасынковых, соседях Лутовиновых Чертовых. Один из Чертовых — прототип Чертопханова.

На основании этих данных мы можем с большей, чем раньше, уверенностью говорить о том влиянии, которое имело прошлое на формирование Тургенева.

Память о Лутовиновых, рассказами и преданиями о которых была пропитана вся атмосфера Спасской усадьбы, чтение документов семьи прибли-

¹⁸ *Музей Тургенева*, ед. хр. 2078, лл. 321—340.

¹⁹ Библиотека хранится в музее И. С. Тургенева в г. Орле.

жали писателя к пониманию прошлого, к пониманию быта и нравов помещиков старого времени.

Отголоски фамильных преданий входят в художественную ткань большого числа произведений Тургенева, начиная от его ранних стихотворений и кончая «Старыми портретами», «Отчаянным».

Пожалуй, наиболее явственно это обращение к истории своего рода сказалось в родословной Лаврецкого в романе «Дворянское гнездо», где писатель дал герою даже действительную фамилию одного из своих предков.

В воспоминаниях о селе Спасском М. А. Щепкин рассказывает, что «в столовой Спасского дома висел портрет, на котором изображен мужчина в зеленом камзоле екатеринских времен, со следами прокола шпагой на месте сердца». «Не трудно было узнать, — говорит далее Щепкин, — в этом портрете прототип картины, описанной Тургеневым в его повести „Три портрета“. Предание, вполне сходное с содержанием Тургеневской повести, долго держалось среди старых дворовых».²⁰

Отголоски воспоминаний о свирепой расправе П. И. Лутовинова с однодворцами слышатся в рассказе «Одюдворец Овсянников». Предание об Иване Ивановиче Лутовинове, который ходит по Варнавицкой плотине и ищет разрыв-траву, оживает в рассказе «Бежин луг». Известно, что в основу рассказа «Бригадир» писатель положил подлинное письмо, хранившееся в семейном архиве, который, так же как и «Записки» Аленина, — не что иное, как стилистически выправленные писателем записки из тетради его деда.

В заключение хотелось бы сказать и о другом, может быть, еще более значительном круге влияний, о народной традиции, которая формировала в писателе чувство живой связи с прошлым своей родины, сознание того, что он всеми корнями своими связан с родной землей.

Документы говорят о том, что Спасское-Лутовиново уже во времена Тургенева имело многовековую историю, что оно находится на давней обжитой русской земле. Следовательно, на протяжении столетий среди крестьян Спасского не прерывалась живая связь поколений. Здесь складывался свой уклад, свой говор, обычаи, традиции. Из поколения в поколение передавались народные песни, легенды и предания. Характерно, что народные названия местностей «Варнавицы», «Чаплыгино», «Злодеев верх», упомянутые в документах двухвековой давности, и сейчас бытуют среди крестьян Спасского.

Начиная с раннего детства через нянюшек, мамушек, дворовых крестьян и крепостных охотников Тургенев впитывал в себя красоту народной речи, поэзию народных песен и сказаний.

Без этого не могли бы родиться ни «Записки охотника», ни многие другие произведения писателя. И, может быть, именно крестьянская, народная оценка дел и поступков дедов и прадедов Тургенева, которая содержалась в преданиях и рассказах о них, определила отношение писателя к прошлому своего рода.

Б. В. Богданов

²⁰ М. А. Щ е п к и н. Воспоминания об И. С. Тургеневе и селе Спасском. «Исторический вестник», 1898, № 9, стр. 911.

АВТОГРАФ ТУРГЕНЕВА И ЗАПИСКА Л. ВИАРДО

В Государственном музее И. С. Тургенева в г. Орле хранятся автографы Тургенева и Луи Виардо, представляющие несомненный интерес для истории знакомства писателя с супругами Виардо.

Как известно, они познакомились в первый приезд Полины Виардо с мужем в Петербург осенью 1843 г. Однако близкие дружеские отношения между ними установились не сразу.

Покоренный красотой и силой голоса, мастерством исполнения прославленной певицы, Тургенев, по-видимому, заранее приобретает билеты на ее выступления. Об этом свидетельствует первый из автографов. Это — запись Тургенева о билетах на Итальянскую оперу:

«Список билетов,
полученных мной от А. Л. Неваховича.¹

1) 1-е представление Луччи.	Денег выдано
2) 1-е представление Сомнамбулы.	280 р. асс.
3) 3-е представление Сомнамбулы.	
4) 1-е представление Элизир д'Амор.	
5) 3-е представление Элизир д'Амор.	
6) 1-е представление Пуритан.	
7) 1-е представление Отелло.	
8) 1-е представление Нормы ² (бенефис <нрзб.>)	
9) 1-е представление Нормы.	
10) 4-е представление Лукр<эции> Бор<д>жии.	
11) 2-е представление Севил<ского> цырюльни<ка>»	

Речь идет здесь о следующих операх: «Лючия ди Ламмермур», «Любвиный напиток» («L'Elisire d'amore») и «Лукреция Борджиа» Доницетти, «Невеста-лунатик, или Сомнамбула», «Пуритане» и «Норма» Беллини, «Отелло» и «Севильский цирюльник» Россини.

Список, составленный Тургеневым, следует датировать сентябрем 1844 г., так как в октябре—декабре на сцене петербургского Большого театра уже шли все перечисленные оперы. За исключением трех из них («Лючия ди Ламмермур», «Пуритане» и «Лукреции Борджиа»), в остальных выступала П. Виардо,³ чем и объясняется особенный интерес к Итальянской опере со стороны Тургенева.

Второй автограф — записка Луи Виардо:

«Monsieur Tourguéneff. Venez, mon cher ami, nous irons au manège, et nous travaillerons jusqu'à 3 h. Tout sera pour le mieux. A vous Louis V.». Перевод: «Господину Тургеневу. Приходите, мой дорогой друг, мы отправимся в манеж и поработаем до 3 час. Всё будет очень хорошо. Ваш Луи В.»

¹ А. Л. Невахович — чиновник из Дирекции императорских театров в 40—50-е годы в Петербурге.

² Зачеркнуто.

³ О выступлениях П. Виардо в «Сомнамбуле» и «L'Elisire d'amore» см.: «Северная пчела», 1844, 27 октября, № 245; в «Отелло»: там же, 13 ноября, № 259; в «Норме»: там же, 25 ноября, № 269; в «Севильском цирюльнике»: там же, 2 декабря, № 275.

Эту записку, судя по приятельскому тону, также следует отнести по времени написания ко второй встрече Тургенева с Луи Вьярдо в Петербурге, т. е. к сезону 1844/45 г., когда они встречаются у знакомых и вместе охотятся, как уже старые друзья. Еще одна небольшая деталь может быть подтверждением правильности этого вывода.

И список билетов, и записка Л. Вьярдо были найдены сотрудниками музея в одной и той же книге мемориальной библиотеки Тургенева: *Simonde de Sismondi. Histoire des républiques italiennes du moyen age. Bruxelles. 1825. Quatrième édition. 12 volumes.*

Очевидно, к тому же осенне-зимнему периоду 1844—1845 гг. и относится чтение Тургеньевым указанной книги.⁴

А. И. Понятовский

ГОГОЛЬ И ТУРГЕНЕВ

1. Тургенев — слушатель лекций Гоголя по истории

В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенева его первое «свидание с Гоголем»¹ в Петербургском университете освещено предельно кратко. Между тем слушание этого курса закончилось для Тургенева весьма драматично. Как вспоминает Н. М. Колмаков, учившийся одновременно с ним и также посещавший лекции Гоголя, именно экзамен по истории средних веков был причиной того, что Тургенев вышел в 1836 г. из университета в звании действительного студента, а не кандидата. Это и побудило его на следующий год снова ходить на лекции, а затем повторно «подвергнуться испытанию» со студентами младшего курса, для получения кандидатской степени.²

«Отъезд Гоголя и оставление им лекций, — вспоминал впоследствии Колмаков, — были неожиданны и отразились на нас весьма неблагоприятно. Профессор Шульгин на экзамене задавал нам такие вопросы, которые вовсе не входили в программу лекций Гоголя. Вот тут случилась такая оказия: в числе студентов старшего курса был и приснопамятный Иван Сергеевич Тургенев. Ему попался на экзамене вопрос о п ы т к а х, или так называемом Б о ж и е м с у д е. Известно, что Иван Сергеевич обладал знанием иностранных языков, а потому неудивительно, что он много читал из иностранных источников и на заданный вопрос мог отвечать весьма обширно. Отвечая, Тургенев, между прочим, сказал, что в числе пыток огнем и другими способами был еще особый род оных, именно: испытание посредством

⁴ О библиотеке И. С. Тургенева см.: М. В. Португалов. По тургеньевским местам. Литературные экскурсии в Тургеньевский музей в Орле и Спасское-Луговинно. М., 1924, стр. 34—35.

¹ *Сочинения*, т. XIV, стр. 75.

² *Письма*, т. 1, стр. 426, 633.

телячьего хвоста, намазанного салом. Услышав это, Шульгин, пытливо взглянув на Тургенева, поспешно сказал: „Что такое, что такое?“ Тургенев продолжал: „Да, посредством телячьего хвоста, намазанного салом; приводили взрослого теленка, брали хвост, намазывали его густо-прегусто салом и заставляли человека, подвергнутого испытанию, взяться за этот хвост и держаться, что есть мочи, а между тем теленка ударяли крепко хлыстом. Разумеется, теленок рвался и бежал опрометью. Если испытуемый удерживался, то считали его правым, если нет — виноватым“.

Шульгин с усмешкой выслушал и сказал: „Где это вы вычитали?“ Тургенев смело наименовал автора. Ответ Тургенева не понравился Шульгину: он сжал свои губы, — произошла немая, неприятная сцена. Засим он стал задавать Тургеневу другие вопросы по части хронологии и, разумеется, Шульгин достигнул своего: Тургенев сделал ошибку и получил неодобрительную отметку. Засим и кандидатство его улыбнулось.

Едва ли эта история не была началом того, что Тургенев впоследствии стал недоверчиво относиться к властям и уехал за границу докачивать свое образование.

В 1853 г., т. е. через 18 лет после описанного испытания, я видел Ивана Сергеевича в С.-Петербурге, на квартире Сергея Ивановича Зарудного, в доме Пушина, у Певческого моста. Я припомнил ему историю о телячьем хвосте, — само собою, мы смеялись.³

Из прошения Тургенева на имя ректора Петербургского университета от 11 (23) мая 1837 г. видно, что именно от Шульгина он получил «изустное разрешение»⁴ снова посещать лекции. Вполне возможно, что разговор об этом состоялся у них после злополучного экзамена, во время которого, как сказано в «Литературных и житейских воспоминаниях», Гоголь «сидел, повязанный платком, якобы от зубной боли — с совершенно убитой физиономией — и не разевал рта».⁵

Эта запомнившаяся всем видевшим ее студентам сцена была почти так же описана ранее Тургенева одним из его сотоварищей по университету Н. И. Иваницким: «Наступил экзамен. Гоголь приехал, подвязанный черным платком: не знаю уж, зубы у него болели, что ли. Вопросы предлагал бывший ректор И. П. Ш <ульгин>. Гоголь сидел в стороне и ни во что не вступался. Мы слышали уж тогда, что он оставляет университет <...> После экзамена мы окружили его и изъявили сожаление, что должны расстаться с ним».⁶

Лекции Гоголя Иваницкий характеризует неодинаково. Те из них, что вошли затем в «Арабески» и были тщательно отработаны, захватывали слушателей, в том числе Пушкина и Жуковского, увлекательной «мыслью, которая летела и преломлялась, как молния, освещая беспрестанно картину за картиной в этом мраке средневековой истории».⁷ Но «все следующие лекции Гоголя были очень сухи и скучны»,⁸ как об этом пишет и Тургенев.

³ «Русская старина», 1891, № 5, стр. 461—462.

⁴ Письма, т. 1, стр. 426.

⁵ Сочинения, т. XIV, стр. 76.

⁶ «Отечественные записки», 1853, № 2, отд. VII, стр. 121.

⁷ Там же, стр. 120.

⁸ Там же, стр. 121.

И все же, по справедливому замечанию автора «Воспоминаний из дальних лет» М., друга Я. М. Неверова, Гоголь собирал вокруг себя в университете «много юных литераторов». ⁹ Он «прошел по кафедре, как метеор, с блеском оную осветивший и вскоре на оной угасший, но блеск этот был настолько силен, что невольно врезался в юной памяти», ¹⁰ о чем свидетельствует мемуарная страница одного из учеников и последователей Гоголя в литературе — Тургенева.

2. Гоголь о «Записках охотника»

В статьях В. А. Ковалева «О гоголевских традициях в „Записках охотника“» ¹¹ и Л. Н. Назаровой «Тургенев о Гоголе» ¹² достаточно полно освещены сформулированные в их заглавиях темы, которые затрагиваются и в целом ряде иных работ о том и другом писателе.

Что же касается отношения автора «Мертвых душ» к «Запискам охотника», основной состав которых был опубликован в «Современнике» при его жизни, то об этом принято судить лишь в самых общих выражениях со ссылкой на известное письмо Гоголя к П. В. Анненкову от 26 августа (7 сентября) 1847 г., где о Тургеневе сказано, что «талант в нем замечательный и обещает большую деятельность в будущем». ¹³

Находясь в ту пору вне России, Гоголь жадно следил за всем в литературе, «что только зацепило хоть сколько русского человека и его жизни», ¹⁴ стремился «читать все новые повести», потому что «в них хотя и вскользь, а все-таки проглядывает современная наша жизнь». ¹⁵ Приходившие к нему по его просьбе от друзей за границу книги, журналы, в том числе и обновленный «Современник» начиная с первого номера, он прочитывал с большим вниманием и обстоятельностью, на что указывают его отзывы об отрывке «Из записок артиста» М. С. Щепкина, статьях В. Г. Белинского, письмах из Парижа П. В. Анненкова и других материалах, публиковавшихся одновременно с «Записками охотника». Именно рассказы и очерки этого цикла и дали Гоголю основание признать в их авторе замечательный, многообещающий талант.

19 ноября (1 декабря) 1847 г. Тургенев сообщал Полине Виардо: «Один из моих друзей (но это между нами) показал мне письмо Гоголя, в котором этот человек, вообще смотрящий свысока и требовательный, говорит с большими похвалами о вашем покорнейшем слуге. Одобрение со стороны этого „мастера“ доставило мне большое удовольствие». ¹⁶

Из 22 рассказов и очерков, вошедших в первое отдельное издание «Записок охотника», Гоголь мог прочесть к тому времени, когда он отозвался об их авторе в письме к Анненкову, только пять. Его похвала по адресу Турге-

⁹ «Русская старина», 1881, № 5, стр. 157.

¹⁰ Там же, стр. 158.

¹¹ «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Сборник статей и материалов. Орел, 1955, стр. 118—135.

¹² «Русская литература», 1959, № 3, стр. 155—158.

¹³ Гоголь, т. XIII, стр. 385.

¹⁴ Там же, стр. 290.

¹⁵ Там же, стр. 66.

¹⁶ Письма, т. I, стр. 269.

нева шла вразрез с тем, что писал Гоголю Н. М. Языков 27 октября 1846 г.: «„Современник“ купили Никитенко, Беллинский, И. Тургенев и прочие такие же; следственно, с будущего 1847 г. сей журнал, основанный Пушкиным, будет орудием шелкоперов».¹⁷

Знакомство с новыми рассказами и очерками автора «Записок охотника», а также произведениями других писателей из круга обновленного «Современника» нисколько не подтверждало это предвзятое суждение Языкова. Одобрив в письме к Анненкову талант Тургенева и тем самым вдохновив его на еще более ревностную работу в том же направлении, Гоголь продолжал внимательно следить за новыми ее результатами и время от времени опять отзывался о них в том же положительном смысле.

В статье «Мое знакомство с Гоголем» Л. Арнольди вспоминал о своем разговоре с ним во время случайной встречи в Москве на Тверском бульваре: «Мы гуляли вместе часа два. Разговор зашел о современной литературе. Я прежде никогда не видел у Гоголя ни одной книги, кроме сочинений отцов церкви и стариной ботаники, и потому весьма удивился, когда он заговорил о русских журналах, о русских новостях, о русских поэтах. Он все читал и за всем следил. О сочинениях Тургенева, Григоровича, Гончарова отзывался с большой похвалой. Это все явления утешительные для будущего, говорил он. Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорогу. Только стихотворцы наши хромают, и времена Пушкина, Баратынского и Языкова возвратиться не могут».¹⁸

А. П. Толченев в своих воспоминаниях о встречах с писателем в 1850—1851 гг. в Одессе пишет, что он «рискнул спросить его мнение о современных русских литераторах, на что Гоголь отказался отвечать, ссылаясь на малое знакомство с современной литературой, отозвавшись, впрочем, с большой симпатией о Тургеневе».¹⁹

Эта симпатия относилась в первую очередь к «Запискам охотника». Пребывание Гоголя в Одессе и разговоры, которые он там вел, в том числе и на литературные темы, нашли подробное отражение в дневнике одной из его собеседниц, неизвестной дамы по имени Екатерина Александровна. Она заявляла, «что у Тургенева не истинный талант».²⁰ Ее постоянный оппонент в этих спорах, отстаивавший молодого писателя от нападок «староверки», сказал ей 14 января 1851 г. с чувством гордости за автора «Записок охотника»: «А вам Гоголь читал вслух „Певцы“ Тургенева? И ему понравилось!».²¹ В дневнике зафиксированы и слова самого Гоголя, сказанные им 21 марта 1851 г. в связи с разговорами о достоинствах и недостатках прочитанного вслух «Завтрака у предводителя»: «Ну, в Тургеневе все-таки живость есть, все-таки русское».²²

Этим же, по свидетельству А. О. Смирновой, приведенному ею в «Воспоминаниях о Н. В. Гоголе», его привлекал и «Бежин луг», где так живо чувство русской природы: «Николай Васильевич» сердился, когда ему говорили,

¹⁷ «Русская старина», 1896, № 12, стр. 645.

¹⁸ «Русский вестник», 1862, № 1, стр. 86.

¹⁹ Н. В. Гоголь в Одессе. Одесса, 1902, стр. 29.

²⁰ «Русский архив», 1902, кн. 1, стр. 544.

²¹ Там же, стр. 548.

²² Там же, стр. 558.

что „Бежин луг“ и „La petite Fadette“ схожи. Он вообще не любил Georges Санда». ²³

В названном мемуарном источнике также отмечено, что когда в 1851 г. «Тургенев был у Гоголя в Москве, тот принял его радушно, протянул руку как товарищу и сказал ему: „У вас есть талант, не забывайте же: талант есть дар божий и приносит десять талантов за то, что создатель вам дал даром. Мы обнищали в нашей литературе, обогатите ее. Главное — не спешите печатать, обдумывайте хорошо. Пусть скорее создастся повесть в вашей голове, и тогда возьмитесь за перо, марайте и не смущайтесь. Пушкин беспощадно марал свою поэзию, его рукописей теперь никто не поймет, так они перераваны“». ²⁴

Отзвук памятного для автора «Записок охотника» разговора с Гоголем «о значении литературы, о призвании писателя, о том, как следует относиться к собственным произведениям», ²⁵ мы находим и в письме Е. М. Феоктистова к Тургеневу от 18 февраля 1853 г.: «Помните ли, что Гоголь сам говорил Вам о том, до какой степени надо выносить и вырастить в себе самом лицо, предполагаемое для изображения». ²⁶

Все это служит дополнительным комментарием к соответствующим страницам «Литературных и житейских воспоминаний», а также показывает, насколько не случайными были слова Гоголя, сказанные им «месяца за два до смерти»: «Во всей теперешней литературе больше всего таланту у Тургенева». ²⁷

3. Записи в «Дневнике» Ф. И. Буслаева о смерти Гоголя и аресте Тургенева

В неопубликованном «Дневнике» Ф. И. Буслаева, хранящемся в ЦГАЛИ (ф. 69, оп. 1, ед. хр. 6. Далее указываем листы), есть несколько записей, вызванных смертью Гоголя и арестом Тургенева в 1852 г. Оба события литературной жизни напши, как известно, широкий отклик в русском обществе.

«Давно ли он умер? — записывал Буслаев 19 марта 1852 г. — Не прошло еще и месяца, а вот уже из-за Гоголя поссорились Хавский с Булгариным, который в ответ на извещение о смерти Гоголя написал грубость, ругая талант Гоголя; поссорилась московская цензура с петербургской, которая не хотела пропустить письмо Тургенева о смерти Гоголя, письмо весьма приличное, напечатанное потом в „Московских ведомостях“ < . . . > Явление, в наше время характеристическое, — что некоторые личности вменяют Гоголю в вину его комическое вдохновение. Лучше бы было, если бы он писал подобно жужжаншю так называемой „пчелки“, известной газеты, и хвалил то, что выставлено в его бессмертных сочинениях достойным посмеяния. Что сказать о самой смерти Гоголя? До сих пор никак не могу переварить я в своей

²³ А. О. Смирнова - Россет. Автобиография (неизданные материалы). М., 1931, стр. 308.

²⁴ Там же.

²⁵ *Сочинения*, т. XIV, стр. 66.

²⁶ *ИРЛИ*, ф. 166 (Л. Н. Майков), ед. хр. 1539, л. 60.

²⁷ *Боткин и Тургенев*, стр. 32—33.

голове сочетания двух несочетаемых идей — умирить себя постом и умереть как должно христианину, причастившись св<ятой> тайне. Вот до каких ухищрений дошел наш век, половина XIX столетия. Если что и вероятнее всего — это запощение произошло вследствие помешательства — то, признаюсь, как тяжело думать, что душа поэта не вынесла той тяжелой ноши, которую взяла на себя, — выставить наши недостатки. Неужели любовь к родине должна была иметь в Гоголе такой роковой исход!» (лл. 172 об.—173).

Возвратившись к этим событиям через два месяца, автор «Дневника» записал 24 мая того же года: «В „Северной пчеле“ в апреле и мае были напечатаны две подлейшие статьи о Гоголе, в которых Гоголя ставят ниже Нарезжанаго, Дюма, Эжена Сю, Поль де Кока! Обе эти статьи стоят в связи с двумя случаями: первая относится к тому времени, когда Тургенев был посажен в часть за то, что отослал в Москву и напечатал в „Моск<овских> ведом<остях>“ статью о Гоголе, которую не пропустил в Петербурге Мусси-Пушкин. По этому поводу составил каламбур: Теперь только один литератор в чести (части) — Тургенев. О статье Тургенева может теперь судить всякий, прочитав „Моск<овские> ведом<ости>“. Вторая статья Булгарина направлена на статью И. Аксакова о Гоголе в „Московском сборнике“ 1852 г. — на статью действительно странную, написанную с той целью, чтобы вдвинуть Гоголя в партию славянофилов. Только „Северная пчела“ эту статью так разобрала, что разбор кажется доносом. Точно так и в первой статье Булгарин доносил на Погодина, что он известие о смерти Гоголя осмелился поместить в своем „Москвитянине“, окружив черненькой каемочкой, намекая, что этой чести удостаиваются особы высшие. Удивительно, как сбываются слова Гоголя в его завещании — „не спешить ни хвалою, ни порицанием“. Сколько бед произошло от поспешных похвал. Даже цензору был выговор за статью о Гоголе в „Московском сборнике“.

Но самое ужасное, самое тягостное в потере Гоголя именно то, что относится к его личному делу — к его страшной борьбе художника с аскетом.

Некая Смирнова, у которой Гоголь последние годы своей жизни жил, полагала своей целью убивать в нем художника. Пронсками ее и других он сжигал свои сочинения: так, Смирнова сама признавалась, что Гоголь сжег несколько пьес вроде „Шинели“. Эта почтенная дама, из легкой по поведению ставшая, как водится, ханжой в летах зрелых, — как нянька, взялась за Гоголя, чтобы поддерживать в нем христианина против лукавых <1 нрзб.> художника. Она запрещала ему наслаждаться даже природою. Так однажды летом у нее в деревне он читал Четьи-Минеи и задумался, да и увлекся окрестностями. Тогда эта дама поймала его, как ленивого школьника, на праздной рассеянности — ему стало стыдно — и он принялся за чтение. Тургенев, передававший эти подробности, читал рукописные письма Гоголя к этой даме, и тяжелое чувство оставили они в его душе: постоянно имя бога, постоянно набожность — но ясности, свойственной такому предмету, нет <. . .> Эти рассказы о Гоголе напомнили мне <. . .> отношения его к Щепкину, который так соблазнял Гоголя сочувствием с природою и с художествамп. . .¹ Вот

¹ 19 марта 1852 г. Ф. И. Буслаев воспроизвел в «Дневнике» содержание своего разговора с М. С. Щепкиным о Гоголе. Эта запись целиком вошла

до какого раздвоения дошел наш пакостный XIX вечишко! Поэт творит превосходные произведения — и потом сам хочет искоренить в себе праздный, лукавый дух поэта. Г-жа Смирнова хвалилась, что она и ее единомышленники неоднократно побуждали Гоголя сжечь „Мертвые души“, но Гоголь отстаивал, говоря, что здесь главное дело не поэзия, а побеждение поэзии чем-то высшим» (лл. 175 об.—177).

Приведенные записи дают дополнительные штрихи для характеристики той сложной идейной борьбы вокруг Гоголя, активное участие в которой принял Тургенев своим известным «Письмом из Петербурга», послужившим поводом к его аресту. В статье Н. В. Измайлова «Тургенев и С. И. Мещерская» уже было обращено внимание на «участие Булгарина — постоянного и давнего врага Гоголя и его последователей — в „деле“ Тургенева». ² Сведения на этот счет, содержащиеся в «Дневнике» А. В. Никитенко, подтверждает и «Дневник» Ф. И. Буслаева.

Еще 28 февраля ст. ст. 1852 г. Ф. В. Булгарин писал П. В. Хавскому, о ссоре которых упоминает Буслаев: «Если Гоголь для вас и для редактора „Московских полицейских ведомостей“ кажется знаменитым писателем, то он вовсе не таким кажется мне и Н. И. Гречу. Сравнить Гоголя с Карамзиным — и грех и смех! Никто не нанес пагубнейшего удара чистоте, правильности русского языка и изящному вкусу, как Гоголь. Партия натуральной школы возвеличила его, а почести, оказанные ему в Москве, не делают чести ее литературному вкусу». ³ В апрельской и майской статьях «Северной пчелы», упоминаемых в «Дневнике» Буслаева, Булгарин заявлял, что «покойный Н. В. Гоголь, которого величают народным писателем. . . , не знал вовсе России и правил великороссийского, т. е. общепотребительного языка», ⁴ что «восторженность почитателей и подражателей Н. В. Гоголя происходит, во-первых, от того, что они худо знают Россию, а во-вторых, что они плохо учились словесности, предполагая, однако ж, будто знают ее правила и историю < . . . > Гоголь не что иное, как русский Поль де Кок с тою разницею, что Поль де Кок знает основательно свой природный язык, а г. Гоголь весьма плохо знал язык великороссийский. . . Стыд тому, кто бы по „Мертвым душам“ и „Ревизору“ стал определять русскую народность!». ⁵

Не упоминая имени тогда уже репрессированного Тургенева, Булгарин тем не менее полемизировал с основными положениями и его статьи о Гоголе. Это было вполне логическим продолжением той линии, которую проводила «Северная пчела» в отношении «новой, так называемой натуральной школы». «Чему бы юноша поучился в этой смеси грязных картин с безграмотностью, или еще хуже, с искажением нашего прекрасного русского языка? Узнал ли бы он Россию из „Мертвых душ“ и полюбил ли бы сельскую жизнь из картин г. Тургенева?» — спрашивал Булгарин еще в 1847 г. ⁶ А когда через три года

в статью Буслаева «К воспоминаниям о Михайле Семеновиче Щепкине» («Современная летопись», 1863, № 42, стр. 6—7).

² *Тургенев. Сб.*, вып. II, стр. 242. См. там же на стр. 231 список основных статей и публикаций об аресте и ссылке Тургенева.

³ «Русская старина», 1872, № 3, стр. 482. — П. В. Хавский (1791—1876).

⁴ «Северная пчела», 1852, 19 апреля, № 87.

⁵ Там же, 3 мая, № 99.

⁶ Там же, 1847, 12 ноября, № 257.

в его отсутствие «искусный представитель „Современника“» втиснул в столбцы „Северной пчелы“ статью „Несколько слов о русской журналистике“ с похвалами Тургеневу, Булгарин и в письме к ее автору П. Усову, и печатно заявил: «Статья эта совершенно противна моему образу мыслей, моим взглядам на литературу и моим литературным убеждениям».⁷

В записях буслаевского «Дневника» упоминается А. О. Смирнова. В дневнике ее дочери Ольги Николаевны впоследствии было отмечено, что «память о Гоголе Смирнова хранила свято. Когда И. С. Тургенев задел ее и Гоголя в „Отцах и детях“ (в словах Базарова: «Я преракотно себя чувствую, точно начитался писем Гоголя к калужской губернаторше»), она от души смеялась и сказала ему: „Однако ж, Иван Сергеевич, все-таки вы сами вышли, по вашим же словам, из шинели Гоголя, а из-под каланчи (см. < . . . > воспоминания <Тургенева> о том, как за некролог Гоголя он был посажен в «сибирку») по ходатайству губернаторши“».⁸ Не лишена интереса и другая запись О. Н. Смирновой: «От m-lle Овербек <гувернантки у Смирновых> я получила еще подробности о том, как арестовали Ив. С. Тургенева у нас; он обедал у нас с гр. А. К. Толстым (после кончины Гоголя в 1852 г.). В моем дневнике 1852 г. я нашла подробности и даже разговоры по случаю смерти Гоголя, о его пребывании у нас в деревне летом, в подмосковной отца, в 1851 г., и арест Тургенева. . .».⁹ Все это подтверждает достоверность тех сведений о Гоголе и А. О. Смирновой, которые в 1852 г. занес в свой дневник Буслав со слов Тургенева.

Зафиксированный в том же источнике каламбур насчет того, что «только один литератор в чести (части) — Тургенев», привел впоследствии в более остром варианте М. И. Сухомлинов в «Отчете о деятельности Второго отделения имп. Академии наук за 1883 год»: «Арестование Тургенева произвело большое впечатление в петербургском обществе. Стали говорить, хотя и весьма робко, о том, что Тургенев не только писатель, но и дворянин, имеющий две тысячи крестьян, и вследствие этого ожидали какого-либо заявления со стороны дворянства, тем более, что еще недавно сам государь, обращаясь к депутатам от дворянства, назвал себя первым русским дворянином. Что же

⁷ Там же, 1850, 18 ноября, № 261. — П. Усов тогда же «узнал от Греча причину ожесточенного нерасположения Булгарина к Тургеневу: будто бы оба они «принадлежали к числу усердных поклонников» Полины Виардо, которая «обращала более внимания на молодого, изящного Тургенева, а не на старика Булгарина. Последний всю жизнь свою не пропал этого Тургенева» (Пав. Усов. Ф. В. Булгарин в последнее десятилетие его жизни (1850—1859). «Исторический вестник», 1883, № 8, стр. 292).

⁸ В. И. Шенрок. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь в 1829—1852 гг. «Русская старина», 1888, № 4, стр. 67: Об этом см. также в «Моих воспоминаниях» В. П. Мецкерского (часть третья, СПб., 1912, стр. 128—129).

⁹ «Русская старина», 1888, № 10, стр. 126. — В сохранившейся части статьи О. Н. Смирновой о Тургеневе (ЦГАЛИ, ф. 485, оп. 1, ед. хр. 23) мы не обнаружили записи о его аресте и ссылке, сделанной в дневнике 1852 г. остающемся пока вообще неизвестным. Это затрудняет решить вопрос о месте ареста писателя. Достоверно известно лишь распоряжение графа А. Ф. Орлова от 15 апреля 1852 г.: «Немедленно арестовать Тургенева (квартирующего в Малой Морской улице, в доме Гильерме), посадить его на месяц под арест и по истечении этого времени отправить на родину» (ЦГАОР, ф. 109, оп. 1852, ед. хр. 92, л. 29 об.).

касается до звания писателя, то за него некому было заступиться, и оставалось только с горькой улыбкой повторять остроуту, ходившую тогда по Петербургу: „Напрасно говорят, что литература не пользуется у нас уважением; напротив того — литература у нас в части“». ¹⁰

Именно литературная деятельность автора «Записок охотника» и явилась истинной причиной его ареста и ссылки. Это тогда же стало понятно не только дворянским кругам Петербурга и Москвы, но и жителям Спасского-Лутовинова, которые прямо говорили, что «Ивана Сергеевича выслали административным порядком из столицы в деревню в виде домашнего ареста на целый год за противозаконное сочинение его „Записки охотника“ и еще за что-то». ¹¹ «Когда Тургенев в 1850 г. вернулся в Петербург, — писал впоследствии немецкий критик Карл Глюмер, — его предостерегали, но он не хотел обращать на это внимание и продолжал писать в том же духе, вследствие чего должен был отправиться в свое имение и жить там безвыездно». ¹²

Не приходится удивляться тому, что арест и ссылка Тургенева привлекали к себе столь широкое внимание не только современников писателя, мемуаристов, но также и многих исследователей его творчества. Ведь это, как писал Н. Г. Чернышевский в 1856 г., «тоже хорошая черта для истории литературы». ¹³

Новая запись о Тургеневе появилась в «Дневнике» Ф. И. Буслаева лишь через тридцать с лишним лет — 6 декабря 1883 г.: «В последнее время я сильно заинтересован Тургеневым, вследствие всемирно справленных по нем поминок. Я мало и плохо знал этого писателя и был к нему предубежден. Душевно радуюсь, что я ошибался.

Это великий поэт и достойный представитель царствования освободителя < . . . >

Иностранцы слишком много дали перевеса меланхолии в художественных образах Тургенева, и сквозь этот тоскливый туман пессимистически смотрят на Россию, которую они впервые узнали из Тургенева.

Русские — это гости на шоу всемирной истории, на всесветной ярмарке, поместившись в самой середине между Западом и Востоком, между Европой и Азией, — и это сблизило западных читателей Тургенева с толку < . . . > Иностранцы, наблюдая над меланхолией Тургенева и относя ее на счет вялости, косности и тысячелетней спячки поработенного русского народа, а также и на счет заунывной песни, знаменательно останавливаются на том, как у Тургенева „хорошо умирают русские люди“, и, между прочим, указывают

¹⁰ Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. XXXIII, № 1. СПб., 1884, стр. 14—15.

¹¹ Ф. Б е л з ю к и н. Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове. «Русский вестник», 1885, № 1, стр. 360.

¹² Русские современные деятели. Сборник портретов замечательных лиц настоящего времени с биографическими очерками. Сост. Д. И. Лобановым, т. I. СПб., 1876, стр. 67.

¹³ Чернышевский, т. XIV, стр. 320. — Общественно-исторический смысл ареста и ссылки Тургенева глубоко раскрыты в статье В. Г. Короленко «Тургенев и самодержавие» («Киевская мысль», 1918, № 213). Основные положения этой статьи приведены в работе: В. А. Г р о м о в. Здравствуй, город Тургенева! Литературные очерки Орла. Тула, 1967, стр. 89—90.

на его „Живые мощи“. Действительно, скорбная девушка <?>, но и просветленная душою умирает хорошо, но именно потому, что она верует, и потому отдает свою ясную душу господу богу, как мученица первых времен христианства, и эта вера, равно как и другие позднейшие следы истории < . . . > и теперь проявили свою <1 нрзб.> силу в русской жизни, как это показали героини последней Балканской войны, так же, как эта девушка, тихо и светло отдавшие свои души богу на поле битвы и в госпиталях < . . . > Это не пессимизм, которым иностранцы обзывают скорбную думу Тургенева о России < . . . > Пессимизм, бездушная и безнадежная скорбь не могли бы дать ни содержания, ни вдохновения такому поэту, который полюбился всему цивилизованному миру». ¹⁴

С этой записью в «Дневнике» связан неосуществленный замысел статьи Буслаева, который тогда «решил заняться изучением всего Тургенева, ради стиля, техники, построения и языка». ¹⁵ Однако, к сожалению, «он не кончил своей работы о Тургеневе. Пока дело шло о технике, слоге, работа шла успешно. Но когда Ф <едору> И <вановичу> пришлось разбираться в общественных запросах и идеалах Тургенева, Ф. И. растерялся и не знал, что именно тут требуется». ¹⁶ Готовясь к осуществлению задуманного им труда о писателе — современнике и ровеснике, Буслаев «два раза перечитал все его сочинения, испещрил все края своими замечаниями, вроде: „вот отсюда и пошел наш нигилизм“ и оставил тетрадь, полуисписанную началом работы, сделал массу выписок, вырезок». ¹⁷

Часть этих черновых материалов привела А. А. Андреева к статье «Из заметок Буслаева о Тургеневе». ¹⁸ Однако вся совокупность лингвистических наблюдений выдающегося филолога над произведениями великого русского писателя нуждается еще в специальном рассмотрении.

В. А. Громов

ТУРГЕНЕВ В КРУГУ ПЕТЕРБУРГСКИХ УКРАИНЦЕВ

Среди писем Тургенева, освещающих его отношения с украинскими прогрессивными деятелями, привлекает внимание письмо к Петру Аркадьевичу Кочубею. ¹ Полуофициальный характер письма, в котором идет речь о выборе надписей для сооружавшегося тогда памятника Гоголю, ² на первый

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 8, лл. 69 об.—71.

¹⁵ В. А. Лебедев. Из жизни Ф. И. Буслаева. «Русская старина», 1908, № 2, стр. 299.

¹⁶ Там же, № 1, стр. 67.

¹⁷ Там же, № 2, стр. 299.

¹⁸ «Вестник Европы», 1899, № 12, стр. 720—735.

¹ Письма, т. XIII, кн. 1, стр. 85; ср. в «Заметке по поводу вопроса о памятнике Н. В. Гоголю в Москве» С. Браиловского: «Филологические записки», 1890, вып. 6, стр. 105—119.

² См. о нем в названном выше издании, где опубликованы документы «Комитета по сооружению бюста Н. В. Гоголя в Нежине» (1883).

взгляд говорит лишь о вполне естественном авторитете Тургенева в этом вопросе и не свидетельствует о каких-либо особых отношениях между писателем и его адресатом, известным знатоком и покровителем художественно-прикладной промышленности, любителем искусств и меценатом. Однако ряд фактов в биографии Тургенева и Кочубея указывает на то, что их жизненные пути сблизились еще в начале 60-х годов — в петербургском кругу лиц, близких к Тарасу Шевченко. Как известно, в феврале 1858 г. Тургенев познакомился с группой литераторов, объединившихся вокруг журнала «Основа», и прежде всего с Марко Вовчком, чьи «Народні оповідання» он в то время переводил,³ а вслед за ней — и с Шевченко.

Среди членов этой группы обычно называют, кроме редактора «Основы» В. М. Белозерского, сотрудника «Современника» Н. Я. Макарова, а также Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, бр. Жемчужниковых; указывают и на то, что в этом обществе, кроме Тургенева, бывали русские писатели П. В. Анненков, А. Ф. Писемский и что названные лица чаще всего собирались в доме у В. Я. Карташевской, сестры Н. Я. Макарова.⁴ В доме у Карташевских жила неоднократно упоминаемая в письмах Тургенева «кузина», а в действительности тетка Макаровых по матери Г. А. Ракович,⁵ которая, будучи также теткой А. Н. Маркевича, связала эти два семейства узами тесных родственных отношений (что нашло отклик и в переписке этих семейств, и в дневнике Н. А. Маркевича). В 1861 г. Г. А. Ракович стала женой П. В. Анненкова.

В этом обществе Тургенев и появлялся в 1859—1961 гг. Есть указания на то, что встречи происходили не только в доме у Карташевских на Малой Московской улице, но и у Н. Я. Макарова, который сообщал об этом в письмах к Марко Вовчку.⁶ Н. Я. Макаров не имел в Петербурге собственного дома, а жил у своего земляка П. А. Кочубея, на внучатой племяннице которого (Ольге Платоновне Челищевой) вскоре и женился. Из писем Н. Я. Макарова к невесте мы узнаем, что он занимал помещение в верхнем этаже дома Кочубея, но чаще всего пребывал в нижних апартаментах, где обычно обедал с хозяином дома, беседовал с ним о делах и где по торжественным дням справлялись семейные праздники, устраивались приемы почетных гостей и т. д.⁷

В одной из своих записок к Тарасу Шевченко, относящихся к тому же периоду, Н. Я. Макаров называл дом Кочубея как условленное место встречи: «Щож ви, дядьку, не пришли вчора до Кочубея? А мы вас ждали-ждали та й ждять перестали».⁸

Итак, в Петербурге, в доме Кочубея, запросто бывали Шевченко, Анненков, Писемский, Тургенев. . .

³ Письма, т. III, стр. 269, 288, 600; Сочинения, т. XV, стр. 80, 330.

⁴ См.: С. П е р е с е л е н к о в. Из переписки Тургенева с В. Я. Карташевской. «Голос минувшего», 1919, № 1—4, стр. 210.

⁵ Письма, т. IV, стр. 22, 34, 195.

⁶ Так, в письме от 14 января 1860 г. сообщается о том, что Тургенев провел у Макарова вечер 8 января вместе с Анненковым и Карташевскими; 29 января — аналогичное сообщение: «. . . друзья по вечерам собираются у меня: Тургенев, Анненков, Писемский. . .»: ИРЛИ, 9572. LV16. 83.

⁷ ИРЛИ, ф. 170, оп. 2, № 128, л. 8.

⁸ Тарас Шевченко. Твори, т. III. Київ, стр. 339.

С самого пачала уточним: речь идет о доме на Мойке и только об одном из многих проживавших в Петербурге Кочубеев — Петре Аркадьевиче. Тургенев звал разных Кочубеев, и по-разному складывались его отношения с представителями этого именитого и сановного рода. Так, в 1857 г. из Рима он собственноручно переправляет Герцену для публикации в «Колоколе» дело князя Л. В. Кочубея, также проживавшего в Петербурге. Основу дела составляло покушение князя на управляющего его домом австрийца Зальцмана. Недостойное поведение вельможи, пытавшегося замести следы преступления ложью, наветами, подкупами, экстренной перестройкой дома с изменением планировки комнат и т. д., приобрело скандальную известность и характеризовало высшую степень произвола властей, попустительствовавших преступлению. В препроводительном письме к Герцену от 10 (22) декабря 1857 г. Тургенев подчеркивал, что прилагаемое дело составлено «по документам и получено из самовернейшего источника».⁹ При этом он добавлял, что его особенно возмущает отношение к этому факту дворянства, избравшего Л. В. Кочубея после всего случившегося своим предводителем в Полтавской губернии.

Кроме князя Л. В. Кочубея, в Петербурге проживали 4 брата Кочубея — родственная ветвь, не имевшая княжеских титулов, но достаточно именитая. Речь идет о потомках генеральского судьи Малороссии Василия Леонтьевича Кочубея — Василии Васильевиче Кочубее (1784—1845), Демьяне Васильевиче (1787—1859), Александре Васильевиче (1788—1866) и Аркадии Васильевиче (1790—1878), которые владели родовыми землями на Полтавщине и Черниговщине, а служили в Петербурге, занимая высшие государственные должности сенаторов и членов Государственного совета. В родственном окружении этого обширного семейства встречаются представители и представительницы многих славных фамилий. Так, Аркадий Васильевич Кочубей был женат на княжне Софье Николаевне Вяземской, их сын Петр Аркадьевич (1825—1892) женился на графине Варваре Александровне Кушелевой-Безбородко (1829—1894); другой сын — Николай Аркадьевич (1827—1865) — первым браком был женат на родственнице Лермонтова Екатерине Аркадьевне Столыпиной (1824—1852), вторым браком — на дочери декабриста Елене Сергеевне Волконской (1835—1916). Племянница Аркадия Васильевича Кочубея — Екатерина Васильевна (1826—1897) — была замужем за известным деятелем крестьянской реформы, тайным советником и членом Государственного совета Григорием Павловичем Галаганом (1819—1888).

Сын Аркадия Васильевича Петр Аркадьевич, о котором шла речь в начале статьи, значительно выделялся из своего семейного окружения независимостью взглядов и поступков. Общественная репутация его отца — героя войны 1812 г., сенатора и писателя (он был автором «Семейной хроники», изданной в Петербурге в 1890 г.) — открывала ему широкие возможности для карьеры. Он блестяще окончил Артиллерийскую академию и как химик завершил свое образование в Париже и Люттихе. Покровительствовал молодому Кочубею сам император Александр II, дававший ему ответственные по-

⁹ См.: *Письма*, т. III, стр. 176.

ручении в области военной техники за рубежом и назначивший его своим флигель-адъютантом. Чем безоблачней и вернее рисовалось будущее П. А. Кочубея, тем более поразил всех его неожиданный и демонстративный уход с государственной службы.

Бюрограф Кочубея В. И. Срезневский, ссылаясь на собственноручные записки Кочубея, рассказывает об этом следующее:

«Летом 1855 г. на П. А. Кочубея было возложено весьма сложное поручение, представлявшее много затруднений, требовавшее от молодого адъютанта чрезвычайно много такта, твердости, характера и опытности. Командировка эта заключалась в расследовании дошедших до правительства слухов о покражах в громадных размерах пороха и патронов в крепости Нарва, происходивших в то время, когда Россия крайне нуждалась в снарядах, именно во время Крымской кампании.

П. А. Кочубей, со свойственной ему энергиею и преданностию долгу службы принялся за дело и в короткое время, несмотря на всевозможные препятствия, которые ему пришлось встретить на месте исследований, не поддаваясь ни на какие козни, ни застрашивания и соблазны, достиг полного раскрытия всего дела и представил подробное изложение дела с многочисленными документальными данными. . . По словам П. А. Кочубея, его донесение произвело на Его Величества сильное впечатление. Но вследствие происков недоброжелателей и завистников и отчасти других обстоятельств предложенная Кочубеем реформа в контроле были отложены, и ожиданиям его не суждено было оправдаться».¹⁰

П. А. Кочубей ответил на это длительным отпуском по болезни, а в 1857 г. и вообще вышел в отставку, не соглашаясь на убеждения отца его Аркадия Васильевича и дядей А. В. и Д. В. Кочубеев.¹¹

Деятельность П. А. Кочубея к этому времени уже обратила на себя внимание передовых кругов столицы. В журнале «Современник» появилась одобрительная рецензия Чернышевского на его труд «Описание замечательнейших лабораторий Германии и Бельгии с XVII чертежами лабораторий и химических аппаратов в большой лист». В рецензии отмечалось теоретическое и практическое значение работы Кочубея для развития отечественной химии. В конце 50-х годов Кочубей приступил и сам к оборудованию в своем новом петербургском доме на Мойке химических лабораторий и фотолабораторий, оснащенных по последнему слову европейской науки. Делами по строительству управлял, как опытный экономист, Н. Я. Макаров.

Сам П. А. Кочубей в летние месяцы чаще всего жил в своих малороссийских имениях, где с увлечением занимался сельским хозяйством, садовод-

¹⁰ См.: Очерк жизни и деятельности Петра Аркадьевича Кочубея. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Русского технического общества 22 декабря 1893, в годовщину смерти П. А. Кочубея В. И. Срезневским. СПб, 1898, стр. 3—4. Далее сокращенно: *Срезневский*.

¹¹ В 1890 г. в Петербурге была издана первая часть «Воспоминаний Петра Аркадьевича Кочубея о данной ему имп. Александром II командировке в зиму 1856 г.». В предисловии к этим воспоминаниям автор говорит, что они могут представлять интерес «уже потому, что освещают темные углы истории, которые остаются скрытыми, так как всегда встречаются люди, готовые замаскировать истину».

ством, лесоразведением.¹² Но главной и первой заботой Кочубея в конце 50-х годов была «подготовка имений к ожидавшемуся в скором времени освобождению крестьян», как об этом говорится в пазванном выше биографическом очерке В. Срезневского. Причем, сообщая об этой стороне деятельности Кочубея, автор подчеркивает, что в ней сказалось «полное сочувствие готовящейся в России государственной реформе». Оно выразилось в том, что П. А. Кочубей стал активным членом Полтавского губернского комитета по улучшению быта крестьян и «обратил свои труды» на изучение вопросов, касающихся наиболее радикального проекта законоположений по крестьянскому делу. П. А. Кочубей со всей решительностью выступал против днорянского своекорыстия в отношении к реформе. В его собственных заметках есть следующее высказывание по этому поводу: «В разговорах с этими господами я убеждался, насколько либерализм их папускной и как легко они отказываются, лишь только дело пойдет о применении их идей к ним самим; тогда их либерализм мгновенно исчезает, они преобразовываются в деспотов и не допускают никому иметь собственное самостоятельное мнение».¹³

Своеобразной иллюстрацией к этому высказыванию может служить эпизод, записанный в дневнике Н. А. Маркевича под датой 22 августа 1858 г. Дело происходило в одном из родовых имений Кочубеев — Кунашевке. Автор, приехавший в гости из соседнего имения Туровки, рассказывает: «Здесь Пьер (П. А. Кочубей), Леонид Ракович и Ив. Ив. Страдецкий. . . К обеду приехал Демьян Васильевич «Кочубей». Все разговоры об эмансипации, об улучшении быта крестьян, межевании земель, об оценке грунтов. . .

Сегодня ужасная стычка у Пьера с Демьяном Васильевичем. Этот оценил грунты в 400 рублей, Пьер в 100 рублей и доказывал, что по столь высокой оценке крестьяне не в силах будут выплатить, бедные. — Но я ценить должен по совести, — говорил Дем. Вас. Что приносит в год 40 рублей, то по законной оценке и по принятому обычаю стоит 400 руб. — „Но грунты вам никакого дохода не приносят“. — Но есть вещи, которые дохода не приносят, а могут принести. Их стоимость не уменьшается от того, что они доходу не приносят. . .

Разбитый стариком 72-летним, дядею, членом Государственного совета, Пьер до того разжарился, что сказал: „Mais c'est deshonorant! Это бесчеловечно! Я не могу снести этого. Тем более, что Вы носите мою фамилию!“ Разговор прекратился грозным окриком старика „молчать!“¹⁴

В другом месте дневника Н. А. Маркевич, объединяя в отношении к реформе П. А. Кочубея и Г. П. Галагана (Грегуара, как его называет автор), записывает: «Грегуар называет иных депутатов „депутаты по делу об улучшении быта помещиков“».¹⁵

Привычка П. А. Кочубея, «не стесняясь, говорить правду, хотя подчас и горькую, а иногда и вредившую для его собственной личности», поставила его в положение политической оппозиции. Он не раз являлся в Петербурге

¹² Очерк деятельности Петра Аркадьевича Кочубея по лесоразведению в Полтавской губернии. Киев, 1892.

¹³ *Срезневский*, стр. 5, 7.

¹⁴ *ИРЛИ*, ф. 488, оп. 1, № 47, л. 48,

¹⁵ Там же, л. 50.

к властям защитником гонимых студентов и профессоров (например, А. Н. Энгельгардта), выступал смелым и энергичным защитником женского медицинского образования. В его доме был произведен арест девушек, изучавших химию под руководством преподавателя в химической лаборатории. Кочубею стоило немалых трудов добиться их освобождения и права продолжать специальное образование. С конца 50-х годов Кочубей вел в Петербурге широкую общественную деятельность по охране «народного здравия» — в частности, вместе с известными медиками Н. Ф. Здекауером и Е. В. Пеликаном возглавлял добровольное и гонимое тогда общество, занимавшееся вопросами народной гигиены. Члены общества, пользуясь данными химических анализов в лаборатории Кочубея, выступали против фальсификации пищевых продуктов, против отравления жителей фосфорными спичками, ядовитыми красителями. Они ратовали за устройство в Петербурге публичных садов, за учреждение организованной медицинской помощи населению, за контроль снабжения города питьевой водой (часто неочищенной). Официальные инстанции отвергали законные требования общества, но на квартире у Кочубея дела решались в частных собраниях ученых и тех приглашенных лиц, от которых зависел тот или иной вопрос здравоохранения.

Если добавить к этому серьезные занятия П. А. Кочубея минералогией, химией, историей техники, прикладными искусствами,¹⁶ то можно представить себе, как широк был круг его знакомств и связей, какая высокоинтеллектуальная атмосфера господствовала в его гостеприимном доме. Интерес хозяина к художественной промышленности, к прикладным искусствам сблизил его с Д. В. Григоровичем и другими известными деятелями искусства. С другой стороны, постоянные заботы его об улучшении санитарных условий жизни трудящегося люда, хлопоты об учреждении курсов и школ для рабочих, широта и независимость его взглядов снискали ему признание и уважение в демократической среде.

И. С. Тургенев, как уже говорилось, был введен в дом П. А. Кочубея управляющим его делами Н. Я. Макаровым. О Макарове уже многое известно как о человеке, близком к Тарасу Шевченко, Марку Вовчку, Тургеневу; выяснена в значительной степени и его собственная роль в журналистике того времени — и как соотрудника «Современника», и как одного из организаторов журнала «Основа», и как писателя.¹⁷ Но до сих пор оставался малоосвещенным вопрос о направлении его деятельности, в частности недостаточно учитывалась его связь с лондонской вольной печатью. В дружеском кругу петербургских литераторов нередко именно через Макарова установ-

¹⁶ П. А. Кочубей в 1860 г. стал членом Русского минералогического общества, пожертвовав для него ценные экспонаты личной коллекции, имевшей мировое значение. В 1866 г. он возглавил химический отдел Русского технического общества, предоставив для его работ собственную лабораторию; в 1870 г. П. А. Кочубей избран председателем Общества (на этом посту он и оставался до конца жизни); его усилиями были организованы Технический музей, Музей прикладных знаний, несколько международных и всероссийских выставок; с 1876 г. П. А. Кочубей — почетный член Академии наук.

¹⁷ Кроме множества географических, экономических, исторических трудов, перу Макарова принадлежит том «Этнографических записок Малороссии», получивший дифирамбическую оценку П. А. Кулиша (см.: *ИРЛИ*, ф. 170, оп. 1, № 70).

ливались контакты с Герценом. У Макарова, когда он возвращался из-за границы, брали «на прочет» запретные издания Герцена. Так, П. В. Анненков в 1860 г. запрашивал: «Что привезли из других изданий, на которые рассчитывает наше нескромное любопытство? Поверите ли, что я не видел „Колокола“ с 81-го номера? Помогите мне, если можете».¹⁸ Услышав, что Макарову «благодетельствуют» на таможне (обеспечена помощь некоего чиновника), Е. В. Галаган (жена Г. П. Галагана) просила Макарова привезти ей из-за границы 5-й номер «Полярной звезды» и «Исторический сборник» Искандера.¹⁹ Любопытно, что Н. Я. Макаров и из Петербурга сообщал новости о Герцене за границу. Так, 29 января 1860 г. он писал Марко Вовчку в Дрезден: «Прочтите-ка 71-й номер „Колокола“. Увидите, как Герцен умеет защищать тех, кого любит. Как он мастерски защитил Вас от нападков „Библиотеки“».²⁰ Летом 1860 г. была запланирована коллективная поездка к Герцену многих членов дружеского кружка, а среди них и Тургенева. 28 мая этого года П. В. Анненков писал Макарову: «. . . все, сколько нас ни числится, съедемся для одной общей цели — посещения Герцена. Марковичи до августа будут жить на водах в Швальбахе, недалеко от Франкфурта, Тургенев будет жить с половины июня по август на водах в Содене, недалеко от Франкфурта, вы будете жить по август на водах в Аахене, недалеко от Франкфурта. Остается только мне, как снежному кому, покатиться выше по Рейну в августе, присоединить вас к сей лавине и упасть на голову изумленного и сконфуженного Герцена».²¹

Больному Макарову не удалось принять участие в поездке, но он передал с отъезжающими необходимые материалы для Герцена. По этому поводу Анненков писал Макарову из Англии 10 августа 1860 г.: «Александр Иванович очень благодарит Вас за посылки. Он сомневается — можно ли печатать письмо Жемчужникова к императору без вреда для первого? Можете ли Вы сказать об этом что-нибудь верное?»²²

Из переписки Н. Я. Макарова узнаем мы и некоторые новые данные об отношениях Тургенева с кругом Кочубеев, например о том, что в доме Петра Аркадьевича Макаров читал в рукописи «новую, прекрасную повесть» Тургенева «Накануне», что автор навещал больного Макарова, что визитами писателя дорожили. Видимо, Тургенев вообще пользовался большой дружбой в названном кругу, и сравнения с другими писателями делались там не в пользу последних.²³ Об интересе к творчеству и личности Тургенева и об особой дружеской заинтересованности во всех его делах можно судить и по письмам к Макарову И. И. Страдеецкого. Иван Иванович Страдеецкий — друг и однокашник П. А. Кочубея по Артиллерийскому училищу, сопровож-

¹⁸ Там же, № 2.

¹⁹ Там же, № 89, лл. 44 и 46.

²⁰ *ИРЛИ*, 9572. LVI. б. 83.

²¹ *ИРЛИ*, ф. 170, оп. 1, № 2.

²² Там же.

²³ Так, в письме к Марко Вовчку от 14 января 1860 г. Макаров сообщал: «На вечерах моей сестры, кроме Тургенева, начал появляться последнее время Писемский. Он далеко не так симпатичен, как Тургенев. Он (кажется) немного эгоист. Повторяю, кажется. Но все же он весьма интересен как писатель, как чтец и как рассказчик», см.: *ИРЛИ*, 9572. LVI б. 83.

давший его в заграничных поездках и других служебных командировках; в конце 50-х годов пияженер-полковник Страдецкий помогал Н. Я. Макарову в управлении строительством нового петербургского дома Кочубея и оборудовании научных лабораторий, а в имениях Кочубея руководил возведением плотины и другими строительными работами. В письмах Страдецкого к Макарову с 1859 г. есть упоминания о Шевченко (после того, как тот вернулся из поездки по Украине), а с 1860 г. — о Тургеневе, из чего можно заключить, что в доме П. А. Кочубея (где жил и Страдецкий) Тургенев появился именно в 1860 г. В летние месяцы 1860 г., когда Тургенев находился в Германии и в тех же краях на Рейне оказалась семья П. А. Кочубея, Страдецкий узнает соденский адрес Тургенева через Варвару Александровну, жену П. А. Кочубея,²⁴ и с тех пор почти в каждом письме к Макарову, лечившемуся в Аахене, содержатся приветы Тургеневу, вопросы о Тургеневе — о его здоровье, о его времяпрепровождении с шутками, свидетельствующими о короткости отношений и хорошей осведомленности друг о друге. Особый интерес представляет письмо от 7 июля 1861 г., написанное во время объезда Страдецким черниговских имений Кочубеев — Тиницы, Згуровки, Воронков. Между прочими известиями автор сообщал: «Я остался в Тинице дня четыре, где занимался чтением рассказов Тургенева».²⁵ Речь идет о «Рассказах и повестях» И. С. Тургенева в изд. Н. А. Основского (М., 1860). Второй и третий тома этого издания задержались и появились в печати только в мае 1861 г. — таким образом, почитатели таланта Тургенева торопились прочесть совсем недавно увидевшие свет книги.²⁶ В том же письме содержатся и другие сведения о Тургеневе, которые вначале вызывают недоумение: «Пишу это письмо к Вам из Воронков, которые по справедливости носят название Эльдorado — Вы знаете обитателей и, конечно, не почтете преувеличением, если я скажу, что редко где проводят так время, как здесь; несмотря на умение Тургенева рассказывать, его рассказы о жизни обитателей Воронков гораздо слабее действительности, я, конечно, не могу Вам дать и слабого понятия о прелести этой жизни».

Создается впечатление, что Тургенев рассказывал о Воронках по личным впечатлениям. Между тем, нам известно, что он никогда на Украине не был и по этому поводу выражал сожаление в письме к Е. С. Кочубей, которая жила в Воронках.²⁷ Смысл приведенного отрывка из письма Страдецкого заключается в том, что Тургенев хорошо знал не само имение, а его обитателей, т. е. владельцев Воронков — Николая Аркадьевича (брата Петра Аркадьевича) и Елену Сергеевну Кочубей, с которыми познакомился достаточно близко в Париже, зимой 1860/61 г.²⁸ Писателю доставляло удоволь-

²⁴ См.: *ИРЛИ*, ф. 170, оп. 1, № 147, л. 6; В. А. Кочубей упоминается Тургеневым в 1861 г. как лицо ему знакомое; см.: *Письма*, т. IV, стр. 180.

²⁵ *ИРЛИ*, ф. 170, оп. 1, № 147, л. 9; — в Тинице жила невеста Макарова, О. П. Челищева.

²⁶ Сам Тургенев в июне 1861 г. еще не имел второго тома своих сочинений и просил петербургских друзей прислать его в Спасское; см.: *Письма*, т. IV, стр. 261.

²⁷ Там же, стр. 378.

²⁸ С Е. С. Кочубей, тогда Молчановой (по первому мужу), Тургенев был знаком с середины 50-х годов; см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 501; в 1858 г.

ствии созерцание счастливой и согласной жизни четы Кочубеев, он охотно посещал музыкальные вечера в их парижской квартире на rue de Luxembourg.²⁹ Вернувшись из Парижа в Петербург, Тургенев за короткое время пребывания в столице (с 1 по 5 мая 1861 г.) успел побывать, вероятно, в доме на Мойке³⁰ и рассказать там о парижской жизни Н. А. и Е. С. Кочубеев. Этот рассказ и вспомнил И. И. Страдецкий, когда сам попал в обстановку радушия, счастливого довольства и веселья, господствовавших в воронковском доме Кочубеев. Возможно, что Страдецкий обратил внимание и на некое благолепие в отношениях между хозяевами и их крестьянами, на филантропическую направленность их деятельности. Во всяком случае, так рассказывала о жизни в Воронках сама Нелли (так звали в семейном кругу Е. С. Кочубей) в своих письмах родителям приблизительно того же времени (1860 г.): «Николай — сама забота, сама любовь по отношению ко мне и моим детям, — он и сам более, чем ребенок — так счастливо, так хорошо живется».³¹ В письмах сообщалось и о том, что Николай освободил от повинностей обремененных детьми матерей, вместо которых выходили на поле молодые девушки, и как крестьянам это понравилось, как они благодарили «Николу». Сообщалось об успешном ходе экзаменов в сельской школе для мальчиков и для девочек, об устройстве сиротских судеб и о многих других гуманных начинаниях.³²

Оттенок умиления, который содержится в этих письмах, их идиллическое содержание невольно ассоциируются с аналогичными явлениями в недрах литературной жизни того времени. Вспомним, какую настороженность вызывала у некоторых читателей сентиментальная струя беллетристики 50-х годов, обратившейся к быту простонародья. Тяготение к идиллии как литературный шаблон в повестях Авдеева, Потехина, Мартынова и др. вызвало резкое осуждение критики, указавшей на отсутствие у названных авторов истинного знания состояния и потребностей народной жизни.

Об этом писал П. В. Анненков на страницах «Современника»; в ряде статей высмеивал сельскую идиллию Н. Г. Чернышевский.³³ События ближайшего времени проиллюстрировали правоту критиков. За розовой завесой идиллии скрывались неразрешенные социальные проблемы.

Благословенные Воронки Кочубеев, Воронки-Эльдорадо были первым тому примером. В начале марта 1862 г. Е. С. Кочубей писала Тургеневу, как хорошо и весело внедряет в деревне новые порядки ее муж Nicolas, а через неделю именно в Воронки был вызван батальон солдат — усмирить бунт и сечь крестьян.³⁴

он называл себя поклонником Молчановой и, как утверждали, был готов «предложить ей сердце и руку, создавая вполне, что ее недостойн». (Из писем В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской: *ИРЛИ*, 10625 ХВС. 22, л. 194 об.)

²⁹ *Письма*, т. IV, стр. 354.

³⁰ *Письма*, т. IV, стр. 246.

³¹ См.: *ИРЛИ*, ф. 57, оп. 1, № 159. Перевод с французского.

³² Там же.

³³ П. В. Анненков. По поводу романов и рассказов из простонародного быта. «Современник», 1854, №№ 2, 3; Н. Г. Чернышевский. «Очерки гоголевского периода»; о «Переселенцах» Григоровича — т. III, стр. 689.

³⁴ См.: *Письма*, т. IV, стр. 353, 625.

Надо отдать справедливость Тургеневу: его не подвела и на этот раз свойственная ему особая социальная чуткость. В его отношениях с обаятельной четой молодых Кочубеев постоянно звучит одна и та же нотка: писатель восхищается их «симпатичностью, без которой трудно действовать на людей», их взаимной влюбленностью и жизнелюбием; в [нескольких сохранившихся записках к Н. А. Кочубею (Париж, 1861 г.) речь идет в основном о совместных развлечениях — о музыкальных «вечеринках», загородных поездках, русских блинах; письма к Е. С. Кочубей (1862 г.) любезны, даже кокетливы, занимательны (ни на секунду не забываешь, что адресованы они красивой женщине-аристократке), но какой бы темы автор ни коснулся — хозяйственной, литературной, — чувствуется известное отчуждение между ним и его прелестной корреспонденткой.³⁵ Характерно, что даже откликаясь на доброжелательный отзыв Е. С. Кочубей о романе «Отцы и дети» (а к этим темам писатель всегда был весьма чувствителен), он исключил для себя возможность серьезного разговора и ограничился шуткой в ответ на шутку о власти над ним Феничек «в козловых башмаках, в мятой красной или желтой косынке и ситцевом бескринолинном платье». «Последнее обстоятельство, — подчеркнул автор, — а именно — отсутствие кринолина, мне (опять говоря на французский лад) улыбается».³⁶ В этой шутке, как и в общей тональности приведенных писем, обращает на себя внимание некий, едва уловимый социальный акцент.

Возможно, что в известной мере тут сказалась традиция. Начиная с пушкинского «Богат и славен Кочубей, Его луга необозримы. . .» и т. д. во многих поколениях к Кочубеям относились прежде всего как к представителям очень знатного и очень богатого рода. И надо сказать, что для этого было достаточно оснований, поскольку и в тургеневские времена в родословных справочниках указывались впечатляющие цифры, исчислявшие наследственные и благоприобретенные владения Кочубеев. И сами владельцы, даже наиболее свободомыслящие и просвещенные из них, как например П. А. Кочубей, все же испытывали на себе нравственное всевластие собственности, полагали в ней оплот своей независимости.

Н. А. Маркевич в своем дневнике приводит любопытную запись о «беспрестанной стычке» двоюродных братьев Базиля и Пьера Кочубеев, в которой «Пьер дает Базилю чувствовать свое богатство, а Базиль Пьеру — свое остроумие».³⁷

О некотором сословном тщеславии свидетельствует и рассказ Н. Я. Макарова (в письме к невесте) об одном из петербургских балов П. А. Кочубея по случаю обручения его племянницы: «Сегодня у нас большой, блестящий, всеторжественный обед, с женихом и невестой, с гр. Разумовскою, с тостами, с белыми жилетами, красными либреями, штиблетами и пр. и пр. Вы знаете, какой я враг этой высокоторжественной чепухи. А тут еще придется де-

³⁵ В 1876 г. Тургенев написал еще несколько писем Елене Сергеевне, когда она была уже Рахмановой по третьему мужу, — эти письма согреты воспоминаниями о прошлых встречах.

³⁶ Письма, т. IV, стр. 378.

³⁷ ИРЛИ, ф. 488, оп. 1, № 47, л. 50.

лать веселое лицо. Меня более, нежели когда-нибудь, все преследуют за мрачность». ³⁸

Надо заметить, что П. А. Кочубей славился и своей широкой филантропической деятельностью, он щедро и охотно помогал нуждающимся, в том числе и Н. Я. Макарову (предоставлял ему средства для лечения за границей, протезировал в служебной деятельности), как и А. Н. Маркевичу, А. Я. Макарову. ³⁹

В 1863 г. Н. Я. Макаров уехал на некоторое время служить в Гродно. С его отъездом прекращаются непосредственные связи Тургенева с петербургским домом Кочубеев. Как видно из всего изложенного, они поддерживались постольку, поскольку имели отношение к судьбам более близких писателю людей — украинских прогрессивных деятелей, принадлежавших к более скромным и демократическим кругам петербургского общества.

Хотелось бы подчеркнуть, что, на первый взгляд, случайные биографические обстоятельства (знакомство Тургенева с «колонией малороссиян» в 1859 г., ⁴⁰ отъезд из Петербурга в 1863 г. Н. Я. Макарова) в своей хронологической основе соответствуют тем границам во времени, когда явственно проявился всеобщий интерес к украинской культуре, к славянским проблемам, к национально-освободительному движению вообще как одному из проявлений революционной ситуации в России. И действительно, трудно не заметить, что в увлечении Тургенева новым кругом знакомых лейтмотивом звучали не бытовые, не интимно-личные, не этнографические ноты — скажем, не оригинальность Андриуши Маркевича, который разгуливал по Петербургу и являлся к Карташевским на вечера в ярком национальном костюме, и не женское обаяние Марка Вовчка, хотя и ему писатель отдал значительную дань, — а прежде всего самобытный, народный по своему духу талант писательницы (знакомство с ее рассказами предшествовало знакомству с ней самой), литературная и гражданская судьба Шевченко, культурно-просветительная, меценатская деятельность Кочубеев.

В воспоминаниях о Тарасе Шевченко Тургенев и сам подчеркивает природу своего интереса к украинской культуре в конце 50-х — начале 60-х годов.

³⁸ *ИРЛИ*, ф. 170, оп. 3, № 65, л. 8 (письмо от 15 мая 1861 г.). — По всей вероятности, этот рассказ знал и Тургенев, поскольку в одном из его писем к В. Я. Карташевской, сестре Н. Я. Макарова, относящемся к тому же периоду (6 июня 1861 г.), есть такой, полный сочувствия вопрос: «Что он всё по-прежнему влюблен и мрачен?». *Письма*, т. IV, стр. 253.

³⁹ Последний писал по этому поводу брату из Спбири, советуя ему познакомиться с гр. Муравьевым: «Это знакомство очень полезно будет. . . многим твоим приятелям — тем несчастным, которые ходят к тебе и ищут протекции Кочубеев. Посылай их на Амур, здесь найдется дело для многих» (*ИРЛИ*, ф. 170, оп. 1, № 80, л. 24).

⁴⁰ Возможно, что с Н. Я. Макаровым Тургенев познакомился ранее 1859 г., так как они совместно сотрудничали в «Современнике» еще с начала 50-х годов (Н. Я. Макаров вел в 1853—1854 гг. один из отделов журнала). А кроме того, Н. Я. Макаров находился в родственных отношениях с с. П. Н. Тютчевым, управляющим имением Тургенева в 50-х годах (см.: И. А. Гончаров. Необыкновенная история. Сборник Российской публичной библиотеки т. II, Пгр., 1924, стр. 62—63).

Речь шла о «литературном возрождении края» в краткий период надежд на лучшее будущее России.⁴¹ Реакция, наступившая после реформы 1861 г., привела к новому усилению национального гнета. «Вы лучше меня знаете, какой оборот всё это приняло впоследствии», — писал Тургенев в тех же воспоминаниях, подчеркивая зависимость национальных проблем от политики.⁴² В годы реакции заметно изменила свое направление и деятельность многих петербургских украинцев. Знамена, под которые собирал П. А. Кулиш своих единомышленников, становились все более чуждыми общесоциальным идеалам; Н. Я. Макаров ушел с головой в финансово-экономические труды, П. А. Кочубей — в заботы по делам Русского Технического общества. Связь Тургенева с прежними знакомцами — миром, имевшим для него особую привлекательность, привлекательность ренессанса, — утратила свой выраженный и живой характер.

Т. П. Голованова

ТУРГЕНЕВ И М. А. МАРКОВИЧ

В III, IV и V томах «Полного собрания писем И. С. Тургенева» напечатано 41 письмо Тургенева к М. А. Маркович за 1859—1862 гг. Эти письма (и примечания к ним Е. М. Хмелевской), а также 48 писем М. А. Маркович к Тургеневу, напечатанные со статьями и комментариями Н. Е. Крутиковой во второй книге 73-го тома «Литературного наследства», дали много нового и интересного для прояснения взаимоотношений между великим русским писателем и классиком украинской литературы.

Разыскивая и собирая материалы для летописи жизни и творчества Марко Вовчка, нам удалось обнаружить новые, малоизвестные источники, освещающие некоторые моменты их дружбы с Тургеньевым, расширяющие представления об их общих друзьях.

Как известно, с середины октября н. ст. 1860 г. Тургенев поселился в Париже на ул. Риволи, 210 и прожил там до 20-х чисел апреля следующего года. До отъезда Марии Александровны в Италию (февраль 1861 г.) писатель часто встречался с нею. Об этом он писал 7 (19) ноября Н. Я. Макарову и 28 ноября (10 декабря) 1860 г. Е. Е. Ламберт.¹

А о встречах в то же время с профессором Московского университета С. В. Ешевским Тургенев упоминает вскользь в письме к А. И. Герцену от

⁴¹ *Сочинения*, т. XIV, стр. 227.

⁴² Эта фраза выбрасывалась из изданий по цензурным соображениям. См.: И. Неупокоева. Неизвестные автографы И. С. Тургенева. «Вопросы литературы», 1961, № 1, стр. 206—208.

¹ *Письма.*, т. IV, стр. 156, 167. — Упоминаемые лица: Николай Яковлевич Макаров (1828—1892), друг Тургенева и Марко Вовчка, графиня Елизавета Егоровна Ламберт, с которой Тургенев состоял в переписке.

1, 2 (13, 14) ноября и несколько подробнее 4 (16) ноября 1860 г. в письме к Я. П. Полонскому: «Здесь М. А. Маркович, Ешевский, который мне очень нравится, Ханыков, которого ты, кажется, знаешь».²

С. В. Ешевский, находившийся в двухгодичной заграничной командировке для сбора материалов для докторской диссертации, в начале ноября приехал из Гейдельберга в Париж и устроился в гостинице «Сольферино» на рю де Лилль, 59, недалеко от квартиры Тургенева. В одном из первых писем из Парижа Ешевский сообщает жене в Казань: «Вечерами я постоянно сижу и занимаюсь дома, за исключением тех случаев, когда обедаю у Тургенева или иду в театр».³ В другом письме к ней же (от 3 (15) декабря) Ешевский более подробно рассказывает о Тургеневе: «На днях у меня были вечером Тургенев и М<ария> Ал<ександровна>, и она показывала ему портреты Саши и Оли. Он думает, что Оля будет лучше Саши». И дальше: «Я очень доволен, что нашел здесь Тургенева, который превосходный господин и которого прежде я мало знал с этой человеческой, а не литературной стороны. У него обедаю раз в неделю, обыкновенно вместе с М<арией> Ал<ександровной>, и в этот день засиживаемся часов до 12. Если бы не было здесь этих лиц, я пропал бы с тоски в Париже».⁴

Иногда во время таких встреч Марко Вовчок читала свои новые произведения. В только что цитированном письме Ешевский рассказывает: «На днях она <Марко Вовчок> кончила прелестную повесть „Лихой человек“, которую посылает в „Русск<ий> вестн<ик>“. По-моему, это едва ли не лучшее, что она написала».

По-видимому, творчество Марко Вовчка и ее времяпрепровождение за границей не раз являлись темой бесед Тургенева с Ешевским, и их оценки во многом сходились. «Марья Алекс<андровна> все здесь живет, — пишет в декабре 1860 г. Тургенев П. В. Анненкову, — и мила по-прежнему; но что тратит эта женщина, сидя на сухом хлебе, в одном платье, без башмаков, — это невероятно. Это даже превосходит Бакунина». В 1½ года она ухлопала 30 000 франков и совершенно неизвестно куда!⁵ А Ешевский в своем письме из Рима 6 (18) марта 1861 г. сообщает жене: «Она теперь, кажется, совершенно счастлива и в первый раз в жизни, кажется, начала жить расчетливо. Пора наконец взяться за ум. В полтора года уходит 40 000 фр. неизвестно на что, и не знать, что кому должна, — это немного совестно».⁶

Характеристики напряженной работы писательницы у Тургенева и у Ешевского единодушны. Тургенев: «Здесь также и Марко Вовчок. Это прекрасное, умное, честное и поэтическое существо — но зараженное страстью к самоистреблению: просто так себя обрабатывает, что клочья летят!».⁷

² Там же, стр. 152, 153. — Степан Васильевич Ешевский (1829—1865), историк; Николай Владимирович Ханыков (1822—1878), географ, востоковед.

³ ГИМ, отдел письменных источников, ф. 312, ед. хр. 4, лл. 48, 50. — Жена Ешевского — Юлия Петровна (урожд. Вагнер, 1835—1919).

⁴ Там же, лл. 55, 56.

⁵ Письма, т. IV, стр. 177.

⁶ ГИМ, ф. 312, ед. хр. 4, лл. 73—75.

⁷ Письма, т. IV, стр. 77.

Ешевский: «Я крепко боюсь, что она уходит себя. Не раз пробовал серьезно и прямо говорить с ней. Нельзя протянуть долго, когда спишь по два часа в сутки и обедаешь иногда раз в два, три дня, а потом подрывать себя работой».⁸

Об установившихся дружеских отношениях между Тургеневым, Маркович и Ешевским говорит и совместная встреча Нового, 1861 года, о чем последний сообщил жене 31 декабря ст. ст. 1860 г.: «Я иду встречать его (наш, а не заграничный) к Тургеневу вместе с М^сарией Ал^сександровной», Бородиным», Пассеком и только. Назвались было другие, и это едва ли не расстроилось, но Тургенев придумал сказать, что он может быть дома только в 11 часов вечера и, таким образом, дело уладилось».⁹

К числу близких знакомых Марко Вовчка относилась писательница С. М. Буткевич (литературный псевдоним Бутапшевская). В письме от 1 ноября 1862 г. из Женевы, неполная копия которого сохранилась среди перлюстрированных писем (см.: «Переписка разных лиц, находящихся за границей и внутри России» с 28 октября 1862 г. по 3 июля 1863 г.), С. М. Буткевич писала Тургеневу в связи с его предисловием к ее книге «Дневник девочки»: «Как Вам не наскучило хлопотать обо мне, милый, дорогой мой Иван Сергеевич. Не хочу переводить на заразу благодарности то, что есть для Вас в душе моей и что бы, впрочем, хотела, чтобы Вы знали, но только так, как-нибудь нечаянно. . . Но Вы и без того можете обойтись. Не правда ль? А потому предоставляю Вам свободу делать мне добро, сколько Вам угодно, — а я свое выдержу в смысле той благодарности — ни гу-гу! Мне писали из Петербурга, что Вы будете в Женеве? Было бы просто прелесть, если бы это случилось. Как бы я наговорилась с Вами, а лучше сказать, наслушалась бы Вас и пр.».¹⁰

Представляет интерес и упоминание о неизвестном письме Тургенева к М. А. Маркович, находящееся в дневнике А. Н. Якоби.¹¹ В записи от 11 (23) апреля 1864 г. сказано: «Весь день с 2-х до 10 провели у Маркович. Она поселилась в деревеньке, вдали от шума и пыли. Вечером мы ходили смотреть острова, дошли до Булонского леса, видели чей-то маленький замок, вроде того, какие описываются в сказках. Ночь была удивительно покойная. Луна обливала всю природу своим бледным светом, тишина в природе, тишина кругом; я жадно втягивала в себя воздух, деревья целиком отражались в спокойной воде. Валерий был весел, он шел с Пассеком, я, Маркович и Богдась шли впереди. Обо многом мы переговорили, вспомнили о Heine, о Щедрине, а главное о Чернышевском, она получила письмо от Тургенева, и он пишет,

⁸ ГИМ, ф. 312, ед. хр. 4, лл. 49, 50.

⁹ Там же, лл. 61, 62. — Александр Порфирьевич Бородин (1833—1866) — композитор, ученый-химик; Александр Вадимович Пассек (1836—1866) — кандидат московского университета, близкий друг Марко Вовчка.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 95, оп. I, ед. хр. 63, л. 41.

¹¹ Александра Николаевна Якоби (1842—1918) — дочь казанского чиновника Н. Н. Сусоколова, по первому мужу Тюфяева. В 80-х годах печаталась под псевдонимом Голиверова; в 1894 г. вышла замуж за казачьего офицера Пешкова, и в литературе известна как Пешкова-Голиверова. В 60-х и 70-х годах ее знали как Якоби, и так она подписывала свои письма и рассказы.

что Чер «нышевский» приговорен к 10-летней каторжной работе и прочтению приговора у позорного столба.¹²

Очевидно, именно об этом письме Тургенев 23 апреля (5 мая) 1864 г. сообщал Н. В. Щербаню: «Если увидите М. А. Маркович, поклонитесь ей от меня и спросите, почему она не отвечала на мое письмо»,¹³ а 27 мая (8 июня) Марко Вовчок в письме к Тургеневу просила извинить ее за долгое молчание.¹⁴

Зная о дружбе М. А. Маркович с Тургеневым, А. Н. Якоби просила познакомиться ее с писателем. Это подтверждается дневниковой записью А. Н. Якоби от 27 марта ст. ст. 1864 г.: «На днях Маркович хотела нас познакомиться с Тургеневым». Неизвестно, состоялось ли знакомство Якоби с Тургеневым, но интересно то, что у нее на картине М. А. Маркович читала новые произведения Тургенева: «Вечером пришли Маркович и Пассек. Она читала нам „Призраки“ и „Собаку“ Тургенева. Первая удивительно хороша своими картинками. Вторая очень наивная» (запись в дневнике от 17 апреля ст. ст. 1864 г.). Так как рассказ «Призраки» был напечатан в 1—2-м номере «Эпохи», вышедшем в Петербурге в конце марта (ст. стили), то можно допустить, что журнал был уже получен в Париже и рассказ читался по журнальному тексту. Но «Собаку» (в рукописи) Тургенев отослал Анненкову около 18 (30) апреля 1864 г.¹⁵ Следовательно, рассказ этот читался М. А. Маркович на квартире Якоби в рукописи, что свидетельствует о непрерывавшихся еще доверительных отношениях между Тургеневым и Марко Вовчком.

Интересно, что датой 17 апреля помечена запись в дневнике А. П. Суловой, где говорится: «... Мать ее¹⁶ «Марко Вовчка» предложила мне подождать, сказав, что дочь уехала к Тургеневу, и старалась дать мне почувствовать, что вчера Тургенев ждал ее дочь целых два часа и все-таки уехал, не дождавшись».¹⁷

Но прошло еще четыре месяца, и А. В. Пассек, проездом из Парижа в Петербург, встречается в Аахене с С. В. Ешевским и сообщает ему, что М. А. Маркович окончательно разошлась с Тургеневым.

Б. Б. Лобач-Жученко

«ШВАЛЬНИ» В ОРЛЕ

«Ну, думали ли Вы, милейший, рисуя Кукшину, что пока они на сцене, то за кулисами уже стоят и готовы новые, молодые удалые феи или швей, все равно», — спрашивал Тургенева И. П. Борисов в письме от 10 (22) января 1865 г.¹

¹² ЦГАЛИ, ф. 1674, оп. 1, ед. хр. 4. — Валерий Иванович Якоби (1834—1902), художник; Богдась — десятилетний сын М. А. Маркович.

¹³ Письма, т. V, стр. 252. — Николай Васильевич Щербань (1843—1893) — журналист, знакомый Марко Вовчка и Тургенева.

¹⁴ Марко Вовчок. Твори, т. VII, кн. 2, 1967, стр. 112.

¹⁵ Сочинения, т. IX, стр. 499.

¹⁶ Дмитриева Прасковья Петровна (1811—1876), урожд. Данилова, по первому мужу Милинская.

¹⁷ А. П. Сулова. Годы близости с Достоевским. Дневник — повесть — письма. 1928, стр. 83.

¹ См. ниже, стр. 482.

Подразумеваемая распространение идей Н. Г. Чернышевского в провинции, Борисов сообщал, что в Орле возникла мысль организовать швейную мастерскую, наподобие мастерской Веры Павловны. «Фирму» «вольная благородная швальня», как саркастически именуется ее Борисов, собирались открыть «барышни из Ближней Волковой» (дочери Н. Н. и Е. Д. Шеншиных) и «компанию уже набрали».²

Тургенев воспринял эту новость еще более скептически, чем Борисов. Он отвечал: «Мне пишут из Петербурга, что там уже „швальни“ и т. д. прекратились и барышни опять заглядываются на офицеров; то же будет и в Орле; в провинции старые моды всегда дольше держатся».³

О «вольных мастерских» в Орле сохранились самые отрывочные сведения. По некоторым данным, они существовали там вплоть до середины 80-х годов. В последний период — исключительно в целях конспирации, являясь нередко центрами подпольной революционной деятельности.

Е. Н. Оловенникова — видная деятельница народнического движения — вспоминала, что в 70-х годах в Орле несколько бывших гимназисток, «не без влияния Чернышевского», организовали небольшую переплетную мастерскую, помещение для которой выделил учитель кадетского корпуса.⁴ В мастерской выработывалось рублей 20—25 в месяц, которые шли на оказание помощи гимназистам.

В те же годы в Орле существовала «модная», т. е. швейная, мастерская. Ее организатором была Е. Д. Бучневская — тетка Е. Н. Оловенниковой.⁵ «Из местных народников, посещавших нашу квартиру и бывавших у тетки, — пишет Оловенникова, — я вспоминаю сестер Субботиных, как известно, отдавших свое большое имение в Орловской губернии на дело революции».⁶

Мастерская Бучневской служила «пунктом связи для приезжающих в Орел подпольных работников». У Германа Лопатина в 1884 г. при аресте был найден орловский адрес Бучневской. Мастерскую закрыли. Бучневскую арестовали.

История орловских «вольных мастерских» на этом обрывается.

Н. М. Чернов

² В комментариях к письму Тургенева от 28 января (9 февраля) 1865 г. к Борисову и в указателе имен они ошибочно названы «барышнями Волковыми»: *Письма*, т. V, стр. 668, 718.

³ Там же, стр. 335.

⁴ Своими связями с радикально настроенной молодежью были известны в Орле преподаватель кадетского корпуса А. Н. Чудинов (см.: *Письма*, т. IX, указатель имен) и А. С. Тарачков (1821—1893) — о нем см.: «Орловский вестник», 1893, 16 сентября.

⁵ Бучневская Елизавета Даниловна (1837—1889) — дочь полковника. Была арестована 27 октября 1884 г., содержалась под стражей, после чего жила в Малоархангельском уезде Орловской губернии и в Киеве под полицейским надзором. См.: Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. т. III, Вып. I. М., 1933, стлб. 487.

⁶ Воспоминания Е. Н. Оловенниковой. Энциклопедический словарь «Гранат», изд. 7-е, т. 40, приложение, стр. 320—322.

Подпись карандашом: "Январь 10 1865".
Ваше письмо к И. С. Тургеневу от 10 (22) января 1865. Вторая
страница. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
(Ленинград).

Подпись карандашом: "Январь 10 1865".
Ваше письмо к И. С. Тургеневу от 10 (22) января 1865. Вторая
страница. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
(Ленинград).

РЕЧЬ ТУРГЕНЕВА НА ОБЕДЕ 19 ФЕВРАЛЯ 1863 ГОДА

Ежегодные банкеты и обеды по поводу акта 19 февраля 1861 г. стали традиционными как для деятелей реформы, так и для лиц, не принимавших непосредственного участия в выработке ее положений, но причастных к делу освобождения крестьян. В числе последних был и И. С. Тургенев. Его «Записки охотника» были определены Герценом как «поэтическая обвинительная речь против крепостничества».¹

О ненависти к крепостничеству, созревшей еще в юношеские годы, о своей «аннибаловской клятве» Тургенев писал в 1868 г. в «Литературных и житейских воспоминаниях».² В 1874 г., отвечая на письмо С. А. Венгерова, ставившее вопрос о его роли в деле освобождения крестьян, Тургенев сообщает, что после смерти матери в 1850 г. он «немедленно отпустил всех дворовых на волю, пожелавших крестьян перевел на оброк, всячески содействовал успеху общего освобождения, при выкупе везде уступил пятую часть — и в главном имении не взял ничего за усадебную землю, что составляло крупную сумму».³

Когда в 1857 г. становятся известны первые царские рескрипты о предстоящей реформе,⁴ Тургенев, живя за границей, пишет записку, в которой доказывает необходимость в специальном журнале, где бы всесторонне обсуждалась реформа. Тогда же он составляет программу журнала «Хозяйственный указатель».⁵ Год спустя он рассказывает об этом времени Л. Н. Толстому: «Не буду говорить Вам о том вопросе, который Вам, вероятно, уже уши прожужжал; но уверяю Вас, он занимает нас здесь чуть ли не больше, чем всех вас, находящихся на месте; каждое известие принимается с жадностью, толкам и спорам нет конца. Я также написал мемориал, послал его (это между нами; дело идет об основании журнала, исключительно посвященного разработке крестьянского вопроса); словом, все мы завертелись, как белка в колесе».⁶

Из писем Тургенева, относящихся к 1861 г., видно, с каким вниманием следил он за деятельностью редакционных комиссий по осуществлению положений реформы. 6 (18) марта 1861 г. он пишет из Парижа П. В. Анненкову, благодаря его за телеграмму о манифесте: «Но, к сожалению, ничего положительного неизвестно об *условиях* нового Положения. Толки ходят разные. Ради бога, пишите мне, что и как у вас всё это происходит. < . . . > Сюда прислал кто-то напечатанный экземпляр Положения, но его никак поймать невозможно».⁷

¹ Герцен, т. XVIII, стр. 215.

² Сочинения, т. XIV, стр. 9.

³ Письма, т. X, стр. 256. — О мерах, принятых Тургеневым для облегчения участи крестьян, см. также в кн.: И. Ф. Рында. Черты из жизни И. С. Тургенева. СПб., 1903, стр. 26—27.

⁴ Речь идет о высочайших рескриптах: от 20 ноября — на имя Виленского военного, Гродненского и Ковенского генерал-губернатора; от 5 декабря — на имя С.-Петербургского военного генерал-губернатора; от 24 декабря — на имя Нижегородского военного губернатора.

⁵ См. об этом: Сочинения, т. XV, 235—244.

⁶ Письма, т. III, стр. 187.

⁷ Письма, т. IV, стр. 207.

Среди участников дела по освобождению крестьян было несколько друзей и знакомых Тургенева: Н. И. Тургенев, Н. А. Милютин, Ю. Ф. Самарин, К. Д. Кавелин, В. А. Черкасский, Н. Н. Тютчев, И. П. Арапетов и др.

Обед, на котором была произнесена речь, состоялся в Париже 19 февраля (3 марта) 1863 г. и носил неофициальный, сугубо интимный характер. М. А. Милютина отметила в своих записках, что в этот день «в русской церкви было торжественное молебствие — а вечером маленький обед всего на десять человек у нас».⁸ Далее она сообщает, что были приняты все меры, чтобы сведения об обеде не попали в парижскую прессу. Интимный характер обеда был подчеркнут и самим Н. А. Милютиным в его письме к П. П. Семенову от 5 (17) апреля 1863 г.: «Мы здесь отпраздновали этот день по-домашнему, причем чествовали первого по времени эмансипатора Ник. Ив. Тургенева».⁹

Все это позволяет утверждать, что речь И. С. Тургенева была искренним выражением как его отношения к реформе, так и к лицам, причастным к ее подготовке и проведению.¹⁰

Сам Тургенев спустя три дня после обеда сообщал И. П. Борисову: «Здесь мы в самый день 19-го февр<аля> собрались у Николая Милютина (Николай Иванович Тургенев был в числе гостей) — пили за здоровье царя, народа, всех сотрудников великого дела, старика Тургенева начинателя — Милютина совершителя; произносили небольшие, не красноречивые, но теплые и дельные спичи; — мне как автору „Записок охотника“ было сказано несколько добрых слов, которые я буду всегда помнить как лучшую награду».¹¹

В дневнике Ф. Н. Тургеневой сохранилось описание этого обеда: «Г-н Милютин захотел собрать несколько друзей и в особенности видеть моего отца <Н. И. Тургенева>. Он нас всех пригласил, маму, Альбера и меня. У него мы застали Ивана Тургенева, гг. Боткина, Ханыкова и Щербаня».¹² На обеде выступили с речами Н. А. Милютин, Н. И. Тургенев и И. С. Тургенев. О речи последнего в дневнике записано: «Иван Сергеевич вынул из кармана лист бумаги и стал его просматривать, посмеиваясь. „Я не могу прочесть моего собственного почерка“, — затем он встал и громким голосом прочел четыре страницы спича, где он сочетал имена г-на Милютина и папы».¹³

Немногословная речь Тургенева была произнесена для тех, кто близко знал «начинателя» великого дела — Н. И. Тургенева, и его «совершителя» — Н. А. Милютина.¹⁴ И когда он говорил о Н. И. Тургеневе, что тот «увидал

⁸ ЦГИА, ф. 869, оп. 1, ед. хр. 1147.

⁹ ИРЛИ, ф. 274, оп. 3, № 199.

¹⁰ Ср.: Тургенев, Соч., т. XII, стр. 536—539.

¹¹ Письма, т. V, стр. 105. — Слова о Тургеневе были сказаны В. П. Боткиным. Ф. Н. Тургенева передает их: «...через несколько минут он <Боткин> встал и произнес несколько слов, прося не забыть тех, кто своими сочинениями способствовали распространению идеи освобождения и сочувствия крестьянам. «В первом ряду стоит автор „Записок охотника“, Лит. насл., т. 76, 1967, стр. 366.

¹² Там же, стр. 365.

¹³ Там же, стр. 365—366.

¹⁴ Тургенев перефразирует строку Пушкина из стихотворения «Художнику» (1836): «Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов».

наконец исполнившимся то, что легло в основание всей его деятельности, всей его жизни («...»), что глубже и глубже проникало в его душу при сближении с тем великим человеком, которому Северная Германия обязана своим перерождением, о чем он первый, свободно и честно, заговорил в царских Советах — то участникам обеда вспоминались многие и многие события большой жизни человека, о котором еще Пушкин в X главе «Евгения Онегина» писал:

Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

В 1813 г. Н. И. Тургенев был назначен к знаменитому прусскому министру Карлу фон Штейну, который в это время был уполномоченным от русского и австрийского императоров и прусского короля для организации Германии. Н. И. Тургенев в течение трех лет состоял при Штейне, испытывая влияние его государственной доктрины. В эти годы получили дальнейшее развитие и его взгляды на крестьянский вопрос. Н. И. Тургенев выступает как противник крепостного права и пропагандист его отмены.¹⁵

В 1819 г. Н. И. Тургенев представил Александру I записку о необходимости освобождения крепостных крестьян, которая, правда, не имела последствий; в 1821 г. он выступил в Государственном Совете защитником проекта закона о запрещении продажи крестьян без земли. Борьба за этот закон окончилась для Тургенева неудачей вследствие сопротивления крепостников во главе с Н. С. Мордвиновым и А. С. Шишковым.¹⁶ В своем дневнике Ф. Н. Тургенева передает слова Н. А. Милютина, сказанные о Н. И. Тургеневе: ««...» вопрос освобождения занимал многие умы, и нас была сотня, тысяча; но когда Николай Иванович начал выступать против рабства, он был один, один!».¹⁷

О Н. А. Милютине И. С. Тургенев сказал: «... другому удалось среди затруднений, недоразумений, клевет и борений всякого рода вынести на плечах своих великое дело — (заметим мимоходом — он видит его окончательное утверждение тоже в удалении от родины)». Несколько позже, уже о покойном Милютине, Тургенев скажет словами Шиллера:

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten
(Кто жил для лучших [людей] своего времени,
Тот жил для всех времен).¹⁸

¹⁵ См. об этом в статье: С. С. Л а н д а. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1826 гг. (Из политической деятельности П. А. Вяземского, Н. И. и С. И. Тургеневых, М. Ф. Орлова). В кн.: Пушкин и его время. Вып. I. Л., 1962, стр. 82—98.

¹⁶ См.: А. Н. Ш е б у н и н. К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. «Архив истории труда в России». Пгр., 1923, кн. 6—7, стр. 117—129.

¹⁷ *Лит. насл.*, т. 76, стр. 365.

¹⁸ *Письма*, т. IX, стр. 90.

За всеми этими словами стояла жизнь человека, который был фактическим руководителем всех подготовительных работ по проведению реформы. Будучи сторонником самоуправления и самостоятельности крестьянской общины, Милютин нажил много противников даже в самих редакционных комиссиях по выработке положений реформы. Его и раньше считали врагом дворянства, демократом, обвиняли в революционных наклонностях, называли «красным». В числе противников Милютина были В. Н. Панин, М. Н. Муравьев, П. А. Валуев, Вас. А. Долгорукий, Н. А. Безобразов и другие сановники.¹⁹

Под давлением противников Н. А. Милютин был вынужден оставить свой пост (товарища министра внутренних дел) и уехать за границу (весной 1861 г.). Однако на родине он не был забыт: в публикации «Участники в трудах по освобождению крестьян» находим упоминания об особом чествовании Н. А. Милютина. Здесь же читаем: «Первый общий обед в С.-Петербурге кружка Членов редакционных комиссий состоялся в 1862 г., 19 февраля, и был вызван, между прочим, желанием выразить чувства дружбы и уважения к Николаю Алексеевичу Милютину».²⁰

В Петербург Н. А. Милютин вернулся только 25 августа ст. ст. 1863 г., приняв новое ответственное назначение в Польшу.²¹

Интересно, отметить, что Н. А. Милютин и Н. И. Тургенев, столь тесно связанные общим делом, познакомились друг с другом довольно поздно. В 1861 г. Милютин послал Н. И. Тургеневу законоположение о крестьянах, и в следующем году произошло их личное знакомство.²²

В заключение остановимся на вопросе, касающемся характера самой речи Тургенева. До сих пор было неясно, по-русски или по-французски произнес свой спич И. С. Тургенев.

Первый публикатор французского автографа Н. О. Лернер считал, что речь была произнесена по-французски.²³ В издании *Тургенев, Соч.* опубликованы оба автографа, причем русский следует за французским без пометы, перевод ли это с французского, или самостоятельная публикация. Такое расположение автографов, казалось бы, также позволяет считать, что для произведения на обеде был приготовлен французский текст.

Однако дневниковые записи Ф. Н. Тургеневой позволяют утверждать, что Тургенев говорил на обеде по-русски. «Он прочел так быстро, — пишет Фанни, — что я не всё поняла».²⁴ Известно, что Ф. Н. Тургенева понимала русскую речь, но лишь настолько, чтобы в данном случае уловить общий смысл сказанного. Из всех присутствовавших на обеде одна Клара Тургенева не понимала по-русски. (Для нее, например, Н. А. Милютин после выступле-

¹⁹ См. в записках М. А. Милютиной: «Русская старина», 1899, № 4, стр. 105—124.

²⁰ «Русская старина», 1884, кн. 1, стр. 672, 673, 677.

²¹ См.: Anatole Leroy-Beaulieu. Un homme d'état Russe (Nicolas Milutine), d'après sa correspondance inédite. Etude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II (1855—1872). Paris, 1884, стр. 160.

²² ЦГИА, ф. 869, оп. 1, № 1142, стр. 200.

²³ «Речь», 1916, 31 мая, № 147.

²⁴ Лит. насл., т. 76, стр. 366.

ния вкратце изложил свою речь по-французски). Об автографе речи Тургенева в том же дневнике записано: «... г-н Милютин» потребовал автограф для своего сына, г-жа Милютина» взяла его и обещала нам сделать перевод».²⁵

В самом деле, М. А. Милютина отметила в своих записках 20 февраля (4 марта) 1863 г.: «Он <Тургенев> после обеда отдал мне клочок бумаги, на котором она <речь> была записана». Далее следует зачеркнутый текст: [вот она, сказанная по-французски, для семьи Николоя» Ив. <ановича> Тургенева: Messieurs...]. Видимо, несколько позже, вычеркнув эти строки, М. А. Милютина сделала запись для своего сына, посылая ему автограф: «Я никак не могу припомнить, была ли она сказана по-французски, или по-русски, — но французская речь у меня сохранилась, а русской нет».²⁶

Можно с уверенностью предположить, что Тургенев, собираясь на обед и зная, что там будет жена Н. И. Тургенева, Клара, не понимающая по-русски, одновременно приготовил два текста речи: русский для произнесения, и французский — для передачи Тургеновым, поскольку речь в значительной мере посвящена Н. И. Тургенову. Возможно, что Тургенев передал Милютиным именно французский автограф, как более пространный, а русский позже отдал Тургеновым. Иначе трудно объяснить тот факт, что французский автограф попал к Милютиным, а русский — к Тургеновым.

Т. И. Орнатская

ИЗ ДОКУМЕНТОВ О «ДЕЛЕ 32-х»

(ПИСЬМО В. А. ДОЛГОРУКОВА К Д. Н. ЗАМЯТНИНУ)

В V томе Писем настоящего издания напечатана переписка Тургенева, связанная с обвинением его в причастности к «делу 32-х».¹ 22 января (3 февраля) 1863 г. писателю был вручен вызов в Петербург, в Сенат, куда особая следственная комиссия передала дело «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». В тот же день Тургенев обратился с письменной просьбой к царю о разрешении, не являясь в Петербург, ответить на допросные пункты, присланные по почте в Париж.

25 января 1863 г. эта просьба Тургенева была подкреплена посланием к начальнику III отделения и собственной е. и. в. канцелярии В. А. Долгорукову русского посла в Париже А. Ф. Будберга, где последний в самых верноподданнических выражениях ее поддерживал.² А уже 13 (25) февраля 1863 г. Тургенев писал брату: «Я получил вчера через нашего посла известие, что государь соглашается на мою просьбу — и что допросные пункты будут мне высланы сюда, в Париж. Посол дал мне прочесть письмо князя Долгорукова, в котором сообщается это решение, — и прибавил, что, по всей вероят-

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГИА, ф. 869, оп. 1, ед. хр. 1147.

¹ См.: Письма, т. V, стр. 100, 387, 536, 542, 551, 693—698.

² ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 1531, л. 3.

ности, дело окончится пустяками».³ Оптимизм Тургенева и хлопотавших за него лиц оказался преждевременным: расхождение письменных ответов Тургенева на «допросные пункты»⁴ с показаниями в Сенате М. Л. Налбандяна и А. И. Ничипоренко послужило причиной того, что Тургенев все-таки был вызван в Петербург. Здесь состоялся устный допрос его в Сенате, хотя первоначально было получено разрешение царя ограничиться письменными ответами писателя, присланными по почте. Об этом свидетельствует публикуемое ниже письмо В. А. Долгорукова к товарищу министра юстиции Д. Н. Замятнину.

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич,

Находящийся в Париже Иван Сергеевич Тургенев, требуемый в С.-Петербург по прикосновенности его к политическому делу, переданному Высочайше утвержденною под председательством Действительного тайного Советника князя А. Ф. Голицына следственной Комиссиею в Правительственный Сенат, обратился к Государю Императору с всеподданнейшею убедительною просьбой о Всемилостивейшем разрешении ему, по расстроенному состоянию его здоровья и семейным обстоятельствам не возвращаться в настоящее время в Россию. Вместе с тем г. Тургенев умоляет о повелении выдать ему допросные пункты, обещаясь честным словом на каждый из них отвечать немедленно и с полною откровенностью.

Его Величеству благоудно было Всемилостивейше уважить просьбу г. Тургенева с тем, чтобы вопросные пункты были сообщены ему чрез наше Посольство и чтобы ответы его были доставлены сюда тем же путем.

По Высочайшей воле уведомляю Ваше превосходительство о вышеизложенном для надлежащего распоряжения и пользуюсь настоящим случаем, чтобы повторить Вам, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Князь Василий Долгоруков

№ 1^a

6 февраля 1863

С.-Петербург⁵

Л. И. Кузьмина

К АВТОБИОГРАФИИ ТУРГЕНЕВА

Кроме юношеской записи, сделанной под влиянием чтения «Исповеди» Ж. Ж. Руссо, «Мемориала», составленного для себя в начале 50-х годов, двух известных автобиографий (одной, предназначенной для второго издания в 1874 г. «Истории русской литературы в очерках и биографиях» П. Н. Полевого, и второй, опубликованной М. М. Стасюлевичем в 1876 г. в VI тургеневском выпуске «Русской библиотеки») и дошедшего до нас дневника писателя

³ Письма, т. V, стр. 100.

⁴ Там же, стр. 391—401.

⁵ ЦГИА, ф. 1405, оп. 539, № 15, лл. 1—2.

(от ноября 1882 до января 1883 г.)¹ — автобиографический материал содержит также ряд прижизненных очерков о Тургеневе, написанных на основе сообщенных им сведений.

Автобиографии как жанру, предназначенному для печати, Тургенев не придавал большого значения и обычно высылал краткий перечень важнейших событий своей жизни по просьбе того или иного издателя или переводчика его произведений.

Первые заметки, в которых были использованы его собственные свидетельства, возникли вследствие интереса к русской литературе и, в частности, к творчеству и личности Тургенева за рубежом. Так, выпедший в 1867 г. в Нью-Йорке английский перевод «Отцов и детей», выполненный знакомым Тургенева, американским писателем и дипломатом Юджином Скайлером, был предварен вступительным словом переводчика, который воспроизвел известную ему, по всей вероятности, от самого автора «Отцов и детей» биографическую канву его жизни (данные о происхождении Тургенева, его образовании, первых литературных опытах, сотрудничестве в «Современнике», двухгодичной ссылке в Спасское и последующей его жизни за границей).²

Охарактеризовав Тургенева как одного из главных представителей голевской «подлинно национальной школы романа» («a truly national school of romance») ³ и сравнив общественный резонанс «Записок охотника» в России и «Хижины дяди Тома» Бичер Стоу в Америке, Скайлер подчеркнул, что выбор для перевода «Отцов и детей» — первостепенного и наиболее актуального произведения русской литературы последних лет — был одобрен автором. В свою очередь, Тургенев по выходе книги в свет рекомендовал Скайлера В. Ф. Одоевскому, М. М. Стасюлевичу, Ф. И. Тютчеву и Б. Н. Чичерину как человека, желающего изучить Россию и лично познакомиться с ее выдающимися деятелями.⁴

В связи с установлением более тесных контактов между русской и европейскими литературами была опубликована также в 1869 г. в немецком журнале «Der Salon. . .» корреспонденция «Iwan Turgenew», присланная из Парижа Эугеном Лауром.⁵ Автор, по его словам, стремился удовлетворить интерес к писателю, которому не только удалось оказать сильное влияние на жизнь и литературу своего народа, но и «суждено было получить признание за границами своего отечества» («dem. . . beschieden ist. . . außerhalb der Grenzen seines Vaterlandes sich anerkannt zu sehen»).⁶ Биографическая часть заметки, близкая к публикации Скайлера, могла быть составлена лишь при непосредственном участии самого Тургенева.⁷

¹ См.: *Сочинения*, т. I, стр. 438, 621; т. XV, стр. 199—215, 395—412.

² См.: «Fathers and sons» a novel by Ivan Serghievitch Turgenef, translated from the Russian with approval of the author by Eugene Schuyler, Ph. D. New-York, 1867, стр. III—VIII.

³ Там же, стр. V.

⁴ *Письма*, т. VI, стр. 310, 312, 313, 428—430.

⁵ «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft», Leipzig, 1869, Bd. III, Hf. 5, стр. 620—626.

⁶ Там же, стр. 620.

⁷ В нее вкралась ошибка: как дата рождения Тургенева указан не 1818, а 1811 г.

Iwan Turgénew.

Ogleich Rußland schon vor einiger Zeit das tausendjährige Bestehen des Reiches gefeiert hat, mithin kaum ein paar Lustren jünger ist als das am 11. August 843 begründete deutsche Reich, so erscheint es doch diesem und überhaupt dem Westen gegenüber wie eben erst eintretend in den Kreis der civilisirten Nationen. Unter den mannigfachen Ursachen, welche hierzu mitgewirkt haben, verdient besonders eine hervorgehoben zu werden, nämlich: daß während geraumer Zeit und bis in die erste Hälfte unseres Jahrhunderts hinein der Adel — und dazu gehört die ganze besitzende Classe — um das nationale Leben sich nicht gekümmert, sondern nur die nationalen Hülfquellen ausgebeutet hat. Wer auf Bildung und sociale Stellung Anspruch machte, hätte sich zu entehren geglaubt, wenn er, außer mit den dienenden Personen, russisch gesprochen hätte. Die Regierung war damit nicht unzufrieden. Es lag in ihrem System, der Aufklärung als gefährlich hindernd in den Weg zu treten. Gleicher Ansicht war die Aristokratie des Grundbesitzes, welcher mehr als zweiundzwanzig Millionen Leibeigene gehörten und der Gedanke, daß diese Hände einen Kopf bekommen könnten, schwere Besorgniß einflößte. Als jedoch bei uns die Classiker blühten, fing auch im Nord-Osten an, das Nationalgefühl auf dem Gebiete der Literatur sich leise zu regen. Nikolai Karamsin schrieb die nach umfassendem Plane angelegte Geschichte des russischen Reiches und wurde dadurch der Vater der russischen Prosa. Iwan Krylow schuf mit gewandt erzählten Fabeln des erste Volksbuch für jene allerdings nicht sehr beträchtliche Anzahl seiner Landsleute, welche des Schulunterrichts theilhaftig geworden. Mit Alexander Gribojedow erhielt Rußland das erste Original-Lustspiel „Kummer wegen Ueberfluß an Verstand“, und rühmt sich, in Nikolai Gogol seinen Dickens gehabt zu haben. Durch Puschkín endlich und Lermontoff, beide jugendlichen Alters im Duell getödtet, wurde der echten und hohen Poesie eine feste Stätte auch in der bisher für sie unnahbaren Heimat Peter's des Großen gegründet.

Nicht an geistiger Begabung und schöpferischer Gestaltungskraft, wohl aber an Einfluß auf das Leben und die Literatur ihres Volkes werden sie übertroffen von Iwan Turgénew, dem glücklicherweise eine längere Laufbahn beschieden ist und zugleich die Freude, auch außerhalb der Grenzen seines Vaterlandes sich anerkannt zu sehen.

Iwan Sergejewitsch Turgénew, geboren in Orel am 20. October (9. November) 1811, ist der mittlere von drei Söhnen des Obersten Sergino Turgénew und dessen Frau, Barbara Lutovitow. Der jüngste

К этой заметке отослал Тургенев К. К. Случевского, который обратился к нему как сотрудник «Всемирной иллюстрации» за разрешением напечатать в журнале портрет писателя и небольшой очерк о нем. «Откровенно говоря, — писал Тургенев К. К. Случевскому 8 (20) марта 1869, — всякая биографическая публикация мне всегда казалась великой претензией; но и отказывать в ней, придавать вообще ей важность — еще большая претензия. Фактические данные моей весьма незатейливой жизни Вы могли бы найти в самом том номере „Салона“ («Der Salon») — из которого Вы заимствовали присланную фотографию».⁸ Далее в письме Тургенев повторил краткую справку о себе и, желая отвести значение для него литературной деятельности, закончил шуткой: «Вы видите, что моя биография напоминает биографию Э. Ожье, который на подобный запрос отвечал следующими словами: „Je suis né, j'ai été vacciné, puis, quand je suis devenu grand, j'ai écrit des comédies“».⁹ На основании этого письма и корреспонденции в «Салоне» и было составлено биографическое вступление к характеристике Тургенева, напечатанной во «Всемирной иллюстрации» под рубрикой «Наши замечательные деятели».¹⁰

Почти одновременно биография Тургенева была помещена во II-ом томе «Портретной галереи русских деятелей».¹¹ Составитель биографии М. Д. Хмыров в подстрочном примечании указывал, что ряд подробностей, по его просьбе, были «сообщены < . . . > самим Иваном Сергеевичем Тургеневым».¹² Сохранилось письмо Тургенева к М. Д. Хмырову от 8 (20) октября 1868 г., содержащее ряд дополнительных сведений по сравнению с предшествующими биографическими статьями. В письме, например, рассказывалось, что с «Роспадой» Хераскова мальчика Тургенева познакомил камердинер его матери, читавший ее наизусть, «украдкой»; назывались домашние, московские, петербургские и берлинские учителя и профессора, оказавшие влияние на будущего писателя; перечислялись первые опубликованные в плетневском «Современнике» стихотворения, а затем стихотворения, драмы, повести, статьи и очерки, напечатанные Тургеневым в «Отечественных записках» и в возобновленном в 1847 г. «Современнике»; наконец, приводился список изданий сочинений и отдельных изданий его произведений.¹³ Всем этими указаниями Тургенева и воспользовался М. Д. Хмыров.

В конце 1871 г. А. С. Суворин, задумав, по-видимому, один из своих воскресных фельетонов цикла «Недельные очерки и картинки», печатавшихся в ту пору в «С.-Петербургских ведомостях», посвятить Тургеневу, попросил его написать автобиографию. Тургенев исполнил просьбу Суворина и 22 или 24 декабря 1871 г. (3 или 5 января 1872 г.) выслал ему «черновую» биографического очерка своей, по его выражению, «исключительно литературной жизни».¹⁴

⁸ Письма, т. VII, стр. 337.

⁹ Там же, стр. 338 («Я родился, мне привили оспу, когда я вырос большим, я стал писать комедии» — франц.).

¹⁰ «Всемирная иллюстрация», 1869, 10 мая, № 20.

¹¹ «Портретная галерея русских деятелей», т. II. Изд. Мюнстера, СПб, 1869, стр. 269—274.

¹² Там же, стр. 269.

¹³ См.: Письма, т. XIII, кн. 2, стр. 209—211.

¹⁴ Письма, т. IX, стр. 199.

Thiergarten-Strasse,
J.
Amoyruss 1/28er Okt. 188.

Museumbibl. Caspary

Muzau et Dammerichus!

Я пишу вам письмо и в
оном изложил вам желание,
много бы хотелось дел, если бы
уверенность. В нем же. От
ваше письмо: Я пишу за, урону
и не могу по, урону урону
сказать урону; а много ли не по.

1.) Я родился в городе Орле, 28го
Октября 1818го года. -

2.) Ясно мне дали Орлема Флакс,
сказавши Тургеневым; но обья
шь Тургеневым и дослушал
до Словаковича шна. - Мать моя
Варвара Петровна Мухоморова
дочь Петра Ивановича Мухоморова,
дворянина Орловки урону.

3.) Ясно мне прожил в деревне
во селъ Славков - Мухоморова (Орловки).

Письмо И. С. Тургенева к М. Д. Хмырову от 8 (20) октября 1868. Первая страница. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

Намерение свое Суворин не осуществил, а тургеневский черновик послужил, по вполне вероятному предположению Р. Б. Заборовой,¹⁵ в качестве наборной рукописи биографического вступления к очерку «И. С. Тургенев», появившемуся в «Ниве» в 1872 г.¹⁶

Вслед за публикацией в «Ниве» Н. В. Гербель в 1873 г. включил в книгу «Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах» статью о Тургеневе, в которой были обобщены, как сказано в предисловии, факты, приведенные в предшествующих печатных источниках, и материалы, собранные Гербелем «лично».¹⁷ Получив книгу в подарок, Тургенев в письме от 8 (20) июня 1874 г. благодарил Гербеля и замечал: «Что касается до моего биографического очерка, то мне — в сущности — следовало бы сделать одно замечание: Вы слишком лестно обо мне отзываетесь < . . . > Неточностей в заметке всего две. У меня было два брата — а не один. Младший — Сергей по имени — скончался 16 лет. Профессор Краузе вовсе не отличался настойчивостью; напротив, он позволял мне делать решительно что я хотел — и английскому языку я начал учиться раньше, чем попал к нему».¹⁸

В 1874 г. вышло второе издание книги П. Н. Полевого, которому Тургенев в октябре 1873 г. выслал исправленный и дополненный оттиск из «Нивы». Этот оттиск и является первым дошедшим до нас авторизованным текстом автобиографии Тургенева (см. выше, стр. 385).¹⁹

Как добавочный документ автобиографического плана может рассматриваться ответ писателя С. А. Венгеру, работавшему в 1874 г. над «критико-биографическим этюдом» о нем, на вопрос об освобождении Тургеневым в связи с отменой крепостного права лично ему принадлежавших крестьян.²⁰

Наиболее полный и точный текст, написанный рукой Тургенева, дает также упомянутая уже выше (стр. 385) автобиография 1875 г., напечатанная Стасюлевичем в «Русской библиотеке», черновой и белой автографы которой сохранились.

Позднее в 1879 г., подготавливая отдельное стереотипное издание «Записок охотника», М. М. Стасюлевич вновь решил предварить их биографической справкой о Тургеневе. «На помещение биографического очерка, разумеется, согласен», — писал ему Тургенев 17 (29) мая 1879 г.²¹ Издание было отпечатано в типографии Стасюлевича в 1882 г. Во вступительной заметке

¹⁵ Сб. ГЛБ, III, 1955, стр. 69.

¹⁶ «Нива», 1872, № 9, стр. 136—138. (Ошибки в тексте очерка объясняются неразборчивостью оригинала).

¹⁷ См.: «Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах», составитель Н. В. Гербель. СПб., 1873, стр. 490—494.

¹⁸ Письма, т. X, стр. 247.

¹⁹ К статье о нем в книге П. Н. Полевого отослал Тургенев в 1875 г. А. С. Суворина, когда он снова хотел во втором выпуске отдельного издания «Очерков и картинок» поместить «Литературный портрет Тургенева», и в 1877 г. В. Рольстона, намеревавшегося написать биографию Тургенева (см.: Письма, т. XI, стр. 51 и т. XII, кн. 1, стр. 88, 435).

²⁰ С. Венгеру. Русская литература в ее современных представителях. И. С. Тургенев, ч. 1, СПб., 1875, стр. 98—100 (см. также: Письма, т. X, стр. 256, 620—621).

²¹ Письма, т. XII, кн. 2, стр. 78.

к нему были частично использованы сведения из написанной Тургеневым в 1875 г. автобиографии.

Все эти материалы расширяют круг источников биографии Тургенева.

И. А. Битюгова

ОТКЛИК П. В. АННЕНКОВА НА НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЮБИЛЕЙ ТУРГЕНЕВА В 1875 Г.

В 1875 г. в «Московских ведомостях» (30 апреля ст. ст., № 107) появилась заметка «Последнее публичное заседание „Общества любителей российской словесности“ за подписью Н. В ней сообщалось, что «будущей зимою будут в Обществе словесности юбилейные собрания в честь И. С. Тургенева < . . . ». Очень желательно, чтобы эти слухи были справедливы и чтоб они осуществились».¹ Мысль о чествовании Тургенева могла возникнуть у членов «Общества любителей российской словесности» после празднования юбилея А. Ф. Писемского в публичном заседании «Общества» 19 января 1875 г. Сам А. Ф. Писемский, отвечая на поздравление Тургенева, обратился к нему с такими словами: «...не было бы большей радости для меня, если бы и Вы, хоть и на будущий год, дозволили отпраздновать в „Обществе любителей российской словесности“ Вашу литературную деятельность, чего также несказанно желают и прочие члены сего Общества».²

Однако Тургенев считал празднование своего юбилея преждевременным и вообще ненужным. В связи с этим он обратился с письмом к секретарю «Общества» П. А. Бессонову,³ подготовив одновременно официальный отказ от юбилейных торжеств для публикации в «Вестнике Европы».⁴

Действия Тургенева вызвали одобрение П. В. Анненкова. «Об отказе Вашем принять юбилейное торжество — говорить нечего, а поблагодарить Вас можно, — писал он Тургеневу в письме от 12 декабря 1875 г. из Бадена. — Значит, что не во всех сердцах еще чувство чести, приличий, достоинства вымерло совсем. Пора было сказать, что триумфы этого рода, устраиваемые празднующеюся кликой, не похожи на отличие, а на кой-что другое. Нет причины сомневаться, что после юбилеев Ф. Миллера, Мельникова-Ворышки дурацкое московское общество не устроит юбилея Боборыкину, Антропову, Авсеенко. Тоже ведь давно работают на почве русской культуры».⁵

¹ Об этом же писал и П. Библиограф (псевдоним П. П. Васильева) в статье «Первое печатное произведение Тургенева» («Московские ведомости», 1875, 12 ноября ст. ст., № 289), о которой сообщил Тургеневу М. М. Стасюлевич (см.: *Письма*, т. XI, стр. 161).

² Письмо А. Ф. Писемского к Тургеневу от 7 (19) февраля: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 194

³ См.: *Письма*, т. XI, стр. 158—159.

⁴ Это письмо не было напечатано в «Вестнике Европы». См. комментарий к «Письму г-ну секретарю Общества любителей российской словесности». *Сочинения*, т. XV, стр. 376.

⁵ *ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 10, л. 61—61 об.

Враждебное отношение Анненкова к названным «юбилярам»⁶ не было безосновательным и, очевидно, во многом разделялось и Тургеневым. Известно, что писатель резко отрицательно отзывался о переводческих и поэтических трудах Ф. Б. Миллера.⁷ По-видимому, Тургенев не мог не знать и о том, что писатель-этнограф П. И. Мельников, будучи в 50—60-е гг. чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе, занимал правительственную позицию в борьбе с расколом. Называя П. И. Мельникова «воришкой», Анненков, очевидно, имел в виду один из эпизодов его служебной деятельности, отличавшейся крайней суровостью, а иногда и нарушением законности при расследовании раскольничьих дел.⁸ Тургенев весьма критически относился и к литературной продукции П. Д. Боборыкина.⁹ Точно так же писатель неодобрительно высказывался об И. Н. Антропове, литературном критике «Московских ведомостей», авторе статьи о повести «Вешние воды», изобиловавшей выпадами против Тургенева.¹⁰ Известны уничтожающие отзывы Тургенева и об В. Г. Авсеенко, реакционном критике «Русского вестника», высмеявшем первую часть романа «Новь».¹¹

Как выяснилось в дальнейшем, версия о готовящемся юбилее не подтвердилась. Об этом Тургенев иронически сообщил Анненкову 5 (17) декабря 1875 г., рассказывая о том, как П. А. Бессонов, секретарь «Общества любителей российской словесности», «истый славянофил», «в ответе своем добре поглумился над западником, который отклоняет от себя честь, никем ему не предложенную».¹²

В ответном письме к Тургеневу Анненков снова одобрил его официальное заявление об отказе от юбилейных торжеств. «Сыграла же с Вами штуку, добрейший И <ван> С <ергеевич>, московская газета с своим известием о юбилее, да эти штуки в ее роде, — писал он 25 декабря н. ст. 1875 г. — Впрочем, дурного ничего нет: заявлением своим Вы отбили наперед поползновение делать из Вашего имени рекламу и чучелу с благосклонной улыбкой в сторону пу-

⁶ 10 ноября 1874 г. «Общество любителей российской словесности» чествовало Ф. Б. Миллера и П. И. Мельникова (псевдоним Андрей Печерский) по поводу тридцатипятилетия их литературной деятельности.

⁷ См.: *Сочинения*, т. I, стр. 205, 207—211; т. V, стр. 355.

⁸ Так, например, в 1853 г. на П. И. Мельникова была подана жалоба в Сенат А. П. Головастиковой, женой книгопродавца Головастикова, признанного правительством вредным распространителем раскола. Мельников обвинялся ею в хищении во время обыска в доме Головастикова без присутствия понятых и составления описи «драгоценных икон» (см.: А. П. Головастикова. Прощение ее Д. Г. Бибикову, министру внутренних дел, по поводу обыска в ее доме П. И. Мельниковым. Копия. 1853. *ИРЛИ*, ф. 95, оп. I, № 67; подробнее об этом см.: П. С. Усов. Этнограф-беллетрист. «Исторический вестник», 1884, № 10, стр. 58—61). По поводу этой жалобы министр внутренних дел неоднократно требовал объяснений у Мельникова.

⁹ См.: *Письма*, т. VIII, стр. 298; т. X, стр. 306; т. XII, кн. 1, стр. 327, 333, 391, 395, 396; т. XII, кн. 2, стр. 8.

¹⁰ См.: *Письма*, т. IX, стр. 216—218; *Сочинения*, т. XI, стр. 464—465.

¹¹ См.: *Письма*, т. X, стр. 214, 222, 233 и другие тома по указателю имен; *Сочинения*, т. XII, стр. 531.

¹² *Письма*, т. XI, стр. 171—172. — Письмо П. А. Бессонова к Тургеневу не сохранилось.

стейшей московской клики, и это поймется большинством публики».¹³ В этом поступке Анненков увидел не только проявление скромности, но и выражение прогрессивной общественной позиции Тургенева, дорожившего своим авторитетом передового русского писателя.

Н. Н. Мостовская

ТУРГЕНЕВ И М. М. АНТОКОЛЬСКИЙ

Ни один из русских художников не был так высоко оценен Тургеневым, как Антокольский. «Прекрасный художник»,¹ «замечательный художник»,² «великолепный скульптор»³ — вот далеко не полный перечень его похвал в адрес скульптора, а признание, сделанное Тургеневым П. А. Кропоткину, ставит Антокольского в исключительное положение среди современников писателя: «Я не знаю, встречал ли я в жизни *гениального человека*, или нет, но если встретил, то это был Антокольский».⁴

Знакомство Тургенева с Антокольским состоялось 14 (26) февраля 1872 г. в мастерской скульптора у только что завершенной им статуи «Иван Грозный».⁵ Начатая в мае 1870 г. скульптура по ее завершении принесла Антокольскому редкую по тем временам популярность, о которой так вспоминал В. В. Стасов: «Выставка „Ивана Грозного“ имела успех неслыханный: он равнялся успеху „Помпей“ Брюллова — раньше, и картин Верещагина — позже. И молодые товарищи ученики, и старые профессора < . . . > и общий голос толпы, все славил и превозносило Антокольского за его талант и новизну и преклонялось перед его поразительной трагической статуей».⁶

Возможно, что и Тургенева привлекли в мастерскую скульптора слухи о «новинке», ходившие в русской публике с конца 1870 г. Но знакомство с новой скульптурой не осталось для Тургенева эпизодом его биографии, с него началось его большое неослабное внимание к творчеству Антокольского и их многолетняя дружба. На четвертый день после знакомства со статуей «Иван Грозный» и ее автором Тургенев написал свою «Заметку»,⁷ где в полном соответствии с замыслом скульптора «прочел» его пластический образ как образ необузданного тирана-самодержца. Антокольский задумал статую «Иван Грозный» в отличие от статуи «Петр I» (1872 г.) как воплощение идеи ничем не ограниченного зла («мне именно хотелось создать из этих двух фи-

¹³ *ИРЛИ*, ф. 7, ед. хр. 10, л. 63.

¹ Д. Н. Садовников. Встречи с И. С. Тургеневым. «Русское прошлое», Пгр.—М., 1923, № 3, стр. 116.

² *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 252.

³ П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., 1966, стр. 376.

⁴ Там же.

⁵ См. об этом: *Сочинения*, т. XIV, стр. 546—547; *Письма*, т. IX, стр. 19.

⁶ В. В. Стасов. Марк Матвеевич Антокольский. В кн.: *Антокольский*, стр. XX.

⁷ «С.-Петербургские ведомости», 1871, 19 февраля, № 50; см. также: *Сочинения*, т. XIV, стр. 246—249; *Письма*, т. IX, стр. 22.

гур светлую и темную сторону жизни в русской истории)». ⁸ Художественный темперамент, ⁹ глубина психологического проникновения в образ правителя, «побалованного беззаветной властью», ¹⁰ «счастливое сочетание домашнего, всюднейного и трагического, значительного» ¹¹ надолго сделали скульптуру «Иван Грозный» объектом раздумий Тургенева. ¹² П. В. Анненкову 7 (19) октября 1871 г. он писал: «Антокольский со своим „Иваном Грозным“ наводит мои мысли на Костомарова, превосходную статью которого об Ив<ане> Грозном в „Вестнике Европы“ я прочел с величайшим удовольствием». ¹³ Речь идет о статье Н. И. Костомарова «Личность Ивана Грозного», напечатанной в октябрьском номере журнала за 1871 г. (№ 10, стр. 499—571). В ней, соглашаясь со «сложившейся под пером Карамзина» ¹⁴ точкой зрения на Ивана IV как на самодержавного деспота, Н. И. Костомаров доказывал несовместимость власти, построенной на насилии, с идеями прогресса: «. . . мы все же надеемся, что уже близко то время, когда встретить у историка похвалу насильственным мерам, хотя бы предпринимаемым или допускаемым с целью объединения и укрепления государств, будет так же дико, как было бы теперь услышать с кафедры одобрения инквизиционных пыток и сожжений». ¹⁵ Восторженный отзыв Тургенева о цитируемой статье с определенностью уясняет его позицию по отношению к исторической роли Ивана Грозного в полном соответствии со скульптурным воплощением этой идеи у Антокольского. ¹⁶

По свидетельству современников и самого скульптора, ¹⁷ успеху статуи «Иван Грозный» у русской публики в немалой степени содействовали статьи о ней Тургенева и В. В. Стасова. ¹⁸ В тот же день, когда «Заметка» Тургенева появилась в печати, автор ее в письме к П. Виардо решительнейшим образом определил творческие возможности скульптора, из произведений которого он пока знал только одно: «. . . я написал статью об этом *гениальном* <кур-

⁸ Антокольский, стр. 472.

⁹ Письма, т. IX, стр. 286.

¹⁰ Сочинения, т. XIV, стр. 247.

¹¹ Там же.

¹² Письма, т. IX, стр. 22, 147, 208, 286.

¹³ Там же, стр. 147.

¹⁴ Н. М. Карамзин. «История государства Российского», т. IX.

¹⁵ «Вестник Европы», 1871, № 10, стр. 525.

¹⁶ Этого, к сожалению, нельзя сказать о концепции некоторых современных искусствоведов, увидевших в скульптуре Антокольского «живой» портрет лица, принесшего себя в жертву на славу и процветание своей Родины» (см.: Л. В а р ш а в с к и й. Антокольский Марк Матвеевич. М.—Л., 1944, стр. 8).

¹⁷ М. М. Антокольский. Из автобиографии. — В кн.: Антокольский, стр. 953; И. Я. Гинцбург. Статуя Ивана Грозного. «Искусство», 1936, № 2, стр. 120; М. Иванов. Памяти Антокольского. «Новое время», 1908, № 9461, 3 июля.

¹⁸ В. В. Стасов. Новая русская скульптура. «С.-Петербургские ведомости», 1871, 13 (25) февраля, № 44. В литературе об Антокольском укоренилась ошибка (первый ее допустил сам скульптор, см.: Антокольский, стр. 953): утверждение, что первым в печати появился отзыв об «Иване Грозном» Антокольского Тургенева, а не В. В. Стасова. (См., например: В. Е р м о л и н с к а я. Вседневное и трагическое. «Художник», 1963, № 5, стр. 41).

сив мой, — Л. К.) маленьком скульпторе Антокольском. Нужно бить в барабаны ради него. . .».¹⁹ Необходимость «бить в барабаны» ради Антокольского возникла в особенности в связи с резким ухудшением его здоровья во время работы над скульптурой «Иван Грозный»,²⁰ требовавшим отъезда Антокольского, не имевшего для этого средств, за границу, в Италию.

Отныне с замечательным постоянством появляется в переписке Тургенева имя Антокольского.²¹ А когда в сентябре 1871 г. друзья Антокольского в Петербурге теряют его след,²² в письмах Тургенева звучит тревога о скульпторе.²³

Антокольский приехал из Италии в Париж в начале октября 1877 г. Русские в Париже переживали тогда трудное время вследствие неприязни к ним французского буржуазного общества в связи с событиями русско-турецкой войны, резкого падения курса русского рубля, убытков, понесенных держателями русских займов и тяжелого материального положения в результате этого. Антокольский, с тревогой следивший за судьбами России, попал в Париже в обстановку отчужденности, изоляции от друзей, безденежья.

Вспоминая позже этот период в своей жизни, скульптор писал: «Я приехал сюда в Париж, когда мне было уже 37 лет ²⁴ < . . . > только тогда я увидел, как мало знаю жизнь, т. е. дурные стороны жизни, я ужаснулся, краснея, слыша о ней, я бегом к Тургеневу — он же мой кумир — спрашивать, правда ли? А он в усиленном рассказывал мне еще больше ужасов, от которых волосы дыбом встали».²⁵ Действительно, одним из первых визитов Антокольского в Париже был визит к Тургеневу (см. его письмо к В. В. Стасову от 10 (22) октября 1877 г.).²⁶ Париж готовился в то время ко Всемирной художественной выставке. Готовился участвовать в ней и Антокольский, обсуждая с Тургеневым вопрос о возможно лучшем размещении на выставке своих произведений.²⁷ К выставке скульптор завершил свою новую работу «Христос перед судом народа», задуманную им задолго до приезда в Париж (1872 г.). Скульптура произвела на Тургенева большое впечатление. Ради нее он не раз посещал мастерскую Антокольского, стремясь, кроме того, познакомиться с новым произведением Антокольского своих русских и француз-

¹⁹ Письма, т. IX, стр. 22.

²⁰ И. Я. Гинцбург. Статуя Ивана Грозного, «Искусство», 1936, № 2, стр. 122.

²¹ Письма, т. IX, стр. 45, 72, 147.

²² В начале сентября 1871 г. Антокольский уехал в Вильно, а затем в Рим. О нем долго ничего не знали в Петербурге. Стасов, например, запрашивал о нем Тургенева. Дело дошло до официальных его розысков (см. запрос Академии художеств в Управу благочиния — «в какой именно державе и в каком городе за границей проживает академик Мордух Антокольский» — ЦГИА, ф. 789, оп. 14, № 18а, л. 77).

²³ Письма, т. IX, стр. 148, 152, 158.

²⁴ В 1877 г. Антокольскому было 34 года.

²⁵ Статья М. М. Антокольского в форме послания к Г. О. Гинцбургу. ГПБ, ф. 25, № 11, лл. 52, 36 (порядок листов неправилен).

²⁶ Антокольский, стр. 335.

²⁷ Письма, т. XII, кн. 1, стр. 306.

ских друзей.²⁸ Эмоциональное воздействие на него скульптуры было настолько велико, что, по свидетельству С. А. Толстой, Тургенев в Ясной Поляне так «живо описывал статую Христос Антокольского, точно все видели его».²⁹ По предположению М. П. Алексеева, «Христос перед судом народа» был одним из тех произведений, которые повлияли на Тургенева как автора стихотворения в прозе «Христос».³⁰ Созвучие со скульптурным образом Христа у Антокольского в этом стихотворении можно заметить и в описании внешности Христа, и в настроении: та же «тишина и глубина», которая присутствует в скульптуре Антокольского, стремившегося «создать эту вещь как можно проще, покойнее, народнее».³¹ Но в отличие от статуи Ивана Грозного скульптура «Христос перед судом народа» вызвала у Тургенева мысли, выходявшие за границы замысла художника. Какой же аспект так заинтересовал Тургенева в этой скульптуре? На этот вопрос помогает ответить рассказанный П. А. Кропоткиным эпизод о том, как, посетив мастерскую Антокольского вместе с ним и П. Л. Лавровым, Тургенев «настаивал», чтобы Кропоткин увидел статую Христа сверху (с лестницы), чтобы понять всю его «умственную мощь»: «... ему нужно это видеть: он революционер.»³² Для Тургенева Христос Антокольского прежде всего герой, страстно убежденный в своей идее, вставший за народ, который его же несправедливо осудил. Проблема герой и народ решалась Тургеневым в конце 70-х годов на современном ему материале народнического движения. Вопрос о взаимоотношении революционера-интеллигента с крестьянской массой был центральным в таких его произведениях, как роман «Новь», стихотворения в прозе «Порог» и «Чернорабочий и белоручка». Отстаивая в этом вопросе позицию «постепеновца»,³³ Тургенев использовал в своей полемике с друзьями-революционерами скульптуру Антокольского как некое «наглядное пособие». Этим объясняется его желание во что бы то ни стало показать П. Л. Лаврову и П. А. Кропоткину скульптуру («приеду в студию с моими революционерами»³⁴) и выше приведенный разговор в студии Антокольского с П. А. Кропоткиным.

Скульптура «Христос перед судом народа» вызвала бурную полемику.³⁵ Среди ее горячих поклонников был Тургенев.³⁶ Не исключено, что именно благодаря этому обстоятельству «первым парижским отзывом» о «Христе» Антокольского, включавшим и биографию скульптора, была статья Луи

²⁸ См.: там же, стр. 265, 295. См. также: П. А. Кропоткин. Записки революционера, М., 1966, стр. 376.

²⁹ Дневники С. А. Толстой. 1860—1891, ч. 1. М., 1928, стр. 44.

³⁰ См.: Сочинения, т. XIII, стр. 663—664.

³¹ Антокольский, стр. 113, 125.

³² П. А. Кропоткин. Записки революционера, М., 1966, стр. 376.

³³ См.: А. И. Батюто. Роман «Новь» и «процесс пятидесяти». Тургенев, Сб., вып. II, стр. 195—209.

³⁴ Письма, т. XII, кн. 1, стр. 295.

³⁵ См.: Н. Ф. Сумцов. М. М. Антокольский. Харьков, 1910, стр. 10—11.

³⁶ См.: Письма, т. XII, кн. 1, стр. 279 и 282; см. также: Сочинения, т. XIII, стр. 664.

**И. С. Тургенев. Бюст работы М. М. Антокольского. 1880. Терракота.
Государственный Русский музей (Ленинград).**

Вардо.³⁷ За скульптуру «Христос перед судом народа» Антокольский был награжден золотой медалью и Орденом почетного легиона.³⁸

К этому времени Тургенев знакомится и с другими произведениями скульптора: на Всемирной художественной выставке экспонировался горельеф «Последний вздох» («Голова Христа на кресте», 1878), высоко оцененный Тургеньевым; скульптура «Умирающий Сократ» (1877 г.) показала ему «едва ли < . . . > не замечательнее < . . . > „Христа“». ³⁹ Следует, однако, оговориться, что не все произведения Антокольского заслужили похвалу Тургеньева: неудачно считал писатель статую Петра I,⁴⁰ не одобрил он и его проекта памятника Пушкину.⁴¹ Менее удачными, чем статуи исторических и легендарных лиц, считал Тургенев и скульптурные портреты Антокольского. «Портреты не по его части», — писал он М. А. Милютиной в связи с неудачей, постигшей скульптора в работе над бюстом ее мужа.⁴² Действительно, портреты не были излюбленным видом скульптурного искусства для Антокольского и занимали в его творчестве третьестепенное место. Их немного (бюсты И. С. Тургеньева, К. Д. Кавелина, Н. А. Милютина, В. В. Стасова, А. А. Краевского, М. Г. Гинцбурга, С. С. Полякова), и, несмотря на мастерство, с каким они исполнены, — это не шедевры, какими вошел Антокольский в историю мирового искусства. Не последнюю роль в объяснении этого явления играет позиция скульптора, утверждавшего: «Чем больше эгоистов, тем больше процветают портреты».⁴³ Однако над портретом Тургеньева Антокольский работал с большим энтузиазмом. Еще задолго до приезда в Париж у скульптора созрела мысль о бюсте Тургеньева.⁴⁴ Мысль эта родилась как часть замысла портретной галереи замечательных русских людей.⁴⁵ «Очень может быть, что первая работа моя в Париже будет бюст Тургеньева», — писал он С. И. Мамонтову 23 сентября 1877 г.⁴⁶ С 1877 г. по 1880 г. Антокольский трудился над бюстом Тургеньева, вылепил два бюста, и ни один из них не принес ему удовлетворения.⁴⁷ Впервые испытывал Антокольский разочарование

³⁷ Газета «Indépendance Belge», корреспонденция с датой: Paris, 23 avril <1878>. Без подписи. Но в архиве В. В. Стасова хранится экземпляр, очевидно пересланный ему Антокольским, где подпись: «L. V. <iardot>» дописана В. В. Стасовым (его же рукой написан год). *ИРЛИ*, ф. 294, оп. 1, № 913.

³⁸ А. П. Боголюбов. Очерк. Марк Матвеевич Антокольский. *ГПБ*, ф. 82, № 7, л. 8.

³⁹ *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 300.

⁴⁰ *Письма*, т. X, стр. 49.

⁴¹ *Письма*, т. XI, стр. 77. Модель памятника Пушкину работы Антокольского хранится в Музее *ИРЛИ*.

⁴² *Письма*, т. XI, стр. 32.

⁴³ *Антокольский*, стр. 871.

⁴⁴ Там же, стр. 13.

⁴⁵ Там же, стр. 92.

⁴⁶ Там же, стр. 330.

⁴⁷ См.: *ПД, Описание*, стр. 58—59. Окончательный вариант бюста был завершен Антокольским в феврале 1880 г. (см. письмо Антокольского к П. Ф. Исееву от 7 февраля <1880 г.> *ЦГИА*, ф. 789, оп. 14, № 18а, л. 95). Подлинник бюста хранится в *ГРМ* (№ ФК-1017). Одна из копий бюста была подарена Тургеньевым дочери и перешла от нее по наследству к его внучке Жанне (см. очерк Саккара «У внучки Тургеньева» — «Иллюстрированная Рос-

в скульптуре, лишенной колористических возможностей живописи⁴⁸ (а в Тургеневе колорит мог, очевидно, привлекать художников — ср. его портреты работы А. А. Харламова, И. Е. Репина, Н. Д. Дмитриева-Оренбургского).

В связи с работой Антокольского над бюстом Тургенева с октября 1877 г. установилось постоянное и интенсивное общение скульптора с писателем. В их письмах за эти годы (друг к другу и к другим адресатам) находят отражение их общие интересы, связанные с русским искусством. Так, в одном из писем к Антокольскому Тургенев писал в январе 1879 г.: «Вчерашний наш, весьма беспорядочный (особенно с моей стороны) спор навел меня на мысль: представить в весьма сжатой речи мои воззрения на искусство и его значение».⁴⁹ То, что их взгляды не всегда совпадали, явствует и из статьи Антокольского о В. В. Стасове, где он писал, вспоминая, что «с самим Тургеневым спорить было трудно, потому что „только пустое сердце бьется ровно“».⁵⁰ Но абсолютно единодушными были они в своем пристальном внимании ко всему, что делается в России, к русскому искусству,⁵¹ в своей заботе о русских, живущих в Париже.⁵²

Переписка между Тургеневым и Антокольским охватывает 1877—1881 гг. 21 письмо Тургенева к скульптору опубликовано впервые в Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева. Это в большинстве случаев небольшие записки, и сам Антокольский писал В. В. Стасову (20 октября 1883 г.) по поводу переписки с Тургеневым: «Я чуть не забыл относительно писем Тургенева. У меня есть от него не письма, а записки, так как я с ним не корреспондировал».⁵³ Отсутствие пространной переписки между Тургеневым и Антокольским можно объяснить тем, что при постоянных их встречах в ней не было большой необходимости; но, очевидно, существовала и другая причина: писательский авторитет Тургенева мешал Антокольскому, плохо владевшему грамматикой русского языка, в его намерении «корреспондировать» с великим писателем. Даже в то время, когда после первого знакомства Тургенев потерял Антокольского из вида и усиленно его разыскивал,⁵⁴ скульптор не решился

сия» (Париж), 1933, 3 июня, № 23, стр. 14. Там же — фотография: Жанна Тургенева (Брюэр) у бюста деда, работы Антокольского).

⁴⁸ Антокольский, стр. 352. О поисках новых путей в искусстве маяния см. неопубликованное письмо Антокольского к В. В. Стасову (осень 1881): *ГПБ*, ф. 738, № 91, л. 87.

⁴⁹ Письма, т. XII, кн. 2, стр. 19.

⁵⁰ Антокольский, стр. 965, см. также стр. 151, 170.

⁵¹ Там же, стр. 350.

⁵² Тургенев и Антокольский были главными инциаторами и организаторами «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». См. об этом: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 260, 265; *Сочинения*, т. XIV, стр. 548. Антокольский считал, что «Общество» держалось исключительно авторитетом и усилиями Тургенева и после его смерти перестало играть свою объединяющую роль. См.: *Имя рек*. В ателле М. М. Антокольского. «Одесские новости», 1897, 21 июля, № 4035. После смерти Тургенева Антокольский вышел из состава Комитета «Общества» (см.: А. П. Боголюбов. Марк Матвеевич Антокольский, *Очерк. ГПБ*, ф. 82, л. 2).

⁵³ Антокольский, стр. 516.

⁵⁴ См.: Письма, т. IX, стр. 152, 158.

вступить с ним в переписку и обратился к В. В. Стасову (17 (29) апреля 1872 г.): «Когда придет Тургенев? ⁵⁵ <. . .> Я бы сам написал ему, только не хочу беспокоить его моим карикатурным слогом». ⁵⁶ Все это объясняет и тот факт, что два известных нам письма Антокольского к Тургеневу написаны под диктовку скульптора его учеником Я. И. Зильберманом. ⁵⁷ Самокритично утверждая, что он владеет «лучше резцом, чем пером», ⁵⁸ Антокольский не раз обращался к Тургеневу с просьбой о составлении официальных писем и бумаг. ⁵⁹ Тургенев же наряду с неправильностями языка Антокольского ⁶⁰ отмечал его «своеобразие» — «пахнет каким-то особенным букетом» ⁶¹ — и всячески содействовал тому, чтобы Антокольский написал и издал свои автобиографические «Записки». ⁶²

Получив тяжелое известие о смерти Тургенева, Антокольский писал в Россию: ⁶³ «Я много нашел в нем, а потому много и потерял». Ревниво следя за всем, что делалось после смерти Тургенева по увековечению его памяти, ⁶⁴ и принимая в этом активное участие, ⁶⁵ Антокольский был убежден, что «когда-нибудь построят национальный музей в Петербурге», куда «с благоговением» придет «потомство», ⁶⁶ чтобы почтить память великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева.

Л. И. Кузьмина

ТУРГЕНЕВ — ИЗДАТЕЛЬ ПИСЕМ ПУШКИНА К Н. Н. ПУШКИНОЙ

«Пушкин, — писал Тургенев Стасюлевичу 15 (27) марта 1874 г., — это мой идол, мой учитель, мой недосыгаемый образец — и я, как Стаций о Виргилии, могу сказать каждому из моих произведений: „Vestigia semper adora“». ¹

Слова Тургенева образно и точно характеризуют проходящее через всю его жизнь личное и творческое отношение к Пушкину, а ту же цитату из

⁵⁵ Тургенев в апреле 1872 г. был в Париже и выехал в Петербург в начале мая.

⁵⁶ Антокольский, стр. 13.

⁵⁷ Там же, стр. 1005—1012. — Письма эти были переданы вдовой скульптора Е. Ю. Антокольской через его ученика И. Я. Гинцбурга в 1904 г. В. В. Стасову (см. письмо И. Я. Гинцбурга к В. В. Стасову от июля 1904 г.: ГПБ, ф. 738, № 127).

⁵⁸ Антокольский А. Н. Пыпину, без даты. ГПБ, ф. 621, № 31, лл. 28 и 29.

⁵⁹ Письма, т. XII, кн. 2, стр. 19 и 24.

⁶⁰ П. А. Кропоткин. Записки революционера, М., 1966, стр. 376.

⁶¹ Антокольский, стр. 586.

⁶² Очевидно, именно Тургенев поручил их редактирование А. Н. Лукиной. См.: там же.

⁶³ Е. Г. Мамонтовой (август 1883): там же, стр. 511.

⁶⁴ Там же, стр. 511, 517, 645.

⁶⁵ См.: Тургенев, Сб., вып. IV, стр. 280—281.

⁶⁶ Там же, стр. 282.

¹ Письма, т. X, стр. 213 и 593. Перевод цитаты: «Следы <прошлого> всегда обожай» (лат.); см.: Публий Папиний Стаций (ок. 40—95 н. э.). Фиваида, песнь XII, ст. 817. См. также: Тургенев, Сб., вып. III, стр. 388.

древнеримского поэта он повторил четыре года спустя в предисловии «От издателя» при публикации писем Пушкина к невесте и жене, Н. Н. Гончаровой-Пушкиной.²

Это издание писем поэта — одно из важнейших (не считая, разумеется, речи по поводу открытия московского памятника, 7 июня 1880 г.) среди многочисленных общественно-литературных выступлений Тургенева, связанных с Пушкиным, — лекции, статей, переводов, публикаций всякого рода на русском и французском языках с 50-х годов и почти до конца жизни писателя. Поэтому, несмотря на то что история опубликования писем Пушкина известна в основных чертах довольно хорошо,³ не лишним будет привести некоторые сведения, дополняющие наш краткий комментарий в XV томе *Сочинений*.

Переговоры Тургенева с дочерью Пушкина гр. Н. А. Меренберг⁴ о публикации писем ее отца, хранившихся у нее, начались весной (не позднее середины марта) 1876 г. Когда и как они познакомились, в точности неизвестно: вероятно, в Париже, где Тургенев прожил всю зиму 1875—1876 гг. и куда гр. Меренберг могла приезжать из Висбадена — места ее постоянного пребывания. К сожалению, переписка между ними, возникшая в связи с передачей и изданием писем Пушкина, до нас не дошла, кроме двух позднейших писем Н. А. Меренберг к М. М. Стасюлевичу.⁵ Как бы то ни было, Тургенев в один и тот же день, 23 марта (4 апреля) 1876 г., извещил о получении им «вчера» писем Пушкина своих постоянных корреспондентов — М. М. Стасюлевича и П. В. Анненкова. Первому он, выполняя поручение гр. Меренберг «найти издателя», предложил напечатать письма в «Вестнике Европы» (см.: *Письма*, т. XI, стр. 241), что и было принято Стасюлевичем. От второго — своего всегдашнего консультанта в литературных (и особенно в литературно-общественных) вопросах — он хотел узнать его мнение о возможности издания писем — и узнать притом «теперь же», до того, как он увидится с до-

² «Вестник Европы», 1878, № 1, стр. 8.

³ См.: *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 603—606; *Сочинения*, т. XV, стр. 114—115. Другие указания на библиографию вопроса будут приведены ниже.

⁴ Графиня Наталья Александровна Меренберг (23 мая 1836—10 (23) марта 1913) — младшая дочь Пушкина; в первом браке была за гвардейским офицером Михаилом Леонтьевичем Дубельтом (1822—1900), сыном известного жандармского генерала Л. В. Дубельта, в прошлом помощника А. Х. Бенкендорфа по управлению III отделением и по надзору за Пушкиным. Брак оказался несчастливим. К концу 50-х годов они разъехались, и Н. А. Дубельт осталась без средств. Тогда ее мать Н. Н. Ланская (Пушкина) незадолго до своей смерти передала ей все письма поэта, хранившиеся у нее и предназначенные сначала в наследство старшей дочери, Марии Александровне Гартунг, с тем чтобы они могли послужить младшей дочери материальной поддержкой в трудную минуту. См.: А. П. Арапова. Н. Н. Пушкина-Ланская. Иллюстр. приложение к газете «Новое время», 1908, 19 и 23 января, №№ 11442 и 11446; см. также письмо Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 7 (19) июня 1876 г.: *Письма*, т. XI, стр. 273; то же подтверждает П. И. Бартенев: «Русский архив», 1912, № 1, обложка. — Разойдясь с мужем и добившись развода, Н. А. Дубельт в 1868 г. вторично вышла замуж за германского принца Николая Нассауского. Вследствие того что она не принадлежала по рождению к владетельному дому, брак их был морганатическим, и она получила титул и фамилию графини Меренберг.

⁵ *Стасюлевич*, т. III, стр. 654.

черью Пушкина в Висбадене, по пути в Россию (эта встреча состоялась там 19—20 мая ст. ст.).⁶ Мнение Анненкова было ему тем более важно, что издатель и биограф Пушкина, имевший к переписке поэта давние и непосредственные отношения, мог дать ему ценные указания. «Я не успел еще прочесть их <т. е. письма>, — писал Анненкову Тургенев, — но увидел на обложках несколько замечаний, писанных Вашей рукою, из которых я мог заключить, что Вам эти письма известны <. . . > Напишите об них мне два слова — и почему они не были напечатаны до сих пор, хотя по всему было видно, что они были приготовлены к печати, так что даже некоторые места обведены карандашом как подлежащие к исключению? <. . . > Я бы желал знать Ваше мнение теперь же».⁷ Анненков тотчас отвечал длинным письмом, в котором выразил и свое резко отрицательное отношение к торгашеским замыслам дочери Пушкина, и свои сомнения в возможности и целесообразности публикации полного текста писем без их литературно-исследовательской обработки в виде биографического «этюда» — в том роде, в каком был таким мастером сам Анненков.

«А что касается до писем Пушкина, — писал он Тургеневу 4 (16) апреля 1876 г. из Баден-Бадена, — то вот уже 5—6 лет, как графиня > Нассау-Дубельт продает свой секрет на всех площадях. Если Вы пробежали эти действительно драгоценные (для умного биографа) письма, то вы увидели, конечно, что они похожи на разговоры мужа с женой в 4-х стенах их спальни о людях и вещах. И вот дочка собирается показать народу папашу и мамашу нагишом, без всякой биографической рубашки — и притом за деньги. О покупателе она не заботится — будь хоть жид или первейший негодяй, рассчитывающий на выгоду скандала, лишь бы деньги дали. В 1869 г. она предлагала эти письма Каткову, мне, Соллогубу в Петерб. <урге>, кн. Львову — всем встречным и поперечным, и в эти дорогие и деликатнейшие излияния поэта, раскрывающие его семейное горе, погружались бесчестные глаза — это всем хорошо известно — Антропова, Маркевича и др.; господа эти, полагаю, даже и выписали из них наиболее резкие места. Теперь эта обесчещенная переписка вам препровождена на комиссию: поместите ее в какой-либо публичный дом. Если бы я располагал какими-либо свободными деньгами, я бы купил эту исповедь Пушкина и, может быть, сделал бы из нее небезынтересный этюд, во всяком случае этюд приличный и поясняющий дело. В таком виде переписке этой и следовало бы явиться по крайней мере на свет, а не так, как замышляет Меренберг-Дубельт, — т. е. получить деньги и бросить фамильную святыню в уличный ручей — пусть, кто хочет, тот и добудет ее вонючим крючком оттуда. На беду какая-то дама из самого высшего света нашего и умеющая читать по-русски сказала Меренберг, что за эту рукопись

⁶ Письма, т. XI, стр. 240; о встрече в Висбадене с гр. Меренберг см. в письме Тургенева к Ю. П. Вревской от 20 мая (1 июня) 1876 г.: там же, стр. 262.

⁷ Там же, т. XI, стр. 240; — обложки, упоминаемые Тургеневым, не сохранились (см. ниже, стр. 404). Отрывки из писем Тургенева к Анненкову по поводу издания писем Пушкина впервые опубликованы М. П. Алексеевым в рецензии на I том Писем Пушкина под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского (ГИЗ, М.—Л., 1926). «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», 1928, т. I, кн. 1, стр. 313. (Эта публикация не отмечена в примечаниях: Письма, т. XI, № 3903; т. XII, кн. 1, № 4498).

в России дадут ей 20 тысяч рублей. Шесть лет тому назад Графиня и требовала эту сумму в России, но, конечно, никто не дал ей и рубля, да и зачем давать, когда все уже *gratis* попользовались ею. Не знаю — насколько сбилась она теперь цену с своего товара, но знаю, что ей ничего другого не остается, как предоставить его, через посредника или лично, — берлинской или лейпцигской русской печати наравне с Ткачевыми, Эльпидинными и проч., разве найдется тароватый русский, который приобретет его из пиетета к имени Пушкина. Вот мое мнение, которое сложилось у меня не со вчерашнего дня».⁸

У нас нет сведений о переговорах Н. А. Меренберг с названными Анненковым лицами — М. Н. Катковым, В. А. Соллогубом, кн. Львовым (которые — трудно сказать); имена врагов Тургенева — Л. Н. Антропова, Б. М. Маркевича — достаточно известны из его переписки и публицистики, чтобы понять возмущение Анненкова.⁹ Но известен один — и весьма характерный — случай торговли дочери Пушкина письмами отца, относящийся к 1866 г., т. е. всего через три года после смерти ее матери: Н. А. Дубельт вступила в переговоры с книгопродавцем и издателем сочинений Пушкина Я. А. Исаковым о продаже ему писем. Сделка не состоялась, но замечателен совершенно безграмотный перечень писем, составленный по поручению Н. А. Дубельт неким бароном Гротгусом, не знавшим русского языка, сохранившийся при черновике письма Исакова к младшей дочери Пушкина.¹⁰ Позднее, в 1873 г., слух о том, что живущая в Висбадене дочь Пушкина имеет «много писем отца, писанных к матери и проч., которые продавались (!!) когда-то в Москве», дошел до М. П. Погодина, и взволнованный историк в письме к П. А. Вяземскому просил его «их выручить или сказать о том гр. Корфу, который живет в Висбадене», — в надежде на то, что «Пушкина, или герцогиня Нассауская, не имеет теперь ведь нужды в деньгах и позволит хоть списать их».¹¹

⁸ Письмо не издано; краткое изложение его содержания см.: *Письма*, т. XI, стр. 592; подлинник: *ИРЛИ*, ф. 7, № 11, лл. 22—23.

⁹ Л. Н. Антропов (1843—1884) — сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей», выступавший резко враждебно Тургеневу. См.: *Письма*, т. IX, по указателю имен; *Сочинения*, т. XI, стр. 464—465. Б. М. Маркевича, реакционного романиста и публициста, Тургенев позднее, как известно, сатирически изобразил в «Нови» (в лице Калломейцева и одновременно его друга «Ladislav», см.: *Сочинения*, т. XII, стр. 514—516); о столкновениях Тургенева в печати с «Иногородным обывателем» (псевдоним Маркевича) см.: *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 608—612, 675—678; см. также: *Сочинения*, т. XV, стр. 184—185. Упоминаемые далее в письме Ткачев и Элпидин — П. Н. Ткачев (1844—1885), известный революционный народник и критик, с 1873 г. эмигрант, выступал в «Деле» с резкой критикой повести Тургенева «Вешние воды» (*Сочинения*, т. XI, стр. 468); М. К. Элпидин (ок. 1835—1908) — участник революционного движения, эмигрант, основатель вольной русской типографии в Женеве. Анненков намекает на то, что письма Пушкина по резкости и открытости своих суждений могли бы заинтересовать эмигрантскую вольную печать.

¹⁰ Эти документы напечатаны Б. Л. Модзалевским в Предисловии к Письмам Пушкина, т. I, ГИЗ, 1926, стр. XIV—XV; в этой публикации Н. А. Дубельт ошибочно названа «старшей дочерью поэта». Подлинник: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 7, № 62.

¹¹ См.: Письма Пушкина, т. I, стр. XIV—XV; первоначально: «Старина и новизна», кн. IV, 1901, стр. 100—101. — М. А. Корф, лицейский товарищ Пушкина, был в то время директором имп. Публичной библиотеки.

Все эти обстоятельства, вероятно известные Анненкову так же, как и другие, отразившиеся в его письме, не могли не вызывать в нем тревоги; но они же побуждали Тургенева энергично взяться за дело и убедить Стасюлевича приобрести от Н. А. Меренберг, установив ее право распоряжаться этими документами,¹² письма Пушкина для напечатания их в «Вестнике Европы». И Стасюлевич, хорошо понимая не только культурное значение этой публикации, но и выгоду ее для журнала, согласился приобрести у владелицы право на их опубликование, не приобретая, однако, самих автографов и обязуясь сделать Тургенева их ответственным редактором, как того хотела дочь Пушкина.¹³

Что касается знакомства Анненкова с письмами Пушкина к жене, то сохранившиеся в его архиве и частично опубликованные Б. Л. Модзалевским документы¹⁴ показывают, что еще в начале 50-х годов, когда его братья, И. В. и Ф. В. Анненковы, по договоренности с Ланскими приступали к набору рукописей и писем поэта для предстоящего издания (позднее переданного всецело на попечение их более сведущего брата — литератора), они заинтересовались не только рукописями Пушкина, но и его письмами к жене, полученными от Н. Н. Ланской. Копии с этих писем, снятые (не очень умело) рукой Ф. В. Анненкова, частично сохранились в анненковском архиве.¹⁵ Здесь сначала идут полные копии писем Пушкина из его путешествия 1833 г., затем выписки из писем 1834 г., причем выписываются по преимуществу наиболее острые высказывания общественно-политического характера. По всей вероятности, это — наиболее ранняя стадия занятий братьев Анненковых письмами Пушкина — занятый, не доведенных до конца и не отразившихся в дальнейших работах П. В. Анненкова.

Самым интересным среди документов, относящихся к работе Анненкова над письмами Пушкина, является еще один сборник эпистолярных материалов, недавно ставший известным. Дело заключается в следующем.

В 1966 г. писатель Б. Н. Полевой — вице-президент Европейского общества культуры — получил сведения о том, что в Висбадене (ФРГ), у правнучки гр. Н. А. Меренберг (и, следовательно, праправнучки Пушкина) — Клотильды фон Ринтелен,¹⁶ — хранятся какие-то автографы поэта.

¹² В письме к Стасюлевичу от 7 (19) июня 1876 г. Тургенев сообщал: «Дочь Пушкина сказала мне, что мать ее подарила ей эти письма — аves plein pouvoir <уполномочив ее> делать с ними, что хочет. . .» В это время он не был уверен, «жива ли вдова Пушкина», но добавлял: «Впрочем, это <т. е. завлечение гр. Меренберг о праве распоряжаться письмами> нужно принять к сведению» (*Письма*, т. XI, стр. 273).

¹³ Последнее видно из предисловия Тургенева «От издателя» к публикации писем Пушкина. (*Сочинения*, т. XV, стр. 114—115). См. также ниже, стр. 412.

¹⁴ См. статью «Работы П. В. Анненкова о Пушкине» (в кн.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», 1929), где на стр. 351—371 опубликованы документы, извлеченные из бумаг Анненкова; подлинники: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 7, № 61; оп. 17, № 87.

¹⁵ В публикацию Б. Л. Модзалевского они не вошли; подлинники: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 7, № 18.

¹⁶ Сын гр. Н. А. Меренберг от брака ее с принцем Николаем Нассауским (1832—1905) — гр. Георг-Николай Меренберг (1871 — ум. после 1945), женатый на дочери Александра II от его морганатического брака с княжной Е. М. Долгорукой (св. кн. Юрьевской) — княжне Ольге Александровне Юрьевской (1873—1925), — имел сына, гр. Георга Михаила-Александра

По поручению Союза писателей СССР в начале 1967 г. в Висбаден отправился И. Л. Андроников. Переговоры его с г-жой фон Ринтелен привели, однако, к неожиданному и разочаровывающему результату: рукописи, которые в семье Меренберг и Ринтелен считались автографами Пушкина (прочсть же их они не могли, так как давно потеряли связи с русской культурой и не знают русского языка), оказались копиями его писем к жене. По просьбе И. Л. Андроникова, владелица согласилась принести документы в дар Советскому Союзу — и в настоящее время они находятся в Пушкинском доме.¹⁷

Копии сохранились далеко не полностью, многих писем не хватает, иные без начала или без конца; имеющиеся в наличии относятся к 1831—1835 гг. Почерк копий писарский, середины XIX в. В текстах много пропусков, сделанных, вероятно, в соответствии с теми отчеркиваниями карандашом на подлинниках, о которых запрашивал Тургенев Анненкова в письме от 23 марта (4 апреля) 1876 г. (см. выше). Но почти все эти пропуски и многие другие на месте неразобранных переписчиком слов заполнены рукою П. В. Анненкова. Им же записаны, после каждого письма, его адрес и почтовые штемпеля, иногда — соображения о датировке; в некоторых случаях им зачеркнуты строки, намеченные к исключению. И его же рукою надписаны сохранившиеся три обложки, пронумерованные переписчиком, на первой из которых читаем: «№ 3-й. Письма 1831. Копии с полным соблюдением правописания и пунктуации оригиналов».¹⁸ Здесь же — помета карандашом, рукою М. М. Стасюлевича: «№. Первые 2 нумера высланы Тургеневу в Париж». Эти первые две обложки заключали, очевидно, письма Пушкина на французском языке (в таких же копиях? или в подлинниках?) к невесте, Н. Н. Гончаровой, за 1830 г., что и объясняет слова Тургенева в цитированном письме к Анненкову: «...увидел на обложках несколько замечаний, писанных Вашей рукою, из которых я мог заключить, что Вам эти письма известны» (*Письма*, т. XI, стр. 240). Так оно и было; копии, по-видимому, делались по указаниям Анненкова, быть может, еще при жизни Н. Н. Ланской-Пушкиной, для предполагавшегося их издания или, вернее, для обработки их в виде «этюда». Затем они оставались у Н. А. Меренберг и в 1876 г. побывали (частично по крайней мере) в руках Тургенева; подлинники их, в процессе подготовки писем к публикации в «Вестнике Европы», были отосланы Стасюлевичу, и с них в Петербурге сняты копии, — но, конечно, не те, о которых мы сейчас говорили.

(1897—1965), офицера прусской армии; дочь последнего от второго брака — гр. Клотильда Меренберг (род. 1941) — состоит в замужестве за д-ром Энно фон Ринтелен.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 7, № 87.

¹⁸ Такого же содержания (в иных формулировках) надписи Анненкова на двух других обложках: «№ 4-й. Письма 1832 г. Копии с точным соблюдением правописания оригиналов» и «№ 5-й. Письма 1833 года. Копии с сохранением правописания подлинников». Приблизительно то же распределение по годам и по номерам обложек или пакетов (только с рядом ошибок) дает безграмотный список барона Гротгуса, напечатанный Б. Л. Модзалевским (Пушкин. Письма, т. I. ГИЗ, 1926, стр. XIV—XV), о котором упоминалось выше, и так же — по биографическим периодам — распределены они в публикации «Вестника Европы».

Таким образом, ясно, что Анненков в несколько приемов и очень внимательно изучал семейные письма Пушкина, думая их как-то обработать. В его «Материалах для биографии А. С. Пушкина» (Сочинения Пушкина, т. I. Изд. П. В. Анненкова, СПб., 1855) письма поэта к Н. Н. Пушкиной почти не отражены: отрывок одного из них — от 2 октября 1833 г. — кратко и вольно излагается на стр. 372—373; другое — от 24 апреля 1834 г. — приведено почти полностью на стр. 389—390;¹⁹ о последнем упоминается как о письме «к семейству, в дороге» в «Алфавитном указателе всех произведений в прозе», напечатанных в семи томах издания (Сочинения Пушкина, т. VII, 1857, стр. 191 второй пагинации). Дать больше Анненков, очевидно, тогда не имел возможности.

Сомнения П. В. Анненкова в целесообразности публикации полного текста писем Пушкина к жене объяснялись не только их интимным, семейным характером, полной свободой в выражениях, в языке и стиле, откровенными, резкими отзывами о правительственных и придворных кругах, о самом Николае I, но и общим тогда отношением к обнародованию личной переписки недавно умерших писателей и других деятелей, многие адресаты которых, друзья и близкие, были в момент публикации еще живы. Правда, люди наиболее передовые хорошо понимали значение личной переписки для биографии писателя: сам Пушкин, через полгода после смерти Дельвига, уже думал о том, чтобы «со временем» напечатать письма к нему умершего друга, и притом в виде двусторонней переписки, соединив их со своими письмами.²⁰ Но первая попытка публикации полных текстов писем Пушкина к его брату, М. С. Пушкину, предпринятая другом обоих С. А. Соболевским в «Библиографических записках» 1858 г. — т. е. в специальном, мало распространенном издании и в период относительного ослабления цензурных строгостей, — вызвала резкие возражения со стороны такого, казалось бы, просвещенного человека, как П. А. Вяземский (бывший тогда товарищем министра народного просвещения), и официальный протест сына поэта, Г. А. Пушкина, основанный на положениях Цензурного устава.²¹ После этого «семейные» письма

¹⁹ «Здесь попадаетеся нам листок из семейной переписки его. Благоухание тихой домашней жизни, которым он проникнут, вероятно, оправдает сообщение этой тайны» (стр. 389). Это письмо не вошло в публикацию Тургенева, так как подлинник его (теперь: *ИРЛИ*, № 602) остался после 1855 г. в бумагах П. В. Анненкова.

²⁰ См. письмо Пушкина к М. Л. Яковлеву от 19 июля 1831 г.: *Пушкин*, т. XIV, стр. 193—194.

²¹ См. в статье С. А. Переселенкова «Материалы для истории отношений цензуры к А. С. Пушкину» («Пушкин и его современники», вып. VI, стр. 34—41). Сводку данных о публикации писем Пушкина после его смерти см. в цитировавшемся выше Предисловии Б. Л. Модзалевского к «Письмам Пушкина» (т. I, 1926, стр. IX—XIV). Ср. в статье М. П. Алексева «Письма И. С. Тургенева», (*Письма*, т. I, стр. 81—137) историю публикации писем самого Тургенева, и в особенности «Первого собрания» их (1884). Здесь отмечена журнальная полемика, возникшая вокруг этого издания, отрицательные отзывы о нем многих влиятельных критиков, обвинявших редакцию сборника в бестактности, в том, что она оказала «плохую услугу» писателю, обнародовав его интимные письма, и т. д.

Пушкина не появлялись в печати вплоть до издания, предпринятого Тургеньевым.

Отсюда понятны сомнения, высказанные П. В. Анненковым в приведенном письме к Тургеньеву. Последний, ознакомившись с письмами Пушкина и получив письмо своего литературного советника, также поколебался в своем намерении издать документы, полученные от гр. Меренберг, и в следующем же письме к Стасюлевичу (от 8 (20) апреля 1876 г.) изложил свои соображения, почти дословно повторяя мысли, высказанные Анненковым. «Насчет писем Пушкина! — писал он. — Они крайне любопытны, — но, насколько удобны к печати, это другой вопрос. < . . > эти письма скорее могли бы быть предметом биографического „этюда“ (выражение Анненкова в его письме) — чем поступить голым материалом в литературно-публичный водоворот» (*Письма*, т. XI, стр. 249—250).

Однако, переговорив с Анненковым в Баден-Бадене (17—19 (29—31) мая) и с гр. Меренберг в Висбадене, где он пробыл часть того же дня 19 (31) мая и часть следующего — 20 мая (1 июня), Тургеньев договорился со Стасюлевичем при личном свидании в Петербурге, что он, Тургеньев, будет продолжать переговоры с дочерью Пушкина и примет на себя редактирование писем. Тогда же, очевидно, он передал подлинники писем Стасюлевичу, чтобы снять с них полные копии и «послать переписанную рукопись (с выключенными местами) в Париж». «Я бы, конечно, не задержал одной минуты», — добавлял он в своем письме из Спасского (там же, стр. 288)

Дальнейшая история подготовки издания прослеживается, в ее главных чертах, по письмам Тургеньева к Стасюлевичу (ответы последнего, к сожалению, не сохранились). «Безалаберная» графиня Меренберг, «хотя любезная, но взбалмошная и легкоголовая барыня» (как называл ее Тургеньев), согласилась на условия, предложенные издателем «Вестника Европы», «но желала бы непременно, — писал Тургеньев 22 июня (4 июля) из Спасского Стасюлевичу, — чтобы я окончательно просмотрел и решил: какие места исключить должно. Мне, мол, она довернется „aveuglement“ «слепо»» (там же, стр. 287 и 288). Однако ни летом 1876 г. в Спасском, ни осенью в Буживале подготовка писем к изданию не была начата: все это время Тургеньев был всецело захвачен работой над «Новью», продолжавшейся до начала ноября.²² А главное — гр. Меренберг внезапно переменяла намерения, и «опять всё расклеилось», как писал Тургеньев Стасюлевичу 17 (29) августа (*Письма*, т. XI, стр. 308). Графиня требовала «возвращения ей отцовских писем» (там же). Этого, к счастью, не было сделано, но работа над письмами прекратилась надолго.²³

²² *Сочинения*, т. XII, стр. 491—492, 499; *Письма*, т. XI, стр. 334, 335, 337, 339, 343—344, 348, 350 и др.

²³ В письме к Стасюлевичу от 24 августа (5 сентября) 1876 г. Анненков спрашивал: «. . . приобрели ли Вы, или отклонили от себя переписку Пушкина, которую, по поручению прежней Дубельт, а нынешней графини Меренбергши (дочери Пушкина), Тургеньев собирался Вам предложить? Переписка очень любопытна < . . > хотя из пиэкета к Пушкину — я всегда отговаривал дочь его накладывать руку на отца и отдергивать занавесы постели. . . но так как она не чувствует к этому ни малейшего отвращения, то

Когда и как возобновились переговоры Тургенева и Стасюлевича с дочерью Пушкина, когда началась редакторская работа Тургенева над письмами, об этом у нас нет точных сведений. Но в письме от 24 сентября (9 октября) 1877 г. Тургенев сообщал Стасюлевичу о получении письма от гр. Меренберг, «в котором она заранее и с благодарностью на всё соглашается — и желает только, чтобы я продержал корректуру», — и замечал: «Вы, вероятно, скоро приступите к печатанью пушкинских писем» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 213).

Отсюда начинается новый — и важнейший — этап в истории публикации Тургеневым писем Пушкина. Уже 2 (14) ноября 1877 г. писатель извещал Стасюлевича о том, что «первые два листа корректуры пушкинских писем» им получены и что он «внимательно их перечел, сличил с оригиналом, выправил» и «сегодня же» мог бы отправить обратно, «если бы, — замечает он, — мы не ждали в Париж Анненкова, которому я также желаю показать корректуру» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 225). «Оригиналом» Тургенев называет, конечно, не подлинники, которые, как это видно из дальнейших писем, оставались в Петербурге у Стасюлевича, но снятые с них полные копии, по которым редактор (или «издатель», как он себя называет) — Тургенев — мог видеть орфографию и пунктуацию Пушкина и судить о том, что в наборе, по указаниям Стасюлевича, было выпущено или завуалировано. При этом, так как французские тексты писем Пушкина к невесте, Н. Н. Гончаровой, 1830 г., и одно письмо к ее матери, Н. И. Гончаровой, 1831 г. (всего 14 документов, или 13 по нумерации издателей, так как два письма — 26 ноября и около 1 декабря 1830 г. — сочтены за одно под № 11) решено было публиковать в русских переводах, последние были выполнены кем-то в Петербурге, набраны и присланы в Париж вместе с копиями французских текстов.²⁴

уже хотелось бы, чтобы переписка попала в порядочные руки и напечатана была с некоторыми необходимыми выпусками, приличием требуемыми. А, может быть, и всё дело это упало в воду и Вы ничего не знаете о нем. Tanto meglio «Тем лучше — *итал.*», но уведоьте» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 331).

²⁴ Копии, бывшие в Париже в распоряжении Тургенева, не сохранились, за исключением одной, — с первого письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой от 20 июля 1830 г. (*Пушкин*, т. XIV, стр. 102 и 329, № 506). Эта копия (оставшаяся нам недоступной) входит в собрание писем Пушкина к невесте, бывшее в руках Н. А. Меренберг, а теперь принадлежащее С. М. Лифарю в Париже. Подлинник письма утрачен и был, по-видимому, еще гр. Меренберг или ее дочерью, гр. Торби, заменен этой копией. Когда и как он отделился от собрания — неизвестно, но предположение М. Л. Гофмана о том, что, «по всей вероятности», он был утерян при печатании писем Пушкина в «Вестнике Европы», едва ли справедливо; скорее всего, он был подарен кому-нибудь гр. Меренберг после опубликования (см. замечания об этом в кн.: М. Л. Гофман и Сергей Лифарь. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Юбилейное издание. 1837—1937. «Париж, 1935—1936», стр. 23 и 30). Так она поступила с двумя другими письмами Пушкина к невесте — около 29 октября 1830 г. (в публикации Тургенева № 8; теперь в *ИРЛИ*, № 527), переданным ею своей старшей дочери от первого брака, Н. М. Дубельт, в замужестве Кондыревой, — и около 1 декабря 1830 г. (в публикации Тургенева «к № 11»; теперь в *ИРЛИ*, № 530), подаренным ею врачу В. Б. Бертенсону; то же от-

Задержав работу на несколько дней из-за приступа подагры, Тургенев послал «тщательно выправленную» корректуру первой (переводной с французского) половины писем Пушкина при письме к Стасюлевичу от 15 (27) ноября 1877 г.; остальные тексты были отосланы при письмах от 16 (28) ноября и 19 ноября (1 декабря) (см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 229, 231, 232).

Многочисленные вопросы в этих и следующих письмах, а также выправленная Тургеневым корректура, сохраненная Стасюлевичем и теперь находящаяся в Пушкинском доме,²⁵ показывают, как внимательно и углубленно отнесся писатель-публикатор к принятой им на себя — в его глазах исключительно почетной и ответственной — задаче. При этом ему приходилось не только править прямые опечатки, допущенные в наборе, но исправлять — нередко по догадке — ошибочные чтения неразобравных переписчиком слов, что было нелегко при отсутствии подлинников писем, находившихся у Стасюлевича в Петербурге; он должен был исправлять и литературно обрабатывать русские переводы французских писем к невесте; наконец — и это было едва ли не главной его задачей, как редактора этих очень интимных, откровенных и порой политически острых текстов, — он должен был назначить места, подлежащие изъятию или сокращению и обработке (зауваливанию имен и т. д.). Очень заботила его орфография и пунктуация писем Пушкина, в которых он мог сомневаться, имея перед глазами лишь копии, без оригиналов. Наконец, он чувствовал и свою неподготовленность к изданию таких трудных в историко-биографическом смысле текстов: «Многие поименованные лица мне неизвестны, — писал он Стасюлевичу 15 (27) ноября; — это дело комментатора (Ефремова?) — если он сочтет нужным разъяснить их» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 229). Из этих слов можно вывести заключение, что предполагалось снабдить издание писем подробным комментарием, разъясняющим множество упоминаемых в них имен и фактов. Но это не удалось, вероятно, потому, что Стасюлевич спешил с публикацией, желая именем Пушкина начать новый, 1878 год своего журнала. И уже по выходе в свет этого первого номера «Вестника Европы» Тургенев писал Анненкову: «. . . комментария я, по неведению отдельных фактов, составить не мог; говорено было об Ефремове, о Пышине. . . но всё это упало в воду» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 261). Письма вышли в свет с немногими, совершенно незначительными и случайными подстрочными примечаниями, сделанными, вероятно, самим Стасюлевичем, составившим и заголовки к биографическим периодам, по которым

посылается к первому письму Пушкина к жене из Москвы, 6 декабря 1831 г. (*ИРЛИ*, №№ 571 и 1449), которое было разрезано пополам еще до издания в «Вестнике Европы», причем конец письма остался у Н. А. Меренберг и был напечатан Тургеневым (под № 14), а начало оказалось в 1913 г. в альбоме С. Н. Шуваловой (Тургенев дважды в письмах к Стасюлевичу выражал недоумение по поводу этого явно неполного письма, см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 230 и 234).

²⁵ *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 3, № 133; см.: «Сведения о рукописях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1903 г.», СПб., 1904, № 103, стр. 78—79, сост. В. И. Срезневским; то же: *Пушкин и его современники*, вып. II, 1904, стр. 12—13. Пояснения к вопросам и замечаниям Тургенева в письмах к Стасюлевичу см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 613—616.

разбиты письма. Такой же случайный, мало поясняющий содержание писем характер носит и редакционное предисловие к публикации, принадлежащее также Стасюлевичу, в котором следует отметить лишь указание на то, что гр. Н. А. Меренберг²⁶ «поручила Ив. С. Тургеневу взять на себя просмотр и приведение в порядок этой переписки, а вместе и окончательное решение вопроса, что из текста писем может быть допущено в печать и что должно быть исключено: или как имеющее исключительно интимный, семейный характер, или как вообще неудобное для печати» («Вестник Европы», 1878, № 1, стр. 9—10).

Наибольшее количество поправок в корректуре вызвали со стороны Тургенева переводы французских писем Пушкина к невесте, не очень точно и умело выполненные в редакции «Вестника Европы». Правка его касается не только стилистических погрешностей, но и смысловых; однако стилистика нередко исправляется в ущерб точности, например: в тексте (конец августа 1830 г.): «*que le bonheur était fait pour moi*», в наборе: «что счастье было сделано для меня», исправление Тургенева: «что я был создан для счастья» (в современных изданиях: «что счастье создано для меня»); в тексте (11 октября 1830 г.): «*Je deviens si imbécile, que c'est une bénédiction*», в наборе: «Я делаюсь таким ничтожным, что это настоящее благословение небес», исправление Тургенева: «Я становлюсь совершенным идиотом: как говорится, до святости» (в современных изданиях: «Я так глупо, что это просто прелесть»); в тексте (26 ноября 1830 г.): «*et je ne demandais pas mieux que la peste*», в наборе: «и главным образом требовал справедливого», исправление Тургенева: «и главным образом я тогда готов был радоваться чуме» (в современных изданиях: «и я не желал ничего лучшего, как заразы») и проч.

Непонятным представляется нам исправление, внесенное Тургеневым в ошибочный перевод начала первого письма (от 20 июля 1830 г.) и оставляющее перевод столь же неверным: в тексте:²⁷ «*J'ai l'honneur de vous présenter mon frère (qui vous trouve si jolie pour son propre compte et que je vous supplie de bien recevoir malgré cela)*», в наборе: «Имею честь вам представить моего брата, которого вы находите миленьким, независимо от всего прочего, но, несмотря на то, умоляю вас принять его благосклонно», исправление Тургенева: «. . . которого вы находите таким хорошеньким, независимо от того, что он мне брат; но. . .» (в «Вестнике Европы» «несмотря на то» переделано на «при всем том»); в современных изданиях: «Честь имею представить вам моего брата, который находит вас такой прелестной в своих собственных интересах и которого, несмотря на это, я умоляю вас принять благосклонно»

²⁶ В корректуре писем, хранящихся в ПРЛИ, набрано: «Марин Александровны Меренберг», исправление «Марин» на «Наталья» внесено рукою Стасюлевича; почему Тургенев в письме к Стасюлевичу от 15 (27) ноября 1877 г. (Письма, т. XII, кн. 1, стр. 230) указывает ему поправку «дочь Пушкина — не Александра, а Наталья. . .», не знаем.

²⁷ По копии с утраченного подлинника, находящейся в собрании С. М. Лифяря и, по словам последнего, бывшей в руках Тургенева (см. выше); точность этой копии не вызывает сомнений, почему и ошибка Тургенева непопятна.

(здесь и выше отмечена курсивом фраза, переведенная в «Вестнике Европы» ошибочно).²⁸

Французские письма Пушкина к невесте не нуждались в «цензорском» просмотре, в сокращениях и изменениях текста; но письма к жене, начиная с № 15 (8 декабря 1831 г.) были именно с этой стороны тщательно просмотрены Тургеневым. Вот некоторые из внесенных им сокращений и изменений (№№ по «Вестнику Европы»):

№ 20. «не сводничай Окулову»; правка Тургенева: «не услуживай Окулову»; *ВЕ*: «не . . . Окулову».

№ 22. «Уж не кокую ли я?»; правка Тургенева: «Уж не . . . ли я?»; *ВЕ*: «Уж не к. . . ли я?».

№ 35. «В самом деле не забрюхатела ли ты? что ты за недотыка?»; Тургеневым и *ВЕ* — заменено точками.

№ 38. «Ты радуешься, что за тобою ∞ Было бы корыто, а свиньи будут»; Тургеневым все вычеркнуто и приписано: «заменить точками»; *ВЕ* — частично восстановлено (см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 261).

№ 42. «К наследнику являться ∞ не намерен»; Тургеневым заменено: «не буду»; *ВЕ* — так же.

«упек меня в камер-пажи»; Тургеневым заменено: «произвел меня»; *ВЕ* — «упек меня».

«с порфиородным своим тезкой»; Тургеневым заменено рядом точек; *ВЕ* — так же.

«ссориться с Царями»; Тургеневым слово «Царями» заменено точками; *ВЕ* — «с царями».

№ 46. «Царь посадил Наследника под арест»; Тургеневым слово «Наследника» заменено точками; *ВЕ* — «Н. . .».

№ 47. «Я пишу тебе не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники». Тургеневым вся фраза заменена точками; *ВЕ* — фраза опущена без замены точками.

№ 50. «свинский Петербург». Тургеневым слово «свинский» заменено точками; *ВЕ* — восстановлено.

№ 51. «свинство почты» — то же, что и в № 50.

К № 53. «по свинскому П <етер>Б <ургу>» — то же, что и в №№ 50 и 51. «подаде от двора; в нем толку мало». Тургеневым не отмечено; *ВЕ* — слова «в нем толку мало» заменены точками.

«А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к говну, и вонь его. . .» Тургеневым слова «нужнике», «говну», «его» заменены точками; *ВЕ* — так же, но слово «его» оставлено.

№ 55. Слова «Первого ребенка ∞ разделить» Тургеневым не отмечены; *ВЕ* вся фраза заменена точками.

²⁸ В указанном выше парижском издании «Писем Пушкина к Н. Н. Гончаровой» М. Л. Гофмана и Сергея Лифаря отмечена (на стр. 30—31) ошибочность перевода как в наборе (по которому текст был напечатан в акад. издании «Переписки Пушкина», т. II, 1908), так и в правке Тургенева. В дальнейшем переводы Тургенева сливаются с М. Л. Гофманом с новыми переводами, сделанными по подлинникам парижскими издателями, — и это сличение дает основания для суровой, но далеко не во всем справедливой критики переводов, правившихся Тургеневым; впрочем, издатели не имели в руках

№ 59. «схоронили как шута». Тургеневым слово «шута» заменено точками; *ВЕ* восстановлено.

№ 64. Слово «выблядок» Тургеневым в обоих случаях заменено на «незаконный»; *ВЕ* — «в. (незаконный)».

№ 66. «Граф Юрьев» Тургеневым заменено на «Гурьев»; *ВЕ* — «Граф Юрьев (Гурьев?)», что закрепило ошибочную догадку Тургенева, не знавшего, кто такой Юрьев (ростовщик), и не понявшего каламбура Пушкина.

№ 73. «Как нарисовал он эту группу, пьяница он, мошенник». Слово «мошенник», видимо не разобранный переписчиком и не набранное в корректуре, заменено Тургеневым точками. Слова «пьяница он» ничем не отмечены, и трудно сказать, почему они изъяты в тексте *ВЕ*.

Таковы важнейшие поправки, внесенные Тургеневым в корректуру писем Пушкина.

Посылая в Париж корректуру писем со своими вступительными замечаниями, Стасюлевич написал на ней несколько слов, обращенных к Тургеневу, в которых просил его написать «еще небольшое предисловие о значении и характере переписки для будущего биографа Пушкина» (см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 614). Выполняя просьбу Стасюлевича и, вероятно, следуя собственному убеждению в необходимости дать от себя предисловие, которое бы объясняло читателям (а не только «будущему биографу») значение писем и нейтрализовало бы их необычную откровенность и резкость, Тургенев тотчас сел за «предисловьице» «От издателя» и 21 ноября (3 декабря) послал его в Петербург (там же, стр. 234). Болезнь мешала работе. «Могло быть лучше сказано, да и то едва сладил», — писал он Стасюлевичу (там же).

Сохранившиеся материалы показывают, какое серьезное значение придавал писатель своему двухстраничному труду.

Прежде всего он составил подробный конспект, в котором по пунктам изложил основные положения своего предисловия.²⁹

Приводим полный текст этой «схемы».³⁰

Набр. <осок>

а) Едва ли кто может сомневаться в чрезвычайном интересе этих писем.

б) Не говоря уже о том, что каждая строка нашего величайшего поэта нам дорога и что в них, так же как и в других нам известных письмах П<ушкина>, так и бьет струю его светло-мужественный ум — прямизна, и верность его впечатлений.

Правдив<ость>.³¹

корректур с его правкой; недостатки первоначального текста переводов, которых он не мог целиком устранить, во многом объясняют дефекты переводов в «Вестнике Европы».

²⁹ Подлинник: *Bibl Nat* (Slave, 77; описание: *Mazon*, стр. 89, под обозначением «Premier schéma»); фотокопия: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 225.

³⁰ Приносим благодарность Т. П. Головановой за ее помощь в прочтении ряда мест, трудно разбираемых в автографе.

³¹ *Вписано*,

с) Исключительные условия, под которыми писались эти письма. Они бросают яркий свет и на самый характер Пушкина и дают ключ ко многим последовавшим событиям.

д) [П. <ушкин> был] Несмотря на свое франц<узское> воспитание, П<ушкин> был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с этой точки зрения — его письма достойны внимания и изучения каждого русского, которому доступен его круг действия — не говоря уже об историках литературы и прочих историков.³²

е) Лично я считаю одним из почетнейших фактов моей литер. <атурной> жизни — избрание меня дочерью П<ушкин>а как издателя и доверие, которое она оказала мне, возложив на меня ответственность за необходимые исключения.

ф) Быть может, я до некоторой степени заслужил это доверие моим глубоким благоговением перед памятью ее родителя, учеником которого я считал себя с молодых ногтей и считаю себя до сих пор. . . Vestigia semper adora.³³

г) Тщательный пересмотр писем привел меня к убеждению, что можно было ограничиться только самыми необходимыми исключениями, в больш<инстве> случаев они эти иск.<лючения> обусловлены энергией фразы;³⁴ П.<ушкин> как русск<ий> человек, да и к тому же в письмах, носящих строго частный характер, не любил стесняться.

h) Не должно также забывать, что со времени писания этих писем прошло почти полвека — и что, след. <овательно>, когда³⁵ дело идет о выяснении такой личности,³⁶ какой был П<ушкин>,³⁷ — история вступает в свои права — и давность облекает <?>,³⁸ покрывает своим покровом то, что могло бы³⁹ показаться слишком интимным, слишком близко касающимся отдельных частных лиц.

i) Сама дочь поэта, решившись поделиться с публикою корреспондентией своего родителя, адресованной к его жене ее матери, освятила, так сказать, наше право [переложить] весь вопрос в более⁴⁰ возвышенную и безучастную [как бы] документальную сферу.⁴¹

j) Нам остается поблагодарить ее за этот поступок, на который она, конечно, решилась не без некоторых колебаний, и вы-

³² Так в подлиннике.

³³ Следы прошлого всегда обожай (лат.); описано.

³⁴ Вместо в больш. случаев ∞ фразы было: Они и [от] [вызваны] более к энергии выражений

³⁵ Далее было начато: так <ая>

³⁶ дело идет о такой фигуре

³⁷ а. как П.<ушкин> б. которую зовем <?>

³⁸ облекает <?> описано; правка не закончена.

³⁹ то что может

⁴⁰ Далее было: а. высокую сферу б. возвышенную и безучастную как бы историческую сферу

⁴¹ Далее было: это не <нрзб> это документы.

разить надежду,⁴² что ту же благодарность почувствует и докажет ей общественное мнение.⁴³

Публикуемый «набросок», большинством своих формулировок уже совпадающий с окончательным (печатным) текстом, послужил основой для черновика, отличающегося от него, по-видимому, лишь связным изложением.⁴⁴ Черновик был переписан набело, и этот перебеленный с поправками автограф сохранился в парижском собрании С. М. Лифаря; его варианты опубликованы в цитированном выше издании.⁴⁵ Они очень немногочисленны, в большинстве совпадают с текстом «наброска» и дают следующие отличия:

Вместо этих новых писем Пушкина *было* новых писем, предлагаемых публике (*последние два слова зачеркнуты*);

вместо не говоря и о том *было начато*: не говоря так же;

вместо в этих письмах — как и в прежде появившихся *было* в этих письмах — так же как и т. д.;

вместо они бросают яркий свет *было* письма эти бросают и т. д.;

вместо его письма достойны внимания *было* его письма достойны внимания и изучения;

вместо со времени начертания этих писем *было* со времени написания и т. д.;

вместо поблагодарить графиню Н. А. Меренберг *было первоначально* поблагодарить ее.

Этот первый беловик был, очевидно, переписан вторично, и последняя рукопись, в качестве наборной, отправлена в Петербург; до нас она не дошла.

Сам Тургенев смотрел на свое предуведомление «От издателя», в котором, по его словам, он являлся «более дипломатом, чем литератором» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 247), как на необходимое условие для правильного восприятия читателями и критикой таких — единственных в своем роде — документов, условие для предохранения их от кривотолков и непонимания. Он боялся за впечатление, какое произведут эти интимно-семейные, необычайно откровенные эпистолярные высказывания; считал, что «слишком уж мало повymarал из пушкинских писем», и предоставлял редактору журнала по своему усмотрению помочь этому делу; но полагал, что «вследствие объяснений и *captatio benevolentiae*⁴⁶ в предисловии, всё обойдется благополучно» (там же, стр. 241).

Действительность, однако, не оправдала предположений Тургенева: Стасюлевич, пересматривая корректуру, не только не добавил вычерков и сокращений, но, наоборот, восстановил значительную часть изъятых или завуалированных писателем слов, выражений и целых пассажей, сделав понятным читателю многое, что должно было быть от него скрыто; за это Тургенев, после получения январской книжки «Вестника Европы» с первой половиной писем, смущенно и горько жаловался Анненкову (см.: *Письма*,

⁴² и надеяться

⁴³ и выразит наша публика.

⁴⁴ Полная фотокопия чернового автографа (*Bibl Nat*, см. выше) в ИРЛИ отсутствует.

⁴⁵ М. Л. Гофман и Сергей Лифарь. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Париж, 1935—1936, стр. 25—26.

⁴⁶ искательства благоволения (*лат.*).

т. XII, кн. 1, стр. 261: «Стасюлевич не совсем хорошо поступил со мною» и т. д.). С другой стороны, «дипломатическое» предисловие не помогло, и публикация вызвала в публике — в разных кругах читателей и по разным основаниям — в лучшем случае недоумение и непонимание, в худшем же — возмущение и резкое осуждение. «Первая половина <писем> в публике не имела успеха. Письма, видишь, нашли слишком бесцеремонными и грубыми», — констатировал Тургенев в феврале, в письме к Анненкову; «... письма <...> решительно не понравились нашей благоприличной публике», — сообщал он тому же корреспонденту месяцем позже, когда (в мартовском номере «Вестника Европы») вышла и вторая их часть (там же, стр. 279 и 300). Характерным было, с одной стороны, «великосветское» мнение И. П. Арапетова, «совершенно возмущенного теми резкими выражениями, которые П <ушкин> употреблял в корреспонденции с „хорошенькой женщиной“!» (там же, стр. 279); с другой стороны — доведенное до абсурда грубое непонимание писем Пушкина, их публикаторов и самого поэта, высказанное, например, Г. Е. Благодетелевым в письме к А. П. Пятковскому, где письма презрительно квалифицировались как «домашний хлам», который «роняет Пушкина»: «Пора бы этой пошлости положить конец, вразумив этих дураков <?!>, что не всякий же домашний сор имеет право на историческое значение».⁴⁷ Мы не знаем, как восприняла публикацию Тургенева (г. е. его редакторскую работу) гр. Н. А. Меренберг — да вряд ли ее мнение и представляет интерес, — но из писем Тургенева известно, что ее братья — сыновья поэта А. А. и Г. А. Пушкины («к сожалению, весьма плохенькие», по замечанию Тургенева) — собирались будто бы приехать в Париж, чтобы «поколотить» его «за издание писем их отца» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 302, а также 309—310). Вероятно, — как и предполагал Тургенев — это была «просто сплетня, если не мистификация», но самое возникновение такой сплетни, о которой сочли нужным сообщить в Париж Тургеневу, — факт весьма характерный.⁴⁸

После издания писем Пушкина возник вопрос о дальнейшей судьбе их подлинников. Графиня Меренберг требовала от Стасюлевича возвращения ей автографов (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 399). Стасюлевич же хотел, чтобы они остались в России — он желал, по-видимому, передать их в Пушкинский Лицейский музей,⁴⁹ тогда только что учрежденный.

Посредничество Тургенева, к которому обратился Стасюлевич (см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 415), не имело успеха (см.: *Стасюлевич*,

⁴⁷ «Русская старина», 1915, № 3, стр. 645; приведено в работе: М. П. А л е к с е в. Письма И. С. Тургенева. *Письма*, т. I, стр. 118.

⁴⁸ Поездка сыновей Пушкина в Париж в марте 1878 г. едва ли была возможной хотя бы потому, что старший из них, А. А. Пушкин, бывший тогда командиром Нарвского гусарского полка, находился в то время в армии, на Балканах.

⁴⁹ См. письмо к нему В. Н. Герарда, который уже в 1896 г. вспоминал, что «когда-то» Стасюлевич предлагал ему «передать в Музей А. С. Пушкина в Лицее подлинные письма его к жене» и, думая, что они еще у редактора «Вестника Европы», спрашивал, не согласится ли он «передать их теперь в музей А. С. Пушкина» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 656). В. Н. Герард, известный тогда адвокат, представлял после смерти Тургенева имущественные интересы Полины Виардо в России.

т. III, стр. 654 — письмо гр. Меренберг, где она пишет, что «не в силах принести ту жертву», которую он от нее ожидает: «Я так дорожу письмами Отца моего, что, конечно, при жизни никогда добровольно не расстанусь с ними»). В начале 1879 г. автографы писем были ей возвращены (см.: там же). Но через несколько лет, вероятно по требованию брата, А. А. Пушкина, после переговоров при встрече в Москве в 1880 г., на открытии памятника Пушкина, графине пришлось расстаться с автографами, оставив у себя лишь французские письма поэта к Н. Н. и Н. И. Гончаровым. Все остальные, т. е. русские письма его к жене, были переданы А. А. Пушкиным в Румянцевский музей, правда, в запечатанном конверте: никто из редакторов писем Пушкина не мог их видеть, и все дореволюционные издания, включая и академическое 1906—1911 гг., воспроизводили тексты, отредактированные Тургеневым. Только в 1926 г. автор настоящей статьи, помогавший Б. Л. Модзалевскому в сверке текстов писем для его издания, получил доступ к их автографам в Гос. библиотеке СССР имени В. И. Ленина.⁵⁰ Сверка показала большую точность и полноту тургеневских текстов, к которым почти ничего не пришлось добавлять. Но издать вновь по автографам письма Пушкина к жене стало возможно лишь в III томе издания «Писем Пушкина» (1935, под ред. Л. Б. Модзалевского — письма за 1831—1833 гг.) и в VI томе издания «Academia»—Гослитиздат (1938, письма за 1834—1836 гг.). В настоящее время все автографы русских писем и один французский хранятся в Пушкинском доме. Прочие же 13 автографов французских писем 1830 и 1831 гг., оставшиеся у гр. Меренберг, находятся и до сих пор за рубежом, в парижской коллекции Сергея Лифаря.

Запрет, наложенный сыновьями Пушкина на автографы писем поэта к своей жене, без их разрешения изданных Тургеневым, распространен был и на новое их издание. Когда в 1882 г. П. А. Ефремов в редактированном им собрании Сочинений А. С. Пушкина (изд. Ф. И. Анского) впервые собрал в отдельном VII томе все известные тогда письма Пушкина, числом 375, он должен был отказаться от включения в том «по независящим обстоятельствам» не только писем поэта к невесте и жене, но и к родным жены — Гончаровым, ограничившись только указаниями на места их публикаций (т. VII, стр. 468). В это время, как известно, право наследственной собственности на сочинения Пушкина, особым постановлением продленное до 50 лет вместо 25 по закону, принадлежало его наследникам — сыновьям и дочерям, — от которых зависело согласие на все отдельные издания и на их состав. Лишь по истечении 50 лет со дня смерти Пушкина — 29 января 1887 г. — его сочинения и письма из частной собственности его семьи стали общественным достоянием, и тогда его письма — включая и письма, опубликованные Тургеневым, и письма к Гончаровым вошли сразу полностью в двух изданиях — В. В. Комарова, под редакцией П. А. Ефремова, и Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда), под редакцией П. О. Морозова.

⁵⁰ Письма были заключены в большой конверт с надписью рукою гр. Н. А. Меренберг: «Его Превосходительству Александру Александровичу Пушкину».

Так закончилось, уже после смерти Тургенева, начатое по его инициативе большое и трудное дело издания одного из замечательнейших памятников русской эпистолярной литературы — писем Пушкина к невесте и жене.⁵¹

Нельзя в заключение не отметить одного обстоятельства — влияния работы Тургенева над письмами Пушкина на его творческие замыслы. Именно к тому времени, когда вышла первая часть «Новых писем» и печаталась вторая, относится первое упоминание о задуманной им «статье о Пушкине», которую он хотел приготовить к майскому номеру «Вестника Европы» (в письме к Стасюлевичу от 21 января (2 февраля) 1878 г.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 269).⁵² В письме от 14 (26) февраля он сообщал своему издателю: «Статью о Пушкине начал и пишу. Надеюсь кончить к сроку» (там же, стр. 286). Но уже через десять дней уверенность покидает его: «не могу я, любезнейший друг, писать он Стасюлевичу 24 февраля (8 марта), с достоверностью обещать Вам Пушкина к маю < . . . > Статья будет написана — это верно; но когда? Это менее верно. . . вспомните историю с „Новью“. Горбатого исправит одна могила. . .» (там же, стр. 290). Еще через четыре дня он вновь обещает статью — но это последнее упоминание о ней (там же, стр. 291). Статья, задуманная, вероятно, под влиянием работы над письмами Пушкина, так и не была написана и не оставила никаких следов в рукописях Тургенева. Но к пушкинской теме он еще раз вернулся через два года — и создал свое самое значительное произведение, посвященное ей, — речь о Пушкине 7 июня 1880 года.

Н. В. Измайлов

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА КИЕВСКОМУ ДРАМАТИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ

К лету 1882 г. состояние здоровья Тургенева ухудшилось настолько, что он понял: он уже не сможет приехать на родину, как предполагал.

«Будьте так добры, не зовите меня в Спасское, — писал он Ж. А. Полонской 29 июня из Буживаля, — не говорите, как бы я там поправился, как бы хорошо за мной ухаживали < . . . > и т. д. Все это я отлично знаю — по это только больше мучит меня».¹

⁵¹ Законченную и подробно аргументированную теорию о недопустимости публикации личных писем (и вообще материалов, не предназначенных к печати), оставшихся после смерти писателей и других деятелей, убежденно выразил десятилетие спустя И. А. Гончаров в статье «Нарушение воли», написанной по поводу публикаций писем Пушкина (Тургеневым и другими), самого Тургенева (Тургенев. *Первое собрание писем*), Кавелина и Крамского. См.: «Вестник Европы», 1889, № 3, стр. 71—90; И. А. Гончаров. *Собрание сочинений*, т. VIII, Гослитиздат, М., 1955, стр. 114—135; ср. замечания М. П. Алексеева в указ. рецензии на «Письма Пушкина» под редакцией Б. Л. Модзалевского, стр. 312—313.

⁵² В «Указателе произведений И. С. Тургенева», упоминаемых в данном томе (стр. 710—711), статья о Пушкине пропущена.

¹ *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 295—296.

Через два месяца в одном из писем к Я. П. Полонскому он с горечью констатировал, что «не в состоянии ни ходить, ни стоять — не только пять минут, но даже две минуты сряду. . . да и ночи опять стали беспокойны и бессонны. . .»²

За известиями о здоровье Тургенева следила вся читающая и думающая Россия: они изредка, и не всегда точные, появлялись в газетах. Кроме того, передавались из уст в уста сведения из частных писем писателя к друзьям и знакомым. Тургенев в это время стал получать множество писем от знакомых и незнакомых со словами любви и участия.

Одно такое выражение этих чувств, принявшее общественный характер, имело небольшую, но любопытную историю. Интересно также, что ответное письмо Тургенева, затерявшееся на страницах газет, не было до сих пор известно исследователям.

В начале октября 1882 г. киевская газета «Заря», выходившая под редакцией либерально настроенного адвоката Н. А. Андреевского,³ писала: «28 октября 1818 года родился И. С. Тургенев, которому, таким образом, в нынешнем году исполнится 64 года. Не мешало бы чем-нибудь почтить маститого любимого писателя. Не дурно было бы, если бы драматическое общество поставило в этот день одну из пьес Тургенева < . . > прочло бы у себя какую-нибудь статью о Тургеневе».⁴

Русское драматическое общество в Киеве объединяло городскую интеллигенцию и ставило перед собой благотворительные цели. Силами актеров-любителей устраивались спектакли в пользу детского приюта местного попечительства о семействах воинов, колонии для малолетних преступников и др. Зал, где проходили эти спектакли, находился в помещении Музыкального училища на Прорезной улице и был хорошо известен в городе. Общество имело свой устав, председателя (М. Е. Краинский) и его товарища (М. П. Старицкий),⁵ особый литературно-драматический комитет (председатель И. М. Хижняков), постоянных режиссеров из наиболее опытных любителей или даже артистов (В. Ф. Михалевич и Белано) и отваживалось ставить даже такие сложные произведения, как «Недоросль» Д. И. Фонвизина, «Бесприданница» А. Н. Островского и «Горькая судьбина» А. Ф. Писемского.⁶ Иногда в спектаклях принимали участие приезжие знаменитости «из сочувствия к благотворительным целям общества». Так, например, однажды роль Аняны Яковлева в драме Писемского исполнил артист санкт-петербургских императорских театров Н. И. Новиков,⁷ а на одном литературном утре выступил гремевший на всю Европу французский драматический актер Б.-К. Коклен.⁸

² Там же, кн. 2, стр. 24.

³ Андреевский Павел Аркадьевич (? — 1890) — присяжный поверенный округа киевской судебной палаты. См. о нем: *ИРЛИ*, архив А. Ф. Кони, ф. 134, оп. 4, ед. хр. 143, л. 10 об.

⁴ «Заря», 1882, 3 октября, № 218.

⁵ М. Е. Краинский — киевский присяжный поверенный; М. П. Старицкий — драматург.

⁶ См.: «Киевлянин», 1882, 3 и 31 октября, №№ 218, 241; 27 ноября, № 264; «Заря», 1882, 3 и 31 октября, №№ 218, 225.

⁷ «Заря», 1882, 3 ноября, № 243.

⁸ Коклен Бенуа-Констан, старший (1841—1909). См.: «Киевлянин», 1882, 26 и 28 ноября, №№ 283, 285.

Киевское драматическое общество откликнулось на призыв газеты, и скоро в «Заре» стали появляться заметки, извещавшие киевлян о готовящемся торжестве в честь Тургенева. В них также выражалась надежда, что «... публика отнесется к спектаклю в честь Тургенева <...> более сочувственно, чем она относится к обыкновенным спектаклям драматического общества, почтит его своим присутствием и отпразднует таким образом вместе с драматическим обществом день рождения И. С. Тургенева».⁹

28 октября 1882 г. в статье «Русские „лишние“ люди в повестях Тургенева» «Заря» писала: «Сегодня русское общество не празднует, а должно бы праздновать шестидесятичетырехлетнюю годовщину жизни Ивана Сергеевича Тургенева».¹⁰ Далее в статье упоминалось о нападках, которым подвергался одно время писатель за образы и идеи некоторых произведений.

В свете этих высказываний объявление, помещенное на той же титульной странице газеты, имело характер вызова. В нем говорилось, что в помещении Киевского драматического общества «в четверг, 28 октября, в день рождения И. С. Тургенева исполнено будет: „Завтрак у предводителя“, комедия в I действии Тургенева. Участвующие: г-жа Щеглова и г. г. Несветов, Огарев, Озеров, Рыза и Гурский. Три чтения из „Записок охотника“: „Ермолай и мельничиха“, „Бежин луг“ и „Певцы“, каждое иллюстрированное соответствующей картиною. Читать будут Л. А. Куперник и А. П. Корсаков».¹¹

В отчете о «торжестве», напечатанном 30 октября, сообщалось, что «празднество, происходившее в небольшой и скромной зале драматического общества <...> было скромное, народу было не особенно много. Не было ни роскошных туалетов, ни блестящих дам и кавалеров, не было особенно шумных успехов. Пьеса „Завтрак у предводителя“ <...> была сыграна очень дружно и мило, особенно благодаря двум исполнителям, Д. И. Огареву и С. В. Несветову (оба псевдонимы). Из „Записок охотника“ были прочтены г. Корсаковым — „Бежин луг“, г. Куперником — „Ермолай и мельничиха“. При каждом рассказе была живая картина. В двух последних картинах участвовал охотник — Тургенев, загримированный по портретам того времени. Публика <...> была очень довольна и, по-видимому, весьма сочувственно отнеслась к чтению, картинам и пьесе».¹²

Как сообщала газета в следующих своих корреспонденциях, в тот же вечер, после удавшегося праздника, председатель драматического общества

⁹ «Заря», 1882, 24 и 27 октября, №№ 235, 237.

¹⁰ Статья без подписи. «Заря», 1882, 28 октября, № 238.

¹¹ Там же. — Л. А. Куперник (1845—1905) — «знаменитый на юге политический защитник», как характеризует его дочь — писательница и переводчица Т. Л. Щелкина-Куперник. «Отец был страстный театрал, — пишет она. — Он окончил Московский университет в героическую, ставшую легендарной эпоху Малого театра и был его горячим поклонником. В Киеве свои редкие досуги он целиком отдавал театру. Много лет подряд он был председателем Киевского драматического общества и поставил его на большую для любительского кружка высоту». «Из воспоминаний». Изд. Всероссийского театрального общества. М., 1959, стр. 37. Воспоминания Т. Л. Щелкиной-Куперник относятся к концу 1880-х годов.

¹² Л. «Святое искусство». «Заря», 1882, 30 октября, № 240.

М. Е. Краинский от имени всего общества послал Тургеневу поздравительную телеграмму, в которой извещал о состоявшемся в его честь спектакле, поздравлял с днем рождения и «просил принять уверение в глубоком уважении общества, пожелание здоровья и продолжения благородной и плодотворной поэтической деятельности».¹³

11 ноября 1882 г. «Заря» напечатала ответ Тургенева на эту телеграмму, посланный из Буживаля:

«М. Г. Позвольте попросить вас принять для себя и передать всему драматическому обществу в Киеве выражение моей искреннейшей благодарности за полученную мной вчера поздравительную телеграмму. Такое сочувствие моих соотичей к литературным трудам моим мне особенно дорого именно теперь. Глубоко тронутый его выражением, прошу всех вас, господа, моих незнакомых, но близких друзей, верить в неизменные чувства уважения и преданности, с которыми пребываю

ваш покорный слуга
Ив. Тургенев

10 ноября 1882 г.»¹⁴
29 октября

Это письмо с некоторыми неточностями было напечатано 14 (26) ноября 1882 г. столичной газетой «Санкт-Петербургские ведомости».¹⁵

«Русское общество с нетерпением ждет и с восторгом встречает каждую строчку Тургенева» — писала тогда та же газета «Заря».¹⁶ Однако письмо оказалось забытым или сочтено несуществующим и в «Первое собрание писем И. С. Тургенева», подготовленное к печати В. П. Гаевским и вышедшее в свет в Петербурге в 1884 г., не вошло. Не перепечатывалось оно и в других изданиях и лишь теперь введено в XV том академического издания *Сочинений Тургенева* (стр. 192).

Н. Н. Фомякова

ТУРГЕНЕВ И Н. Н. ТОЛСТОЙ

I

Из многочисленных знакомых Тургенева найдется немного лиц, к которым бы он относился с такой любовью, как к старшему брату Льва Николаевича Толстого — Николаю Николаевичу Толстому.

Хотя встречи Тургенева и Н. Н. Толстого были не столь продолжительными, но Тургенев до конца своей жизни сохранил о нем самые светлые воспоминания. Выдающиеся способности, незаурядный литературно-художественный талант —

¹³ «Заря», 1882, 5 ноября, № 245, и 11 ноября, № 250.

¹⁴ «Заря», 1882, 11 ноября, № 250.

¹⁵ «С.-Петербургские ведомости», 1882, 14 (26) ноября, № 309.

¹⁶ «Заря», 1882, 30 октября, № 240.

ственный талант, богатство и чистота внутреннего мира, своеобразие личности — все эти качества привлекали не только Тургенева, но и всех, кто встречался с Н. Н. Толстым. Но своей натуре он был человек мягкий, замкнутый, страстный охотник и любитель природы.

Его младший брат, Л. Н. Толстой, в своих воспоминаниях дает ему такую характеристику: «Старший брат Николенька был на 6 лет старше меня < . . . > Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек. Тургенев говорил про него очень верно, что он не имел только тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть писателем. Он не имел главного пужного для этого недостатка: у него не было тщеславия, ему совершенно неинтересно было, что о нем думают люди. Качества же писателя, которые у него были, было прежде всего тонкое художественное чутье, крайнее чувство меры, добродушный, веселый юмор, необыкновенное неистощимое воображение и правдивое, высоко нравственное мировоззрение, и все это без малейшего самодовольства. Воображение у него было такое, что он мог рассказывать сказки или истории с привидениями или юмористические истории в духе *the Radcliff* без остановки и запинки целыми часами и с такой уверенностью в действительность рассказываемого, что забывалось, что это выдумка.

Когда он не рассказывал и не читал (он читал очень много), он рисовал. Рисовал он почти всегда чертей с рогами, закрученными усами, сцепляющихся в самых разнообразных позах между собой и занятых самыми разнообразными делами. Рисунки эти тоже были полны воображения и юмора».¹

Н. Н. Толстому также принадлежала игра в «муравейных братьев» и известная легенда о «зеленой палочке»² с написанной на ней тайной всеобщего человеческого счастья, которую братья Толстые искали в детстве на краю лесного оврага Старого Заказа. В память об этом здесь, по завещанию самого Л. Н. Толстого, теперь находится его могила.

В Яснополянской библиотеке сохранился номер «Современника», в котором напечатан очерк Л. Н. Толстого «Охота на Кавказе».³ Этот очерк был написан им в начале 50-х годов на Кавказе, где оба брата находились на военной службе. В дневнике Л. Н. Толстого от 29 октября 1852 г. записано: «Николенька пришел ко мне и читал мне свои записки об охоте. У него много таланта. Но форма нехороша. Пусть он бросит рассказы об охоте, а, наоборот, больше внимания на описание природы и нравов: они разнообразные и очень хороши у него».⁴

Н. А. Некрасов по достоинству оценил статью Н. Н. Толстого, поместил ее на первом месте в журнале и писал (10) 22 апреля 1857 г. из Рима Тургеневу: «Автор <Н. Н. Толстой> не виноват, что это не повесть, но задачу, которую он себе задал, он выполнил мастерски и, кроме того, обнаружил себя поэтом. Некогда писать, а то я бы указал в этой статье на несколько черт, до того поэтических и свежих, что ай-ай! Поэзия тут на месте и мимоходом высказывает сама собою: неизвестно, есть ли у автора творческий талант,

¹ Толстой, т. 34, стр. 385—386.

² Ср.: Б. М. Эйхенбаум. Легенда о зеленой палочке. К 40-летию со дня смерти Л. Н. Толстого. «Огонек», 1950, № 47, стр. 23—24.

³ Впервые «Охота на Кавказе» появилась в «Современнике», 1857, № 2.

⁴ Толстой, т. 46, стр. 147.

но талант наблюдения и описания, по-моему, огромный — фигура старого казака вначале чуть тронута, но, что важно, не обмельчена, любовь видна к самой природе и птице, а не к описанию той и другой. Эта вещь хорошая. Не знаю, насколько Лев Н. поправил слог, но мне показалось, что эта рука тверже владеет языком, чем сам Л. Н. Далекость от литературных кружков имеет также свои достоинства. Я уверен, что автор не сознал, когда писал, многих черт, которыми я любовался как читатель, а это не часто встречается».⁵

И. И. Панаев 24 января 1857 г. писал Тургеневу, что Толстой «доставил < . . . > драгоценную, капитальную вещь своего брата „Охота на Кавказе“. Мы упивались, читая ее с Боткиным. Какая простота, градиозность картин, какое величие природы — чудо! Это сокровище будет во втором номере».⁶

«Охота на Кавказе» при своем появлении вызвала восторженные отзывы со стороны писателей и критиков того времени. Исключение составлял лишь отзыв Н. Г. Чернышевского, который в письме к Некрасову (от 13 февраля 1857 г.) назвал очерк Толстого «пустой и плохой вещью», «подражанием Тургеневу», которое «несносно ярко кидается в глаза».⁷

Тургенев же, прочитав в «Современнике» очерк Н. Н. Толстого, 9 (21) марта 1857 г. писал П. В. Анненкову: «„Охота на Кавказе“ < . . . > мне очень понравилась».⁸ В письме к М. Н. Толстой от 4 (16) июля 1857 г. Тургенев вспоминал «о пленительном Николае Николаевиче» и просил передать ему чувство любви и восхищение его «прелестными рассказами». В это же время он писал Л. Н. Толстому из-за границы: «С каким бы удовольствием сидел я бы теперь между Вашей сестрой и Вами и спорил бы с Вами до упаду, но весело и дружелюбно, между тем как брат Ваш Николай тут же бы присутствовал и вмешивал бы изредка в наши речи свое умное слово! Пожалуйста, поклонитесь ему от меня и известите, не пишет ли он чего-нибудь, в его записках были восхитительные поэтические страницы».⁹

А. А. Фет в своих воспоминаниях говорит о Н. Н. Толстом: «Он так ясно умел отличать действительную сущность жизни от ее эфемерной оболочки, что с одинаковой иронией смотрел и на высший и на низший слой кавказской жизни. И знаменитый охотник, старовер, дядюшка Епишка (в «Казаках» гр. Л. Толстого Ерощка), очевидно, подмечен и вычупан до окончательной художественности Николаем Толстым».¹⁰ Эти слова показывают, что Фет знал «Охоту на Кавказе» и приписывал ей известную роль в создании характеров в кавказской повести Л. Н. Толстого. Как отмечал М. О. Гершензон, «сопоставление обоих портретов Епишки вполне подтверждает догадку Фета».¹¹

⁵ Некрасов, т. X, стр. 333.

⁶ Тургенев и круг Совр., стр. 396.

⁷ Чернышевский, т. XIV, стр. 339.

⁸ Письма, т. III, стр. 109.

⁹ Там же, стр. 170.

¹⁰ Фет, ч. 1, стр. 217—218.

¹¹ Н. Н. Толстой. «Охота на Кавказе». С предисловием М. О. Гершензона. М., М. и С. Сабашниковы, 1922, стр. 3. — Н. Н. Гусев выражает свое несогласие с мнением Фета и пишет: «В „Охоте на Кавказе“ дан только превосходный внешний портрет дяди Ерощки, но совершенно не затронуто

Кроме «Охоты на Кавказе», Н. Н. Толстым были написаны большая, по неоконченной повесть «Пластун»¹² и «Заметки об охоте».¹³

II

Личное знакомство Тургенева с Н. Н. Толстым произошло, вероятно, в начале мая 1855 г. у М. Н. Толстой в сельце Покровском, где в этот год часто бывал Тургенев.¹⁴

Он позже вспоминал о той «восторженной веселости, подобной вечному смеху гомерических богов, которая по вдохновительному примеру графини кипит и гремит в стенах Покровского».¹⁵ Тургенев любил бывать у М. Н. Толстой и очень высоко ценил в ней искренность, сердечность, простоту и называл её одним «из привлекательнейших существ, какие только < . . . > удавалось встречать».¹⁶

Между Тургеневым и ее братом Н. Н. Толстым вскоре после их знакомства возникла взаимная близость, которая постепенно крепла на основе общих интересов и сходства во взглядах, увлечения совместной охотой, шахматной игрой, задушевными беседами, разговорами о литературе.

До отъезда Н. Н. Толстого из Тульской губернии в конце сентября 1855 г. они встречались как в Спасском-Лутовинове, так и в Покровском. Когда в середине мая 1855 г. в Спасском гостили Д. В. Григорович, В. П. Боткин, А. В. Дружинин и «проводили время очень приятно и шумно, — писал Тургенев, — разыграли на домашнем театре фарс нашего сочинения и пародированную сцену из озеровского „Эдипа“».¹⁷ Толстые, Дельвиги и другие соседи по имению приняли живое участие во всех развлечениях. Среди гостей в Спасском был и Н. Н. Толстой, который познакомился с гостившими у радушного хозяина его приятелями.¹⁸

Тургенев в письме к Е. Я. Колбасину 9 (21) августа 1855 г. из Спасского сообщает, что ждет «к себе графа Ник<олая> Ник<олаевича> с охотой. Мы дня три намерены поездить по окрестностям. Завтра направимся к Троицкому».¹⁹

его оригинальное мирозерцание, а между тем особый интерес представляет не только внешность дяди Ерочки (хотя она очень интересна), сколько именно его своеобразное, совершенно особенное жизнерадостное мирозерцание, до которого он дошел опытом жизни и собственным размышлением». (Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 377).

¹² «Пластун» — рассказ удалца-джигита о своей жизни и приключениях. См.: «Красная новь», 1926, №№ 5 и 7, со вступительной статьей А. Е. Грузинского «Писатель Н. Н. Толстой».

¹³ «Заметки об охоте» — «Весенние поля» и «Заяц» (руководство к охоте с собаками). См.: Литературно-художественный альманах «Охотничье сердце», под редакцией Н. Смирнова, М., 1927, стр. 369.

¹⁴ Письма Н. Н. Толстого к Л. Н. Толстому, в которых он писал о своем знакомстве с Тургеневым, не сохранились.

¹⁵ Письма, т. II, стр. 307.

¹⁶ Там же, стр. 239. О взаимоотношениях Тургенева и М. Н. Толстой см. Тургенев, Сб., вып. II, стр. 248—258.

¹⁷ Письма, т. II, стр. 276.

¹⁸ Письма, т. III, стр. 137.

¹⁹ Письма, т. II, стр. 307.

В первом письме к Л. Н. Толстому, еще до личного знакомства с ним, Тургенев писал из Покровского: «Я часто выдаюсь в течение лета с Вашими родными — и полюбил их от души. Как мы все сожалели об отъезде Ник<олая> Ник<олаевича>! Право, досадно вспомнить, что, будучи такими близкими соседями, мы так поздно сошлись».²⁰

Л. Н. Толстой, описывая свое знакомство с приехавшим из Москвы в Петербург Тургеневым, 20 ноября 1855 г. писал сестре: «Больше всего я его <Тургенева> полюбил за то, что он вас — тебя и Ник[оленку] и Валерьяна так любит и ценит».²¹

Приехав в Спасское 7 (19) мая 1856 г. Тургенев по-прежнему бывает у Толстых в Покровском, а они у него — в Спасском-Лутовинове. Тургенев ждет возвращения в «родные места» Николая Николаевича. В одном из неопубликованных писем В. П. Толстого к Н. Н. Толстому из Покровского от 31 мая 1856 г. говорится: «Тургенев все так же мил — бывает у нас беспрестанно — гостит по несколько дней — тебя любит чрезвычайно, — часто вспоминает и посылает тебе задушевный поклон. Он едет за границу, получил уже паспорт и в начале июля покидает наши места. Для нас, признаюсь, это ужасная потеря».²²

В другом неопубликованном письме, от 4 июля того же года, читаем: «Живем мы по-прежнему, бываем у Шаховских,²³ а чаще всего у Тургенева, который, к сожалению, через 4 дня уезжает за границу. Завтра едем к нему — провесть с ним последние дни и проводить в путь, бог знает когда мы с ним увидимся. Он тебе очень кланяется».²⁴

На следующий год, зная, что Толстые предполагают зиму прожить в Москве, Тургенев из-за границы в середине августа 1857 г. писал М. Н. Толстой, что он надеется «провести несколько дней» в ее «кружке в Москве зимой» и ему «милый Николай Николаевич <. . .> так и видится с своей трубкой, шахматами, неизменным хладнокровием и ласковым взглядом».²⁵

Зиму 1857/58 г. Толстые проводили в Москве. Т. А. Кузминская вспоминала, как она у М. Н. Толстой впервые встретила Николая Николаевича: «Он был небольшого роста, плечистый, с выразительными глубокими глазами. В эту зиму он только что приехал с Кавказа и носил военную форму».²⁶ Этот замечательный по своему уму и скромности человек оставил во мне лучшие впечатления моего детства. Сколько поэзии вынесла я из его импровизированных сказочек. Бывало, усядется он с ногами в угол дивана, а мы, дети, вокруг него, и начнет длинную сказку или же сочинит что-либо для пред-

²⁰ Там же, стр. 316.

²¹ Толстой, т. 61, стр. 369.

²² ГМТ, Архив Толстых, № 60477.

²³ Иван Леонтьевич Шаховской — князь, сосед М. Н. и В. П. Толстых. Владелец имения Большое Скуратово в 8 верстах от Покровского и в 3 верстах от железнодорожной станции Чернь.

²⁴ ГМТ, Архив Толстых, № 60478.

²⁵ Письма, т. III, стр. 148.

²⁶ Н. Н. Толстой вышел в отставку в 1853 г., после чего уехал с Кавказа. Вторично поступил на военную службу в ноябре 1855 г., получил отставку формально в 1858 г., но уже в 1857 г. фактически оставил службу. См. формулярный список поручика гр. Н. Н. Толстого: ГМТ, Архив Толстых, № 39589.

ставления, раздает нам роли и сам играет с нами < . . . > Николай Николаевич с добродушной прощай относился к великосветским выездам брата. Войдет Мария Николаевна, и оп ей, улыбаясь, скажет: А Левочка опять надел фрак и белый галстук и пустился в свет. И как это не падает ему?

Сам Николай Николаевич нигде не бывал; он жил на окраине Москвы, где, впрочем, всегда его отыскивали его почитатели и друзья. Между ними были Тургенев и Фет». ²⁷

А. А. Фет, познакомившийся с Н. Н. Толстым в Москве, говорил, что это «замечательный человек, про которого мало сказать, что все знакомые его любили, а следует сказать — обожали < . . . > Будучи от природы крайне скромн, он нуждался в распросах со стороны слушателя. Но наведенный на какую-либо тему, он вносил в нее всю тонкость и забавность своего добродушного юмора. Он, видимо, обожал младшего своего брата Льва». ²⁸

Тургенев впоследствии, вспоминая о Н. Н. Толстом, рассказывал Е. М. Гаршину: «То смирение перед жизнью, которое Лев Толстой развивает теоретически, брат его применил непосредственно к своему существованию. Он жил всегда в самой невозможной квартире, чуть не в лачуге, где-нибудь в отдаленном квартале Москвы, и охотно делился всем с последним бедняком. Это был восхитительный собеседник и рассказчик». ²⁹

В 1858—1859 гг. Тургенев, Н. Н. Толстой, А. А. Фет, И. П. Борисов, будучи близкими соседями по имениям на границах Орловской и Тульской губерний, еще больше сблизились и подружились между собой. Фет писал, что он «не в состоянии сказать, сколько раз Тургеневы и Толстые сходились < . . . > в Новоселках или в Спасском < . . . > свидания эти были задушевные и веселые». ³⁰

Тургенев приехал в Спасское в начале июня 1858 г. Вскоре по приезде, 22—25 июня, он навестил М. Н. Толстую, жившую тогда в Пирогове, где виделся с ее братьями Н. Н. и С. Н. Толстыми. По возвращении в Спасское он писал Полине Виардо: «. . . я провел три очень приятных дня у своих друзей; двух братьев и сестры, прекрасной и очень несчастной женщины. Она принуждена была разойтись со своим мужем, своего рода деревенским Генрихом VIII, преотвратительным». Далее Тургенев дает характеристику всех трех братьев и пишет о Н. Н. Толстом: «. . . прелестный малый, ленивый, флегматичный, неразговорчивый и в то же время очень добрый, с очень нежным и тонким вкусом и чувствами, человек действительно своеобразный». ³¹

Н. Н. Толстой, выйдя в отставку, поселился в своем имении Никольском-Вяземском Чернского уезда Тульской губернии, в 15 верстах от Спасского. Необыкновенно яркую картину скромной жизни владельца Никольской усадьбы в небольшом деревянном флигеле рисует А. А. Фет в своих воспоминаниях: «Ясно было, что Ник. Ник., то проживавший в Москве, то у двух братьев и любимой сестры, то у нас, или на охоте, смотрел на Никольский

²⁷ Кузминская, стр. 60.

²⁸ Фет, ч. 1, стр. 217.

²⁹ Е. Гаршин. Воспоминания о Тургеневе. «Исторический вестник», 1883, № 11, стр. 388.

³⁰ Фет, ч. 1, стр. 251—252.

³¹ Письма, т. III, стр. 418.

флигель не как на постоянное, оседлое жилище, требующее известной поддержки, а как на временную походную квартиру, в которой пользуются чем можно, не жертвуя ничем на благоустройство. О таком временном оживлении уединенного Пикольского флигеля свидетельствовали даже мухи.³²

В гостях у Н. Н. Толстого, страстного охотника, бывали и охотились Тургенев, И. П. Борисов, А. А. Фет.

«Любезный Николай Николаевич, — писал Тургенев 9 июля 1858 г., — мы вчера вечером вернулись с охоты — и завтра Фет ждет нас обедать у себя. Хотите Вы поехать к нему прямо или сперва заехать ко мне сегодня в Спасское к обеду? Мы бы вечером поиграли в шахматы и завтра отправились к нему».³³ Из письма А. А. Фета от 12 июля 1858 г. узнаем, что Н. Н. Толстой воспользовался этим приглашением Тургенева и они оба гостили в Новоселках. «Шахматы, ожесточенные разговоры, рассказы об охоте и охотах и чтение его романа»,³⁴ — сообщал Фет Л. Н. Толстому. На другой день Н. Н. Толстой снова был зван в Спасское, о чем извещал его Фет в неопубликованном письме от 13 июля 1858 г.: «Добрейший Николай Николаевич, сегодня, 13-го, воскресенье приезжает Марья Николаевна к Дельвигам³⁵ и в Спасское — где по этому случаю, как выражается Тургенев, пир горой. Он, Тургенев, просит дать Вам об этом знать, а поэтому мы с Вами увидимся в Спасском. Ваш А. Фет».³⁶

Лето и осень 1858 г., которые Тургенев провел в Спасском среди друзей, оставили в нем добрые воспоминания. На другой год Тургенев встречает весну в деревне, приехав из Москвы в конце марта. «Тургенева я не видел, но брат Николай все время жил у него. Он, т. е. Тургенев, охотится, ездит по соседям», — сообщал Л. Н. Толстой 16 апреля 1859 г.³⁷

В письме к Фету из Виши 18 (30) июня 1859 г. Тургенев сообщал: «Часто думаю я о России, о русских друзьях, о Вас, о наших прошлогодних поездках — о наших спорах < . . . >

Известите меня обо всем на свете: о Вашей жене, о Вашей сестре, о Борисове и о его сыне, о крестьянском вопросе, о литературе, < . . . > о Толстом и Толстой, о купальне на Зуше, о березовой аллее < . . . > о Мценском соборе, о количестве грачей, о том, продолжают ли они играть над кручью Висельной горы, о *засухе*, которая нас здесь пугает, о пароме на Зуше < . . . >, о москви-

³² Фет, ч. 1, стр. 240.

³³ Письма, т. III, стр. 227.

³⁴ Вероятно, «Дворянское гнездо», над которым Тургенев работал в Спасском в это время. Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. М., 1962, стр. 224.

³⁵ Ср.: «Мать очень любила лошадей < . . . > Она одна ездила на них в шарабане. И вот собирается она, бывало, в Хитрово (так называлось имение Дельвигов), которое отстояло от Пирогова верстах в шестидесяти < . . . > Семья Дельвигов была необыкновенно патриархальной, хлебосольной, гостеприимной. Состояла она из барона Александра Антоновича Дельвига (брата поэта), его старухи матери и из двух незамужних сестер. < . . . > К матери они относились ласково и как-то бережно. Вся драма ее несчастного замужества прошла перед их глазами» (Е. В. Оболенская - Толстая. Моя мать и Лев Николаевич. «Октябрь», 1928, кн. 8—9, стр. 212).

³⁶ ГМТ, рукописный отдел, Архив Толстых, № 60484.

³⁷ Толстой, т. 60, стр. 291.

чах, о наидрагоценнейшем и наивозлюбленнейшем мудреце и перипатетике Николае Толстом, < . . . > словом — обо всем!»³⁸

Возвратившись из-за границы осенью в Спасское, Тургенев писал 7 (19) ноября 1859 г. М. Н. Толстой: «С тех пор, как снег выпал и настали морозы — я все поджидаю Вашего брата Николая — я почему-то вообразил, что он из Никольского завернет ко мне, поблизости. Но, видно, он „застрял“ в Курской губернии — а, может быть, он проехал мимо. Я его от души люблю — и прошу Вас передать ему мой дружеский поклон. Брат Ваш Лев был у меня — и я его видел у Фета, но, видно, мне не суждено сойтись с этим умным и замечательным человеком: и ему со мной — и мне с ним — неловко; я люблю все, чего он не любит — и наоборот: мы созданы совершенно антиподами. Что делать!»³⁹

В январе и феврале 1860 г. Тургенев встречался с Н. Н. Толстым в Москве. Он сообщал гр. Е. Е. Ламберт: «Тут есть два, три человека прелестных (Фет, Борнсов, гр. Н. Н. Толстой и мой хозяин Маслов). Когда я вернусь и буду сидеть в Вашей комнатке, заставьте меня описать их Вам, очертить их характеры».⁴⁰

К концу зимы 1860 г. здоровье Н. Н. Толстого стало внушать серьезное опасение родным и друзьям. Решено было ехать за границу в Соден, куда и уехал он вместе с братом, Сергеем Николаевичем Толстым, 28 мая 1860 г.

Тургенев в письмах проявлял большую тревогу и беспокойство о нем: «Боюсь я, что Николай Толстой все будет собиратьться — и не поедет наконец. А ему необходимо лечиться. Мне уже в прошлом году его кашель не нравился».⁴¹

«. . . то, что Вы сообщили мне о болезни Николая Толстого, глубоко меня огорчило. Неужели этот драгоценный, милый человек должен погибнуть! И как можно было запустить так болезнь! Неужели он не решится победить свою лень и поехать за границу полечиться! Ездил же он на Кавказ в тарантасах и черт знает в чем! Что бы ему приехать в Соден?»

В постскриптуме этого же письма Тургенев снова говорит о нем: «Если Николай Толстой не уехал, бросьтесь ему в ноги — а потом гоните его в шею — за границу».⁴²

Н. Н. Толстой сообщал А. А. Фету вскоре по приезде: «. . . я благополучно приехал в Соден: впрочем при моем приезде из пушек не стреляли. В Содене мы застали Тургенева, который жив, здоров, и здоров так, что сам признается, что он совершенно здоров < . . . > Против окон моих стоит очень неказистое дерево, но на нем живет птичка и поет себе каждый вечер; она мне напоминает флигель в Новоселках».⁴³

«Сюда приехал хороший мой приятель, — писал Тургенев Е. Е. Ламберт 12, 14 (24, 26) июня 1860 г., — Толстой (брат автора), прекраснейший человек: жаль, здоровье его очень плохо — у него злая чахотка. Он — удалив-

³⁸ Письма, т. III, стр. 311—313.

³⁹ Там же, стр. 363—364.

⁴⁰ Там же, т. IV, стр. 23—24.

⁴¹ Там же, стр. 83.

⁴² Там же, стр. 85.

⁴³ Фет, ч. 1, стр. 332.

шийся от мира, умный и добрый человек: он удалился от мира — и в то же время всему сочувствует — я с ним также беседую и играю в шахматы».⁴⁴

26 июня (8 июля) из Содена Тургенев сообщает Анненкову о частых встречах с Н. Н. Толстым: «Он отличный малый, но положение его горестное: у него безнадежная чахотка. Он ждет сюда брата Льва с сестрой».⁴⁵

Через несколько дней Тургенев извещал Фета: «Толстому (Николаю) не слишком помог Соден: к сожалению, он поздно спохватился, и болезнь его сделала такие шаги, что уже едва ли возможно поправить дело. Я от души полюбил его — и очень мне его жалко».⁴⁶

19 июля того же года Н. Н. Толстой писал Фету: «А очень стало мне без него <Тургенева> пусто в Содене, не говоря уже о том, что шахматный клуб расстроился. Даже аппетит у меня стал не тот, с тех пор, как не сидит подле меня его толстая и здоровая фигура и не требует придачи то моркови к говядине, то говядины к моркови. Мы часто о Вас говорили с ним, особенно последнее время».⁴⁷ Здоровье Николая Николаевича не стало лучше, врачи советовали ему уехать на юг Франции в Гиер. Л. Н. Толстой решил сопровождать брата. 6 сентября Н. Н. Толстой приехал с братом и сестрой в Гиер, а 20 сентября (2 октября) он скончался на руках у брата. «[Николенкина] смерть — самое сильное впечатление моей жизни», — записал Л. Н. Толстой в дневнике 13 (25) октября 1860 г.⁴⁸

Тургенев с «истинным нетерпением» ждет «счастливого мгновенья, когда будущей весной, при соловьиных песнях», он будет на родине, «<. . .> а для Николая Толстого, — пишет он Фету 3 (15) октября 1860 г., — уже не существует ни весны, ни соловьиных песен — ничего! Он умер <. . .> Я получил это известие от его сестры. Вы можете себе представить, как оно меня огорчило — хотя я уже давно потерял надежду на его выздоровление <. . .> Я знаю — и Вы и Борисов не раз его помянете: золотой был человек — и умен, и прост, и мил. Я бы желал поговорить об его последних днях с Львом Николаевичем — да бог знает, когда и где я его увижу».⁴⁹ За два месяца до приезда в Спасское, 9 (21) мая 1861 г., Тургенев сообщает Л. Н. Толстому: «Мысль о предстоящей поездке и о пребывании в России меня занимает почти постоянно; я уже вижу — духовным оком — себя с Фетом, Борисовым, — а с нынешнего дня и с Вами, в наших полях и рощах и деревянных домиках; представляется мне охота и пр. и пр. Одно горе: не будет с нами Вашего доброго и незабвенного брата, Николая!»⁵⁰

Смерть Н. Н. Толстого глубоко огорчила всех, кто его знал, и особенно тяжело эту утрату переживали его друзья — соседи в Мценском уезде — А. А. Фет и И. П. Борисов.

В письме к Тургеневу от 26 ноября 1860 г. Борисов писал: «Нечего Вас уверять, что часто, часто вспоминаем Вас и ждем мая, но уже заранее чув-

⁴⁴ Письма, т. IV, стр. 94.

⁴⁵ Там же, стр. 98.

⁴⁶ Там же, стр. 105.

⁴⁷ Фет, ч. 1, стр. 333.

⁴⁸ Толстой, т. 48, стр. 30.

⁴⁹ Письма, т. IV, стр. 140.

⁵⁰ Там же, стр. 209.

ствуется, что всем нам будет горько не досчитаться Николая Толстова. Я не могу вспомнить об нем без того, чтобы на воскресить перед собою его доброго, умного, мягкого взгляда, и слышу его голос, всегда спокойный, в самых задорных спорах. Мне он представляется, как тормозная мазь Льва Николаевича, которого он не любил, а обожал. Я до сих пор не могу свыкнуться с этой утратой и грущу об нем с безотчетными слезами юноши, и седая голова не помогает». ⁵¹

«Миллионы раз с умилением вспоминаю, — писал Фет, — покойного Николая Николаевича. Редкая, благословенная натура». ⁵²

В 1924 г. японский писатель Рюносукэ Акутагава написал рассказ «Вальдшнеп». Сюжет его — приезд Тургенева к Толстым и их совместная охота в Ясной Поляне. В конце этого рассказа есть несколько поэтических строк о Н. Н. Толстом: «Тургенев глубоко вздохнул и остановился перед нишей. В нише, освещенной далеко стоящей свечой, смутной тенью вырисовывался мраморный бюст. Это был бюст старшего брата Льва Толстого — Николая. ⁵³ Подумать только, с тех пор, как дорогой и ему, Тургеневу, привязчивый к людям Николай ушел из жизни, прошло уже больше двадцати лет. . . . Словно не замечая, как текут часы весенней ночи, Тургенев долго стоял перед нишей, устремив на полутемный бюст печальные глаза. . . » ⁵⁴

Н. П. Пузин

⁵¹ *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 341.

⁵² Л. Н. Толстой. Перепiska с русскими писателями. М., 1962, стр. 242.

⁵³ «Внизу, под залой, рядом с передней, — писал И. Л. Толстой, — папа устроил себе кабинет. В стене он велел сделать полукруглую нишу и в ней поместил мраморный бюст своего любимого покойного брата Николая. Этот бюст сделан за границей с маски, и папа говорил нам, что он очень похож, потому что его делал хороший скульптор по указанию самого папа» (И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., 1914, стр. 30—32). Бюст, работы Геефса, 1861 г. (мрамор). В этой комнате яснополянского дома останавливался Тургенев во время приездов в Ясную Поляну.

⁵⁴ Акутагава. Новеллы. Гослитиздат. М., 1959, стр. 207.

УТРАЧЕННЫЕ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА (1877—1883 и дополнения)¹

В настоящем выпуске заканчивается обзор утраченных или не дошедших до нас писем Тургенева, сведения о которых удалось получить из писем Тургенева и его современников, а также из некоторых мемуарных источников.

В данной части обзора указаны письма, относящиеся к 1877—1883 гг., в дополнении же помещены сведения о не дошедших до нас письмах за 1841—1876 гг., пропущенные в предыдущих выпусках настоящего издания, а также о письмах, которые не удалось даже приблизительно датировать. Количество не дошедших до нас писем, телеграмм и деловых бумаг (доверенностей), перечисленных ниже, — около 370.

Однако, как и в уже вышедших частях обзора, в данной части сведения собраны далеко не полные. В IV выпуске (см. стр. 343—344) уже отмечалось, что с 1872 г. среди известной нам корреспонденции Тургенева не встречаются письма к Полине Виардо и членам ее семьи. Нпже указаны сведения только о двух письмах, адресованных к Полине Виардо (1880), и об одном письме — к Полю Виардо (1880). Несомненно, что писем к семье Виардо, а в особенности к Полине, было гораздо больше. Об этом имеются и прямые указания. Будучи в Париже летом 1961 г., М. П. Алексеев посетил внучку Полины Виардо, г-жу Болье, и в своей статье «По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции» привел ее ответ на вопрос относительно писем Тургенева: «У нас есть кое-какие письма Тургенева и к моей бабушке и к моей матери, «Марианне Дювернуа» < . . . », но это короткие деловые записки или письма, посвященные личным делам; они не заключают в себе ничего такого, что представляло бы общественный интерес, и никогда изданы не будут» («Русская литература», 1963, № 2, стр. 68).²

¹ Окончание. См.: *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 344—378; вып. II, стр. 339—353; вып. III, стр. 297—334; вып. IV, стр. 343—366.

² В «Литературной газете» (1966, 25 июня, № 74) И. С. Зильберштейн сообщил, что он обнаружил во Франции более 150 не изданных до сих пор писем Тургенева, которые будут им напечатаны в отдельной книге. Среди адресатов найденных им писем (А. Франс, Ж. Санд и ее близкие, Н. И. Тургенев, Н. А. Герцен, М. Ф. Раевский и др.) названы и дети Виардо.

Имеются сведения и о других письмах Тургенева, которые существуют, но остались недоступными для издания в Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева в двадцати восьми томах, выпущенном Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (изд. «Наука») и в «Тургеневских сборниках». Это письма Тургенева к И. Я. Павловскому, переданные на хранение в Национальную библиотеку (Париж) дочерью Павловского, г-жой Биндер, с условием не читать и не публиковать их в течение 20 лет со времени их поступления в библиотеку (см. указ. ст. М. П. Алексеева: «Русская литература», 1963, № 2, стр. 68).³ Это письма Тургенева к А. Ф. Видерту, хранящиеся в собрании Сергея Лифаря в Париже. Несомненно, что еще во многих архивах и частных коллекциях находятся письма Тургенева.

О некоторых же письмах Тургенева мы имеем сведения, но ничего не знаем об их местонахождении. Так, например, публикуя письма Тургенева к В. Рольстону («Недра», 1924, № 3, стр. 178), Н. Л. Бродский говорит о 106 письмах. Сохранилось 44 письма, которые вошли в соответствующие тома издания *Письма*. В настоящей работе собраны сведения о трех письмах, относящихся к 1872, 1881 и 1882 гг.; где же находятся остальные 59 писем и верна ли приведенная в публикации цифра об их количестве — неизвестно.

В воспоминаниях В. Н. Житовой сказано о близости Тургенева к семье Лобановых и о том, что «до самой кончины своей он вел переписку с ними» (*Житова*, стр. 40). Об этих письмах мы тоже пока ничего не знаем, сохранились ли они, сколько их было, к каким годам они относятся.

Такими же несомненно существовавшими, но пока утраченными для нас являются письма Тургенева к Ксавье Мармье, поиски которых еще не привели к положительным результатам (см.: «Русская литература», 1963, № 2, стр. 81—83), кроме двух, из которых второе отнесено к нему предположительно (см.: *Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 198 и 223).

Бесспорно также, что Тургенев состоял в переписке с С. М. Буткевич (Буташевской). Он написал предисловие к ее книге «Дневник девочки» (1862), способствовал изданию этой книги и конечно сообщал автору о результатах своих хлопот. Однако мы располагаем сведениями только об одном не дошедшем до нас письме Тургенева к Буткевич (1862). Подобные примеры можно умножить. Все они говорят о том, что собирание писем Тургенева далеко не закончено.

Но бывают случаи, когда вместе со сведениями о новых адресатах Тургенева мы узнаем и о том, что письма к ним безвозвратно погибли. Так, недавно в разговоре с внучкой художника Н. Н. Каразина, Т. Ф. Барыковой, выяснилось, что Тургенев состоял в переписке с Н. Н. Каразиным и с его женой М. В. Каразиной. До сих пор было известно одно письмо Тургенева к Каразину (1880); по словам же Т. Ф. Барыковой, у М. В. Каразиной хранилась корзина писем, среди которых было много писем Тургенева. После смерти

³ В том же номере «Литературной газеты» И. С. Зильберштейн пишет, что в его книге будут напечатаны и 45 писем Тургенева к Павловскому, так как ему дано разрешение на их публикацию.

Каразиной в 1923 г. в Петрограде эти письма, как ненужные бумаги, были сожжены ее соседями по квартире. Однако и это известие представляет интерес для собирателей сведений об эпистолярном наследии Тургенева. Оно расширяет наше представление о корреспонденции писателя и вводит в число его адресатов новое лицо — Марию Викторовну Каразину.

Обзор утраченных писем И. С. Тургенева заключается сводным указателем адресатов, имена которых и количество обращенных к ним писем устанавливаются по возможности документально.

Общее количество этих, не дошедших до нас писем, обращенных к 290 адресатам и систематизированных в I—V выпусках настоящего издания приближается к 1120. Однако необходимо иметь в виду, что данная цифра только приближительна, так как в случаях, когда речь шла о нескольких письмах Тургенева при подсчете условно принималась цифра 5, что, конечно, далеко не всегда соответствовало действительности.⁴

1877

Е. В. ЛЬВОВОЙ

10 (22) января 1877. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Львовой от 11 (23) января 1877 г.: «. . . вчера я отправил к вам длинное письмо. . .» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 64).

Ф. И. САЛАЕВУ

Середина января¹ 1877. Париж

Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 18(30) января 1877 г.: «Я получил от Ф. И. Салаева из Москвы запрос, не хочу ли я продать ему отдельное издание „Нови“; я ему ответил, что должен сперва узнать от Вас, сколько времени должно пройти между появлением романа в „Вестнике Европы“ — и отдельным его изданием» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 71).

МАКСИМИЛИАНУ ПЕРРЕНУ

Конец 1876—январь 1877. Париж

Упоминается в письме Тургенева к В. А. Соллогубу от 10 (22) февраля 1877 г.: «Я от Перрена не получил даже ответа на мое письмо и посланную книгу (Пушкина)» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 94).

⁴ Указанные цифры нельзя считать окончательными, так как имена некоторых адресатов не установлены, а, кроме того, собранные сведения об утраченных письмах далеко не исчерпаны.

¹ Здесь и ниже неопределенные даты, не имеющие чисел месяца, даются по старому стилю.

МИХАИЛУ ВЛАДИМИРСКОМУ, священнику

Февраль 1877. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Щепкину от 28 февраля (12 марта) 1877 г.: «Я ему <Владимирскому> отвечал <о невозможности продать землю жиздринским крестьянам>» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 109).

Ф. И. САЛАЕВУ

Конец февраля—начало марта 1877. Париж

Упоминается в письмах Тургенева: к Ю. П. Вревской от 5 (17) марта 1877 г.: «. . . ввиду единогласной журнальной брани «Нови» я счел своим долгом написать Салаеву, что я <. . . > предоставляю ему право отказаться от нашего условия «издать «Новь» отдельной книгой»; к А. А. Мещерскому от 15 (27) марта 1877 г.: «. . . я почел долгом написать Ф. И. Салаеву — что я освобождаю его от обязанности печатать такую охаянную книгу»; к М. М. Стасюлевичу от 25 марта (6 апреля) 1877 г.: «Вы знаете, что я писал Ф. И. Салаеву» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 112, 123 и 128).

А. В. и В. А. ПАНАЕВЫМ

15 (27) марта 1877. Париж

Упоминается в письме Тургенева к А. А. Мещерскому от 15 (27) марта 1877 г.: «Я сегодня же напишу ей <Панаевой> — и ее полоумному родителю» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 124). Было ли письмо написано — неизвестно.

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

30 марта (11 апреля) 1877. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1877 г.: «12 апреля. Иван маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 390).

КЛАРЕ и Ф. Н. ТУРГЕНЕВЫМ

13 (25) апреля 1877. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1877 г.: «26 апреля. Иван Фанни, маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 390).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

14 (26) апреля 1877. Вербуа

Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 15 (27) апреля 1877 г.: «. . . я изложил твою просьбу < займе денег > письменно» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 143, 147).

Е. И. РАГОЗИНУ

18 (30) апреля 1877. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Рагозину от 20 апреля (2 мая) 1877 г.: «Третьего дня я послал ответную телеграмму на Вашу» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 145).

П. В. АННЕНКОВУ

Март—апрель 1877. Париж

Несколько писем. Упоминаются в письме Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 3 (15) мая 1877 г.: «Он <Тургенев> возвещал мне многократно о решимости своей прибыть в Баден к 5-му мая» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 343).

П. В. АННЕНКОВУ

17 (29) мая 1877. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Анненкову от 5 (17) мая 1877 г.: «В минуту отъезда я Вам пошлю телеграмму» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 155). Была ли телеграмма послана — неизвестно.

Г. А. АННЕНКОВОЙ

19—20 мая ст. ст. 1877. Берлин

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 29 июня (11 июля) 1877 г.: «Я из Берлина послал телеграмму в Кёльн <. . .>, но, вероятно, Ваше семейство уже уехало в Бланкенберг. . .» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 183).

Ю. П. ВРЕВСКОЙ

21 мая (2 июня) 1877. Вержболово

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Вревской от 7 (19) апреля 1877 г.: «С границы я Вам пошлю телеграмму» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 133). Была ли телеграмма послана — неизвестно.

А. Ф. ГРОТУ

24 мая (5 июня) 1877. Петербург

Упоминается в письме А. Ф. Грота к Тургеневу от конца мая 1877 г.: «В ответ на почтеннейшее письмо Ваше от 24 сего мая долгом считаю Вас, милостивый государь, уведомить, что г. Топорова я уже имел в виду определить по ведомству придворной его величества конторы. Ныне рекомендация Вапа еще более усиливает во мне это желание. . .» (*ИРЛИ*, 11822. LXIXб. 1).

Н. А. ЩЕПКИНУ

7 (19) июня 1877. Петербург

Доверенность. Упоминается в письмах Тургенева к Щепкину: от 7 (19) июня 1877 г.: «. . . посылаю Вам при сем доверенность на получение денег из Орловского банка»; от 12 (24) июня 1877 г.: «Я вам на днях послал доверенность» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 169 и 173).

И. И. МАСЛОВУ

16 (28) июня 1877. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к Маслову от 17 (29) июня 1877 г.: «Я вчера написал тебе *слезное* моление о присылке мне писем. . .» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 175).

Г-же БРЮЭР, матери Гастона Брюэра

Конец июня 1877. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 3 (15) июля 1877 г.: «Я написал ей <г-же Брюэр> в Париж <просьбу об отсрочке долга>» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 185, 458).

Ф. И. САЛАЕВУ

Конец июня—начало июля 1877. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Салаеву от 22 июня (4 июля) 1877 г.: «. . . прошу Вас выслать 5 экз. «Нови» в Париж <. . .> На остальные 20 я Вам пришлю реестрик» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 180).

А. В. ТОПОРОВУ

Конец июня—начало июля 1877. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Топорову от 10 (22) июля 1877 г.: «Вы также не отвечали на мое письмецо отсюда» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 186).

ПОЛТОРАЦКОЙ

Июль—середина августа 1877. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Э. С. Полторацкой от 26 августа (7 сентября) 1877 г.: «Что касается важного дела <хлопоты о пособии>, о котором идет речь <. . .> я мог бы только повторить вам то, что уже писал вашей сестре: пока эта война будет длиться — *совершенно ничего* нельзя сделать. . .» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 202, 464).

П. К. МАЛЯРЕВСКОМУ

Первая половина августа 1877. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Щепкину от 14 (26) августа 1877 г.: «. . . г-н Маляревский также написал мне подробный отчет <о состоянии здоровья Н. С. Тургенева, который в это время был болен> — и я ему ответил» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 197).

Ф. И. САЛАЕВУ

Середина августа—начало сентября 1877. Буживаль

Упомянется в письме Тургенева к П. А. Бессонову от 5 (17) сентября 1877 г.: «По получении Вашего письма я немедленно дал знать Ф. И. Салаеву, чтобы он отложил для Вас два полных экз. моих сочинений. . .» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 204).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Июнь—август 1877. Буживаль

Упомянется в письме Тургенева к Стасюлевичу от 24 сентября (6 октября) 1877 г.: «Цитировал я Вам отрывки из стихотворений Шумахера «это письмо с цитатами неизвестно»» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 213).

ГАСТОНУ БРЮЭРУ

Первая половина сентября 1877. Буживаль

Упомянется в письмах Тургенева к Полине Брюэр: от 23 сентября (5 октября) 1877 г.: «Надеюсь, что большое письмо, обещанное твоим мужем <ответ на письмо Тургенева>, не заставит слишком долго ждать»; от 29 ноября (11 декабря) 1877 г.: «Твой муж напрасно почувствовал себя обиженным моим письмом. . .» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 210, 467 и 242, 471).

Ф. Н. ТУРГЕНЕВОЙ

16 (28) октября 1877. Париж

Упомянется в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1877 г.: «29 октября. Иван Тургенев к Фанни» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 391).

Е. И. БЛАРАМБЕРГ

Август—октябрь 1877. Буживаль или Париж

Упомянется в записке Тургенева к Н. А. Щепкину от августа—октября 1877 г.: «Будьте так добры передать одно из прилагаемых писем Е. И. Бларамберг» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 224).

Ю. И. МАЛИНОВСКОЙ

Август—октябрь 1877. Буживаль или Париж

Письмо и записка. Упомянутся в записке Тургенева к Н. А. Щепкину от августа—октября 1877 г.: «Будьте добры передать < . . . > другое <письмо> вместе с запиской — г-же Ю. Малиновской» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 224).

Н. А. МЕРЕНБЕРГ

Август—ноябрь 1877. Буживаль, Париж

Несколько писем. Упомянутся в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 10 (22) декабря 1877 г.: «В письмах моих к ней <Меренберг>, писанных с Ваших слов, я упоминал о 4000 экз. . .» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 247).

П. В. АННЕНКОВУ

Начало ноября 1877. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 7 (19) ноября 1877 г.: «... я ему телеграфировал о своем горе <приступе подагры>» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 225).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Начало ноября 1877. Париж

Косвенно упоминается в письме Тургенева к Флоберу от 23 ноября (5 декабря) 1877 г.: «По-прежнему нахожусь в горизонтальном положении!» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 239 и 469). В последнем перед этим письме к Флоберу от 27 октября (8 ноября) Тургенев не писал о своей болезни. Он заболел 3 (15) ноября 1877 г.

Н. А. ЩЕПКИНУ

22 ноября (4 декабря) 1877. Париж

Записка. Упоминается в письме Тургенева к Н. С. Тургеневу от 22 ноября (4 декабря) 1877 г.: «Насчет 200 р. сер. прощу тебя переслать прилагаемую записку к Н. А. <в подлиннике ошибочно Н. М.> Щепкину — и он немедленно удовлетворит тебя» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 238).

УПРАВЛЯЮЩЕМУ МУЗЫКАЛЬНЫМ МАГАЗИНОМ А. ИОГАНСЕНА

26 ноября (8 декабря) 1877. Париж

Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 26 ноября (8 декабря) 1877 г.: «... передайте <ноты Виардо, которые привез из Парижа М. Г. Гинцбург> в магазин музыкальный А. Иогансена <...> заправляющему тем магазином вместе с конвертом на его имя. Я ему пишу, что деньги на печатание этих нот он получит от Вас (из числа приходящихся за проданные экземпляры моего издания)» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 267).

УПРАВЛЯЮЩЕМУ МУЗЫКАЛЬНЫМ МАГАЗИНОМ А. ИОГАНСЕНА

Конец ноября—начало декабря 1877. Париж

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 1 (13) января 1878 г.: «Он <управляющий> получил от меня письмо и ноты <посланные дополнительно вслед за нотами Виардо, которые должен был передать М. Г. Гинцбург, см. выше>» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 254).

Б. А. ЧИВИЛЕВУ

23 декабря 1877 (4 января 1878). Париж

Упоминается в письме Тургенева к Чивилеву от 27 декабря ст. ст. 1877 г.: «Любезный Чивилев, я писал к вам в пятницу об уроках французского языка М. М. Антокольскому» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 252).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

20-е числа декабря 1877 (начало января 1878). Париж

Записка о встрече. Косвенно упоминается в письме Флобера к Тургеневу от 13 января н. ст. 1878 г.: «Я вам отвечаю. . .» (*Flaubert, Correspondance. Suppl., t. 4, стр. 57*).

1878

А. Н. ЛУКАНИНОЙ

2 (14) февраля 1878. Париж

Упоминается в записке Тургенева к Луканиной от 3 (15) февраля 1878 г.: «Я писал Вам вчера *paste restante*, что я не могу быть дома сегодня» (*Письма, т. XII, кн. 1, стр. 277*).

М. П. ДРАГОМАНОВУ

12 (24) февраля 1878. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Драгоманову от 17 февраля (1 марта) 1878 г.: «В прошлое воскресенье я Вам написал несколько строк «о болезни Рольстона»» (*Письма, т. XII, кн. 1, стр. 287*).

Ю. Ф. АБАЗЕ, М. А. МИЛЮТИНОЙ, А. Н. МУХОРТОВОЙ, А. В. ПЛЕТНЕВОЙ, Э. Ф. РАДЕН

18 февраля (2 марта) 1878. Париж

Пять писем. Упоминаются в письмах Тургенева к П. В. Анненкову: от 17 февраля (1 марта) 1878 г. — «Завтра будут отправлены в Петербург письма (о девице Петерсон) к следующим лицам: Мухортовой, г-же Абазе, Плетневой, баронессе Раден и через И. П. Арапетова Милютиной (жене военного министра)»; от 20 марта (1 апреля) 1878 г. — «Я уже получил от двух-трех лиц «запросы о Петерсон»» (*Письма, т. XII, кн. 1, стр. 287 и 300*).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

23 февраля (7 марта) 1878. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1878 г.: «8 марта. Утром письмо от Ивана, мама на него отвечает» (*Лит. насл., т. 76, стр. 391*).

А. Н. ЛУКАНИНОЙ

28 февраля (12 марта) 1878. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Луканиной от 2 (14) марта 1878 г.: «Я писал к Вам по новому Вашему адресу третьего дня. . .» (*Письма, т. XII, кн. 1, стр. 293*).

СТУДЕНТАМ

28 февраля (12 марта) 1878. Париж

Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 28 февраля (12 марта) 1878 г.: «Прилагаю особое письмецо на Ваше имя для студентов, приславших мне пригласительный билет, и при этом малую толику денег (50 рублей)» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 291).

Н. ЛЬВОВОЙ

Около 20 марта ст. ст. 1878

Упоминается в письме Львовой к Тургеневу от 26 марта ст. ст. 1878 г.: «. . . Ваше письмо пришло в грустный день для нас — день похорон нашего любимого брата, — присылка Вашей фотографической карточки была очень приятной неожиданностью» (*ИРЛИ*, 5825. XXXб. 115).

Н. А. ОРЛОВУ

1877—начало 1878. Париж

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 24 апреля (6 мая) 1878 г.: «. . . написал кн. Орлову письмо, в котором убеждал его <не выдавать русскому правительству А. М. Розенштейн (Кулешову)> <. . . > Она приезжала благодарить меня. . .» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 315).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Около 2 (14) апреля 1878. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Флобер отвечал 2 (14) апреля 1878 г.: «Нет, мой милый, не приходите завтра, потому что все дни этой недели, кроме пятницы, я после полудня проведу в библиотеке» (*Flaubert, Correspondance. Suppl.*, t. 4, стр. 65).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Около 7 (19) апреля 1878 г. Париж

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева, в котором он извещал Флобера о распродаже 8 (20) апреля своих картин, сохранился ответ Флобера от 7 (19) апреля 1878 г. (см.: *Flaubert, Correspondance. Suppl.*, t. 4, стр. 67).

Г-же РАЙС

Конец апреля 1878. Париж

Упоминается в письме Райс к Тургеневу от 5 (17) мая <1878 г.>: «. . . я непременно буду в Пб. в июле. О своей радости по поводу вашего письма умолчу <. . .>. Но ведь вы уведомяте меня, когда приедете в Пб.?» (*ИРЛИ*, 5765. XXXб. 55). Обоснование года см. ниже, письмо к Райс от 30 июля (11 августа) 1878 г.

А. В. ГОЛОВНИНУ

1 (13) мая 1878. Париж

Упомянется в письме Головнина к Тургеневу от 6 (18) мая 1878 г.: «Очень благодарю Вас, почтенный Иван Сергеевич, за письмецо от 1/13 числа и за обещанные сведения о книгах и очень, очень жалею о повторившемся припадке аристократической болезни Вашей» (*ИРЛИ*, 5803/1. ХХХб. 93).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

11 (23) мая 1878. Париж

Упомянется в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1878 г.: «24 мая. Иван Тургенев Альберу <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 392).

МАКСИМУ ДЮКАНУ

26 мая (7 июня) 1878. Париж

Упомянется в письме Тургенева к А. И. Воронцову от 27 мая (8 июня) 1878 г., из которого известно, что Тургенев ошибочно послал на его адрес письмо к Дюкану (см.: *Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 221).

А. И. ВОРОНЦОВУ

26 мая (7 июня) 1878. Париж

Упомянется в письме Тургенева к Воронцову от 27 мая (8 июня) 1878 г.: «Я написал вам вчера письмо со вложенной карточкой» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 221).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

3 (15) июля 1878. Буживаль

Упомянется в письме Флобера к Тургеневу от 5 (17) июля 1878 г.: «Ваше письмо, датированное 15, ко мне пришло только сегодня, 17» (*Flaubert, Correspondance. Suppl.*, t. 4, стр. 94).

В. КАРПОВОЙ

До 11 (23) июля 1878. Париж или Буживаль

Несколько писем. Сохранилось письмо Карповой к Тургеневу от 23 июля н. ст. 1878 г., из которого видно, что Тургенев ранее писал к ней: «Я живу всё там же, rue des Lyonnais, № 6. Если Вы пожелаете меня видеть, то, будьте так добры, напишите» (*ИРЛИ*, 5826. ХХХб. 116).

Г-же РАЙС

30 июля (11 августа) 1878. Петербург

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Райс ответила (вероятно, в тот же день) 30 июля (11 августа) <1878 г.>: «Если вам можно, если вы будете так добры — приезжайте завтра утром в Троицкий <переездок> до 12-ти.

С глубокой благодарностью и признательностью Райс. Или сегодня вечером» (*ИРЛИ*, 5765. ХХХб. 55). Не дошедшие до нас письма Тургенева к Райс (это и от конца апреля ст. ст. 1878 г. — см. выше) отнесены к 1878 г. на следующие основания: Райс пишет, что в ранней молодости она прочитала «Дворянское гнездо» (следовательно, письма написаны после 1859 г.), и сговаривается с Тургеневым о встрече 30 июля. В этот день Тургенев был в Петербурге только в 1878 г.

Н. А. ЩЕПКИНУ

3—7 (15—19) августа 1878. Москва

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Щепкину от 28 июля (9 августа) 1878 г.: «Из Москвы я Вам пошлю телеграмму с точным обозначением дня и часа прибытия» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 338).

Л. Я. СТЕЧЬКИНОЙ

5 (17) августа 1878. Москва

Упоминается в письме Тургенева к Стечкиной от 4 (16) августа 1878 г.: «... я пошлю Вам завтра телеграмму с известием о выезде из Москвы в Тулу» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 340). Была ли телеграмма послана — неизвестно.

А. М. ПОКАТИЛО

5 (17) сентября 1878. Петербург

Упоминается в письмах Тургенева к Н. А. Щепкину: от 5 (17) сентября 1878 г. — «Посылаю Вам письмо к Покатило и еще раз прошу позаняться этим делом»; от 13 (25) сентября 1878 г.: «... получили ли Вы вовремя мое письмо к г. Покатило?» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 354 и 356).

П. В. АННЕНКОВУ

Середина сентября 1878. Буживаль

На это, не дошедшее до нас письмо сохранился ответ Анненкова от 27 сентября (9 октября) 1878 г. из Брюсселя: «Достаточно загадочны Ваши слова, что мы свидимся скорее, чем думаем» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 12, л. 75) и ответ на него Тургенева от 25 октября (6 ноября) 1878 г.: «Загадочность моих слов <...> разрешается просто: я <...> непременно желаю съездить в Голландию» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 370).

РУДОЛЬФУ ЛИНДАУ

Середина сентября 1878. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Жюлю Этцелю от 22 сентября (4 октября) 1878 г.: «Я, действительно, ошибся, и немецкое письмо, которое вы мне возвращаете, предназначалось Р. Линдау. . .» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 357, 481).

ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

Середина сентября 1878. Буживаль

Упомянуется в письме Тургенева к Этцелю от 22 сентября (4 октября) 1878 г.: «Он <Р. Линдау, которому ошибочно Тургенев отправил письмо к Этцелю> не вернул мне письмо, адресованное вам <с просьбой послать Ф. Бюрти произведения Тургенева, изданные Этцелем>» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 357, 481).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

29 октября (10 ноября) 1878. Париж

Упомянуется в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1878 г.: «11 ноября. Почтальон приносит письмо Ивана к Альберу» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 393).

ЛУИ ФРАНСУА АШЕТТУ, ЭДУАРДУ ДАНТЮ, ЖЕРВЕ ШАРПАНТЬЕ

31 октября (12 ноября) 1878. Париж

Три письма. Упомянуты: в дневнике А. Н. Луканиной от 23 октября (4 ноября) 1878 г. — «Иван Сергеевич сказал мне прийти <. . .> девятого числа <. . .>. К этому дню я приготовлю вам письма к Nachette, Dentu и Charpentier» («Северный вестник», 1887, № 3, стр. 51); в письме Тургенева к Луканиной от 28 октября (9 ноября) 1878 г. — «Вы можете прийти во вторник <. . .>. Письма к издателям будут готовы» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 374).

А. В. ГОЛОВНИНУ

21 ноября (3 декабря) 1878. Париж

Упомянуется в письмах Тургенева: к Я. Н. Ханыкову от 21 ноября (3 декабря) 1878 г.: «Я такой же лист <сбор денег на памятник Н. В. Ханыкову> посылаю в Россию к Головнину»; к М. М. Стасюлевичу от 22 ноября (4 декабря) 1878 г.: «Я написал А. В. Головнину. . .»; к П. В. Анненкову от 23 ноября (5 декабря) 1878 г.: «Я написал об этом <. . .> Головнину» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 386, 387 и 388).

Н. А. МЕРЕНБЕРГ

Начало декабря 1878. Париж

Упомянуется в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 14 (26) декабря 1878 г.: «Я отвечал ей <Меренберг>, чтобы она обратилась к Вам <с просьбой вернуть подлинники писем Пушкина, опубликованных в „Вестнике Европы“>» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 399).

Г. О. ГИНЦБУРГУ

Конец декабря 1878—начало января 1879. Париж

Упоминается в письме к Гинцбургу от 10 (22) января 1879 г.: «Я уже писал к Вам <...>, но имею причины предполагать, что мое письмо не дошло до своего адреса <Тургенев просил Гинцбурга помочь И. Я. Павловскому>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 13).

Н. А. ЩЕПКИНУ

8 (20) января 1879. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Щепкину от 9 (21) января 1879 г.: «... я отправил вчера к Вам телеграмму, в которой поручил Вам присутствовать <...> при наложении печатей на имущество покойного брата» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 10).

Н. А. ЩЕПКИНУ

17 (29) января 1879. Париж

Доверенность. Упоминается в письмах Тургенева: к М. М. Стасюлевичу от 17 (29) января 1879 г. — «... как только Вы получите прилагаемую доверенность, то потрудитесь <...> засвидетельствовать подпись консула в Министерстве иностранных дел — и <...> отправьте ее <...> Николаю Александровичу Щепкину»; к Н. А. Щепкину от 17 (29) января 1879 г. — «... я <...> ее <доверенность> отправил в Петербург к г. Стасюлевичу»; к нему же от 27 января (8 февраля) 1879 г. — «Полагаю, что Вы теперь уже получили <...> доверенность» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 22, 23, 29).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Около 18 (30) января 1879. Париж

Телеграмма. Упоминается в письмах: Тургенева к Каролине Комманвиль от 18 (30) января 1879 г. — «Я немедленно телеграфировал Флоберу <о его здоровье, Флобер сломал ногу 13 (25) января>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 24, 340); Флобера к Тургеневу от 18 (30) января 1879 г.: «Нет, мой добрый старина, не приезжайте. . .» (*Flaubert, Correspondance. Suppl.*, t. 4, стр. 154); Тургенева к Флоберу от 19 (31) января 1879 г.: «Почему вы не отвечаете на мою телеграмму» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 26, 340).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

24 января (5 февраля) 1879. Париж

Телеграмма. Упоминается в письмах: Тургенева к Эмилю Золя от 23 января (4 февраля) 1879 г. — «Мне пришлось обещать, что я телеграфирую ему об этой сумме <размер жалования хранителя библиотеки>» (*Письма*, т. XII,

кн. 2, стр. 27, 341); Флобера к Тургеневу от 24 января (5 февраля) 1879 г.: «Спасибо за вашу телеграмму» (*Flaubert, Correspondance. Suppl., t. 4, стр. 158*).

КАРОЛИНЕ КОММАНВИЛЬ

1 (13) февраля 1879. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Гюставу Флоберу от 1 (13) февраля 1879 г.: «P. S. Я пишу несколько слов вашей племяннице» (*Письма, т. XII, кн. 2, стр. 32, 345*).

ЛЮДВИГУ ФРИДЛЕНДЕРУ

Начало февраля 1879. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Фридлендеру от 14 (26) декабря 1878 г.: «Уведомлю Вас об этом телеграммой «о выезде из Парижа и дне приезда в Берлин»» (*Письма, т. XII, кн. 1, стр. 402, 491*). Была ли телеграмма послана — неизвестно.

А. В. ТОПОРОВУ

7 (19) февраля 1879. Вержболово

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 4 (16) февраля 1879 г.: «Я Вас извещу с границы телеграммой» (*Письма, т. XII, кн. 2, стр. 33*). Была ли телеграмма послана — неизвестно.

Л. Я. СТЕЧЬКИНОЙ

15 (27) февраля 1879. Москва

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Стечкиной от 13 (25) февраля 1879 г.: «. . . телеграмму эту Вы получите послезавтра» (*Письма, т. XII, кн. 2, стр. 36*). Была ли телеграмма послана — неизвестно.

В. П. ГАЕВСКОМУ

24 февраля (8 марта) 1879. Москва

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 27 февраля (11 марта) 1879 г.: «И Вам и Гаевскому я телеграфировал о невозможности «. . .» участвовать в чтении 2-го марта в Петербурге» (*Письма, т. XII, кн. 2, стр. 41*).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

24 февраля (8 марта) 1879. Москва

Телеграмма. Упоминается в письмах Тургенева к Стасюлевичу: от 24 февраля (8 марта) 1879 г. — «Из моей сегодняшней ответной телеграммы Вы уже узнали невеселое положение моих дел «отказ от участия в чтении ввиду болезни»; от 27 февраля (11 марта) 1879 г. — «И Вам и Гаевскому я телеграфировал. . .» (*Письма, т. XII, кн. 2, стр. 39 и 41*).

С. М. ЛОБОДЕ (КРАПИВИНОЙ)

Середина марта 1879. Петербург

Упомянуется в письме Тургенева к В. П. Гаевскому от 20 марта (1 апреля) 1879 г.: «Я написал г-же Лободе, чтобы она обратилась с просьбой к Вам т. е. в Литературный фонд для разбора ее жалобы на М. О. Микешина» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 51).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

26 марта (7 апреля) 1879. Париж

Упомянуется в письме Флобера к Тургеневу от 28 марта (9 апреля) 1879 г.: «Наши два письма столкнулись <Флобер написал в тот же день, 7 апреля н. ст., письмо Тургеневу, узнав из газет о его приезде в Париж>» (*Flaubert, Correspondance. Suppl.*, t. 4, стр. 200).

В. В. и С. Д. ДУМНОВЫМ

28—29 марта (9—10 апреля) 1879. Париж

Упомянуется в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 30 марта (11 апреля) 1879 г.: «. . . я написал в Москву, чтобы узнать — кто наследник его <Ф. И. Салаева> фирмы. . .» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 58).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Начало апреля 1879. Париж

Косвенно упоминается в письме Флобера к Каролине Комманвиль от 13 (25) апреля 1879 г.: «Что ты скажешь о Тургеневе, который должен был сначала приехать в воскресенье <8 (20) апреля 1879 г.>?» (*Flaubert, Correspondance*, S. VIII, стр. 260).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

Около 8 (20) апреля 1879. Париж

Упомянуется в письме Флобера к Каролине Комманвиль от 13 (25) апреля 1879 г., где сказано, что Тургенев собирался приехать к нему сначала в воскресенье 8 (20) апреля, а потом отменил свое решение и обещал приехать во вторник 10 (22) апреля (см.: *Flaubert, Correspondance*, S. VIII, стр. 260).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

9 (21) апреля 1879. Париж

Упомянуется в письме Флобера к Каролине Комманвиль от 13 (25) апреля 1879 г., где говорится о том, как Тургенев обещал приехать к Флоберу сначала в воскресенье 8 (20) апреля, потом во вторник 10 (22) апреля, а затем опять предупредил его о том, что переносит свой визит на 13 (25) апреля (см.: *Flaubert, Correspondance*, S. VIII, стр. 260).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

10 (22) апреля 1879. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1879 г.: «23 апреля. Иван маме «письмо»» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 395).

ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

11—12 (23—24) апреля 1879. Париж

Упоминается в письме Флобера к Каролине Комманвиль от 13 (25) апреля, где говорится о том, что Тургенев известил его о своем намерении приехать к нему не 13 (25), а 15 (27) апреля 1879 г. (см.: *Flaubert, Correspondance*, S. VIII, стр. 260). В сохранившемся письме к Флоберу от 14 (26) апреля Тургенев вновь перенес свой визит и приехал к нему 22 апреля (4 мая) (см.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 66, 351 и 440).

А. В. ТОПОРОВУ

Середина апреля 1879. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Топорову от 20 апреля (2 мая) 1879 г.: «. . . я не знаю хорошенько, отвечал ли я на Ваше последнее письмо — или нет?» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 70). Было ли письмо написано — неизвестно.

АЛЬФОНСУ ДОДЕ, ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

18 (30) апреля 1879. Париж

Два письма. Упоминаются в письме Тургенева к Эдмону де Гонкуру от 18 (30) апреля 1879 г.: «Я пишу об этом «об отмене общей поездки к Флоберу» Золя и Доде» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 66, 352).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

27 апреля (9 мая) 1879. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1879 г.: «10 мая. Утром письмо от Ивана «Альберу»» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 395).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Вторая половина апреля 1879. Париж

Упоминается в письмах Тургенева к Стасюлевичу от 2 (14) мая 1879 г.: «. . . последнее мое к Вам письмо пропало. . .»; от 17 (29) мая 1879 г.: «. . . одно мое письмо затерялось» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 73 и 78).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

8 (20) мая 1879. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1879 г.: «21 мая. Иван Альберу «письмо»» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 395).

А. Н. МУХОРТОВОЙ

Около 20 мая (1 июня) 1879. Париж

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 17 (29) мая 1879 г.: «А. Н. Мухортовой напишу непременно на днях» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 79). Было ли письмо написано — неизвестно.

Г. О. ГИНЦБУРГУ

29 мая (10 июня) 1879. Париж

Упоминается в письмах Тургенева к С. Л. Клячко: от 28 мая (9 июня) 1879 г. — «Вы его <рекомендательное письмо к Гинцбургу> получите *завтра*»: от 29 мая (10 июня) 1879 г. — «С прилагаемым письмом явитесь *завтра*. в *середу*, к г. Гинцбургу» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 85).

Е. ГОЛОВАЧЕВОЙ

Конец мая 1879. Париж

Упоминается в письме Головачевой к Тургеневу от 2 (14) июня 1879 г.: «Прошу извинить меня, Иван Сергеевич, что < . . . > не могла воспользоваться назначенным Вами часом, чтобы приехать к Вам <далее она пишет, что дело, с которым она обращалась к Тургеневу, закончено и она благодарит его за содействие>» (*ИРЛИ*, 5843. ХХХб. 133).

Р. А. КРИММЕРУ

13 (25) июня 1879. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 13 (25) июня 1879 г.: «Вот < . . . > желаемое Вами письмо к г. Криммеру» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 95).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

8 (20) августа 1879. Буживаль

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1879 г.: «20 августа. Иван маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 396).

И. И. МАСЛОВУ

18 (30) августа 1879. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Н. Я. Стецькину от 18 (30) августа 1879 г.: «Посылаю Вам письмо к Маслову <рекомендательное>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 121).

А. А. НАВРОЦКОМУ

Конец августа 1879. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 26 сентября (8 октября) 1879 г.: «я ему <Навроцкому> писал с месяц тому назад» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 137).

А. Н. ЛУКАНИНОЙ

9 (21) сентября 1879. Буживаль

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Луканиной от 12 (24) сентября 1879 г.: «. . . а Вам послал телеграмму «об отъезде Стасюлевича из Парижа»» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 129).

Ф. С. ЦЫЦУРИНУ

21 сентября (3 октября) 1879. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 21 сентября (3 октября) 1879 г.: «Прилагаю при сем письмо к Цыцурину» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 135).

А. А. НАВРОЦКОМУ

26 сентября (8 октября) 1879. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 26 сентября (8 октября) 1879 г.: «Передайте, пожалуйста, лично прилагаемое письмо редактору „Русской речи“ — г-ну А. Навроцкому» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 137).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Вторая половина сентября 1879. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к В. В. Думнову от 1 (13) октября 1879 г.: «„Некролог Брюлловой“ будет Вам немедленно выслан М. Стасюлевичем, которому я уже писал об этом» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 139).

ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

7 (19) октября 1879. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к С. Л. Клячко от 7 (19) октября 1879 г.: «Ступайте сперва к Гетцелю «с рекомендательным письмом»» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 148).

М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

20-е числа октября ст. ст. 1879. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к С. А. Юрьеву от 21 октября (2 ноября) 1879 г.: «Прошу Вас передать Ковалевскому, что он на днях получит от меня письмо о памятнике Гоголю» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 159). Было ли письмо написано — неизвестно.

ГАСТОНУ БРЮЭРУ

30 октября (11 ноября) 1879. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 30 октября (11 ноября) 1879 г.: «Я напишу сегодня же Гастону «с обещанием повысить пенсию Полине и ссудить Гастона деньгами»» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 166, 370). Было ли письмо написано — неизвестно.

АРТУРУ ЛЕВИНЗОНУ

Октябрь 1879. Буживаль

Упомянется в письме Тургенева к Людвигу Пичу от 31 октября (12 ноября) 1879 г.: «Издателю „Tageblatt“ в Берлине я написал, чтобы он обратился к Вам по поводу перевода „Pain d'Autrui“ «Чужого хлеба»» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 167, 371).

В. В. ДУМНОВУ

12 (24) ноября 1879. Буживаль

Упомянется в письме Тургенева к Думнову от 14 (26) ноября 1879 г.: «Насчет опечаток могу только повторить сказанное мною в третьедняшнем моем письме «т. е. согласие дать список опечаток в первом томе»» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 179).

АДРИЕНУ ЭБРАРУ

Декабрь 1879. Париж

Упомянется в письме Тургенева к Шарлю Эдмону от 3 (15) января 1880 г.: «Обращаюсь к вам ввиду того, что весьма трудно получить ответ от г. Эбрара «очевидно, Тургенев писал Эбрару в декабре 1879 г., прося известить его об издании перевода повести А. Н. Луканиной «Любушка. Рассказ старой няни»»» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 201, 381).

А. ОСКНЕР

Декабрь 1879 и ранее (?)

Несколько писем. Упомянутся в письме Оскнер к Тургеневу от 17 (29) мая б/г из Петербурга: «(в последнем письме Вы просили меня не предпринимать никакого решения до Вашего прибытия в Петербург, чтобы вместе обсудить наше положение) «она просила ходатайства перед Виардо». Всё это время «полгода» я терялась в предположениях о причине Вашего молчания «...» наконец, благодаря случайной встрече мне удалось с Вами видеться. . .» (*ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 118). Датируется предположительно, на основании последнего приезда Тургенева в Россию весной 1880 г.

А. И. АЛЕКСЕЕВУ

1879 (?)

Три письма. Упомянутся в воспоминаниях А. И. Алексеева: «У меня было всех пять писем Ивана Сергеевича, только три исчезли, неизвестно куда» («Звезда», 1903, № 5, стр. 68; *Тургенев, Сб.*, вып. I, стр. 326). Сохранившиеся два письма Тургенева датированы 14 (26) апреля и 30 июля (11 августа) 1879 г. (см.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 66 и 113). На этом основании и не дошедшие до нас письма относим к 1879 г.

АЛЬФОНСУ ДОДЕ

Около 12 (24) января 1880. Париж

Косвенно упоминается в письме Тургенева к Эдмону де Гонкуру от 12 (24) января 1880 г.: «Не согласились бы вы принять участие в прощальном обеде <перед отъездом Тургенева в Россию> <...> Будет Золя, может быть, Доде» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 204, 382). Было ли послано Доде приглашительное письмо, или Тургенев устно пригласил его — неизвестно.

ЭМИЛИУ ЗОЛЯ

Около 12 (24) января 1880. Париж

Косвенно упоминается в письме Тургенева к Эдмону де Гонкуру от 12 (24) января 1880 г.: «Не согласились бы вы принять участие в прощальном обеде <перед отъездом Тургенева в Россию> <...> Будет Золя. . .» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 204, 382). Было ли послано Золя приглашительное письмо, или Тургенев устно пригласил его — неизвестно.

В РЕДАКЦИЮ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

13 (25) января 1880. Париж

Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 13 (25) января 1880 г.: «Поместите, пожалуйста, прилагаемое письмо в февральском №-е „Вестника Европы“ <вероятно, это был ответ на «Справку для г. Тургенева» Б. М. Маркевича и редакционную статью М. Н. Каткова в «Московских ведомостях» (1880, 6 января, № 5)»» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 207).

ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ

14 (26) января 1880. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Эмилию Золя от 14 (26) января 1880 г.: «... я немедленно телеграфирую Гонкуру <о перемене дня прощального обеда>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 208, 383).

АЛЬФОНСУ ДОДЕ, ГИ ДЕ МОПАСАНУ

14 (26) января 1880. Париж

Два письма. Косвенно упоминаются в письме Тургенева к Эмилию Золя от 14 (26) января 1880 г.: «... уведомлю об этом Мопассана и Доде <о перемене дня прощального обеда>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 208, 383). Было ли письмо написано, или Тургенев лично уведомил Доде и Мопассана — неизвестно.

ГИ ДЕ МОПАСАНУ

16 (28) января 1880. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Эмилю Золя от 16 (28) января 1880 г.: «Я напишу также Мопассану. . . «о новой перемене дня прощального обеда»» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 208, 384).

П. В. АННЕНКОВУ

21 января (2 февраля) 1880. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Анненкову от 13 (25) декабря 1879 г.: «Накануне отъезда пошлю Вам телеграмму <Тургенев выехал из Парижа 22 января (3 февраля) 1880 г.>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 192). Была ли телеграмма послана — неизвестно.

А. В. ТОПОРОВУ

28 января (9 февраля) 1880. Вержболово

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Топорову от 16 (28) января 1880 г.: «С границы пошлю телеграмму» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 209). Была ли телеграмма послана — неизвестно.

ПОЛИНЕ ВИАРДО

Начало февраля ст. ст. 1880. Петербург

Упоминается в письме Виардо к Гюставу Флоберу от 11 (23) февраля 1880 г.: «. . . сегодня утром мы получили письмо от Т <Тургенева> <. . . > его немного мучит подагра <. . . > он мало кого видит <. . . > его покой не нарушают» (*Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 375, 376).

ПОЛИНЕ ВИАРДО

Около 10 (22) февраля 1880. Петербург

Об этом, не дошедшем до нас письме Тургенева можно судить по содержанию письма Виардо к Гюставу Флоберу от 17 (29) февраля 1880 г.: «Наш бедный друг болен, прикован к постели приступом ишиаса. Надо ему написать, придать ему бодрости. . .» (*Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 376, 377).

Л. Я. СТЕЧЬКИНОЙ

14 (26) февраля 1880. Петербург

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Стечкиной от 15 (27) февраля 1880 г.: «Я вчера послал Вам телеграмму <благодарность за сочувствие по поводу болезни>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 215).

Р. М. ФЕЛЬДШТЕЙН

5 (17) апреля 1880. Петербург

Записка. Упоминается в воспоминаниях Фельдштейн «Несколько слов о И. С. Тургеневе»: «17 апреля (нового стиля) <1880 г.> я получила от него записку, в которой он уведомлял меня, что он уезжает в ближайшую субботу («Друг женщины», 1884, № 2, стр. 68—69).

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

2 (14) февраля—12 (24) апреля 1880. Петербург

Записка. Упоминается в письме Тургенева к Полонскому от 3 (15) февраля—13 (25) апреля 1880 г.: «... на вчерашней визитной карточке я просил тебя сказать, какой ты хочешь выбрать день, чтобы ехать к Паскевич <И. И.>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 232).

Г. О. ГИНЦБУРГУ

6 (18) мая 1880. Спасское

Упоминается в письмах Тургенева к М. М. Стасюлевичу: от 6 (18) мая 1880 г. — «Письмо к Гинцбургу <вложенное в письмо к Стасюлевичу> Вы <...> ему тотчас перешлите <дело идет о продаже имения Тургенева Тапки>»; от 7 (19) мая 1880 г. — «Вы ведь передали письмо мое Гинцбургу?» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 247, 248).

В. В. ЛАДЫЖЕНСКОЙ

Средина—23 мая ст. ст. 1880. Спасское

Записка. Упоминается в воспоминаниях Ладыженской: «В ответ <на письмо Ладыженской, с просьбой прочитать рукопись ее повести> от И. С. Тургенева я получила короткую записку, в которой он выражал желание увидеться со мною и приглашал к себе в Спасское» (*Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 313).

М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВУ

Февраль—май 1880. Петербург, Москва или Спасское

Упоминается в письме Тургенева к Лорис-Меликову от 6 (18) октября 1880 г.: «... я уже имел случай ходатайствовать перед Вами об одном безвинно пострадавшем ученике Ростовской реальной гимназии <...> Вам угодно было принять мою просьбу, увенчавшуюся потом успехом» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 310). Датируется временем от назначения Лорис-Меликова на пост начальника «Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» до начала летних каникул в гимназиях.

М. Г. САВИНОЙ

4 (16) июня 1880. Москва

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Савиной от 4 (16) июня 1880 г.: «Я сегодня утром послал Вам телеграмму» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 269).

А. А. САБУРОВУ

21—24 июня (3—6 июля) 1880. Петербург

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Шейну от 24 июня (6 июля) 1880 г.: «. . . я ему <Сабурову> написал письмо <ходатайство об увеличении пенсии для Шейна>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 279).

Н. С. ТИХОНРАВОВУ

15 (27) июля 1880. Буживаль

Упоминается в письмах Тургенева: к А. В. Топорову от 16 (28) июля 1880 г. — «. . . узнав вчера, что Стасов в Париже и уезжает в Петербург, я нарочно поехал к нему, дал ему письмо к Тихонравову. . .»; к В. В. Стасову от 1 (13) августа 1880 г. — «Письмо к Тихонравову истребита, так как оно теперь уже не нужно» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 286 и 295).

ПОЛЮ ВИАРДО

Около 13 (25) августа 1880 г. Кабур-ле-Бен

Упоминается в письме Тургенева к В. П. Гаевскому от 13 (25) августа 1880 г.: «Я написал П <олю> Виардо <. . .> чтобы он побывал у Вас завтра» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 297).

ФРЕДЕРИКУ ГАРРИСОНУ

Около 20 сентября ст. ст. 1880. Лондон

Упоминается в письмах Тургенева: к М. М. Стасюлевичу от 1 (13) октября 1880 г. — «Я с неделю вернулся из Англии <. . .> и теперь жду ответа от Гаррисона»; Эдварду Бизли от 6 (18) октября 1880 г. — «. . . я должен предположить, что мое письмо к г-ну Ф. Гаррисону затерялось, ибо я не получил никакого ответа <Тургенев искал английского корреспондента для «Вестника Европы»>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 309, 313 и 391).

ГЕНЕРУ, коммивояжеру

17 (29) октября 1880. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 17 (29) октября 1880 г.: «. . . вручите ему <Гёнеру> прилагаемое письмо <речь идет о продаже романсов Виардо>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 315).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Около 20 октября ст. ст. 1880. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Эдварду Бизли от 20 октября (1 ноября) 1880 г.: «. . . я получил Ваше письмо и в тот же день написал г-ну Стасюлевичу относительно гонораров» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 316, 392).

В. П. ГАЕВСКОМУ

21 октября (2 ноября) 1880. Буживаль

От этого, не дошедшего до нас письма сохранился конверт: «Russie. St.-Petersbourg. Monsieur V. Gaiefski. В С.-Петербург. Литейная, № 48. Его превосходительству Виктору Павловичу Гаевскому» (*ГПБ*, ф. 171, № 291, л. 18). На конверте почтовые штемпеля: с датой отправления из Буживаля — 2 ноября (н. ст.) 1880 г. и с датой получения в Петербурге — 26 октября (ст. ст.) 1880 г.

П. Н. и М. И. ЯБЛОЧКОВЫМ

Около 29 октября (10 ноября) 1880. Буживаль

Косвенно упоминается в письме Тургенева к А. Н. Луканиной от 29 октября (10 ноября) 1880 г.: «... с получения сего, ступайте <...> к известному электристу Яблочкову <...> и спросите его или лучше <...> Марню Ивановну <...> они предуведомлены <речь идет об уроках для Луканиной>» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 321). Было ли написано письмо, или Тургенев договорился лично, или через общих знакомых — неизвестно.

ЛЮДВИГУ ПИЧУ

Конец октября 1880. Париж или Буживаль

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Пичу от 9 (21) ноября 1880 г.: «Когда я, краткости ради, телеграфировал Вам, что Вы уполномочены мною перевести мой „Essai sur Pouchkine“» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 6, 341).

ДЖОРДЖУ ГИССИНГУ

9 (21) ноября 1880. Париж

Упоминается в письмах Тургенева к Эдварду Бизли: от 8 (20) ноября 1880 г. — «Я ему <Гиссингу> напишу завтра же <Гиссинг согласился стать корреспондентом «Вестника Европы»>»; от 17 (29) ноября 1880 г.: «... я написал г-ну Гиссингу. . .» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 5, 340 и 11, 344).

В. В. ДУМНОВУ

18 (30) ноября 1880. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Е. И. Рагозину от 18 (30) ноября 1880 г.: «... прилагаю несколько строк к ним <издателям, во главе которых был В. В. Думнов> обращенных» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 12).

Г. О. ГИНЦБУРГУ

25 ноября (7 декабря) 1880. Париж

Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 25 ноября (7 декабря) 1880 г.: «*Просьбы*. 1) Передать немедленно прилагаемое письмо барону Гинцбургу» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 18).

А. И. УРУСОВУ

29 ноября (11 декабря) 1880. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к А. И. Урусову от 1 (13) декабря 1880 г.: «Третьего дня я послал ответную телеграмму о готовности моей увидеть мое имя в числе сотрудников Вашего журнала «Новое обозрение»» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 19).

Л. Н. СИМОНОВУ

7 (19) декабря 1880. Париж

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 7 (19) декабря 1880 г.: «. . . и сегодня же написал Симонову» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 19).

1881

А. Н. ЛУКАНИНОЙ

Первая половина января 1881. Париж

Упоминается в дневнике Луканиной от 21 января (2 февраля) 1881 г., где она пишет, что Тургенев уговорил ее выступить с чтением на заседании Общества взаимного вспомоществования русских художников в Париже, но назначенное заседание было отложено, о чем Тургенев предупредил ее в недошедшем письме. («Северный вестник», 1887, № 3, стр. 78).

Г. О. ГИНЦБУРГУ

Середина января 1881. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 11 (23) января 1881 г.: «. . . я пишу Гинцбургу, чтобы он выслал мне остающиеся 10 000» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 38, 348).

Л. Я. СТЕЧЬКИНОЙ

Середина января 1881. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Стечкиной от 17 (29) марта 1881 г.: «Месяца два тому назад я Вам писал, но, вероятно, мое письмо до Вас не дошло» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 74).

Р. М. ФЕЛЬДШТЕЙН

Конец января 1881. Париж

Упоминается в воспоминаниях Фельдштейн «Глава из неизданных записок» (подпись Р. М. Хин): «Незадолго до вечера я получила от него «Турге-

нева» записку, в которой он жаловался на подагру и просил меня заехать к нему» («Под знаменем науки». Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженка. М., 1902, стр. 378).

Р. М. ФЕЛЬДШТЕЙН

2 (14) февраля 1881. Париж

Упоминается в воспоминаниях Фельдштейн «Глава из неизданных записок» (подпись Р. М. Хин): «Дома <после литературного чтения 2 (14) февраля 1881 г.> меня ждала записка от Тургенева. Он приглашал меня к себе на следующий день» («Под знаменем науки». Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженка. М., 1902, стр. 382).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

4 (16) февраля 1881. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к А. Н. Пышину от 4 (16) февраля 1881 г.: «Я сегодня же послал телеграмму М. М. Стасюлевичу <об оплате корреспонденту Фукье>» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 53).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Конец января—начало февраля 1881. Париж

Упоминается в письмах Тургенева: к Г. Н. Вырубову от 16 (28) февраля 1881 г. — «Стасюлевичу я тогда же написал»; к М. М. Стасюлевичу от 18 февраля (2 марта) 1881 г. — «. . . одно мое письмо к Вам и одно Ваше письмо бесследно пропали. . .» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 63).

Н. А. ЩЕПКИНУ

Начало февраля 1881. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Щепкину от 10 (22) февраля 1881 г.: «Топоров <. . .> передал Вам мою телеграмму» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 60).

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

10 (22) июня 1881. Москва

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Ж. А. Полонской от 10 (22) июня 1881 г.: «. . . я ему <Полонскому> сегодня же выслал телеграмму <о том, чтобы вместе ехать в Спаское>» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 95).

КОРНЕЛИИ РИХТЕР

14 (26) июня 1881. Москва

Упоминается в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 14 (26) июня 1881 г.: «. . . возьмите у друга Гинцбурга этот чек <. . .> — вложите оный

чек в письмо к ней «Рихтер», которое найдете в этом конверте — запечатайте и отправьте» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 96—97).

А. В. ТОПОРОВУ

15 (27) июня 1881. Спасское

Упоминается в письме Топорова к Тургеневу от 21 июня (3 июля) 1881 г.: «Письмо Ваше, дорогой Иван Сергеевич, от 15 июня я получил «в этом письме Тургенев сообщил о приезде в Спасское»» (*Щукинский сб.*, вып. VIII, стр. 213, без подписи).

ПОЛИНЕ БРЮЭР

Середина июня 1881. Москва

Упоминается в письме Полины Брюэр к Тургеневу от 27 июня (9 июля) 1881 г.: «С большим удовольствием я получила твое письмецо» (*Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 335, 336).

Р. М. ФЕЛЬДШТЕЙН

Вторая половина июня 1881. Спасское

Является ответом на письмо Фельдштейн от 27 мая (8 июня) 1881 г. из Парижа. Известен ответ Фельдштейн на это, не дошедшее до нас письмо Тургенева от 7 (19) июля 1881 г.: «Ваше письмо мне переслали из Парижа в Россию» (*Щукинский сб.*, вып. VIII, стр. 207 и 209).

ЖЮЛЬЕТТЕ АДАН

Конец июня—начало июля 1881. Спасское

Косвенно упоминается в письме Адан к Тургеневу от 12 (24) июля 1881 г., в котором она его благодарит за то, «что он ей присылает» (*Щукинский сб.*, вып. VIII, стр. 218).

Е. МОРДВИНОВОЙ

Начало 20-х чисел июля 1881. Спасское

Упоминается в письме Мордвиновой к Тургеневу от 27 июля (8 августа) 1881 г.: «Не нахожу слов, многоуважаемый Иван Сергеевич, благодарить Вас за Ваше письмо» (*Щукинский сб.*, вып. VIII, стр. 215, без подписи 2).

Р. М. ФЕЛЬДШТЕЙН

Вторая половина июля 1881. Спасское

Косвенно упоминается в воспоминаниях Фельдштейн «Глава из неизданных записок» (подпись Р. М. Хив): «Из Спасского он писал мне несколько

² Адресат предположительно установлен А. В. Недзведским (см.: *Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 407).

раз (я проводила лето на даче около Москвы) < . . . >. Тургенев звал меня в Спасское» («Под знаменем науки». Юбилейный сборник в честь Н. И. Стожаренка. М., 1902, стр. 383).

КАМИЛЛЕ-СУСАННЕ ОДЫНЕЦ

Середина июня—июль 1881. Спасское

Несколько. Упоминаются в письмах Одынец к Тургеневу: от 26 июня (8 июля) 1881 г. — «Вы обещали, Иван Сергеевич, писать ко мне»; от 6 (18) июля 1881 г. — «Вы говорите, Иван Сергеевич, что сочувствуете моему положению и что Вы готовы помогать мне и вперед»; от 23 июля (4 августа) 1881 г. — «Получив Ваши письма < . . . > я совершенно успокоилась» (*ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 117).

А. М. СУХОТИНУ

Около 10 (22) августа 1881. Спасское

Упоминается в письме Сухотина к Тургеневу от 11 (23) августа 1881 г.: «Добрейший Иван Сергеевич! Хотя вы прощаетесь со мною до зимы или до будущей весны, но я хочу увидеться с вами гораздо прежде и потому прошу позволения быть у вас 14-го в будущую пятницу» (*ЦГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 123). В письме от 1 (13) августа 1881 г. Тургенев извещал Сухотина, что придет к нему через неделю в субботу (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 106), но, вероятно, не осуществил свое намерение и ограничился прощальным, не дошедшим до нас письмом.

Р. М. ФЕЛЬДШТЕЙН

Около 10 (22) августа 1881. Спасское

Упоминается в письме Фельдштейн к Тургеневу от 13 (25) августа 1881 г. — «Как я Вам благодарна, добрейший Иван Сергеевич, за Ваше обещание известить меня о дне Вашего пребывания в Москве» (*Щукинский сб.*, вып. VIII, стр. 210).

В. Ф. КОРШУ, С. С. ПОЛЯКОВУ

6 (18) сентября 1881. Буживаль

Два письма. Упоминаются в письмах Тургенева к Я. П. Полонскому: от 30 августа (11 сентября) 1881 г. — «. . . это будет сделано (письма к Коршу и Полякову) в первый же день после моего поселения в Буживале»; от 6 (18) сентября 1881 г. — «Посылаю тебе при сем два письма — одно к Полякову, другое к Коршу» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 117 и 118).

И. С. БЛИОХУ

27 сентября (9 октября) 1881. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 27 сентября (9 октября) 1881 г.: «. . . я сегодня же отправил письмо к г. Блюху «с рекомендацией Топорова»» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 129).

ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

Сентябрь (не позднее 28) 1881. Буживаль

Упоминается в воспоминаниях Рольстона, который по памяти цитирует отрывок письма Тургенева: «Нет, дорогой друг, нет никаких оснований, почему англичане должны были бы оказать мне такую великую честь <банкет в честь Тургенева>. Я недостоин ее, и мои враги скажут, что я интриговал для какой-нибудь цели» (Иностранная критика о Тургеневе. Изд. 2-е, 1908, стр. 96. Текст на английском языке: W. R. S. R o l s t o n. Ivan Serguéyevitch Tourguénief. «The Athenalum», 1883, 15 september, № 2916). Датируется на основании воспоминаний Рольстона.

Н. А. ЩЕПКИНУ

Первая половина октября 1881. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 19 (31) октября 1881 г. «Я написал Щепкину, чтобы он выслал Вам еще 100 руб. — для исполнения поручений» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 138).

А. М. ЩЕПКИНУ

28 ноября (10 декабря) 1881. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Н. А. Щепкину от 28 ноября (10 декабря) 1881 г.: «К этому письму прилагается письмо к Вашему батюшке» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 153).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

2 (14) декабря 1881. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Стасюлевичу от 2 (14) декабря 1881 г.: «. . . сегодня же я посылаю Вам телеграмму с просьбой прислать мне сюда корректуру «Отчаянного», которую я в тот же день возвращу» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 155).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

9 (21) декабря 1881. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Стасюлевичу от 9 (21) декабря 1881 г.: «Сегодня я отправил к Вам телеграмму, извещающую о высылке <корректур> „Отчаянного“ — и с просьбой о немедленной высылке двух других экземпляров < . . . > для гг. переводчиков» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 160).

ГЕНРИ ХОЛТУ

Вторая половина октября—первая половина декабря 1881. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Вильяму Рольстону от 16 (28) декабря 1881 г.: «Я уже ответил господину Генри Холту, что не могу принять»

его предложения — так как уже нашел переводчика в Англии «где Тургенев был с 3 (15) по 13 (25) октября 1881 г.» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 166, 365).

И. А. ВСЕВОЛОЖСКОМУ

15 (27) декабря 1881. Париж

Упомянуется в письме Тургенева к А. В. Топорову от 15 (27) декабря 1881 г. «Прилагаю при сем письмо к Всеволожскому «рекомендующее Топорова»» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 163).

В. М. МИХАЙЛОВУ

Около 22 декабря 1881 (3 января 1882). Париж

Упомянуется в письмах Тургенева к П. В. Анненкову: от 22 декабря 1881 (3 января 1882) — «. . . я написал «Михайлову» уже чересчур резкое письмо «Тургенев был возмущен качеством перевода Михайлова на французский язык «Евгения Онегина»»; от 8 (20) января 1882 г. — «Читали ли Вы мое письмо? Оно очень было резко — но откуда взял М «Михайлов» озлобление?»» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 170 и 182).

1882

Н. А. ЩЕПКИНУ

Конец декабря 1881—начало января 1882. Париж

Упомянуется в письме Тургенева к А. В. Топорову от 29 декабря 1881 (10 января 1882): «Щепкину я напишу, чтобы он Вам еще 75 р. выслал» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 175). Было ли письмо написано — неизвестно.

Н. А. ЩЕПКИНУ

22 февраля (6 марта) 1882. Париж

Телеграмма. Упомянуется в письме Тургенева к Щепкину от 22 февраля (6 марта) 1882 г.: «Сегодня отправляю засвидетельствованное обязательство — и извещаю Вас о сем телеграммой» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 205).

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Около 30 марта (11 апреля) 1882. Париж

Упомянуется в письме Тургенева к Ж. А. Полонскому от 30 марта (11 апреля) 1882 г.: «. . . меня беспокоит мысль, что письмо, написанное мною Якову Петровичу по поводу его драмы «Сыгранные роли» или «Виноградное лечение», показалось ему слишком резким; да оно и в самом деле так» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 227).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

12 (24) апреля 1882. Париж

Телеграмма. Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1882 г.: «24 апреля. Иван маме. Телеграмма» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 399).

П. В. АННЕНКОВУ

Апрель (до 28) ст. ст. 1882. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 28 апреля (10 мая) 1882 г.: «Не думал, не гадал очутиться в Париже, но меня вызвал Тургенев сюда телеграммой» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 400).

Н. А. ЩЕПКИНУ

Конец апреля 1882. Париж

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 20 апреля (2 мая) 1882 г.: «Я напишу Щепкину, чтобы он еще выслал Вам 75 р.» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 238). Было ли письмо написано — неизвестно.

М. Г. САВИНОЙ

Около 10 (22) мая 1882. Париж

Упоминается в письмах Савиной: к Ж. А. Полонской от 13 (25) мая 1882 г. — «Только что получила письмо от Ивана Сергеевича <...> здоровье его, по-видимому, поправляется. Иван Сергеевич рассчитывает встать через две недели, а в августе быть в Спасском» («Бирюч петроградских государственных академических театров», II, сборник статей, 1920, стр. 265—266); к А. В. Топорову от 13 (25) мая 1882 г. — «Я только что получила от него <Тургенева> письмо, по которому видно, что он совершенно ожил духом и телом» (наст. вып., стр. 524).

П. Н. ТУРГЕНЕВУ

19 (31) мая 1882. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1882 г.: «1 июня. Иван Тургенев Пьеру <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 399).

Ж. А. ПОЛОНСКОЙ

20 мая (1 июня) 1882. Париж

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Я. П. Полонскому от 21 мая (2 июня) 1882 г.: «Вчера я <...> послал твоей жене телеграмму совет не ехать сюда» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 261).

Л. Я. СТЕЧЬКИНОЙ

Конец мая—начало июня 1882. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Л. Н. Стечкиной от 8 (20) июня 1882 г.: «Я тогда же отправил ей 460 фр. <...>, прося ее известить меня о получении» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 279).

ЖОРЖУ БРЮЭРУ

Середина июня 1882. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 12 (24) июня 1882 г.: «... скажи ему <Жоржу Брюэру>, что я целую его в обе щеки и на днях напишу ему» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 282, 384). Было ли письмо написано — неизвестно.

Н. А. ЩЕПКИНУ

Середина июня 1882. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 16 (28) июня 1882 г.: «... пишу моему управляющему, чтобы он послал 100 р.» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 285).

А. В. ТОПОРОВУ

9 (21) июля 1882. Буживаль

Телеграмма. Упоминается в письме Тургенева к Топорову от 10 (22) июля 1882 г.: «... я Вам послал вчера телеграмму о моем согласии на издание Думновым моих сочинений...» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 302).

ЖАННЕ БРЮЭР

10 (22) июля 1882. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Полине Брюэр от 10 (22) июля 1882 г.: «Передай прилагаемый листок Жанне» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 300, 387).

Н. Я. ПОЛОНСКОЙ

10 (22) июля 1882. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Я. П. Полонскому от 9 (21) июля 1882 г.: «Завтра напишу особое письмо Наташе» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 300). Было ли письмо написано — неизвестно.

Л. Н. СТЕЧЬКИНОЙ

Начало августа 1882. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Стечкиной от 14 (26) августа 1882 г.: «На Вашу телеграмму <посланную после 1 (13) августа 1882 г., см.: *Письма*,

т. XIII, кн. 1, стр. 319» я отвечал немедленно». (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 335).

С. Н. ТЮТЧЕВУ

Около 5—10 августа ст. ст. 1882. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 3 (15) августа 1882 г.: «Я напишу Тютчеву (С. Н.), чтобы он соблаговолил ящик с книгами доставить в редакцию „Вестника Европы“» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 321). Было ли письмо написано — неизвестно.

Е. М. ЯКУШКИНОЙ

13 (25) августа 1882 и ранее. Буживаль

Несколько. Упоминаются в письме Тургенева к Ж. А. Полонской от 13 (25) августа 1882 г.: «. . . две просьбы < . . . > опять вручить Е. М. Якушкиной прилагаемое письмо» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 333). Очевидно, и ранее были письма к Е. М. Якушкиной.

ХОЗЯИНУ ГОСТИНИЦЫ «LA PRESE»

Середина августа 1882. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Л. Н. Стечкиной от 6 (18) сентября 1882 г., в котором он говорит, что через 10 дней после его письма к Л. Я. Стечкиной от 6 (18) августа 1882 г. (см.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 328) он написал письмо «содержателю гостиницы „La Prese“» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 35).

Л. Я. СТЕЧКИНОЙ

Конец августа 1882. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Л. Н. Стечкиной от 6 (18) сентября 1882 г.: «. . . написал Вашей дочери в Люцерн» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 35).

ХОЗЯИНУ ГОСТИНИЦЫ «LA PRESE»

Конец августа 1882. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к Л. Н. Стечкиной от 6 (18) сентября 1882 г.: «Я его <хозяина гостиницы> успокоил насчет получения этих денег» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 35).

Н. А. ЩЕПКИНУ

Начало сентября 1882. Буживаль

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 7 (19) сентября 1882 г.: «. . . я написал Щепкину, чтобы он выслал Вам еще сто рублей» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 36).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

22 сентября (4 октября) 1882. Буживаль

Записка. Упомянется в письме Тургенева к А. В. Топорову от 22 сентября (4 октября) 1882 г.: «. . . будьте так добры, передайте от моего имени Стасюлевичу прилагаемую тоже записку, в которой я прошу его <. . .> выдать Вам эти 250 р.» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 47).

В. И. ЛИХАЧЕВУ

23 сентября (5 октября) 1882. Буживаль

Упомянется в письме Тургенева к А. В. Топорову от 22 сентября (4 октября) 1882 г.: «Письмо к Лихачеву напишу завтра же» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 47). Было ли письмо написано — неизвестно.

В. И. ЛИХАЧЕВУ

9 (21) октября 1882. Буживаль

Упомянется в письмах Тургенева к А. В. Топорову: от 9 (21) октября 1882 г. — «Вы найдете в этом письме другое — В. И. Лихачеву <. . .> Вы передадите ему это письмо»; от 15 (27) октября 1882 г. — «Получили Вы — и передали — письмо В. И. Лихачеву?» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 64 и 70).

Л. А. ПОЛОНСКОМУ

Сентябрь—первая половина октября 1882. Буживаль

Упомянется в письмах Тургенева: к М. М. Стасюлевичу от 21 октября (2 ноября) 1882 г. — «. . . я уже лично писал об этом Полонскому «о помощи Литературного фонда Н. П. Цакни»; к Н. С. Таганцеву от 31 октября (12 ноября) 1882 г. — «Я пытался сам обращаться к г-ну Полонскому — но безуспешно; не получил даже ответа на мое письмо» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 76 и 90).

А. Н. ГРОТ (в первом браке МУХОРТОВА)

Сентябрь—октябрь 1882. Буживаль

Упомянется в письмах: Ж. А. Полонской к Тургеневу от 9 (21) ноября 1882 г. — «Муж мой <. . .> слышал от нее «Грот», что будто бы Вы писали ей, что хотите вернуться навсегда в свое отечество» (*Звенья*, т. VIII, стр. 243); Тургенева к Полонской от 14 (26) ноября 1882 г. — «Никогда я не писал А. Н. Грот, что намерен скоро и навсегда вернуться в Россию. Это было бы насмешкой над самим собою. . .» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 102).¹

В. М. ГАРШИНУ

Октябрь—ноябрь 1882. Буживаль

Косвенно упоминается в письме Тургенева к Ж. А. Полонской от 4 (16) октября 1882 г.: «Я получил от В. Гаршина письмо — и буду отве-

чать ему» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 58). Было ли письмо написано — неизвестно.

А. М. ДОНДУКОВУ-КОРСАКОВУ

Ноябрь 1882. Буживаль или Париж

Упоминается в письме Тургенева к С. Е. Гуревич и М. Л. Василенко от 29 октября (10 ноября) 1882 г.: «Пошлю ему <Дондукову-Корсакову> рекомендательное письмо <для Василенко>» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 85). Было ли письмо послано — неизвестно.

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Осень 1882. Буживаль или Париж

Неоконченное и непосланное. Упоминается в письме Тургенева к Толстому от 15 (27) декабря 1882 г.: «Я начал было большое письмо к Вам в ответ Вашей „Исповеди“ — но не кончил и не кончу именно потому, чтобы не впасть в спорный тон» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 133).

А. В. ТОПОРОВУ

Начало декабря 1882. Париж

Упоминается в письме Тургенева к А. В. Топорову от 30 ноября (12 декабря) 1882 г.: «На этой же неделе Вы получите маленький список опечаток, все-таки оставшихся в стереотипном издании „Записок охотника“» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 113).

ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

17 (29) декабря 1882. Париж

Записка. Упоминается в письме Тургенева к Б. А. Чивилеву от 17 (29) декабря 1882 г.: «Прилагаю к сему записочку к Рольстону, которую Вы ему отвесите» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 135).

П. В. АННЕНКОВУ

29 декабря 1882 (10 января 1883). Париж

Записка. Упоминается в письме Тургенева к Анненкову от 29 декабря 1882 г. (10 января 1883 г.): «Вы найдете в этом письме записку от меня к Вам, в силу которой Вы будете иметь право в случае моей смерти разобрать мою корреспонденцию — и взять себе всё, что найдете интересным» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 144).

П. В. АННЕНКОВУ

1882

Упоминается в письме Анненкова к Тургеневу (б. д.): «Я послал, любезный друг И. С., 3 сонатки Моцарта, этюды Шуберга для Дюран и заказал для нее романсы Гуно и кое-что из Шумана, как вы писали. ..» (*ГБЛ*,

ф. 306, картон 3, № 3). Возможно, что эти ноты были предназначены для Полины Брюэр. Через Дюран Тургенев посылал дочери деньги и письма, так как она в это время скрывалась от преследований мужа (ср. письмо к Анненкову от 11 (23) апреля 1882 г. — *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 235).

1883

С. А. МИНОРУ

8 (20) января 1883. Париж

Упоминается в письме Тургенева к Л. Н. Толстому от 8 (20) января 1883 г.: «. . . сегодня же пишу ему <Минору>» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 151). Было ли письмо написано — неизвестно.

П. В. АННЕНКОВУ

Середина июня 1883. Буживаль

Упоминается в письме Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 25 июня (7 июля) 1883 г.: «. . . я получил известие от него <Тургенева>, что ему лучше, но сам по слабости писать не может, а диктует *г-же Луканиной*» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 416).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

5 (17) июля 1883. Буживаль

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1883 г.: «17 июля. Иван Альберу <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 399).

БЕНИТО ПЕРЕСУ ГАЛЬДОСУ

1882 или 1883

Два письма. Упоминаются в статье А. Звигильского «Тургенев и Гальдос», где приведены слова Гальдоса: «Он <Тургенев> писал мне два раза, и я храню его письма, как святыню <. . .>. Среди других, у меня есть письма от <. . .> Тургенева» (*Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 322). Датируется по указанию в той же статье, где сказано, что письма были посланы Тургеньевым в конце его жизни (см.: там же, стр. 321).

Дополнения

1841 — 1876

БЕССЕРУ, врачу

Середина августа 1841. Спасское

Упоминается в письме Тургенева к А. П. Ефремову от 16 (28) августа 1841 г.: «Я решился написать Бессеру «с просьбой» принять нужные меры для доставления денег «М. А.» Бакунину» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 193). Было ли письмо написано — неизвестно.

Н. А. НЕКРАСОВУ и И. И. ПАНАЕВУ

Вторая половина января—начало февраля 1847. Берлин

Упоминается в письме Некрасова к Тургеневу от 15 (27) февраля 1847 г.: «Спасибо Вам и за память об нас, и за память об „Современнике“. Рассказ Ваш «возможно, «Ермолай и Мельничиха»» я прочел <...>. Статья об немецк. лит. к 4-му № нам будет крайне нужна; письмо о Берлине — очень бы хорошо, „Радилова“ я буду ждать с нетерпением» (*Некрасов*, т. X, стр. 61—62).

Н. А. НЕКРАСОВУ

Февраль—начало июня 1847. Берлин, Зальцбрунн

Несколько писем. Упоминаются в письме Некрасова к В. Г. Белинскому, Тургеневу и П. В. Анненкову от 24 июня (6 июля) 1847 г.: «Я не отвечал Вам, Тургенев, на Ваши письма и ничего не писал об успехе Ваших рассказов — по злобе на Вас за надувание статей об немецк. лит.» (*Некрасов*, т. X, стр. 70).

Н. А. НЕКРАСОВУ и И. И. ПАНАЕВУ

Начало июня 1847. Зальцбрунн

Коллективное письмо от Тургенева, П. В. Анненкова и В. Г. Белинского. Упоминается в письме Некрасова к В. Г. Белинскому, Тургеневу и П. В. Анненкову от 24 июня (6 июля) 1847 г.: «Письмо ваше, Белинский, Тургенев и Анненков, мы получили; я сейчас прочел его вслух Панаеву и М. С. Щепкину, который здесь теперь на несколько дней» (*Некрасов*, т. X, стр. 68).

Н. А. НЕКРАСОВУ

Август 1848. Париж

Упоминается в письме Некрасова к Тургеневу от 12 (24) сентября 1848 г.: «Ваши два последние присланные рассказа «очевидно, «Гамлет Щигровского уезда» и «Чертопханов и Недопюскин» принадлежат к удачайшим в „Записках охотника“. «Письмо Некрасова является ответом на не дошедшее до нас письмо Тургенева, сопровождавшее эти рассказы»» (*Некрасов*, т. X, стр. 115).

Н. А. НЕКРАСОВУ

Начало декабря 1848. Париж

Упомянуется в письме Некрасова к Тургеневу от 17 (29) декабря 1848 г.: «Последний Ваш маленький рассказ «Лес и степь» получен. «Письмо Некрасова является ответом на не дошедшее до нас письмо Тургенева, сопровождавшее этот рассказ» (*Некрасов*, т. X, стр. 124).

Н. А. НЕКРАСОВУ

Конец августа—начало сентября 1849. Париж

Упомянуется в письме Некрасова к Тургеневу от 14 (26) сентября 1849 г.: «Любезный Тургенев, крайне я радуюсь, что Вы, наконец, вразумились, что ни малого попользования поступить с Вами в чем-нибудь непохвально я не имел, и, стало быть, перестали питать ко мне неблагоприятные чувствования. «Письмо Некрасова является ответом на не дошедшее до нас письмо Тургенева» (*Некрасов*, т. X, стр. 132).

Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

Конец июня—середина июля 1851. Спасское

Упомянуется в письме Салиас к Тургеневу от июля 1851 г. (датируется по почтовому штемпелю): «Я получила письмо ваше, любезный Тургенев, и признаюсь, была крайне удивлена им, тем более что за два дня Феокистов сообщил мне ваше письмо к нему «датируемое второй половиной июня ст. ст. 1851 г. — *Письма*, т. II, стр. 30» <...>. Третьего дня я получаю письмо от вас, в котором вы *дружески* кланяетесь Феокистову, не отказываясь однако ни *от одного вашего слова*, прежде ему написанного» (*ИРЛИ*, 5850. XXXб. 140, л. 9); в письме Е. М. Феокистова к Тургеневу от 20 июля ст. ст. 1851 г. сказано: «В конце письма к графине Вы говорите, что, вероятно, между нами всё кончено» (*ИРЛИ*, ф. 166, № 1539, л. 17).

Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

Июль—август 1851. Спасское

Упомянуется в недатированном письме «июль—август 1851 г.» Салиас к Тургеневу: «Любезный Иван Сергеевич, я сию минуту получила письмо ваше и спешу отвечать на него «письмо посвящено недоразумению между Тургеневым и Е. М. Феокистовым» (*ИРЛИ*, 5850. XXXб. 140, л. 13).

Н. Н. ТЮТЧЕВУ

Начало октября 1851. Спасское

Упомянуется в письме В. П. Боткина к Тургеневу от 7 (19) октября 1851 г.: «... по письму Тютчеву я видел, что твое письмо — не более, как деловое, тем не менее мне как-то вкусно было читать его» (*Боткин и Тургенев*, стр. 8).

А. К. ТОЛСТОМУ

Середина апреля 1852. Петербург

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Толстой отвечал 25 апреля (7 мая) 1852 г. (см.: А. К. Т о л с т о й, Собрание сочинений, т. 4, стр. 58).

С. И. МЕЩЕРСКОЙ

Вторая половина апреля—начало мая 1852. Петербург

Несколько писем. На эти, не дошедшие до нас письма Тургенева сохранились ответные письма Мещерской (б. д.). В одном из них, датированном 8 мая ст. ст. 1852 г., она пишет: «Дорогой господин Тургенев, знаете ли вы, что ваши записки (vos billets) — это талисманы, которые, как только их прочтут, каждый раз дают вам еще одно сердце и еще один ум < . . . > г-жа Мальцева, которой я давала читать некоторые из них, уехала вся взволнованная» (*Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 243).

М. В. БЕЛИНСКОЙ

Первая половина октября 1852. Спасское

Упомянется в письме Белинской к Тургеневу от 19 (31) октября 1852 г.: «Мне очень приятно было получить от вас, Иван Сергеевич, известие и еще приятнее узнать, что вы нынешней осенью чувствуете себя лучше» («Огонек», 1968, № 46, стр. 21).

С. И. МЕЩЕРСКОЙ

Начало января 1853. Спасское

Косвенно упоминается в письме Тургенева к Полине Виардо от 29 января (10 февраля) 1853 г.: «Скажите мне, что вы думаете о княжне Мещерской?» (*Письма*, т. II, стр. 119). Очевидно, Тургенев писал Мещерской, прося ее познакомиться с Виардо, гастролировавшей тогда в Петербурге.

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

Середина февраля 1853. Спасское

Упомянется в письме Феоктистова к Тургеневу от 18 февраля (2 марта) 1853 г.: «. . . вчера только получил Ваше письмо, а сегодня уже спешу отвечать» (*ИРЛИ*, ф. 166, № 1539, л. 60).

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ и Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

Конец марта 1853. Спасское

Упомянется: в письме Феоктистова к Тургеневу от 5 (17) апреля 1853 г. — «Несколько дней тому назад получили мы Ваше письмо < . . . >. Очень мы Вас благодарим за обещание Ваше, касательно „Постоялого двора“ — бу-

дем ждать его с нетерпением» (*ИРЛИ*, ф. 166, № 1539, л. 66); в приписке Е. В. Салиас к этому же письму — «Письмо Ваше получила и была очень рада» (там же, л. 67).

Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

Начало 1853. Спасское

Упомянуется в недатированном письме Салиас к Тургеневу (начало 1853 г.): «Любезное письмо ваше я получила неделю тому назад». (*ИРЛИ*, 5850. ХХХб. 140, л. 19).

Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

Май 1853. Спасское

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Салиас отвечала 2 (14) июня 1853 г. (см.: *ИРЛИ*, 5850. ХХХб. 140, л. 21).

В. П. БОТКИНУ

Начало июня 1853. Спасское

Упомянуется в письме Боткина к Тургеневу от 18 (30) июня 1853 г.: «С сердечною радостью увидал я опять твой почерк, хотя твое письмо получил я в минуту для меня очень тяжелую. Отец мой очень болен < . . . > Желание твое я выполнил < Тургенев просил высказать мнение о его незаконченном романе «Два поколения», что Боткин и делает в данном письме > < . . . > Оканчивая свое письмо ко мне, ты по поводу 4-й Симфонии Мендельсона колешь меня „итальянским капризом“» (*Боткин и Тургенев*, стр. 39—43).

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

Около 20 июля ст. ст. 1853. Спасское

Упомянуется в письме Феоктистова к Тургеневу от 26 июля (7 августа) 1853 г.: «. . . я только и ждал Вашего письма, чтобы аккуратно написать Вам, когда мы выезжаем из Крыма. Благодарность, благодарность Вам за то, что Вы согласились выехать в Орел «для встречи»» (*ИРЛИ*, ф. 166, № 1539, л. 74).

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ и Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

Около 20 августа ст. ст. 1853. Спасское

Косвенно упоминается в письме Феоктистова и Салиас к Тургеневу (б. д.), датированном 27 августа ст. ст. 1853 г. (см.: *ИРЛИ*, 5850. ХХХб. 140, л. 23). В не дошедшем до нас письме Тургенев сообщал, что не может приехать в Орел для встречи.

В. П. БОТКИНУ

До начала октября 1853. Спасское

Несколько. Упоминаются в письме Боткина к Тургеневу от 16 (28) октября 1853 г.: «Прости меня, пожалуйста, что я не отвечал тогда на твое последнее письмо» (*Боткин и Тургенев*, стр. 45). За 1853 г. письма Тургенева к Боткину неизвестны.

Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

Первая половина ноября 1853. Спасское

На это, не дошедшее до нас письмо Тургенева Феоктистов отвечал 16 (28) ноября 1853 г.: «. . . глубоко вам благодарен за сделанное Вами мне одолжение. Мне очень совестно только, что просьба моя пришла к Вам именно в то время, когда Вы сами нуждаетесь в деньгах» (*ИРЛИ*, ф. 166, № 1539, л. 79).

П. В. АННЕНКОВУ

Начало октября 1854. Спасское

Косвенно упоминается в письме Тургенева к Анненкову от 15 (27) октября 1854 г.: «Были ли вы у кн. Мещерской < . . . > и получили ли Вы от нее „П<остоял>ый двор?“» (*Письма*, т. II, стр. 230). В известных нам предыдущих письмах к Анненкову об этой просьбе не говорится.

А. Ф. ВИДЕРТУ

Конец декабря 1854. Петербург

Упоминается в письме Видерта к Тургеневу от 1 (13) января 1855 г.: «Если бы Вы только знали, любезный, дорогой Тургенев, как меня обрадовало Ваше письмо» (*Bibl. Nat.*, Slave 81, стр. 48).

А. Ф. ВИДЕРТУ

Начало января 1855. Петербург

Упоминается в письме Видерта к Тургеневу от 10 (22) января 1855 г.: «Благодарю < . . . > за Ваше письмо» (*Bibl. Nat.*, Slave 81, стр. 50).

А. Ф. ВИДЕРТУ

Около середины марта 1855. Петербург

Упоминается в письме Видерта к Тургеневу от 25 марта (6 апреля) 1855 г.: «Письмо Ваше, любезный Тургенев, застало меня больного» (*Bibl. Nat.*, Slave 81, стр. 53).

П. В. АННЕНКОВУ

До середины апреля 1855. Москва, Спасское

Несколько. Упоминаются в письме Анненкова к Тургеневу от 23 апреля (5 мая) 1855 г.: «Я получил все ваши письма и деньги» (*ГБЛ*, ф. 306, картон 3, № 1).

А. Ф. ВИДЕРТУ

1 (13) июня 1855. Спасское

Упоминается в письме Видерта к Тургеневу от 28 июля (9 августа) 1855 г.: «Я получил Ваше письмо от 1/13 июня» (*Bibl. Nat.*, Slave 81, стр. 57).

Н. Я. РОСТОВЦЕВУ

Середина марта 1856. Петербург

Упоминается в письме Ростовцева к Тургеневу от 31 марта (12 апреля) 1856 г.: «Спасибо <...> за письмо» (*Bibl. Nat.*, Slave 82, стр. 153).

П. В. АННЕНКОВУ

Конец июня 1856. Спасское

Записка. Упоминается в письме Анненкова к Тургеневу от 1(13) июля 1856 г.: «Я получил Ваше письмо и записку» (*ГБЛ*, ф. 306, картон 3, № 1). Сведения о письме см.: *Тургенев. Сб.*, вып. I, стр. 376, где оно неверно датировано — июль (не позднее 20) ст. ст. 1856. Петербург. Следует датировать: конец июня ст. ст. 1856. Спасское.

А. И. ГЕРЦЕНУ

27 августа (8 сентября) (?) 1856. Лондон

Записка. Упоминается в письме Герцена к Тургеневу от 1(13) ноября 1856 г.: «Я у ружейника был и, несмотря на то что потерял твою записку <...> начинавшуюся словом „Негебу“ «Таким образом», думаю, что он мне фюзю отдаст» (*Герцен*, т. XXVI, стр. 48). Вероятно, эту записку Тургенев написал в день своего отъезда из Лондона.

И. И. ПАНАЕВУ

Конец августа—конец сентября 1856. Куртавнель

Два письма. Упоминаются в письме Панаева к В. П. Боткину от 18 (30) октября 1856 г.: «Тургенев тебе очень кланяется. Я уже получил от него 5 писем» (*Тургенев и круг Соар.*, стр. 392). Из сохранившихся писем Тургенева, о которых мог упоминать Панаев, известны три — от 18 (30) августа, 21 сентября (3 октября) и 3 (15) октября 1856 г. (см.: *Письма*, т. III, стр. 8, 16 и 18). Датируется временем пребывания Тургенева в Куртавнеле.

Н. А. НЕКРАСОВУ

Конец августа—начало октября 1856. Куртавнель

Упомянуется в письме Некрасова к Тургеневу от 9—17 (21—29) октября 1856 г.: «Спасибо тебе за письмо, за добрые вести и за твоё радение о „Современнике“» (*Некрасов*, т. X, стр. 298). Датируется временем пребывания Тургенева в Куртавнеле.

Н. А. НЕКРАСОВУ

Середина ноября 1856. Париж

Упомянуется в письме Некрасова к Тургеневу от 25 ноября (7 декабря) 1856 г.: «Прискорбно мне было читать известие о твоём пузыре, но, авось, он уже тебя не мучит» (*Некрасов*, т. X, стр. 301).

П. В. АННЕНКОВУ

Конец августа—ноябрь 1856. Куртавнель или Париж

Упомянуется в письме Тургенева к Анненкову от 3 (15) января 1857 г.: «Что же Вы не отвечаете мне на мое давным-давно отправленное письмо?» (*Письма*, т. III, стр. 72).

Н. А. НЕКРАСОВУ

Начало декабря 1856. Париж

Упомянуется в письме Некрасова к Тургеневу от 18 (30) декабря 1856 г.: «Получил твоё письмо. Спасибо за доброе мнение о Кроте и за замечания на него — все они дельны и верны» (*Некрасов*, т. X, стр. 307).

М. В. БЕЛИНСКОЙ

8 (20) апреля 1858. Париж

Упомянуется в письме Тургенева к Д. Я. Колбасину от 8 (20) апреля 1858 г.: «Посылаю Вам письмо к Белинской, которое прошу тотчас переслать к ней: адрес узнаете от Некрасова» (*Письма*, т. III, стр. 215).

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ

Около 20 июня (2 июля) 1862. Петербург

Упомянуется в письме Серно-Соловьевича к Тургеневу от 27 июня (9 июля) 1862 г.: «Письмо Ваше и предисловие к «Дневнику девочки» С. М. Буткевич я получил и спешу искренно благодарить за него» (*Bibl. Nat.*, Slave 81, стр. 17).

К. Д. КАВЕЛИНУ

Вторая половина февраля 1863. Париж

Упоминается в письме Кавелина к Тургеневу от 3 (15) марта 1863 г.: «Дражайший Иван Сергеевич! Письмо Ваше я получил в Бонне» (*Bibl. Nat., Slave 81, стр. 9*).

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Конец 1862—20 апреля (2 мая) 1863. Париж

Упоминается в письме Достоевского к Тургеневу от 17 (29) июня 1863 г.: «. . . простите меня, ради бога, за то, что не отвечал Вам на Ваше последнее письмо из Бадена <от 13 (25) мая 1863 г.: *Письма*, т. V, стр. 125> <. . .> и на два предыдущие Ваши письма» (*Достоевский, Письма*, т. I, стр. 317). Из писем относящихся к 1863 г., кроме упомянутого, известно только одно письмо Тургенева к Достоевскому — от 27 марта (8 апреля) — *Письма*, т. V, стр. 108). Третье, не дошедшее до нас письмо датируем временем пребывания Тургенева в Париже.

Н. И. ТУРГЕНЕВУ

16 (28) ноября 1863. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1863 г.: «29 ноября. Иван Тургенев. Пале из Парижа» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 368).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

16 (28) ноября 1864. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1864 г.: «29 ноября. Иван Тургенев маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 368).

И. П. и П. И. БОРИСОВЫМ

Конец ноября 1865. Баден-Баден

Упоминается в письмах: Борисова к Тургеневу от 6 (18) декабря 1865 г. — «Вчера нам был праздник получения Вашего письма <. . .> не знаю, кому из нас довелось переживать более радости — мне или Пете» (наст. вып., стр. 499); Т. А. Берс к С. А. и Л. Н. Толстым от 14 (26) декабря 1865 г.: «Левочка, смотри какие уморительные стихи пишет Тургенев Пете Борисову, почему не едет сюда <далее идет текст стихов, см. наст. вып., стр. 502>» (*Кузминская*, стр. 391).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

25—27 декабря 1869 (6—7 января 1870). Баден-Баден

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1870 г.: «9 января. Иван Тургенев маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 374).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

9 (21) ноября 1871. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1871 г.: «21 ноября. И. Тургенев маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 376).

Ф. Н. ТУРГЕНЕВОЙ

11 (23) ноября 1871. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1871 г.: «24 ноября. Иван к Фанни» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 376).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

2 (14) октября 1872. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1872 г.: «15 октября. Иван Тургенев маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 378).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

15 (27) октября 1872. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1872 г.: «28 октября. Иван Тургенев маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 379).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

4 (16) декабря 1872. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1872 г.: «17 декабря. Иван Тургенев маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 379).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

13 (25) декабря 1872. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1872 г.: «26 декабря. Иван Тургенев маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 379).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

18 (30) декабря 1872. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1872 г.: «31 декабря Иван Тургенев Альберу <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 379).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

4 (16) января 1873. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой от 1873 г.: «17 января. Иван Тургенев Альберу <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 379).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

8 (20) января 1873. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1873 г.: «21 января. Иван Альберу <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 379).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

15 (27) января 1873. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1873 г.: «28 января. Иван Альберу <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 379).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

6 (18) февраля 1873. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1873 г.: «19 февраля. Иван Альберу <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 380).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

15 (27) февраля 1873. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1873 г.: «28 февраля. Иван маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 380).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

31 июля (12 августа) 1873. Буживаль

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1873 г.: «12 августа. Иван маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 380).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

10 (22) августа 1873. Буживаль

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1873 г.: «22 августа. Иван маме <письмо>» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 380).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

6 (18) декабря 1873. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1873 г.: «19 декабря. Иван Альберу «письмо»» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 381).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

1 (13) января 1874. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1874 г.: «14 января. Иван маме «письмо»» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 381).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

8 (20) января 1874. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1874 г.: «21 января. Иван маме «письмо»» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 381).

Ф. Н. ТУРГЕНЕВОЙ

1 (13) апреля 1875. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1875 г.: «14 апреля. И. Тургенев к Фанни» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 384).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

5 (17) апреля 1875. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1875 г.: «18 апреля. И. Тургенев маме 3000 «письмо»» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 384).

КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

30 ноября (12 декабря) 1875. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1875 г.: «13 декабря. Иван маме «письмо»» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 385).

Ф. Н. ТУРГЕНЕВОЙ

18 (30) апреля 1876. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1876 г.: «1 мая. Иван Тургенев к Фанни» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 386).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

3 (15) сентября 1876. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1876 г.: «16 сентября. Иван пишет <Альберу>, что он не приедет» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 388).

ТУРГЕНЕВЫМ, семье

3 (15) ноября 1876. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1876 г.: «15 ноября. Телеграмма от Ивана» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 388).

А. Н. ТУРГЕНЕВУ

1 (13) декабря 1876. Париж

Упоминается в дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1876 г.: «14 декабря. Иван Тургенев Альберу письмом» (*Лит. насл.*, т. 76, стр. 389).

Письма, не поддающиеся точным датировкам

С. Н. КРИВЕНКО

1879—1883

Несколько. Упоминаются в статье С. Н. Кривенко. «Из литературных воспоминаний»: «Писем этих было у меня немного: два или три из них (разрезав на части, так как желающих было больше) я раздал в 1883 году, после тургеневских похорон, знакомым, желающим иметь его автограф. <...>. Письма эти <...> были краткие, деловые <...>, в которых он или просто излагал, что именно желательно авторам, или рекомендовал их статьи» (*Революционеры-семидесятники*, стр. 218).

В. В. ЛАДЫЖЕНСКОЙ

1880—1883

Около 40 писем. Упоминаются в письме неизвестного к В. П. Гаевскому от 18 (30) января 1884 г.: «<Ладыженская> находилась в постоянной переписке с Тургеневым в течение трех последних лет. У нее писем Тургенева до 40» (*Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 311).

П. НАБОКОВУ

б. д.

Упоминается в недатированном письме Набокова к Тургеневу, в котором Набоков благодарит «за ласковую память» и просит Тургенева нанять ему тихую квартиру (см.: *ИРЛИ*, 5824. ХХХб. 114).

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НЕ ДОШЕДШИХ ДО НАС ПИСЕМ
И. С. ТУРГЕНЕВА ПО АДРЕСАТАМ (1838—1883)¹

- Абазе Ю. Ф. — 1 (V)
 Авдееву М. В. — 2 (III—IV)
 Адан Жюльетте — 1 (V)
 * Аксаковым, семье — 1 (II)
 Алексею А. И. — 3 (V)
 Анненковой Г. А. — 1 (V)
 Анненкову П. В. — около 40 (I—V)
 Анштетт Минне — 2 (IV)
 * Апраксину В. В. или Арсеньеву А. Н. — 1 (II)
 Арапетову И. П. — 7 (I, III, IV)
 Ахматовой Е. Н. — 2 (III)
 * Ашетту Луи Франсуа — 1 (V)
 * Базунову А. Ф. — 1 (I)
 * Баксту В. И. — 1 (III)
 Бакуниной Т. А. — 7 (I)
 Бакунину М. А. — 4 (I, III)
 * Балашову З. Ф. — 2 (III)
 * Беер А. А. и Н. А. — 1 (I)
 Белинской М. В. — 3 (II, V)
 Белинскому В. Г. — 3 (I)
 * Беляевскому Ф. — 1 (I)
 Бере Бернгарду Эрриху — 2 (IV)
 * Бессеру — 1 (V)
 Бларамберг Е. И. — 1 (V)
 * Блюху И. С. — 1 (V)
 Боборыкину П. Д. — 2 (IV)
 Боденштедту Фридриху — 4 (III)
 Бойсену Хьялмару — 1 (IV)
 Борисову И. П. — 8 (II—IV)
 Борисову П. И. — 6 (III)
 Борисовым И. П. и П. И. — 1 (V)
 Боткину В. П. — около 17 (I—III, V)
 Брюэр Жанне — 1 (V)
 Брюэр Полине — 8 (III—V)
 Брюэр Полине и Гастону — 1 (III)
 * Брюэр, матери Гастона Брюэра — 1 (V)
 Брюэру Гастону — 2 (V)
 * Брюэру Жоржу — 1 (V)
 * Брюэру, отцу Гастона — 1 (IV)
 * Буткевич С. М. — 1 (III)
 * Бюлозу Луи — 1 (III)
 Бюлозу Франсуа — 1 (IV)
 Бюлозу Шарлю — 1 (IV)
 * Ваксель С. К. — 1 (II)
 Валуеву П. А. — 1 (III)
 * Варпаховскому И. П. — 1 (IV)
 Венгерову С. А. — 1 (IV)
 * Вердеру Карлу — 1 (I)
 * Веревкину А. В. — 1 (III)
 * Виардо Клоди — 1 (III)
 * Виардо Клоди и Марианне — 2 (IV)
 Виардо Луи — 6 (I—IV)
 * Виардо Марианне, Клоди и Полю — 1 (III)
 Виардо Полине — не менее 73 (I—V)
 Виардо Полине и Луи — 4 (I, II)
 * Виардо Полю — 1 (V)
 Видергу А. Ф. — 4 (V)
 * Владимирскому Михаилу — 1 (V)
 Воронцову А. И. — 1 (V)
 Вревской Ю. П. — 4 (IV—V)
 * Всеволожскому И. А. — 1 (V)
 Гаевскому В. П. — 3 (IV—V)
 * Гайдебурову П. А. — 1 (IV)
 * Гальдосу Бенито Пересу — 2 (V)
 * Гаррисону Фредерику — 1 (V)
 * Гарсиа Хоакине — 3 (I)
 Гартману Морицу — 2 (III)
 Гаршину В. М. — 1 (V)
 Гейзе Паулю — 1 (IV)
 * Герценам А. А., Н. А. и О. А. — 1 (III)
 Герцену А. И. — 20 (I—III, V)
 * Гёлеру — 1 (V)
 Гинцбургу Г. О. — 5 (V)
 * Гиссингу Джорджу — 1 (V)
 * Головачевой Е. — 1 (V)
 Головнину А. В. — 2 (V)
 Гонкуру Эдмону де — 1 (V)
 Гончарову И. А. — 1 (III)
 * Григорьеву А. А. — 1 (II)
 Грот А. Н. — см. Мухортовой А. Н.
 * Гроту А. Ф. — 1 (V)
 Губернатис С. П. де — 1 (IV)
 Дантю Эдуарду — 1 (V)
 * Делаво Анри Йпполиту — 2 (II)
 * Дехтереву В. Г. — несколько (IV)
 Доде Альфонсу — 3 (V)
 * Дому Эрнсту — 1 (III)
 * Дондукову-Корсакову А. М. — 1 (V)
 Достоевскому Ф. М. — 1 (V)
 Драгоманову М. П. — 1 (V)
 * Драшусову А. Н. — 1 (I)
 Дружинину А. В. — 1 (III)
 Дудышкину С. С. — 2 (I, III)

¹ В указателе дано общее количество писем, в скобках — номера выпусков настоящих сборников, где эти письма зарегистрированы. Звездочками отмечены имена адресатов, письма к которым пока вообще до нас не дошли.

- Думнову В. В. — 2 (V)
 Думновым В. В. и С. Д. — 1 (V)
 Дюкану Максиму — 1 (V)
 Дюрану Эмилю — 1 (IV)
 Ефремову А. П. — 1 (I)
 *Зеегену Иосифу — 1 (IV)
 Золотницкому И. П. — 1 (IV)
 Золя Эмилю — 5 (IV—V)
 Зубовой М. Н. — 1 (IV)
 *Иванову М. — 1 (IV)
 *Игнатьеву П. Н. — 1 (I)
 Иннис Марии — 3 (III—IV)
 *Иогансену А. Ф. — 3 (III)
 Кавелину К. Д. — 1 (V)
 Карлейлю Томасу — 1 (II)
 *Карповой В. — 1 (V)
 Каткову М. Н. — не менее 12 (III)
 Кашперову В. Н. — 2 (III)
 Кетчеру Н. Х. — 3 (I)
 Кишинскому Н. А. — 5 (III—IV)
 Ковалевскому М. М. — 1 (V)
 Кожанчикову Д. Е. — 2 (III)
 Колбасину Д. Я. — 2 (I—II)
 Колбасину Е. Я. — 4 (II—III)
 Колбасиным Д. Я. и Е. Я. — 1 (I)
 Комманвиль Каролине — 1 (V)
 *Коршу В. Ф. — 2 (IV—V)
 Краевскому А. А. — 1 (I)
 Крапивиной С. М. — см. Лободе С. М.
 Кривенко С. Н. — несколько (V)
 *Криммеру Р. А. — 1 (V)
 Крузе Н. Ф. — 1 (III)
 *Кущелеву Г. А. — 1 (II)
 Лаврову П. Л. — 1 (IV)
 Ладыженской В. В. — около 41 (V)
 *Ладыженской Е. А. — 7 (I)
 *Левинзону Артуру — 1 (V)
 Леонтьеву К. Н. — 1 (I)
 Линдау Рудольфу — 1 (V)
 Лихачеву В. И. — 3 (IV—V)
 *Лобанову Л. И. — 1 (III)
 *Лободе (Крапивиной) С. М. — 1 (V)
 Лорис-Меликову М. Т. — 1 (V)
 Луканиной А. Н. — 4 (V)
 Львовой Е. В. — 2 (IV—V)
 *Львовой Н. — 1 (V)
 *Львовым, семье цензора В. В. Львова — 1 (IV)
 Макарову Н. Я. — 2 (II—III)
 *Малиновской Ю. И. — 2 (V)
 *Малыревской М. О. — 2 (III—IV)
 Малыревскому П. К. — 1 (V)
 *Марии Николаевне, вел. кн. — 1 (IV)
 Маркевичу Б. М. — 1 (III)
 Маркович М. А. — 6 (II—III)
 Маслову И. И. — 4 (III, V)
 *Мейеру — 1 (IV)
 *Меренберг П. А. — несколько (V)
 *Мериме Просперу — приблизительно 96 (II—III)
 *Мещерской С. И. — несколько (V)
 Миллер С. А. — 1 (I)
 Милютинной М. А. — 3 (IV—V)
 *Минору С. А. — 1 (V)
 *Михайлову В. М. — 1 (V)
 Мопассану Ги де — 2 (V)
 *Мордвиновой Е. — 1 (V)
 *Мухортовой (Грот) А. Н. — 3 (V)
 *Мухортову З. Н. — 2 (IV)
 *Мюллеру 1 (IV)
 *Набокову П. — 1 (V)
 *Навроцкому А. А. — 2 (V)
 Неизвестным — 4 (I, III—IV)
 Некрасову Н. А. — не менее 26 (I—III, V)
 Некрасову Н. А. и Панаеву И. И. — 2 (V)
 Нелидовой О. Д. — 1 (III)
 *Оболенскому Д. А. — 1 (I)
 Огареву Н. П. — 1 (I)
 Одынец Камилле-Сусанне — несколько (V)
 Онегину А. Ф. — 1 (IV)
 Орлову Н. А. — 1 (V)
 *Оскнер А. — несколько (V)
 Основскому Н. А. — 4 (II)
 Островскому А. Н. — 1 (II)
 *Островскому М. Н. — 1 (III)
 Павлову И. В. — 1 (III)
 *Панаевой А. Я. — 1 (I)
 Панаеву И. И. — 3 (II, V)
 *Панаевым А. В. и В. А. — 1 (V)
 *Пельниц Луизе — 1 (III)
 *Перрену Максимилиану — 1 (V)
 Писемскому А. Ф. — не менее 8 (I—IV)
 Пичу Людвигу — 3 (IV—V)
 Плетневой А. В. — 3 (IV—V)
 *Плещееву А. Н. — 2 (III)
 Плошу Эдмону — 1 (IV)
 *Покатило А. М. — 1 (V)
 Полонской Ж. А. — 1 (V)
 Полонской Н. Я. — 1 (V)
 Полонскому Л. А. — 1 (V)
 Полонскому Я. П. — 5 (IV—V)
 *Полторацкой — 1 (V)
 Полторацкой Э. С. — 1 (IV)
 Полякову С. С. — 1 (V)
 Рагозину Е. И. — 1 (V)
 Раден Э. Ф. — 1 (V)
 *Райс — 2 (V)
 Рашет Н. Н. — 1 (III)
 *Ременникову — 1 (I)
 *Рихтер Корнелии — 2 (IV—V)
 *Риччи — 1 (III)
 Рольстону Вильяму — 3 (IV—V)

- *Ростовской М. Ф. — 2 (III)
 *Ростовцеву Н. Я. — 2 (II, V)
 *Руге Арнольду — 1 (I)
 *Русову А. А. — 1 (IV)
 Сабурову А. А. — 1 (V)
 Савиной М. Г. — 2 (V)
 Салаеву Ф. И. — 10 (III—V)
 *Салаевым Ф. И. и Н. И. — 1 (III)
 Салиас де Турнемир Е. В. — 6 (I, III, V)
 Салтыкову М. Е. — 1 (IV)
 Санд Жорж — 1 (IV)
 *Сердечному М. А. — 1 (III)
 Серебрякову И. Н. — 1 (IV)
 *Серебрякову П. М. — 1 (IV)
 Серно-Соловьевичу Н. А. — 1 (V)
 *Симонову Л. П. — 1 (V)
 *Симону Жюлю — 1 (IV)
 *Солдатенкову К. Т. — 1 (IV)
 Соллогубу В. А. — 1 (IV)
 *Станкевичу А. В. — 1 (IV)
 Станкевичу Н. В. — 1 (I)
 Стасюлевичу М. М. — 15 (III—V)
 Стечкиной Л. Н. — 1 (V)
 Стечкиной Л. Я. — 6 (V)
 *Студентам — 1 (V)
 Сухотину А. М. — 1 (V)
 *Тихонравову Н. С. — 1 (V)
 Толстой М. Н. — 2 (II—III)
 Толстому А. К. — 3 (I, III, V)
 Толстому Л. Н. — 7 (II—III, V)
 Топорову А. В. — 8 (IV—V)
 *Трубецким А. А. и Н. И. — 1 (II)
 *Трубецкому Н. И. — 1 (II)
 Тургеневой А. Я. — 1 (III)
 *Тургеневой В. П. — не менее 77 (I)
 Тургеневой Кларе — 20 (III, V)
 Тургеневой Полине — см. Брюэр Полине
 Тургеневой Полине и Иннис Марии — 2 (III)
 Тургеневой Ф. Н. — 4 (V)
 Тургеневу А. Н. — 15 (III, V)
 *Тургеневу М. А. — 1 (III)
 Тургеневу Н. И. — 5 (II, IV, V)
 Тургеневу Н. Н. — не менее 50 (I—IV)
 Тургеневу Н. С. — 23 (I—IV)
 Тургеневу П. Н. — 1 (V)
 Тургеневым Кларе и Ф. Н. — 1 (V)
 *Тургеневым, семье Н. И. Тургенева — 1 (V)
 *Турнер Марианне — 1 (III)
 *Тютчевой А. П. — 1 (I)
 *Тютчевой А. Ф. — 1 (III)
 Тютчеву Н. Н. — 3 (II, IV—V)
 *Тютчеву С. Н. — 1 (V)
 Тютчеву Ф. И. — 1 (IV)
 *Управляющему музыкальным магазином А. Иогансена — 2 (V)
 Урусову Л. И. — 1 (V)
 Успенскому Г. И. — 1 (IV)
 Фельдштейн Р. М. — 6 (V)
 Феоктистову Е. М. — 12 (I—II, V)
 Феоктистову Е. М. и Салиас де Турнемир Е. В. — 2 (V)
 Фегу А. А. — 10 (I—III)
 Философовой А. П. — 1 (IV)
 Флоберу Гюставу — 21 (III—V)
 Фридендеру Людвигу — 2 (IV—V)
 *Фризену Герману фон — 1 (III)
 *Фуксу В. Я. — 1 (III)
 Ханькову Н. В. — несколько (III—IV)
 *Хозяину гостиницы «La Presse» — 2 (V)
 Холту Генри — 2 (IV—V)
 Хоуэллсу Вильяму — 1 (IV)
 Цыцурину Ф. С. — 1 (V)
 *Чайковскому П. И. — не менее 3 (IV)
 Черкасской Е. А. — 1 (III)
 Чивилеву Б. А. — 1 (V)
 *Чорли Генри — 4 (I)
 *Шарпантье Жерве — 2 (V)
 *Шатилову И. Н. — 2 (IV)
 *Шмидту Эмилю — 2 (IV)
 Шторму Теодору — 1 (III)
 *Штуру — 1 (III)
 Шумскому С. В. — 1 (I)
 Щепкину А. М. — 1 (V)
 Щепкину М. С. — 3 (I)
 Щепкину Н. А. — 10 и 3 доверенности (IV—V)
 Щербаню Н. В. — 1 (III)
 Эбрару Адриену — 2 (IV, V)
 Эдуэну Эдмону — 1 (III)
 Энгельгардт С. В. — 1 (III)
 *Эритт-Виардо Луизе — 1 (IV)
 *Эрнесту, привратнику — 1 (II)
 Этцелю Жюлю — 3 (IV—V)
 *Яблочковым П. Н. и М. И. — 1 (V)
 *Якушкиной Е. М. — несколько (V)
 В редакцию «Вестника Европы» — 1 (V)
 *В редакцию газеты «Petersburger Zeitung» — 1 (IV)
 *В редакцию газеты «Rigasche Zeitung» — 1 (III)
 *В типографию города Рудольштадта — 2 (IV)

Н. А. Хмелевская

ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ И ПИСЬМА О НЕМ

И. П. БОРИСОВ*

26

10 янв./65. Новоселки.

Недавно писал я Вам, добрейший Иван Сергеевич, вместе с Фетом, которого бури задержали недельки три в нашей тихой пристани¹ — но он давно уже на всех парусах умчался в Москву и там празднует да изредка подает оттуда нерадостные вести нам о своих делах. Так и вообще «московские ведомости» и его и Каткова грустные. Но вот от Сухоткина² получил новость об Л. Толст³ом > болезненную. Толстой, где и как не пишлет, сломал или вывихнул себе руку, и какую — тоже не знаю, но только тульские бабки ему так справили, что он должен был обратиться к моск<овским> оператор<ам>, и те снова переправляли. Три недели он прострадал ужасно, но теперь, слава богу, справился.³ В Москве он читал отрывки из своего романа и, говорят, — великолепно. Скоро надо ожидать, что и появится в печати.⁴

Что же это давно замолкли Вы, милейший, и в какое же время, когда в год пролетают 10 лет. И что это значит, что новое Ваше издание⁵ продают не всё разом, а *два* тома, отчего было не дожидаться уже всех — это в тысячу раз кажется хуже. Со времен Н. Полевого остается страх не получить последних томов по подпискам.⁶ Какой расчет — не понимаю! Свои «Стихотворения» изд. Солдатенкова Фет нашел хранящимися во всей целости у честнейшего Кетчера. Ну вот, какая же может быть выгода поручать Аристидам такое дело — Фемистокл скорей бы спустил.⁷ — Знаете ли Вы, что Ап. Григорьев помре еще в сентябре — а мы и не ведали и я на днях случайно открыл это в «Эпохе».⁸ О боже! Что это за «Эпоха». Попался № 10-й и ни-ни, ни даже ни крошки почитать, а обещают Вашу повесть поместить.⁹ Жаль, если Вы попадетесь в Сахару и пропутешествуете в Африке, — а журнал это <т> напоминает сухую каменистую Аравию. Зато последние книжки «Русского вестника» питательны. Рассказы кавказск<ого> офиц<ера> интересны по своим на каждом шагу ужасам.¹⁰ Мне они представляются всё равно если бы кого-нибудь пустили проползти чрез клетки львов, тигров не ручных, а све-

* Окончание. См.: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 335—367; вып. IV, стр. 369—398.

жеских, только что пойманных. Так и Путешествие Описателя. Записки Вигеля всё интереснее, переводы тоже.¹¹ Только несправность Каткова тоже страшная, до сих пор нет XII книжки. Говорят, что на него поднялись громы из Петербурга и за газету, и за журнал, — не понимаю. Вот и судебная реформа осуществляется. Читал, читал всё и гражданское и уголовное и нахожу, что это дело головоломное — такой иной S попадет, что без справок у толковников невозможно понять.¹² Темнота, язык подъяческий, алллуйский! Но всё великое спасибо, что дожил и до сего события, а то у меня есть дельце о *взыскании* бесспорное, но двадцать девятый годок пошел как тянется).

На днях начинается рекрутский набор у нас во Мценске. Вы бы не узнали родины по этой части. Что было и что вот теперь. В сущности он уже кончен, теперь только исполнить. Ни *единой* жалобы. Впрочем, за это спасибо Тимпрязеву.¹³ Решительно оградил от всяких каверз, подкупов и т. п. Не тем будь помянут благородный друг наш Николай Никитич, у него происходили другие порядки, грозные и по воспоминаниям. Они, т. е. ближняя Волкова¹⁴ с октября в Орле, или, как говорят, в новом Содоме. О, чего-чего пересказывают, особенно про барышень — бедные! Хотели будто открыть заведение: *швальню* и компанию уже набрали. Фирма «вольная благородная швальня». Как это заманчиво — но зачем-то не состоялось, а то бы и мне следовало съездить в Орел заказать рубашечки Попке. . . Ну думали ли Вы, милейший, рисуя Кукшину, что пока они на сцене, то за кулисами уже стоят и готовы новые, молодые удалые феи или швеи, всё равно.¹⁵ Фет из Москвы грозно называет меня оптимистом и мне, все-таки, взирая на всё, кажется, что мои надежды на будущее верней: чем более людей кинулось из 7-го этажа вниз головой, тем более есть надежды, что вылетит лириков. Это из его уж теории.¹⁶ Всё идет хорошо, одно скверно, хлеб пшочем — и работа не окупается, но что же делать — это тоже своего рода голод — пройдет, а теперь плохо. Вот Вам образчик. Ал. Никит.¹⁷ нужно было до *провалясь* 1200 рублей, и для этого он выставил в Орел 1100 четверти ржи и овса. Извоз дорогой, а цены низкие.

Ваших в Спасском давно не навещал и не видался. Всё сию дома и дома — дороги не было, потом и выпал снежок, вдруг оттепель, да какая. Реки разлились, взломали лед и, накуралесив с мостами и мельницами, снова установились, — только вместо прежнего ледяного зеркала от нас до Мценска протянулся по Зуше как будто рукав Ледовитого океана, в котором только и можно разве *отыскивать* Франклина.¹⁸ Теперь опять земля голая, покрыта слегка только льдистой корой. Невозможно и с собаками выехать — а есть волки — вчера еду из Фатьяновой,¹⁹ и *два* переходят дорогу в 60 шагах. Это хуже, как если бы перед Вами протянула пара вальдшнепов по Schillerstrasse,²⁰ когда вы возвращаетесь домой.

О, как я Вас жду, милый, добрый Иван Сергеевич, и всё боюсь, как Вы довяете свое гнездышко, то Вас тогда и не дожدهшься.²¹ А годы, годы стучат маятником и отсчитали мне уже 40 веков. Пожалуй, скоро сделаюсь Фетисом, но не теми огнепоклонниками, а уверую в мрачную даль, видимую Фетом. И без того, когда вспомню свои молодые годы и что теперь вот я сам, то как будто немножко скучновато.

Но простите, если прискучил, вините себя, Вашу ко мне доброту. Когда придет мнютка тихая, свободная, из уединения бегу к Вам мысленно.

Дай Господи Вам всего, всего хорошего, а главное здоровья. — Подарите же не меня, но всех Вас почитающих новейшим детищем.

Обнимаю Вас крепко.

Ваш И. Борисов.

¹ Это письмо Фета и Борисова неизвестно.

² Сухотин Сергей Михайлович (1818—1886), крупный помещик.

³ Отвечая на это письмо 28 января (9 февраля) 1865 г., Тургенев писал: «Очень меня опечалило известие о Толстом. Надеюсь, что он давным-давно справился и работает» (*Письма*, т. V, стр. 334).

⁴ Речь идет о романе «Тысяча восемьсот пятый год». Впоследствии две первые части этого романа составили первый том «Войны и мира».

⁵ Сочинения И. С. Тургенева, изд. бр. Салаевых, тт. 1—5, Карлсруэ, 1865.

⁶ В 1829 г. Н. А. Полевой предпринял по подписке издание «Истории русского народа» в двенадцати томах. Но в действительности издание прекратилось в 1833 г. на шестом томе.

⁷ Имена враждовавших между собой афинских политических деятелей.

⁸ Ап. Григорьев умер 25 сентября 1864 г. В журнале «Эпоха» (1864, № 9) была напечатана статья Н. Страхова «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве», в которую вошла публикация писем критика. Статья сопровождается примечанием Ф. М. Достоевского.

⁹ В Объявлении о подписке на 1865 г. среди авторов, произведения которых предполагалось печатать в новом году, названо имя Тургенева (см.: «Эпоха», 1864, № 9).

¹⁰ «Воспоминания кавказского офицера» (подпись — Т) печаталось в «Русском вестнике» за 1864 г., №№ 9—12.

¹¹ «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля публиковались в «Русском вестнике» в течение 1864—1865 гг. Начиная с № 10 за 1864 г. в журнале печатался перевод романа У. Коллиза «Армадель», в приложении к журналу, в течение 1864—1865 гг. — перевод романа Ч. Диккенса «Наш общий друг».

¹² Борисов имеет в виду книгу «Судебные уставы 20 ноября 1864 года», состоящую из пяти разделов: «Указ Правительствующему сенату 20 ноября 1864 г.», подписанный Александром II; «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

¹³ Александр Аркадьевич Тимирязев был избран мировым посредником по Мценскому уезду после Н. Н. Шеншина.

¹⁴ Николай Никитич Шеншин был мировым посредником по Мценскому уезду с 1861 г. Ближняя Волкова — его имение, в 12 верстах от Новоселок.

¹⁵ См. статью Н. М. Чернова «„Швальни“» в Орле»: наст. вып., стр. 377.

¹⁶ Борисов неоднократно пронизирует над словами Фета из статьи «О стихотворениях Ф. Тютчева»: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик» («Русское слово», 1859, № 2, стр. 76). Ср. в письме 8, примен. 14 (*Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 354).

¹⁷ Александр Никитич Шеншин, женатый на сестре Фета, Любови Афанасьевне, жил в имении Дальняя Волкова.

¹⁸ Джон Франклин (1786—1847), английский полярный исследователь. Последняя возглавляемая им экспедиция, целью которой было отыскание морского пути из Европы в Азию, вдоль берегов Северной Америки, окончилась гибелью Франклина и его спутников.

¹⁹ *Деревня, принадлежавшая Борисову. Новоселки были даны Надежде Афанасьевне в приданое.

²⁰ Улица в Баден-Бадене, на которой Тургенев жил с конца апреля 1863 г. по март 1868 г.

²¹ Тургенев предпринял в Баден-Бадене постройку собственного дома на Тиргартенштрассе (Thiergartenstrasse), куда переехал в первых числах апреля 1868 г.

8 февр./65. Новоселки.

Целый день сегодня всё перечитываю письмо Ваше, милейший Иван Сергеевич, и мало-помалу поглощаю все разыгравшиеся надежды апреля.¹ О Господи! Так много хорошего давно впереди не ждалось. Дай бог Вам здоровья, милый, добрый Вы человек. Теперь-то уже буду Вас ждать. Слава богу, что уладилось и дело свадьбы, столь много уже озабочивавшее Вас.² Ведь это в свое ребро вдунуть жизнь. Но люди так свыклись с другими соображениями, что жизнь уже выходит *«пустая и глупая штука»*.³ А я Вас всем сердцем поздравляю, дай бог им счастья в бесконечность.

У нас уже летит масленица и блины с зернистой шкрой в 12 часов являются к завтраку. Но всё это не для меня, не для меня!⁴ Несколько дней уже как питаюсь только крупинками «синопатии».⁵ Почти больной. И понять не могу, что это такое. Совершенное отсутствие аппетита и больше ничего. На прошлых днях, в страшные морозы притащился ко мне Ваш Афанасий⁶ с Бушуем, и мы с ним несколько дней таскались по сугробам в лесах за зайцами, еще одного старика лет за 70 вооружили, взяли еще старого Толкая и до заката прогуливались так, что собаки убежали от нас домой — добыча была плохая, пять или шесть русаков убили. Но были и преразбавные происшествия. Впну я, что Афанасий заряжает свое ружье и ужасно сердится, — что такое? — «Ушел!! ударил его из правого — промах, взял левым, верно взял — чик! тьфу! вот по дорожке и зачал». Тут он сорвал с себя шапку и на всю вселенную начал «Аха-ха-ха-хааа», накликать и долго он вопил к Бушую и Толкаю, а сам возился над застрявшим шомполом. Явилась одна собака и начала метаться, и, наконец, он сам почувствовал, что стоит на русаке, убитом наповал. Старик уже плохо видит, но еще бодрится, и Ваш приезд его оживит.

Иду Фетушку к 15 февраля. Проездом, верно, пробудет у Вас денек, не более. Вы еще не видали его, когда он спешит в Степановку после Москвы. Тут только и слышу от него: «Ты сам знаешь, можно ли мне куда отъехать?» и . . . и . . . тысячами сыпятся разные хозяйские заботы. Матки должны жеребиться, навоз не вывозят, — лес, доски, камни, а корм, корм!! А тут еще статью Каткову кончить и уже, наверное, ломать и строить, и пруд копать. Я его ужасно люблю в эти минуты хаоса. Тут же и рассказы, что там и как, и почти все рассказы без начала, и конец им — широкий взмах рукой в воздухе. Голос — хриплый-сиплый, кашель, переходящий в непрерывный эхе-хе-хе-хе, эти ХЕ всё. На это время я, как бы ни был сам болен, чувствую себя совершенно здоровым.

Так вот теперь к чему я готовлюсь. Доставайте скорей 1-ю книжку «Русского вестника», в ней («1805 г.») Л. Толстого, я еще не читал и не получал. Там есть и И. С. Тургеневу, стихотворенье Фета превосходное.⁷

Не знаю, знаком ли Вам П. А. Ладыженский из нашей округи — артист на гитаре замечательный. Когда-то богатый, но уже два-три состояния прожил и теперь бедняк, старик, жена и 9 детей. Вот он-то вчера давал концерт во Мценске. Что делать — хотелось мне его послушать, да вдруг вспомнился мне Ахан, знаменитый свирепый медведь, на которого лет тридцать собирали публику за рогожскую заставу — был и я раз там. Слепой, беззубый, ощипанный, он трогательно исполнял свои обязанности⁸ — всё это мне вспомнилось, и я не поехал на Ладыженского — говорят рублей 150 собрал и двинулся в Белев, чтоб и там дрожащими перстами ударить по струнам. Вот какой большею частью конец старого поколения. Покупили они, прожигали по три состояния и нищими, но с министрской походкой уходят в вечность. Наше поколение смиренное вышло — «шопот, робкое дыханье, трели соловья и заря заря. . .»⁹ На Бежин луг полежать. Что даст юное поколение, еще не видно — нельзя же считать за что-нибудь ту крапивную лихорадку, какую рассыпал было «Современник». Эти пятнушки почесались да и пропадают, это и не болезнь даже. — Об Толстом мы с Вами еще потолкуем при свидании, и от него действительно будут «бури на море вечернем». ¹⁰ Он не Островский, которому даже может пропеть песенку: «Не присваивай таланту — талант свойствен музыканту — дело не твое». А всё это от невежества погибают наши Шекспиров.¹¹ Даже Гоголя друзья придурили. Толстой не дался и уцелеет. Как же ему не хитрить, в этом его и сила и спасенье. Но кто же нам напишет картину нашей минуты — с этой вечерней зарей, в которой действительно пропадают следы всего старого, и с этой утренней, в которой не разберешь еще, каков-то день будет. Если Вы не беретесь за перо, то, видно, так и умрем, ничего не дождавшись. Баден Вас нежит, нежит. Вы это любите, и жалко даже пожелать Вам Понеры. А Вы бы богатырски встряхнулись. Теперь буду Вас ждать и еще чаще мысленно переноситься к Вам, надо даже будет заглянуть в шахматную книжку, а то Вам придется разыгрывать партии с болваном — до такой степени, кажется, я забыл, как и чем обороняться, буду вроде Никол <ая> Толст <ого>:¹² бывало он думает, думает и сходит вдруг, как Фет «О лопни!». Хотел было я дожждаться его приезда, чтобы писать к Вам, да и не выждал — не вытерпел, чтобы не сказать Вам, какую радость пролило на меня Ваше милое дружеское письмо. Теперь главное дай бог Вам здоровья и сил на дороге, и мы Вас узрим.

Крепко Вас обнимаю за себя и за Петю кланяюсь, боюсь, что будет, а то славный мальчуган.

Искренне любящий Вас

И. Борисов.

За обещание Вашего издания вперед б <ольшое> спасибо. У меня нет и основск <ого>, а как рвут книжки «Русского вестника», где есть только Ваше, — сами увидите.

¹ Письмо Тургенева от 28 января (9 февраля) 1865 г., в котором он обещает весной приехать в Спасское (см.: *Письма*, т. V, стр. 333—335).

² Речь идет о свадьбе дочери Тургенева — Полины с Гастоном Брюэром.

³ Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно» (1840).

⁴ Рефрен популярного цыганского романса «Не для меня придет весна» (сборник «Среди цыган», № 19).

⁵ Имеется в виду лекарство мценского аптекаря-гомеопата А. А. Симонова (см.: *Тургенев, Сб.*, вып. IV, стр. 371).

⁶ Афанасий Тимофеевич Алфянов (см.: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 222, 364).

⁷ Стихотворение Фета «И. С. Тургеневу» («Из мачт и паруса, — как честно он служил. . .») было опубликовано в № 1 «Русского вестника» за 1865 г.

⁸ А. А. Фет также вспоминал о медведе Ахане: «В дни нашей юности в Москве, в газетах и отдельным объявлением сообщалось публике о предстоящей за Рогожскою заставой травле собаками привязанного медведя, носившего название Ахан» (*Фет*, ч. II, стр. 73—74).

⁹ Две первые и заключительная строки известного стихотворения Фета «Шопот, робкое дыханье» (1850).

¹⁰ Борцов неоднократно и не всегда точно цитирует стихотворение Фета «Буря на небе вечернем» (1842).

¹¹ Очевидно намека на восторженные отзывы об Островском Ап. Григорьева и других критиков «Москвитянина», которые, по мнению Борцова, отрицательно повлияли на драматурга.

¹² Николай Николаевич Толстой (1823—1860) был другом и соседом Борцова по имению.

26 февр./65. Новоселки.

Третьего дня, при ясной, тихой погоде, — 3° по Реомюру, в 9 часов утром — владетель Степановки и иных выехал от нас по тракту на Федота. Пробыли у нас одни сутки, и то уже нетерпение поскорей восвояся мучило и суетило ЕГО, а Марье Петровне не худо было бы и отдохнуть поболее, но ОН повлек. . . Заезжали они в Ясную Поляну, и вот какие новости. В конце мая всё семейство Толстых переезжает в Никольское на три месяца. Марья Николаевна овдовела и тоже будет жить летом в Покровском.¹ Вы, вероятно, не ждали таких новостей, и наша покинутая сторонка оживится, но, верно, не будет уже того, что было, и мы все-таки вспомним милого, незаменимого Николая Толстого, даже за шахматами, помните, какое живое участие принимал в поражении. Его, видимо, радовало, когда мне удавалось у Вас выиграть и досадовал на проигрыш, — потому что Вы сила! С Фетом простился ненадолго, в половине апреля они обещали к нам, и будем вместе поджидать Вас, добрейший Иван Сергеевич, — и как только узнаем, что Вы уже близки к Спасскому, то и мы за Зушу, только бы переправы не задержали. Помните, что весной у нас делается. Помните паром в Мценске — речка на 30 шагов, а переправа точно чрез Геллеспонт при Ксерксе.² Да что бы и такую-то соорудить, всякий раз необходимо пустить эстафету к губернатору. Он напстрожайшей эстафетой же понудит строить. Тогда только-только славяне, двинувшись от кабаков, полезут в грязь и в воду и запоют известный гимн: «Эх, да чаво ты, Маша, плачешь. . . Эх, да подерни! подерни!». Даже извозчики, дья три ждавшие уже на берегу, разинут рты от удовольствия этой песни.

Прочли ли Вы «1805 г.» Л. Толстого? Не знаю, что именно лишает его всей силы впечатления, французские ли диалоги, или то скрытое презрение

и какой-то свой личный, но неопределенный, порой равнодушный, порой с язвинкой взгляд на все выведенные лица. Хотя очевидно, что это только приготовления будущих происшествий. Толстой с ними капризничает и вместе скрывает это даже перед пером своим. Но зато каково представлены почти все эти личности и чего можно ждать впереди, когда начнется самая суть-то. Я ожидаю великолепных наслаждений. Фету как будто не совсем понравилось — особенно действие в Москве. Но мне в Москве кажется лучшим, чем начало. Молодец Л. Н., и силы его еще всё разворачиваются. Будете ли Вы им довольны так же, как за «Казаков».³ Он же сам считает «Казаков» гораздо ниже своего последнего, но это, разумеется, только толстовский каприз.

Я Вам расхвалил посвященное Вам стихотворение Афанасия Афанасиевича, а вот теперь, прочтя его печатно, говорю, что оступился, так себе. Другие его стихи отворения действительно хороши. Но новые его рассказы из деревни — прелесть.⁴ Истинны, умны и твердо спокойны без раздражения. Какая богатая 1-я книжка «Русского вестника» — и «Московские ведомости» и «Современная летопись». Всё у Каткова пошло занимательно. За что Вы как будто его обходите — не понимаю.⁵ До сих пор он работал, кажется, непогрешимо честно. Досадно было прочесть объявления «Эпохи», что первая Ваша повесть — им, т. е. в ерунду.⁶ Фет очень расхвалил новую редакцию «Библиотечки» для чтения,⁷ давай бог, а то Петербургские совсем было заглянули — слишком уж зажили по душе, как говаривал покойный Аполлон Григорьев — очень интересен его последний *исповедальный лист*, в котором он в хронологическом порядке отмечает, когда и за что его ругали и оплевывали.⁸ Жаль его бедного! Но, слава богу, что кончил жизнь. — Выписал я себе последнее издание «Илиады» и наслаждаюсь всякий день, в тишине между завтраком и обедом. Издание не великолепно, но сносно и рисунки довольно удачны, с Флакманом, однако, не обошлось без карикатуры — у одной богини такая здоровенная ножница, что, кроме теплых сапогов, никакие не пригодишь. Гнедич бы этого не допустил.⁹ А Петя удивляется, что это у греков всё собачьи имена. У дяди Гектор, и у нас был Гектор.

Надеюсь, что в настоящее время в Париже уже всё благополучно кончено, и Вы свободны, милейший Иван Сергеевич. Дай господи, чтобы всё это было так хорошо, как желаю Вам я. У Вас, разумеется, бурь по этому делу не было, но давно уже заботы гонялись за Вами — теперь отдых.¹⁰ А лучше этого что же может быть! Когда я прочел Ваши строки — «матушка середя» и «батюшка вторник», то всем сердцем был с Вами.¹¹ Но я никак не обрету «матушки», а, кажется, всеми зависящими от меня средствами ограживаю жизнь свою, но и в теплом домике бывает жутко. Прожитые годы вспоминаются со всеми ужасами пережитых минут. Петя у меня постоянно на глазах, сходство его с матерью поразительное. Меня и это пугает по временам. Но, что бог даст. Много ли перемен найдете Вы, не в России, об этом нет вопроса, но в нашем уголке. Изменился ли и у нас так климат, как на юге России (статья «Русского вестника»?).¹² Как будто и ничего. Молодое еще не доросло, а старики (т. е. мы с Фетом) сильно вхожем. — Зима уже тягостна, но вот уже скоро. Скоро прилетят жаворонки и зазвонят весеннею

песенкой. Не опоздайте захватить эти лучшие дни, чтоб хоть побрать жизни на остальной год и запастись силами до новой весны. С весны открываются работы чугулки до Орла. Ради этого в Москве запаситесь долготерпением и кротостью, а то шоссе Вас потрясет. В утешение же, как странствующий и путешествующий, вспоминайте, что мы об Вас «миром Господу помолимся». Крепко дружески Вас обнимаю.

И. Борисов.

¹ Муж М. Н. Толстой, Валерьян Петрович Толстой, умер 6 (18) января 1865 г.

² Персидский царь Ксеркс I, в 481 г. до н. э. повел на Грецию свои многочисленные войска, переправляя их через Геллеспонт (Дарданеллы).

³ Первое впечатление от чтения «Тысяча восемьсот пятого года» было у Тургенева отрицательное, и повесть «Казаки» он ставил гораздо выше. Отвечая Борису 16 (28) марта 1865 г., Тургенев писал: «К истинному своему огорчению, я должен признаться, что роман этот мне кажется положительно плох, скучен и неудачен < . . . ». И он «Толстой» ставит этот несчастный продукт выше „Казаков“! Тем хуже для него, если это он говорит искренно» (*Письма*, т. V, стр. 364—365).

⁴ См. примеч. 7 к письму 27. Продолжение цикла рассказов Фета «Из деревни» больше в печати не появлялось.

⁵ Тургенев разошелся с Катковым по вопросу об отношении к Польскому восстанию в 1863 г.; не сочувствуя целям восстания (отделению Польши от России), писатель резко осуждал провинцическую публицистику катковских изданий.

⁶ См. примеч. 9 к письму 26.

⁷ С января 1865 г. издателями-редакторами журнала были П. Д. Боборыкин и Н. Н. Воскобойников (до этого времени — один Боборыкин). Журнал просуществовал до апреля 1865 г.

⁸ Борисов имеет в виду составленный Ап. Григорьевым «Краткий послужной список на память моим старым и новым друзьям», опубликованный Н. Страховым в «Воспоминаниях об А. А. Григорьеве» («Эпоха», 1864, № 9, стр. 45).

⁹ Речь идет об издании: «Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем. Изд. третье < . . . ». С 24 рисунками Флаксмана, превосходно изображающими отдаленные времена, повествуемые Гомером, и с виньеткой 7 портретов героев Илиады, превосходно выгравированными знаменитым нашим русским первым профессором гравирования, академиком Н. Утиным. Санкт-Петербург, 1861». Неудачной иллюстрацией Борисов, наверное, называет картину «Собрание богов» (песнь 4, стих 1), где у одной из богинь действительно очень большая нога. Н. И. Гнедич умер в 1833 г.

¹⁰ Борисов подразумевает хлопоты Тургенева, связанные со свадьбой его дочери, которая состоялась в Париже 13 (25) февраля 1865 г.

¹¹ См. письмо Тургенева к Борису от 28 января (9 февраля) 1865 г. (*Письма*, т. V, стр. 334).

¹² В № 12 «Русского вестника» за 1864 г. была напечатана статья И. Ю. Палимпсестова «Переменился ли климат на юге России?» (стр. 593—642).

14 июня/65. Новоселки.

Добрейший Иван Сергеевич,

Здравствуйте. — Чуть было я не попал в аид и думаю, что это меня Ф<ет> толкнул туда своей повестью. До половины второго мы проглаголали с ним, и я, заснув совершенно здоровым, проснулся расстрелянным. Но за то и быстро оправлюсь, и уже сильно желается к Вам. Вы всегда на меня действовали благотворно, а в этот Ваш приезд, замечаю что, всё Ваше хорошее и доброе сильнее пробилося, чем седина.¹ Неужели за это спасибо Бадену. Фет от Вас вышел со словами «*Мы не можем*» и пытался сбить меня с толку. Но этого ему не удалось. Он лирик. Вы нашли ему задачу — собирать деньги на земную экспедицию к Вам в Баден и этим уже вывели из мрачных стихий...

Завтра мы едем на Воин, а в пятницу надеюсь к Вам с А. Сухотин <ым>. Поэтому, если Вы в пятницу нас *не хотите*, то тисните словечко на почту в четверг *утром* — а то явмся.²

И. Борисов.

¹ В 1865 г. Тургенев приехал в Спасское 3 (15) июня.

² Воин — имение Новосильцевых. Письма Тургенева, отменяющего поездку, не было.

25 июля/65. Новоселки.

Давным бы давно пустился за Вами в погоню письменно,¹ добрейший Иван Сергеевич, если бы поездка в Рязань² не была так каторжна мучит <ельна>, что и теперь об ней вспомнить жутко — жара, пыль, духота и Венев доконали было нас с Попкой, но всё это по крайней мере не удивительно, а натурально. Возвратившись, послал Вам записку — а получаю ответ Анны Семеновны: ³ «Укатил наш И. С.». Ну, вот это меня удивило. Грустно было за себя и боялся за Вас, не случилось ли какого несчастья. Храни Вас Господи! и до сих пор не знаю, что Вас умчало. Петя мне всё говорил, что он знает, да не скажет, а *сочинит*. И сочинил:

Лишь письмо к нему примчалось
Так он всё переменял.
На другой день лишь проснулся
Так и в *Баден* укатил.

Подписано это на подлинном: «Выдумал П. Борисов для Ивана Сергеевича». Песню эту он пел как-то дико торжественно.⁴

Еще дорогой в Зарайск заезжали мы в Ясную П<оляну> и нашли всю переднюю заваленной разными пожитками, детская ванна на верху кучи. Толстой объяснил, что уже две недели они собираются и через два дни тронутся в Никольское. Об Вас он меня расспрашивал с самым дружеским участием, так что меня это удивляло. . . потом в Никольском тоже. Ваш отъезд он не шутя толкует, что не хотели его видеть, вот и сестра Мар<ья> Ник<олаевна> там близко, ну он и уехал.⁵

Так что и я уже отчасти разделяю его догадки. На днях Ваши все, кроме Анны Семёновны, были у нас, и Лев Николаевич от дяди Вашего был в восторженном удовольствии. «Вот человек-то!» «Вот они старики-то!» Другой старик был П. П. Новосильцев. Он его тоже перенес во времена до рождения его — рассказами про отца и мать — сватовство и свадьбу их, на которой был посаженным отцом. Толстой много изменился к лучшему — в семействе он счастлив до небесных высей, и ему тяжело покидать их на минуты. Жена его прелестнейшая женщина по формам, добра, проста, естественно хороша, и любит его, и здорова, и весела как птица в хорошую погоду. Хотя Фету и не нравится то, что у нее уже двое детей и она сама кормит. Но Афоня, кажется, окончательно сбит с человеческой почвы: Толстым, засухой, степановским хозяйством, смертью журналов и отъездом Боткина.⁶ Обыкновенно, пока Наполеоны идут на Россию, — то у нас дело кипит, а как нет их, то ничего не поделаешь. . . А жить хочется и хочется непременно по-своему, ну поневоле и делаешь из мух — слонов. Он до того привык исчислять будущие бедствия, что решительно не может остановиться на хорошей минуте настоящего. Авось-то отдохнет у Вас в Бадене, если это осуществится.⁷ Всё это время, не взирая на +35° в тени мы постоянно в разъездах и за зимнюю сиделку сторицей катаюсь. То у нас кто-нибудь, то мы на Воине, в Кочетах, в Никольском, словом, много подняли пыли по дорогам. А жара стоит без прохлады и ночью +22°.

Хлеба разом пожелтели, кошны в неделю построились по всем видимым пространствам — и рожь и овес, и гречиха вдруг забурела. Люди покрылись пылью, перепали — растрепались с большим отчаянием. Даже в глазах Федора Павловича, старосты нашего и богатыря, видна усталость, но вместе с нею несокрушимая решимость *одолеть* всё, это на меня действует в высшей степени успокоительно. Этаким же взгляд, бывало, подмечал у старых солдат, усталый и спокойный перед видимо-невидимо силой.

Был недавно у нас Никололай Никитич. У них хоры гостей — женихов и всё *хорошие*, по его заверению.⁸ — Николай *мягкий*⁹ у них же, и хотя все они нигилисты, но Вас читают, именно «Довольно»¹⁰ читалось в многолюдной компании, и все были услаждены — а мне и до сих пор еще не удалось прочесть — в половине августа надеюсь попаду в Спасское и там в Вашем жилище буду почитать да пугивать волков в Чаплыгине. Едва ли Пегас в состоянии так взволновать Вашу горячую кровь, как меня будут умерщвлять Бушуи, Толкаи и Докуки, как нападём на гнездо врагов и супостатов.

Хотя из того, что вот целый лист написал я к Вам, милейший Иван Сергеевич, удостоверьтесь, что Вы для меня и вдали отраднейший человек, писать же теперь или просто *ничего не делать* — невозможно — жара душит, мухи съедают. О, от каких страданий бог Вас унес. Обнимаю Вас крепко. Будьте здоровы, счастливы, да меня когда вспомните строчкой. Когда Вас ждатель?

Ваш И. Борисов.

Толстой приготовил «1805 год» далее и читал Фету. Он хвалит. Его ужасно интересовало Ваше мнение — и что я ему высказал, то он *углубленно* подтверждал: *да, да, да.*¹¹

- ¹ Тургенев уехал из Спасского неожиданно 29 июня (11 июля) 1865 г. после получения письма, вероятно, от П. Виардо (см.: *Письма*, т. VI, стр. 17).
- ² В Рязани жила сестра Борисова — Анна Петровна.
- ³ А. С. Белокопытова — свояченица дяди Тургенева Николая Николаевича.
- ⁴ Тургенев на это ответил Пете Борисову стихами:

Ай да Петя! Молодец!
 Хоть и мал он, как скворец, —
 Зато ум его орлиный,
 Взгляд же — просто соколиный!
 Он один лишь угадал,
 Отчего я ускакал!

⁵ Отношения Тургенева с Толстым были прерваны из-за их ссоры, происшедшей 27 мая (8 июня) 1861 г. (см.: *Письма*, т. IV, стр. 247). М. Н. Толстую и Тургенева одно время (1850-е годы) связывала большая дружба, перешедшая во взаимное увлечение, однако окончившееся их разъединением (см.: Н. П. П у з и н. Тургенев и М. Н. Толстая. *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 248—258).

⁶ С мая 1865 г. перестала издаваться «Библиотека для чтения», которую Фет очень ценил (см. письмо 28, примеч. 7). В. П. Боткин уехал за границу в первой половине июля 1865 г. (см.: *Фет*, ч. II, стр. 69).

⁷ В 1865 г. Фет в Баден-Баден не приезжал.

⁸ Н. Н. Шеншин. О его семье см.: *Тургенев, Сб.*, вып. IV, стр. 378.

⁹ Так называли Николая Дмитриевича Карпова (см. статью Н. М. Чернова «Уездный прогрессист — Н. Д. Карпов»: *Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 272—274).

¹⁰ «Довольно» было впервые напечатано в V томе Сочинений И. С. Тургенева (изд. братьев Салаевых, Карлсруэ, 1865).

¹¹ Первое впечатление Тургенева о романе было отрицательным: «Толстой зашел не в свой монастырь, — писал он Борисову 16 (28) марта 1865 г., — и все его недостатки так и выпятились наружу. Все эти мелкие штучки, хитро подмеченные и вычурно высказанные, мелкие психологические замечания, которые он, под предлогом „правды“, выковыривает из-под мышек и других темных мест своих героев, — как это всё мизерно на широком полотне исторического романа» (*Письма*, т. V, стр. 364). Однако вряд ли Борисов передал Толстому эти слова. Возможно, что во время приезда в Спасское, разговаривая с Борисовым, Тургенев высказывался о романе менее резко.

Вот уже с неделю прочел Вашу весточку из Бадена, добрейший Иван Сергеевич, и Петя выслушал *стишный* Ваш ответ, был в восторге, просит только не напоминать о золотом замке, об этом как только напомню, так его коробит.¹ О сколько у меня прошло разных разностей и приключений, и походов, и бедствий. Всё бы это я Вам пересказал да всё это лезет разом, бормотней. Прежде всего хочу говорить с Вами о Толстом. Что я Вам писал, всё это была истина без прикрас, но все-таки я теперь вполне верю Фету, или тут такая чепуха, о которой ни слушать, ни говорить с Вами более не буду. На днях я и сам слышал уверения, что он Вас ненавидит и что Вы его тоже, словом, старая песня.² Охотимся мы вместе, то из Новоселок, то в Никольском, а наконец, и в Войне Новосильцевых. Затравили уже двух волков и двух лисниц, но ему не пришлось еще ничего, и я замечаю, что скоро расстанемся.

С ним ездит сестра его жены — милая, мечтательная девушка³ — это меня стесняет. Ну подумайте сами, па псовой охоте — Амазонка! Тут иногда раздается и *бивуачное* слово — и я беспрестанно вспоминаю кавказского майора Пересветова, решавшегося за такое слово перед барышней себе пулю в лоб. Всё как-то пеловко.

В первых числах сент〈ября〉 ожидаю Фетов и с ними, верно, проеду на 5-е в Спасское к Вашим,⁴ стараясь только об одном, чтобы не попадать в Мценск в какую-нибудь из партий ожидаемых выборов. Я мечтал из Вас сделать примпрепне ближней и дальней Волковой — но судьба Вас спасла — ожесточение их далеко разлилось из берегов Мецвы — охватило уже долины Зуши, Неруча, Алешки и Оки. Беда нейтральным. Надо за кого-нибудь — поэтому я буду скрываться в отъездах. У Ник〈олая〉 Ник〈итича〉 1-го сентября произойдет свадьба: Мария Ник〈олаевна〉 уедет с мужем в Варшаву в тот же день — что это выйдет из этой бедовой девушки.⁵ *Мягкого* я на днях видал на Воине, он постарел, но всё еще голосом старой шарманки наигрывает прежние свои песенки молоденьким девочкам — бедняк не слышит, что многие дудки в его струменте уже не берут, и не замечает смехотворение кругом и детей и отцов. Во всей нашей округе падеж рогатого скота — до сих пор мы были не тронуты, наконец счастье и на нас глянуло — уже четыре штуки капут, и я поскорей продаю здоровых на убой, разумеется, за $\frac{1}{2}$ цены. Впрочем, есть то утешение, что и в Англии, и в Голландии то же, стало быть, по этой статье еще паров не выдумали. Досадно только, зачем беда эта приходит осенью, когда столько еще забот охотничьих. Стая гончих оказывается невозобразимою. Волк, лисица, заяц ведутся без сбою, все в куче, только каждая секунда прибавляет неумолимого ожесточения. Трудно устоять в поле с борзыми, чтобы не взглянуть, что у них там за революции. Вот бы Вам разик выехать, то были бы навеки поклонником охоты с гончими. Вы помните голос Фета в минуты высочайших споров. Поднимите же еще выше и не один, а 14 Фетов, и вот это моя стая. Старый доезжачий говорит, что если так же будут, то уморят его на смерть. Хорошо до слез и смеха. Одному Пегасу Вашему не под силу произвести такие треволения жизни, и если Вам встретится кто-либо искатель сильных ощущений и человек притом хороший, смело направляйте в Новоселки — осенью.

3 сент.

Не успел дописать и отправить, приехал Иван Новосильцев⁶ и двое суток провели с утра до вечера в полях дальних, съезжаясь с Л〈ьвом〉 Н〈иколаевичем〉, а вчера выезжали и m-lle Берс и Дмитрий Дьяков.⁷ Много было скачек, травили лисиц, зайцев и даже мат〈ерого〉 волка. Толст〈ому〉 была опять неудача. Его английские соб〈аки〉 оказываются в〈есьма〉 плохи, и потому он был в усиленном увеселении себя.

Неужели мне не приведется никогда Вас и увидеть? Мне думается, как отстроите Ваш великолепный чертог и будет у Вас такое тепленькое местечко,⁸ то Вы и не покинете его ради холодных наших жаров. Сужу по себе — до такой степени я с каждым днем трудней отрываюсь от нашего домика и так радуюсь, возвращаясь из поездок. Видно, для сильнейшей привязанности и к месту надо пережить в нем и счастье и горе. . . Представьте себе, до сих

пор листья на деревьях еще свежи, только клены покраснели, а остальные, как летом, — зеленые. В полях превосходные и рожь и пшеница, взошли до зернушка. Жаль даже смотреть, как лошадь ковыряет след. Только плохо, что цен еще нет, говорят, что будут-будут, а выше 3-х не двигаются. Что-то порасскажет Фетушка, давно с ним не видался и жду увидеть настоящим сентябрем. За Петю, за милые добрые Ваши строки, добрейший Иван Сергеевич, ежедневные Вам благодарения, — вспоминаем Вас часто — пожалуйте, не забывайте Вашими строчками. Они меня согревают больше, чем наше солнышко, которого вот дня три не видно было.

Крепко Вас обнимаю. Душой Ваш

И. Борисов.

¹ В письме от 5 (17) августа 1865 г. Тургенев послал стихи Пете Борису (см. примеч. 4 к письму 30) и закончил его фразой: «Обнимите за меня Петю (помнит ли он Золотой замок на амбаре)» (*Письма*, т. VI, стр. 18).

² Несмотря на разрыв в отношениях, Толстой с большим интересом и вниманием прислушивался к суждениям Тургенева.

³ Татьяна Андреевна Берс (1846—1925).

⁴ 5 сентября ст. ст. — день именин Елизаветы Семеновны Тургеневой, жены дяди Тургенева Николая Николаевича.

⁵ Марья Николаевна Шеншина (р. 1845) вышла замуж за Ивана Матвеевича Лазаревского.

⁶ Иван Петрович Новосильцев (1827—1890) — сын П. П. Новосильцева (см.: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 353).

⁷ Дмитрий Алексеевич Дьяков (1823—1891), майор уланского полка в отставке, помещик, приятель Толстого. Владелец имения Черемошья.

⁸ Следующий раз Тургенев приехал в Россию 25 февраля (9 марта) 1867 г., но до Спасского не доехал. В свой новый дом на Тиргартенитрассе Тургенев переехал в первых числах апреля 1868 г.

20 сент./65. Новоселки.

Недавно к Вам писал, добрейший Иван Сергеевич,¹ и теперь совсем не сбирался, потому что ничего хорошего не было поделить с Вами, но вот А. М. Сухотин² просит меня обратиться к Вам, а о чем, тому следуют пункты: 1) во сколько обойдется в год жизнь в Бадене, квартира со столом, освещением, прачкой и пр. 2) легко ли скоро найти такое жилище. — Всё это он разузнает не для себя, а для Алексея Иван *овича* Нарышкина,³ который догорает уже к концу, но, по словам всегда утешительных докторов, через месяц или два будет в силах перебраться за границу и выздороветь снова. Об нем-то и хлопочут его дети и друзья, поместить его в Бадене, если это возможно будет по их средствам, а средства эти между 400 и 800 р. в год. — Ответьте, милейший, на эти пунктики, на Вас вся надежда помочь этому делу. . .⁴

Теперь начну про свои неудачи. . . Я только что вернулся из *отъезда* в с. Теплое. — О боже! Отправляясь туда с Л *сьвом* Н *иколаевичем* — дорогой в наездку попалась только одна лисица. Начал ее травить Толстой, и, верно, версты три ловили ее его собаки, но она бежала и ушла бы, если б не подоспел мой охотник и его собака поймала.

Вот и в эту минуту передо мной лицо Толстого, полное неизъяснимого отчаяния и досады.⁵ Но это только начало. — Когда мы приплы в Теплое,

то узпали, что, кроме нас, съехалось еще *четыре* охоты маленьких, с ружейниками и собаками — что делать? Мой совет был уйти скорей домой, остановились у Шахома Ивановича. Купец он и кулак, и дворник, и всё. Ростом великан, круглое бревно от плеч до пяток, глаза спят, вообще похож на Александра Никитича; хотел меня поместить в свои комнаты, но там такая зловонная теплота, что я в первые минуты был рад перебраться в вновь отделяемый верхний этаж без окон и дверей. Толстой на ночь вернулся домой, а я, напившись чаю, с «Русским вестником», статья о Ермолове,⁶ сбирался спать, как входит молодой человек, красавец, черные волосы и еще черней их — глаза — но бархатные, кроткие — принимает меня за графа, я ему объявляюсь простым смертным, просит, чтобы позволить вместе поохотиться, что он здешний г. Букалов и что вот в этом-то лесе и волков выводки и лисиц пропасть. . . С самыми счастливыми надеждами я заснул, хотя и мешал Ермолов его язвительными письмами к товарищам подчиненным. Но Букалов окончательно прогнал Ермолова — ни блохи, ни запах свежееклеенных сырой бумагой стен, ни масляная краска, подготовленная в разбитом чугуне тут же в комнате, заснуть не помешали.

Часов в 6 явился Толстой — говорю ему о счастливых вестях Букалова — восторг, и скорей, скорей. Ветер всю ночь был страшный и утром еще усилился. До 1-го часа пополудни я простоял на месте, ожидая волков, и хоть бы зайца видел! Букалов и не показался. Вот как и старых воробьев ловят на мякуну.⁷ Толстой давно уже не выдержал и уехал домой — жена именинница, — отправился и я, но уже злодей Букалов с товарищами с утра прошли по вершинкам на нашем пути. — Первое известие по приезде в Никольское было, что с нашим обозным Павлом Полуектовым случилось несчастье. . . лошадей моих и Толстого с фургоном и тарантасом какой-то мужик нашел в поле одних и привел в Никольское. Потом пришел и Полуектов, но без шапки и, как бы Вы думали, без чего еще? Наверное, не угадаете — без *НОСА*. Буквально. Верно. Как это могло получиться, из произведенного мною следствия не могло разъясниться. Говорит, что пьян он не был, а вдруг ни с того, ни с сего кони шарахнулись и пошли трепать по полю. Далее он ничего не помнит. Но невозможность подобной картины опровергают две смиренные кобылы, бывшие в фургоне — дряхлые и престарелые и привязанные за ними лошади Толстого с тарантасом. Всё в целости, не пропало ни единой вещи, не поломано и не поцарапано — словом, всё в порядке, кроме носа. Наконец, по прибытию уже в Новоселки, Павел объяснил, что помнит, что точно на дорогу он выпил стаканчик, потом помнит, что ехал шагом, потом вспомнил, что вдруг он как будто провалился и носом зацепился за что-то, а потом достиг земли и проснулся, солнце стояло высоко, в голове шумело. Лошадей, шапки и носа как не бывало. — А это один из трезвейших во всей округе, и потому нанят был мной в фургонщики.⁸ Да, не было еще моего чемодана, но его он не взял с квартиры, и поэтому я не мог явиться к дамам 17-го и мучительно просидел вечер в больших сапогах.⁹ Ночью привезли чемодан, утром рано уехал домой и теперь отдыхаю от душевных истязаний видеть эти безобразия. Ищу нового трезвого человека в фургонщики и попытаю счастья в Стрельниковой, авось там найду лисичек. Дома мой Петя разогнал всё горе — он охотился удачней: в поле с лопатой и Пузиком выкопали и поймали хомяка, я впервые увидел этого зверька,

очень красивый. Фет на Тиму и оттуда пишет, что к 25 возвратится в Стенаповку. Теперь у него уже новые процессы — беда.

Обнимаю Вас крепко.

И. Борисов

Толстой пишет роман «Отъезжие поля» — но всё рассудительствует, фетстает.¹⁰

¹ Это письмо Борисова неизвестно.

² Александр Михайлович Сухотин (1827—1905), мировой посредник.

³ А. И. Нарышкин (1795—1868), орловский помещик, сосед Борисова и Тургенева. С 1861 г. член губернского присутствия, несмотря на болезнь, оставался в этой должности до самой смерти.

⁴ Тургенев ответил письмом от 11 (23) октября 1865 г. (см.: *Письма*, т. VI, стр. 29).

⁵ Ср. переживания на охоте Николая Ростова («Война и мир», т. II, ч. 4, гл. V).

⁶ И. Х о д н е в. Кавказские материалы для биографии А. П. Ермолова («Русский вестник», 1865, № 6, стр. 542—584).

⁷ Ср. рассказ Потугина в романе Тургенева «Дым»: «Пробирался я в болото за бекасами; патолковали мне про это болото другие охотники. Гляжу, сидит на поляне перед избушкой купеческий приказчик, свежий и ядреный, как лущеный орех, сидит, ухмыляется, чему — неизвестно. И спросил я его: „Где, мол, тут болото, и водятся ли в нем бекасы?“ — „Пожалуйте, пожалуйста, — зашел он немедленно и с таким выражением, словно я его рублем подарил, — с нашим удовольствием-с, болото первый сорт; а что касательно до всякой дикой птицы — и боже ты мой! — в отличном изобилии имеется“. Я отправился, но не только никакой дикой птицы не нашел, самое болото давно высохло. Ну скажите мне на милость, зачем врет русский человек?» (гл. XIV).

⁸ Тургенев отвечал 11 (23) октября 1865 г.: «С смешанным чувством удовольствия и сожаления читал я Ваше, с большим юмором начертанное описание Вашей охотничьей Иллиады. Хорош чернокудрявый прекрасный юноша, который оказывается мазуриком, и доверенный трезвый человек, бессознательно лишившийся носа. . .» (*Письма*, т. VI, стр. 29).

⁹ 17 сентября ст. ст. — именины Софьи Андреевны Толстой.

¹⁰ «Отъезжие поля» — незаконченное произведение Толстого, замысел которого относится еще к 1856 г. Известны лишь три отрывка этого романа (см.: *Толстой*, т. 5, стр. 214—219).

Быстро донеслось Ваше письмо от 11-го,¹ я получил его в Мценске 22, а прибыло оно накануне, — вот Вам, добрейший, милый Иван Сергеевич, какой мы достигли прыти, погодите, поживем — еще и не то увидим. За сведения о Бадене — никакшнее, только когда я сообщил А. Сухотину, он мне говорит, что поздно уже лечить А. И. Нарышкина. Его состояние — непзлечимое *размягчение* мозга или паралич, только он в полоумии и без памяти, а недорого можно у Вас прожить добропорядочно. Право, если бы у меня была одна капля охоты жить где-либо вне Новоселок, уехал бы к Вам. Но

странно, с каждым годом, с каждым горем чувствую, что я сильнее и сильнее выпиваюсь в Новосельскую почву, — только мне хочется еще и еще обсадиться погуще деревьями, и хвойными и плодовыми, — насадил две гряды кедров сибирских — когда-то дождусь от них орехов. Голицын Н. Бор.² на 18-й год уже собирает, это очень скоро. Но виноват, некогда толковать об этом, надо говорить Вам более Вам приличное. . .

Во 1-х, только сегодня утром, чуть не со свечами уехал от нас Афанасий Фет Афанасьевич. Несколько деньков побыли вместе — передал ему Ваше письмо,³ и он, верно, из Степановки пошлет Вам свои ведомости. Приезжал он с Марьей Петровной, намереваясь пробраться в Спасское, но, разузнав про дороги в Спасское, — убоялся.

27 октября во Мценске были выборы *гласных* из землевладельцев, вот мы туда с Фетушкой и отправились, и желал бы Вам написать голосом Садовского в Крещинск <ом> «Была игра!!»⁴ и то этого недостаточно. С 11 часов утра до 9 вечера не пили, не ели, а шумели, баллотировали, перебаллотировали до 3 раз некоторых и выбрали-таки 18 гласных и 3 кандидатов.

Все партии разбиты в мелкую дребезгу, все расчеты рухнули. Упорство, невзирая на 10 часов мученья, было крепкое — некоторых господ даже в третий раз забаллотировали — именно *стольких* же шарамп. В. А. Шенш <ина> едва выбрали в гласные (38), а он глава партии; всех его сотрудников упичтожили в прах. Александр Никит <ич> например два раза ³/₄ неизбирательных. Другой глава, Никол <ай> Никитич, в первый раз забаллотирован — его отчаяние и гнев были страшны; попросили вновь — согласился и едва набрали 34 ш. (а всех шаров 68). Но на беду его и у другого господина тоже 34. Решали жребием — судьба не за него, и он мог только попасть в кандидаты. Вот как его наказали за посредника.⁵ Еще партия была *Неручьская*, но из *них* только двое попали в гласные. Дело в том, что теперь разрушены все замыслы устроить будущую думу, как бы хотелось гг. предводителям партий, а устроится она, я думаю, как укажут надобности наши, тоже и мировые судья, словом, еще есть надежда на здравый смысл. Мы с Фетом нечаянно не попали в гласные, и он уже призадумывается, не служить ли ему в думе; я же на этот счет спокоен и с тем только баллотировался > гласным, что нигде служить не буду. Дядя Ваш приезжал посмотреть, и я его насмотрелся — ну что это за молодецкое поколенце стариков, он свеж, бодр, — а Фет! посмотрели бы вы на него около 5-го часу, ну что это такое: глаза закатываются, нос как будто свесился в бороду, а борода задрапалась на две стороны, подойду к нему — он сонно смеется. Я чувствовал усталость до глухоты, шум в ушах, голод до отвращения даже к обеду предложенному Никол <аем> Никитич <ем>: тут же, в какой-то конуре (дело наше происходило в воксале) гляжу — А. Ф. уже одолевает кус кулебяки, полуаршинный кусочек. Часов в 9 было всё кончено, т. е. выбрано 18 гласных > и 3 кандидата, и нас распустили. Тут надо было в грязь, впотьмах отыскивать дорогу на постоялый двор Богатырева, где мы надейлись найти местечко переночевать. Часов до 12 в ожидании себе *угла* болтали сначала о происшествиях дня, потом, чтобы замаять колкие споры, как-то заговорили про людей необыкновенной полноты, и странно, весь вечер до ночи как будто это всем было по душе — только и говориличисля толстяков, и Фет, и я, и Кут-

лер, и все, кто тут ни был, взапуски вспоминали своих знакомых толстых и толстяков с разными анекдотами. Было скучно, но хохотали и уйти было некуда.

Вдруг доносится голоса женские — поют или визжат какую-то песню. Узнаем, что это такое, говорят, что это *девичник* справляют в каком-то №. Значит, завтра будет и свадьба. Вот в этот-то №, когда кончился девичник, и пустили нас с Фетом ночевать. Не завидуйте. Несмотря на уби́йственное утомление — одной дороги до Мценска — и всего, всего, — воздух помера нашего спиртуозно кислый, грязь, клопы и блохи, на которых нет на Руси мора, и Фет со свистами в груди и кашлями во всю ночь не дали мне заснуть. До света поднялся, дождался только починки тарантаса — ось сломалась на улице — и тихим шагом домой, по такой дороге, что у *жас*. А Вы пишете, что санный путь установился, нет, и до сих пор с половины сентября всякий день дождь или мгла, и много хлеба еще гниет в полях. Про холеру пока только читаем в газетах, у нас же благополучно. Что же касается моров разных, — то разве можно жить без них! В Новоселках мы уже два месяца без *молочного*, и не единого тельца не осталось, но лошади — ничего, здоровы, кошки тоже здоровы. У Вас в Спасском, правда, Матроска помре, но ведь ему за 15, и он был Мафусаил ⁶ в своем роде. Словом, в нашей стороне всё благополучно, и даже денег нет.

На том листке я бы и кончил, т. е. *Довольно*,⁷ но хочу Вас, дорогой Иван Сергеевич, еще и еще благодарить за Ваши дружеские строки — они меня всегда переносят хотя мысленно к Вам, и это мое самое отраднейшее наслаждение. Не знаю, когда дождусь Вас увидеть, но знаю, что всегда Вас жду.⁸ Неужели для Вас так всё перемерло на родине, что Вас уже перестает потягивать взглянуть даже на тишину нашу, после бурь, громов и всех преобразований, какие всё еще быстро несутся над нами одно за другим. В Вашем «Довольно» многое я прочитал с большим чувством за Вас. Вы как будто хотите так уйти от нас, как я вот из Воздвиженской, когда с оказией в последний раз уходил за Грозненские ворота. На Кавказе жить уже не хотелось, и я с полною покорностью последовал совету кунака моего Гобе: поднял камень и бросил его, не оглядываясь, назад — это значило по его *закону*, что я уже Воздвиженской более не увижу,⁹ и действительно, не увидал, хотя пришлось вернуться на Кавказ и сам кн. Барятинский¹⁰ повернул было меня в Воздвиженскую, но, видно, камень сильнее и ЕГО. На родину мне так же хотелось возвратиться, как взобраться на корявую гору, — без всякой цели впереди, кроме «ничего не знаю и не думаю, что буду делать». . . просто напрасно пришло Довольно жить.¹¹ Но тут хватил лихорадка — год ей — а потом уже Вы знаете, как моя жизнь протекает, и мне уже *недовольно*, и надо еще, еще пожить, пока скворец вылетит хоть из гнезда.¹² Вас он вспоминает Ваши стихи — мурлычит их себе; *внушительно*, без всякой скромности проповедует гласно всем: «. . . за то ум его орлиный, взгляд же просто соколиный», а про скворца он так, слегка. . . «Это не думайте, что мои стихи, — это Ив. С. сам нашел в Бадене и *сочинил* на меня». Зато уж как получу Ваше письмо, то первый вопрос: «ну а мне-то есть *стихи новые?*» — нет. Петушится на Вас ужасно. «Как же это, я ему еще послал, а он не хочет, ну и я больше не буду». Виноват же был я, кажется, забыл

о сго послаши. Теперь это дело ему разъяснил, и он уже сам взялся за перо, спросил меня какой нынче *октябрь или ноябрь*, пишет, и что накаракулит, пошло к Вам.

Охота за грязью и пресыщением кончена. Не знаю, наберу ли к будущей осени настолько в себе охоты охотиться, а теперь мне кажется, что муки и скуки выходит более, чем удовольствия. И если бы подвернулся какой англичанин (чужак), я бы продал и стаю, и борзых. Не найдется ли у Вас в Бадене, адресуйте ко мне. Но, авось, искра моя не погаснет и к будущей осени разгорится. Жаль, что Вы уже не можете, пригнувшись на коне, промчаться с нами, — стая вышла действительно занимательная, и русака, и лисицу, и волков гоняют без пощады.

1865 года 30 октября. Новоселки.

Иван Сергенч, пишу вам мои стихи.

Это всё ведь хорошо
да Скажу я кое-что
Мне Хотелось бы знать
Что вам в Бадене гулять
Петр Борисов.*

Не смею не послать и *сего*. Написал в один миг — а после, говорит, напишу уже не стихами, а *просто*, чтобы поугаить Ив. С., — «что дядя (Фет) выбран гласным и в Баден не поедет, и не угодно ли ему самому к нам пожаловать, а дикие козы есть и в Орле». Но довольно. Довольно, — боюсь Вам и наскучить, и уморить. Не помню, писал ли Вам, что у Дьякова в Чермошне гостит М-ше Берс — сестра Толстой. Раз я ее слушал и хочется опять. Что это за голос! Не сила в нем, но поразительная, неизъяснимая чистота. Мы уговорились с Фетом съездить по снежку, но, кажется, не дождусь и его и поеду по грязи, просто и Серафимы и Херувимы.¹³ Но бедная она или в чахотке, или уж так угасает. Тут есть роман несчастный.¹⁴ О, что это за нелепая толстовщина, и Марья Николаевна Т<олстая>, говорят, впала в сплин и тоже погибает. Не хочет никого видеть, ни даже детей своих, и сидит одна. Л. Толст<ой> до 8 окт<ября> оставался в Никольск<ом>, а теперь в Ясной уже. Надо ждать продолжение его «1805» — готово, но печатать не хотел в «Р<усском> в<естнике>»¹⁵ — ссора, и А. Ф. помог. Феты недель на 6 сбир<аются> в Москву — получили 1000 р. нежданно от соседа своего Ал<ександра> Никит<ича> и на это кутнут Москвой. На поездку же к Вам у него припасено хлебища пропасть — не продает *два* года. Но наконец умолкаю *же*. Обнимаю Вас дружески, милый Иван Сергеевич. Храни Вас Господь здрава и невредима.

Ваш И. Борисов.

Чудеса! верба распустилась — на березах почки готовы развернуться. Боимся, что зимы не будет, а завтра уже ноябрь.

* От даты «1865 года 30 октября» до подписи «Петр Борисов» — написано детским почерком.

¹ Письмо Тургенева от 11 (23) октября 1865 г. (см.: *Письма*, т. VI, стр. 29).

² Николай Борисович Голлицы (1802—1876), гвардии поручик, потом коллежский советник. В 1840 г. предводитель дворянства в Новосильском уезде.

³ Письмо Тургенева к Фету от 10 (22) октября 1865 г. было послано на адрес Борисова (см.: *Письма*, т. VI, стр. 27).

⁴ Пров Михайлович Садовский (1818—1872), в пьесе А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» исполнял роль Расплюева. Реплика из второго действия, явления второго.

⁵ Николай Никитич Шеншин был мировым посредником и в этой должности оставил по себе плохую память (ср. с письмом 26).

⁶ Мафусаил — персонаж библии, проживший 969 лет. Его имя стало символом долголетия.

⁷ Намек на название очерка Тургенева.

⁸ Следующий раз Тургенев был в Спасском и Новоселках в июне 1868 г. (см.: *Письма*, т. VII, стр. 571).

⁹ Об этом же Борисов писал Тургеневу 10 (22) марта 1863 г. (см.: *Тургенев, Сб.*, вып. IV, стр. 374).

¹⁰ Князь Александр Иванович Барятинский (1814—1879), генерал-фельдмаршал.

¹¹ Борисов вспоминает свои тяжелые переживания в молодости, когда после отказа Надежды Афанасьевны выйти за него замуж, он пытался застрелиться, а потом опять вернулся на военную службу.

¹² Борисов имеет в виду сына.

¹³ Т. А. Берс была очень дружна с Дьяковыми и неоднократно гостила у них в Черемошне. В своих воспоминаниях она описывает один из вечеров в Черемошне (см.: *Кузминская*, стр. 403—406).

¹⁴ Борисов познакомился с Татьяной Андреевной после ее разрыва с С. Н. Толстым, с которым она была два года помолвлена. Их свадьба разстроилась из-за того, что Сергей Николаевич не смог порвать 15-летней связи с цыганкой Марьей Михайловной, от которой имел детей. После разрыва Т. А. Берс в порыве отчаяния пыталась отравиться и долго хворала после этого (см.: *Кузминская*, стр. 221—336 и др.).

¹⁵ «Тысяча восемьсот пятый год» печатался в №№ 1 и 2 «Русского вестника» за 1865 г.

34

6 дек./65. Новоселки.

Вчера нам был праздник получения Вашего письма, добрейший Иван Сергеевич, — право не знаю, не знаю, кому из нас довелось переживать более радости — мне или Пете. Как только разрыл, что там есть стихи, то уступил ему первому его долю. Началось как будто с недоверием, потом с прелукавым равнодушием, но когда дочиталось до *тю-тю* — раздался визг восторга, а после *ананас* — восторги превратились в потоки долго неумолкаемой болтовни с крикательством и мычаньем.¹ Я видел, что его уже пробирает зависть двойная: и к стихам и к ананасу. Сильно его поразили, сильнее *золотого замка*.² Но последние строки успокоили, примирили и, хоть он знает уже наизусть, но нынче беспрестанно подходил и спрашивал у меня: «Дай-ка мне И. С. стихи, еще почитаю».

С нетерпеньем скорей Вас благодарить взялся я за перо, а то теперь не до писанья — плохо приходится.

Уже недели три «Дуют витры, дуют буйны, аж стены трясутся».³ Искося поглядываю на окна, отыскивая незаледеленой щелочки — посмотреть, что там делается. И днем и ночью гул и вблизи, и где-то вдали. Морозов сильных еще не было, градусов 15 не более, но вихри душат и засыпают

уже не снегом, а сырым песком с пылью. Все поля ободрапы, черные. Не то что 15 верст к добродетельной помещице, теперь не решились бы Вы и выглянуть. Вот когда настоящее убежище в халате, и, верно, Фет все эти дни лежит и блаженствует, не умываясь и не раздеваясь. . .

Несколько дней я имел отрадное безумие ждать Фетушку по его обещанию. Готовили любимые его блюда, пирожки *непрерменно* к супу; но успели уже покочить целого тельца и несколько жирных пидеек, а их нет, да и быть не могли — кого теперь нелегкая выгонит из дому? Раз, однако, я встрепелулся, заслышав кто-то вошел, и вижу Дьякова, покрытого сибирской пылью. Едет в Орел закупать на елку. Здоровяк, хохочет, растопили жарко камин — чай и целый день до глубокой ночи не говорили, а бормотали — говорил он, что они получили уже романы М-ше Ввардо, но только не идут на лад. Надо Фета туда свезть — помнит, как он спел один из них. Да еще искалечил-го свой — «Я принес к тебе две розы». . . По зато «На холмах Грузии» он хрипит божественно.⁴ От Дьякова узнал, что Толстой кончил свой «1805 г.», но печатать не хочет, пока еще *не докончит* несколько томов. . . т. е. этому делу его не будет конца. Здоровье его плохо, боится чахотки.⁵ А бедная Марья Николаевна всё в хандре. До сих пор болезнь эту я не могу представить себе страшно иначе, как хандра Фета. Боже! как он невыносим. Еще когда проявляет злобу с яростью, можно сносить, но когда перейдет в едва живые звуки умирающего — не советую Вам оставаться с ним под одной кровлей, и если он в Степановке — спасайтесь в Баден. От одного воспоминания прихожу в содрогание.⁶

Сбудется ли обещание Ваше на лето заглянуть к нам? Боюсь и верить. . . Замок Ваш к тому времени вырастет, будет уже под кровлей, в саду созревают персики, виноград, ананасы. Чем тут Вас выманить из такого гнездышка?

Повеление Ваше: секрет о Ваших началах романа свято исполню и никому ни гу-гу. Нечего Вам говорить, с какой радостью я прочел Ваши строки, что Вы пишете, значит Вы живете опять полною Вашею жизнью, переболели.⁷ И пока в Вас будет жизнь — желаю Вам постоянной заботы: «еще окончить два сказанья. . .»⁸ Без этого в самом деле Вы всё будете поглядывать и в Бадене на гору с иностранцами и в Спасскую часовню — с содроганьем. Давно уже не был и я в Спасском. Зима там проявляется во всем могуществе. Сугробы такие вокруг дома, что едва виднеется крыша, но Ваша фаланстер⁹ бывшая бойко посматривала всеми окнами. Хотя и жаль мне Вас, милейший Иван Сергеевич, но не прочь бы и от того удовольствия, чтобы перенести Вас в теплые Ваши комнаты Спасского. Хоть на один месяц, зато написали бы русскую Одиссею. Вспомните стихи хитродумного многострадального: «Сладостней нет ничего нам отчизны и (сродников наших)»¹⁰ — заключаю в скобки. Уверен вполне, что и сам Одиссей сделал бы то же, когда бы ему сродни был, например, Полифем и Александр Никитич. О сродники! А у Вас-то их сколько! Нужно же было Фету искать себе гнездо в стране Циклопов. Подлинно, что лирики кидаются с 14-го этажа.¹¹

В настоящую минуту всем наши столбовые в Орле выбирают губернского предводителя. По слухам, город переполнен — кого-то выберут?

Евпраксия что-то всем опротивел.¹² Хотели нового — но, может, принесет обильную жертву богам с возлиянием — и Циклопы, наполнив утробы

мясом и Редерером, взревет: Ура! Евпраксия! Не знаю, долго ли мне еще суждено сидеть в безвыходном положении, пока бы угомониться бурям, хочется уже и людей посмотреть, и *серого* надо проехать, и русачка выследить, и волков поугатать, а между тем ожидаю гостей из Рязани, Орла и Новосила, да и Феты нас не мнут, а в Москву им неизбежно, так, может, и еще зтому прожизну, не выдав ни Мценска, ни Волковой. Со страхом уже подумываю, что скоро придет время и мне выбираться из берлоги. Пете уже 8-й год готовить дома к университету немислнно, придется переселиться за ним в школу — куда? — еще не знаю. А он ко мне привык, как Ваша Бубулька. Обоим нам будет тяжело. Хотя он до сих пор храбро готов ринуться на все науки, но черная доска с мелом и губкой еще ему неизвестна, а я помню, что иногда подходил к ним, как к гильотине.

Недавно получил маленький запас от Лёве в полубутылках и самые лучшие экземпляры сберегу для Вашего приезда. Есть и белое, и красное, и искрометное, есть и такие бутылочки, к которым идет *девиз*: «Во мнозе правды крепость многа!» Хотя еще и не верю, но жду Вас, добрейший Иван Сергеевич, и крепко Вас обнимаю за нас обоих.

И. Борисов.

Петя теперь весь поглощен в рисованье, состязание идет с Сверчковым, не до стихов, но не забывает и «тю-тю».

«На отдельном листке»:

Мороз, метель задерживают третий день посылку в город. Читать пещего, поневоле роешься в стареньком, вот и нашел — в XI «Современнике», 1855, статья от редакции «. . . Что же касается до г. Тургенева, то для славы ему недостает только одного, чтоб явился какой-нибудь ожесточенный гонитель его произведений, разобрал бы их по косточкам и доказал бы до очевидности ясно, что они никуда не годятся. Но что прикажете делать! Нет и нет такого человека! Точно так, как нет и такого, который написал бы о них дельную статью, раскрыв публике, почему она так им сочувствует, и доказав, что сочувствие это вполне справедливо. — Критика в апатии. . . Заключим наши заметки лит. нов. — Недавно г. Тург. «нев» окончил и *уже отдал нам. . . Рудина. . .* „Современник“ считает себя счастливым, что может начать свой следующий год таким произведением. . .»¹³

Когда я читал эту находку, то мысленно был с Вами, добрейший Иван Сергеевич. Тут нельзя не пораздumatся о многом — не нужно толкований, а только перепечатать бы теперь в «Современнике». Выписываю для Вас во всей точности буквально — выкинул только менее интересное. Ровно через 10 лет «Соврем«енник» нашел такого человека для Вашей славы, да, кажется, и не одного, и критика уже *не* в апатии!¹⁴

С нетерпением жду Фета — покажу ему находку и буду хохотать до сотрясения. . . Надеюсь, что и Вам эта выписка доставит хоть несколько увеселений и разъяснит, что ожесточенный гонитель работал на славу Вашу.

¹ Это письмо Тургенева к Борису неизвестно (см. наст. вып., стр. 473), но текст стихов Тургенева, обращенных к Пете, записала Т. А. Берс и послала их Толстым в письме от 14 (26) декабря 1865 г.:

У вас каждый день мороз,
А я свой жалею нос.
У вас скверные дороги,
А я свои жалею ноги.
У вас зайцы все тью-тью!
А я их сотнями здесь бью.
У вас черный хлеб да квас,
Здесь — Рейн-вейн да ананас!

(*Кузминская*, стр. 391).

² О «золотом замке на амбаре» Тургенев писал еще 5 (17) августа 1865 г. (см.: *Письма*, т. VI, стр. 18).

³ Перефразировка известной украинской песни: «Вьют витры, вьют буйны, аж деревья гнутся».

⁴ Альбом романсов Полины Виардо на слова русских поэтов вышел под заглавием: «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, переведенные Ф. Боденштедтом и положенные на музыку П. Виардо. СПб., у Йогансена, 1864», каждый романс напечатан отдельной тетрадкой, тексты на двух языках. В альбом вошли указанные в письме стихотворения Пушкина и Фета.

⁵ В дневнике от 9 (21) ноября 1865 г. Толстой записал: «Написал предшествующее сражение и уяснил всё будущее. Нынче взял важное решение не печатать до окончания всего романа» (*Толстой*, т. 48—49, стр. 66). На нездоровье (простуду) Толстой жаловался в записях от 4 (16) и 7 (19) ноября 1865 г. (там же). После смерти от чахотки Д. Н. и Н. Н. Толстых в семье особенно велик был страх перед этой болезнью.

⁶ Резкие переходы от кипучей энергии к полному упадку сил, приступы тоски и меланхолии, по временам мучившие Фета, очевидно, являлись признаками психического недуга, унаследованного им от больной матери (см. письмо 22: *Тургенев, Сб.*, вып. IV, стр. 387).

⁷ Вероятно, об этом было в не дошедшем до нас письме Тургенева (см. примеч. 1).

⁸ Перефразировка строки из «Бориса Годунова» (Ночь. Келья в Чудовом монастыре). У Пушкина:

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя. . .

⁹ Фаланстеры (от греческого фаланга) — название дворцов, в которых по замыслу французского утописта Шарля Фурье должны были жить члены идеального социалистического общества.

¹⁰ Цитата из «Одиссея» Гомера в переводе В. А. Жуковского (Песнь девятая, стих 34).

¹¹ См. примеч. 16 к письму 26. Борисов сожалел о том, что Фет купил имение Степановку, находящуюся далеко от родных мест (70 верст от Спаского и 55 верст от Новоселок).

¹² Виктор Владимирович Апраксин (ум. 1898) многие годы был орловским губернским предводителем дворянства.

¹³ Непопулярная цитата из редакторской статьи «Заметки о журналах за октябрь 1855 года» (В. Боград приписывает ее Н. А. Некрасову, напечатанной в журнале «Современник» (1855, т. 54, № 11, раздел «Современные заметки»).

¹⁴ В годы, последующие за 1855, в «Современнике» появился ряд критических статей на произведения Тургенева: Н. А. Добролюбова «Новая повесть г. Тургенева» («Накануне») — 1860, № 3, разд. «Современное обозрение», стр. 31—72; М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени» («Отцы и дети») — 1862, № 3, разд. «Современное обозрение», стр. 65—114; М. А. Антоновича «Современные романы» («Призраки») — 1864, № 4, разд. «Современное обозрение», стр. 201—238.

Скоро конец старому — поздравляю Вас с Новым, добрейший, милый Иван Сергеевич, желаю Вам неизменно оставаться, каким Вы есть, отнюдь не стремиться так быстро в вечность, как я злосчастный.

«Я долго сидел неподвижно»¹ в Новоселках и сегодня вздумалось проветриться во Мценск и зашел в лавку Аристова купить синьки. Встретил там нового губерн<ского> предводителя нашего А. В. Шереметева² (уездным же остался наш прежний Баркос), разговариваем, — подходит дрянной старикашка и просит у меня подаания — преежестко я отказал ему. Тогда-то слышу он обращается к Шереметеву и умилительно молит его: «Ну молодой, хороший, *старичок* не дал, дай ты. . .» Вот до чего я дожил и за это пожертвовал сверстнику моему 10 к. Действительно, моя старость уже пришла и сознаю это всеми костями и помышлениями, не радуюсь и не горюю. Петя так подрос, что когда сижу и он подходит, ловко обнять его плечи. Надеяться можно, что мы с ним и еще посравняем.³ Это меня занимает более всего.

Недавно был у меня Афанасий — пришел просить *порошку*. В Спасском, говорит, никого нет, все в Орле на выборах, скучно так стало — собаки все побесились — один Цыган остался. Беседа у нас шла дружеская, но когда он проглотил только одну рюмку Россен, то поднял такой плач, с рыданиями и об Вас тут вспоминалось, и о крупе какой-то, и Бушуй, и Толкай, наконец стал просто шамкать. Я поскорей выпроводил его в сени и по тракту во Мценск. А третьего дни нежданно является другой Ваш Лепорелло — *Захар*.⁴ Увы! В Харькове чиновничество ему не повезло — сколько можно судить по виду, но не по рассказам его повести. Постигнуть невозможно, в чем суть, туманы такие, что даже у Фета нет ни одного такого стихотворения. — «Там очень прекрасно было, Языков⁵ обещал, я могу, т. е. всё это знаю, а в Орле мне сказали, что Вы ищете человека, я прямо из Орла» и посмеивается. Вспомнилось мне письмо, Вами полученное от Дудышкина, где Захар действовал,⁶ ну да и вообще у Вас он пожил в раю довольно, даже Фет ему завидовал и хотел на его место к Вам — куда же мне-то его пристроить. Вот я и дал ему рекомендательное к Шереметеву — что может и в доме и в чиновниках служить, и сегодня получил обещание, что постарается ему о месте. Вы любите родину нашу, вот она и пришла сама сюда. Не хотите ли узнать самую последнюю философию мценскую, — извольте. Третьего дни заезжает ко мне Ник<олай> Никит<ич> с бар. Дрейлингом,⁷ и уж я вижу, что они хотят заведи о чем-то подслушанном и перемеленным; в Орле на выборах были. . . Нападение направляется на меня — «Вы что? Эгоист! — да-с, а первейшая обязанность человека это жить для общества, потом уже для семейства, а потом для себя. — Сапожник, разве он шьет сапоги только себе? Нет, всем нам. . . Почему Вы не поехали на выборы. — Вот и Иван Сергеевич тоже и знать ничего не хочет, а мог бы быть преполезным. . .» Отстаивал я от галиматии и ерунды и Вас и себя — и слушать не хотят. Только холодная пидейка да хлеб, к счастью, был свежий и масло сливочное с горячим чаем помогли успокоить их, а сегодня слышу от Анны Сем<еновны> Шеншиной заморозным гласом: во 1-х общество, во 2<-х> семейство и потом уже мы

сами, и Марианна Владимировна⁸ уже дорассказала остальные подробности». Ведь это какое-то непостижимое шаманство вдруг разлилось по всем мозгам мценским. И Монтеки и Капулетти⁹ наши запели один гимн — надо ожидать действительно чего-нибудь новенького. Мне уже думается, что не Мягкий ли это успел так подействовать и на ближнюю и на дальнюю Волкову и далее. Далее я думаю навестить его. Недаром они потребовали на чтение от меня «Взбаламученное море»,¹⁰ которое было во дни оно забракковано. — Ну представьте себе семейную картину в ближней Волковой. Вокруг благоговение и задыхающееся чтение Мягким «Взбаламученного моря». . . Теперь наверное все нигилисты тью-тью. . . Во 1-х общество. Потом семейство и, наконец, мы.

В Бадене у Вас живет К. Лобанов. Он приезжал на выборы и уехал — его за это восхваляют. Что бы и Вам прокатиться — на ура! бы подняли.

Фет уже сбегает из Москвы, получил от него письмецо, по которому видно, что он суетится, как повар при запоздалом обеде — скорей отпущать соусы с подливками и жаркие. В такое время беда попасть под руку, и я не осмеливаюсь его беспокоить. Здесь же его ждет горе непоправимое: цены упали значительно — хлебнице за два года остался еще непроданным. Представляю заранее фигуру — ограбили!!

Известны ли Вам московские новости — «День» сегодня кончается¹¹ и Ив. Аксаков скочегуется с Тютчевой — воспитательницей.¹² Каткову подносят великолепную — драгоценную чернильницу дворяне. Вчера происходил какой-то небывалый праздник, устроенный Обществом любителей художеств. Погодин издает сборник,¹³ по оглавлению видно, что это винегрет без подливки, а так всего понемножку — и картофель, и огурец, и «заря, заря. . .»¹⁴ Себе я делаю подарок: Ваше последнее издание.¹⁵ Стыдно стало смотреть на маленькую мою библиотеку без Вашего имени. Вот Вы повелели держать в секрете о Ваших работах, а Марья Петровна новость эту привезла из Степановки¹⁶ и узнала от Меншиковой, а эта барыня знает всё, даже черные шары на выборах угадывает — беда!

Не хотите ли хотя мало-мальски поучаствовать в наших выборах, хотя заочно. Вы владеете правом в *Мировые судья*. Откажитесь от жалования и будете Почетным мировым судьей. А послужить можете летом, во время приездов. Хотя это дело еще вдали, но пишу Вам про случай. Петя, узнав что пишу Вам, поручает за него поклониться Вам. Целует Вас, а стихов, говорит, нет, потому что никак не наберет.

Но, кажется, довольно набралось у меня. Теперь, кажется, надолго приполкну — приближается время обмирания перед весной, усилятся морозы, надо еще крепче припереться думой.

Ваш Ив. Борисов.

¹ Перефразировка первой строки стихотворения Фета «Я долго стоял неподвижно» (1843).

² Александр Васильевич Шереметев — орловский губернский предводитель дворянства с 1866 по 1874 г.

³ И. П. Борисов был маленького роста. Вспоминая о нем, Т. А. Кузминская писала: «сам — маленький, дом — маленький, сын Петя — маленький,

чашки, шахматы, столовая — всё маленькое, аккуратное и изящное» (*Кузминская*, стр. 387).

⁴ Захар Федорович Балашов в молодости был камердинером Тургенева.

⁵ Михаил Александрович Языков (1811—1885), хороший знакомый и адресат Тургенева.

⁶ В письме от 16 (28) июня 1865 г. С. С. Дудышкин сообщил Тургеневу, что еще в 1860 г. Захар Балашов от его имени взял у редактора «Отечественных записок» А. А. Краевского 300 рублей (см.: *ИРЛИ*, 5805.ХХХб.95, лл. 7—8). Тургенев ответил ему письмом от 25 июня (7 июля) 1865 г., где возмущался бесперспективностью Захара и обещал выплатить долг до конца года (см.: *Письма*, т. VI, стр. 12—13, в примеч. на стр. 447 ошибочно указано, что письмо Дудышкина неизвестно).

⁷ Н. Н. Шеншин и барон Константин Иванович Дрейлинг (1829—1900), сосед по имению.

⁸ А. С. Шеншина и ее дочь М. В. Шеншина (р. 1841), в замужестве Соллогуб.

⁹ Персонажи трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта», ставшие синонимом непримиримой вражды.

¹⁰ О влиянии Н. Д. Карпова на местное общество см. статью Н. М. Чернова «Уездный прогрессист — Н. Д. Карпов» (*Тургенев, Сб.*, вып. II, стр. 272—274). «Взбаламученное море» — антинигилистический роман А. Ф. Писемского (1863).

¹¹ «День» — еженедельная газета, выходившая в 1862—1865 гг. под редакцией И. С. Аксакова.

¹² Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886), в январе 1866 г. женился на Анне Федоровне Тютчевой (1829—1889), дочери поэта, которая до замужества была воспитательницей младших детей Александра II.

¹³ «Утро, литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным». Сборники выходили в Москве в 1859, 1865 и 1868 гг.

¹⁴ Неоднократно цитируемое стихотворение Фета «Шопот, робкое дыханье» (1855).

¹⁵ Сочинения И. С. Тургенева, изд. бр. Салаевых, тт. 1—5, Карлсруэ, 1865.

¹⁶ М. П. Фет (Шеншина, рожд. Боткина). Речь идет о замысле романа «Дым».

Нежданно сегодня выпал мне радостный денек. Проклятые нигилисты¹ страшно стали мучить Петю, и я отправился в аптеку за цитварным семенем и зашел на почту, и вот оно, Ваше только что пришло от 19-го.² Это, право, недурно на 9-й день, а бывало. . . Но бог с ним, с бывало.

Вы, добрейший Иван Сергеевич, Вашими добрыми строчками меня всякий раз унесете из моего хмарного состояния в ту звенящую даль, которую когда-то видел Фет,³ ночи там нет, и благовонный миндаль, и всё хорошо.

С неделю уже как я как-то ночью слышу стукотню над головой моей, по лестнице, — встаю и вижу в передней самого Афанасия Афанасевича, в руке держит подушку за угол, только что вытащенную Марьюшкой из повозки. Подпоясанная, без перехвата, впрочем, шуба скрывала еще все драгоценности и только одна борода вырвалась наружу, но вот и сизый нос, и сонные глаза, и улыбка, единственная, настоящая, Фетовская. На этот раз, слава богу Москва его не разрушила, ничего, даже Петя спросил его «Что это

у тебя, дядя, па животнике», до того этот животник лез из халата. Но все-таки доктора и *Пикулин* велили пить воды. С Катковым помирился и в Ноябрь. кн. «Вестника» есть уже стихотворение». ⁴ Но одно пошлет Вам, только что написанное — «Тютчеву» — каких давно уже не бывало. ⁵ Нечего тут Вам рассказывать, он сам же Вам, верно, уже и написал свои разные новости. Только день пробыли они и скорей, скорей в Степановку. Привез он мне последнее Ваше издание, и я вот эти дни предаюсь свиданиям с давними знакомыми, перечитывал с тем же безотрывным наслаждением «Рудина» и «Дворянское гнездо», «Бреттера», «Постоялый двор», «Петушкова» и еще много остается. Но на каждой странице вспоминал, что все Ваши старания устранить *опечатки* в Карлсруе, не увенчались — их многое множество, часто затрудняют чтение. Но вот на одно слово в «Постоялом дворе» к Вам: на первой странице, 3-я строка снизу — «Овес в *подвале*». В подвалах берегут жидкости, но не хлеб или муку. ⁶ Так мне подумалось, но узнаю еще хорошенько, поверней.

Третьего дня назвались ко мне на блины Никол(ай) Ник(итич) и фон Дрейлинг. Попалась бутылочка старого портвейна им по вкусу, ну и горькая желудочная, и зернистая икра была свежая и с зеленым лучком, и рябиновка тоже очень старая и даже коньячок, до которого Ник(олай) Ник(итич) большой охотник — всё это общими силами гостей моих тронуло. Начали мы и спор за плохие времена настоящей, а фон Дрейлинг стал уже вспоминать блаженные, когда и Адель Финк была и еще, еще — и грустно так наигрывал свои фантазии на фортепиано Ник(олай) Ник(итич), как вдруг грянул Камаринскую и прогремел ее так, что я Вам не умею и передать моего удивления — я опьянел, как будто тоже выпил всех этих крепостей и коньяков. Не думаю, чтобы ему удалось когда так повторить. Много раз я слышал его игру и всегда с удовольствием, но чтобы он мог так вспрыгнуть до мурашек по мозгам — это, я думаю, набогатырило его силы мировое посредничество да плохие времена.

К 19 февралю жду Фета к нам — назначено собрание гласных для выбора в Думу. Не знаю только, кого мы изберем — желающих нет, да и все-то мы, как взглянешь на список, добре плохи, хотя и представляем собой отборный цвет уезда. Люди есть прекраснейшие, но к делу-то непригодны. Но все-таки я убежден, что хуже не будет и если не быстро полетим, то поползем мало-помалу к лучшему, а потому я совершенно спокоен и не разделяю страхов общих. К Толстому Фет не заезжал и слухов об нем давно нет. Знаю только, что они в ожидании третьего уже дитенка, ⁷ собирались в Москву на зиму, но у них собраться куда — значит верней в другую сторону.

На днях жду Дьяковых, ⁸ обещавших на возвратном пути из Ясной Поляны заехать к нам — вот и узнаем, что подельывает Л. Н. Иногда мне он представляется несчастнейшим из несчастных. И знаете отчего: ему недостает воспитания и образования. Силищи много. И прёт и мечет во все стороны, и он сам это, наверно, знает, а потому-то и говорит всё это вздор и глупость, для *меня* ненужные и ни для кого не годные. И он проносится в этом общем вихре, который переживаем.

Дух разрушения всё еще не угомонился, а творить еще не приладимся, да и не ведаешь что? Ну просто ничего не поделаешь. Право, стоит Вам вы-

писывать только «Московские ведомости» с летописью»,⁹ и Вы ясно будете видеть, что вот собирается человек по 150 и ученые г.г. толкуют, толкуют полгода о *удобрении* положим, и наконец кончают что: вокруг носа мотается, а в руки не попадает и тоже все задачи такое решение. Также на выборах — тоже меледа¹⁰ всюду. Видно еще не пришло время *творителей*. Да откуда же им и было взяться. Везде они готовятся в утробах еще. Ну что могла приготовить в своей утробе наша баба-барыня. Меня досадует только какая-то дикая, глупая наглость — пора отрезвиться и зачем культиному желать, чтобы ему дали скрипку Вьэтана или виолончель Батта¹¹ и даже турецкий барабан, когда я ни зги не смыслю в нотах и даже бухнуть с плеча не сумею кстати. Все голосят о разорении, а в Орле во время выборов один Ситников распродал 5 тысяч бутылочек шампанского! Наше несчастие то, что буря разрушения налетела, а силы творческие еще не рождались, но и они уже есть, даже я мог назвать нескольких. — Помилуйте, да это дети подъячих! А что же за беда, хотя бы они были и с. дети. Я твердо надеюсь, что переживем все крушения и выйдем из ухабов (по которым недавно Вам, милейший, хотелось полакомиться)¹² на чугунок, которую нам построит не Кокорев,¹³ как утверждал года 4 тому назад Фет (О лирики!), а Катков. Катает по всем направлениям.

Третьего дни за письмом к Вам меня восторжили. Заехал какой-то маленький мужичонок и, задыхаясь, объявляет, что за рекой наехал на зверьёв. Так табуном и повалили в овраг. Вот и во мне всколыхнулась «Буря на море»,¹⁴ скорей запрягать, снаряжаться. Забрали пять собак, в двух санях, а один верхом. Вам, верно, не случалось в розвальнях на соломе держать двух здоровеннейших псов — они из всех сил рвутся соскочить, начинается грызня, руки замирают в ошейниках от усилия их удержать, а ноги беспрерывно просовываются и путаются в каких-то веревках — доходит до изнеможения. Но наконец улаживаемся и успокаиваемся, а между тем снег повалил шапками. Только что переехали Зушу, как заметили их над оврагом, начались совещания — как подъехать. Волков 4. Придумали как только было возможно лучше и тронулись — снегище, посыпалось гуще, ветер разыгрался, ничего уже не видно. Нам надо было всё держать большой новосильской дорогой, и верховой с двумя собаками должен был нагнать на нас. Долго мы мерзли, мокли и потеряли терпение и ни волков, ни охотника верхового не видали и, окружив верст 15, возвратились домой. Наконец возвратился и верховой — что же он сделал? Он-то злодей и распорядился так неудачно и погнал не на нас, а от нас — погорячился. Я и сегодня еще как без ног и руками плохо владею, — как будто после гимнастики. Пора оставить псовые забавы — силы плохи. А взяться за ружье опять тоже, кажется, не придется. Слишком уже сделался *меланхоликом*.

Редкий день я не похожу часа два и три и по следам и без следа и беру с собой старого Грачика. Умучаемся оба и ни с чем домой. Это бы ничего, я бы продолжал, но вот что досадно: как-то на днях иду потихоньку, изредка проваливаясь по кустам — слышу Грачик затявквал вниз, и вижу прямо на меня выбивается редкими взмахами русак и в 10 шагах навожу на его лоб. Когда целился, то лбище этот так расширился, как желтая беспредельная степь. Как же тут не попасть — Бух!! Огромнейший прыжок, и русак

исчезает в яме. Бросаюсь к нему в яму — меня осыпает снежная пыль, и в пыли этой опять вижу уже порхнул он, как бекас. Быстро не целясь, и, кажется, вверх, бухнул из левого. И после этого-то выстрела приходит хладнокровие, и я вижу его опять в 10 шагах, как он, отваливая задом и вправо и влево, осторожно покатил на опушку. Это уже не охота, а попытка, да и Грачик такая дрянь. Совсем не гонит по снегу и врет невообразимо упорно — часа три тявкал между ямой и лёжкой. Теперь уже если и пойду, то один без него. Кажется, наконец, пришла и к нам зима. Третий день идет всё снег, и стало довольно тихо, авось-то прикроет наши голые поля.

В «Русск^{ом} вестн^{ике}» доканчивается «Наш общий друг»¹⁵ и слава богу. К концу очень интересен, и много было мест увлекательных, но сколько же и протянулось и скучищи сплинной. Диккенс его приготовил, как будто какой маёнез, в котором вся середина начинена жевавым пудингом и фаршем. Но, может, англичане это-то и любят. Мне же кажется, что в нашей литер^{атуре} при всей ее бедности такое блюдо непозволительно. Винегреты с коноплянкой Ольги N¹⁶ и пр. дам хоть и несъедомы, но зато постны и скорей уходят с глаз в одной книжке — а тут тянули целый год. Хорошая вещь статья Герье в X и XI книжке.¹⁷ Для Пети выписал «Графиню Катю» (детский ром^{ан} с английского) перевод Марьи Алекс^{андровны} Сухотиной — жены Серг^{ея} Мих^{айловича}, и Петя не отрывался бы, — но и я ему даю читать помалу, как нам Катков Диккенса. Дядя Фет велел ему послать Вам сочиненную прозу про *Господина Тигра и Кошку*, но сие произведение на немецком языке, и Фет для меня уже сделал им *собственноручный* перевод, но всё же весь смак в оригинале, а писать он по-немецк^и еще не начинал, поэтому и оставили это до Вашего приезда. Стихи же у него что-то не выбрыкиваются — верно, муза отлетела к старому Гомеру. . . Зато карандаш в работе: и гусары, и казаки, и собаки, и хижиньки, и леса, и даже боги и богини засыпали мой стол. Но я живу более страхом, чем счастливыми помышлениями. Даже его невыразимая привязанность ко мне меня часто пугает.¹⁸ К музыке у него всегда было какое-то болезненное удаление, — и, зная это, я зашпал от него двери, когда случалось кто играл. Вечером, после игры Ник^{олая} Никит^{ича}, неожиданно он обращается ко мне: «Что ты меня не учишь, ну хоть отдай меня к музыканту» — и вот всякий день повторения. Может, это так, каприз, а может, выйдет со временем и в этот мир — беспредельного и едва ли не высочайшего смысла доступного человеку — и если про поэзию говорят «язык богов», то в музыке — «глас божий». Немец наш г. Кауфман ездил покутить в Орел и привез немецкого *чтения* Пете с рисунками и, между прочим, «Der Vazag». Вдруг слышу: «Папа! посмотри Ивана Сергеевича!» Действительно, Вы и есть. Картина изображает концерт у М-те Впардо и какие тут знаменитости собрались и А. Рубинштейн, и Бисмарк и к. к. прусские¹⁹ и Ваши стеклушки намечены; видите ли, в какую глушь заносится листок, а всё *моды* разносят просвещение. Покажу Вас Фету, вот скоро и его увидим.

3/февр.

Узнав, что Дьяковы уже дома, я сегодня съездил к ним, и вот Вам новости о Толст^{ом}. Всё их семейство теперь в Москве — пенадолго. Л. Н.

мало того, что кончил «1805», да еще две *штушки* написал небольшие: «Три студента» и еще какую-то, но печатать в журналах не хотел и совсем издавать не хотел.²⁰ Он весел и счастлив, как давно его таким не видали. Марья Ник(олаевна), сестра его, поселилась в Туле — для уроков детям. Она всё хандрит. В Тулу перевезен тот диван, на котором Вы когда-то любили возлежать после обеда (вероятно, в Покровском). Вот какие я Вам описываю фотографические подробности. Не перенесут ли они Вас хоть на минуту в нашу опустелую сторонку.

Наговорился с Вами до света — немогогоу. Усталый, полусонный умоляю. Эх, старость моя! Видно, скоро доживу до рассказов про *Коня Змея* (Афон. Неофитов). Обнимаю Вас крепко.

И. Борисов.

¹ Так Борисов называет глистов.

² Письмо Тургенева от 19 (31) января 1866 г. (*Письма*, т. VI, стр. 44) — ответ на письмо 35.

³ См. стихотворение Фета «Певице» (1857).

⁴ Стихотворение «Кому венец: богине-ль красоты. . .» («Русский вестник», 1865, № 11, стр. 70).

⁵ «Ф. И. Тютчеву». Первый стих: «Прошла весна — темнеет лес. . .» (1866).

⁶ Тургенев не принял во внимание это замечание. В «Постоялом дворе» осталось: «. . . обильным запасом хорошего овса в подвале».

⁷ Третий ребенок — Илья Львович родился 22 мая (3 июня) 1866 г. (ум. 1933).

⁸ Дмитрия Алексеевича и Дарью Александровну Дьяковых.

⁹ «Московские ведомости» выходили с прибавлениями «Современной летописи».

¹⁰ Меледа — работа без конца, из которой ничего путного не выходит (*Даль*. Толковый словарь, т. II, стр. 316).

¹¹ Анри Въётан (1820—1881) — знаменитый бельгийский скрипач. Александр Батта (1816—1902) — известный бельгийский виолончелист.

¹² Об этом Тургенев, вероятно, писал в не дошедшем до нас письме от конца ноября 1865 г. (см.: наст. вып., стр. 473).

¹³ Василий Александрович Кокорев (1817—1889) — разбогатевший на винных откупах предприниматель.

¹⁴ Неоднократно цитируемое стихотворение Фета «Буря на небе вечернем» (1842).

¹⁵ Роман Ч. Диккенса печатался в «Русском вестнике» (1865, №№ 1—12).

¹⁶ Ольга N — псевдоним писательницы Софии Влад. Энгельгардт (1828—1894). В мартовском номере «Русского вестника» за 1865 г. был опубликован ее рассказ «Три повести» (стр. 216).

¹⁷ В. И. Герье. Очерк развития исторической науки. «Русский вестник», 1865, №№ 10—11.

¹⁸ По-видимому, еще в детстве характер Пети Борисова отличался странностями, пугавшими отца, а после его смерти удивлявшими Тургенева и Фета. Это, однако, не помешало Пете прекрасно учиться и после окончания Катковского лицея быть отправленным за счет министерства в Германию, в Иенский университет, для дальнейших занятий по филологии и изучению санскритского языка. Он был образованнейшим человеком, о котором в 1879 г. Толстой сказал: «Не знаю, чему ему надо еще учиться» (*Толстой*, т. 62, стр. 497).

Вернувшись из-за границы, Петр Борисов поступил на военную службу, но странности его характера и поступков продолжались. В начале 1885 г.

его здоровье настолько ухудшилось, что он был помещен в психиатрическую больницу, где находился до самой смерти. Он умер 25 марта ст. ст. 1888 г.
¹⁹ Антон Григорьевич Рубинштейн (1829—1894); Отто Эдуард Бисмарк (1815—1898); король прусский (с 1861 г.) Вильгельм Гогенцоллерн и его жена королева Августа. Подобную фотографию см.: *Тургенев, Сб.*, вып. I, между стр. 320—321.

²⁰ Эти произведения Толстого неизвестны.

24 февр./66. Новоселки.

С горем пополам принимаюсь на этот раз за письмо к Вам, добрейший Иван Сергеевич, потому что вот 19-го начались наши уездные земские собрания и я всякий день отправляюсь в 11 часов в город и часов в 5 возвращаюсь домой усталый и морально, и физически.

Нечего Вас спрашивать, наверно, Вам случалось и самому наткнуться на словопрения в компании, но как это тяжело, когда придется два-три часа обязательно сидеть и выслушивать, а это случается нередко и у нас. Фет взялся быть секретарем заседаний и вести журнал и, утомленный, просил уже увольнения, но упростили остаться. Партий в смысле партий нет — есть личности — и поэтому-то и разные оттенки — искренние, коварные, измена, судя по тому, куда или страсти, или расчеты втянут. Есть и прямые люди, но более таких: «Но умысел другой тут был».¹ Какая-то необъяснимая страсть не идти дорогой прямо к цели, а пролезть окольными путями без всякой надобности — разве уж для оправдания пословицы «Прямо дальше, в объезд ближе». Всё это безобразно выходит, как эти неизбежные тропинки, которые протаптывают обыкновенно по газону рядом с дорожкой — они всегда грязны. Кстати о них — не заметили ли Вы, что и немцы, и англичане, и французы их любят?

В 1-й день собрания мы ничего не сотворили, кроме правил на следующие заседания, которые, разумеется, с следующего же заседания и нарушены.

Во 2-й день после жарких прений, быть ли управе коллегиальной, или в руках одного, — устроили ее коллегиально из 1-го председателя и двух членов.

В 3-й день определили содержание, это шло туго и не крестьяне, но купцы упирались, однако содержание назначили изрядное. Когда же на 3-й день приступили к избранию лиц в должности (самый затрудн.), то *никого желающего служить не оказалось*. Поэтому председателю предложил подумать и потолковать, что это за притча? Просили все единодушно его принять эту должность, но он представил столько причин невозможности и домашних, и не упомяну всего, что нечего и думать было беспокоить его. Но вот мы подумали и сначала робко, потом щекоотливо — пока один (Шереметев) уже прямо заявил, что оттого нет желающих, что вознаграждение недостаточно. Решили прибавить, а именно: председателю 1500, членам по 750 и кандидатамточные по работе. Попробовали опять Владислава Александровича и — *согласился*, его и выболтировали.² Потом одного члена (посредника) и 2-й (купец) двух кандидатов избрали из крестьян. Как видите из этого, что

о ссловной розне нет и помину и единственный раздавшийся голос в ссловном разделении (купца Толкачева) единодушно был заглушен и крестьянами, и дворянами, и купцами.

При избрании 6 гласных в Губернск^{ое} собрание произошел маленький скандальчик — председатель случайно не попал в гласные и *поэтому* отказался от председательства. Целый день споров и разными ухищрениями — удалось уничтожить эту болтировку и набрать вновь гласных, и его в том числе (Фет пожертвовал себя из гласных).

4-й и 5-й дни — пустоболтание, споры, прения вроде, что лучше — ждать и не дожидаться или иметь и потерять — всё это называют вопросами *юридическими*. Наконец сегодня, в 6-й *день*, при обсуждении подводной повинности вопросы и прения перешли в *ссловные* интересы — и произошло не одно заявление о сочувств^{ствии} крестьянам,³ всё это заявлялось сгоряча, по не к делу, всех разъединило, опечалило и поставило в безвыходное положение, т. е. мы пришли без всякой надобности, вместо прямой дороги, по тропинкам к Торпейской скале.⁴ Фет тотчас это заметил и выразил это так, что все взрывали от хохота (вот что значит лирик и 4-й этаж!⁵). Но и это не помогло. Решено отдать на рассмотрение комиссии. Выбрали и комиссию и пригласили туда экспертов. В комиссии этой есть и крестьяне. Не знаю, что будет завтра, а между тем и у меня с одним гласным, очень хорошим человеком, происходили объяснения за *мнения* различные. Он обиделся, что я был против его. Вот оно что значит новая наша жизнь.

На хорах постоянно бывают и дамы и слушают очень внимательно. Между гласными крестьянами два есть очень разумные человека, остальные глухонемые — может, и между этими есть умные люди. Представители купечества *наполовину так себе*. Но наши — более всех богом обижены, если взять в соображение весь запас приобретенных знаний, затраченные капиталы воспитания и даже успехи красноречия. Должно быть, и в этом мы страждем против всех недостаточностию практической жизни.

27-е — было последнее собрание и закончили его благодарн^{остью} государю за дарованные права. Множество вопросов, напр. раскладку повинностей, оценку имущества, мосты, дороги, леса, по неимению точных сведений оставлены до будущего собрания в сентябре, а управе поручено собрать для этого все сведения. Прибавили еще двух членов в управу без жалования (миров. посредн. Тимирязева⁶ и Кутлера). Вот и всё. Фет до конца не усидел и накануне проскакал через Новоселки в Степановку, там ему нужно насыпать пшеницу, рожь продал, потом скачет в Орел еще получать денежки, где и мы увидимся с ним 3 марта на *обеде с поднесением кубка* Тимирязеву от нашего участка — будем говорить спичи (у меня есть приготовленный, о чувствит^{ельности}!). Жаль, что Вас нет. В эти немногие дни увидели бы многое разясняющее наше настоящее положение. Что-то будет в мае на губернск. съезде. Вчера я обедал в Глазуновой у Шереметева. Он решительно отказывается от *кормления* губернии и ни балов, ни обедов проезжающим особам давать не будет, а живет по-прежнему в деревне. Вчера к ним заезжал из Бадена кн. Лобанов — мне не удалось его видеть, чтобы поклониться Вам.

Дядю Вашего Николая Никол^{аевича} мы видели в 1-й день собр^{ания}, обещал приезжать, но не появлялся. В 1-й книжке «Р^{усского} в естника»

есть Достоевского «Преступление и наказание», но это не роман, а просто записка уголовного следствия — ужасная!! фотография!!⁷ Фет «Из деревни» еще не послал Каткову — очень интересная.⁸ Петя всё ждет от Вас *больших стихов*. Я Вас крепко обнимаю.

И. Борисов.

¹ Цитата из басни П. А. Крылова «Музыканты» (1808. Книга первая).

² В. А. Шереметев, с 1866 г. орловский губернский предводитель дворянства, был на этом заседании выбран председателем Мценской уездной управы.

³ Подвода — зимняя или летняя повозка с лошадей, выставленная от земства (*Даль*, т. III, стр. 165). Эта повинность касалась только крестьян.

⁴ С Тарпейской скалы в Древнем Риме сбрасывали осужденных на смерть.

⁵ См. примеч. 16 к письму 26.

⁶ Александр Аркадьевич Тимирязев в 1866 г. был мировым посредником по Мценскому уезду.

⁷ В ответном письме от 9 (21) марта 1866 г. Тургенев соглашался с тем, что «Преступление и наказание» «действительно замечательная фотография» (*Письма*, т. VI, стр. 60).

⁸ См. примеч. 4 к письму 28.

Дальнейшие письма Борисова к Тургеневу пока неизвестны. На последнее сохранившееся письмо Борисова от 24 февраля ст. ст. 1866 г. (№ 37) Тургенев ответил 9 (21) марта (см.: *Письма*, т. VI, стр. 59). В дальнейшем, до самой смерти Борисова в мае 1871 г., переписка их продолжалась, но нам известны только письма Тургенева. После получения последнего письма Борисова Тургенев послал ему еще 43 письма (см.: *Письма*, тт. VI—IX), причем в некоторых из них написано, что это ответ сразу на два или несколько писем Борисова (см.: *Письма*, т. VI, стр. 80 и 98; т. VII, стр. 59, 240, 341); следовательно, можно предположить, что Борисов послал Тургеневу, кроме опубликованных 37, еще около 40 писем.

По содержанию писем Тургенева видно, что их дружба и взаимная симпатия не прекращались. Тургенев продолжал делиться с Борисовым своими литературными делами, сообщал политические новости, высказывал суждения о новых литературных произведениях, выходящих в России, давал советы о воспитании Пети, просил Борисова присматривать за делами в Спасском. Во время тяжбы с дядей (см. статью Р. Б. Заборовой «Тургенев и его дядя П. Н. Тургенев»: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 231—233) Борисов выполнял поручения Тургенева, пытаясь сначала примирить его с дядей, а потом вынужден был известить о неблагоприятном окончании процесса, которое Тургенев назвал «кораблекрушением» (см.: *Письма*, т. VII, стр. 59).

Пригласив в Спасское нового управляющего, Н. А. Кишинского, Тургенев просил Борисова поддержать его в общении с дядей, а при случае последить («понаблюдайте одним глазком») и за самим Кишинским (который впоследствии также обманул доверие писателя).

Из писем Тургенева видно, что Борисов продолжал сообщать ему новости с «берегов Зуши», писал о семейных делах соседей, о строительстве железной дороги, об общественных и политических событиях. Как и раньше, большое место в их переписке уделено охоте. Особое место занимают сообщения о Фете и Толстом.

Зиму 1870/71 г. Борисов провел в Москве около сына, поступившего учиться в Катковский лицей. Будучи в Петербурге, Тургенев писал 22 февраля (6 марта) 1871 г. Полине Виардо, что Борисов ждет его в Москве и оттуда

они, вероятно, вместе отправятся в деревню (см.: *Письма*, т. IX, стр. 25). По приезде в Москву 8 (20) марта 1871 г. Тургенев сразу же побывал у Борисова и в тот же день писал Винардо: «. . . в каком печальном состоянии бедный Борисов, которого я поспешил навестить тотчас по приезде! Худоба его ужасна. . . Выражение лица почти такое, какое бывает у умирающих; бьюсь, что ему не дотянуть и до лета — его унесет весна, этот грозный бич чахоточных. Для меня это будет большая утрата, которую я буду долго и горько оплакивать» (*Письма*, т. IX, стр. 43). Обстоятельства у Тургенева переменились, и 21 марта (2 апреля) 1871 г. он уехал из Москвы не в деревню, а в Петербург для того, чтобы на следующий день выехать за границу.

30 апреля (12 мая) 1871 г. Тургенев писал Фету из Лондона: «Ваши известия о Борисове очень и очень печальны. Я почти наверное знаю, что не увидеть мне его больше! Я получил от него письмо, написанное почти неузнаваемым почерком; он мне пишет в нем, что отправляется „вслед за Николаем Толстым“» (*Письма*, т. IX, стр. 89). Незадолго до смерти Борисов послал Тургеневу, уже из Новоселок, два продиктованных им письма, на которые Тургенев ответил 28 мая (9 июня), советуя ему приехать для поправления здоровья в Эмс, но это письмо, наверное, уже не застало Борисова в живых. 4 (16) июня Тургенев получил от Фета известие о смерти своего преданного друга.

Н. А. Хмелевская

ИППОЛИТ ТЭН

Об отношениях Тургенева с известным французским философом-позитивистом, историком и критиком Ипполитом Тэном (Taine, 1828—1893) сохранилось очень мало свидетельств. Шесть записок Тургенева к Тэну (1876—1881; в полном собрании сочинений они передатированы), опубликованные Е. Гальпериным-Каминским еще в 1897 г. («Cosmopolis», 1897, № 3, стр. 733—736), составляют, видимо, незначительную часть большой переписки.

Тургенев познакомился с Тэном в конце 60-х годов: впервые имя французского ученого упоминается в письме Тургенева от 27 марта (8 апреля) 1868 г. (*Письма*, т. VII, стр. 105). Вероятнее всего это знакомство произошло через Флобера (см.: *Flaubert, Correspondance. Suppl.*, 2, стр. 167). В 70-х годах Тургенев часто встречался с Тэном в Париже (см., например, воспоминания Э. К. Липгарта: *Лит. насл.*, т. 76, стр. 426); нередко они выделялись у Флобера. «Затем мы с Флобером» часто приседали в его маленькой квартирке на улице Мурильо; иногда к нам присоединялся Тургенев, тогда мы вели долгие, серьезные беседы втроем», — писал Тэн А. И. Урусову 6 ноября 1890 г. (*Лит. насл.*, т. 31—32, стр. 613—614).

В 1879 г. вместе с Тургеневым Тэн хлопотал о месте хранителя библиотеки Мазарини для Флобера, а в 1881 г. откликнулся на призыв русского писателя помочь в сборе средств на сооружение памятника их умершему другу. Тургенев всегда считался с критическими мнениями Тэна о литературе, дорожил его отзывами о своих произведениях и, зная о «влиятельности» Тэна-критика во Франции, знакомил его с крупнейшими произведениями русской литературы (см.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 197; «Revue des Deux Mondes», 1912, 15 janv. — некролог П. Бурже о Е. М. де Вогюэ; P. Bourget. Pages de doctrine et de critique. Paris, 1912, стр. 171; M. Mansu. Un moderne. Paul Bourget de l'enfance au «Disciple». Paris, 1960, стр. 282).

С достаточной полнотой мы можем судить об отношении Тургенева к Тэну-историку. Сохранилось несколько отзывов писателя о первом томе известного исследования Тэна «Les origines de la France contemporaine» («Происхождение современной Франции») — «L'ancien régime» («Старый порядок»). В 1875 г. Тургенев хлопотал о публикации в «Вестнике Европы» перевода «Старого порядка», а когда это не удалось (из-за несогласия французского издателя Ашетта), пропагандировал книгу Тэна о Великой французской революции среди своих друзей. «Это произведение мастера, из которого даже

те, кто на него нападал, будут черпать полными руками. Вы создали нечто такое, что не умрет и будет полезно, — а это ведь не всегда сочетается одно с другим», — писал Тургенев автору (*Письма*, т. XI, стр. 194). Говоря о книге Тэна как о «вещи замечательнейшей», Тургенев, однако, пояснял: «Немногие французы способны писать так основательно и объективно. Все в целом несколько бесцветно; но события, факты и цитаты говорят сами за себя» (там же, стр. 187, 199). Аналогичное мнение о «Старом порядке» высказано и в статье Э. Золя «И. Тэн и его новая книга о Франции» («Вестник Европы», 1876, №№ 1—2). Тургенев, «подсказывавший» Золя «сюжеты» для его «Парижских писем» в русский журнал, безусловно, натолкнул французского писателя на мысль написать эту корреспонденцию и, вероятно, читал ее перед отправкой в Петербург. Подобное отрицательное мнение о Тэне-писателе Тургенев высказывал неоднократно (см., например: *Goncourt, Journal*, т. II, стр. 1033).

Отношение Тэна к творчеству Тургенева было неизменно восторженным. В 1875 г. он назвал Тургенева «совершеннейшим из пейзажистов» (*Journal des Débats*, 1875, 19 fév.), а в 1876 г. упомянул имя русского писателя в «Старом порядке». «Что касается современных литературных произведений, — писал Тэн, — состояние средневековой верующей души великолепно обрисовано. . . Тургеневым в „Живых мощах“» (H. T a i n e. *Les origines de la France contemporaine*, v. I. *L'ancien régime*. Paris, 1876, стр. 7—8; ср.: *Письма*, т. X, стр. 223). Письма Тэна дают дополнительный материал для суждений о его оценках творчества Тургенева. 19 июля 1877 г. он писал Шарлю Риттеру, сравнивая Тургенева с Джордж Элиот: «Между живыми писателями есть только один романист, который превосходит ее, — это Тургенев; он еще более объективен, чем она; кроме того, это писатель совершенный стилист, и, единственный в своем роде в мире, стилист простой; наконец, он краток, и, добавлю я в заключение, он великий поэт; посмотрите его повесть „Призраки“ и параллельно — „Жид“; его последний роман „Новь“, на мой взгляд, последнее слово искусства и, кроме того, психологический шедевр» (H. T a i n e. *Sa vie et sa correspondance*, т. IV. Paris, 1907, стр. 34). Тургенев для Тэна навсегда остался великим художником, непревзойденным мастером литературы, «психологом и моралистом высшего масштаба» (там же, стр. 308, т. 3, стр. 249—250, 270). Он всегда живо интересовался суждениями французской прессы о русском писателе, пропагандировал его произведения среди своих друзей и даже «защищал» перед Е. М. де Вогюэ, который в своей известной книге «*Le roman russe*» (Paris, 1886) отдал предпочтение Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому (там же, т. 4, стр. 218; *Лит. насл.*, т. 76, стр. 701; Л. В. П у м п я н с к и й. Тургенев и Запад. *Тургенев. Сб. (Бродский)*, стр. 103). Общее отношение Тэна к Тургеневу выразилось и в его письме к П. Бурже от 12 сентября 1884 г. «Я сожалею только, — писал Тэн по поводу статьи П. Бурже о Тургеневе, — что вы не написали второй статьи, чтобы исчерпать сюжет; человек и художник были в нем столь богато и столь полно воплощены!» (H. T a i n e. *Sa vie et sa correspondance*, т. IV, стр. 184. Ср.: M. M a n s u y. *Un moderne. Paul Bourget de l'enfance au «Disciple»*. Paris, 1960, стр. 380, 410—411).

Встречи Тэна с Тургеневым продолжались вплоть до последних дней жизни русского писателя (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 1, стр. 396).

Единственное опубликованное письмо Тэна к Тургеневу затерялось на страницах одного из исследований о Флобере: Cl. D i g e o n. *Le dernier visage de Flaubert*. Paris, 1946, стр. 66—68; письмо, опубликованное здесь с указанием «из собрания Виардо», неизвестно в литературе о Тургеневе: в двух библиографических указателях писем к писателю оно не зарегистрировано (*Лит. насл.*, т. 73, кн. 2, стр. 410; т. 76, стр. 722).

Печатается по книге К. Дижона. Подлинник неизвестен. Русский перевод публикуется впервые.

Cher Monsieur,

Je me suis enfin procuré un exemplaire de la «Révolution»; vous le recevrez aujourd'hui. Cette lettre a pour objet notre ami Flaubert; je vous prie de la détruire après l'avoir lue: vous allez voir que la matière est délicate. Il s'agit de son roman sur les deux employés retraités qui se livrent aux Sciences. Il me l'a lu ou je l'ai lu chez lui presque entier. J'ai promis de n'en parler à personne, sauf à vous qui l'avez lu aussi. Lecture faite, il m'a demandé mon avis; j'ai esquivé, demandé à réfléchir, et je vous consulte. Mon impression est que le livre, même exécuté aussi bien que possible, ne peut être bon; le comique qu'il croit y mettre avortera forcément et, comme une fusée qui rate, fera long feu. Les deux héros étant bornés, bêtes, des personnages à la façon d'Henry Monnier, leurs déceptions et mésaventures, sont nécessairement plates; on s'y attend, elles n'intéressent pas, on voit deux escargots qui s'efforcent de grimper au sommet du Mont Blanc; à la première chute, on sourit; la dixième est insupportable. Un sujet pareil ne peut fournir qu'une nouvelle de cent pages au plus. D'autre part, les sciences qu'ils gravissent ne sont familières qu'aux gens spéciaux; le lecteur ordinaire ne peut pas prendre intérêt aux niaiseries qu'ils font en agriculture, médecine, physiologie, chimie: le spécialiste seul comprend que la bévue qu'ils font est juste celle qu'ils doivent faire; tout autre lecteur sera rebuté par la terminologie même déguisée par les idées toutes spéciales qu'ils énoncent. Enfin, c'est dix ou douze sciences et spécialités qu'ils traversent; or, dans la réalité, les maniaques de cette espèce (j'en ai connu) s'enfoncent dans un compartiment unique et restent à l'état de collectionneurs; ces courtes objections sont à faire; en tout cas quel que soit le talent de la mise en œuvre, je prévois une chute auprès du public encore plus forte que celle de l'«Education sentimentale». Encore un mot: avec le style mouvementé, la sympathie émue de Daudet ou la fantaisie de Sterne, on peut intéresser le lecteur à l'histoire de ces deux escargots maniaques; avec le style impassible, la méthode purement *objective* de Flaubert, on ne le peut pas. Réfléchissez et dites-moi si je me trompe. Vous êtes un maître en fait de roman, le premier selon moi, de tous mes contemporains; vous devez juger et prévoir mieux que moi. Si Flaubert n'avait rien écrit de son livre, je lui parlerais tout de suite et franchement. Mais il y a déjà deux ou trois ans qu'il y travaille et à supposer que mon opinion eût de la valeur auprès de lui, il souffrirait beaucoup à la pensée de tant d'efforts et de travail perdus. D'autre part, il compte encore y travailler trois ans: ne serait-il pas cruel, s'il se trompe, de lui laisser encore jeter tant de temps dans le même gouffre. J'ai toujours été sincère avec lui, je l'aime et l'estime beaucoup; c'est un homme de cœur, loyal et brave. Je voudrais agir avec lui en bon et vieil ami, je ne sais comment faire. Il ne me saurait pas mauvais gré de ma franchise. Mais j'ai peur de le décourager sans fruit. D'un autre côté, je souffre de le voir s'enfoncer dans une impasse. En mon âme et conscience, après avoir longtemps réfléchi, je crois qu'il se trompe depuis longtemps, depuis l'«Education sentimentale», par esprit de système, concentration solitaire, études prolongées aux bibliothèques. Avec ce genre de vie, il devait aboutir à l'histoire, à la critique biographique, aux restitutions érudites, et non aux romans. Encore une fois, dites-moi ce que je dois faire. Si mon impression est fautive, tant mieux, mille fois tant mieux. Mais si vous la jugez vraie, que devons-nous dire à notre ami?

A vous H. Taine

Я наконец достал экземпляр «Революции»;¹ вы получите его сегодня. Это письмо касается нашего друга Флобера; я прошу вас по прочтении уничтожить это письмо: вы сами увидите, что вопрос деликатный. Речь идет о его романе о двух отставных чиновниках, которые предались Наукам.² Он мне его прочел или, вернее, я прочел этот роман у него почти целиком.³ Я обещал не говорить о нем никому, исключая вас, поскольку вы тоже его читали.⁴ Когда чтение кончилось, он спросил, каково мое мнение; я уклонился от ответа, попросил время для размышления, и вот советуюсь с вами. Мое впечатление таково, что книга, будь она написана наилучшим образом, не может быть хорошей; комическое, которое, как он полагает, туда вложено,⁵ неизбежно не будет иметь успеха и, подобно невзлетевшей ракете, будет только дымиться. Оба героя, будучи ограниченными, глупыми, персонажами на манер Анри Монье,⁶ их разочарования и злключения неизбежно оказываются и плоскими; этого и ждешь, они не заинтересовывают, видящих дух улиток, которые силятся взобраться на вершину Монблана; когда они первый раз падают — это вызывает улыбку; в десятый раз — это невыносимо. Подобный сюжет может дать материал разве что для повести в сотню страниц, но не больше. С другой стороны, науки, по которым они карабкаются, знакомы только специалистам; рядовой читатель не может принять участия в глупостях, которые они совершают в сельском хозяйстве, медицине, физиологии, химии: только специалист поймет, что совершаемая ими глупость — как раз та, которую они должны совершить; любого другого читателя оттолкнет терминология, даже переодетая, узкоспециальные идеи, которые они высказывают. Наконец, они перебирают десять или двенадцать наук и специальностей; между тем в действительности такого рода одержимые (я таких знавал) углубляются во что-нибудь одно и остаются в состоянии коллекционеров; эти короткие замечания необходимо сделать; во всяком случае, как бы талантливо это ни было выполнено, я предвижу провал перед публикой, еще более сильный, чем это случилось с «Воспитанием чувств».⁷ И еще два слова: с динамическим стилем, взволнованной симпатией Доде⁸ или фантазией Стерна⁹ еще можно заинтересовать читателей историей этих двух одержимых улиток; с бесстрастным стилем, глубоко объективным методом Флобера этого сделать нельзя. Подумайте и скажите, не ошибаюсь ли я. Вы мастер в деле романа, первый, по-моему, среди всех моих современников; вы должны судить и предвидеть лучше, чем я. Если бы Флобер ничего еще не написал, я бы ему сказал тотчас и откровенно. Но он уже два или три года работает над книгой,¹⁰ и если бы мое мнение смело для него цену, он бы страдал от мысли о стольких усилиях и потерянном труде. С другой стороны, он рассчитывает трудиться над ней еще три года: не жестоко ли, если он обманывается, позволить ему выбросить еще столько времени в ту же самую бездну. Я всегда был откровенен с ним, я люблю его и глубоко уважаю; это человек сердца честного и смелого. Я хотел бы поступить с ним, как с добрым и старым другом, я не знаю, как это сделать. Он не рассердился бы на меня за мою откровенность. Но боюсь бесцельно обескуражить его. Вместе с тем мне больно видеть, как он заходит в тупик. Душой и сердцем, после долгих размышлений, я полагаю, что он обманывает себя давно, с «Воспитания чувств», самим духом своей системы, одиноким сосредоточенным, долгими занятиями в библиотеках. Благодаря такому образу жизни он должен был кончить историей, биографической критикой, научными восстановлениями древних текстов, но не романами. Еще раз — скажите мне, что я должен делать. Если мое впечатление ложно, тем лучше, тысячу раз тем лучше. Но если вы его найдете справедливым, что мы должны сказать нашему другу?¹¹

Ваш И. Тэн

Датируется 10 (22) марта 1878 г. на основании ответного письма Тургенева, помеченного тем же днем. Оба корреспондента жили в Париже; Тэн пишет: «... вы получили его [письмо] сегодня». Тургенев отправил ответ в день получения письма Тэна: он сообщил, что «только что получил» это письмо (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 294).

¹ Первая часть второго тома знаменитого исследования Тэна «Происхождение современной Франции» («Анархия») вышла в 1878 г. Отношение Тургенева к «Революции» Тэна неизвестно. В ответном письме Тургенев писал: «Прежде всего благодарю вас за „Революцию“, которую я только что получил и которую начну читать немедленно» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 294).

² Роман Флобера «Bouvard et Pécuchet» («Бувар и Пекюше»), оставшийся незаконченным и опубликованный после смерти писателя.

³ В конце 1877—начале 1878 г. Тэн часто посещал Флобера (см. письма Флобера Тэну: *Flaubert, Correspondance*, V).

⁴ В письмах Тургенева к Флоберу неоднократно говорится о романе «Бувар и Пекюше». Видимо, Тургенев читал или слышал в чтении Флобера все написанные к тому времени главы романа.

⁵ «А вы еще хотите, чтобы я не замечал глупости людской и лишил себя удовольствия ее изобразить! — писал Флобер Жорж Санд 8 апреля 1874 г. — Да ведь комическое — это единственное утешение для добродетели! Впрочем это-то я и постараюсь сделать в повести о моих двух старичках. Не бойтесь, что это будет слишком реалистично! Напротив, я боюсь, что это окажется невозможным, потому что я хочу довести мою идею до крайнего преувеличения» (*Flaubert, Correspondance*, IV, стр. 180).

⁶ Анри Монье (1799—1877) — французский писатель, актер и художник, мастер социально-бытовой карикатуры, иллюстратор произведений Бальзака и Беранже. В произведениях Монье, широко известных благодаря выведенному в них сатирическому образу учителя чистописанья Жозефа Прюдому, изобличалось пошлое самодовольство и глупость французского буржуа.

⁷ Имеется в виду почти единодушно отрицательное мнение французской критики о романе «Воспитание чувств». Тэн в рецензии на «Воспитание чувств» рассматривал роман как изображение жизни и психологии «среднего буржуа», как правдивый «человеческий документ» (см.: Б. Г. Ренз о в. Творчество Флобера. Гослитиздат, М., 1955, стр. 374—446).

⁸ Альфонс Доде (1840—1897) — известный французский писатель, друг Тэна и Тургенева. Тэн имеет в виду занимательность интриги и социальность романов Доде. Ср. рецензию Тэна на роман Доде «Фромон младший и Ристлер старший» («Journal des Débats», 1875, 19 fév.).

⁹ Лоуренс Стерн (1713—1768) — английский писатель, творчество которого знаменовало собою конец эпохи Просвещения и начало сентиментализма; автор знаменитого романа «Тристан Шенди».

¹⁰ Флобер задумал роман «Бувар и Пекюше» в 1863 г. и начал его писать в 1872 г.

¹¹ Состоялась ли эта встреча Тургенева с Тэном, неизвестно. Она несколько раз переносилась (см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 295—296, 646—647). 26 июля 1878 г. Тэн писал Флоберу: «Я считаю, что политика и литература будут двумя наиболее интересными главами вашей книги. Что касается возражений, которые вы сами себе сделали, я говорил о них однажды Тургеневу; я не доверяю своему суду, не будучи специалистом; он же сказал вам то, что он думает. В общем, на мой взгляд, опасность большая; вы желаете создать энциклопедию всех возможных глупостей; и многие оплошности (химические, агротехнические и т. д.) вовсе не покажутся таковыми обыкновенным читателям, и наоборот, политические и литературные глупости могут быть прочувствованы всеми» (A. A l b a l a t. *Gustave Flaubert et ses amis*. Paris, 1927, стр. 255—256). Возможно, что в выраженном здесь окончательно

суждении Тэна не последнюю роль сыграли его беседы с Тургеневым. На публикуемое письмо Тэна Тургенев отвечал: «Не разделяя вполне вашего мнения, я чувствую, что, в сущности, вы правы, что вы лишь вызвали наружу мысли, которые таились во мне, и что самая дружба, которую мы питаем к Флоберу, налагает на нас обязанности, может быть, и тяжелые» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 294—295). Следовательно, не соглашаясь с Тэном в общей оценке романа (ср.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 256), Тургенев в то же время мог подсказать французскому ученому те «уточнения» относительно «политических и литературных» глупостей, о которых говорится в цитированном письме Тэна к Флоберу. (Об отношении Тэна и Тургенева к роману «Бувар и Пекюше» см.: А. Ю. Трумал. Роман Флобера «Бувар и Пекюше» в оценке дореволюционной русской критики. Статья 1. «Ученые записки Тартуского университета», вып. 104. Труды по русской и славянской филологии, т. IV, 1961, стр. 211—215). Тэн более чем кто-либо имел основания сомневаться в успехе последнего романа Флобера, так как был постоянным «консультантом» автора по вопросам науки и доставлял Флоберу необходимую литературу по различным отраслям знаний.

А. Б. Муратов

ТУРГЕНЕВ В ПИСЬМАХ М. Г. САВИНОЙ К А. В. ТОПОРОВУ

В переписке Тургенева последних лет его жизни, как уже неоднократно отмечалось, выделяются его письма к Марии Гавриловне Савиной (см. вступительную статью А. Ф. Кони к сборнику «Тургенев и Савина», стр. V—XXXVIII; см. также: М. П. Алексеев. Письма И. С. Тургенева. *Письма*, т. I, стр. 33—34, 42—43). Известно 77 писем и 4 телеграммы Тургенева к ней за 1879—1883 гг. (*Письма*, т. XII, кн. 2; т. XIII, кн. 2). Об истории их публикации см.: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 271—279). Письма образуют цикл, который отличается лиричностью, особой поэтической тональностью. Тургенев выступает в них замечательным мастером эпистолярного стиля. А. Ф. Кони писал, что «... письма Тургенева показывают, как близко принимал он к сердцу интересы Савиной, с каким заботливым вниманием и тревогой относился он к ее здоровью, как раздражало его бюрократическое бездушие в пользовании ее дарованиями, как делился он с нею своими воспоминаниями, художественными впечатлениями и переживаемым лично» (*Тургенев и Савина*, стр. XXX). Ответные письма Савиной неизвестны. В связи с этим несомненный интерес представляют публикуемые ниже письма актрисы к А. В. Топорову, который выполнял поручения Тургенева, обращенные к ней (о Топорове см.: *Письма*, т. X, стр. 723; см. также письма к нему Тургенева за 1879—1883 гг., в которых постоянно встречается имя Савиной: там же, т. XII, кн. 2; т. XIII). Они свидетельствуют о том, что на заботливое отношение к себе Тургенева Савина отвечала большим вниманием. Искренней тревогой о его здоровье полны ее письма 1882—1883 гг. Желая получить верные сведения о больном писателе, когда он уже не мог писать сам, Савина в 1883 г. даже обращалась с письмом к Полине Виардо (см. ниже письмо 13).

Первые из публикуемых нами писем (1—3) дополняют сведения, известные о начале общения Тургенева с Савиной в 1879 г. В некоторых письмах Савина (письмо 5 об одесских гастролях или письмо 11 о театральных порядках) отвечает на вопросы, которые задавал ей в своих письмах Тургенев, что позволяет судить о характере ответов Савиной, вызывавших ту или иную реакцию писателя (см., например, *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 263; т. XIII, кн. 2, стр. 78). Таким образом письма Савиной к Топорову дополняют комментарии к письмам Тургенева к актрисе.

С именем Савиной связана сценическая история ряда произведений Тургенева («Месяц в деревне», «Холостяк», «Провинциалка», «Вечер в Сорренте», «Дворянское гнездо»). Как видно из публикуемых писем, она постоянно хлопот о тургеневских спектаклях (письма 5, 12 и 16) и о постановках еще не шедших в театре пьес Тургенева «Неосторожность» и «Вечер в Сорренте» (письма 14, 15 и 17). Эти хлопоты продолжаются и после смерти писателя.

Несколько писем Савиной (14, 15 и 17) касаются пьесы Тургенева «Вечер в Сорренте». Уже в 1884 г. в печати появилось сообщение о том, что «незадолго до смерти покойный <Тургенев> отдал ее в полное распоряжение нашей талантливой премьерше М. Г. Савиной с просьбой — прочесть, но, по возможности, избегать ее постановки на сцене, так как лично автор не придавал пьесе большого значения» (*Тургенев и Савина*, стр. 109). Топоров в письме к актрисе от 19 февраля 1885 г. так изложил свой ответ на запрос П. А. Гайдебурова о рукописи «Вечер в Сорренте»: «... подлинная рукопись „Вечер в Сорренто“ находится у Глазунова <...> переписанная рукопись была мною вручена Вам. . .» (там же, стр. 67; см. также ниже, стр. 532). В комментариях к «Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева» на основе вышеизложенного утверждалось: «Еще при жизни Тургенева сцена „Вечер в Сорренте“ оказалась в распоряжении М. Г. Савиной, которой передал копию этой пьесы, по просьбе самого автора, А. В. Топоров. . .» (*Сочинения*, т. III, стр. 451). Письма Савиной к Топорову ставят под сомнение эту точку зрения. В одном из них она писала о «Вечере в Сорренте»: «Посылаю Вам рукопись, которую при всем желании разобрать не могла <...> Беспokoю Вас, так как боюсь доверить кому-либо оригинал» (см. ниже письмо 14). Это дает основание полагать, что в руках Савиной была подлинная рукопись Тургенева. Естественно, что она называет ее оригиналом, он мог плохо читаться, вследствие чего она и просила сделать удобочитаемую копию. Вряд ли к тому же Тургенев дарил ей копию. С этого оригинала была сделана и та писарская копия, которая была представлена в Театрально-литературный комитет 17 ноября 1884 г. и которая хранится в настоящее время в Ленинградской государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского. Известно, что несколько позже Савина уступила рукописи пьесы Тургенева Дирекции императорских театров (см.: *Сочинения*, т. III, стр. 450). 25 февраля 1885 г. она дала следующую подписку: «Представляя при сем переданную мне при жизни И. С. Тургенева рукопись сочиненной покойным пьесы „Вечер в Сорренто“, уступаю ее в собственность Дирекции за одновременное вознаграждение в триста рублей» («Ежегодник императорских театров», 1913, вып. V, стр. 52). В связи с этим можно высказать два предположения. Первое заключается в том, что подлинные рукописи пьесы «Вечер в Сорренте» были и у Савиной, и в распоряжении И. И. Глазунова. Местонахождение их неизвестно. Второе предположение состоит в том, что Савина передала в Дирекцию императорских театров копию рукописи, оригинал же остался у Топорова, который после 1884 г. мог передать его Глазунову для Сочинений Тургенева. Во всяком случае, в договоре Тургенева с Глазуновым от 21 августа 1882 г. включение в Сочинения «Вечера в Сорренте» не оговорено (*ИРЛИ*, ф. 283, оп. 2, № 221, лл. 1—2). Отметим также, что в договоре о перспективной оплате, заключенном между Тургеневым и Дирекцией императорских театров 27 января 1883 г., «Вечер в Сорренте» также не упомянут (*ЦГИА*, ф. 497, оп. 2, № 24569, лл. 25—26. Договор по доверенности Тургенева был подписан Топоровым). Таким образом, до января—февраля 1884 г., когда Савина напомнила о рукописи «Вечера в Сорренте» (письмо 14), в переговорах с издателями и театрами, которые вел Топоров по поручению Тургенева, эта пьеса совершенно не учитывалась.

Ответ Топорова Гайдебурову мог быть продиктован его личной материальной заинтересованностью. Согласно дарственной записи от 3 апреля 1883 г., «... Иван Сергеевич Тургенев подарил навсегда г-же Кузьминой в собственность право пользования платою за представление драматических его произведений на сцене императорских и частных театров» (*ЦГИА*, ф. 497, оп. 2, № 24569, л. 28). Эти деньги предназначались для воспитанницы Топорова

Любочки Ивановой. Полученные от Дирекции театров 300 руб. за рукопись «Вечера в Сорренте» Савина должна была передать Топорову (см. письмо 18 и примеч. 2 к нему и примеч. 7 к письму 13; см. также: «Ежегодник императорских театров», 1913, вып. V, стр. 52).

Одно из публикуемых писем Савиной (письмо 9) позволяет установить, что до нас дошли не все письма Тургенева к ней. А. Ф. Конн, выступая 4 декабря 1915 г. в кружке им. Я. П. Полонского, говорил: «Как известно, Тургенева считали „однолюбом“, но теперь ни для кого не тайна, что уже глубоким стариком он увлекался М (арпей) Г (авриловой) — и у М. Г. было несколько писем соответствующего жанра. Эти письма М. Г., однако, после смерти Тургенева уничтожила. Все же в ее распоряжении сохранилась целая коллекция писем писателя, которую она хранила как святыню» («Речь», 1915, 6 декабря, № 336; см. также: *Тургенев, Сб.*, вып. III, стр. 278—279).

Письма публикуются впервые. Подлинники их хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (письма 1—8, 10—14, 16—18 — Р. I, оп. 29, № 75; письма 9 и 15 — ф. 283, оп. 1, № 47). Короткие выдержки из писем 5, 11 и 12 были использованы в комментариях к письмам Тургенева к Савиной (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 558; т. XIII, кн. 1, стр. 497 и 562).

1

«Петербург. 11 или 12 марта 1879».¹

Посылаю Вам, добрейший Александр Васильевич, обещанную ложу и прошу передать прилагаемое кресло Ивану Сергеевичу. Не заедете ли ко мне завтра? Очень хочу знать мнение И. С. о вчерашнем спектакле.² Говорят, Федоров умер, но что-то не верится.³

Жму вашу руку

М. Савина.

P. S. 4 часа.

¹ Датируется предположительно: по упоминанию о смерти Федорова (см. примеч. 3).

² На каком спектакле присутствовал Тургенев, — неизвестно.

³ Вероятно, речь идет о смерти писателя, начальника репертуарной части Петербургских театров П. С. Федорова, последовавшей 11 (23) марта 1879 г.

2

«Петербург. 1879».¹

Завтра дома до двух часов, добрейший Александр Васильевич. Очень боюсь затруднить Ивана Сергеевича — воображаю, как он устал! Не лучше ли мне к нему приехать, чем тревожить его поездкой «за пределы цивилизации» — как думаете?²

Савина.

15 марта

¹ Год написания письма устанавливается по содержанию и по сопоставлению с письмами 1 и 3.

² Речь идет о встрече Савиной с Тургеневым для репетиции в связи с назначением на 16 (28) марта выступлением с чтением в пользу Литературного фонда (см. письмо 3 и примеч. к нему).

«Петербург. 16 (28) марта 1879».¹

Я ничего не поняла из ответа моей горничной, Александр Васильевич.² Дадите ли Вы мне знать, когда можно видеть Ивана Сергеевича или прямо ехать до часу? Последнее почти невозможно, так как у меня уже назначено трое свиданье сегодня. Я в отчаяньи: без репетиции читать немислимо. Придется уже в клубе во время антракта. Только ради бога не тревожьте Ивана Сергеевича. Он, я думаю, не рад, что попал в Петербург — замучили совсем. Я свободна до двух ч. и от 4-х до 8-ми.³

М. Савина.

¹ Датируется по содержанию и по связи с письмом 2.

² В записке, которая была дана горничной, Савина писала: «Могу ли я видеть г. Тургенева часу в 12-м дня . . .» (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 75, л. 24).

³ Тургенев писал Савиной 16 (28) марта 1879 г.: «Любезнейшая Мария Гавриловна, я буду у Вас сегодня ровно в 4 часа» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 49). О посещении Тургеневым Савиной в этот день см.: *Тургенев и Савина*, стр. 66; см. также: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 430.

«Петербург. 28 января (9 февраля) 1880».¹

Добрейший Александр Васильевич.

Поцелуйте от меня Ивана Сергеевича и дайте знать, где он остановится.² Наверно, Вы и он не усомнитесь в моем желании поехать на дебаркадер, но я все еще больна и сегодня приняла такие лекарства, что о выходе не позволено думать. Завтра, во всяком случае, буду у Ивана Сергеевича (если можно его видеть).³ Жму Вашу руку.

Савина.

¹ Датируется по содержанию и по связи с письмами Тургенева к Савиной от 7 (19) и 9 (21) февраля 1880 г. В первом из них Тургенев писал: «Об Вас слышно, что Вы тоже <Тургенев заболел по дороге в Петербург> поправляетесь <. . .> Топоров все эти дни не мог у Вас быть (я через него получал верные сведения о Вашем здоровье) . . .» (*Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 212; см. также стр. 529—530). Письмо Савиной написано в день приезда Тургенева в Петербург.

² По приезде в Петербург 28 января (9 февраля) 1881 г. Тургенев остановился в «Hôtel de la Paix» на Б. Морской, а через два дня переехал в меблированные комнаты Квернера на Невском, 11.

³ Точная дата посещения Савиной Тургенева неизвестна. В программе продолжил своих воспоминаний «Мое знакомство с Тургеневым» Савина отметила: «Мой визит — Морская, 11. . .» (*Тургенев и Савина*, стр. 71).

Не удивляйтесь моему молчанию, добрейший Александр Васильевич! Я буквально никому не пишу: во-первых, некогда, а во-вторых, рассказы о здешних порядках и об Одессе вообще меня очень расстраивают.¹ В настоящее время все мое существование заключается в нетерпеливом ожидании первого июля, т. е. дня моего выезда. Если меня что-нибудь задержит — утоплюсь!² Вчера окончила первую серию спектаклей, во вторник бенефис. ставлю «Виноватую». ³ Труппа невыносимая, невозможная, театру название балагана больше присуще, а публика. . . «Материнское благословение» даст больше сбору, чем «Женитьба Белугина». ⁴ Меня принимают прекрасно, по я предпочитала бы не приезжать в Одессу. При свидании расскажу Вам самые невероятные вещи. Получил ли И <ван> С <ергеевич> мое письмо проездом из Москвы? ⁵ Давно не имею от него известий. «Месяц в деревне» дать нельзя: нет Беляева и Натальи Петровны. Хороша труппа! Страшно скучаю и занята репетициями до обморока. Не взывайте за каракули — तोпились. До свидания. Поделитесь петербургскими новостями. Жму Вашу руку.

М. Савина.

¹ С 20 мая по 28 июня ст. ст. 1880 г. в Одессе проходили гастроли Савиной.

² О подобных настроениях Савина писала из Одессы и Тургеневу (см. письмо Тургенева к Савиной от 27, 28 мая (8, 9 июня) 1880 г. *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 263).

³ «Виноватая» — пьеса А. А. Потехина, в которой Савина исполняла роль Катеньки.

⁴ «Материнское благословение или Бедность и честь» — пьеса А. Деннери и Г. Лемуана, в переложке Н. Перепельского (Н. А. Некрасова). «Женитьба Белугина» — пьеса А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева.

⁵ В сохранившихся письмах Тургенева упоминаний об этом нет.

6

«Петербург. Конец января 1881».¹

Конечно, Александр Васильевич, Вы решили, что я не хочу Вас видеть и т. п. Мне не могло прийти в голову, что Вы явитесь в воскресенье на Масляной между 13-м и 14-м спектаклем; согласитесь, — при такой работе трудно принимать гостей. Я сама не могу сказать — жива я или нет. Больна и страшно расстроена < . . . >. Недавно послала Ивану Сергеевичу шесть страниц в ответ на его поздравление.² Что значат присланные деньги? Ни с Вас, ни с Якова Петровича ³ денег за билеты не желаю получать и удивляюсь, что Вы мне их прислали.⁴ Если будете свободны на первой неделе — напишите

Савину.

Р. С. Анне Ивановне мой поклон.⁵

¹ Датируется по сопоставлению с письмом Тургенева к Савиной от 24 января (5 февраля) 1881 г., в котором он писал: «... Топоров уведомил меня, что 26-го числа, т. е. послезавтра, — Ваши именины; мое письмо к тому дню поспеть не может, — но все равно: пользуюсь этим, чтобы пожелать Вам всех возможных благ, начиная со здоровья, упроченья Вашего положения — и кончая успехами...» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 47).

² См. примеч. 1.

³ Речь идет о Я. П. Полонском. Савина писала в своих неопубликованных воспоминаниях «Литераторы»: «Первый „настоящий“ литератор, с которым я познакомилась в Петербурге, был Як. Петр. Полонский. Случилось это на одном из благотворительных вечеров в первый [год] сезон моего поступления на императорскую сцену 1875 <...> Я была приглашена на литературные пятницы (Полонских...) Пятницы я их посещала охотно, когда была свободна...» (*ЦГАЛИ*, ф. 853, оп. 2, № 38, лл. 1 и 4). Савина была в переписке с Я. П. Полонским и Ж. А. Полонской и особенно сблизилась с ними после знакомства с Тургеневым. 5 писем Савиной к Полонскому и 9 писем к Полонской хранятся в рукописном отделе *ИРЛИ* (12945. LXXI6. 13; 12417. LXX6.4; 13314. LXXII6.8. Из них письма к Полонскому от 26 апреля 1882 г. и к Полонской от 13 мая 1882 г. опубликованы: «Бирюч петроградских государственных академических театров». Сборник статей. II. «Пгр.», 1920, стр. 262—263; 265—266).

⁴ Имеются в виду билеты на спектакли Александринского театра, которые Савина присылала Топорову и Полонским.

⁵ Анна Ивановна — жена Топорова.

7

«Петербург. 22 апреля 1881».¹

Я Вас не видела сто лет, Александр Васильевич! <...> Не знаете ли чего об Иване Сергеевиче? Написал, что скоро будет, даже назначил день и обещал телеграфировать, а между тем мне неизвестно, здоров ли он.² Сегодня крещу у сестры.³ Вчера получила формальный развод,⁴ но замуж еще не успела выйти.⁵ Жму Вашу руку. Поклон Анне Ивановне.

М. Савина.

¹ Датируется по штампу на конверте: «СПб. 22 апр. 1881».

² Речь идет о письме Тургенева к Савиной от 25 марта (6 апреля) 1881 г., в котором он писал: «Через неделю я уезжаю в Петербург <...> Вы будете извещены о дне моего прибытия» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 76). Тургенев выехал из Парижа 26 апреля (8 мая) 1881 г. и прибыл в Петербург 29 апреля (11 мая).

³ Савина была крестной матерью Н. Н. Соболева, сына ее сестры Е. Г. Соболевой (по сцене — Стремляновой).

⁴ Речь идет о разводе Савиной с первым мужем — Н. Н. Славичем (по сцене — Савин).

⁵ См. письмо 11 и примеч. 12 к нему.

«Петербург. 6 (18) января 1882».¹

Я здорова, Александр Васильевич, но очень волнуюсь бенефисом, репетиции которого начались сегодня.² Получила тоже письмо от чудного Ивана Сергеевича и только что ответила.³ Ивана Александровича⁴ рассчитываю увидеть не ранее пятницы в театре.

До свиданья.

Савина.

¹ Датируется по штампу на конверте: «СПб. 6 янв. 1882».

² Вероятно, речь идет о бенефисе Савиной, состоявшемся 6 февраля 1881 г. Она выступила в роли Любы в комедии «Общество поощрения скуки», переделанной В. Александровым (В. А. Крыловым) из комедии Э. Пальерона.

³ Речь идет о письме Тургенева от 29 декабря 1881 г. (10 января 1882 г.) (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 173). В этот же день им было написано письмо и к Топорову (см.: там же, стр. 174—175).

⁴ Речь идет о директоре императорских театров И. А. Всеволожском. Савина, как и Тургенев, хлопотала об устройстве Топорова на службу (см.: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 175, 498).

«Петербург». 13 мая «1882».¹

Спешу Вас уведомить, добрейший Александр Васильевич, что Ивану Сергеевичу гораздо лучше: он надеется встать через полторы недели и в августе быть в Спасском. Я только что получила от него письмо, по которому видно, что он совершенно ожил духом и телом, чему я безгранично рада и Вы, надеюсь, тоже.² Завтра я еду в деревню с курьерским поездом. Контракт мой подписан на новых основаниях: 12 т. в год без разовых и бенефиса, отпуск четыре месяца, играть не более десяти раз в месяц. При этих условиях я теряю почти три тысячи, но зато избегаю хлопот и мучений бенефиса. Жму Вашу руку и кланяюсь Анне Ивановне

Савина.

Р. С. Здоровье в том же положении, но в деревне надеюсь поправиться окончательно.

¹ Год написания письма устанавливается по содержанию. С марта по сентябрь 1882 г. из-за болезни Савина находилась в отпуску, лечилась в Мере и Париже, по возвращении из-за границы выехала в имение Н. Н. Всеволожского Сива Оханского уезда Пермской губернии. В 1882 г. с нею был заключен новый контракт, о котором она пишет в комментируемом письме (см.: *Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 320—321).

² Об этом же Савина писала и Ж. А. Полонской 13 мая 1882 г. (см.: «Бирюч петроградских государственных академических театров». Сборник статей. II. «Пг.», 1920, стр. 265—266). Среди известных нам писем Турге-

нева к Савиной нет письма, о котором она здесь пишет (см. об этом выше, стр. 520). Об улучшении здоровья и о намерении в августе быть в Спасском Тургенев писал 8 (20) мая 1882 г. Е. П. Кавелиной и Ж. А. Полонской (см.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 250).

Сива. 22 июня <1882>.¹

Добрейший Александр Васильевич.

Я только что ответила на последнее письмо Ивана Сергеевича и чуть не плачу.² Он пишет ужасные вещи: «болезнь неизлечима — это факт», «в гроб гляжу» и «напишите мне еще раз» и т. п. Помимо болезни, он опять, как видно, упал духом. Это меня более всего тревожит. Больной две недели лежит один в Буживале!³ Жозефина Антоновна оставила свое намерение поехать в Париж?⁴ Если бы у меня была какая-либо возможность, я ни минуты не задумалась бы. Меня мучит мысль, что около Ивана Сергеевича нет человека, который своей преданностью и искренностью заставлял бы забывать его болезнь. Где Анпенков?⁵ Может быть, у Вас есть новости более приятные, сообщите. Что касается меня, то докторские предписания исполняю почти в точности: ем, пью, сплю, гуляю, но духом беспокойна. Тем не менее отдыхаю и, кажется, не так больна, как зимой. Погода стоит холодная, что принуждает меня в последнее время не выходить из комнаты, а стало быть, и больше думать, вот почему «дух неспокоен». Театральные новости знаю только по газетам. Товарищи забыли обо мне и не пишут, хотя со дня моего съезда прошло полтора месяца. Не будьте похожи на моих товарищей и ответьте на мои вопросы. Полонским⁶ низкий поклон и Анне Ивановне тоже. Адрес: *Оханский уезд Пермской губ., Сивинская волость*, на мое имя. До свиданья, добрейший Александр Васильевич, жму Вашу руку.

Савина.

¹ Год написания письма устанавливается по содержанию и по штампу на конверте: «Оханск. 25 июня. 1882».

² Речь идет о письме Тургенева от 7 (19) июня 1882 г., в котором он писал Савиной: «Моя болезнь принадлежит к числу неизлечимых <...> Бодрость духа во мне исчезла; в будущее стараюсь не заглядывать — и уже не позволяю себе мечтать о свидании с Вами» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 278).

³ Тургенев писал из Буживаля Я. П. Полонскому 30 мая (11 июня) 1882 г.: «Жалеть обо мне можно было только потому, что я болен — и, кажется, неизлечимо; во всех других отношениях я, как сыр в масле, катался. То же и теперь продолжается здесь: и болезнь неизлечимая, и всевозможные за мной уходы и удобства» (*Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 271; см. также: Л. Утевский. 1) М. Г. Савина и болезнь Тургенева. В кн.: «Бирюч петроградских государственных театров». Сборник статей. II. «Пг», 1920, стр. 261—266; 2) Смерть Тургенева, 1883—1923. «Атеней», Пб., 1923, стр. 46—57).

⁴ В письмах к Полонским от 13 (25), 14 (26) и 18 (30) мая 1882 г. Тургенев отрицательно отнесся к намерению Ж. А. Полонской приехать в Париж, вследствие чего ее поездка не состоялась (см.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 254, 255, 260).

⁵ П. В. Аппенков в это время находился в России.

Сива. 17 июля <1882>.¹

Добрейший Александр Васильевич!

Новости о нашем дорогом больном не новы: то же самое пишет он и мне.² Неужели придется помириться с мыслью никогда уже не видеть его в России?! О том, что Полонские в Спасском, я узнала из письма Ивана Сергеевича,³ которое получила двумя днями раньше Вашего. Рада, что дети пользуются деревенским воздухом, но не хотела бы жить там без Ивана Сергеевича. Театральные новости приводят меня в ужас.⁴ Неужели я ошиблась в моем симпатичном друге Алексее Антиповиче.⁵ Нет, не ошиблась, но доброта делает его бесхарактерным, и главное — он поддается влиянию, что в его положении пагубно. Не верю глазам, читая список бездарностей, припятых вместо полезных актеров. Затем этот военно-кавказский элемент в конторе! . . .⁶ Если бы контору совсем уничтожили, это принесло бы пользу театру, но какая же может быть польза актерам и сцене от того, что у нас заведут казармы. Вместо «свободных художников», как было обещано, мы будем изображать из себя что-то грустное. Верно одно, что при таких порядках сбегу. Я слишком люблю дело, чтобы молчать при виде неправильного его хода, а к строевой службе не привыкла да и привыкать нет надобности! Где же порицатели Федорова,⁷ барона⁸ и Лукашевича.⁹ Что они скажут теперь? Федорова бранили беспощадно, но он знал дело. Барон преследовал экономию. Лукашевич подражал ему и начинал вводить строевой порядок, за что был уволен как «непонимающий». Что же и кто же теперь — понимающий? Все это свалится на бедную голову Ивана Александровича, всеми своими помыслами желающего поднять русскую сцену, и мне от души его жаль. Порадуюсь, если он откажется от места, как об этом идет слух.¹⁰

Киевская дума отказала моему Сетову, он теперь в весьма печальном положении.¹¹ Куда ни оглянись, всюду грустно и скверно. И в такое-то время я вздумала выходить замуж! Четвертого июля, в 9 ч. вечера, самым скромным образом совершился обряд в нашей деревенской церкви. Уверена в своем счастье, так как сцену не брошу и, переменив фамилию, остаюсь все-таки Савиной.¹²

P. S. Выезжаю отсюда 18-го или 15-го, пробуду в Москве несколько дней и к 1-му сентября в Петербург. До свиданья.

¹ Год написания письма устанавливается по содержанию и штампу на конверте: «Оханск. 19 июл. 1882».

² Речь идет о письме Тургенева из Буживаля от 11 (23) июля 1882 г. (см.: *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 302—305).

³ Из письма, названного в примеч. 2.

⁴ Савина имеет в виду преобразования, произведенные в управлении и внутренней жизни императорских театров в начале 1882 г. (см. об этом: С. Ф. Светлов. Театральный дневник. В кн.: «Бирюч петроградских государственных театров». Сборник статей. «Пг.», 1919, стр. 57—60, 79—83; Преобразования в театральном деле. «Голос», 1882, 17 (29) октября, № 282; И. Шнейдерман. М. Г. Савина. 1854—1915. «Искусство», Л.—М., 1956, стр. 130—132).

⁵ Речь идет об А. А. Потехине, назначенном в апреле 1882 г. управляющим репертуаром и группой Александринского театра. Об отношении Савиной к нему см. в названной в примеч. 4 книге И. Шнейдермана, стр. 131—132; см. также: *Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 78.

⁶ Савина имеет в виду назначение в 1882 г. управляющим конторой петербургских театров В. П. Погожева, отставного гвардейского офицера, окончившего Военно-юридическую академию.

⁷ Речь идет о писателе, драматурге П. С. Федорове (1800—1879), который был начальником репертуарной части петербургских театров (см. о нем: «Русская старина», 1892, № 2, стр. 513—514, и «Русский архив», 1896, № 1, стр. 619—628).

⁸ Савина имеет в виду барона К. К. Кистера (1821—1893), который в 1875—1881 гг. был директором императорских театров (см. о нем: «Ежегодник императорских театров». Сезон 1893—1894 гг. СПб., 1895, стр. 453—456; «Бирюч петроградских государственных театров», 1919, №№ 15—20, а также в названном в примеч. 4 дневнике С. Ф. Светлова, стр. 58).

⁹ Н. А. Лукашевич (1820—1884) в 1879—1881 гг. был начальником репертуарной части и заведующим гардеробной и декорационной частями императорских петербургских театров (см. о нем в названном выше дневнике С. Ф. Светлова, стр. 58).

¹⁰ Речь идет об И. А. Всеволожском (1835—1909), назначенном 3 сентября 1881 г. вместо К. К. Кистера директором императорских театров. Состоял в этой должности до 1899 г. О нем и отношениях Савиной с ним см. в указанной выше книге И. Шнейдермана, стр. 130—131, 134.

¹¹ Сетов И. Я. (псевдоним Сетгофера, 1824—1894) — певец, режиссер, антрепренер, много лет проработавший в Киеве, был дружен с Савиной.

¹² Савина вышла замуж за Н. Н. Всеволожского, который в дальнейшем потребовал, чтобы она покинула сцену. Брак для Савиной оказался несчастливым, в 1891 г. она вынуждена была пойти на его расторжение (см. названную выше книгу И. Шнейдермана, стр. 176—181).

«Петербург. 4 (16) декабря 1882».¹

Добрейший Александр Васильевич!

Я сегодня напомнила о существовании «Месяца в деревне», и его дадут на будущей неделе, о чем я и спешу Вас уведомить.² Приглашаю Вас и Анну Ивановну на вторник на «Злобу дня».³ Вчера в театре видела Третьякова,⁴ вернувшегося только что из Парижа и, конечно, спрашивала об Иване Сергеевиче, но ничего нового не услышала. Вся под впечатлением игры Федотовой: вот это актриса в полном смысле слова!⁵ Из русских я вижу первую такую. До свиданья.

Савина.

4 декабря.

¹ Год написания письма устанавливается по содержанию.

² «Месяц в деревне» был дан в Александринском театре с участием Савиной (в роли Верочки) 19 и 31 декабря ст. ст. 1882 г.

³ «Злоба дня» — пьеса Н. А. Потехина, в которой Савина исполняла роль Елены.

⁴ Речь идет об С. М. Третьякове.

⁵ 3 (15) декабря 1882 г. в Александринском театре состоялся бенефицильный спектакль в пользу А. П. Ленского. Актриса московского Малого театра Г. Н. Федотова выступила в роли Резцовой в 3-м акте комедии П. Штеллера «Ошибки молодости» и в одной из лучших своих ролей — Катарини в «Укрощении строптивой» В. Шекспира. «Всем давно известно и всеми по достоинству оценено исполнение г-жею Федотовой ролью княгини Резцовой и Катарини, а равно роли Петруччо г. Ленским, — писал об этом спектакле Д. В. Аверкиев. — Остается заметить, что бенефициант и гостья исполнили свои роли и вчера с обычным громадным успехом» («Новое время», 1882, 5 (17) декабря, № 2433).

Сива. 28 июня <1883>.¹

Добрейший Александр Васильевич.

Как видите, я успела перелететь из Финляндии в Пермскую губернию и случилось это так быстро и неожиданно, что я даже с сестрой ² и, еще того хуже, — с Марьей Карповной ³ не простилась! Получила от мужа телеграмму, по которой немедленно должна была выехать.

Где Полонские и не знаете ли чего об Иване Сергеевиче? На мое последнее письмо я не ждала ответа, а на М-ше Виардо надеялась.⁴ Теперь печаль по смерти мужа, я думаю, прошла настолько, что можно быть вежливой.⁵ Удовольствоваться газетными слухами не могу и желала бы знать что-либо из ближайших источников. Где Анненков? ⁶ Что Вы подельваете, и здорова ли Ваша девочка? ⁷ Я уже неделю в деревне и отдыхаю в полном смысле слова, несмотря на плохую погоду. Сетова ⁸ со мной и, кажется, не намерена скучать. На здоровье не жалуясь. Вот покуда все мои новости! Наверно, Ваши будут поинтереснее, и Вы не откажете сообщить их. Крепко жму Вашу руку и прошу передать поклон А <вне> И <вановне>.

Савина.

Пермская губер.: Оханский уезд.

Сивинская волость.

¹ Год написания письма устанавливается по содержанию и по штампу на конверте: «Оханск. 1 июля. 1883».

² Е. Г. Стремляновой.

³ Лицо неустановленное.

⁴ Письмо Савиной к Полине Виардо неизвестно.

⁵ Луи Виардо скончался 23 апреля (5 мая) 1883 г.

⁶ П. В. Анненков находился в это время в Баден-Бадене.

⁷ Речь идет о воспитаннице А. В. Топорова Любочке (Л. Ф. Ивановой), в судьбе которой Савина принимала большое участие (см. письма 16 и 18). Официальной ее опекушкой была Е. И. Кузьмина. По распоряжению Тургенева деньги за издания его стихотворений и поспектакльная плата за представление его драматических произведений шли на ее воспитание (см.: *Сочинения*, т. I, стр. 507—508; *Тургенев и Савина*, стр. 67; Н. В. Д р и з е н. Н. С. Тургенев и авторский гонорар. «Ежегодник императорских театров», 1913, вып. V, стр. 49—52).

⁸ Ж. И. Сетова — компаньонка Савиной.

«Петербург. Январь—нач. февраля 1884».¹

Добрейший Александр Васильевич!

Посылаю Вам рукопись, которую при всем желании разобрать не могла.² Потратила много времени и напрасно. Велите переписать как можно скорее,³ очень может быть, что я поставлю ее.⁴ Горю нетерпением познакомиться с сюжетом и прошу поторопиться. Беспокою Вас, так как боюсь доверить кому-либо оригинал. Спектакль в пользу Общества состоится только на Пасхе,⁵ но «Неосторожность» обещают поставить теперь.⁶ Жму Вашу руку.

Савина.

Р. С. Мой бенефис 8 февраля.⁷

¹ Датируется по содержанию и по связи с письмом 15.

² Речь идет о рукописи сцены Тургенева «Вечер в Сорренте» (см. об этом выше, стр. 519).

³ См. письмо 15.

⁴ Намерение Савиной поставить «Вечер в Сорренте» было осуществлено ею в 1884 г. (см. об этом письмо 17 и примеч. 2 и 3 к нему). 18 (30) января 1885 г. в бенефис Савиной состоялось первое представление «Вечера в Сорренте» в Александринском театре.

⁵ Вероятно, речь идет о спектакле в пользу Фребелевского общества, который состоялся на пасхальной неделе, 13 (25) апреля 1884 г. в театре Михайловского дворца. Были исполнены с участием Савиной «Искорка» А. Н. Плещеева и «Институтка» В. А. Дьяченко.

⁶ Еще в 1883 г. по инициативе Савиной готовилась постановка комедии Тургенева «Неосторожность». Савина писала А. Ф. Кони 23 октября 1883 г.: «В первых числах ноября пойдет „Неосторожность“ Ивана Сергеевича. Как вы думаете, будет ли она иметь успех? Моя роль «донья Долорес» мне чрезвычайно нравится: есть очень тонкие, изящные штрихи, над которыми приятно поработать» (М. Савина и А. Кони. Переписка. 1883—1915. «Искусство», Л.—М., 1938, стр. 32). Спектакль не состоялся из-за болезни Савиной. В 1884 г., как и в дальнейшем, задуманная Савиной постановка «Неосторожности» в Александринском театре не была осуществлена.

⁷ В свой бенефис 8 (20) февраля 1884 г. Савина выступила в роли Норы в драме Г. Ибсена «Нора» и в роли Просьбиной в комедии А. П. Штalia «Плата тою же монетой».

«Петербург. Январь—начало февраля 1884».¹

Очень Вам благодарна,² добрейший Александр Васильевич: «Ночь в Сорренто» очень милая вещица³ в жанре «пословиц» Альфреда де Мюссе,⁴ но в мой бенефис ее поставить нельзя, так как я не могу играть три роли,⁵ а дать в конце или в начале — неприлично. Во всяком случае, я буду иметь ее в виду и сыграю при первом случае.⁶ Жму Вашу руку. Поклон Анне Ивановне и поцелуй Любочке.⁷

Савина.

¹ Датруется по сопоставлению с письмом 14.

² Речь идет о выполнении копии с рукописи сцены Тургенева «Вечер в Сорренте» (см. письмо 14).

³ Ср. с другим отзывом Савиной о «Вечере в Сорренте»: «... пьеса эта представляет собою грациозную и прелестную жанровую картинку из жизни наших соотечественников за границей, написанную с тем же несравненным талантом и тонкой наблюдательностью, какими отличались все вышедшие из-под пера великого художника бессмертные произведения» (*Тургенев и Савина*, стр. 109).

⁴ Савина имеет в виду «комедии-пословицы», или «драматические пословицы» — небольшие комедии или сценки, как бы иллюстрирующие ту или иную пословицу. Большим мастером этого жанра был известный французский писатель и поэт Альфред де Мюссе (1810—1857), написавший целый ряд таких пьес, которые в 1840 г. он объединил в один том под заглавием «Комедии и пословицы» (см.: *Сочинения*, т. III, стр. 454; см. также: А. де Мюссе. Избранные произведения, т. I. Гослитиздат, М., 1957, стр. XXXI—XXXIV).

⁵ См. примеч. 7 к письму 14.

⁶ См. письмо 17 и примеч. 2 и 3 к нему.

⁷ См. примеч. 7 к письму 13.

16

«Петербург». 19 октября «1884».¹

Вы можете быть вполне уверены, добрейший Александр Васильевич, что Судьба Любочки² крайне интересует меня и я желала бы следить за каждым ее шагом, но, к несчастью, я себе не принадлежу. С тех пор как получила Ваше письмо, только нашла свободную минуту для ответа. Всегда у меня было мало времени, но что делается теперь!.. Одна пьеса поговяет другую, и скоро у меня не хватит ни сил, ни терпения. Относительно «Месяца в деревне» заявила, но не знаю, что из этого выйдет.³ В следующую пятницу дают новую пьесу Боборыкина, и у меня голова идет кругом от репетиций;⁴ как сдам ее, буду просить отдыха и тогда соберусь к Вам, а пока крепко жму Вашу руку и еще крепче целую Любу. Мой поклон Анне Ивановне.

Савина.

¹ Год написания письма устанавливается по содержанию и по штампу на конверте: «СПб., 19 окт. 1884».

² См. примеч. 7 к письму 13.

³ Последний спектакль «Месяца в деревне» в 1884 г. в Александринском театре состоялся 23 сентября ст. ст.

⁴ 26 октября ст. ст. 1884 г. была поставлена пьеса П. Д. Боборыкина «Доктор Молчков», в которой Савина исполнила роль Маши.

17

«Петербург. Декабрь (не позднее 18) 1884».¹

Посылаю Вам, добрейший Александр Васильевич, билет на 19-е декабря.² Спектакль этот вообще интересен, а в этом году в особенности, так как пойдет «Вечер в Сорренто».³ Художника француза будет играть Гитри-а певца Котоньи.⁴ Первый раз со смерти Ивана Сергеевича не оскорбят его память.

Предупреждаю Вас, что места не нумерованы, зала мала и вообще вечер не похож на спектакль, а скорее раут. Тем не менее удовольствие большое и общество отборное. Жму Вану руку.

Савина.

¹ Датируется по содержанию.

² 19 декабря 1884 г. в квартире министра иностранных дел Н. К. Гирса состоялся раут и музыкально-драматический вечер, на котором впервые была исполнена сцена Тургенева «Вечер в Сорренте». Савина выступила в ней в роли Марии Петровны Елецкой (см. примеч. 3).

³ Рецензент «Нового времени» Б. «К. А. Скальковский» писал: «Главную вещь и приманкою концерта служили неизвестные никому сцены Тургенева. Это маленькая вещица во вкусе французских proverbes «поговорок», написанная, очевидно, для домашнего спектакля <...> Незатейливый сюжет пересыпан остроумными замечаниями насчет положения русских за границей и комичными разговорами саратовского помещика с итальянским лакеем <...> и французским художником <...> Артисты не ударили в грязь перед „европейским концертом дипломатов“. Очень натуральны были: г. Давыдов — благополучным россиянином, которому опротивели гиды, отели, магазины и художники, г-жа Абарина — кокетливою и развязною вдовушкою, а г-жа Савина — наивно-лукавою девушкою» («Новое время», 1884, 22 декабря (3 января), № 3169).

⁴ Гитри, Люсен (1860—1925) — французский актер и драматург, в течение ряда лет выступал в Михайловском театре в Петербурге. В «Вечере в Сорренте» в спектакле 19 декабря 1884 г. исполнил роль французского художника м-г Popelin. Котонья, Антонио (1831—1918) — итальянский певец, в 1872—1894 гг. ежегодно выступал на сцене итальянской оперы в Петербурге. В тургеневской сцене исполнил роль певца-импровизатора.

«Петербург. 17 февраля 1885».¹

В конторе давно можно получить деньги, Александр Васильевич, и, если хотите, я съезжу, но не лучше ли Вам самим.² Посылаю письмо Гайдебурова — поступайте по усмотрению.³ Лежу третий день.

Савина.

¹ Датируется по содержанию и по штампу на конверте: «СПб. 17 фев. 1885».

² Письмо Савиной является ответом на письмо Топорова к ней от 19 февраля 1885 г., в котором он писал: «Вчера я был в Контроле и узнал, что со стороны Дирекции никакого распоряжения не сделано об уплате денег за представление пьесы „Вечер в Сорренто“. Затем я узнал <...> что деньги могут быть выданы только тогда, когда будет получено *Ваше письменное заявление* о том, что Вы уступаете пьесу на вечные времена Дирекции <...> и просите выдать деньги мне» (*Тургенев и Савина*, стр. 67; см. также примеч. 7 к письму 13). В дальнейшем Савина уступила рукопись «Вечера в Сорренте» Дирекции императорских театров (см.: Н. В. Д р и з е н. И. С. Тургенев и авторский гонимый. «Ежегодник Императорских театров». 1913, вып. V, стр. 52; см. также выше, стр. 519). Деньги, о которых идет речь в этом письме, были получены. Савина писала Топорову: «В понедельник получу деньги сама и прошу Вас заехать или прислать за ними» (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 75, л. 55).

³ Речь идет о следующем письме редактора газеты «Неделя» П. А. Гайдебурова к Савиной от 15 февраля ст. ст. 1885 г.: «Многоуважаемая Марья Гавриловна. Меня спрашивают из-за границы, кому принадлежит рукопись „Вечера в Сорренто“, можно ли достать с нее копию и перевести на французский язык. Если бы Вы нашли возможным ответить на этот вопрос, то очень обязали бы искренно преданного Вам и уважающего Вас П. Гайдебурова» (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 75, л. 60). Топоров писал Савиной 19 февраля 1885 г.: «Что касается до письма г. Гайдебурова, то я ему уже имел честь объяснить, что подлинная рукопись „Вечер в Сорренто“ находится у Глазунова, который приобрел право печатания на все написанное И. С. Тургеневым. И что переписанная рукопись была мною вручена Вам, по поручению Ивана Сергеевича, в *полное Ваше распоряжение* — и что Вы могли с нею сделать, что хотите, т. е. поставить на сцену или бросить в печку» (*Тургенев и Савина*, стр. 67; см. об этом также выше, стр. 519).

Г. В. Степанова

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. В. МАТЭ С В. В. СТАСОВЫМ О ТУРГЕНЕВЕ

Во втором выпуске Тургеневского сборника¹ опубликованы письма В. В. Матэ к его невесте И. Р. Мадинг, отражающие историю отношений художника с И. С. Тургеневым. Содействовал их знакомству В. В. Стасов. Некоторые сведения, извлеченные из материалов его архива² (писем, дневников), позволяют сделать уточнения и дополнения к теме: «Тургенев и Матэ».

Записи Стасова в «Дневнике заграничных путешествий»³ проливают свет на обстоятельства, при которых критик рекомендовал Тургеневу молодого художника. 12 апреля 1880 г. Стасов выехал из Петербурга за границу и, посетив Германию, Италию, Польшу и другие страны Европы, 23 июня прибыл в Париж. Уже 25 июня он «отыскал» Матэ в мастерской Паннемакера,⁴ а в последующие дни часто встречался с художником (29 и 30 июня, 2 июля).⁵ 13 июля Стасов записал в «Дневнике»: «С Матэ идем в Notre Dame, оттуда на пароходе по Сене, в Понораму <...>, потом в длижансе едем на квартиру Тургенева, к которому я отправлю письмо».⁷ Тургенев в это время жил в Буживале, куда и написал ему Стасов, не застав на парижской квартире. 15 июля — в день именин Владимира — в «Дневнике» записано: «Приходит поздравить Матэ; в 2 часа приезжает Тургенев с Гаевским — остаются до 3^{1/2}».⁸

Если судить по письму Матэ к И. Р. Мадинг, датированному около 1 (13) августа 1880 г.,⁹ где он передает первое свое впечатление о Тургеневе, их визиты к Стасову 15 июля, очевидно, не совпали по времени. Но есть все основания предположить, что именно в этот день Стасов рекомендовал писателю Матэ как возможного автора его портрета,¹⁰ а уже в конце июля

¹ Л. И. Кузьмина. Тургенев и В. В. Матэ (по неопубликованным материалам). *Тургенев. Сб.*, вып. II, стр. 316—321.

² *ИРЛИ*, ф. 294.

³ *ИРЛИ*, ф. 294, оп. 1, № 978.

⁴ Там же, л. 25. — Э. Паннемакер — парижский гравер, у которого Матэ с 1880 г. учился искусству гравюры на дереве.

⁵ *ИРЛИ*, ф. 294, оп. 1, № 978, л. 25.

⁶ Там же, лл. 26—27.

⁷ Это письмо Стасова к Тургеневу неизвестно.

⁸ Там же, л. 27.

⁹ См.: *Тургенев. Сб.*, вып. II, стр. 318—319.

¹⁰ Ср.: «Северный вестник», 1888, № 10, стр. 160.

1880 г. Матэ впервые приехал к Тургеневу в Буживаль, где вскоре писатель начал позировать ему для портрета.¹¹ Стасов из России торопил художника, призывая его к завершению портрета Тургенева. Отрывки из его писем к Матэ за 1880—1882 гг. красноречиво свидетельствуют об этом: «Видитесь ли по-прежнему с Тургеневым, делали ли и докончили ли его портрет, или это предприятие кануло в воду; а потом еще состоялось ли Ваше предприятие насчет иллюстрирования и гравирования к „детским рассказам“?» Тургенева¹² (из письма от 9 октября 1880 г.¹³). «Продолжаете ли Вы бывать у Тургенева, и продолжаете ли его портрет? Пора бы, очень пора, особенно если для московской выставки!¹⁴ Бывают ли еще собрания „Общества художественного“ по вторникам?»¹⁵ (из письма от 3 (15) декабря 1881 г.¹⁶). «А что портрет Тургенева?» (из письма от 8 (20) января 1882 г.¹⁷) «Неужели Вы так никогда и не награвируете Тургенева?» (из письма от 9 мая 1882 г.).¹⁸ Ответные письма Матэ к Стасову позволяют уяснить причины того, почему работа художника над столь интересовавшим его портретом Тургенева не была завершена. «Иван Сергеевич Тургенев поправляется, есть надежда, что его портрет награвирую» (из письма без даты).¹⁹ «Я перестал уже с нового года ходить к доброму Ивану Сергеевичу. Мне стало неловко, точно казалось, что просто навязываюсь, чтобы его портрет награвировать. Тем более, что в то время его начал работать Редлих.²⁰ Я даже радовался, что знаменитый гравер его портрет делает, во всяком случае, лучше моих ученических работ, но, к сожалению, я должен был разочароваться в таланте Редлиха. Мне его очень жалко. Но сами судите, как тут хвалить Редлиха. Приятное, мягкое, доброе лицо Тургенева, а в особенности его чудные, опять мягкие, но глянцевиные волосы, как это божественно у Тургенева. Я всегда люблю при виде его, и мне становится на душе спокойно и приятно. Когда же Вы увидите портрет Редлиха, то это не добрый Тургенев. А какой-то жесткий старик. Хотя бы он в технике бы сделал его приятным, и это отсутствует у него, одним словом не добро»²¹ (из письма от 16 (28) апреля 1881 г.).²²

Работа над портретом писателя затянулась и закончена не была. По своим эскизам 1880 г. Матэ награвировал в 1893 г. в связи с десятилетием со дня смерти Тургенева два его портрета.²³

Л. И. Кузьмина

¹¹ В августе 1880 г. Стасов обсуждал работы Матэ с В. В. Верещагиным, ссылаясь при этом, очевидно, на Тургенева, если судить по письму Верещагина к Стасову от 18 (30) августа 1880 г., где художник высказывал свое мнение о Матэ и его гравюрах, «не заботясь» при этом «о том, сходится ли оно с Тургеневским» (Переписка, В. В. Верещагина и В. В. Стасова. Т. II, М., 1951, стр. 86).

¹² Очевидно, имеются в виду рассказы для детей, замысел которых не был осуществлен Тургеневым. См. об этом: М. П. Алексеев. По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции. («Русская литература», 1963, № 2, стр. 61—63). Иллюстрации Матэ к произведениям Тургенева неизвестны.

¹³ ИРЛИ, ф. 294, оп. 1, № 117, л. 1.

¹⁴ Речь идет о Политехнической выставке в Москве (лето 1880 г.), на которой экспонировалась «Голова Иоанна Крестителя» Матэ и другие его работы.

¹⁵ Имеются в виду собрания «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже».

¹⁶ ИРЛИ, ф. 294, оп. 1, № 117, л. 4.

¹⁷ Там же, л. 8.

¹⁸ Там же, л. 10.

¹⁹ Там же, л. 21.

²⁰ См.: ПД, Описание, стр. 93.

²¹ Представляется возможным датировать на основании этого письма портрет Тургенева работы Редлиха 1881 г. (ср.: ПД, Описание, стр. 93).

²² ИРЛИ, ф. 294, оп. 1, № 118, лл. 4—5.

²³ См. о них: ПД, Описание, где, однако, ошибочно годом работы Матэ с натуры предполагается 1883 (см. стр. 98 и 104).

**ТУРГЕНЕВ В ПИСЬМЕ С. И. ЛАВРЕНТЬЕВОЙ
К А. Ф. КОНИ**

Софья Ивановна Лаврентьева (1836—после 1918), корреспондентка Тургенева в 1881—1883 гг., детская писательница, мемуаристка, автор воспоминаний о Тургеневе «Мое знакомство с И. С. Тургеневым» («Исторический вестник», 1896, № 9), о Т. П. Пассек («Русская старина», 1890, № 2), о Д. В. Григоровиче, Н. В. Стасовой, А. П. Философовой и др., вошедших позднее в ее известную книгу «Пережитое» (СПб., 1914).

В 60-е годы Лаврентьева успешно занималась живописью, посещая петербургскую рисовальную школу. С начала 1880 г. она стала постоянной сотрудницей детского журнала «Игрушечка», редактировавшегося с 1880 по 1887 г. Т. П. Пассек, а впоследствии А. Н. Толиверовой-Пешковой.

По свидетельству Лаврентьевой, ее знакомство с Тургеневым состоялось 3 мая ст. ст. 1881 г. в Петербурге. Оно повлекло за собой ряд встреч и интересных бесед с писателем, о которых мемуаристка подробно писала в своей книге «Пережитое» (стр. 138—147). Поводом для одной из них, состоявшейся в Петербурге весной 1881 г., послужила работа Лаврентьевой над портретом автора «Записок охотника», выполненным в виде барельефа из глины и воска (подлинник хранится в Музее *ИРЛИ*).

Начатый с фотографии, он был закончен с натуры и, как явствует из воспоминаний Лаврентьевой, получил одобрение Тургенева (см.: «Пережитое», стр. 142). Писатель с интересом отнесся и к другому замыслу художницы создать рисунок с «портретом <Тургенева> посредие, окруженным спенками из его сочинений» (см.: там же). Тургенев успел ознакомиться лишь с эскизом этого рисунка (последний хранится также в Музее *ИРЛИ*).

Восторженная почитательница таланта русского романиста, называвшая его своим любимым писателем, Лаврентьева подготовила для детского чтения три рассказа из «Записок охотника», извлечение из рассказа «Муму» и краткую характеристику его литературной деятельности, опубликованные в журнале «Игрушечка» (1881, № 25; 1883, №№ 37—38). Еще при жизни писателя Лаврентьева посвятила Тургеневу несколько стихотворений, заслуживших его одобрительный отклик (см.: *Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 91). Некоторые из них были напечатаны в журнале «Игрушечка» (1881, № 25; 1883, № 38). Ей принадлежали стихотворения, написанные в подражание Тургеневу под влиянием тем и настроений «Стихотворений в прозе». Таковы, например, «Разговор», 1883 («По Тургеневу»), «Посещение», 1883 («По Тургеневу»), «Как хороши, как свежи были розы», 1883 («По Тургеневу») и др. (*ИРЛИ*, 14.256.LXXXб.3).

Позднее Лаврентьева писала об этих своих стихотворениях в одном из писем к А. Н. Толиверовой-Пешковой от 1 (14) июля 1908 г.: «Хотелось бы мне, по поводу 25-летия со дня смерти моего дорогого И. С. Тургенева, от себя упомянуть его публично добрым словом (а что-то, по-видимому, мало ему этих добрых слов говорится!). И вот если бы Вы могли пристроить прилагаемые стихи (первая часть которых, написанная еще при нем, ему посланная, возбудила с его стороны такие лестные, в его ко мне письмо отзывы, и так его тронула)? Только было бы желательно в каком-нибудь порядочном журнале! < . . . > повторяю, что рада была бы, чтобы они были моей скромной лептой в память дорогого усопшего» (*ИРЛИ*, ф. 227, № 61).

Публикуемый ниже отрывок из письма Лаврентьевой к А. Ф. Кони (1844—1927), известному юристу, общественному деятелю, автору многих литературных мемуаров, в том числе и о Тургеневе, посвящен воспоминаниям Лаврентьевой о Тургеневе. Вместе с тем он вносит некоторые подробности в историю ее работы над портретом писателя и является дополнительным комментарием к их переписке. Отрывок из письма печатается по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (ф. 134, оп. 3, ед. хр. 926).

И. С. Тургенев. Портрет, обрамленный сценами из десяти его произведений, работы С. И. Лаврентьевой. 1883. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович.

Старая старлица, 82 лет, много пережив в своей длинной и хорошей (более хорошей) жизни всего, мечтает о том, чтоб закончить ее под монастырской сенью. Но, покидая свет, в котором вкусила и от заветных плодов поэзии и искусств, не зарывая и при жизни в землю тех скромнейших даров, что дала ей природа, не хотела бы и теперь унести их с собой, а поделиться остатками, с кем может. Есть у меня большой рисунок (слишком аршин величиной), карандашом, изображающий портрет И. С. Тургенева, окруженный сценками его романов и повестей, в аллегорических из растений, виньетках. Рисунок был задуман мной в ту зиму, когда И «вспл» С «сергеевич» в последний раз был здесь, и я, познакомься с ним, о том ему говорила, очень его заинтересовав выбором сцен, что он нашел очень удачным.¹ Мечтая о том, чтобы со временем подарить ему этот заинтересовавший его рисунок, я, переписываясь с ним и в его болезни,² более подробно писала и о нем³ и послала ту мою стихотворную летопись, где провожу всех его героинь, — что вызвало такое трогательно милое его ко мне письмо,⁴ но далее могла, незадолго до его кончины, послать ему только фотографию.⁵ И вот этот-то рисунок (он под стеклом, в приличной черной раме) я была бы сердечно рада пожертвовать куда-нибудь в связи с именем дорогого Поэта-Художника и любимой им учащейся молодежи, которой бы так было нужно поучиться у него; одним словом, в место, удачнее которого никто не укажет и не выберет, как вы; на что мне тоже намекал еще покойный Фидлер,⁶ последний год часто заглядывавший ко мне за «автографами». Подбросила бы я еще к этому небольшой вылепленный мною из темного воска, с виньеткой моего сочинения, барельеф И. С., который я лепила прямо с него.⁷

Очень тоже он им заинтересовался. «Насколько я понимаю искусство, это очень хорошо, — говорил милый старичок, — и насколько знаю свое лицо — очень похоже».⁸ И вот, не смея злоупотреблять вашим временем, зная, как оно у вас занято, — повторяю, не торопя вас, не назначая точно времени, — была бы счастлива, если бы эти «детки моего сердца» попали под ваше покровительство, пристроенные вами, куда и «когда вы найдете возможным», взятые от меня хоть теперь (я живу в уютной санатории, в Лесном (женская санатория), Лесной, Старопарголовский пр., 53) или позднее.⁹

¹ Замысел рисунка с портретом Тургенева возник у Лаврентьевой не зимой, как она ошибочно пишет, а весной 1881 г., в период приезда Тургенева в Петербург. Работа над ним завершилась лишь в 1883 г. незадолго до кончины писателя. В композиции были использованы иллюстрации из «Записок охотника» (из рассказов «Певцы», «Бежин луг»), из повестей «Фауст», «Ася», «Первая любовь», «Затишье», из романов «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети» (см.: *ПД, Описание*, стр. 262—263; подлинник хранится в *ИРЛИ*). «Сделанный Вами выбор сенок, долженствующих окружить мой портрет, кажется мне весьма удачным, — писал Тургенев Лаврентьевой 1 (13) ноября 1882 г. по поводу полученного им эскиза ри-

супка, — и в аллегорической рамке цветов и растений я признаю руку художника и поэтическое чувство женщины» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 91).

² Известны три письма Лаврентьевой к Тургеневу 1881 г. (*Шукинский сб.*, вып. III, стр. 204—207).

³ Имеется в виду краткий очерк литературной деятельности Тургенева, подготовленный Лаврентьевой для детского чтения по поручению Т. П. Пассек («Игрушечка», 1881, № 25). Здесь же был напечатан ее «Акростих», посвященный Тургеневу.

⁴ Речь идет о стихотворении Лаврентьевой «Поэту-художнику»; другой вариант заглавия «Великому поэту-художнику» (*ИРЛИ*, 14256. LXXXб. 3). В примечании к нему, сделанном самой писательницей, отмечалось: «Написано после его <Тургенева> чтения в пользу „высших курсов“ в его последний приезд туда, в 1882 г. Послано мною ему в Париж, в ответ на что получила письмо» (*ИРЛИ*, 14.191.LXXIXб.14). В ответном письме от 1 (13) ноября 1882 г. Тургенев писал Лаврентьевой: «Я счастлив тем, что мои вымыслы могли внушить Вам такие гармонические и красивые стихи. Вот настоящая награда писателю!» (*Письма*, т. XIII, кн. 2, стр. 91).

⁵ «Окончив рисунок и сняв с него фотографию, — вспоминала Лаврентьева, — я одну из них послала в мае перед моим отъездом в Крым Ивану Сергеевичу в Bougival. Не имея известия о том, дошло ли это до него, я, среди лета, опять написала туда. Но на это письмо мне отвечала М-ме Виардо, уже после его кончины, последовавшей 22 августа 1883 г. «Я ясно помню, — писала она, — посланную Вами фотографию, в руках нашего дорогого усопшего, но он был уже так слаб, в это время, что мог только улыбнуться, проговорив: „Как это любезно“; но уже не мог написать Вам благодарности за ваше милое внимание» («Пережитое», стр. 146).

⁶ Имеется в виду Ф. Ф. Фндлер (1859—1917), переводчик русских классиков на немецкий язык, педагог, библиофил, автор книги «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей». М., 1911.

⁷ Работа над барельефом Тургенева была начата в 1881 г., до приезда писателя в Петербург. По рекомендации Д. В. Григоровича Лаврентьева завершила свой труд с натуры (см.: «Пережитое», стр. 141; *ПД*, *Описание*, стр. 59). Подлинник хранится в *ИРЛИ*.

⁸ Ср. с воспоминаниями Лаврентьевой — «Пережитое», стр. 142.

⁹ Ответное письмо А. Ф. Кони к Лаврентьевой неизвестно. Возможно, А. Ф. Кони порекомендовал писательнице передать барельеф и рисунок с портретом Тургенева в Академию наук. В неопубликованном письме к Н. А. Котляревскому, первому директору Пушкинского дома, Лаврентьева писала: «Многоуважаемый Нестор Александрович! Глубоко тронута дарованною милостиво Академией Наук и приношу ей мою сердечную благодарность, с душевной радостью прибавляя к моим скромным дарам и мой рисунок Ив. Сер. Тургенева, окруженный сценами из его сочинений. Глубоко преданная С. Лаврентьева. 26—IX—1918». (*ИРЛИ*, 14190—14191 LXXIXб. 14). К письму были приложены четыре стихотворения, посвященные Тургеневу. Обе свои работы Лаврентьева передала в 1918 г. в дар Пушкинскому дому.

Н. Н. Мостовская

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Обозначения

- [] — зачеркнутый в автографе текст заключен в прямые скобки.
- <2 нрзб.> — в тех случаях, когда в автографе остаются неразобранные слова, в ломаные скобки заключается цифра, указывающая количество этих слов (свыше одного), и сокращенное слово: *нрзб.*
- < > — слова, пропущенные в автографе, части недописанных слов, восстанавливаемых по смыслу, и другие редакторские добавления, вводимые в публикуемые тексты, печатаются в ломаных скобках.
- <?> — после предположительно прочитанного слова или предположительной даты ставится вопросительный знак в ломаных скобках.
- <— — —> — слова, неудобные для печати, независимо от их количества, обозначаются тремя дефисами в ломаных скобках.
- < . . . > — пропуски в тексте, сделанные редактором, обозначаются тремя точками в ломаных скобках.
- ◇ — этим знаком обозначаются варианты, окончательные для данного рукописного источника, но не совпадающие с основным текстом.

Сокращения

- Алексеев* — М. П. Алексеев. И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе. В кн.: «Труды Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом)». М.—Л., 1948, стр. 37—80.
- Анненков* — П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1960.
- Антокольский* — Марк Матвеевич Антокольский, его жизнь, творчество, письма и статьи. Под ред. В. В. Стасова. СПб.—М., 1905.
- Белинский* — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, тт. I—XIII, Изд. Академии наук СССР, М., 1953—1959.
- Боткин и Тургенев* — В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869. По материалам Пушкинского дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. «Academia», М.—Л., 1930.

- ВЕ* — Вестник Европы.
- ГБЛ* — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).
- Герцен* — А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, тт. I—XXX, Изд. Академии наук СССР, М., 1954—1964.
- ГИМ* — Государственный исторический музей (Москва).
- ГМТ* — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).
- Гоголь* — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV, Изд. Академии наук СССР, М., 1937—1952.
- ГПБ* — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- ГРМ* — Государственный Русский музей (Ленинград).
- ГТГ* — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
- Гутьяр* — Н. М. Гутьяр. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907.
- Даль* — Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I—IV. М., Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1955.
- Добролюбов* — Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в девяти томах, тт. 1—9, Гослитиздат, М.—Л., 1961—1964.
- Достоевский, Письма* — Ф. М. Достоевский. Письма, т. I—IV. Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. ГИЗ — «Academia» — Гослитиздат. М.—Л., 1928—1959.
- Житова* — В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.
- Звенья* — Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв., под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др., тт. I—IX. «Academia» — Госкультпросветиздат. М.—Л., 1932—1951.
- ИРЛИ* — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
- Клеман, Летопись* — М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. Ред. Н. К. Пиксанова. «Academia», М.—Л., 1934.
- Клеман. Хронолог. указ.* — М. Клеман. Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева. В кн.: «И. С. Тургенев. Сборник статей», ГИХЛ, Л., 1934, стр. 329—387.
- Кузминская* — Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. Изд. 4-е. Тула, Приокское книжное издательство, 1964.
- Лесков* — Н. С. Лесков. Собрание сочинений, тт. I—XI, Гослитиздат, М., 1956—1958.
- Лит. арх.* — «Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», тт. 1—6, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1938—1961, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
- Лит. насл.* — «Литературное наследство», т. 1—79. Изд. Академии наук СССР — «Наука», М., 1931—1968. (Издание продолжается).
- Мельников (Андрей Печерский)* — П. И. Мельников (Андрей Печерский), Полное собрание сочинений, тт. I—VII, с критико-биографическим очерком А. А. Измайлова. А. Ф. Маркс, Пб., 1909.
- Музей Тургенева* — Государственный музей И. С. Тургенева; там же находится архив И. С. Тургенева (Орел).

- Недра* — Недра. Литературно-художественные сборники, кн. 2, М., 1924.
- Некрасов* — Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1952.
- ОЗ* — «Отечественные записки».
- Островский* — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, ГИХЛ, М., 1949—1953.
- ПД, Описание* — Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского дома. Вып. IV. И. С. Тургенев. Изд. Академии наук СССР, Л., 1958.
- Писарев* — Д. И. Писарев, Сочинения в четырех томах, Гослитиздат, М., 1955—1956.
- Писемский* — А. Ф. Писемский, Письма. Подготовка текста и коммент. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. Изд. Академии наук СССР. М.—Л., 1936.
- Письма* — И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма в тринадцати томах, т. I—XIII. Изд. Академии наук СССР — «Наука», М.—Л., 1961—1968.
- Пушкин* — А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVII, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1937—1959.
- Пушкин и его современники* — Пушкин и его современники, вып. I—XXIX. Пб.—Л., 1903—1930.
- Революционеры-семидесятники* — И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Собрал и комментировал М. К. Клеман. «Academia», М., 1930.
- Русские прощлеи* — Русские прощлеи. Материалы по истории русской мысли и литературы, т. III. Собрал и подготовил к печати М. Гершензон. М., 1916.
- Сб. ПД 1923* — «Сборник Пушкинского дома на 1923 год». Пгр., 1922.
- Сочинения* — И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах, т. I—XV, Изд. Академии наук СССР — «Наука», М.—Л., 1960—1968.
- Стасюлевич* — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. М. К. Лемке. Тт. I—V. СПб., 1911—1913.
- Толстой* — Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, под общ. ред. В. Г. Черткова, тт. 1—90, Гослитиздат, М.—Л., 1928—1958.
- Тургенев и его время* — «Тургенев и его время», первый сборник под ред. Н. Л. Бродского, ГИЗ, М.—Пгр., 1923.
- Тургенев и круг Совр.* — «Тургенев и круг „Современника“». Неизданные материалы, 1847—1861. «Academia», М.—Л., 1930.
- Тургенев и Савина* — Тургенев и Савина. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе, с предисл. и под ред. А. Ф. Кони. Изд. гос. театров, Пгр., 1918.
- Тургенев, Первое собрание писем* — И. С. Тургенев, Первое собрание писем, 1840—1883 гг., изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, СПб., 1884 (на обложке: 1885).
- Тургенев, Сб.* — Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Вып. I—IV. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, 1966, 1967, 1968.
- Тургенев, Сб. (Алексеев)* — «И. С. Тургенев (1818—1883—1958)», статьи и материалы, под ред. акад. М. П. Алексеева, Орел, 1960.
- Тургенев, Сб. (Бродский)* — «И. С. Тургенев. Материалы и исследования», сборник под ред. Н. Л. Бродского, Орел, 1940.
- Тургенев, Собр. соч.* — И. С. Тургенев, Собрание сочинений в двенадцати томах, тт. 1—12, Гослитиздат, М., 1953—1958.

- Тургенев, Соч.* — И. С. Тургенев, Сочинения, под ред. К. Халабашва и Б. Эйхенбаума, тт. I—XII, ГИХЛ, М.—Л., 1928—1934.
- Тургеневский сб. (Пиксанов)* — «Тургеневский сборник», изд. «Огни», Пгр., 1915 (Тургеневский кружок под руков. Н. К. Пиксанова).
- Фет* — А. А. Фет. Мои воспоминания. 1848—1889, чч. I—II. М., 1890.
- ЦГАДА* — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
- ЦГАЛИ* — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГАОР* — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).
- ЦГИА* — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).
- Чернышевский* — Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 15 томах, тт. I—XVI (доп.), Гослитиздат, М., 1939—1953.
- Чехов* — А. П. Чехов, Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XX, Гослитиздат, М., 1944—1951.
- Щедрин* — Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, тт. I—XX, Гослитиздат, 1933—1941.
- Шукинский сб. Bibl. Nat.* — «Шукинский сборник», вып. I—X. М., 1902—1912. — Национальная библиотека (Париж).
- Flaubert, Correspondance* — G. Flaubert. Oeuvres complètes. Correspondance. Nouvelle édition augmentée. Paris, L. Conard, 1926—1930, Séries I—IX.
- Flaubert, Correspondance. Suppl.* — G. Flaubert. Oeuvres complètes. Correspondance. Supplément (1830—1880), tt. 1—4. Paris, 1954.
- Goncourt, Journal* — Edmond et Jules de Goncourt. Journal. Mémoires de la vie littéraire. Avantpropos de l'Académie Goncourt. Texte intégral établi et annoté par R. Ricatte, tt. I—IV. Paris, Fasquelle et Flammarion, <1959>.
- Mazon* — Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénew. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.
- Mérimée* — Prosper Mérimée. Correspondance générale. Etablie et annotée par Maurice Parturier. I série, tt. 1—6. Paris, 1941—1947; «Le Divan», II série, tt. 1—9. Toulouse, 1953—1961, Privat.
- Parturier* — M. Parturier. Une amitié littéraire. Prosper Mérimée et Ivan Tourguéniév. Hachette, 1952.
- Turgenev und Deutschland* — I. S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen. Herausgegeben von Gerhard Ziegenggeist. Band I. Akademie-Verlag. Berlin, 1965.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

- «Ася» 535
 «Бежин луг» 211, 218, 283, 351, 357, 358, 418, 535
 «Бретёр» 282, 506
 «Бригадир» 351
 «Бурмистр» 282
 «Вечер в Сорренте» 223—225, 300, 519, 529—532
 «Вешние воды» 303—305, 392
 «Воспоминания о Белинском» 210, 212, 276—280
 «Гад» 305
 «Гамлет и Дон-Кихот» 231, 238—250, 324
 «Гамлет Щигровского уезда» 229, 466
 «Два поколения» 469
 «Два приятеля» 334
 «Дворянское гнездо» 228—234, 284, 304, 351, 425, 440, 506, 519, 535
 «Деревня» 209
 «Дневник лишнего человека» 4, 5—111, 218—223, 229, 238
 «Довольно» 497
 «Дым» 250—264, 284, 288, 300, 303—305, 505
 «Ермолай и мельничиха» 210, 418, 466
 «Живые мощи» 223, 289—302, 363, 514
 «Жид» 514
 «Завтрак у предводителя» 357, 418
 Заметка <о статуе Ивана Грозного М. Автокольского> 393, 394
 «Записки охотника» 210—218, 287, 289, 298, 301, 351, 356, 357, 358, 362, 380, 381, 386, 390, 418, 464, 534; см. также: «Бежин луг», «Бурмистр», «Ермолай и мельничиха», «Касьян с Красивой Мечи», «Контора», «Лес и степь», «Льгов», «Малиновая вода», «Мой сосед Радиллов», «Одноворец Овсяников», «Певцы», «Хорь и Калиныч», «Чертопханов и Недопоскин»
 «Затишье» 343, 535
 «Землеед» 301
 «Искушение святого Антония» 294
 «История лейтенанта Ергунова» 280
 «Как хороши, как свежи были розы» 534
 «Касьян с Красивой Мечи» 291
 «Контора» 282
 «Крicket в Виндзоре» 305—310
 «Лес и степь» 467
 «Льгов» 210
 «Малиновая вода» 282
 «Мемориал» 6, 385
 «Месяц в деревне» 519, 527, 530
 «Мирович» 265—275
 «Мой сосед Радиллов» 210, 466
 «Муму» 282, 534
 «Накануне» 226, 235—238, 321, 337, 369, 502, 535
 «Нахлебник» 282
 «Неосторожность» 519, 529
 <«Никита Пустосвят»> 291
 «Новые письма А. С. Пушкина. от издателя» 399—416
 «Новь» 300, 305, 310—318, 333, 342, 396, 402, 406, 416, 431, 432, 434, 514
 «Одноворец Овсяников» 210, 341, 342, 351
 <«О „Записках ружейного охотника Оренбургской губернии“ С. Т. Аксакова»> 213
 «Отцы и дети» 284, 287, 288, 361, 372, 386, 502, 535
 «Певцы» 222, 283, 347, 357, 418, 535
 «Первая любовь» 535
 «Перед охотой» 209

- «Письмо из Петербурга» 360
«Порог» 329—332, 396
«Посещение» 534
«Последний колдун» 285
«Постоялый двор» 282, 470, 506
«Предисловие к романам» 225, 226
«Призраки» 4, 112—146, 223, 284, 287, 377, 502, 514
«Провинциалка» 519
«Пегушков» 282, 506
«Разговор» 321, 534
〈Речь на обеде 19 февраля 1963 года〉
380—384
〈Речь по поводу открытия памятника
А. С. Пушкина в Москве〉 276—
280, 400, 416
«Рудин» 226, 284, 501, 506, 535
«Современные заметки» 210
«Собака» 291, 377
«Собственная господская контора»
339
«Стено» 208—209
«Степной король Лир» 4, 147—207,
338
«Стихотворения в прозе» 4, 318—
329, 331, 396; см. также: «Гад»,
«Деревня», «Как хороши, как
свежи были розы», «Порог», «По-
сещение», «Разговор», «Чернора-
бочий и белоручка»
«Три портрета» 282
«Фауст» 284, 535
«Холостяк» 519
«Хорь и Калиныч» 210, 212, 217
«Чернорабочий и белоручка» 396
«Чертопханов и Недолюскин» 466

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. С. см. Хомяков А. С.**
 А-ов см. Антропов Л. Н.
 Абаза Ю. Ф. 437, 478
 Абарина А. И. 531
 Аббот Ф. 213
 Абрамов Я. 333
 Абрамович Д. И. 294
 Авдеев М. В. 371, 478
 Аверкиев Д. В. 528
 Авсеенко В. Г. 250, 275, 391, 392
 Адам (Adam) Ж. 456, 478
 Азар (Hazard) П. 239
 Айхенвальд Ю. И. 208
 Аксаковы 303, 478
 Аксаков И. С. 230, 232, 359, 504, 505
 Аксаков К. С. 229
 Аксаков С. Т. 332
 Аксакова В. С. 371
 Акутагава Р. 428
 Александр I 382
 Александр II 227, 365, 483
 Александров В. (псевдоним Крылова В. А.) 524
 Алексей Михайлович, царь 348
 Алексеев А. И. 448, 478
 Алексеев М. П. 4, 210—223, 238, 239, 242, 250, 252, 265—275, 297, 329, 331, 339—344, 396, 401, 405, 413, 416, 429, 430, 518, 533
 Алисов П. А. 310
 Алифанов А. Т. («Афанасий») 484, 486
 Андреев А. А. 363
 Андреевский П. А. 417
 Андроники И. Л. 404
 Андросов А. 314
 Анна Иоанновна, имп. 266, 268, 346
 Анненков И. В. 403
 Анненков П. В. 217, 236, 253, 280, 294, 303, 315, 356, 357, 364, 369, 371, 375, 377, 380, 391—394, 400—408, 413, 414, 420, 427, 433, 436, 438, 440, 441, 450, 454, 459, 460, 461, 464—466, 470—472, 478, 525, 528
 Анненков Ф. В. 403
 Анненкова Г. А. 433, 478
 Анохина Т. Г. 223—225
 Анский Ф. И. 415
 Антокольская Е. Ю. 399
 Антокольский М. М. 393—399, 436
 Антонова Г. Н. 228—234
 Антонович М. А. 277, 278, 502
 Антропов Л. Н. 304, 305, 391, 392, 401, 402
 Анштетт М. 478
 Апраксин В. В. 500 («Евпраксии»), 502
 Апрелева-Бларамберг Е. И. (псевдоним—Ардов Е.) см. Бларамберг Е. И.
 Апухтина Е. П. 346
 Арапетов И. П. 381, 414, 437, 478
 Арапова А. П. 400
 Армснжон (Arminjon) Ж.-В. 308
 Арнольди Л. 357
 Арсеньев А. Н. 227, 478
 Афанасьев А. 336
 Афонин Л. Н. 311, 329—332
 Ахматова Е. Н. 478
 Ашвский С. 276
 Ашетт Л.-Ф. 441, 478, 513
 Б. см. Скальковский К. А.
 Баженев Н. М. 268
 Базанов В. Г. 263
 Базунов А. Ф. 478
 Байрон Д.-Г. 268
 Бакарев В. А. 348
 Бакст В. И. 478
 Бакунин М. А. 336, 375, 466, 478
 Бакунина Т. А. 478

- Балашов З. Ф. 478, 503 («Захар»), 505
 Балашов Н. И. 239
 Балтрушайтис Ю. 328
 Балухатый С. Д. 208
 Бальзак О. 517
 Банг (Bang) Г. 320, 321, 326
 Баратынская А. Д. 306—308
 Баратынский Е. А. 357
 Барсков Я. Л. 291
 Барсуков Н. П. 269
 Баргенов П. И. 269, 270, 271, 274, 400
 Барыкова Т. Ф. 430
 Барятинский А. И. 497, 499
 Батайон (Bataillon) М. 238, 239, 243, 245
 Батта А. 507, 509
 Батц (Batz) К. В. 271
 Батюто А. И. 310, 316, 396
 Беер А. А. 478
 Беер Н. А. 478
 Безобразов Н. А. 383
 Белано 417
 Белнская М. В. 220, 468, 472, 478
 Белинский В. Г. 219, 231, 232, 276—280, 342, 356, 357, 466, 478
 Беллини В. 352
 Белозерский В. М. 364
 Белокопытова А. С. 489 («Анна Семеновна»), 490, 491
 Беляевский Ф. 478
 Бенкендорф А. Х. 400
 Бенжумеа (Benjumea) Н.-Д. 243—245
 Беранже П.-Ж. 517
 Берг Н. В. 334
 Бере Б.-Э. 287, 289, 478
 Березин И. Н. 333
 Бернадт Г. 316, 317
 Берс Т. А. 473, 492, 493, 498, 499, 501
 Бертенсон В. Б. 407
 Бессер 466, 478
 Бессонов П. А. 391, 392, 435
 Бестужев-Марлинский А. А. 246, 346
 Библиков Д. Г. 392
 Библиограф П. см. Васильев П. П.
 Бизе Ж. 275
 Бизюкин Ф. 362
 Бизли Э. 452, 453
 Бильбасов В. А. 267, 268, 271, 273, 275
 Бисмарк О. Э. 508, 510
 Битюгова И. А. 385—391
 Бичер Стоу Г. Е. 386
 Благосветлов Г. Е. 414
 Бларамберг Е. И. 314, 435, 478
 Блиох И. С. 457, 478
 Блок А. А. 218, 222
 Блюммер Л. П. 246
 Блудов Д. Н. 271, 272, 274
 Боборыкин П. Д. 391, 392, 478, 488, 530
 Богданов Б. В. 345—351
 Боголюбов А. П. 397, 398
 Бюград В. Э. 210, 502
 Боденштедт Ф. 478, 502
 Бодлер Ш. 319, 323
 Бойсен Х. 478
 Бойль Р. 221
 Болье С. 429
 Борисов И. П. 377—379, 381, 424—427, 473, 478, 481, 512
 Борисов П. И. («Петя») 478, 485, 487, 489, 491, 493, 494, 499, 501, 503, 504, 508, 509, 512
 Борисова Р. П. 491
 Борисова (рожд. Шенпина) Н. А. («жена») 493
 Бородин А. П. 337, 376
 Бородина Е. С. 337
 Боткин В. П. 231, 241, 242, 344, 358, 381, 421, 422, 467, 469, 470, 471, 478, 490, 491
 Бочкарев В. А. 275
 Браиловский С. Н. 363
 Брамс И. 275
 Брандес Г. 322, 324
 Брентано К. 222
 Бродский Н. Л. 273, 274, 291, 430
 Бронь Т. И. 239
 Брюллов К. П. 393
 Брюэр (мать Гастона Брюэра) 434, 478
 Брюэр (отец Гастона Брюэра) 478
 Брюэр Г. 434, 435, 447, 478, 485
 Брюэр Жанна 461, 478
 Брюэр Жорж 461, 478
 Брюэр (рожд. Тургенева) П. 432, 434, 435, 447, 454, 456, 461, 465, 478, 480, 485
 Буданова Н. Ф. 310—312
 Будберг А. Ф. 384
 Булгарин Ф. В. 358—361
 Буренин В. П. 304
 Бурже (Bourget) П. 513, 514
 Буслаев Ф. И. 358—360, 362, 363
 Буткевич С. М. 376, 430, 472, 478
 Бучневская Е. Д. 379
 Бюлоз Л. 478
 Бюлоз Ф. 478
 Бюлоз Ш. 478
 Бюрти Ф. 441
 Бялый Г. А. 249
 Ваксель С. К. 478
 Валера Х. (Valera J.) 244
 Валуев П. А. 383, 478
 Вальская Б. А. 235—238, 272
 Варпаховский И. П. 478
 Варшавский Л. Р. 394

- Василевский И. Ф. (псевдоним—
Буква) 313
Василенко М. Л. 464
Васильев П. П. (псевдоним—Би-
блиограф П.) 391
Васильчиков А. А. 271
Венгеров С. А. 246, 329, 331, 380,
390, 478
Вердер К. 478
Верди Дж. 287
Вережкин А. В. 478
Верещагин В. В. 393, 533
Веселовский Ю. А. 325
Виардо (в замужестве Шамро) К. 478
Виардо (Viardot) Л. 238, 239, 352,
353, 397, 478, 528
Виардо М. см. Дювернуа М.
Виардо Поль 429, 452, 478, 502
Виардо (Viardot, рожд. Гарсиа)
Полина 280, 281, 285—287, 300,
302, 326, 352, 356, 360, 394, 414,
424, 429, 450, 468, 478, 491, 500,
502, 508, 512, 513, 518, 528, 535
Вигель Ф. Ф. 483
Видерт А. Ф. 430, 470, 471, 478
Визард Л. Я. 234
Виллиам Г. 337, 338
Виноградов А. К. 252
Винникова И. А. 261—265
Владимирский М. 431, 478
Вогюэ Е.-М. де 513, 514
Волжский 208
Волкенштейн П. Г. 336
Волконская Е. С. см. Кочубей Е. С.
Вольтер 229, 297, 300, 350
Воронцов А. И. 439, 478
Воскобойников Н. Н. 488
Востоков А. Х. 334
Вревская Ю. П. 401, 432, 433, 478
Всеволожский И. А. 459, 478, 524
(«Иван Александрович»), 526, 527
Всеволожский Н. Н. 524, 527
Вьеган (Vieutemps) А. 507, 509
Вырубов Г. Н. 455
Вяземская С. Н. 365
Вяземский П. А. 335, 382, 402, 405
- Габель М. О. 301
Гаевский В. П. 419, 443, 444, 452,
453, 477, 478, 532
Гайдебуров П. А. 478, 519, 531, 532
Галаган Г. Я. 365, 667
Галаган Е. В. 365, 369
Гальдос П. 465, 478
Гальперин-Каминский И. Д. 341, 513
Гарнетт К. 213
Гаррисон Ф. 452, 478
Гарсиа (рожд. Сичес) Х. 478
Гартман (Hartmann) М. 285, 478
- Гартунг (рожд. Пушкина) М. А. 400
Гаршин В. М. 463, 478
Гаршин Е. М. 424
Гегель Г.-В.-Ф. 228
Гедеонов С. А. 275
Гейзе П. 283, 284, 478
Гельман В. С. 297
Гёнер 452, 478
Герард В. Н. 414
Гербель Н. В. 390
Гершензон М. О. 211, 421
Герцен А. А. 478
Герцен А. И. 228, 230, 261, 301,
336, 337, 365, 369, 374, 380,
471, 478
Герцен Н. А. 429, 478
Герцен О. А. 478
Герье В. И. 508, 509
Гете И.-В. 221
Гильерме Т. Л. 361
Гинцбург Г. О. 395, 442, 446, 451,
453—455, 478
Гинцбург И. Я. 394, 395, 399
Гинцбург М. Г. 436
Гирс Н. К. 531
Гиссинг Д. 453, 478
Гитри Л. 530, 531
Глазунов И. И. 223, 225, 519, 532
Глинка М. И. 288
Глинка Ф. Н. 297
Глускин М. С. 343
Глюмер К. 362
Гнедич Н. И. 487, 488
Гоголь Н. В. 281, 288, 337, 343,
354—360, 485
Голицын А. П. 250, 252—254, 256,
257
Голицын А. Ф. 385
Голицын Н. Б. 496, 498
Голованова Т. П. 228, 363—374, 411
Головастикова А. П. 392
Головачева Е. 446, 478
Головнин А. В. 307, 439, 441,
478
Голубцов В. В. 346
Гольденвэйзер М. 317
Гомер 488, 502, 508
Гонкур Э. де 445, 449, 478
Гончаров И. А. 357, 416, 478
Гончарова Н. И. 407, 415
Горохова Р. М. 250—261
Горький А. М. 317
Гофман (Hoffmann) К. 323, 324
Гофман М. Л. 407, 410, 413
Гранжар (Granjard) А. 238, 242,
243
Грановский Т. Н. 278
Гребенщиков (Grebenschikov) В.
292, 293

Греч Н. И. 343, 360, 361
Григорович Д. В. 337, 357, 368,
371, 422, 534, 536
Григорьев А. А. 228—234, 478, 481,
483, 486, 487, 488
Громов В. А. 303—305, 313—318,
354—363
Грот А. Н. см. Мухортова А. Н.
Грот А. Ф. 433, 478
Гротгус, барон 402, 404
Грузинский А. Е. 422
Губернатис С. П. де 478
Гуно Ш. 275, 464
Гуревич С. Е. 464
Гусев Н. Н. 421, 422
Гутьяр Н. М. 330—332, 346
Гуцков К. 280

Давыдов В. Н. 531
Дакен Ж. 242
Даль В. И. 333, 336—338, 509, 512
Данилевский Г. П. 274, 275
Данилевский Р. Ю. 280—289
Дантю Э. 441, 478
Двинянинов Б. Н. 329
Де Биндер 430
Деблуа 268
Делаво А.-И. 213, 478
Дельвиг А. А. 405
Дельвиги 425
Деннери А. 522
Де-Пуле М. Ф. 246, 247
Державин К. Н. 239
Десницкий В. А. 239, 240
Дехтерев В. Г. 478
Дидро Д. 220
Дижон (Digeon) К. 514
Дизраэли Б. 242
Диккенс Ч. 215, 281, 283, 483,
508, 509
Димитрий Ростовский 295, 301, 302
Дмитриев Е. Д. 312
Дмитриев-Оренбургский Н. Д. 398
Дмитриева П. П. 377
Добровольский В. Н. 333
Добровольский Л. Л. 236
Добрлюбов Н. А. 244, 245, 249,
276—278, 502
Долгоруков (Долгорукий) В. А.
383—385
Доде А. 445, 449, 478, 516, 517
Долинин А. С. 272
Дом Э. 478
Дондуков-Корсаков А. М. 364, 478
Донцетти Г. 352
Достоевский Ф. М. 244, 246, 262,
272—275, 280, 295, 377, 473,
478, 483, 512, 514

Достоевский М. М. 246
Драгоманов М. П. 437, 478
Дракман (Drachman) X. 320
Драшусов А. Н. 478
Дрейлинг К. И. 503, 505, 506
Дризен Н. В. 528, 531
Дробленкова Н. Ф. 289—302
Дружинин А. В. 216, 226, 227,
422, 478
Дубельт Л. В. 400
Дубельт М. Л. 400
Дубельт Н. А. см. Меренберг Н. А.
Дубовиков А. Н. 5—111
Дудышкин С. С. 478, 503, 505
Думнов В. В. 444, 447, 448, 453,
478, 479
Думнов С. Д. 444, 479
Дьяков Д. А. 492, 493, 499, 500,
506, 508, 509
Дьякова Д. А. 498, 499, 506, 508, 509
Дьяченко В. А. 529
Дювернуа В.-А. 265, 266
Дювернуа М. 314, 429
Дюкан М. 439, 479
Дюма А. (отец) 359
Дюран Э. 464, 479

Евгеньев-Максимов В. Е. 210
Екатерина II 266—268, 270, 271
Ермолинская В. 394
Ермолинский Н. Н. 268
Ермолов А. П. 494, 495
Ефремов А. П. 408, 415, 466, 479
Ешевская (рожд. Вагнер) Ю. П. 375
Ешевский С. В. 374—377

Жанна д'Арк 289, 295—301
Жемчужников 369
Жемчужниковы 364
Жирарден де 213
Житова В. Н. 348, 430
Жуковский В. А. 218, 296, 297,
300, 355, 502

Заборова Р. Б. 390, 512
Загоскин М. Н. 246, 295
Заичневский П. Г. 311, 312
Зальцман 365
Замятин Д. Н. 385
Зарудный С. И. 355
Захер-Мазох (Sacher-Masoch) Л. 271
Зацепина Н. С. 330
Звигильский (Zviguilsky) А. Я.
238—245, 465
Здекауер Н. Ф. 368
Зеге-фон-Ляутенберг (Ляутенберг)
В. В. 330
Зееген И. 479
Зеленин Л. 338

- Зенькович Л. И. 276
 Зернов Н. 297
 Зильберман Я. И. 399
 Зильберштейн И. С. 429, 430
 Золотницкий И. П. 479
 Золя Э. 275, 328, 442, 445, 449, 450, 479, 514
 Зотов В. Р. 337
 Зубова М. Н. 479
- Ибсен Г. 529
 Иван IV 346
 Ива́ницкий Н. И. 354
 Иванов В. 250
 Иванов М. 394, 479
 Иванова Л. Ф. 520, («Ваша девочка») 528, («Любочка») 530
 Иванова С. А. 244, 330
 Ивановская П. С. 311
 Игнатъев П. Н. 479
 Измайлов Н. В. 4, 360, 399—416
 Имрек (псевдоним Аксакова К. С.) 229
 Имярек 398
 Иннис М. 479
 Иоанн Алексеевич, царь 346
 Иоанн (Иван) Антонович (Иоанн VI, имп.) 266—269, 271—274
 Иогансен А. Ф. 436, 479
 Ионас (Jonas) Г. 280—285
 Исаев Г. 330
 Исаков Я. А. 402
 Исеев П. Ф. 397
 Искандер см. Герцен А. И.
- Йеллеруп (Gjellerup) К. 320, 321
 Йенсен (Jensen) А. 325, 326
 Йоргенсен (Jørgensen) И. 323
- Кавелин К. Д. 276—278, 307, 318, 381, 416, 473, 479
 Кавелина Е. П. 525
 Кальвинг (Calving) Г. 322
 Кальдерон де ла Барка П. 239
 Каразин Н. Н. 430
 Каразина М. В. 430, 431
 Карамзин Н. М. 360, 394
 Каратеев В. 225—227
 Карл XII 325
 Карлейль Т. 479
 Карпов Н. Д. («Николай», «мягкий») 490—492, 504, 505
 Карпова В. 439
 Карпова Е. 479
 Карташевская В. Я. 364, 373
 Карташевская М. Г. 371
 Катарский И. М. 245
 Катков М. Н. 253, 254, 303, 304, 315, 330, 401, 402, 449, 479, 481, 482, 484, 487, 488, 504, 506—508, 512
- Квитка-Основьяненко Г. Ф. 268—270, 274
 Квятковский А. А. 330
 Кеппен П. И. 334
 Керр (Kerr) А. 324
 Кидде (Kidde) Г. 323
 Кийко Е. И. 113, 252, 253, 262
 Киреевский И. В. 221, 228, 229
 Кирпичев В. Л. 250
 Кетчер Н. Х. 479, 481
 Кистер К. К. 526 («Барон»), 527
 Кишинский Н. А. 293, 479, 512
 Клеман М. К. 252, 266
 Ключевский В. О. 339
 Ключников В. П. 263
 Клячко С. Л. 446, 447
 Книппер О. Л. 208
 Ковалев В. А. 356
 Ковалевский Евг. П. 236
 Ковалевский Евг. П. 235—237, 271, 272, 274
 Ковалевский М. М. 447, 479
 Кожанчиков Д. Е. 479
 Козьмин Б. П. 311
 Кок Ш.-П. де 359, 360
 Коклен Б.-К. 417
 Кокорев В. А. 507, 508
 Кокорев И. Т. 336
 Колбасин Д. Я. 479
 Колбасин Е. Я. 422, 472, 479
 Колкхун (Colquhoun) Д. 215
 Коллиз У. 483
 Колмаков Н. М. 354
 Комаров В. В. 415
 Комманвиль К. 442, 443—445, 479
 Кони А. Ф. 417, 518, 520, 529, 534—536.
- Короленко В. Г. 362
 Корсаков А. П. 418
 Корф М. А. 402
 Корш В. Ф. 457, 479
 Костомаров Н. И. 364, 394
 Котляревский Н. А. 536
 Когонья А. 530, 531
 Кочубей Ал. В. 365, 366
 Кочубей Ар. В. 365, 366
 Кочубей В. А. 370
 Кочубей В. В. 365
 Кочубей В. Л. 365
 Кочубей В. П. 268
 Кочубей Д. В. 365, 366, 367
 Кочубей (рожд. Волконская) Е. С. 365, 370, 371, 372
 Кочубей Л. В. 365
 Кочубей Н. А. 365, 370, 371, 372
 Кочубей П. А. 363—370, 372—374
 Краевский А. А. 5, 6, 264, 479, 505

- Краинский М. Е. 417, 419
 Грамской И. Н. 416
 Крапивина С. М. см. Лобода С. М.
 Крестова Л. В. 301, 348
 Крестовский В. В. 263
 Кривенко С. Н. 311, 477, 479
 Криммер Р. А. 446, 479
 Кронберг А. И. 219, 220
 Кропоткин П. А. 244, 310, 393, 396, 399
 Крузе Н. Ф. 479
 Крутикова Н. Е. 374
 Крылов И. А. 512
 Кузминская (рожд. Берс) Т. А. 423, 499, 502, 504, 505
 Кузьменков А. С. 249
 Кузьмина Е. И. 519, 528
 Кузьмина Л. И. 384—385, 393—399, 532—533
 Куликовский Г. 333
 Кулиш П. А. 364, 368, 374
 Куперник Л. А. 418
 Кутлер 496, 511
 Кушелев Г. А. 479
 Кушелева-Везбородко В. А. 365
 Куэто Л. А. де 244

 Лаврентьева С. И. 534, 535, 536
 Лавров М. В. 312
 Лавров П. Л. 310, 311, 316, 317, 396, 479
 Лаврова Е. И. 348
 Ладыженская В. В. 451, 477, 479
 Ладыженская Е. А. 479
 Ладыженский П. А. 485
 Лазаревский В. М. 217
 Лазаревский И. М. 493
 Лазурский В. Ф. 249
 Ламберт Е. Е. 374, 426
 Ланге (Lange) Т. 319
 Ланген Я. 341
 Ланда С. С. 382
 Ланская Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Лаур Э. 386
 Лафон Ш. 268
 Лебедев В. А. 363
 Левертин (Levertin) О. 328
 Левин Ю. Д. 244—250, 291
 Левинзон А. 448, 479
 Левитов А. И. 334
 Левицкий О. 334
 Левшин В. 339
 Лемуан Г. 522
 Ленский А. П. 528
 Леонтьев К. Н. 479
 Лермонтов М. Ю. 337, 365, 485
 Лернер Н. О. 383
 Лесков Н. С. 244, 245, 263, 334
 Лжедмитрий 345

 Линдау Р. 440, 441, 479
 Липгарт Э. К. 513
 Липовский А. 239
 Лифарь С. М. 407, 409, 410, 413, 415, 430
 Лихачев В. И. 463, 479
 Лобанов Д. И. 362
 Лобанов К. 503
 Лобанов Л. И. 479
 Лобановы 293, 430
 Лобач-Жученко Б. Б. 374—377
 Лобода (Крапивина) С. М. 444, 479
 Локк Д. 219, 220, 222
 Ломоносов М. В. 350
 Лопатин Г. А. 310, 379
 Лорис-Меликов М. Т. 451, 479
 Лотман Л. М. 147—207
 Луканина А. Н. 399, 437, 441, 447, 453, 454, 479
 Лукашевич Н. А. 526, 527
 Лурье С. С. 268
 Лутовинов А. И. 348—350
 Лутовинов И. А. 348
 Лутовинов И. И. 347—351
 Лутовинов М. (Трофим) 347, 348
 Лутовинов М. Т. 348
 Лутовинов П. И. 348, 349, 351
 Лутовинова В. П. см. Тургенева В. П.
 Лутовинова (рожд. Лавреция) М. И. 348
 Лыков Б. 343
 Львов 401, 402
 Львова Е. В. 431, 479
 Львова Е. Н. 302
 Львова Н. 438, 479
 Львовы 479

 М. 356
 М. см. Маркевич Б. М.
 М. А. см. Алексеев М. П.
 Мабли (Mably) Г.-Б. 350
 Мадинг И. Р. 532
 Мазон (Mazon) А. 112, 298, 300, 411
 Майков Л. Н. 358
 Макаров А. Я. 372
 Макаров В. В. 343
 Макаров Н. Я. 364, 366, 368—370, 372—374, 374, 479
 Маликов А. К. 311
 Малиновская Ю. И. 435, 479
 Маляревская М. О. 479
 Маляревский П. К. 434, 479
 Мамонтов С. И. 397
 Мамонтова Е. Г. 399
 Мария Николаевна, вел. кн. 479
 Маркевич А. Н. 364, 367, 372, 373
 Маркевич Б. М. 303, 304, 315, 334, 401, 402, 449, 479
 Маркевич Н. А. 364, 367, 372

- Марков Е. Л. 275
 Марко Вовчок см. Маркович М. А.
 Маркович М. А. 364, 368, 369, 373—377, 479
 Марлинский А. см. Бестужев-Марлинский А. А.
 Мармье К. 430
 Мартель (Martel) А. 341
 Мартингейл (Martingale) псевдоним Д. Уайта 214, 215
 Мартынов И. 314
 Маелов И. И. 426, 434, 446, 479
 Маслов Ф. И. 316
 Матэ В. В. 532, 533
 Мейер 479
 Мёллер (Møller) Н. 322
 Мёллер (Møller) Ф. В. 319
 Мельников-Печерский П. И. 333, 337, 338, 391, 392
 Мендельсон Бартольди Ф. 469
 Менендес Пидаль (Menendez Pidal) Р. 239
 Меренберг (рожд. Пушкина, в первом браке Дубельт) Н. А. 400—404, 406—409, 414, 415, 435, 441, 479
 Мериме (Mérimée) П. 212, 214, 241, 242, 252, 253, 257, 258, 479
 Меркатор 343
 Метр (Maitre) Р. 242
 Мещерская С. И. 360, 468, 470, 479
 Мещерский А. А. 431
 Мещерский В. П. 361
 Микешин М. О. 444
 Миклджон (Meiklejohn) Ш. Д. 213
 Миллер С. А. 479
 Миллер Ф. Б. 391, 392
 Миллер-Будницкая Р. З. 222
 Милнс Р.-М. 242
 Милошевич Н. С. 246
 Мильде Ф. 286
 Милютин Н. А. 307, 381—384
 Милютин М. А. 381, 384, 397, 437, 479
 Минор Л. С. 465, 479
 Михаил Федорович, царь 347
 Михайлов В. М. 459, 479
 Михайлов М. Л. 336
 Михайловский Н. К. 248 (Посторонний), 249, 275, 302, 31
 Михалевич В. Ф. 417
 Могиланский А. П. 112—146
 Модзалевский Б. Л. 268, 401—405, 415, 416
 Модзалевский К. Н. 286
 Монго (Mongault) А. 214
 Монтескье Ш.—Л. 350
 Монье А. 516, 517
 Мопассан Ги де 321, 449, 450, 479
 Мор Т. 350
 Мордвинов Н. С. 382
 Мордвинова Е. 456, 479
 Морозов Н. А. 330
 Морозов П. О. 415
 Москвин И. М. 332
 Мостовская Н. Н. 4, 391—393, 534—536
 Мотовилов А. 338
 Моцарт В.-А. 464
 Муравьев А. Н. 295
 Муравьев М. Н. 383
 Муратов А. Б. 261, 513—518
 Мусин-Пушкин М. Н. 359
 Муслин Е. 250
 Мухортов З. Н. 479
 Мухоргова (Грот) А. Н. 437, 446, 463, 478, 479
 Мюллер 479
 Мюссе А. де 529, 530
 Н. Ш. 246
 Н-ский Б. см. Николаевский Б. И.
 Набоков П. 477, 479
 Навроцкий А. А. 446, 447, 479
 Назарова Л. Н. 356
 Налбандян М. Л. 386
 Нансен (Nansen) П. 321, 322, 326
 Наполеон I Бонапарт 325
 Нарезный В. Т. 359
 Нарышкин А. И. 493, 495
 Нассауская, принцесса см. Меренберг Н. А.
 Нассауский Н., принц 400
 Нахимов П. С. 235
 Невахович А. Л. 352, 353
 Неведомский М. 208
 Неверов Я. М. 356
 Нездведский А. В. 456
 Некрасов Н. А. 200, 230, 231, 235, 236, 420, 421, 466, 467, 472, 479, 502, 522
 Нелидова Л. Ф. 314
 Нелидова О. Д. 479
 Немирович-Данченко Вл. И. 208
 Несветов С. В. 418
 Неупокоева И. Г. 374
 Никитенко А. В. 357, 360
 Никитина А. И. 329
 Никитина Н. С. 306
 Николай I 405
 Николаевский Б. И. 249
 Никольский Ю. А. 249
 Никонорова Т. А. 276—280, 333—339
 Нимрод, псевдоним Эпперли Чарльза 213, 214
 Ничипоренко А. И. 386
 Новиков Н. И. 417

- Новосильцев И. П. 492, 493
Новосильцев И. П. 490, 493
Новосильцевы 489
- Оболепская-Толстая Е. В. 425
Оболенский Д. А. 479
Обрен (Aubrun) Ш. В. 238, 242
Овербек 361
Огарев Д. И. 418
Огарев Н. П. 479
Одоевский В. Ф. 386
Одынец К.-С. 457, 479
Ожье Э. 388
Оловенникова Е. Н. 312, 379
Оловенникова М. Н. 312
Оловенникова Н. Н. 312
Онегин (Отто) А. Ф. 479
Орлов А. С. 335
Орлов А. Ф. 361
Орлов М. Ф. 382
Орлов Н. А. 438, 479
Орлов-Давыдов В. П. 306
Орнатская Т. И. 380—384
Осипович-Новодворский А. О. 278
Оскнер А. 448, 479
Основский Н. А. 370, 479
Островская Н. А. 311, 314
Островский А. Н. 231, 288, 336,
417, 479, 485, 486, 522
Островский М. Н. 479
- Пави 216
Павлов И. В. 479
Павлова К. К. 308
Павловский И. Я. 430, 442
Палимпсестов И. Ю. 488
Палмерстон Г.-Д. 241
Пальерон Э. 524
Панаев В. А. 432, 479
Панаев И. И. 210—212, 215, 217,
218, 247, 421, 466, 471, 479
Панаева А. Я. 432, 479
Панин В. Н. 383
Паннемакер Э. 532
Пассек А. В. 376, 377
Пассек Т. П. 534, 536
Пеликан Е. В. 368
Пелльниц Л. 479
Переселенков С. А. 405
Перетц В. Н. 297
Перрен М. 431, 479
Петерсен Э. Ф. 437
Петр I 345, 346
Пешкова А. Н. (псевдоним Толи-
верова) — см. Толиверова-Пеш-
кова А. Н.
Пиксанов Н. К. 311, 315
Пинский Л. Е. 239
Писарев Д. И. 248, 262, 276—278
- Писемский А. Ф. 262—265, 364,
369, 391, 417, 479, 505
Пискун Б. А. 329
Пич (Pietsch) Л. 265, 280, 281,
285, 289, 448, 453, 479
Плетнев П. А. 270, 302
Плетнева А. В. 437, 479
Плещев А. Н. 479, 529
Плошю Э. 479
Погодин М. П. 231, 233, 268, 269,
359, 402, 504, 505
Погожев В. П. 527
Покатило А. М. 440, 479
Полевой Б. Н. 403
Полевой Н. А. 341, 481, 483
Полевой П. Н. 210, 345, 385,
390
Половская (рожд. Рюльман) Ж. А.
416, 455, 459, 460, 462, 463,
479, 522, 524, 525, 528
Половская Н. Я. 461, 479
Половский Л. А. 285, 463, 479
Половский Я. П. 264, 298—300,
302, 313, 375, 417, 451, 455,
457, 459—461, 479, 522, 523,
525, 528
Полосин И. И. 340
Полторацкая 479
Полторацкая Э. С. 434, 479
Поль (Pohl) Р. 286, 287
Поляков С. С. 457, 479
Помяловский Н. Г. 262
Понятовский А. И. 293, 352—354
Португалов М. В. 354
Потехин А. А. («Алексей Антипо-
вич») 371, 522, 526, 527
Потехин Н. А. 527
Преображенский А. Г. 340
Пузин Н. П. 419—428, 491
Пумпянский Л. В. 514
Путинцев А. 338
Пушкин А. А. 414, 415
Пушкин А. С. 268, 276, 278—281,
302, 343, 345, 357, 358, 381,
382, 399—416, 502
Пушкин Г. А. 405, 414
Пушкин Л. С. 405
Пушкина (рожд. Гончарова) Н. Н.
399—416
Пыпин А. Н. 277, 278, 297, 399,
408, 455
Пятковский А. П. 414
- Рабле Ф. 350
Рагозин Е. И. 453, 479
Раден Э. Ф. 437, 479
Радищев А. Н. 335, 350
Раевский М. Ф. 429
Разин С. Т. 346

- Райс 438, 439, 479
 Ракович Г. А. 364
 Ракович Л. 367
 Рашет Н. Н. 479
 Реизов Б. Г. 517
 Рейбо Л. 213
 Рейтер Ф. 280
 Репин И. Е. 398
 Решетников Ф. М. 262, 303
 Ринтелен К. 403, 404
 Риттер Ш. 514
 Риус (Rius) Л. 243
 Рихтер И.-П. (псевдоним Жан Поль) 281, 283
 Рихтер К. 455, 479
 Рихтер Э. 213
 Робинсон А. Н. 295
 Ровинский Д. 295, 298
 Роде (Rode) У. 322
 Розенкранц И. Л. 239
 Розенштейн (Кулешов) А. М. 438
 Рольстон В. 210, 390, 430, 458, 464, 479
 Россини Д. 352
 Ростовская М. Ф. 480
 Ростовцев Н. Я. 471, 480
 Рубинштейн А. Г. 508, 510
 Руге А. 480
 Руммель В. В. 346
 Русанов Н. С. 312
 Русланов Н. 261
 Русов А. А. 480
 Руссо Ж.-Ж. 350, 385
 Рында И. Ф. 380
- Сабуров А. А. 452, 480
 Савин А. Н. 219
 Савина М. Г. 223, 332, 451, 460, 480, 518—532
 Садовников Д. Н. 393
 Садовский П. М. 496, 499
 Саккар 397
 Салаев Н. И. 480, 483, 491, 505
 Салаев Ф. И. 317, 431, 432, 434, 435, 444, 480, 483, 491, 505
 Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина; псевдоним Евгения Тур) Е. В. 467—469, 480
 Салтыков-Щедрин М. Е. 336, 337, 376, 480
 Самарин Ю. Ф. 307, 381
 Санд Ж. 358, 429, 480, 517
 Санин В. 247
 Сартиз (Surtees) Р. 215
 Саундерсон Н. 219—221
 Сверчков 501
 Светлов С. Ф. 526, 527
 Свифт Д. 220, 221
 Сеймур 215
- Семеновский М. И. 271
 Семенов П. П. 381
 Сервантес М. 238—241, 243, 245, 250, 324
 Сергеева Е. Д. 330
 Сердечный М. А. 480
 Серебряков И. Н. 480
 Серебряков П. М. 480
 Серно-Соловьевич Н. А. 472, 480
 Сетов (псевдоним Сетгофера) И. Я. 526, 527
 Сетова Ж. И. 528
 Сильвестр А. 275
 Симон А. А. 486
 Симон Ж. 480
 Симонов Л. Н. 454, 470
 Скайлер Ю. 386
 Скальковский К. А. 531
 Скафтымов А. П. 208
 Славич (сценич. псевдоним Савин) Н. Н. 523
 Слепцов В. А. 262
 Случевский К. К. 388
 Смирнов П. С. 291
 Смирнова О. Н. 361
 Смирнова-Россет А. О. 358—361
 Соболев Н. Н. 523
 Соболева (сценич. псевдоним Стремлянова) Е. Г. 523, 528
 Соболевский С. А. 405
 Сокальский П. П. 275
 Соколов П. П. 222
 Солдатенков К. Т. 480, 481
 Соллогуб В. А. 298, 401, 402, 431, 480
 Соловьев А. В. 342
 Соловьев Н. И. 276, 277
 Соловьев Н. Я. 522
 Соль-Руссель 268
 Сотби (Sotheby) В. 268
 Спасович В. Д. 278
 Спасская В. 324
 Срезневский В. И. 366, 367, 408
 Срезневский И. И. 334, 339
 Сталь А.-Л.-Ж. де 219
 Станкевич А. В. 480
 Станкевич Н. В. 480
 Старицкий П. М. 417
 Стасов В. В. 393—396, 398, 399, 452, 532, 533
 Стасова Н. В. 534
 Стасюлевич М. М. 275, 313—315, 329, 330, 385, 386, 390, 391, 399, 400, 403—409, 411, 414, 416, 431—433, 435, 436, 438, 441—445, 447, 449, 451—453, 455, 458, 460, 463, 465, 480
 Стахович М. А. 332
 Степанова Г. В. 518—523
 Степняк-Кравчинский С. М. 329

- Стерн Л. 516, 517
 Стефанович В. Н. 305—310
 Стечькина Л. Н. 461, 462, 480
 Стечькина Л. Я. 440, 443, 446, 450, 454, 461, 462, 480
 Столыпина Е. А. 365
 Столярова И. В. 244, 245
 Стороженко Н. И. 455, 457
 Страдецкий И. И. 367, 369—371
 Страхов Н. Н. 229, 232, 276, 277, 280, 483, 488
 Стрельцова Е. 297
 Стремлянова Е. Г. см. Соболева Е. Г.
 Стриндберг А. 326, 327
 Стуккенберг (Stuckenberг) В. 323
 Субботины 379
 Суворин А. С. 210, 388, 390
 Суворов А. В. 284
 Сувестр Э. 216
 Сумароков П. П. 216
 Сумцов Н. Ф. 396
 Суслова А. П. 377
 Сухово-Кобылин А. В. 499
 Сухомлинов М. И. 361
 Сухотин А. М. 457, 480, 489, 493, 495
 Сухотин С. М. 481, 483
 Сухотина М. А. 508
 Сю Э. 359
- Таганцев Н. С. 463
 Танеев С. И. 316, 317
 Тарачков А. С. 379
 Тагитцев С. 342
 Теккерей У. 281
 Теплинский М. В. 249
 Тетеревникова Н. Н. 238—245
 Тиандер К. 319
 Тик Л. 222, 283
 Тимирязев А. А. 482, 483, 511, 512
 Тихомиров Л. А. 311, 330
 Тихонравов Н. С. 278, 452, 480
 Ткачев П. Н. 310, 402
 Толиверова-Пешкова А. Н. 376, 377, 534
 Толкачев 511
 Толь Ф. 337
 Толстая М. Н. («Марья Николаевна») 332, 421—426, 480, 486, 488, 489, 491, 498, 500, 509
 Толстая (рожд. Берс) С. А. 396, 473, 490 («жена»), 495
 Толстой А. К. 361, 468, 480
 Толстой В. П. 423, 486, 488
 Толстой И. Л. 428
 Толстой Л. Н. 249, 262, 285, 288, 297, 336, 380, 420—428, 464, 465, 473, 480, 481, 483—487, 489—496, 502, 506, 508, 509, 512, 514
- Толстой Н. Н. 419—428, 485, 486, 502, 513
 Толстой С. Н. 424, 426, 499
 Толчников А. П. 357
 Тома А. 275
 Томашевский Б. В. 331
 Топоров А. В. 433, 434, 436, 443, 445—447, 450, 452, 456—464, 480, 518—532
 Топорова А. И. («Анна Ивановна») 522—524, 527—530
 Торби (рожд. Меренберг) С. 407
 Третьяковский В. К. 335
 Третьяков С. М. 527
 Троицкий 422
 Трофимов И. Т. 223—225, 305
 Трубецкая А. А. 480
 Трубецкой Н. И. 234, 480
 Труммал А. Ю. 518
 Трунов М. П. 330
 Тургеньев А. Н. («Альбер»), 381, 432, 439, 441, 445, 465, 474—476, 480
 Тургеньев А. Р. 346
 Тургеньев В. Ф. 346
 Тургеньев Д. 346
 Тургеньев Л. 345, 346
 Тургеньев М. А. 480
 Тургеньев Н. А. 346, 347
 Тургеньев Н. И. 347, 381, 382, 384, 429, 473, 480
 Тургеньев Н. Н. 227, 347, 480, 490 («дядя»), 491, 493, 511, 512
 Тургеньев Н. С. 227, 347, 434, 436, 480
 Тургеньев Петр 345, 346
 Тургеньев П. Н. 460, 480
 Тургеньев Р. 346
 Тургеньев Т. 346
 Тургеньев Ф. 346
 Тургеньев Я. 345
 Тургенева А. Я. 480
 Тургенева В. П. 347, 480
 Тургенева Е. С. 493
 Тургенева К. 383, 432, 437, 445, 446, 460, 473—477, 480
 Тургенева Ф. Н. 381—383, 432, 435, 437, 439, 441, 445, 446, 460, 465, 473—477, 480
 Турнер М. 480
 Тэн И. 513—518
 Тютчев Н. Н. 381, 467, 480
 Тютчев С. Н. 462, 480
 Тютчев Ф. И. 386, 480, 483, 509
 Тютчева А. П. 480
 Тютчева (в замужестве Аксакова) А. Ф. 480, 504, 505
- Уайт (White) Дж. 214, 215
 Урусов А. И. 454, 480, 513

- Усов П. С. 361, 392
 Успенский Г. И. 280, 480
 Утевский Л. С. 525
 Утин Н. 488
- Фалло («L. J. Fallot», «J. E. Tal-
 lon») Д. 267
 Федоров П. С. 520, 526, 527
 Федотова Г. Н. 527, 528
 Фейлберг (Feilberg) Л. 322, 323
 Фельдштейн Р. М. 451, 454—457, 480
 Феоктистов Е. М. 358, 467—470, 480
 Ферри Ж. 216
 Фет (Шеншин) А. А. 231, 421,
 424—428, 480—493, 496, 497,
 499—502, 504—506, 508—513
 Фет (рожд. Боткина) М. П. («Марья
 Петровна») 486, 504, 505
 Фехнер В. 222
 Фигнер В. Н. 312
 Фидлер Ф. Ф. 534, 535
 Филарет 347
 Филдинг Г. 219, 220
 Философова А. П. 480, 534
 Финк А. 506
 Флакман Д. 487, 488
 Флобер Г. 294, 436—439, 442—445,
 450, 480, 513, 516—518
 Фомин А. Г. 246
 Фонвизин Д. И. 417
 Фонякова Н. Н. 416—419
 Франклин Дж. 482, 483
 Фрейтаг Г. 280
 Фридендер (Friedländer) Л. 285,
 443, 480
 Фризен Г. фон 480
 Фукс В. Я. 480
- Хавский П. В. 358, 360
 Ханссон (Hansson) О. 328
 Ханыков Н. В. 375, 381, 441, 480
 Ханыков Я. Н. 441
 Харламов А. А. 398
 Хейдентстам (Heidenstam) В. фон 328
 Хейлбут (Heilbuth) И. 319
 Херасков М. М. 350, 388
 Хижняков И. М. 417
 Хмелевская Е. М. 374
 Хмелевская Н. А. 478—480, 481—
 513
 Хмыров М. Д. 387, 388
 Хогарт В. 221
 Ходнев И. 495
 Холт (Holt) Г. 458, 480
 Хомяков А. С. 213, 216, 221, 222,
 228, 229, 307
 Хоуэллс В. 480
- Цакни Н. П. 463
 Цыцурин Ф. С. 447, 480
- Чайковский П. И. 480
 Челышева О. П. 370
 Черкасская Е. А. 306, 307, 480
 Черкасский В. А. 381
 Чернов Н. М. 225—227, 377—379,
 483, 491, 505
 Чернопяттов В. И. 226, 227
 Чернышев В. И. 335
 Чернышевский Н. Г. 230, 262, 276—
 279, 362, 366, 371, 376, 377,
 379, 421
 Черных П. П. 343
 Чехов А. П. 208
 Чивилев Б. А. 436, 464, 480
 Чичерин Б. Н. 386
 Чорил Г.-Ф. 480
 Чудинов А. Н. 379
- Шаль (Chasles) Э. 239
 Шарпантье Жерве 441, 480
 Шаррьер Э. 212, 213, 341
 Шарышкин Д. М. 318—329
 Шатилов И. Н. 480
 Шаховский И. Л. 423
 Швирц (Schwartz) Г. 285—289
 Шебуни А. Н. 382
 Шевченко Т. Г. 364, 368, 370, 372
 Шевырев С. П. 228
 Шейн П. В. 452
 Шекспир В. 148, 238, 324, 505, 528
 Шелгунов Н. В. 245, 275—277
 Шелгунова Л. П. 277
 Шенрок В. И. 361
 Шеншин А. Н. («Александр Ники-
 тич») 482, 483, 494, 496, 498,
 500
 Шеншин В. А. 496
 Шеншин Н. Н. («Николай Ники-
 тич») 379, 482, 483, 490—492,
 496, 499, 503, 505, 506, 508
 Шеншина А. С. 503, 505
 Шеншина Е. Д. 379
 Шеншина Л. А. 483
 Шеншина М. В. («Марьяна Вла-
 димировна») 504, 505
 Шеншина М. Н. («Мария Нико-
 лаевна») 492, 493
 Шереметев А. В. 503, 504, 510—512
 Шиллер Ф. 297, 300, 382
 Ширяев Г. 330
 Ширяев С. 330
 Шишков А. С. 382
 Шкирмант Ф. Л. 288
 Шляпки И. А. 297
 Шмидт Э. 480
 Шмидт (Schmidt) Ю. 280—285
 Шнейдерман И. 526, 527
 Шоу-Лефевр Д.-Д. 242
 Шпилльгаген Ф. 280

- Шталь А. П. 529
 Штейн К. фон 382
 Штеллер П. 528
 Шторм Т. 480
 Шуберт Ф. 464
 Шубинский С. Н. 274
 Шувалова С. Н. 408
 Шуйский В. И. 347
 Шульгин И. П. 354, 355
 Шульце (Schultze) X. 266, 286
 Шумахер П. В. 435
 Шумский С. В. 480
- Щеглова 418
 Щепкин А. М. 458, 480
 Щепкин М. А. 351
 Щепкин М. С. 356, 359, 360, 466, 480
 Щепкин Н. А. 431, 434—436, 440, 442, 455, 458—462, 480
 Щепкина-Куперник Т. Л. 418
 Щербань Н. В. 377, 381, 480
- Эбрар Ад. 448, 480
 Эбрар Ал. 480
 Эган (Egan) П. 215
 Эдуэн Э. 480
 Эдмон Ш. (псевдоним К.-Э. Хоэц-кого) 448
 Эйхенбаум Б. М. 228, 298, 420
 Экелунд (Ekelund) В. 328
 Эккердт (Eckardt) И. 285
 Эккерт К. 265, 266, 275, 286
 Элиот Дж. 514
 Эллидин М. К. 402
 Энгельгардт А. Н. 368
 Энгельгардт С. В. 480, 509
 Эпперли (Apperley) Ч. 213—215
 Эршт-Виардо Луиза 480
 Этцель Ж. 252, 257, 258, 440, 441, 447, 480
- Южин (Сумбатов) А. И. 332
 Юзефович Я. В. 292
 Юрьев С. А. 447
- Яблочков П. Н. 453, 480
 Яблочкова М. И. 453, 480
 Языков М. А. 503, 505
 Языков Н. М. 357
 Якимова А. В. 330
 Якоби А. Н. см. Толиверова-Пешкова А. Н.
 Якоби В. И. 376, 377
 Якобсен (Jacobsen) И. П. 320
 Якубович П. Ф. 329
 Якушкина Е. М. 462, 480
 Ярмолинский (Jarmolinsky) А. 308
 Ямпольский И. Г. 208—209
 Яценко И. 337, 339
- Albalat A. 517
 Arban D. 244
- Bateson F. W. 213, 215
 Book F. 328
 Bucketoff-Turkewich L. 239
 Bull Fr. 328
- Calving V. 322
- Dibelius W. 215
- Fjord-Jensen J. 319—324
 Fr. P. 287
- Guenot C. 275
- Kamras H. 328
 Keefer L. 275
- Larousse P. 213
 Leroy-Beaulieu A. 383
 Levander H. 328
- Mac Lean K. 219
 Mansuy M. 513, 514
 Modzalevsky L. N. 286
 Mourier J. 349
- N. 391
 N. N. 246
 Nilsson T. 326
 Nimrod — псевдоним Эпперли Чарлза
- Rimmestad Chr. 323
- Skram E. 320
 Steinert W. 222
 Szymdtowa Z. 239
- Tallon J. E. см. Фалло
 Tigersciöld B. 320
- Walter R. V. 309
 Werin A. 328

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Автограф И. С. Тургенева 1847 г. на форзаце книги Сервантеса «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский». 1839. Из библиотеки В. А. Десницкого. Государственная библиотека им. В. И. Ленина (Москва)	239
«Дым», французский перевод Тургенева. Страница черного автографа. 1867. Национальная библиотека (Париж)	251
Список билетов, полученных И. С. Тургеневым от А. Л. Неваховича. 1844. Государственный музей И. С. Тургенева (Орел)	353
Письмо И. П. Борисова к И. С. Тургеневу от 10 (22) января 1865. Вторая страница. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград)	379
«Иван Тургенев». Первая страница биографического очерка из журнала «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft», Лейпциг, 1869, Bd. III, Hf. 5	387
Письмо И. С. Тургенева к М. Д. Хмырову от 8 (20) октября 1868. Первая страница. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград)	389
И. С. Тургенев. Бюст работы М. М. Антокольского. 1880. Терракота. Государственный Русский Музей (Ленинград)	396—397
И. С. Тургенев. Портрет, обрамленный сенами из десяти его произведений, работы С. И. Лаврентьевой. 1883. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград) . . .	534—535

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ТЕКСТЫ	
«Дневник лишнего человека». Черновой автограф (<i>А. Н. Дубовиков</i>)	5
«Призраки». Черновой автограф (<i>А. П. Могилянский</i>)	112
«Степной король Лир». Черновой автограф (<i>Л. М. Лотман</i>)	147
МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И. С. ТУРГЕНЕВА	
«Стено». Об одной ремарке в тексте драматической поэмы (<i>И. Г. Ямпольский</i>)	208
Стихотворение Тургенева «Перед охотой» и «Псовая охота» Н. А. Некрасова (<i>И. Г. Ямпольский</i>)	209
Заглавие «Записки охотника» (<i>М. П. Алексеев</i>)	210
«Дневник лишнего человека». Заметка к комментарию (<i>М. П. Алексеев</i>)	218
Список пьесы «Вечер в Сорренте» (<i>И. Т. Трофимов, Т. Г. Анохина</i>)	223
Тема крымского ополчения 1855 года у Тургенева (<i>Н. М. Чернов</i>) . .	225
«Дворянское гнездо». О реальных истоках образа Михалевича (<i>Г. Н. Антонова</i>)	228
«Накануне» и «Путевые записки о славянских землях» Е. П. Ковалевского (<i>Б. А. Вальская</i>)	235
«Гамлет и Дон-Кихот». О некоторых возможных источниках речи Тургенева (<i>А. Я. Звигильский</i>)	238
«Гамлет и Дон-Кихот». Некоторые отклики на статью Тургенева (<i>Ю. Д. Левин</i>)	245
«Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа (<i>Р. М. Горюхова</i>)	250
«Дым». Тургенев и Писемский. (Еще раз о «гейдельбергских арабесках») (<i>И. А. Винникова</i>)	261
«Мирович». Сценарий Тургенева (<i>М. П. Алексеев</i>)	265
«Воспоминания о Белинском» и «Речь о Пушкине». Тургенев о предметности в развитии русской критики (<i>Т. А. Никонова</i>)	276
Юлиан Шмидт о творчестве Тургенева (<i>Г. Ионас</i>)	280
«Последний колдун». Рижская постановка оперетты (<i>Г. Швириц</i>) . . .	285
«Живые мощи». Житийная традиция и «легенда» о Жанне д'Арк в рассказе Тургенева (<i>Н. Ф. Дробленкова</i>)	289
«Вешние воды». Статья и письмо Б. М. Маркевича о повести Тургенева (<i>В. А. Громо</i>)	303

«Крбкет в Виндзоре». К истории иностранных переводов стихотворения (В. Н. Стефанович)	305
«Новь». В поисках «сильного героя». (Из творческой истории романа) (Н. Ф. Буданова)	310
«Новь». О заглавии, эпитафие и некоторых реальных источниках романа (В. А. Громов)	313
«Стихотворения в прозе» и скандинавские писатели (Д. М. Шарышкин)	318
«Порог». К истории распространения в России стихотворения Тургенева (Л. Н. Афонин)	329
Лексикологические заметки к текстам Тургенева (Т. А. Никонова, М. А.)	333

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМАМ И. С. ТУРГЕНЕВА
И БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Предки Тургенева (Б. В. Богданов)	345
Автограф Тургенева и записка Л. Виардо (А. И. Понятовский)	352
Гоголь и Тургенев (В. А. Громов)	354
1. Тургенев — слушатель лекций Гоголя по истории	354
2. Гоголь о «Записках охотника»	356
3. Записи в «Дневнике» Ф. И. Буслаева о смерти Гоголя и аресте Тургенева	358
Тургенев в кругу петербургских украинцев (Т. П. Голованова)	363
Тургенев и М. А. Маркович (Б. Б. Лобач-Жученко)	374
«Швальери» в Орле (Н. М. Чернов)	377
Речь Тургенева на обеде 19 февраля 1863 года (Т. И. Орнатская)	380
Из документов о «деле 32-х». (Письмо В. А. Долгорукова к Д. Н. Замятину) (Л. И. Кузьмина)	384
К автобиографии Тургенева (И. А. Битюгова)	385
Отклик П. В. Анненкова на несостоявшийся юбилей Тургенева в 1875 г. (Н. Н. Мостовская)	391
Тургенев и М. М. Антокольский (Л. И. Кузьмина)	393
Тургенев — издатель писем Пушкина к Н. Н. Пушкиной (Н. В. Измайлов)	399
Письмо Тургенева Киевскому драматическому обществу (Н. Н. Фолыкова)	416
Тургенев и Н. Н. Толстой (Н. П. Пузин)	419
Утраченные письма И. С. Тургенева (1877—1883 и дополнения) (Н. А. Хмелевская)	429

ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ И ПИСЬМА О НЕМ

И. П. Борисов (Н. А. Хмелевская)	481
Ипполит Тэн (А. В. Муратов)	513
Тургенев в письмах М. Г. Савиной к А. В. Топорову (Г. В. Степанова)	518
Из переписки В. В. Матэ с В. В. Стасовым о Тургеневе (Л. И. Кузьмина)	532
Тургенев в письме С. И. Лаврентьевой к А. Ф. Кони (Н. Н. Мостовская)	534
Условные обозначения и сокращения	537
Указатель произведений И. С. Тургенева	541
Указатель имен	543
Список иллюстраций	555

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА. V

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)*

Редактор издательства *А. Л. Лобанова*
Художник *М. И. Разумевич*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *К. И. Видре, Э. В. Коваленко,*
В. А. Пузинов и Г. И. Шер

Сдано в набор 25/IX 1968 г. Подписано к печати
13/II 1969 г. РИСО АН СССР № 5а—151. Формат
бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 17⁵/₈. Печ. л. 35+2 вкл.
(¹/₄ печ. л.) = 35,25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 36.16.
Изд. № 4029. Тип. зак. № 1336. М-12181.

Тираж 4000. Бумага № 1.

Цена 2 р. 48 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука», Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

**В магазинах конторы «Академкнига»
имеются в наличии книги:**

**Бюллетень Рукописного отдела Пушкинского дома.
Вып. 9. Рукописи, переписка и документы М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1961. 206 стр. Цена 1 р. 19 к.**

**Временник Пушкинской комиссии за 1962 год. 1963.
106 стр. Цена 50 к.**

**Из истории русских литературных отношений XVIII—
XX веков. 1959. 449 стр. Цена 50 к.**

**Описание изобразительных материалов Пушкинского
дома.**

Том 3. Л. Н. Толстой. 1954. 391 стр. Цена 50 к.

Том 4. И. С. Тургенев. 1958. 379 стр. Цена 1 р. 96 к.

**Том 5. И. А. Гончаров. Ф. М. Достоевский. 1959. 289 стр.
Цена 50 к.**

Том 6. А. Н. Островский. 1960. 229 стр. Цена 50 к.

**Описание рукописей художественных произведений
Л. Н. Толстого. 1955. 634 стр., 19 вкл. Цена 50 к.**

**Прийма Ф. Я. Шевченко и русская литература
XIX века. 1961. 411 стр. Цена 1 р. 79 к.**

**Пруцков Н. И. Творческий путь Глеба Успенского.
1958. 189 стр. Цена 20 к.**

**Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей
Всесоюзной конференции. 1953. 464 стр. Цена 40 к.**

**Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В шестнад-
цати томах.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

**В магазинах конторы «Академкнига»
имеются в наличии книги:**

Том 9, кн. 1. История Пугачева. 1950. 485 стр., 8 вкл.
Цена 1 р. 50 к.

Том 15. Переписка. 1832—1834. 1948. 391 стр., 9 вкл.
Цена 50 к.

Том 16. Переписка. 1835—1837. 1949. 503 стр., 9 вкл.
Цена 50 к.

**Справочный том к полному собранию сочинений
А. С. Пушкина. Дополнения и исправления. Указатели.
1959. 578 стр. Цена 1 р.**

**Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом
после 1937 года. Краткое описание. 1964. 112 стр. Цена 45 к.**

*Ваши заказы на книги издательства «Наука» просим направлять
по адресу:*

**Москва, В-463, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга —
почтой» Центральной конторы «Академкнига».**

**Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57, «Академкнига»,
магазин «Книга — почтой».**